ПАВЕЛ АПТЕКАРЬ

Красное солнце

Секретные восточные походы РККА

ПАВЕЛ АПТЕКАРЬ

Красное солнце

Секретные восточные походы РККА

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2021

УДК 930
ББК 63.3(2)
А 77

Оформление переплета М. Левыкина

Аптекарь, Павел Александрович
А 77 Красное Солнце. Секретные восточные походы РККА. — М. : Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2021. — 656 с.

ISBN 978-5-6043328-6-3

Эта книга посвящена секретным походам Красной армии и флота, пограничных и внутренних войск НКВД на восток и юго-восток от границ Советской России и СССР. Поскольку обстоятельства походов в Иран, Афганистан и Синьцзян долгое время тщательно скрывались, эти экспедиции до сих пор остаются малоисследованными страницами отечественной истории. Только в последние годы исследователи смогли получить доступ к архивным документам.

Между тем, события на севере Ирана и Афганистана и на северо-западе Китая серьезно влияли на положение на периметре советских границ в предвоенный период и на международную ситуацию во время Великой Отечественной войны, в том числе на безопасность важных регионов СССР, а также на поступление вооружения и военной амуниции от союзников. Эти события заслуживают детального и объективного описания, а их участники, в том числе погибшие на чужой земле — памяти соотечественников.

Сегодня эти регионы вновь начинают серьезно влиять на политическую жизнь России, и исторический опыт прошлого необходимо серьезно изучать.

УДК 930
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6043328-6-3

© Аптекарь П. А., 2021
© Издательство «Пятый Рим»™, 2021
© ООО «Бестселлер», 2021

Предисловие

Секретные экспедиции частей и соединений Красной армии и действовавших совместно с ними пограничных и внутренних войск ОГПУ-НКВД на территории современных Ирана, Афганистана и северо-западной провинции Китая, Синьцзяна, — это цепь увлекательных и драматичных событий в 1920–1940-х гг., когда Вооруженные силы выполняли миссии, решаемые обычно разведчиками и дипломатами. Командиры и красноармейцы выполняли сложные боевые задачи в тяжелых климатических и природных условиях и погибали в далеких странах, чтобы сохранить власть местному правителю или, напротив, свергнуть неугодный Москве режим.

Тайные, или, как сейчас модно выражаться, «гибридные» войны, когда регулярные войска или большие группы военнослужащих вооруженных сил, как правило, замаскированные под повстанцев или национальную армию, выполняют военно-политические миссии на территории другой страны, стали распространенным явлением в прошедшем XX и наступившем XXI веках. Они вызваны стремлением руководства государства решить важные задачи неофициально, не вызывая негативной реакции других заинтересованных сторон сложносочиненного конфликта.

Царская Россия и коммунистический Советский Союз пытались, сочетая военные, экономические и дипломатические усилия, решать разные задачи — от обеспечения действий Кавказского фронта Первой мировой, безопасности границ и торговли до экспорта революции.

В большинстве этих историй советское руководство во главе с Владимиром Лениным и Иосифом Сталиным выглядит прагматиком, готовым отказаться от романтического флера «мировой революции» ради решения текущих задач внутренней и внешней политики. Оно пожертвовало проектом Гилянской советской республики на севере Ирана ради мирного сосуществования с Западом, поддерживало дружественные отношения с афганскими монархами ради сохранения стабильности в Средней Азии в ущерб интересам местных революционеров.

Когда Кремль считал выгодным, он отказывался от поддержки прежнего партнера и союзника и переходил на сторону его противника, с которым недавно воевала Красная армия. Так было в Синьцзяне: части Красной армии и войск ОГПУ дважды помогали провинциальному правительству подавить антикитайское вооруженное восстание местных народов, исповедовавших ислам, но в 1944 году Москва поддержала их выступление против скомпрометировавшего себя в ее глазах местного правителя.

Советские военные экспедиции на юго-востоке были секретными, что сказалось на судьбах их участников. Они до последних дней вынуждены были молчать о своем участии в боевых действиях за границей, их не признавали участниками войны, а родственники погибших могли лишь догадываться об обстоятельствах смерти близких.

Мы до сих пор не знаем о масштабах потерь личного состава в ходе этих операций, хотя, по всей вероятности, они не были очень большими. В фундаментальном исследовании «Гриф секретности снят» о них не говорится вовсе. Не исключено, что погибшие в походе в Афганистан в 1929 году включены в цифры потерь борьбы с басмачеством в Средней Азии.

И, наконец: боевые действия советских войск на Востоке в 1920–1940-х гг. — основа для увлекательного «истерна», яркого фильма или сериала, который при хорошей работе сценариста, режиссера и актеров увлечет зрителей сочетанием драматизма, интересных сюжетных поворотов и местного колорита не меньше «Тегерана-43», «Девятой роты» или произведений зарубежного кино.

Глава 1

Замаскированная интервенция

В августе 1907 г. Россия и Великобритания заключили соглашение, разделив сферы влияния в Персии. В сферу российского влияния входила северная часть Персии, выше параллели, проходящей через город Хамадан. Дальше к югу шла полоса, которая объявлялась нейтральной. От города Шираза начиналась сфера британского контроля. С согласия Великобритании Россия контролировала персидские провинции Гилян, Мазендеран и Северный Азербайджан, окрестности столичного Тегерана и города Мешхеда в Хорасане, примыкавшего к Туркестанскому краю, взяв на себя поддержание спокойствия в северных провинциях одряхлевшей монархии.

Россия внимательно следила за ситуацией в иранском Азербайджане и Гиляне, где находился важный для отечественной торговли порт Энзели. Шахское правительство оказалось бессильно подавить массовые волнения в Тавризе и Реште, где революционеры-федаи убили губернатора, а затем, объединившись с племенами бахтиаров, выступили на Тегеран.

В Петербурге опасались, что повстанцы и местные жители атакуют консульства России и европейских государств и коммерческие предприятия, принадлежащие иностранцам. 20 апреля 1909 года Главный Штаб поручил командованию Кавказского военного округа сформировать отряд, способный защитить русских и других ино-

странных подданных в Тавризе, и форсированным маршем выдвинуть его в столицу иранского Азербайджана.

Вскоре был организован отряд под командованием генерал-майора Ивана Снарского, состоявший из двух батальонов стрелков 1-й Кавказской бригады, которую возглавлял Снарский, двух сотен 1-го Полтавского Кубанского казачьего полка и двух сотен 1-го Сунженско-Владикавказского Терского казачьего полка, и трех батарей — скорострельной, горной и гаубичной. Кроме того, отряду придали саперную роту, которая должна была обеспечивать постройку переправ и укреплений и при необходимости становиться пехотным резервом. Уже к концу апреля отряд прибыл на приграничную станцию Джульфа и изготовился перейти через Аракс в Персию. Он был немногочисленным, но хорошо приспособленным к маневренным действиям в незнакомой местности по скверным дорогам, быстрым марш-броскам, стремительным ударам и отходу в случае превосходства противника, организации боевого охранения, способного предупредить внезапные нападения разбойников и революционеров.

Командир отряда получил из Тифлиса четкие инструкции о действиях на персидской территории. Они предписывали военным общаться с местными властями и населением только через дипломатов, требовали очищения мест временной дислокации от разбойников, запрещали вмешиваться в борьбу между правительственными войсками и повстанцами и позволяли войсковым начальником немедленно применять оружие при возникновении опасности.

Одновременно с частями Кавказского военного округа в Персии, в ее Хорасанский остан, вводились войска Туркестанского округа. В провинции были усилены консульские конвои и посты на главных дорогах. В июне месяце в столицу остана Мешхед ввели усиленную сотню 1-го

кубанского Таманского казачьего полка. Подразделения казаков и туркменской милиции расположились в приграничной части Хорасана. Ввод войск в Хорасан прекратил грабежи на дорогах, в которых участвовали туркмены-иомуды и солдаты регулярной армии. В Мешхеде казаки-таманцы однажды применили пулеметы, чтобы рассеять горожан, пытавшихся помешать им войти в помещение Русско-персидского банка. После этого местные власти при содействии русских подразделений разоружили повстанцев. Разбой в провинции вскоре резко сократился, поскольку в угрожающих ситуациях казаки применяли оружие.

Экспедиция против революции

Однако ситуация потребовала более масштабного вмешательства, чем первоначально предполагали в Санкт-Петербурге и Тифлисе. Надежды на то, что персидская армия поможет в подавлении беспорядков, не оправдались. Хаос в стране продолжал расти. Это вынудило усилить экспедицию. В июне 1909 года отряд Снарского пополнил 1-й Лабинский кубанский казачий полк в составе шести сотен. Из Баку в Энзели переправлялись кубанский 1-й Лабинский казачий полк, 206-й пехотный Сальянский полк 52-й пехотной дивизии. Из Энзели Лабинский полк перешел в Казвин, город на полпути из Тавриза и Решта в Тегеран. Казвинским отрядом командовал начальник 2-й Кавказской стрелковой бригады генерал-майор Константин Довбор-Мусницкий, в сентябре 1910 г. его сменил генерал-майор Афако Фидаров из Терского войска, знаток восточных языков, прежде служивший инструктором Персидской казачьей бригады. Экспедиционные войска летом 1909 года взяли под контроль ключевые дороги от границы к Тегерану. Их охрана обеспечивалась казачьи-

ми постами, имевшими достаточно надежную связь друг с другом. Купеческие караваны, перевозившие товары, сопровождали казачьи конвои. Это резко сократило нападения разбойников.

В конце 1909 года обострилось положение в приграничном городе Ардебиле, в окрестностях которого проживали племена шахсеванов. Их вожди потребовали от российского консула сдать оружие и боеприпасы казачьего конвоя, охранявшего консульство. В ответ в город направили отряд из пехотного батальона, двух сотен 1-го Полтавского кубанского полка при двух пулеметах и двух орудиях численностью около 700 человек. Однако в таком составе Ардебильский отряд не сумел замирить приграничный район. В конце ноября его усилили 16-м гренадерским Мингрельским полком, горной батареей и четырьмя сотнями 1-го Полтавского казачьего полка.

Кучек-хан, Эхсанулла и другие будущие участники событий 1920–1921 гг. активно участвовали в революции 1908–1909 гг. Отряды федаев заняли Казвин и Решт и намеревались двинуться на Тегеран, но потерпели поражение в первом столкновении с правительственной армией. Однако, соединившись с отрядами племени бахтиаров, революционеры-конституционалисты 20 июня 1909 года двинулись на Тегеран и 1 июля вошли в столицу. Городская полиция и охрана шахского дворца были рассеяны, а находившийся в столице полк персидских казаков (около 400 человек) был блокирован в казармах. Шах с семьей скрылся в летней загородной резиденции.

Начались переговоры с повстанцами, которые вели английский и русский посланники. Созванный 3 июля Чрезвычайный верховный совет низложил шаха Мохаммеда Али и объявил монархом 14-летнего Султан Ахмеда при регентстве одного из принцев. В новый кабинет вошли

некоторые деятели национального движения, а полицмейстером Тегерана был назначен один из лидеров федаев уроженец русской Армении Ефрем Давитьянц. Другие прибывшие из России боевики отказались от предложенных им постов в исполнительной власти и должностей в казачьей бригаде. Победа федаев обернулась новым торжеством Средневековья — виселицами, на которых казнили некоторых чиновников и приверженцев свергнутого шаха, что вызвало протесты повстанцев — выходцев из России и других европейских государств.

Революционный меджлис постепенно распался на радикальную и умеренную фракции, в декабре депутаты совместно с правительством распорядились распустить федаев, желающие могли остаться на военной службе, а остальные получили право отправиться домой после сдачи оружия. Однако многие федаи отказались разоружиться даже после решения парламента о выделении значительных средств на выплату жалования. Началась междоусобная война, в ходе которой были убиты многие лидеры федаев. Стрельба и взрывы на улицах вызывала растущее недовольство горожан и стремление правительства восстановить общественный порядок. 20 июля 1910 года меджлис дал правительству чрезвычайные полномочия на разоружение населения, в том числе с применением военной силы. К сентябрю крупные отряды были распущены, сопротивление некоторых пытавшихся сохранить оружие групп было подавлено.

Однако усмирение федаев не принесло успокоения. В ноябре 1910 г. вспыхнул мятеж приверженцев бывшего шаха, в ходе подавления которого персидские жандармы заняли здание генконсульства и имения одного из принцев. Вскоре выяснилось, что имения находятся в аренде русских подданных и были заложены в российском Учетно-ссудном банке. Петербург предъявил Тегерану

ультиматум немедленно удалить жандармов и принести извинения. Первоначально он был отвергнут, но вскоре новый министр иностранных дел принес извинения и отозвал жандармов, тем не менее российский МИД потребовал уволить иностранцев, бывших инициаторами конфискации имений принца, а также не назначать на госдолжности подданных других стран без согласования русского и британского посольств и, наконец, возместить расходы на русскую военную экспедицию в северную Персию. Жесткий диктат возмутил Персию, Тегеран отказался удовлетворить российские притязания, в столице начались антирусские и антибританские манифестации. В ответ русские войска приступили к оккупации северной части страны. 11 декабря шах объявил о роспуске меджлиса и запретил выпуск ряда газет либерального и демократического направления.

В декабре 1909 года, после бегства разгромленных федаев из приграничных районов, обстановка на севере Персии на первый взгляд стабилизировалась. Штаб Кавказского военного круга вернул в российские пределы большую часть Ардебильского отряда. К началу 1910 года там оставалось по батальону мингрельских гренадер и сальянцев, горная батарея и две сотни казаков. Этого хватало, чтобы контролировать ситуацию на севере Восточного Азербайджана.

Однако в других провинциях ситуация ухудшилась. «Секретная Персидская экспедиция» потребовала от Кавказского округа значительно больше сил, чем предполагалось сначала. К декабрю 1911 года на территории Персии находились в общей сложности 8 русских экспедиционных отрядов. Наиболее крупными из них были Тавризский в составе 11 батальонов и 9,5 казачьих сотен при 22 пулеметах и 2 орудиях (им командовал начальник 2-й Кавказской стрелковой бригады генерал-майор Нико-

лай Воропанов) и Казвинский (11 стрелковых и пехотных батальонов, 10 казачьих сотен, 16 пулеметов, 12 орудий) под командованием начальника 1-й бригады Кавказской гренадерской дивизии генерал-майора Василия Габаева (Габашвили). Ардебильский отряд возглавлял генерал-майор Фидаров. Всего в декабре 1911 года экспедиционные отряды Кавказского ВО в Персии насчитывали 25 батальонов и 1 роту пехоты, 25 казачьих сотен, 2 саперные роты, 2 саперные команды, телеграфную ротау при 38 полевых и горных орудиях и 42 пулеметах.

В северо-восточной части Персии (в остане Хорасан) экспедиционные войска были сведены в четыре отряда под общим командованием генерал-майора А.Е. Редько, начальника 4-й Туркестанской стрелковой бригады. Туркестанцев было существенно меньше, чем кавказцев: два стрелковых батальона, 10 казачьих и туркменских сотен, 10 орудий и около 20 пулеметов.

Указывалось особо на необходимость устанавливать «правильные» отношения с местным духовенством, уважать религиозные чувства местного населения, «не нарушать покой» мусульманских святынь.

С началом «секретной Персидской экспедиции» встал вопрос об ее обеспечении. Провиант в большей части закупался на местах. Санкт-Петербург и Лондон предъявили персидскому правительству ультиматум о возмещении понесенных расходов. Российские требования Тегерану были опубликованы в газете «Русский инвалид» в ноябре 1911 года. В них, в частности, было указано: «...Размеры причитающейся нам суммы и способы ее уплаты будут установлены дополнительно, после получения ответа персидского правительства».

Меджлис на заседании в ноябре 1911 года отверг требования из-за их унизительного характера и отсутствия средств в персидской казне. Это дало кавказскому на-

местнику повод принять решение о вводе на территорию сопредельной страны новых экспедиционных войск. Впрочем, такие требования и отказ от их выполнения большого дипломатического конфликта не вызвали. Усиление экспедиционных войск был вызвано активизацией операций против полукочевых воинственных шахсевенских племен в северной Персии.

Шахсевены (всего до 60 тысяч человек) на начало XX века заселяли северо-восточную часть иранского Азербайджана, занимая земли между горным хребтом Савелан и городом Ардебилем. Мужчины-шахсевены были поголовно вооружены, племена могли выставить до 12 000 всадников. Даже в присутствии русских войск шахсевены продолжали разбойничать рядом с крупными городами и периодически пытались прорваться через русско-персидскую границу. В отсутствие у шаха боеспособной военной силы шахсевены активизировались и пытались расширить «кормовую базу» для разбоя, выходя за пределы традиционной сферы проживания.

Русские экспедиционные войска столкнулись с шахсевенами в окрестностях города Ардебиля, для их замирения потребовались дополнительные силы Кавказского округа. Командир отряда, осетин мусульманского вероисповедания Афако Фидаров, сурово подавлял любые проявления враждебности к русским. Купца, который отказывался продавать товары и продукты военным или угрожал на базаре, немедленно арестовывали, его лавку конфисковывали и запрещали торговлю. Нападения на чинов экспедиционного отряда карались военно-полевым судом, а в случае безуспешных поисков преступников наказывался весь квартал или селение, где было совершено вооруженное нападение. После замирения Ардебиля и окрестных шахсевенов волнения вспыхнули в Тавризе, где жили мно-

гие кавказские боевики из числа приверженцев левых и националистических партий, бежавшие после подавления революции в России.

4 декабря федаи при поддержке «русских» боевиков начали восстание в столице персидского Азербайджана. Первый серьезный бой произошел у городского каравансарая, на крышах которого засели федаи, обстрелявшие казаков и гренадер. Русским пришлось выбивать численно превосходившего противника с крыш. В других эпизодах стрелявшие по русским боевики скрывались в лабиринтах узких улиц. Начальник Тавризского отряда, командир 1-го кавказского полка Виктор Чаплин не сразу решился применить артиллерию, только после сосредоточения федаев в местной цитадели он распорядился открыть огонь. Русские солдаты и казаки выдержали ряд тяжелых боев с федаями, обороняя занятые дипломатическими учреждениями и воинскими частями здания.

С утра 8 декабря начался обстрел российского консульства, которое защищал консульский конвой из 18 казаков и небольшой группы гренадер. Когда федаи попытались поджечь конюшню, подъесаул Федоренко с 12 казаками зашел в тыл разводившим огонь федаям и обратил их в бегство

Штаб Кавказского военного округа отправил Тавризскому отряду срочную помощь. 13 декабря к городу выдвинулись 5-й Кавказский стрелковый полк с четырьмя горными орудиями и сотней Терского Горско-Моздокского полка и 10-й кубанский Полтавский казачий полк. Усиленный артиллерией 5-й стрелковый полк занял штурмом глинобитные тавризские стены. После боя на стенах насчитали до 60 убитых персов и подобрали 15 новых винтовок разных систем.

После подхода подкреплений тавризцы опасались штурма города. 14 декабря в 15 часов на крышах домов поднялись белые флаги, а над цитаделью взметнул-

ся российский триколор. Население, опасаясь убытков вследствие уличных боев, прекратило сопротивление. В ходе подавления восстания в Тавризе войска Кавказского округа понесли значительные потери. В донесении штаба Кавказского военного округа в Главное управление Генштаба указывалось, что убиты офицер и 38 нижних чинов, ранены 5 офицеров и 46 нижних чинов. Потери федаев и примкнувших к ним горожан неизвестны, но они превышали русские.

Восстание в Тавризе вспыхнуло одновременно с мятежом в городе Урмия, центре остана Западный Азербайджан. Вожди федаев сагитировали местных курдов прервать телеграф и связь Урмии с хойским отрядом экспедиционых войск. В ответ российский вице-консул в Урмии организовал патрулирование города казачьими разъездами и намекнул губернатору, что с началом враждебных действий его арестуют.

Хойский отряд усилили несколькими казачьими сотнями. Их патрули взяли под контроль дорогу из Хоя в Урмию. Это вынудило местных федаев и курдские племена прекратить нападения на русские войска и учреждения.

В тот же момент вспыхнули беспорядки в Реште, центре провинции Гилян. Когда русские экспедиционные войска вступили в город, он был во власти повстанцев. После ввода русских войск обстановка ненадолго успокоилась, но 8 декабря горожане стали забрасывать патрули камнями и стреляли по ним из домов.

К вечеру казаки и пехотинцы восстановили контроль над Рештом. Когда стало ясно, что мятеж подавлен, рештский полицмейстер бежал из города, а его вожди укрылись в турецком консульстве. События в столице Гиляна закончились изъятием оружия из местного арсенала и изгнанием «мятежников» из караван-сарая, превращенного ими в свою штаб-квартиру. Наконец, в резиденции губернатора

был обнаружен значительный арсенал оружия и боеприпасов. Начальник Казвинского отряда генерал-майор Василий Габаев (Габашвили) докладывал командующему Кавказским округом, что подразделения Шемахинского полка изъяли в губернаторском доме по 3 горных и полевых орудия, мортиру, более 1000 винтовок разных систем и около 5000 патронов к ним, а также склад бомб и 62 ящика с артиллерийскими снарядами.

Сложная обстановка сложилась и в портовом городе Энзели. Неизвестные убили начальника местной полиции и нанесли четыре смертельных ранения губернатору, а также обстреляли патруль 205-го пехотного Шемахинского полка, ранив двух человека. Стрелявшие в патрульных мятежники укрылись в мечети. Началась перестрелка, в которой кроме пехотинцев участвовали казаки 1-го Терского Кизляро-Гребенского полка, атаковавшие скопление персов.

После этого русские взяли город под контроль и реквизировали несколько складов с оружием и патронами. Ввиду обострения экипаж канонерской лодки «Красноводск» взял под охрану консульство и торговые учреждения, но уличные стычки между патрулями и горожанами продолжались, а имущество большинства русских торговых компаний было разграблено. В Энзели солдаты и казаки изъяли 165 ружей разных систем, значительное количество боеприпасов.

В близком от Решта городе Казвине до вспышки насилия не дошло благодаря решительным действиям командования экспедиционного отряда. Оно организовало контроль въезда в города и разделило его на несколько участков, местным полицейским придали воинские команды.

После подавления мятежей командование округа предложило императору наградить несколько сотен офице-

ров и солдат, участвовавших в походе в Персию, поставив в неудобное положение военное министерство и монарха: мужество и распорядительность, проявленные чинами экспедиционных войск, следовало отметить, но массовое награждение означало бы официальное признание властями факта масштабной военной экспедиции, которую Петербург не торопился признавать. После некоторых колебаний Николай II наградил орденами и золотым оружием более 60 офицеров, участвовавших в персидской кампании, в том числе 35 — 1-го Кавказского стрелкового полка, оказавшегося в самом пекле восстания в Иранском Азербайджане. В марте 1912 года персидским властям удалось заманить вождя шахсевенов Мамед-кули-хана (он сам именовал себя шахом) в ловушку и арестовать его вместе с 9 сподвижниками при помощи российских военных, которые передали их шахскому правительству. Вскоре все они были повешены.

Штаб округа и Генштаб были готовы возвратить большую часть войск на территорию России, но опасались, что их вывод будет воспринят местным населением как проявление слабости и вызовет новый виток насилия.

Слабостью персидских властей пыталась воспользоваться Турция, части турецкой армии ввели около 6000 солдат и офицеров при 12 орудиях. К началу 1912 года они заняли проходы на горных перевалах между Хоем и Дильманом и территорию к западу от караванного пути Хой-Урмия.

Командование русских экспедиционных войск из состава Кавказского военного округа приняло незамедлительное решение вытеснить турок из иранского приграничья. Генерал Евгений Масловский, бывший тогда начальником штаба одного из отрядов в иранском Азербайджане, писал, что русские подразделения скрытно

подходили к турецким заставам и затем занимали позиции, угрожая окружением и прекращением связи турок от турецкой границы. Турки, опасаясь боевых столкновений с русскими, очистили западный Азербайджан к июню 1912 года. Присутствие экспедиционных отрядов сохранило персидский суверенитет на спорной территории и предотвратило резню местного христианского населения.

Летом 1912 года наместник на Кавказе граф Илларион Воронцов-Дашков намеревался отозвать из Персии большую часть войск, оставив для контроля за ситуацией в ней отряды общей численностью 8300 человек в Энзели, Реште, Тавризе, Ардебиле и Хое.

Однако командиры экспедиционных отрядов и начальник штаба округа генерал-лейтенант Николай Юденич возражали против вывода войск, опасаясь, что это вызовет новую вспышку насилия, особенно в Хорасане, где местные власти способствовали вооружению жителей, в том числе туркменских племен, современными винтовками и их снабжению патронами.

К лету 1912 года в Персии полностью или частично располагались 11 стрелковых и пехотных полков, два отдельных батальона, 10 казачьих конных полков и три сотни при 50 пулеметах и 46 орудиях. Боевые действия против шахсевенов и курдов продолжались. Те и другие провоцировали не только стычки с русскими отрядами, но и ответные карательные действия, чтобы возбудить недовольство населения. Воронцов-Дашков отмечал: «...Имея дело с кочевниками, надо знать, что среди них мирных от немирных отличить трудно и консулы то и дело, по примеру экспедиций в 1909–1911 годах, будут останавливать действия отряда, указывая на жестокость, а между тем иной войны с разбойничьими кочевыми племенами Шахсевен не может быть, как только жечь их селения, истреблять имущество и угонять стада».

Весной и летом 1912 года Ардебильский отряд под командованием Афако Фидарова запер часть шахсевенов в горах и отрезал их от привычных кочевий Муганской степи (на русской территории). Оказавшись перед угрозой потери пастбищ и скота, кочевники сложили оружие. Однако лишь в конце 1912 года после серии экспедиций и успешных для русских боев шахсевены сдали оружие и дали клятву не вести враждебных действий против русских, которую соблюдали в течение Первой мировой войны. Гарантией умиротворения стало направление в Ардебиль 22 заложников, ханов и беков.

Нарастание напряженности накануне Первой мировой войны сказывалась и в Персии. Турецкие военачальники и разведчики регулярно появлялись на сопредельной территории, выясняя обстановку и изучая манеру действий русских экспедиционных войск. Русские, в свою очередь, изучали ситуацию на территориях, заселенных курдами, опасаясь, что они присоединятся к соплеменникам, живущим в Османской империи. Беспорядкам и мятежам способствовала открытая граница между Персией и Турцией.

В Тифлисе и в Санкт-Петербурге накануне войны опасались появления турецких войск в Иранском Курдистане и западной части Южного (Персидского) Азербайджана, трезво оценивая возможности русских войск в Персии. При этом боеспособность шахской армии, в том числе персидской казачьей бригады считалась низкой, русские генералы понимали, что они не смогут выстоять в столкновении с регулярными турецкими войсками. Поэтому дипломаты и военые настаивали на сохранении русских войск в Персии: «...На наших войсках будет по-прежнему лежать обязанность сдерживать... турецкие наступления... а равно им придется оказывать поддержку персидским казакам в их столкновениях с более значительными массами курдов, преимущественно турецких».

Персидский фронт Великой войны

После объявления войны Германии и Австро-Венгрии выступление Турции на их стороне стало неизбежным. Поэтому командование Кавказского округа стремилось сосредоточить войска из внутренних военных округов, а также из Туркестанского, на Кавказе. Это была ротация, необходимая замена дивизий бригад, убывших оттуда на германский фронт.

Вместе с армейскими частями на Кавказ перебрасывали и казачьи полки. В начале сентября 1914 года Закаспийская казачья бригада, усиленная 1-м Терским Горско-Моздокским полком, пересекла вброд пограничную реку Аракс и двинулась в глубь Персии. Достигнув городка Маку, закаспийцы вместе с кавказскими стрелками приступили к охране границы, поскольку шахская погранстража на этом участке отсутствовала.

К октябрю 1914 года кавказских стрелков сменили пластуны-кубанцы из 12-го батальона 2-й Кубанской пластунской бригады генерал-майора И.Е. Гулыги и 2-й Кавказской казачьей дивизии.

Вскоре после налета турецкого флота на черноморские порты России 16 октября 1914 года боевые действия начались и на Кавказе. 19 октября 1914 года Илларион Воронцов-Дашков отдал приказ перейти границу и атаковать турецкие войска. Находившийся на персидской территории Макинский отряд также получил распоряжение о начале боевых действий и выступлении на Баязет в ночь на 20 октября. Уже на рассвете закаспийцы после короткого, но жаркого боя заняли городок Гюрджи-Булах, вскоре русские войска были уже под Баязетом, но в тылу, на персидской территории, постоянно находились отряды казаков для охраны обозов от налетов курдских банд.

Персию мало касались события на ключевых театрах Первой мировой. Тем не менее участники Великой войны строили большие планы по использованию ее территории. Турция и Германия намеревались проникнуть через Персию на русский южный Кавказ и в Среднюю Азию с целью их дестабилизации, а также переправить отдельные отряды и инструкторов для организации антианглийских восстаний в Афганистане и британской Индии.

Тегеран с началом войны официально заявил о строгом нейтралитете. Петроград и Лондон к такому заявлению отнеслись с должным уважением. Тем не менее немецкая и турецкая разведки пытались организовать антирусские и антибританские выступления в Персии. Центрами панисламистской и антирусской агитации стали Тегеран, Исфаган и Теббес.

Серьезную угрозу русским и британским интересам в Персии представлял опытный германский разведчик-востоковед граф Ганс фон Каниц. Он возбуждал среди вождей воинственных кочевых племен бахтиар, курдов и кашкайцев, влиятельных шиитских мулл и аристократии антибританские и антирусские настроения, насаждал среди них уверенность в разгроме Антанты, распаде английской колониальной империи и скорой победе Четверного Союза. Часть шахского двора полагала необходимым присоединиться к Германии, чтобы оказаться на стороне будущих победителей, чтобы укрепить самостоятельность страны и приобрести новые территории. Германским дипломатам и их агентуре удалось убедить персидскую элиту, что Россия с трудом удерживает позиции на фронтах против Германии, Австро-Венгрии и Турции и не сможет направить в Персию значительные силы, способные подавить серьезные волнения. Немцы пытались создать на персидской территории новый очаг боевых действий, чтобы ослабить и без того не слишком многочисленные

русские войска на турецком фронте. Впрочем, персы, помня о результатах столкновений с русскими казачьими сотнями и кавказскими стрелками, не особенно жаждали новой войны, надеясь на освобождение извне.

Чтобы изменить ситуацию, Берлин выделял значительные суммы на подкуп контролировавших существенные вооруженные силы племенных вождей и аристократов из ближайшего окружения юного монарха Султан Ахмад-шаха. Одновременно из турецкой Месопотамии через Курдистан караваны с оружием вместе с немецкими инструкторами прибывали в Исфаган и Теббес, где винтовки и патроны передавались племенам и отрядам наемников. Кроме того, там же с ведома властей сосредотачивались отряды из числа бежавших из лагерей с территории русского Туркестана немецких и австрийских военнопленных. На представления русского посольства о недопустимости создания враждебных формирований на персидской территории Тегеран отвечал с восточным лукавством: дескать, ничего об этом не знаем или не можем повлиять на местных вождей.

Немецкие агенты под видом дервишей агитировали местных жителей за восстание против русских и англичан в поддержку «защитника мусульман», германского императора Вильгельма II. Весной и летом 1915 года обстановка в Персии постепенно накалялась. Караваны с вооружением и боеприпасами начали доставлять в окрестности Тегерана и провинции, прилегавшие к русско-персидской границе. Впрочем, прибытие вьючных транспортов с оружием в Персию не было тайной для русского командования, получавшего информацию от собственной разведки и англичан, заинтересованных в сохранении стабильности на нынешней ирано-пакистанской границе и создании прочного барьера для проникновения немецких агентов в британскую Индию.

Великобритания настаивала, чтобы Россия контролировала персидско-афганскую границу в остане Хорасан, где проживало немало афганцев. Чтобы выполнить просьбу союзников, в Петрограде решили сформировать Хорасанский отряд, чье создание и присутствие на персидской территории не предусматривалось соглашениями между Россией и Персией.

Ввиду угрозы выступления Персии на стороне Германии и Турции Лондон заявил, что в сложившемся положении имеет совместно с Петроградом свободу действий в стране, после чего русский министр иностранных дел Сергей Сазонов официально предупредил персидского посла в Петрограде, что после окончания войны Англия и Россия могут разделить Персию. Это произвело на Тегеран серьезное впечатление.

Для России ситуация внутри Персии осложнялась еще и тем, что немецкие дипломаты и резиденты сумели подготовить военную альтернативу персидской казачьей бригаде, обученной русскими инструкторами и придерживавшейся пророссийских настроений, — жандармерию, обученную шведскими и отчасти турецкими офицерами. Численность персидских казаков (шахской гвардии) и жандармов в 1915 году была почти равнозначной: 8000 против 7300.

Персидские казаки в 1914–1918 гг. охраняли дороги, боролись с разбоями в тылу русского Экспедиционного корпуса генерал-лейтенанта Николая Баратова. В частности, в ноябре 1915 года две сотни шахских казаков (при двух орудиях и двух пулеметах) под командованием войскового старшины Петра Мамонова приняли участие в бою при Сенне в Иранском Курдистане. В августе 1916 года подразделения персидских казаков подавляли мятеж кочевых племен под Исфаганом.

К началу июля 1915 года на иранской территории находилось четыре немногочисленных русских отряда:

в Казвине, Ардебиле, в провинции Хорасан и в западной части персидского Азербайджана. Они насчитывали 11,5 пехотных и стрелковых батальонов, 34 сотни казаков, около 30 орудий. Самым крупным из них был Азербайджанский, прикрывавший левый фланг Кавказской армии от возможного удара турецких войск через Персию. Кроме того, на границе с Персией находились три батальона пограничной стражи, 11 казачьих сотен и две дружины ополчения.

Азербайджанский отряд (9 батальонов и 24 казачьи сотни при 24 орудиях) под командованием генерала Федора Чернозубова в январе 1915 года вступил в бой с передовыми отрядами турецкой армии. После их разгрома в районе Тавриза турецкое командование совместно с германскими военными советниками разработало план вторжения экспедиционного корпуса из 3-й и 5-й сводных дивизии и курдской конницы на персидскую территорию через район озера Урмия. После предполагавшегося разгрома русских войск турки намеревались прорваться через пограничную реку Аракс к Елисаветполю (ныне Гянджа) и создать угрозу Баку. Эти планы явно превышали возможности корпуса. Тем не менее прорыв турок в Персию мог создать угрозу тылам Кавказской армии.

В конце апреля корпус Халил-бея с курдской конницей перешел турецко-персидскую границу и попытался углубиться на сопредельную территорию, но этому помешало восстание христианского населения вокруг озера Ван, кроме того, русский отряд был усилен Забайкальской казачьей бригадой (более 2600 человек при 18 орудиях). В начале мая русские перешли в наступление в направлении города Ван южнее озера Урмия.

К середине мая в район Урмии была переброшена вся 3-я кавказская конная дивизия под командованием ге-

нерала Клааса Роберта Густава Шарпантье. К 18 мая войсковая разведка установила, что русским кроме экспедиционного корпуса противостоят 36-я турецкая дивизия и отряды курдской конницы.

Появление значительных сил русской кавалерии (36 эскадронов и казачьих сотен) при 22 орудиях западнее озера Урмия и их действия в Западном Азербайджане вынудили приграничные курдские племена Персии сложить оружие. Замирение курдов позволило командующему отдельной Кавказской армии генералу от инфантерии Николаю Юденичу перебросить большую часть Азербайджанского отряда с персидской территории на линию фронта севернее озера Ван. Турецкое командование, надеявшееся на вылазки курдских формирований в русском тылу, неожиданно столкнулось с действиями значительных сил русской конницы в Турецкой Армении.

Забайкальская бригада вернулась в Персию в конце июля 1915 года, когда ее отвели на отдых после боев у озера Ван. Местом отдыха назначили город Дильменд на западном берегу озера Ван. Казаки расположились неподалеку от города, чтобы подкормить измотанных непрерывными боями в горах коней. Во время отдыха командованию бригады и полков пришлось бороться не только с обычным для казаков пьянством, но и со специфическими нарушениями дисциплины, в частности спиливанием телеграфным столбов для добычи дров. В начале августа отдых у Дильменда для бригады, которой придали две добровольческие армянские дружины, завершился из-за угрозы нового вторжения турок в иранский Азербайджан и активизации курдов. Русские также пытались продвинуться на запад, создавая угрозу правому флангу противника. Пока казачья кавалерия и стрелки сражались в окрестностях озера Урмия, Петербург планировал высадку в Энзели экспедиционного корпуса.

Обстановка в Персии продолжала накаляться с лета 1915 года, когда жившие в Персии русские подданные и местные христиане, обеспокоенные сведениями о погромах и убийствах, совершенных фанатиками-исламистами, двинулись в Казвин, находившийся под защитой небольшого русского гарнизона и персидской казачьей бригады. Кроме того, они были обеспокоены поведением персидских властей, которые спустили российские флаги над консульствами в некоторых городах и не препятствовали нападениям местных жителей на здания дипмиссий.

Наконец, в начале осени большой отряд жандармерии под командованием шведа Чальстрема напал по дороге из Тегерана в Хамадан на миссию консула в Керманшахе барона Анатолия Черкасова. Охранявшие ее 300 персидских казаков после боя с жандармами рассеялись или сдались в плен. Черкасов с сотрудниками был вынужден спешно вернуться в Хамадан.

Лондон и Петербург, получив сведения о подкупе чиновников и племенных вождей, решили ответить на немецкие попытки дестабилизировать Персию увеличением собственных субсидий. Великобритания и Россия официально заявили о намерении оказать Тегерану финансовую помощь единовременными авансами, а затем ежемесячными субсидиями, начиная с сентября 1915 года.

Дипломаты имели полученные из достоверных источников данные о пронемецкой политике части иранских сановников. Вскоре министры иностранных дел Великобритании и России Эдуард Грей и Сергей Сазонов выступили с официальными заявлениями, в которых указывалось, что тайный союз шаха с противниками Антанты вынуждает их активизировать действия в нейтральной Персии, в том числе ввести войска для ее окккупации.

Угрозы Петербурга и Лондона в адрес Тегерана вынудили его предпринять демонстративные действия, под-

тверждающие нейтралитет Персии. Столицу страны пришлось покинуть германскому посольству, а также послам Австро-Венгрии и Турции. Тегеран оставили и некоторые одиозные сторонники сближения с Четверным союзом. Состав персидского совета министров значительно изменился, в него ввели троих сторонников сближения Персии с Россией.

Противники Антанты на персидской территории пытались реваншироваться, агитируя воинственных бахтиаров, живших западнее Исфахана, уничтожить русскую казачью бригаду в Казвине и поживиться имуществом находившихся там беженцев.

Вокруг города Хамадана и на перевале Султанбулаг под руководством немецких и турецких офицеров спешно возводились оборонительные сооружения. В священном для мусульман-шиитов городе Кум (к югу от Тегерана) по наущению графа Кауница организовались прогерманские комитеты «национальной обороны» и «защиты ислама», выпустившие призывы к мусульманам взяться за оружие.

Премьер Мостоуфи-эль-Мемалек настойчиво уговаривал юного Султан-Ахмед-шаха перебраться в священный город Кум, что могло повлечь объявление антирусского и антибританского джихада, истребление иноверцев и привело бы к разрушительной смуте в стране. Однако шах остался в столице, чем поколебал авторитет прогерманских кругов, а вероятное появление дополнительных русских сил заставило задуматься вождей племен, намеревавшихся поддержать выступление прогерманских кругов.

Российский МИД предлагал направить в Персию экспедиционный корпус общей численностью около 10 000 человек. Необходимость решения такой проблемы министр иностранных дел поставил перед Ставкой Верховного

главнокомандующего и штабом Отдельной Кавказской армии, то есть перед генералом от инфантерии Н.Н. Юденичем. По мнению Сазонова, главные силы корпуса следовала разместить под Тегераном.

Ставка Главковерха полагала, что успокоение северной Персии (зоны российского влияния) требует ареста агитаторов, не исключая германских и турецких дипломатических представителей, и намеревалась пресечь рукой доставку оружия из Месопотамии. Однако отправка в Персию значительных экспедиционных сил затягивалась. Отдельная Кавказская армия, часть войск которой отправили на Запад, в этот период вела тяжелые бои на Алашкертском направлении. Резервов и значительных запасов вооружения, боеприпасов и военной амуниции она почти не имела.

Новый царский наместник в Тифлисе и главнокомандующий Отдельной Кавказской армией великий князь, бывший главковерх Николай Николаевич-младший доносил в Могилев о невозможности выделить в Персию отряд, о необходимости которого говорил глава российского МИДа.

Однако с его прибытием штаб армии приступил к непосредственной разработке операции по вводу в Персию экспедиционного кавалерийского корпуса. Великий князь и фактический командующий армией Николай Юденич выдвинули собственные предложения.

Понимая, что размещения 10-тысячного корпуса в Тегеране недостаточно для контроля над страной, они предложили Ставке Верховного главнокомандующего высадить в порту Энзели экспедиционные войска и предъявить персидскому правительству ультиматум о полном удалении с территории страны агентуры вражеских Антанте держав. Планировалось выдвинуть экспедиционный корпус двумя колоннами на Хамаданском

и Керманшахском направлениях и прервать сообщение вражеской агентуры и прогерманских сил (жандармерии и племенных ополчений) с Турцией. В случае открытого вооруженного противодействия корпусу предполагалось уничтожить и интернировать прогерманские и протурецкие отряды.

После длительного обсуждения было решено отправить в Персию экспедиционный корпус в составе двух пехотных батальонов, двух дружин государственного ополчения, 39 казачьих сотен и кавалерийских эскадронов при 20 конных и горных орудиях. Его первоначальная численность не превышала 8000 человек. В начале октября 1915 года Николай Николаевич передал посланнику в Персии: «Уже собран отряд из отличнейших воинских частей, снабженный всем необходимым. Этим экспедиционным корпусом будет командовать генерал, недавно отличившийся на турецком фронте, хорошо знакомый с восточными народностями, умеющий с ними обходиться. Войска немедленно начнут грузиться в Бакинском порту. Из Энзели они будут двинуты в Казвин, в 140 километрах от Тегерана, где и будет находиться ставка командира экспедиционного корпуса».

Основу Кавказского экспедиционного корпуса составила казачья конница, приспособленная для действий в горной и пустынной местности и отличавшаяся высокой боеспособностью и уровнем дисциплины.

Его командиром назначили генерал-лейтенанта Николая Баратова, окончившего Академию Генштаба и успешно командовавшего 1-м Сунженско-Владикавказским полком Терского казачьего войска на русско-японской войне, за боевые отличия в конных рейдах в тылах противника его досрочно произвели в генерал-майоры.

В 1914 году он стал начальником 1-й Кавказской казачьей дивизией, отличившейся в Сарыкамышской опе-

рации, завершившейся разгромом 3-й турецкой армии, которой командовал военный министр Энвер-паша.

В Алашкертской операции лета 1915 года Баратов возглавил сводный отряд, которому поручили ликвидировать угрозу прорыва турецкого 4-го армейского корпуса в тыл главным силам Кавказской армии. Баратов восстановил положение на угрожаемом участке фронта и нанес неприятелю серьезный урон. Командование корпусом ему поручили, учитывая не только его решительность и умение быстро маневрировать, но и способность наладить эмоциональную связь с казаками, привычку заботиться о подчиненных и, наконец, знание восточного менталитета, необходимое для действий в Персии.

Главные силы корпуса сосредоточились в окрестностях Баку, где готовились пароходы и баржи для перевозки войск. С 23 по 30 октября 1915 года части и подразделения корпуса высадились и выгрузились в Энзели, в первых числах ноября Баратов доложил командованию армии о завершении сосредоточения экспедиционных войск. 4 ноября, проделав 225 верст на коне, Баратов прибыл в Казвин, где устроил строевой смотр.

Вскоре после высадки в Энзели к корпусу присоединили Казвинский отряд в составе сводной Кубанской дивизии (4 казачьих полка, пограничный полк, артиллерийские и специальные подразделения). К 1 декабря 1915 г. он насчитывал около 14 000 офицеров и нижних чинов при 38 орудиях, преимущественно конных и горных.

Появление значительных сил русских в Казвине, в окрестностях которого располагалось немало селений шахсевенов, вызвало беспорядки в мусульманской части города. В ответ генерал Баратов обратился к местным жителям с распоряжением, переведенным на персидский язык:

«При следовании русских войск по узким городским улочкам казвинцам не выходить на крыши домов ввиду опасности «быть расстрелянными»;

В случае, если из какого-либо дома будет произведен выстрел по войскам, то такой дом со всем находящимся в нем будет уничтожен артиллерийским выстрелом или подземным взрывом».

Одновременно офицерам и солдатам разъяснили необходимость деликатного отношения к вере и строгого соблюдения неприкосновенности имущества местных жителей.

Для обеспечения движения главных сил в Тегеран из Казвина был отправлен отряд генерал-майора Ильи Золотарева (около 1000 конных и пеших бойцов при 4 орудиях). Предосторожность была не лишней: немецкая и турецкая агентура пыталась завербовать персидских казаков для нападения на русских офицеров бригады и иностранные дипмиссии.

Но первоначально в отряд генерал-майора Золотарева были назначены большие силы: 7 конных сотен, 300 пехотинцев при тех же 4 орудиях артиллерии из Туркестана, двух пулеметах и саперного отделения (10 человек). Официально было объявлено, что отряду предстоит охрана в Тегеране миссий России и союзных ей государств.

Сигналом для нападения на бригаду и погрома дипломатического квартала должны были стать взрывы бомб, брошенных в ночь на 2 ноября в казарменный район бригады. Отряды персидской жандармерии, общей численностью 1500 человек, около 500 наемников и 100 бежавших из Туркестана австрийских военнопленных, были готовы поддержать мятеж

Однако высадка русских войск в Энзели, быстрые и неожиданные передвижения казачьей кавалерии породили слух, что на персидском побережье Каспия действуют

50 000 русских. По мере продвижения баратовского корпуса в глубь Персии вымышленная цифра удвоилась.

Попытки германской агентуры убедить шаха перебраться в Исфахан не увенчались успехом: русский посланник барон Николай фон Эттер уверил юного монарха, что русские войска оправятся к границе, миновав столицу. Русские войска не стали входить в персидскую столицу, оставив гарнизон в Кередже, в 30 километрах от нее. Султан-Ахмед-шах после совещания с членами правящей династии решил избрать резиденцией загородный дворец Фараг-абад в 4 верстах от Тегерана.

Потерпев неудачу, Ганс фон Каниц активизировал подготовку к мятежу. Российские дипломаты и генерал Баратов получили достоверные сведения о сосредоточении в районе Султан-абада, между Кумом и Хамаданом, около 5000 прогермански настроенных вооруженных людей. В Хамадане на главной городской площади желающим «защитить веру» открыто раздавалось оружие и патроны. Кроме того, к городу подошел хорошо вооруженный Хамаданский жандармский отряд. Ожидалось прибытие еще нескольких тысяч моджахедов. Успех выступления мог спровоцировать анархию в Персии, где губернаторы не имели полицейских и военных сил, способных противостоять племенным ополчениям.

Баратов понимал, что промедление грозит тяжелыми последствиями, поэтому спешил сформировать отдельные отряды, способные автономно действовать в сложных условиях.

23 ноября два из них отправились из Казвина в юго-западном (на Хамадан) и юго-восточном (на Лялекан-Кум) направлениях. Хамаданский отряд полковника-терца Михаила Фисенко состоял из двух казачьих полков, пограничного стрелкового батальона, пулеметной команды, конной батареи, гаубичного взвода и спецподразделений.

Ему поручалось занятие Хамадана и прилегающего района и рассеяние жандармов и выступивших на стороне Турции кочевников.

Стремительным ударом отряд Фисенко разбил в бою 26-27 ноября противника, оборонявшего укрепленный перевал Султан-булаг, и открыл путь в Иранский Курдистан для экспедиционных войск. 30 ноября казаки и стрелки под командованием Фисенко вышли к древнему городу Хамадану, известному с XI века до нашей эры как Экбатана, столица древней Мидии. Предполагалось, что город обороняют значительные силы жандармерии и местных ополчений (всего около 7000 человек при 4 орудиях), но в предместьях Хамадана отряд встретила делегация почетных горожан, просившая у русских защиты от немецких и турецких наемников.

Фисенко отказался от штурма прежде всего ввиду опасений повредить в бою древнейшие памятники. Пока шли переговоры с горожанами, командованию доложили, что отправленный в Хамадан разведчик узнал о бегстве жандармов и ополченцев из города, причем жандармы захватили в заложники хамаданского губернатора и направились в Луристан.

Казаки и стрелки, получившие строгие указания не возбуждать антирусские настроения, вели себя исключительно корректно, стараясь не задевать религиозные и национальные чувства горожан. Через несколько дней, удостоверившись, что пребывание русских военных мало отражается на их повседневной жизни, хамаданцы устроили торжественную встречу отряду. Отряд Фисенко, сделав Хамадан временной штаб-квартирой, развивал достигнутый успех. Высланные из города казачьи сотни провели несколько удачных боев с наспех вооруженными формированиями. Ожидаемого ожесточенного и длительного сопротивления казаки в этих столкновениях нигде не

встретили. В Тифлисе и Казвине на такой успешный исход дела рассчитывали мало.

Русский отряд оттеснил разрозненные силы неприятеля от Хамадана на один переход в западном направлении. Полковник Фисенко, выполнив поставленную перед ним боевую задачу, остановил продвижение казачьих сотен, когда разъезды потеряли соприкосновение с противником.

Берлинский резидент граф Ганс Каниц пытался нанести контрудар, перерезав шоссе Хамадан — Казвин и отсечь авангард Фисенко от главных сил Кавказского экспедиционного корпуса. Однако немецкий план провалился, когда пронемецкие отряды попытались блокировать шоссе, казачьи сотни начали зачистку. Попытки курдов и других племенных ополчений контратаковать казаков и уничтожить их в засадах окончились провалом. После этого передовой отряд, получив приказ Баратова, двинулся на Керманшах, куда отступили жандармы и отряды ополчения. Быстрый прорыв отряда Фисенко резко изменил настроения в Тегеране. Премьер-министр Мостоуфи-эль-Мемалек, пытавшийся организовать разрыв с Антантой и подготовить столицу к сопротивлению русских, был отправлен в отставку.

Одновременно на Кум, один из вероятных центров сосредоточения протурецких сил, наступал отряд полковника Ивана Колесникова в составе двух казачьих полков при одной батарее. 9 декабря Кум был занят русским отрядом. В город немедленно прибыл командир корпуса Николай Баратов, который понимал, что русским надо наладить нормальные отношения с духовенством «священного» для персов города. Баратов приказал не вводить сотни в районы, где находились особо почитаемые шиитские святыни, пока место для постоя не укажут местные старейшины и улемы. Их вызвали в штаб вместе с губернатором и по-

просили разместить русские войска в городе так, чтобы это не доставляло беспокойства местным жителям и не затрагивало религиозные чувства.

Вскоре штаб корпуса получил информацию, что из селения Рабат-Керим (50 км к юго-западу от Тегерана) на столицу готовится выступить колонна жандармов и племенных ополчений. Командир отряда эмир Хишмет намеревался напасть на Тегеран, разгромить русскую и английскую миссии, вывезти шаха и правительство в Исфахан и превратить этот город в столицу Персии. Ему удалось сосредоточить турок, курдов, жандармов и бежавших из русского плена бывших немецких и австрийских военнослужащих — всего около 2000 человек.

Баратов выслал на перехват противника отряд войскового старшины Петра Беломестнова, командующего 4-м (Ставропольским) Сводно-Кубанским казачьим полком. Отряд состоял из пяти сотен этого полка (668 шашек) с двумя орудиями и несколькими пулеметами. Отряд стремительным ночным маршем вышел к Рабат-Кериму и был встречен огнем противника. Беломестнов развернул отряд в боевой порядок и под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня организовал конную атаку. Противник бежал, оставив, по донесению командования отряда, 245 убитых. Потери полка составили меньше 10 убитых и раненых. Разгром под Рабат-Керимом подвел черту под попытками прогерманских сил в Персии перехватить инициативу в стране и навязать русским боевые действия на севере и в центре Персии.

Однако в Гиляне отряды Кучек-хана и его соратников при поддержке местных жителей нападали на небольшие воинские партии, транспорты и обозы и перерезали коммуникации баратовского корпуса из Энзели в глубь страны. С началом Первой мировой войны часть персидских революционеров возлагала надежду на Турцию

и центральные державы, надеясь с их помощью вывести страны из-под русского и британского влияния. В частности, Гейдар-хан возглавил в Багдаде отряд турецкой армии, куда принимались персы, арабы и бежавшие из английской армии солдаты и унтер-офицеры индийских частей. Кучек-хан и Эхсанулла находились под надзором полиции в Тегеране.

Кучек-хан перебрался в Решт. После ареста по распоряжению губернатора Кучек бежал в леса (дженгель), где организовал повстанческий отряд. Заросшие тропическими лесами и кустарниками предгорья Эльбурса, недоступные для проникновения крупных войсковых частей, создавали благоприятные условия для действий партизан и их укрытия в случае неудачи. Кроме того, Кучек-хан пользовался поддержкой местных жителей. В конце декабря 1915 г. русские войска организовали карательную экспедицию против повстанцев, нарушавших пути сообщения и нападавших на караваны снабжения. Окруженные казаками инсургенты потерпели поражение и рассеялись, вместе с Кучеком осталось всего 9 человек. Однако после выдвижения казачьих подразделений на фронт повстанцы вновь оживились. Им удалось разгромить карательный отряд полиции, отправленный в дженгель для их ликвидации.

Эхсанулла тем временем присоединился к силам националистов и жандармам, пытавшимся оборонять Хамадан от русских, после поражения он удалился в горы, откуда беспокоил казачьи заставы и колонны снабжения. В декабре 1915 г. националисты и демократы пытались при поддержке турок закрепиться в Керманшахе, но уже через три месяца город был занят русскими войсками, а лидеры непризнанного правительства вынуждены были бежать

в Багдад. Отряд Эхсануллы влился в курдское ополчение, сражавшееся с русскими.

По сведениям русской разведки, немецкая агентура планировала взорвать стратегически важный Менджильский мост, обещая выделить за подрыв 10 000 туманов — громадную сумму по тем временам. Повстанцы грозили захватить банки в Реште и «вырезать русскую колонию». Поэтому генерал Баратов решил уничтожить отряды Кучек-хана и его горные базы. Операция началась 25 декабря 1915 г. Казаки и стрелки наступали с севера, юга и запада. В решающих боях 30 декабря отряды повстанцев были разгромлены и больше не представляли серьезной угрозы снабжению русских войск.

К началу января 1916 года разведка корпуса оценивала численность противника на территории Персии в 25 000 человек. Наиболее крупные группировки прогерманских и протурецких сил располагались в районе Сенне, Хамадана и Керманшаха — по 6000 человек, в Гиляне и Мазендеран в общей сложности 5000, еще 4000 располагались в Исфахане и его окрестностях и 2000 в Султанабаде. В других районах значительных группировок неприятеля не отмечалось.

В начале января 1916 года войска экспедиционного корпуса продолжили очищать тыл от групп противника. 6 января сотни 1-го Горско-Моздокского полка при двух орудиях под командованием полковника Владимира Стопчанского стремительно заняли Султанабад, казаки не встретили серьезного сопротивления и при дальнейшем продвижении на юго-запад, кочевники уклонялись от прямого боя.

Отряд пограничной стражи, усиленный конными сотнями 1-й Кавказской казачьей дивизии, наступавший в направлении турецкой границы, напротив, встретил упорное сопротивление. Неподалеку от границы диви-

зион Уманского казачьего полка атаковали подразделения турецких войск (две пешие и семь конных сотен при 6 пулеметах и орудии), «заблудившихся» на персидской территории. Кубанские казаки отразили атаку, нанеся туркам значительные потери.

Вскоре командование экспедиционного корпуса получило турецкие документы, в том числе сводки о движении русских войск и повстанцев под Хамаданом. Стало ясно, что последующие операции развернутся вокруг древнего города Керманшаха, где концентрировались разбитые под Хамаданом или отступившие из окрестностей города жандармы и племенные ополчения курдов и луров. Там же находились граф Каниц и его ближайшие помощники, поддерживавшие связь с турецкими войсками в Месопотамии. По данным русской разведки, в январе 1916 года у Керманшаха сосредоточилось до 20 000 конных и пеших бойцов (в основном — конные курды) при 14 орудиях.

Каниц обещал прибывшему в город Рюдигеру фон дер Гольцу, руководившему боевыми действиями в Месопотамии против англичан, что гарнизон Керманшаха отразит наступление русских на укрепленных позициях, построенных при участии немецких и турецких инженеров.

Однако к началу Керманшахской операции экспедиционный корпус усилили Кавказской кавалерийской дивизией в составе трех драгунских и одного казачьего полков и конно-горного дивизиона (16 орудий) и тремя батальонами пограничной стражи. Появление на отдаленном театре военных действий соединения, имевшего опыт боевых операций в Персии, укрепило положение русских войск в стране. Кроме того, уже в ходе наступления в Персию прибыла пластунская казачья бригада в составе шести батальонов. После этого корпус имел 63 конных сотни и эскадрона, 12 стрелковых и пехотных батальонов и пять добровольческих дружин (в том числе три

армянские). Прибытие дополнительных сил в Западный Азербайджан, как писал впоследствии генерал и белоэмигрант Евгений Масловский, вынудило турок быстро очистить остан Урмия и вернуться на свою территорию. Вместе с турками через границу ушли и курдские племена, которые не рассчитывали на снисхождение русских войск и армянских добровольцев.

Другие племена предпочли сдаться русским, чтобы не оставлять привычную территорию и не терять при отходе лошадей, верблюдов и баранов. Некоторые из них демонстрировали покорность и готовность полностью разоружиться, но на самом деле пытались спрятать новые магазинные винтовки, сдавая однозарядные и старые ружья.

Кавказская кавдивизия стала основой сводного отряда, наступавшего на Керманшах. Его обороняли турецкая пехота (что подтвердило взятие пленных из 1-го Константинопольского полка действовавшей в Месопотамии 21-й пехотной дивизии), персидские жандармы, отряды иррегулярной конницы курдов, бахтиаров и кельхиоров. Русский отряд захватил под Керманшахом турецкий походный лагерь с немалой частью имущества, брошенного при поспешном отходе Константинопольского полка. Трофеями казаков стали 7 орудий, 8 пулеметов и значительное количество боеприпасов. После разгрома противника в окрестностях Керманшаха боев в городе удалось избежать. Один из крупнейших городов иранского Курдистана был взят 11 февраля 1916 года. Его занятие стало крупной победой экспедиционного корпуса

Цель — Багдад

Каниц, увидев прорвавшихся в Керманшах казаков-пластунов, застрелился. Когда полки Кавказской кавдивизии вступили в Керманшах, их встретили местный губернатор

и население. Однако казачьи сотни и драгунские эскадроны прошли город насквозь, ведя преследование разбитого неприятеля, поспешно уходившего, рассыпаясь по пути, в окрестные горы, к границе с близкой Турцией. После занятия города русские войска встретили упорное сопротивление в курдских селениях. Как правило, их защищали до последней возможности, чтобы дать жителям укрыться с домашним скарбом и скотом в окрестных горах.

Прошло менее недели и русские полки и батальоны подошли к пограничному городу Сенне, духовные лидеры которого влияли на весь иранский Курдистан. В городе и окрестностях скопились до 6000 бойцов и несколько орудий, в большинстве курды. Неприятель имел несколько артиллерийских орудий. Однако до серьезного боя за Сенне дело не дошло.

Хоперский казачий, Нижегородский и Северский драгунские полки выбили противника из предместий. Курдская конница отступила в горы, где часть бойцов рассеялись по родным селениям, а другие ушли в турецкую Месопотамию. 17 февраля русские вошли в город через открытые ворота.

Конники и пластуны захватили 8 орудий, 1700 снарядов, 1,5 млн патронов, значительное количество стрелкового оружия, воинской амуниции и пригодных к использованию лошадей и верблюдов. Кроме того, по донесению русской разведки, противник неудачно пытался применить вьючные газовые аппараты, захватить которые не удалось.

Вскоре после Сенне русские войска заняли и крупнейший город в центре Ирана, Исфахан, который немцы и их персидские союзники намеревались превратить в альтернативную столицу государства. Взятие его под контроль означало, что корпус генерала Николая Баратова с бле-

ском выиграл персидскую кампанию Кавказского фронта, причем победа была достигнута «малой кровью».

Казаки приступили к очистке территории вдоль главных путей сообщения. В первую очередь надо было обезопасить зону дороги Хамадан — Керманшах, которая дальше шла через границу на Багдад. Нередко зачистка неспокойных районов приводила к масштабным столкновениям с курдами, которые, несмотря на официальное изъявление покорности, сохранили значительное количество оружия.

15 марта сотням 1-го Хоперского полка во главе с полковником Николаем Успенским пришлось выдержать длительный бой со значительными силами курдов близ старинной крепости Карамалан-хан. Курды, по донесению штаба полка, отступили только после потери более 300 человек. Огневой бой лихие джигиты проиграли вчистую: по донесению командира полка, его сотни потеряли лишь 6 человек ранеными.

Одновременно с наступлением корпуса Баратова на Хамадан, Кум и Керманшах активизировались боевые действия на участке отдельного Азербайджанского отряда, обеспечивавшего безопасность левого фланга Кавказской армии и российской границы в районе озера Урмия. Здесь продолжались попытки прорыва к озеру, причем противник не пытался засылать небольшие курдские отряды в глубину Персии, а концентрировал силы на персидской территории.

Подтверждением новой вспышки боевых действий в горной области между Урмийским озером и границей стал приток в город Урмия под защиту русского отряда большого числа беженцев-христиан, преимущественно армян. Напуганные ожидаемой резней и слухами, распускавшимися турецкой агентурой, они оставляли свои селения на западном и южном берегах озера. Попытки

казачьих разъездов, высылаемых собрать в горах достоверные сведения о противнике и его намерениях, в конце 1915 года не имели успеха из-за глубокого снега, перекрывшего перевалы и большинство дорог в горах. Штаб генерал-майора Федора Чернозубова распорядился, чтобы созданный на основе Забайкальской казачьей бригады отряд удержал занятый район и с подходом резервов разгромил противника.

16 декабря турки и курды начали наступление, кубанцы были вынуждены отойти под натиском превосходящих сил к Миандобской переправе. С подходом главных сил Нерчинского казачьего полка отряд перешел в наступление и двинулся на город Ушнуэ. Впрочем, занимать его русские не намеревались из-за недостатка боеприпасов для новой атаки и скопления неприятельской конницы на флангах.

Русские части заняли выгодные позиции, позволявшие блокировать движение по дороге на город и речные переправы. Бои на западном берегу Урмийского озера продолжались до конца декабря.

Турецкое командование, стремившееся закрепиться на персидской территории у озера Урмия, потерпев неудачу в горной войне, пыталось вызвать панику среди христианского населения Урмийского района. В ночь на 23 декабря в городе Урмия неизвестные расклеили прокламации о предстоящем наступлении армии Халил-бея. Часть горожан в панике покинула свои дома, бросая имущество. Вскоре командованию отряда удалось перекрыть пути появления неприятельских лазутчиков, на горных дорогах и тропах появились казачьи пикеты и «секреты» пограничников, досматривавшие путников и их груз, особенно внимательно — ехавших от турецкой границы.

Зимой 1915/1916 гг. боевые действия в горах затихли: холода и снег вынудили противников отвести главные

силы в населенные пункты, сократить подвоз боеприпасов, продуктов и фуража. Бои в районе Урмия стали последними в истории чернозубовского Ван-Азербайджанского отряда. В 1916 г. его переименовали во 2-й отдельный Кавказский кавалерийский корпус (позже — 7-й кавказский отдельный корпус).

К концу 1915 года стало ясно: планы германского и турецкого командования на создание нового фронта на территории нейтральной Персии были парализованы действиями экспедиционного корпуса генерала Баратова, успешно выполнившего задачу замирить огромную территорию, квадрат со стороной 800 верст, ограниченными силами. Более того, он облегчил действия англичанами в Месопотамии, оттянув на себя часть сил турецкой армии.

Замирение «мятежных» останов ускорило переход к мирной жизни. На место шахского безвластия пришли жесткие российские законы военного времени. Русские штыки и шашки резко сократили разбои на караванных путях. В конце декабря 1915 года Баратов указал в одном из своих приказов по экспедиционному корпусу: «Мирная жизнь персидского населения, нарушенная боевыми действиями, вошла в свою колею». Части экспедиционного корпуса расположились гарнизонами и заставами в огромной стране.

Однако русское командование на Кавказе понимало, что турки попытаются взять реванш и продлить Кавказский фронт на восток большими силами армии и иррегулярных войск. К весне 1916 года экспедиционный корпус насчитывал менее 25 000 солдат и офицеров. Его главной задачей было предотвращение попыток втянуть Персию в войну против Антанты. Вторжение значительных сил турок на территорию Персии из Месопотамии и турецкой Армении было вопросом времени. Однако к этому моменту полки, сотни и батальоны корпуса уже получили

богатый опыт боев против армейских турецких частей и иррегулярных войск и племенных ополчений.

По оперативным планам кампании Отдельной Кавказской армии 1916 года глубокие наступательные действия левого фланга фронта ее командующий генерал Николай Юденич не предусматривал. У армии были более важные стратегические задачи: продвижение в глубь турецкой территории с целью занятия Трабзона (Трапезунда). По иронии истории судьбу Персии и, если говорить шире, Кавказского фронта в 1916 году решали три Николая Николаевича: великий князь, Юденич и Баратов.

На события на Кавказском театре военных действий активно влияли союзники-британцы, обращавшиеся через головы Юденича и наместника на Кавказе Николая Николаевича непосредственно к Главковерху, императору Николаю II. Юденич настаивал, чтобы русские и британские войска отстаивали в первую очередь Месопотамию с ее стратегически важными нефтяными месторождениями. Он намеревался вести в западной части Персии и в Месопотамии совместные боевые операции против турецких войск, расстраивая германо-турецкие планы на Ближнем Востоке, а также предлагал англичанам направить небольшой воинский отряд для установления локтевой связи между русскими войсками, действовавшими в районе Хамадана, и багдадской группой британской армии.

Командование русскими войсками на Кавказе предлагало концентрическими ударами союзных войск занять район Багдада, чтобы обезопасить Персию и Афганистан от притязаний германского блока и парализовать наступательные планы Берлина и Стамбула против Египта. Кроме того, занятие этого района создавало плацдарм для наступления на Мосул и Диарбекир (город юго-западнее Эрзерума) и угрозу Анатолии, ключевой провин-

ции Османской империи. Однако англичане, опасавшиеся проникновения России на Ближний Восток, отказались.

Столкнувшись с серьезным сопротивлением турецких войск, командир британского корпуса генерал Чарльз Таунсенд отступил от Ктесифона в Кутт-эль-Амара, где его войска (всего — около дивизии) были окружены. Британцы, опасаясь нового наступления турок в Ираке, попросили Россию о спешной помощи. Николай II не смог отказать союзникам. Несмотря на ограниченность сил и отдаленность территории от базы снабжения в Энзели, русские согласились помочь. Корпус Баратова получил в марте задачу спешно начать наступление на город Ханекин на северо-востоке турецкой Месопотамии (нынешнего Ирака). Его успех мог угрожать не только тылу 6-й турецкой армии, но и их единственной прочной коммуникации — Багдадской железной дороге. Прорыв русских кавалеристов означал прекращение сообщения турецких войск в современном Ираке от главных сил и территории Турции. Кроме того, русские опасались, что после разгрома англичан турки перебросят освободившиеся войска на Кавказский фронт.

Обеспечение наступательной операции баратовского корпуса на Ханекинском направлении поручалось на севере Ван-Азербайджанскому отряду генерала Федора Чернозубова. Части отряда начали наступление 22 апреля 1916 года. Бои завязались в приграничной полосе в районе западнее озера Урмия. Активные действия вела в основном казачья конница.

26 апреля казаки встретили упорное сопротивление на пограничном перевале Шейхин-Гяруси. Однако вражеский заслон был сбит, вскоре наступавшие сотни впервые в истории русско-турецких войн заняли город Ровандуз на турецкой территории, расположенный всего в 100 км от города Мосула, куда немецкие специалисты стремились

дотянуть Багдадскую железную дорогу. Чтобы вернуть Ровандуз, командование противника перебросило из-под Мосула полнокровную пехотную дивизию. Полутора полкам кубанцев теперь противостояли три полка турецкой пехоты, кроме того, часть сил пришлось оттянуть для охраны транспортов с провиантом и боеприпасами. После разгрома одного из крупных курдских отрядов пути сообщения удалось обезопасить, но в отсутствие значительных резервов дальнейшее наступление на юг оказалось затруднительным: преодолевая сопротивления превосходящих сил турецкой пехоты, казаки медленно оттесняли противника, прорыв к Мосулу стал маловероятным.

На главном багдадском направлении действовал Керманшахский отряд, состоявший из Кавказской кавдивизии (в составе ее 18-го драгунского полка воевал будущий советский маршал Семен Буденный) и пограничных батальонов. В начале апреля он двинулся на Ханекин. Уже 25 апреля казаки и пограничники достигли цели и заняли город на турецкой территории.

До Багдада — цели наступления — оставалось всего пять дневных переходов. Однако турецкое командование, обеспокоенное прорывом русской кавалерии, перебросило в угрожаемый район значительные силы регулярной конницы, вооруженной и оснащенной значительно лучше курдских отрядов, с которыми до этого имела дело Кавказская дивизия.

Тем временем попытки британских войск деблокировать Таунсенд не увенчались успехом из-за упорного сопротивления турок и неблагоприятной местности, затруднявшей наступление и использование технических средств. 16/29 апреля гарнизон Кутт-эль-Амара капитулировал. Дальнейшее продвижение в глубину современного Ирака потеряло смысл. Кроме того, русские войска понесли значительные потери, прежде всего от болез-

ней, и поредели. Чтобы сохранить силы керманшахского отряда, Баратов распорядился отвести его в более здоровую местность предгорий. Чтобы отход не выглядел проявлением слабости, которое негативно повлияло бы на настроения местных племен, командир корпуса приказал нанести короткий удар на Ханекин с целью разгрома противостоявших турецких войск, усилившихся частями, выведенными с месопотамского фронта.

21 мая началось новое наступление. Пока пограничники демонстрировали активность в центре позиций, 2-я бригада Кавказской кавдивизии под командованием генерала Иосифа Исарлова внезапно и скрытно обошла правый фланг турок, вышла им в тыл и отрезала противника от тыловой базы в Багдаде.

Северские драгуны и кубанцы заняли во вражеском тылу Багдадскую дорогу, захватили огромный верблюжий караван с воинскими припасами, разрушили телеграфную линию между Ханекином и Багдадом.

Чтобы избежать разгрома, Халил-паша отвел корпус от Ханекина через реку Диала. Впрочем, поражения туркам во многом удалось избежать из-за неумения кавалерийских командиров взаимодействовать с приданной артиллерией. Горные скорострельные пушки не были задействованы при преследовании противника и не нанесли ему больших потерь. Баратов писал начальнику бригады: «Вы не уяснили себе в полной мере назначение приданных Вам восьми орудий. Поясняю, что на них надлежит смотреть не как на обузу при отходе, а как на опору для возможно большей устойчивости...» Тем не менее удар дивизии сорвал планировавшееся турками вторжение в Персию через Ханекин и ослабил их победный дух после победы под Кутт-эль-Амаром.

Отведя войска из малярийных мест, Баратов намеревался наладить непосредственную связь с англичанами,

отправив в город Зорбатия сотню 1-го Уманского казачьего полка под командованием сотника Василия Гамалия. Генерал поручил сотнику добраться до британских войск и донести о встрече по телеграфу, снабдив его значительными средствами для покупки припасов и лояльности местных племен. Несмотря на тяжелейшую жару, от которой болели люди и падали лошади, попытки отдельных племен помешать движению казаков, сотня 6 мая незаметно вышла к расположению англичан. Союзники встретили казаков, как сообщал Гамалий, «великолепно», снабдив русских и их лошадей всем необходимым. Их восхитила стойкость русских во время более чем 300-верстного похода и продемонстрированное ими после короткого отдыха искусство джигитовки.

Сотника Гамалия отправили в штаб союзников, а затем на пароходе доставили в Басру, где находился главнокомандующий британской армии в Месопотамии генерал-лейтенант Лейк Перси Генри Ноэль. Во время встречи Лейк сообщил, что, несмотря на наличие 18 аэропланов, он не решался наладить с русскими связь по воздуху из-за горной местности на протяжении возможной трассы, на следующий день Гамалия и его сопровождающих наградили британскими орденами. 22 мая сотня выступила в обратную дорогу. В пути стало известно, что вождь племени луров обещал туркам не пропускать через свою территорию англичан и русских. В одном из ущелий сотню обстреляли, однако конфликт удалось уладить. 26 мая казаки разведали Зорбатию и выяснили, что в городе и его окрестностях значительных сил турок нет, что позволило штабу Баратова понять, что с этого направления удара противника на Керманшах ждать не стоит.

Уманцы успешно уклонились от засад недружелюбно настроенных луров, преодолели перевалы, захватив в заложники несколько племенных вождей, и в начале июня

возвратились в Керманшах. Все участники рейда для установления непосредственной связи с англичанами вернулись обратно, казаки потеряли 19 лошадей, павших от жары и отравления проданным лурами ячменем. В штабе корпуса участников рейда ждала поздравительная телеграмма от царя, который удостоил Гамалия ордена святого Георгия 4-й степени. Вскоре младших офицеров наградили орденами Св. Владимира 4-й степени с мечами, а рядовых казаков — георгиевскими крестами 4-й (или последующих) степеней. Кроме того, пятеро казаков получили британские медали.

В первых числах июня 1916 года Баратов был хорошо осведомлен о подготовке турками наступления в районе Ханекина и их силах. По его данным, в районе Ханекина неприятель сосредоточил четыре пехотные дивизии, не считая конных ополчений кочевников.

Высшее турецкое командование намеревалось разгромить русские войска в Персии, присоединить ее к германскому блоку и, выйдя во фланг Кавказской армии, прорваться на границу с Россией по реке Аракс. Турки перешли в наступление, имея значительное превосходство в пехоте и артиллерии. Когда наступавшие турки наткнулись на арьергарды корпуса Баратова, на персидской земле начались восьмидневные тяжелые бои. Наступавшим вражеским пехотным дивизиям пришлось перейти к обороне. К 30 июня турецкому корпусу не удалось продвинуться дальше Керманшаха.

Буденный впоследствии писал: «В районе Керманшаха мы около двадцати дней занимали оборону, а затем вместе со всем корпусом перешли в наступление и прорвали оборону турок. Наша Кавказская кавдивизия быстро двигалась на Багдад, не встречая особого сопротивления войск противника...

Мой взвод был послан в разъезд с задачей — разведать город Бекубэ и далее двигаться на Багдад. Такие же разъез-

ды выслали вперед и другие полки дивизии. Все разъезды благополучно достигли Бекубэ, послали донесения и продолжали движение на Багдад. Но, когда мы продвинулись километров на пятнадцать от Бекубэ, посыльные, направленные с донесением к командиру эскадрона, вернулись и доложили мне, что дивизия отошла на Керманшах, а они нарвались на колонну турок».

Лето 1916 года прошло для Кавказского экспедиционного корпуса в боях на 200-верстном фронте. В июле он отошел в северо-восточном направлении. За исключением отдельных узлов важнейших дорог, линия фронта держалась отрядами конницы, иногда подкрепленными несколькими пулеметами и двухорудийным артиллерийским взводом. Казачьи отряды и драгунские эскадроны действовали самостоятельно, редко имея возможность получить помощь от соседей.

Действия русской стороны отрядами силой в полк и более в кампании 1916 года встречались редко. Такая распыленность сил объяснялась не только преимущественно горным и пустынным театром войны в нейтральной стране. Корпус Баратова действовал на периферии Кавказского фронта, далеко не главного в Первой мировой войне. Поэтому подкрепления в людях, лошадях и вооружении (пулеметы, артиллерия, бронемашины) доходили до него позже, чем на главные театры.

Халил-паша не мог похвастаться перед Стамбулом и своим племянником Энвер-пашой «блестящей наступательной операцией». Имея полное преимущество над баратовским корпусом (прежде всего в пехоте и артиллерии), войска турецкого корпуса с боями прошли путь от иракского Ханекина до Хамадана в предгорьях Иранского Курдистана за два месяца. Дальнейшее продвижение противника было остановлено.

С сентября 1916 года на главных направлениях Персидского фронта, Хамаданском и Давлетабадском, масштабные операции прекратились. Наступательный пыл турецких войск окончательно иссяк из-за боевых потерь. Войска экспедиционного корпуса были ослаблены эпидемиями, болезни иногда лишали боеспособности целые полки. Боевые действия ограничивались стычками, в которых силы сторон не превышали нескольких сотен и эскадронов.

Весной 1917 года активные боевые действия союзников по Антанте на Персидском и Месопотамском фронтах возобновились. Пополненный и отдохнувший 1-й Кавказский кавалерийский корпус в середине февраля перешел в наступление на город Мосул в северном Ираке. Одновременно в направлении на Мосул нанес удар с севера 7-й армейский корпус Кавказского фронта. Из Месопотамии на Багдад наступали англо-индийские войска. Наступление началось в крайне трудных условиях: дороги в горах были завалены снегом, местности опустошил неприятель, лошади страдали от бескормицы. Турки отходили на Керманшах. 23 февраля авангард наступающих подошел к городу на 20 верст.

Для османского командования и его немецких советников наступили «черные дни»: союзники наступали по сходящимся направлениям и до соединения оставалось только 300 верст, угрожая двойным охватом Багдада.

Это обеспокоило Стамбул и Берлин. Разведка докладывала о переброске в Месопотамию 316-го Германского, 19-го Саксонского и 91-го Ольденбургского полков. Однако подкрепления опоздали. 26 февраля 1917 года англичане вошли в Багдад. Защитить его турки не сумели из-за нехватки сил, часть которых была связана в боях с русскими под Керманшахом. Султанские военачальники

отвели войска в район Мосула, чтобы сосредоточить значительные силы и организовать новый рубеж обороны.

К этому периоду британская группировка войск в Ираке значительно усилилась. Весной 1917 года экспедиционная армия включала одну английскую и пять индийских дивизии и одну индийскую кавбригаду общей численностью более 60 000 штыков и сабель и 205 орудий.

Тем временем в марте 1917 года на Персидский фронт перебросили 4-ю Кубанскую казачью дивизию, получившую богатый боевой опыт в турецкой Армении. Усиление было связано с планом развить совместное наступление с англичанами на Мосул. Мосульскую операцию планировалось осуществить силами 7-го Кавказского армейского и экспедиционного 1-го Кавказского кавалерийского корпусов. Предполагалось наступать на современный Иракский Курдистан в направлении Пенджвин, Сулеймание, Киркук. По замыслу операции, русские войска оттягивали на себя часть турок в Месопотамии, что облегчало удар англичан на север от Багдада.

Русские войска, не поддержанные союзниками, атаковали с 10 по 13 июня. 22-го числа турки нанесли контрудар и оттеснили русских на исходные позиции. Этому были веские причины: тысячи лошадей оказались на голодном пайке из-за жары, которая выжгла подножный корм. Возможности закупать фураж в Персии сократились: курс бумажного рубля резко снизился, а приток в корпусную казну золотых и серебряных денег прекратился.

Осенью 1917 года новый главнокомандующий английскими войсками генерал-лейтенант Фредерик Стенли Мод предложил новый план Мосульской операции, по которому русские (14 000 штыков и сабель) должны были выйти на рубеж реки Дияла и получить припасы от британцев для дальнейшего продвижения на Мосул. Англичане даже предлагали автомобили для переброски

русских. Кавказское командование согласилось, и операцию должны были начать осенью 1917 года. Однако 5 октября Могилев предложил Лондону перенести операцию на начало 1918 года из-за дезорганизации тылового транспорта, вызванной гибелью в горах закупленных в Персии и Туркестане верблюдов и угрозы возникновения голода вследствие отсутствия топлива в безлесных горах. Наконец, на Кавказском фронте, пусть и в меньшей степени, чем на других, расшатывалась дисциплина. В конце 1917 года боевые действия в Персии, как и на всем Кавказском фронте, снова затихли. Сообщения о заключении сепаратного Брест-Литовского мира дошли до экспедиционного корпуса со значительным запозданием. Зимой Персидский фронт еще держался. Казачьи полки переформировали из шести- в четырехсотенные, а пехотные полки из четырех- в трехбатальонные. Баратов надеялся из оставшихся солдат и офицеров создать «Персидский отдельный Добровольческий Отряд» под командованием начальника 4-й Кавказской стрелковой дивизии генерал-майора Владимира Ласточкина.

Однако этот отряд не сформировали. 6 февраля 1918 года Баратов в приказе по корпусу объявил телеграммой исполнявшему должность командующего Кавказским фронтом генерал-майору Евгению Лебединскому, немедленно вывести корпус, в том числе организуемые добровольческие части из Персии, в Закавказье. Баратов требовал от командования вывезти в Россию все боеприпасы и все военное имущество. Дипломатические навыки помогли ему наладить отношения с солдатскими комитетами, эвакуация русских войск из Персии проходила на удивление организованно, без серьезных всплесков анархии.

Войска снимались с передовой и следовали через Казвин в порт Энзели. Оттуда они следовали на пароходах

в порт Петровск на кавказском побережье Каспия, где грузились в железнодорожные составы... Необъявленный фронт Первой мировой войны прекратил свое существование.

По мере ослабления российской власти и армии лидеры дженгелийцев воспряли духом и организовали ряд локальных выступлений против местных феодалов в Мазендеране. Летом 1917 года они уже предполагали захватить власть в Гиляне и впоследствии в Тегеране, воспользовавшись начавшейся эвакуацией русских войск, не останавливаясь перед уничтожением сторонников Великобритании и сотрудничеством с протурецким комитетом «Эттехаде ислам» («Единство ислама»). Между крайне левым Эхсануллой и более умеренным Кучек-ханом, среди сторонников которого было немало средних и крупных землевладельцев и купцов, усилились противоречия.

В июне 1918 года дженгелийцы пытались воспрепятствовать продвижению смешанного русско-британского отряда Лазаря Бичерахова и Лионеля Денстервиля под Рештом, но были разгромлены казаками, наступавшими при поддержке английских бронемашин. Попытки дженгелийцев выбить британский гарнизон из столицы Гиляна не увенчались успехом. 12 августа Кучек-хан подписал с Денстервилем договор, по которому англичане обязались выпустить пленных повстанцев в обмен на удаление из дженгеля турецких и немецких эмиссаров и поставки продовольствия англичанам.

В марте 1919 года англичане объявили Кучек-хану ультиматум — подчиниться тегеранскому правительству или покинуть пределы Персии. Призыв подкрепили отправкой в Гилян значительных сил персидской казачьей бригады и подразделений национальной армии общей численностью более 2000 человек под командованием

полковника Всеволода Старосельского. Старосельский занял Решт, пленил отряд одного из соратников Кучек-хана Хаджи Ахмеда Кесмаи и начал при поддержке английских аэропланов операцию против дженгелийцев. К концу мая главные силы повстанцев были разгромлены, небольшие группы во главе с Эхсануллой, Кучек-ханом и Халу Курбаном скрывались в отдаленных горных селениях.

Однако к лету дженгелийцам удалось восстановить силы благодаря серии удачных нападений на небольшие гарнизоны полиции и казаков, захватив некоторое количество оружия. Попытки заручиться помощью азербайджанского правительства и большевиков особым успехом не увенчались. Тем не менее повстанцы, пользовавшиеся среди местных жителей репутацией защитников бедных и ислама, незаметно стали реальной властью в Гиляне. Правительство вынуждено было пойти на соглашение с Кучек-ханом: взамен на отказ последнего от активных действий Тегеран согласился вывести казаков из Решта, принять на военную службу в регулярную армию значительный отряд сторонников Кучек-хана (тот требовал 1200 человек, но получил отказ), часть его соратников получили посты на государственной службе. Наконец, премьер Восуг-эд-Доуле согласился амнистировать Эхсануллу-хана.

Революция на мачтах эсминцев

Деятельность дженгелийцев обратила на себя внимание большевиков. В Кремле понимали, что к середине лета 1919 года стало ясно, что социалистические революции в странах Западной и Восточной Европы не состоялись. Советское руководство в разгар Гражданской войны колебалось между нормализацией отношений с европейскими

государствами и стремлением ослабить их, стимулируя революционное движение в их колониальных владениях и зависимых странах на Востоке, в частности в Иране.

Председатель Реввоенсовета Лев Троцкий в докладе, написанном в знаменитом «поезде Троцкого» на станции Лубны, отмечал «задержку» революции на Западе и в малых странах. Он предложил переориентировать главное направление военных действий Красной армии и секретных операций спецслужб Советской России на Восток, где вероятен подъем революционного движения и массовые восстания. Ключевой мерой его стимулирования Троцкий считал вооруженный экспорт российской модификации социализма в сопредельные с Советской Россией страны. Успех мировой революции, по его мнению, зависел прежде всего от боевого потенциала Красной армии, ее способности вести войну далеко за пределами границ Советской России.

Председатель РВСР считал, что действия РККА на востоке лишат Англию и Францию колоний. Без их сырья, рабочих рук и других ресурсов экономика ведущих колониальных держав будет подорвана, что приведет к обострению социальных противоречий на Западе и облегчит революционную пропаганду. Для гарантии успеха экспорта революции Троцкий намеревался создать военно-политический штаб азиатского повстанческого движения в Туркестане или на Урале.

В докладе 20 сентября 1919 года Троцкий уточнил идею: «Мы должны перейти к политике решительности и стремительности на Востоке. Мы можем сейчас подорвать работу Англии по сплочению азиатских государств против нас, создав в Туркестане серьезную военную базу, для чего уже имеются достаточные элементы. Нужно немедленно же выбрать линию удара и определить одно из цепи государств [Индии, Персии, Афганистана, Бухары,

Хивы], которые Англия противопоставляет нам, чтобы поставить его (государство. — *Авт.*) под непосредственный удар. [Но сначала следует] предъявить ультиматум о мире, подчинить [это государство] своей воле или [в случае отказа подчиниться] нанести по нему удар».

Троцкий намеревался отправить в Туркестан ответственного работника с исключительными полномочиями и предписать РВС сосредоточить в Туркестане необходимые ресурсы для вероятного броска частей Красной армии и связанных с ней повстанческих отрядов из Туркестана на юг.

Энергии, полету мысли и уверенности председателя РВСР можно только позавидовать. Судьба Советской России в тот момент висела на волоске из-за очередного наступления Добровольческой армии генерала Антона Деникина на Южном фронте, войска генерала Николая Юденича наступали на Петроград, продолжались боевые действия против Уральских казаков, еще не были разгромлены армии адмирала Александра Колчака. Тем временем главный организатор Красной армии уже видел в мечтаниях, как ее полки двигаются в Персию, Афганистан и Индию.

Лидер большевиков Владимир Ленин, выступивший в конце ноября 1919 г. на 2-м Всероссийском съезде коммунистических организаций народов востока, доказывал, что жители колониальных и зависимых стран подготовлены к революции участием в мировой войне. Она познакомила отсталые прежде этнические группы и сословия с современными вооружением, промышленным оборудованием и, наконец, общественно-политическими порядками. При этом Ленин отмечал, что первоначально коммунистам придется апеллировать при агитации на востоке не к социалистическим идеалам, а к буржуазному национализму и к антифеодальным настроениям.

Мирсаид Султан-Галиев, возглавлявший Центральное бюро коммунистических организаций народов востока, утверждал, что Восток — решающее звено мировой социалистической революции.

Съезд, завершившийся в начале декабря, поддержал тезис Султан-Галиева о необходимости военного похода на восток, поскольку он способен стимулировать революцию в Азии.

Вскоре началась подготовка к созданию войск, предназначенных для интервенции в сопредельные с Туркестаном страны востока. Командующий Туркестанским фронтом Михаил Фрунзе в телеграмме Троцкому от 25 января 1920 года просил ускорить высылку предназначенного фронту оружия из-за предстоящих значительных расходов на организацию революционных войск на территории Персии и Индии и просил дополнительных партий вооружения и обмундирования.

Вскоре видные деятели коммунистического движения Востока Мустафа Субхи и Аветис Султан-заде попросили ЦК РКП(б) разрешить организовать на советской территории персидские революционные части. Кроме того, восточные марксисты писали: *«Если будет поддержка 20–30 тысяч человек* (красноармейцев. — *Авт.*), *трудовой народ Персии не только будет избавлен от английских империалистов, но раз и навсегда будет освобожден от собственных эксплуататоров и войдет в братскую семью советских республик».* Ответа пришлось ждать больше месяца. Специальный приказ предусматривал формирование отряда в составе усиленного конным эскадроном и артиллерийской батареей стрелкового полка численностью около 1500 человек.

Советское руководство искало удобный повод для вторжения на территорию соседней страны. Самым удобным из них представлялось пребывание в порту Энзели

значительного числа кораблей белой Каспийской флотилии. Тегеран соглашался передать все имущество, находящееся под охраной британского флага, РСФСР. Тем не менее в Москве еще в марте, до вступления Красной армии в Азербайджан, началось планирование операции по захвату Энзели. Троцкий писал командующему флотилией Федору Ильину, более известному под псевдонимом Раскольников: *«Очищение Каспия от Белого флота должно быть выполнено во что бы то ни стало. Если потребуется десант, то он должен быть совершен... т.к. Персия не в состоянии разоружить белогвардейские суда».* Ленин наложил на этом послании резолюцию: «*Вполне согласен*».

Экспорт революции не был централизован, им одновременно занимались несколько структур в Москве (Реввоенсовет, Коминтерн, бюро коммунистических организаций) и в Туркестане и Закавказье. В конце апреля 1920 г. Красная армия заняла Азербайджан. Руководители советизированной страны активно участвовали в подготовке восстания, надеясь на присоединение к советской республике части территории Персии, заселенной этническими азербайджанцами.

Один из лидеров советского Азербайджана, Нариман Нариманов, надеялся, что возглавляемое им государство станет ключевым центром революционного движения на востоке, а сам он — одним из его лидеров. Однако роль Баку в развитии Гилянской операции оставалась все-таки второстепенной. Москва опасалась активно использовать получившие новые наименования части национальной армии, не веря их благонадежности. Главная роль в экспорте революции отводилась морским и сухопутным силам, прибывшим с «большой земли».

Энзелийская операция с самого начала задумывалась не только как действия с целью изъятия из порта уведенных белыми кораблей, но и как создание плацдарма,

с которого начнется победоносное шествие революции на Востоке. Неудивительно, что еще задолго до ее начала Раскольников встретился с лидером национально-освободительного движения Мирзой Кучук-ханом, а разведывательные отделы Туркестанского фронта и Каспийской флотилии направили в Энзели и приграничный город Ардебиль своих агентов с целью выяснения сил противника, боеспособности и настроения его войск. Сотрудники разведки Каспийской флотилии выяснили, что в Ардебиле стоят всего 300 человек персидских казаков, настроенных против англичан, более серьезно был защищен Энзели, где помимо остатков Белой армии и разоруженной флотилии находились около 6 тысяч индусов и гуркхов, причем последние, составлявшие треть гарнизона, сохраняли боеспособность. Они также отмечали: «*Многочисленные разбойники встанут на ту сторону, которая сильнее*».

17 мая Каспийская флотилия вышла из Баку с десантным отрядом Ивана Кожанова и взяла курс на Энзели. Главной ударной силой флотилии были канонерские лодки и миноносцы. Флагманом флотилии был эсминец «Карл Либкнехт» (бывший «Финн»), построенный в 1904 г. в Гельсингфорсе и вступивший в строй в 1906 г., участвовал в Первой мировой войне и Ледовом походе Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт, осенью 1918 года его перевели по Мариинской водной системе с Балтики на Волгу и затем — на Каспий. «Карл Либкнехт» активно участвовал в боевых действиях на Каспии, в частности в перехвате парохода «Лейла», на котором находилась делегация Вооруженных сил Юга России во главе с генералом Алексеем Гришиным-Алмазовым к адмиралу Александру Колчаку в мае 1919 года. Гришин-Алмазов и его адъютанты застрелились, но красным удалось захва-

тить большое количество ценных документов. В апреле 1920 года «Карл Либкнехт» заставил спасаться бегством два вспомогательных крейсера противника, а затем принудил к сдаче гарнизон форта Александровский, после чего в плен красным сдались более тысячи уральских казаков. За успешные боевые операции эсминец был удостоен почетного красного знамени. Несмотря на потерю хода вследствие длительной эксплуатации (20 узлов вместо проектных 25-26) «Карл Либкнехт» оказался сильнейшим боевым кораблем на море: два новых 102-мм морских орудия и 75-мм пушка позволяли ему либо обстреливать противника, не вступая в огневой контакт с ним, либо, развив максимальный ход, уклониться от боя с канонерскими лодками и вспомогательными крейсерами с более мощной артиллерией. Остальные три эсминца — «Дельный», «Деятельный» (командир — будущий адмирал Иван Исаков) и «Расторопный» — были устаревшими кораблями, построенными до 1904 года, с более слабой артиллерией и тихим ходом (вследствие изношенности котлов «Дельного» дивизион эсминцев не мог развить скорость свыше 16 узлов), тем не менее они могли поддержать десант и атаковать суда белой флотилии. Из-за тихого хода и высокой вероятности поломок (в одном из боев с белой флотилией миноносец с закипевшими котлами взяли на буксир) «Дельный» остался в Баку. «Карл Либкнехт», «Деятельный» и «Расторопный» составили правую колонну эскадры.

Левую составляли канонерские лодки и вспомогательные крейсера. Канлодки «Карс» и «Ардаган» были построены по заказу Морского министерства специально для Каспия «с учетом местных условий для сторожевой и полицейской службы». 20 августа 1908 года министерство заключило договор на постройку канонерок с Адмиралтейским заводом в Петербурге. Это были первые

боевые корабли русского флота с дизельными силовыми установками. Два двигателя по 500 лошадиных сил позволяли развивать максимальный ход до 14,5 узла (26,8 км/ч) и обеспечивали достаточную для ограниченного театра дальность плавания 1270 миль. При небольшом водоизмещении в 675 тонн корабли несли по 2 120-мм и 4 75-мм орудия и 4 пулемета. Такое вооружение позволяло беспрепятственно выполнять службу стационеров в каспийских портах Ирана, а небольшая осадка — эффективно поддерживать огнем десанты и войска на прибрежных направлениях.

В июле 1909 года канонерские лодки, иронически названные некоторыми моряками «каспийскими крейсерами», зачислили в списки флота под названием «Ардаган» и «Карс». 12 сентября «Ардаган» спустили на воду. На Балтике моряки предполагали проверить работу двигателей, орудий и отдельных судовых систем, главные испытания предполагалось провести на месте будущего применения, на Каспии. В конце сентября 1909 года «Ардаган» под командованием капитана 2-го ранга Владимира Ковалевского вышел в море на ходовые испытания, давшие хорошие результаты.

28 апреля 1911 года «Ардаган» вместе с «Карсом» покинули Петербург и через Ладожское озеро, Мариинскую водную систему и Волгу перешли на Каспийское море и 7 июля благополучно прибыли в Баку. Затем канонерские лодки участвовали в походе советских экспедиционных войск в порт Петровск, в защите Баку от наступавших на город турок. Однако после капитуляции города оба корабля вошли в состав флота Азербайджанской республики. В апреле 1920 г. канлодки включили в состав Волжско-Каспийской флотилии. Боевая служба обеих канонерок продолжилась и после окончания Гражданской войны:

они участвовали в подавлении восстаний в Прикаспии, наносили дружественные визиты в Иран, а в годы Великой Отечественной войны участвовали в сопровождении сухогрузов и танкеров, доставлявших грузы и топливо в Астрахань. В 1958 году «каспийские крейсера» сдали на металл.

Вспомогательные крейсера — «Роза Люксембург», «Бела Кун» (бывший «Австралия») и «азербайджанский» «Пушкин» несли по 2 130-мм морских орудия) с канонерками составляли правую колонну, в центре находились транспорты с десантом, санитарное судно «Березань» и тральщик «Володарский».

18 мая корабли флотилии подавили береговые батареи и вошли на рейд, высадив на берег десантные отряды. Как сообщал впоследствии Раскольников, англичане направили парламентеров и после ультиматума командования флотилии вывели гарнизон из города, получив обещание не препятствовать его отходу на Решт, дорогу на который уже контролировали моряки десантного отряда.

Каспийская флотилия, как сообщалось в донесении, захватила 11 вспомогательных крейсеров (на самом деле — больших вооруженных пароходов) и 9 вспомогательных кораблей. Трофеями советской флотилии стали вспомогательные крейсера «Президент Крюгер», «Америка», «Европа», «Африка», «Азия», «Дмитрий Донской», «Слава», «Милютин», «Опыт» и «Меркурий», плавучая база торпедных катеров «Орленок» с четырьмя английскими торпедными катерами, авиатранспорт «Ольга» с четырьмя гидропланами, более 50 орудий, 20 тысяч снарядов, 20 радиостанций, 160 тысяч пудов хлопка, 25 тысяч пудов рельсов, 500 тысяч пудов меди и значительное количество другого имущества Добровольческой армии и ее флотилии. Как сообщал командир морских десантных отрядов

Иван Кожанов, в порту были обнаружены 27 110 пудов (434 тонны) бензина, 3840 пудов (61,4 тонны) керосина, 3176 (50,8 тонны) мазута и 1655 (26,5 тонны) масла. Запасы нельзя назвать громадными, тем не менее их получение несколько ослабило топливный голод флотилии.

Начальник британского гарнизона генерал Чэмпейн сообщал, что, несмотря на 2-часовое перемирие, десантники продолжали прибывать, их численность, по его версии, выросла до 2000 человек (в действительности численность десантных отрядов не превышала 800 бойцов). Чэмпейн впоследствии пытался оправдать капитуляцию стремлением сохранить жизни солдат и имущество войск: «Представлялся выбор между тем, чтобы подвергнуть опасности мои силы без шансов на отступление и с верным поражением в конце, не приобретя ничего, или принять условия советского командующего и тем самым иметь возможным оттянуть мои силы к Решту без сопротивления и людских потерь и со сравнительно малыми потерями запасов и в то же время избежать разрушения Энзели... Я посоветовался с персидским губернатором Энзели, а также с генерал-губернатором Гиляна и ввиду инструкций военного министерства, данных в феврале, счел единственным выходом решение, которое я и принял».

Вскоре после этого, как утверждала энциклопедия «Гражданская война и иностранная интервенция в СССР», советские корабли вернулись в Баку. Но это типичная недомолвка изданий советского периода. Как сообщал в рапорте вернувшийся из Энзели Раскольников: «Настроение в Персии не поддается описанию. Весь народ встречал нас с необычайным энтузиазмом... Мы заявили, что во внутренние дела Персии вмешиваться не будем, предоставляя персидскому народу самому решить свою

судьбу. Губернатор остался в Энзели и приветствовал нас от имени персидского правительства. Персидские казаки заявили, что отдают себя в наше распоряжение. Стоявший во главе их русский офицер мною арестован и вместо него будет назначен наш товарищ. Вначале мною было заявлено, что мы пришли только за своим военным имуществом и белогвардейским флотом, но вчера я передал губернатору заявление, что ввиду восторженного приема красных моряков местным населением и раздающихся с их стороны просьб о том, чтобы мы остались и не отдавали их на растерзание англичан, красный флот остается в Энзели даже после того, как все военное имущество в Энзели будет вывезено. Первый, второй и третий десантные отряды военных моряков переименованы в советский экспедиционный корпус, а начальник десантных отрядов товарищ Кожанов назначен командиром экспедитора (так в документе, правильно — экспедкора. — *Авт.*). Прошу Вашей санкции на формирование корпуса и утверждение Кожанова в качестве комкора… Кучук-хан прислал своего представителя для переговоров со мной и заявил, что будет действовать, как ему укажет Советская Россия, преследуя цели освобождения народа Персии из-под ига англичан. Войска Кучук-хана насчитывают тысячу штыков и стоят сейчас в трех верстах от Решта. Хан запросил меня, брать ли ему Решт, я ответил, что пока Решт брать не следует, и пригласил его для переговоров относительно дальнейших действий в Энзели. Прошу Ваших указаний относительно дальнейшей политики в Персии. Могу ли я считать развязанными руки в смысле продвижения в глубь Персии, если в Персии произойдет переворот и новое правительство призовет нас на помощь?… Если англичане откажутся признать Решт и Пирбазар входящими в нейтральную зону, то можно занять эти города силой оружия… Персы уже открыто проявляют враждебность

к англичанам, а на нас смотрят как на своих освободителей. Считаю со своей стороны совершенно необходимым оказать самую энергичную помощь угнетенному персидскому народу. Что касается меня, то прошу Центральный комитет… перевести меня на работу в Наркоминдел, используя для участия в революционном движении других стран. В настоящее время очень ответственная работа предстоит на востоке, и, если возможно, я просил бы оставить меня здесь, дав мне ту или иную работу».

Одновременно один из руководителей РКП(б) на Кавказе Григорий (Серго) Орджоникидзе запрашивал Москву о способе дальнейших действий. Он предлагал «с помощью Кучук-хана и персидских коммунистов провозгласить советскую власть, занимать города за городами и выгнать англичан», соблюдая внешние приличия. Уже в дебюте операции начались проблемы со снабжением. 22 мая Кожанов указывал в рапорте командованию флотилии, что в отделе снабжения нет денег, и просил 15 млн руб., чтобы избежать сложностей с оплатой продовольствия и других необходимых припасов.

Чудеса в Реште

Экспедиция не вызвала восторга в Тегеране, где догадывались об истинных целях визита Каспийской флотилии. Персидское правительство сначала запросило командующего экспедиционным отрядом Ивана Кожанова о целях высадки, а затем заявило протест Совнаркому. В ответ на иранскую ноту Чичерин уверял: «О совершившихся в Энзели фактах Советское Правительство было поставлено в известность лишь после того, как означенная операция была доведена до конца <...> десанту предписано очистить персидскую территорию, как только минует военная надобность».

Беспокойство иранских властей вызывало и то, что под прикрытием советского десанта активизировал свои действия Кучук-хан. Как сообщал Кожанов: *«23 утром Кучук прибыл в Энзели. В результате беседы выяснилось, что он хочет начать революционное движение в Персии под советскими лозунгами, для чего считает необходимым образование советского правительства в Персии. Население Кучук-хана встречает восторженно. Все ждут переворота. Принимаем все меры для предотвращения преждевременных шагов, но думаю, что вряд ли удастся удержать революционное движение».*

Кожанов, похоже, знал меньше, чем старшие товарищи, совсем не намеревавшиеся тормозить революционный процесс. 25 мая Политбюро поручило ведомствам рекомендовать Орджоникидзе проводить политику поддержки Кучук-хана или демократических революционных элементов в их борьбе с шахским правительством в целях осуществления независимости Персии. К 1 июня на персидской территории находились около двух с половиной тысяч моряков и красноармейцев, около 40 пулеметов и 12 орудий. На встрече с Раскольниковым 27 мая Кучук-хан заявил, что хочет вести совместную борьбу с англичанами и шахом.

Чтобы имитировать непричастность к событиям, Москва пошла на хитрость и попыталась замаскировать военное вмешательство. Политбюро распорядилось не формировать экспедиционный корпус под советским флагом, одновременно содействуя революционному движению на северо-востоке Персии деньгами, инструкторами и добровольцами. Кроме того, предписывалось вывести главные силы флота из Энзели, а на оставленных для содействия Кучук-хану и его соратникам кораблях поднять флаги Азербайджанской советской республики. Кремль намеревался представить экспедицию несогласованной

с ним инициативой «бакинских товарищей» и парировать требования Тегерана о выводе советских войск из приграничных районов Персии.

28 мая после совещания с Кучук-ханом на пароходе «Курск» прибывший в Энзели Орджоникидзе вместе с Раскольниковым отправились в Баку, откуда командующий флотилией отправился в Москву. 8 июня 1920 года Политбюро ЦК подтвердило принятое еще 22 мая решение о назначении Раскольникова на Балтику. Возможно, он знал о своей новой должности и в письме Троцкому и его заму Эфраиму Склянскому писал, что не хотел бы командовать флотом, где не предвидится активных действий. Но, вероятно, нежелание отправляться в Кронштадт было вызвано не только особенностями темперамента. Раскольников понимал, что командиры и матросы вряд ли забыли предпринятый по его инициативе неудачный набег на Ревель в декабре 1918 года, когда из-за слабой подготовки похода два эсминца — «Спартак» и «Автроил» — были захвачены англичанами (те передали корабли эстонцам, которые впоследствии продали их в Перу), а их экипажи оказались в плену. Тогда моряки содержались в скверных условиях, самого Раскольникова переправили в Лондон и затем обменяли на пленных британских офицеров.

К тому времени советское руководство оказалось в трудной ситуации: идеи мировой революции противоречили прагматическому плану остановить войну и заняться восстановлением хозяйства и нормальной жизни разоренной страны. Но это было затруднительно без помощи ведущих европейских государств, которые выдвигали одним из ключевых условий возможного мира прекращение экспорта революции на востоке.

Один из недавних инициаторов распространения большевизма на восток Лев Троцкий писал 4 июня, что советизация Хивы, Персии, Бухары и Афганистана может

причинить РСФСР «величайшие затруднения» для восстановления промышленности и транспорта. Революция на востоке представлялась председателю РВСР выгодным предметом дипломатического товарообмена с Англией, «всемерно подчеркивать всеми путями нашу готовность столковаться с Англией относительно Востока». Троцкий предлагал сконцентрировать усилия на политической и организационной работе, избегая действий, которые требовали военной поддержки со стороны Советской России.

Георгий Чичерин в тезисах по работе коммунистов на востоке пояснял, что их деятельность не должна быть официально связана с советским правительством и его зарубежными агентами, поскольку Москва ограничена дипломатическими соображениями, стесняющими ее свободу действий. А их главная задача — активно участвовать в национально-освободительных и антифеодальных движениях, чтобы завоевывать авторитет и просвещать массы трудящихся и разъяснять ключевые пункты программы.

Чтобы избежать обвинений в военном вмешательстве, десантный отряд для видимости расформировали. Была осуществлена и еще одна «операция прикрытия»: Кожанов и комиссар отряда Абуков приняли персидское подданство.

Как сообщал возвратившийся ненадолго в Персию Раскольников, экспедиционный корпус был расформирован, но «по настоятельным просьбам» Кучук-хана первый десантный отряд и кавалерийский дивизион моряков вступили 4 июня в Решт в качестве добровольцев, поступивших на службу персидского революционного правительства. По данным Раскольникова, англичане стремительно покидали Иран, бросая и уничтожая склады боеприпасов и амуниции, а части англо-индийской армии и персидской казачьей дивизии, созданной под руководством русских офицеров, готовы перейти на сто-

рону Кучук-хана. Командующий флотилией отмечал, что некоторые из прибывших из Баку коммунистов плохо подготовлены к работе в специфических местных условиях, а ставку лучше сделать на Кучук-хана, за которым идет большинство населения.

После занятия Решта было сформировано Временное революционное правительство Персии во главе с Кучук-ханом, народными комиссарами в нем стали его соратники по партизанской борьбе против шаха. Новое правительство объявило о свержении монархии и учреждении советской республики, аннулировании заключенных шахом международных договоров. Отдельным пунктом декларации правительства была защита ислама.

Успех был омрачен первой неудачей. 18 мая в 7 утра кавдивизион десантного отряда Кожанова согласно полученным приказаниям перешел границу, как утверждалось впоследствии в рапорте, «при восторженных криках населения, которое без различия классов приветствовало наши войска поднесением хлеба и соли», и двинулся вдоль берега на Энзели. Предполагалось организовать по пути движения моряков-кавалеристов пути сообщения по суше, дополняющие морские коммуникации. Обеспечить бесперебойную работу дороги и прикрыть ее от нападений вероятных противников должен был 7-й Ширванский полк Красной армии Азербайджана. Он получил приказ занять город Ардебиль неподалеку от границы и выставить заслоны для прикрытия транспортов с продуктами и, вероятно, боеприпасами. Обоз кавдивизиона перешел границу только 21 мая и на следующий день достиг Энзели. Однако уже на следующий день около 12 часов разбойники неизвестной численности напали на транспорт с продовольствием, направляющийся в 7-й полк, 2 подводчика и 2 аскера были избиты разбойниками, буйволы

и хлеб разграблены и угнаны в горы. Как сообщалось в донесении штаба флотилии: «Послан карательный отряд с новым транспортом хлеба».

Однако попытки наладить сухопутную связь между Гиляном и Азербайджаном не увенчались успехом. 24 мая сопровождавший обоз с продовольствием отряд моряков из 15 человек при 1 пулемете был атакован бандой около 100 человек. Моряки отступили, потеряв 2 ранеными и оставив обоз противнику. На следующий день стало известно, что Ширванский полк (около 600 штыков при двух орудиях и трех пулеметах) окружен разбойниками около 5000 человек (сведения о численности противника могли быть завышенными). Штаб Ленкоранского боевого участка просил выделить на участок подкрепления для помощи окруженным, а также военный корабль для артиллерийской поддержки на приморском направлении.

Впоследствии выяснилось, что Ширванский полк при отходе на азербайджанскую территорию был атакован отрядами шахсевенов, сумевших воспользоваться преимуществами местности. В бою с превосходящими силами противника полк, не имевший запасов продуктов и воды, потерял от 100 до 150 бойцов и командиров убитыми и пропавшими без вести, также были оставлены два поршневых трехдюймовых орудия, приведенных в негодность, и 140 снарядов. Потери могли быть и более тяжелыми, однако раненых (их число в документах не указано) разрешил оставить у себя один из местных ханов, разместивший их в селении Намин. После экспедиции погранотряда и подразделений Красной армии на персидскую территорию раненых удалось вернуть.

Неудачные бои обострили проблемы дисциплины в 7-м полку. 26 мая 4-я рота Ширванского полка под командованием Ахундова (в донесении он назван предателем

и провокатором) отказалась от погрузки на корабль в полном составе и вышла в полном вооружении из Астары в направлении Ленкорани (последующая погоня задержала 8 аскеров, остальные скрылись в горах), вслед за ней вышли из повиновения и остальные роты, ввиду чего подразделения Красной армии и отряд моряков разоружили весь полк.

На следующий день пароход «Падди» снялся из Астары и вышел с обозом кавдивизиона и военным снаряжением Ширванского полка. А 28 мая 7-й Ширванский полк в составе 650 человек закончил выгрузку на рейде Энзели. Боевая ценность этой части после возвращения оружия была весьма сомнительной — бывшие мятежники имели немало шансов перейти на сторону противника (впрочем, персы не любили азербайджанцев). Однако другими резервами для пополнения Персидской Красной армии в Баку в тот момент не располагали.

Заняв Решт, командующий вооруженными силами Персидской республики Кожанов и член РВС Эхсанулла отправили в Баку телеграмму с просьбой об отправке аэропланов, бронемашин, подкреплений живой силой. Затем выяснились и другие не слишком приятные вещи. Уже в конце мая из Энзели в центр полетели телеграммы: *«Курс денег падает. Нужны туманы* (иранская валюта. — *Авт.*). *Если их нет, пришлите сахар-рафинад, белой муки и 200 ящиков пива для продажи. Ввиду полного обесценивания наших денег на персидском рынке установлено бойцам жалование по 36 туманов, командному составу — в соответствующей пропорции».*

Проведенная в середине июня проверка дисциплины личного состава и технического состояния машин автороты при штабе Персидской Красной армии выяснила, что автомобили, особенно 3 полугрузовика «Форд» и 4

грузовика разных марок, используются бесконтрольно. Водителей подозревали, что они выполняют коммерческие рейсы. Но это неудивительно: как отмечалось в акте проверки, шоферы были не кадровыми бойцами, а вольнонаемными работниками, не получая своевременно жалования, они намеревались уволиться, чтобы прокормить семьи. Вслед за советскими войсками и комиссарами в Энзели прибыли и сотрудники «персидского областного управления» Азербайджанского управления рыбных промыслов.

Но в тот момент казалось, что ничто не может помешать триумфальной победе социальной революции на Востоке. Штаб XI армии, недавно занявшей Азербайджан, оповестил подчиненных: *«В северной Персии в районе Энзели-Решт-Казвин персидский пролетариат сбросил с себя иго своего шаха и ханов с их правительством и открыл геройскую войну против их помощников и покровителей — Антанты. Из революционного пролетариата образована Персидская Красная армия, Главкомом коей избран тов. Мирза-Кучук. При нем образован Реввоенсовет Персии, в который входят членами товарищи из ЦК Персидской партии коммунистов-большевиков, именуемой «Адалет», также и два наших товарища, Абуков и Кожанов, утвержденные нашим центром. На доблестную XI армию возлагается чрезвычайно важная и почетная задача — соорганизовать, вооружить, одеть, обуть и снарядить по своему образу и подобию столь же доблестную Рабоче-Крестьянскую Красную персидскую Армию, обучить и воспитать ее в духе III Интернационала и предоставить ей уже своими силами сравняться доблестью с нашей XI армией и, изгнав из своих пределов шаха, ханов и Антанту, раскрепостить пролетариат и наделить его по возможности землей и всеми благами свободного суверенного народа... Во исполнение*

сего в Баку при штабе XI армии образуется управление по формированию Персидской армии».

Несколькими днями позже начальник штаба XI армии бывший генерал-майор Генштаба Александр Ремезов в своей докладной писал в Реввоенсовет Кавказского фронта: *«По-видимому, решено твердо проводить политику освобождения Персии от шахского правительства и Англии, раскрепостить народ, наделить его землей. Вокруг Кучук-хана создалось прочно твердое здоровое ядро, которое не допустит ни шахства, ни махновщины».* В середине июня на работу в Персию — членом ЦК компартии и на руководящую должность в политотдел армии — был направлен известный авантюрист, участник левоэсеровского мятежа в июле 1918 года, Яков Блюмкин. В тот момент, по мнению замнаркома иностранных дел Льва Карахана, убийца германского посла графа Мирбаха и его жена-врач «заслуживали полного доверия».

Одновременно Москва пыталась максимально замаскировать участие советских войск в операции. Замнаркома иностранных дел Лев Карахан в письме в РВС Кавказского фронта указывал: «Строго следите, чтобы все шло под знаменем персидским, Кучук-хана или революционной персидской власти. Обратите внимание, чтобы выборы в меджлис усилили демократов, войдите с ними в связь и обещайте им помощь, постарайтесь их сплотить и организовать для руководства революционным движением в Персии. Мы должны быть совершенно в тени, вся помощь людская должна быть оказана в порядке добровольчества... Если Кучук-хан может занять Решт, то пусть занимает и распространяет свое господство на большую территорию».

16 июня Кожанов сообщил, что РВС Персидской Красной армии разрабатывает план наступления на Тегеран. Москва действовала противоречиво: большевистские

руководители ограничивали военную и материальную помощь новой республике, опасаясь обвинений в экспорте революции, и одновременно просили расширить территорию, занятую новым правительством. Троцкий, еще недавно говоривший о необходимости не устраивать акции, требующие военной поддержки Советской России, теперь указывал, что приостановка наступления — опасный симптом и только непрерывный натиск может обеспечить быструю победу. Что же, такую логику можно понять: сворачивать экспедицию в прикаспийскую провинцию он считал неправильным и, вероятно, стремился укрепить позиции революционной республики, чтобы получить затем от капиталистов большие уступки за отказ от ее поддержки.

Продолжение присутствия советских военных и их руководителей в Гиляне вызывало тревогу в Тегеране. 20 июня Наркоминдел получил новую ноту министерства иностранных дел Ирана: «Последние известия указывают на то, что большевистские войска продолжают занимать Энзели и Решт. Командующий вооруженными силами Казаков и политический агент Обухов (в Тегеране исказили имена Кожанова и Абукова) продолжают оставаться со своими войсками в этих районах и стараются организовать восстание среди населения и вызвать*** (пропуск документа. — *Авт.*) ... против центрального Правительства».

Чичерин воспользовался «переходом» моряков в персидское подданство, чтобы отрицать очевидные факты присутствия советских войск в Гиляне и руководство отрядами десанта и местных повстанцев Кожановым и его соратниками. В ответной ноте он утверждал: «Российское Правительство категорически заявляет, что никаких военных или военно-морских сил в настоящее время нет на территории или в территориальных водах Персии. Все находившиеся там войска были отведены сразу же после

наших последних заявлений по этому поводу. В частности, ни в Энзели, ни в Реште сейчас нет русских войск. Лица, названные в Вашей радиотелеграмме как якобы являющиеся одно — командующим армией, а другое — политическим представителем России, в действительности не занимают ни этих, ни каких-либо иных официальных русских постов, и их качество и место пребывания нам неизвестны… все утверждения, направленные Вами против нашего Правительства, основываются на ошибочных данных, абсолютно не отвечающих действительности».

Орджоникидзе сообщал из штаба Кавказского фронта Троцкому, что успех революции зависит от масштабов помощи из Баку и Астрахани и констатировал, что «широкого реактивного революционного движения в стране нет. Все зависит от того, насколько быстро сумеем подать помощь». 21 июня Серго получил неожиданную телеграмму от члена РВС Юго-Западного фронта и наркома по делам национальностей Иосифа Сталина. Тот сообщил своему соратнику, что дела на его фронте идут удовлетворительно и запросил Орджоникидзе об обстановке в Персии и Азербайджане. Вероятно, Сталин интересовался персидскими делами как член ЦК и нарком, отвечавший помимо прочего и за революционную пропаганду среди народов Востока.

Не слишком удачными оказались и попытки форсировать революционное движение в прилегающей к советскому Туркестану персидской провинции Хорасан. Попытки использовать для развития партизанского движения отряды местного феодала Ходоу-хана, выступавшего ради получения оружия, боеприпасов и денег под антишахскими и антибританскими лозунгами, привели к тому, что большая часть полученного им вооружения (в том числе и пулеметов) была потеряна в боях с жандармерией и отрядами других местных вождей. Иранские коммунисты стреми-

лись сформировать военную силу из живших в Туркестане персидских подданных. Аветис Султан-задэ жаловался, что РВС Туркестанского фронта препятствует организации крупных формирований и ограничил численность интернационального отряда 5000 человек вместо 30 000 запрошенных. Однако, по всей видимости, туркестанские персидские большевики вели себя как племенные вожди, завышавшие численность своих отрядов ради получения дополнительных средств и вооружения. Списочный состав отдельного персидского Интернационального отряда при 1-й армии Туркфронта, дислоцировавшейся в Полторацке (ныне Ашхабад) и Красноводске, никогда не превышал 1800 человек, а боевая ценность отряда была настолько сомнительной, что его предпочли не отправлять в Гилян.

21 июня РВС XI армии доносил в РВС Кавказского фронта о сложности снабжения соединения армии из-за необходимости содержать «части революционных народов Востока», под которыми подразумевались формирования, предназначенные для закрепления Советской власти в Азербайджане и Дагестане, а также ядро будущих революционных армий Персии, Армении и Турции. «Потребности этих частей настолько велики, что армия не в состоянии покрыть их из своих текущих запасов и кредитов», сетовали в Баку. РВС просил до окончательного утверждения сметы выделить по 15 000 комплектов вооружения, обмундирования и обуви. «Если мы не поддержим революционного движения Персии и Турции именно сейчас, то потом уже поздно будет налаживать связь, которая сейчас по воле революционных волн этих народов идет нам навстречу», — резюмировали командарм Матвей Василенко и член РВС Валентин Трифонов. Вероятно, РВС армии пытались таким образом обратить внимание на типичный для Гражданской войны острый недостаток снабжения

всем необходимым и стремились пополнить армейские запасы в том числе и за счет ресурсов, выделенных для революционных армий.

Чтобы укрепить Персидскую Красную армию, командование XI армии, в фактическом подчинении которой находились войска в Гиляне, 28 июня 1920 года наметило ряд специалистов Генштаба для «несения работы» в штабе ПКА во главе с гражданином Карбелетели (так в документе), предназначенным на должность начальника штаба и военного руководителя. Командарм XI Михаил Левандовский и член РВС Яков Весник просили руководство Персидской армии срочно уведомить о согласии приема в штаб группу военспецов.

Попытка расширить территорию, занятую «революционными» войсками была предпринята в конце июня — начале июля 1920 г., небольшой (около 200 человек) десант моряков и бойцов Кучук-хана высадили с транспортов Каспийской флотилии в прилегающей к Гиляну провинции Мазендаран. К нему присоединились местные повстанцы. Командир отряда, который подписывался именем Фарулла, провозгласил его армией. Громкое наименование должно было укрепить положение еще не сформировавшейся Советской власти на новой территории, преувеличив ее силы, привлечь дополнительных бойцов в ряды войск, наконец, напугать потенциальных противников масштабом противостояния с настоящей, а не самопровозглашенной армией.

Однако операции в Мазенадаране развивались вяло. Как сообщали в штаб Персидской армии, 12 июля Мазендаранская армия выбила из небольшого городка Сари отряд жандармерии около 600-700 штыков, но не стала развивать успех, а начала на следующий день переговоры с командиром жандармского отряда. 15 июля подразделения красных передали Сари жандармерии, обязавшейся

оставить город после того, как заготовит продовольствие в его окрестностях.

Последующие три дня прошли в Мазендаране спокойно, лишь 16 июля канонерская лодка «Ленин» высадила десант в 25 русских и персов для разведки городов Большой Гази и Астрабад. На следующий день отряд казаков численностью до 400 человек с артиллерией (по разным данным от одного до трех орудий) напал на десант. Канонерка обстреляла город, десант, оставив в Гази 5 моряков и одного перса (причем было неизвестно, попали ли они в плен или убиты), вернулась в Мешедесер. Командование группы в Мазендаране считало, что может укрепить свое влияние, поскольку «население охотно встает под винтовку в наши ряды».

Отряд жандармерии держался нейтрально, внимательно наблюдая за действиями десанта, понимая, что он пользуется поддержкой Решта и в случае укрепления новой власти в провинции перейдет на ее сторону. Отряд казаков был настроен враждебно. Фарулла резюмировал: «Мы не имеем ни одной запасной винтовки и патрон, новые формирования из-за этого невозможны. Дальнейшее стояние армии в районе Мешедесер при отсутствии патрон имеющимися силами грозит крахом: противник, учитывая оторванность и припертость к морю, становится назойливым и активным.

Поэтому прошу: Если операция на Тегеран и Мешедесер считается РВСР (П) лишней, то Мазендеранскую армию эвакуировать в Решт. Если она считается необходимой, то требуется выслать винтовок 2000, патронов 1 млн, горную батарею 4 орудия, инструкторов, средства связи».

Руководство Персидской советской республики и местной Красной армии ввиду ограниченности сил и ресурсов предпочло первый вариант: немногочисленный отряд, по

недоразумению названный армией, в конце июля 1920 г. был посажен на один из транспортов Каспийской флотилии и возвращен в Энзели.

Красная междоусобица

Строительство институтов нового государства продвигалось крайне медленно. Национально-освободительные и отчасти антифеодальные лозунги Кучук-хана привлекли на его сторону купечество, которое согласилось нести часть расходов на содержание местных вооруженных сил и русских «добровольцев», взамен председатель революционного правительства согласился на свободу внутренней торговли и ведение переговоров о выводе из Баку и других азербайджанских городов товаров, уже закупленных персидскими коммерсантами. Однако эта половина уже была присвоена советским азербайджанским правительством. Невозможность выполнить обещания, данные лидером дженгелийцев, привела к финансовому кризису. Представитель Кавбюро ЦК РКП(б) в Персии Борис Абуков просил срочно направить для Кучук-хана золотые и серебряные слитки, чтобы обеспечить выпуск денег, которые намеревалось начать печатать революционное правительство.

7 июля Политбюро поручило Серго Орджоникидзе координировать советскую помощь гилянским революционерам и назначило Буду Мдивани полпредом РСФСР при «новом правительстве Персии».

Вопрос о возврате товаров персидским купцам поднимался даже на заседании Политбюро 13 июля 1920 г. Кремль поручил одному из членов Кавбюро ЦК Буду Мдивани «оказать возможное давление на Азревком для ускорения выдачи задержанных в Баку товаров персидским купцам через правительство Мирза-Кучик (так в доку-

менте)». Еще одним важным вопросом был статус революционного правительства: Москва не могла признать Кучук-хана, пока его республика распространялась всего на два города и узкую прилегающую полосу, слишком несопоставим по масштабу был вероятный ущерб, а ограниченная негласная поддержка препятствовала активным операциям с целью расширения территории. Тем временем 9 июля состав Реввоенсовета Персидской республики изменился: вместо отбывшего вслед за Раскольниковым в Советскую Россию Иваном Кожановым главкомом революционной армии назначили Эхсануллу, которого через несколько дней заменили на кадрового офицера русской армии Василия Каргалетели (Каргаретели). Каргалетели родился в Тифлисе, после окончания Московского военного училища служил в лейб-гвардии Санкт-Петербургском полку, затем его перевели в армейский полк. После окончания академии Генштаба в 1913 году служил во время Первой мировой войны в штабе 1-й кавказской казачьей кавдивизии и штабе Северного фронта. После революции и объявления независимости Грузии стал военным атташе Грузии в Азербайджане. Летом 1919 года — еще один неожиданный поворот судьбы: Каргалетели переходит на службу в азербайджанскую армию сразу на должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (эквивалент начальника оперативного управления). В марте 1920 г. его произвели в генерал-майоры. Вскоре после занятия Азербайджана Красной армией в апреле 1920 г. Каргалетели ненадолго оказывается в тюрьме, но затем благодаря чину и, вероятно, родственным и личным связям — на посту командующего армией, которая по численности и техническому оснащению существенно уступала пехотной (стрелковой) дивизии старой армии.

Ситуация обострилась из-за личных противоречий между Кучук-ханом и его окружением и членами Иран-

ской коммунистической партии, прибывшими в Энзели на советских транспортах и стремившимися сделать в Персии революцию по российскому образцу, но форсированным темпом. С самого начала Султан-задэ и его помощники видели в Кучуке если не Корнилова, то уж точно Керенского. Ситуация начала обостряться вскоре после отъезда Раскольникова, настаивавшего на максимальной постепенности и уважении к Кучуку. В начале июля Буду Мдивани заявил в Баку на конференции только что созданного Иранского бюро ЦК компартии Азербайджана: *«Если Кучук не вырастет в крупную революционную фигуру, его придется убрать, и очень вероятно, что эта необходимость настанет очень скоро».* Весьма похоже высказалось и Иранское бюро, заявившее к тому же о конфискации помещичьих земель и продуктов.

17 июля 1920 года Кучук-хан направил Ленину телеграмму, в которой просил прислать в Гилян опытных и преданных революционеров, способных умело применить русский опыт в персидской действительности, в частности Буду Мдивани, который прежде жил в стране и знал местные проблемы. Это был слабо завуалированный намек на неспособность многих действовавших в Гиляне советских эмиссаров понимать специфические местные условия, их бестактность в отношении к персидским обывателям. Однако надежды на быстрое удовлетворение просьбы не было. После отъезда Раскольникова и Кожанова вождю дженгелийцев не удалось наладить сотрудничество с новыми властями.

Чувствуя нарастание угрозы для себя и ближайших соратников, Кучук-хан предпочел уйти 19 июля в привычное убежище — лес под Фуменом, на что местные коммунисты ответили обвинениями своего соперника в переходе на сторону англичан и шаха. Сам же Кучук отправил в Москву большое послание, адресованное лич-

но Ленину. Однако прочитали его сначала в конце июля в штабе Кавказского фронта. Тот, который, по замыслу Раскольникова и Орджоникидзе, должен был возглавить персидскую революцию, весьма неуважительно отзывался о местных коммунистах:

«Распространение коммунистической программы в настоящее время в Персии невозможно ввиду того, что лица, коим поручено распространение программы, не знают всех условий жизни народа и его желания, о чем мною было своевременно сказано представителям России с указанием того, что население еще не подготовлено к столь идеальной программе, а поэтому их тактика может привести к нежелательным результатам и народ перейдет на сторону врагов... После его (Раскольникова. — *Авт.*) отъезда отмечены нарушения по отношению к общепринятой политике на Востоке. Азербайджанским правительством реквизированы все товары персидских подданных, которые Советский Азербайджан обещал пропустить в Персию для Красной армии. Азербайджанское правительство запретило свободный проезд персидских подданных в Персию... Тов. Абуков, который рекомендует себя то представителем России, то представителем партии «Адалет», с несколькими персидскими коммунистами, прибывшими из России, не знающими ни обычаев, ни характера населения, несмотря на договоренность о несвоевременности проведения коммунистической пропаганды, собирает население на митингах, рассылает воззвания, с помощью которых стремится к достижению успеха, вмешивается во внутренние дела, тем самым подрывает авторитет Советской власти, бывали даже случаи, когда они отзывались обо мне и моих сторонниках как о сподвижниках буржуазии, с каждым днем запутывают дело революции и ставят меня в безвыходное положение. Доносятся жалобы населения всех стран Персии (так в до-

кументе. — *Авт.*) на эти выпады, которые отняли у него желание идти на помощь революции. Население Решта, которое еще месяц назад было готово идти в огонь и в воду для достижения революции, теперь под влиянием разных толков решается на забастовки и почти готово протянуть руку контрреволюции. Я знаю, что в каждой свободной стране свободны всякие программы, но программа, которую проводят в настоящее время в Персии, идет против желания населения и в случае продолжения может привести к контрреволюции... Вышеизложенное вмешательство в дела республики и отсутствие установленных взаимоотношений, благодаря чему констатируются частые случаи нарушения условий, заключенных между советскими республиками, не могут примириться с подобного рода явлениями. Голос персидского народа говорит: мы проделали первый шаг в своему освобождению, но нам грозит опасность с другой стороны, а именно: если мы не предотвратим вмешательства иностранцев во все внешние и внутренние дела, то предпринятый нами шаг к свободе не будет иметь цены, т.к., сбросив одну иностранную власть, мы попадем под власть другой. Я со своими друзьями не считаю себя вправе уничтожить свою революционную честь, приобретенную 14-летней борьбой . На основании вышеизложенных причин я покинул Решт и возвратился в лес к месту своего прежнего пребывания, где и буду ожидать разрешения следующих вопросов:

1) Реализация обещаний Советской России свободному народу Персии о невмешательстве Советского Азербайджана в дела Персии...

2) Признание границ и прав Советской республики...

4) Ограждение жизни и имущества персидских граждан в пределах Советского Азербайджана.

5) Устранение т. Абукова из Персии и откомандирование в распоряжение советской Персии т. Кожанова, кото-

рый в противоположность Абукову содействовал развитию революции в Персии...

Я обращаюсь к вождям российского свободного народа во имя самоопределения народов и во имя освобождения Персии от царского угнетения привести в исполнение свои Декреты о передаче концессий персидскому народу и уничтожить все прежние договоры... Для сохранения свободы необходимо уничтожить обоюдными усилиями нашего общего врага и устранить единичных личностей, которые своей нетактичной политикой препятствуют воплощению общей цели и тем самым отнимают возможность осуществить свободу для персидского народа. До благополучного разрешения вопроса я не вернусь».

Формирование армии нового государства также тормозилось из-за особенностей моряков. Сошедшие с кораблей десантники были хороши в наступлении, их порыв не раз обеспечивал успех в рискованных операциях. Однако моряки не были привычны к длительному пребыванию на боевых позициях под регулярным обстрелом противника. Окопная повседневность и задержки с получением денег и обмундирования действовали на них угнетающе. 16 июля вернувшийся из командировки в Персию член Реввоенсовета XI армии Борис Михайлов сообщал в РВС Кавказского фронта, что точную численность вооруженных сил сложно подсчитать из-за большого числа неорганизованных отрядов. По его оценке, Персидская Красная армия насчитывала около 3500 штыков, 280 сабель, 52 пулемета, 8 трехдюймовых пушек, 2 гаубицы и одну бронемашину. Боевой дух красных войск был далеко не на высоте. По утверждению Михайлова, батальоны, состоявшие из моряков десантных отрядов, некогда бывшие ударной силой армии, дошли до разложения. «1-й батальон почти в полном составе самовольно снялся с позиции и с оружием приехал на пароходе в Баку. Оставшиеся мо-

ряки митингуют, требуя отправки их в Россию. Причины разложения — отсутствие сколько-нибудь нормального снабжения деньгами, слабая политработа и отсутствие твердой руки, могущей поддерживать дисциплину в военморовских частях. Кучукхановцы являются хорошим боевым материалом, но совершенно не имеют строевой подготовки и соответствующего комсостава. Добровольцы — совершенно сырой материал, недисциплинированный и трусливый. 11 июля рота добровольцев убежала с позиции, заслышав пулеметную стрельбу в двух верстах». Резюме Михайлова было нелицеприятным: «Персидская армия не является сколько-нибудь серьезной силой и способна при отсутствии активных действий со стороны шаха и англичан поддерживать правительство Мирзы Кучука до тех пор, пока в революционное движение не будут вовлечены крестьянские массы под лозунгами революции и на этой социальной базе будет создана персидская Красная армия. Ввиду реальной опасности развала армии до наступления революции срочно, пока нам не связали руки лондонскими переговорами, отозвать военморов, заменить их бригадой русской Красной армии, оставить временно часть артиллерии и часть кавалерии». Вскоре для усиления частей Красной армии, действовавших в Гиляне, был сформирован сводный отряд из отдельных подразделений бакинского гарнизона. Среди других в Энзели 25 июля отправили взвод второй батареи 1-го легкого артдивизиона 28-й стрелковой дивизии: 47 красноармейцев с одним командиром, при двух орудиях, 40 лошадях и нескольких повозках. Начальник артиллерии дивизии впоследствии жаловался, что 1-я бригада осталась без артиллерии: первую батарею ранее установили на позиции на специальных станках для стрельбы по воздушным целям для отражения налета английских аэропланов на Баку.

В эти же дни посетивший Гилян начальник штаба военно-воздушной экспедиции Азербайджана военный летчик Афшар отмечал, что его Красная армия в настоящий момент не обладает необходимыми силами для масштабных боевых действий против шахской армии, а персидские силы, формируемые Мирза-Кучуком, неспособны развернуть их из-за отсутствия всякой военной организации его отрядов. «Нахожу безусловно необходимым и единственно продуктивным энергичное вмешательство XI армии, которая более обеспечит персидский фронт в случае открытия военных действий. Что касается воздушных операций, то благодаря совершенной своеобразности местности они будут тесно сплетаться с сухопутными, которые более вероятно будут иметь решающее значение», — резюмировал эмиссар.

Спустя два дня, 18 июля, моряки устроили мятеж и отказались от выполнения боевой задачи. В день их отправки на фронт под Менджиль военморы выстроились в колонну, но по команде «Направо» дружно повернулись налево и заявили, что на фронт они идти не желают, а вместо этого намерены отбыть в Энзели для дальнейшей отправки в Россию. Пытавшимся помешать командирам и комиссарам моряки пригрозили расправой. В Энзели, куда дошли слухи о мятеже, началась паника, гарнизон разбежался, мародеры и местные жители расхищали все, что попадалось под руку, из армейских и флотских складов.

Экипаж стоявшего на рейде миноносца был ненадежен, расчеты орудий выказывали нежелание «стрелять по своим» в случае получения соответствующего приказа. Чтобы предотвратить массовое бегство моряков в Баку, члены РВС распорядились отогнать лодки от берега. Лишившись после длительного 35-верстного марша возможности немедленно захватить пароход, матросы были деморализованы. После передачи им ложной телеграммы

об отправлении из Баку отряда коммунистов в 1000 человек с пулеметами и горными пушками, моряки выдали зачинщиков мятежа и согласились выступить на позицию.

Вскоре РВС Персидской армии просил прислать 1 млн патронов из-за исчерпания запасов (оставалось всего 20 000), станки к найденным на складах белой флотилии 59 стволам пулеметов «Максим», а также 1000 русских и 1000 английских винтовок для вооружения новых формирований.

Тем временем в Баку решили усилить разведку и моральное давление на противника за счет воздействия с воздуха. В середине июля РВС XI армии после запросов из Москвы распорядился вывести из Гиляна бездействовавшие там 7-й и 14-й воздухоплавательные отряды, прибывшие туда с Каспийской флотилией. Аэростаты потребовались на Южном фронте для наблюдения и корректировки стрельбы в степях северной Таврии.

Взамен командование армии распорядилось отправить в Энзели предварительно разобранный для транспортировки на пароходе аэроплан 15-го авиаотряда «Сопвич» вместе с его пилотом красвоенлетом Иваном Медведицыным. Командира отряда обязали отправить в Гилян механика, двух мотористов, а также «достаточный запас горючего и смазочного материала, запас легковесных бомб, необходимый инструмент для сборки и ремонта и все необходимое для обслуживания самолета».

Однако 5 августа Медведицын вернулся в Баку с поврежденным «Сопвичем» для последующего ремонта. Военный куратор Гилянской операции, начальник штаба XI армии Александр Ремезов, распорядился отправить в Энзели другой самолет с тем же летчиком, который уже ознакомился с особенностями местности.

Одновременно РВС армии и Кавказского фронта опасались, что Великобритания может ответить на участие

красных частей в боевых действиях в южном Прикаспии ударом авиации с персидских аэродромов по Баку и особенно его нефтепромыслам. Управление воздушного флота и штаб XI армии подготовили детальный план противовоздушной обороны Баку с использованием корабельной зенитной артиллерии, подготовленных для стрельбы по воздушным целям орудий полевой артиллерии и пулеметов. Кроме того, Управление воздушного флота сформировало специальный истребительный отряд из 4 самолетов с лучшими пилотами. Понимая, что этих сил может оказаться недостаточно для отражения массированного налета, командование XI армии и ее воздушного флота просило направить в Баку несколько самолетов типа «Спад», оснащенных моторами мощностью 160 и 220 л.с.

Непоследовательные, не учитывавшие местные особенности мероприятия новых властей в хозяйственной области и бесчинства красноармейцев, прибывших из Азербайджана, резко ухудшили отношение местного населения к новой власти. С самого начала местные отряды и переброшенные из Баку и Ленкорани части азербайджанской армии не отличались особой боеспособностью, поэтому советские инструкторы постоянно требовали хотя бы 50-100 человек из десантного отряда или из отрядов Кучук-хана, но с момента ухода последнего в леса надеяться было можно только на прибывших из России. Уже в середине июля население отразило несколько малочисленных десантов с кораблей Каспийской флотилии, которые вынуждены были с потерями вернуться обратно.

Противоречия между сторонниками Кучук-хана и Эхсануллы продолжали обостряться. 30 июля члены ЦК Иранской компартии и левое крыло правительства заявили, что его нынешний состав не соответствует назначению, губит дело революции и готовит тайное соглашение с шахом.

Коммунисты и их попутчики постановили низвергнуть власть Мирзы Кучека, занять немедленно правительственные учреждения, прибегая к арестам его сторонников. В ночь на 31 июля в Реште произошел переворот, оставшиеся в правительстве Персидской республики сторонники Кучука были изгнаны из его состава, а власть формально была передана крайне левым из числа его бывших соратников во главе с Эхсануллой-ханом.

Это была самодеятельность Батырбека Абукова и его окружения, свержение Кучук-хана оказалось неожиданностью и для Орджоникидзе, и для ЦК РКП(б), которые в конце июля предполагали отправить в Москву представителя правительства Кучук-хана, а в Гилян — запрошенного им Буду Мдивани. Центр смирился с новой ситуацией, чтобы не усугублять кризис контрпереворотом, который требовал дополнительных военных сил, необходимых на ключевых фронтах Гражданской войны.

Наркоминдел Георгий Чичерин писал в ЦК РКП(б) в начале августа: «Уход Мирзы Кучука… в нынешней стадии персидского движения может иметь для него роковые последствия... Положение настолько серьезное, что мы предлагаем Политбюро отправить в Персию лицо более авторитетное и с более широким кругозором, чем т. Мдивани. Наиболее подходящим был бы т. Раскольников. Если нет возможности освободить его от нынешней работы… временно для начала отправить в Персию т. Элиаву…»

Несмотря на внутреннюю нестабильность, в конце июля началась первое крупномасштабное наступление на южном направлении, на Казвин и Тегеран, которое по мысли Иранского бюро и РВС Персидской армии должно было привести к победе пролетарской революции в стране.

Поначалу операция развивалась успешно. Утром 31 июля Персидская Красная армия овладела укреплен-

ным городом Менджиль. Как указывали в отправленной в тот же день в Москву телеграмме Шапур-Каргалетели и военком штаба Блюмкин: «Англичане отступают. Эта победа одержана в тот день, когда по воле революционных масс и войска персидской республики неспособное к борьбе полуханское правительство Кучук-хана заменено Иранским революционным комитетом — правительством активной борьбы в теснейшем контакте с Советской Россией. Сообщая Вам (Л.Д. Троцкому. — *Авт.*) как вождю Великой Российской Красной армии о наших победах, мы просим Вас довести до ее сведения нашу уверенность, что, несмотря на различие и отдаленность фронтов Польского и Менджильского, мы ведем одну общую и великую успешную борьбу».

Тем не менее в Москве по-прежнему опасались нестабильности в Гиляне и стремились обуздать стремление местных коммунистов форсировать аграрную и социальную революцию. Руководство РКП(б) пыталось примирить новое правительство с населением, которое начало пассивно сопротивляться мероприятиям властей и бежать в леса из-за их стремления поспешно изменить сложившиеся практики ведения хозяйства и аграрные отношения, а также чрезмерных податей на крестьянские хозяйства и антирелигиозной политики. 10 августа Политбюро постановило направить в Персию крупного партийного деятеля Шалву Элиаву, предоставив ему право отзыва советских работников из страны, ареста и предания суду виновных в злоупотреблении. Предполагалось также возвратить в Гилян пользовавшегося авторитетом Ивана Кожанова, но бывший командир десантного отряда Каспийской флотилии уже был занят в боевых операциях в Приазовье, где он вскоре вступил в командование морской экспедиционной дивизией. Еще через три дня Политбюро поручило создать комиссию в составе главкома Сергея Ка-

менева, Орджоникидзе и Чичерина для разработки плана, который предусматривал вывод советских войск из Гиляна и заключение соглашение с Англией о нейтрализации прикаспийских городов Персии.

Однако уже через неделю громогласные заявления о большой победе сменились просьбами о помощи. Походы на Варшаву и на Тегеран потерпели поражение примерно в одно и то же время. Попытки принести на штыках революцию на Запад и Восток провалились при разном соотношении сил на фронте, но фактически по одной причине — преувеличении степени недовольства масс существующим режимом и недооценке патриотических чувств простого народа. В Польше и в Персии в тылу оккупантов возникали партизанские отряды, население бежало от наступавшей Красной армии, бросая имущество. 6 августа Реввоенсовет персидской Красной армии сообщал: «Имеется очень благоприятная обстановка для немедленного наступления на Тегеран. Но большие переходы и тяжелые бои под Менджилем окончательно истрепали армию. Нет свежих резервов (но их не хватало под Варшавой, Львовом и на Южном фронте. — *Авт.*). Необходима немедленная присылка в Персию всех готовых к отправке пополнений, принятие зависящих мер для доведения общего числа русских бойцов в Персии до 3000 человек, ввиду того что в противном случае все революционное движение в Персии обречено на неудачу, одной тысячи русских винтовок и 2000 комплектов обмундирования и снаряжения и одного миллиона 3-линейных патронов».

Ситуация усугублялась слабой осведомленностью советского высшего командования о ситуации в Гиляне. 8 августа штаб XI армии запросил штаб Персидской Красной армии: «Информируйте немедленно и подробно положение фронта, расположение частей, сведения о противнике и намерения командования. Впредь установите

ежедневную аккуратную информацию и не ожидайте напоминаний». Резолюция командарма Каргалетели (Шапура) на телеграмме «Разве наши сводки на попадают в штарм XI? Разобраться и доложить. Сообщать расположение частей подробно» ярко отразила плохую координацию работы штаба. Каргалетели информировал командование XI армии, что планирует овладеть в ближайшее время Казвином, уничтожить отдельные шайки Кучук-хана, шахсевенов и разбойников. Он уточнил, что намерен «одновременно организовать части, пополнить их, создать армейский аппарат управления, до сего времени плохо налаженный».

12 августа в Реште приняли новую телеграмму из Баку: «Ответ совершенно не удовлетворяет штарм. Сообщите первое: где расположены части на казвинском направлении, как идет подготовка к операции и когда она намечается. Второе: где оперируют и как расправляются с шайками шахсевенов, где шайки Мирзы и что делается против них».

16 августа начальник особого отдела ВЧК XI армии потребовал фильтрации командного состава армии и изъятия из нее бывших офицеров, служивших в белых армиях и плененных после 1 февраля 1920 года. Оставлять в рядах Красной армии разрешалось лишь незаменимых специалистов под поручительство ячеек РКП(б) или ответственных коммунистов или руководителя учреждения (командира части). «Имея в виду, что в Иранской Красной армии таких офицеров порядочное количество и ни один из них через фильтр особого отдела не прошел, я считаю необходимым его (так в документе. — *Авт.*) произвести и тем обеспечить вновь народившуюся армию от всяких неожиданностей. Помимо белогвардейского офицерства в Иранской армии есть много офицеров Азербайджанской службы, коих также нужно изъять…» На рапорте Орджоникидзе наложил резолюцию: «Т. Мдивани? Считаем необходимым эту меру

провести, тем более что по имеющимся у нас сведениям под видом спецов у Вас работает много бывших агентов полицейской и жандармской службы».

Прикаспийские качели

15 августа Персидская Красная армия перешла в новое наступление, ей удалось занять Куинский перевал, казалось, дорога на Казвин и Тегеран открыта. В ночь на 15 августа 3-я пехотная бригада (около 600 штыков при поддержке карабахской конной сотни) при двух гаубицах и двух легких орудиях и 28 пулеметах двинулась по шоссе на Казвин, а группа Федора Калмыкова (350 человек при 8 пулеметах) была направлена в обход. Однако, как указывалось в докладе особой комиссии РВС XI армии по расследованию провала Казвинской операции, обе группы попали в засаду, огонь противника вызвал панику, и в решающий момент персидские части, сформированные из местных уроженцев, и прибывшие из Баку подразделения бывшей азербайджанской национальной армии частью разбежались, частью перешли к противнику, уничтожив командный состав. РВС Персидской армии надеялся личным выездом на позиции и «крутыми мерами» остановить отход и закрепиться под Менджилем, который был поспешно оставлен 17 августа. По мнению комиссии XI армии сопротивление сохранивших боеспособность подразделений позволяло продолжать оборону или предотвратить превращение отхода в паническое бегство.

Как отмечал впоследствии прибывший из РСФСР специальный представитель Москвы Шалва Элиава: «Обследование деятельности РВС Персии, Решта и эвакуации Решта выясняет преступное отношение к делу всех главных инициаторов и руководителей данной операции. Не имея организованной разведки на фронте, никаких дан-

ных о силах противника, пользуясь нерегулярной информацией случайных перебежчиков и представлением, что дорога на Казвин свободна, с 14 на 15 августа главком Шапур-Каргелетери отдал приказ наступать в направлении Казвина. Так как квартирное расписание войск не велось, то количество бойцов исчислялось по выданным наградным в сумме 6000 туманов из расчета 3 туманов на человека, из чего РВС был в полной уверенности, что располагает двухтысячной армией, в действительности в поход выступили 600 человек. Отряд снабжен был из рук вон плохо, за исключением мяса, продукты первой необходимости отсутствовали, обмундирование тоже, транспортных средств не было, красноармейцы были поголовно больны лихорадкой, разложены на почве (пропуск документа) с комсоставом и непонимания присутствия советских войск на территории Персии ввиду отсутствия среди них политработы. В такой обстановке отряд двинулся по шоссе Решт-Казвин, не предполагая о присутствии противника впереди. На рассвете вдруг с гор начался орудийный и пулеметный обстрел отряда. Поднялась паника, и началось наступление (так в документе). Наши части отступали, со стороны тыла поддержки нашим частям не было. Главком уехал в Менджиль, не присылал никаких инструкций. Общее руководство военными действиями было потеряно… Шапур выехал в Решт, доложил РВС, что при создавшейся обстановке на фронте удержать Решт невозможно. Был отдан приказ об эвакуации. В первую очередь эвакуировался в Энзели РВС и Главный штаб, затем остальные учреждения. Отряд Пхакадзе создал новый РВС в составе Тронина, Томашевского и заместителя Главкома Пхакадзе, один отступил в Решт. Через три часа город был занят персказаками».

18 августа Иранский ревком настоятельно потребовал у РВС XI армии выслать в Гилян подкрепления: «Необхо-

димо присутствие здесь твердой русской части до 1500 человек. Прибывший 2-й рабоче-крестьянский полк смог выделить только 250 бойцов, остальные сырой панический материал, только мешающий боевой работе. Подкрепление исключительно русскими частями необходимо прислать с первым пароходом и в самом срочном порядке, так как оставшиеся русские части крайне малочисленны и с большим напряжением сдерживают противника. О принятом решении РВС Персармии просит его уведомить». Одновременно командование Персидской Красной армии предупреждало, что моряки в настоящий момент для боя непригодны и выведены в ближний резерв.

Все части, отошедшие из Решта, начали укреплять небольшую 12-верстную полосу вокруг Энзели. Штаб Персидской Красной армии сигнализировал: «Необходима безотлагательная присылка стрелковой бригады и саперной роты с инструментами».

19 августа Политбюро рассмотрело просьбу Орджоникидзе о выделении военной силы для отправки в Персию и решило ее отклонить. 20 августа эту точку зрения подтвердил в телеграмме Лев Троцкий: «Не может быть и речи об отвлечении сил с Кавказа на Восток, так как центральная задача Республики разбить Врангеля. Ни один солдат, ни один патрон не должен быть отвлечен от той работы».

20 августа Главком Персидской армии сообщил Реввоенсовету, что в сложившейся обстановке Решт удержать невозможно, и город был оставлен, несмотря на упорное сопротивление стойких частей, оказавшихся из-за поспешной эвакуации в окружении и вынужденных прорываться через Решт. Командир одного из боеспособных подразделений Сергей Пхакадзе впоследствии сетовал, что во время отхода из Решта 21 августа его чемодан, оставленный у Абукова, был брошен, а вещи расхище-

ны, и просил возместить часть стоимости потерянного, чтобы приобрести необходимые зимние вещи. В штабе армии отнеслись к прошению равнодушно: 1 октября Абуков наложил на нем резолюцию «повременить с решением».

21 августа в Баку получили новое паническое донесение из Гиляна: «Отсутствие немедленной помощи вызовет немедленную ликвидацию всего дела в Персии. Телеграфируйте, когда прибудет пополнение». По настоянию испуганного возможным крахом Персидского похода Орджоникидзе РВС XI армии отправил 23 августа из Баку в Гилян недоукомплектованный 244-й стрелковый полк 28-й дивизии (около 900 человек), который стабилизировал положение на фронте. Впоследствии штаб Кавказского фронта объяснял срочную высылку частей Красной армии в Персию без согласования с Москвой критической ситуацией: «В связи с изменившейся обстановкой на фронте персидских революционных войск, в панике отступивших к самому Энзели, посылка 224 (так в документе, правильно — 244. — *Авт.*) полка была осуществлена Ревсоветом XI армии по инициативе и с утверждения находившегося в том время в Баку тов. Орджоникидзе, взявшего на свою ответственность этот шаг».

Утром 24 августа части персидской казачьей дивизии попытались развить наступление на Энзели, однако их атака была отражена оборонявшимися при поддержке артогня советских канонерок. После этого советские части перешли в контратаку. 26 августа штаб Персидской красной армии рапортовал: «Решт занят, Старосельский со своими белогвардейцами бежал на юг».

Несмотря на отражение наступления персидской регулярной армии, обстановка на фронте оставалась нестабильной. Советское правительство и РВС Персидской

Красной армии требовали регулярного присутствия в Энзели боевых кораблей морских сил Каспийского моря. Корабельная артиллерия (одна 120-мм и три 102-мм морских пушки на канлодке «Ленин», так с 19 мая назывался «Карс») значительно усиливала боевые возможности красных полков и отрядов. Возможный вывод «Ленина» из Энзели вызвал протест командования армии. РВС XI армии удовлетворил ходатайство: до завершения ремонта вспомогательного крейсера «Роза Люксембург» канонерку оставили у берегов Гиляна.

Для выяснения обстановки в Гилян была направлена комиссия под руководством специального уполномоченного Советской России в Турции и Персии Шалвы Элиавы. Прибывший в сентябре в Энзели и Решт ревизор нарисовал крайне неприглядную картину положения в Прикаспии и резко охарактеризовал советскую политику в Гиляне: «О положении Персии в целом судить за отсутствием каких-либо материалов не представляется возможным. Обстоятельства оставления Решта, сопровождавшиеся враждебными актами населения в виде стрельбы из домов по уходящим, мною расследуются. Пока установлено, что только после ухода войск в Реште население вышло из пассивности. Версия о восстании в Реште до начала его эвакуации является сплошной выдумкой… Город сожжен, население массами бежало из города, также из всех населенных пунктов по пути Энзели-Решт и до линии фронта. Кое-кто начинает возвращаться. Население терроризировано, явно враждебно. Гилянский район фактически оккупирован нами, следовательно блокирован со стороны Персии. Тяжелый финансовый и экономический кризис, правительство Эхсануллы бессильно что-либо сделать, оно не имеет ни средств, ни авторитета. В персидских массах нет никакого энтузиазма, отсутствует воля к борь-

бе, все объято пассивностью и страхом перед русскими. Мало того, правительство Эхсануллы состоит из людей, меньшего, чем наш уездный, масштаба. Охсанулла (так в документе, речь идет об Эхсанулле. — *Авт.*), по-видимому, дегенерат, опиоман и неврастеник. Он меньше Кучука, сам отнюдь не является сколько-нибудь солидной фигурой, могущей объединить вокруг себя действующие революционные элементы... Вся наша работа в Персии начиная с Раскольникова — сплошное недоразумение, приведшее к дискредитации Советской России в Персии вследствие недопустимых действий наших войск и политработников, также вследствие неразборчивого якшания с такой политической рванью, как Кучук-хан или Охсанулла. Сейчас Охсанулла держится на наших частях, никакой опоры в массах он не имеет. Роль ЦК Иранской Компартии и Иранбюро должны быть предметом особого внимания. По личному глубокому убеждению она отрицательна. Дальнейшее — либо почетный уход, либо движение вперед на Тегеран-Казвин-Хамадан при наличии революционного порыва. Для второго пути нужны силы из России, исчисляемые РВС в две стрелковые бригады нормального штатного состава с приданными вспомогательными частями, конная бригада, две горные батареи, два броневика, два аэроплана. Нужны технические средства, продовольственные, артиллерийские, санитарные транспорты. Только именно такая русская военная сила, всем снабженная на большой срок, образцовое состояние наших частей, следовательно, образцовое их поведение могут вывести народ из векового сна, разбудить в них активность. Продолжение теперешнего положения будет неминуемой гибелью, войска наши голы, босы и болеют лихорадкой, без медицинской помощи.

Развал их неизбежен. Английские аэропланы после занятия Решта почти ежедневно летают из Казвина на

Энзели. ...Положение можно считать опасным. Сегодня или завтра подробно обсудим положение вместе с Зиновьевым, Радеком и другими и предложим ряд конкретных мер».

По мнению комиссии, Шапура-Каргалетели, Абукова и Мдивани следовало немедленному отозвать и предать суду.

Кроме того, в августе потерпела неудачу и попытка форсировать революцию в Хорасане. В начале августа отряды Ходоу-хана, получившие от 1-й армии вооружение, боеприпасы и небольшое число инструкторов, были окружены правительственными войсками и, не получив обещанной со стороны Туркестана поддержки, вынуждены были прорывать кольцо, просачиваться через него отдельными группами через советско-персидскую границу. Вскоре после появления в Полторацке (Ашхабаде) бойцов отряда Ходоу-хана попытались разоружить, и они предпочли бежать в горы. По донесению политотдела 1-й армии, попытка задержать их силами Персидского интернационального отряда завершилась провалом: его командир отдал приказ и исчез. Он появился через некоторое время, будучи неспособным руководить операцией из-за тяжелого опьянения.

Причиной нестабильности Гилянской республики, непосредственно отражавшейся на положении на фронте, по общему мнению представителей РКП(б) и местных жителей была крайне левацкая политика нового правительства после ухода Кучук-хана. Житель Решта Мирза Али Акбар Нехавенди писал, что прибывшие из Баку коммунисты начали агитировать на улицах и базарах против богатства, капитала и отказывались выполнить просьбы Кучук-хана о прекращении антиисламских и антифеодальных выступлений, способных вызвать резкое

недовольство темных и фанатично религиозных крестьян и кочевников. «Устранение такого деятеля (Кучук-хана. — *Авт.*) убедило персидское население в том, что дело идет… только о политических интересах соседней северной державы, стремящейся принести Персию в жертву своей политике. Персидские демократы и все, кто стремился к освобождению Персии, начали содействовать шахской власти. Тавриз, находившийся прежде в открытой вражде с правительством и объявивший республику, сдался правительству и отправил два своих отряда из своих вооруженных сил в сторону Гиляна на помощь правительственным войскам… Население стало под ружье для выступления против большевиков… Возможностью легко захватить в свои руки персидские дела воспользовались разные бессовестные и корыстолюбивые люди из подонков персидского общества, для которых ничего не стоило назваться большевиками и начать разграбление имущества людей, не брезгуя ничем, вплоть до женских платьев и детской одежды. Народ вследствие этого рассудил, что коммунистическое учение — не что иное, как отрицание религии, грабеж и убийства. Население стало спасаться бегством из Гиляна в Казвин, Тегеран и др. города. Приблизительно 45 000 человек городского населения (цифра, вероятно, преувеличена. — *Авт.*) из людей состоятельных, бедняков, ремесленников и других горожан бежало из Решта и отправилось в другие города Персии… За дело взялись англичане, всем давали продовольствие и деньги и, пригнав множество автомобилей, бесплатно развозили бежавших в другие города Персии, куда бы они ни пожелали… Пребывание в течение месяца коммунистического правительства у власти нанесло такой удар по революционному движению, что, быть может, революция в Персии становится невозможной. Сейчас даже нельзя говорить против англичан, так как никто

никаким словам не верит и ответ всегда один: «От вашей революции кроме бегства, грабежа, убийства людей, дороговизны и голода мы ничего другого не видим. Тогда как от англичан мы видим обеспеченность, спокойствие, охрану ремесел и торговли».

Близкую точку зрения высказал и заведующий персидским информационным бюро Владимир Тардов, который в своем докладе отметил, что прибывшие без достаточных запасов местных денег войска вынуждены были снабжаться за счет грабежа и разбоя мирного населения, его жертвами оказывались не только местные купцы (что можно было выдать за проявления классовой ненависти), но и бедные ремесленники и крестьяне, лишавшиеся последнего имущества, скота и урожая. Повторное взимание налогов после ухода Кучук-хана затронуло не только мелкую буржуазию, но и крестьян, что вызвало возмущение населения.

Дополнительным поводом для него стал пожар в Реште в ночь на 6 августа, когда вооруженные красноармейцы и добровольцы мешали тушить огонь и содействовали грабежу лавок. Оскорбление местных обычаев и жителей доходило до открытия в доме муллы публичного дома и выпаса лошадей на рисовых полях, уничтожавшего будущий урожай и обрекавшего целые селения на голод. Наконец, как отмечал Тардов, примитивная антирелигиозная пропаганда и действия части красноармейцев, которые оскорбляли местных жителей срыванием чадры с женщин, усугубляли раздражение жителей против новой власти и Красной армии. «Вместо пропаганды коммунизма получилась антибольшевистская пропаганда, действием приведенная к такому решительному крушению престижа Советской России, какого не мог бы вызвать и самый энергичный агент английского правительства», — резюмировал Тардов.

Добавим к этому и повседневную жизнь лидеров Персидской советской республики. Как отмечалось в донесениях военных и чекистов, ставший во главе иранской компартии Борис (Батырбек) Абуков вел себя как типичный восточный правитель и требовал освободить для себя и жены лучшую квартиру, выделить для нее мебель и крайне нервно реагировал на любые попытки ограничить привилегии руководства. Замечание Кожанова, который в разговоре с другими русскими большевиками сравнил Абукова и его приближенных с «царьками», вызвало его бурное возмущение. Такие повадки Абукова, Эхсануллы и их приближенных вызывали недоумение и негодование местных жителей.

Местное население быстро отвернулось от новой власти и ее армии еще и потому, что люди, называвшие себя большевиками, комиссарами и красными командирами, вели себя как завоеватели в покоренной стране. Они презрительно относились к местным жителям и их обычаям, а их повседневное поведение если и отличалось от британских и особенно индийских солдат, то скорее в худшую сторону.

В конце августа Персидская Красная армия нанесла контрудар по противнику, ей удалось снова занять Решт. Как сообщалось в донесении штаба XI армии, ее части продвинулись на 25-30 верст южнее города и преследовали противника, отступившего на Менджиль. По мнению командования XI армии, местные отряды и отправленный ранее 2-й Азербайджанский стрелковый полк были небоеспособны, фронт держался на 244-м полку и приданной ему учебной команде 28-й дивизии.

9 сентября Лев Карахан направил в Политбюро доклад о ситуации в Персии и предложения о вероятном развитии политики РСФСР в Гиляне. По мнению Карахана,

оставлять северо-восточную провинцию Персии не следовало, поскольку это было бы воспринято как слабость и неспособность повлиять на положение на востоке, что могло негативно отразиться на переговорах с Англией. «Это было бы показателем того, что нас на Востоке нечего бояться, ибо мы ничего не можем сделать и отступаем при малейшей неудаче», — писал Карахан.

Он предлагал два варианта действий в Гиляне. При первом в Энзели направлялся сильный экспедиционный корпус численностью 8000 — 10 000 человек, что по мнению Карахана, было достаточно для занятия Тегерана, свержения шаха и даже изгнания британцев из Персии. В этом случае планировалось создать народно-демократическое правительство, учитывающее интересы крестьянства. Реализация второго варианта предполагала оставление большей частью занятой территории при прочном обеспечении Энзели, заключение мирного договора с шахским правительством, демонстрирующее отказ Москвы от царских договоров, концессий и привилегий.

Карахан считал предпочтительным первый вариант. Высадка значительных сил была способна нанести серьезный удар по английским интересам и оказать на настроение Ллойд Джорджа и Керзона «самое благоприятное влияние и докажет, что мы являемся для Англии серьезной и непосредственной опасностью и что мы ставим нашу агрессию на Востоке в прямую зависимость от политики Англии к нам: на удар отвечаем ударом. Наше вступление в Персию нельзя рассматривать изолированно. Это будет продолжением польско-врангелевского фронта и в том отношении, что придется кое-что урвать оттуда и потому, что успех в Персии будет определять давление Англии и на Польшу, и на своих союзников и, таким образом, может облегчить наше положение на польском фронте». Карахан преувеличивал значение персидского направления. Он

вряд ли понимал, что из-за сложной обстановки на ключевых участках изъятие резервов, предназначенных для Южного, Западного и Юго-Западного фронтов, и переброска полнокровной стрелковой дивизии (или двух бригад) может негативно отразится на ходе боевых операций. Продолжавшееся контрнаступление поляков под Варшавой и активность белой армии генерала Петра Врангеля в северной Таврии и Донбассе не позволяли красному командованию свободно маневрировать ресурсами живой силы, вооружения и боевой техники. Серьезное усиление группировки советских войск на южном побережье Каспия было невозможно.

Кроме того, появление на фронте полка российской Красной армии, а не азербайджанских войск, как утверждали советские дипломаты, подтвержденное показаниями пленных красноармейцев, вызвало громкий скандал. В начале сентября персидский поверенный в Великобритании Гаффар-хан направил Чичерину ноту. В ней сообщалось, что отправленные для подавления мятежа в Гиляне персидские войска захватили в плен красноармейца 244 полка 18 дивизиона (так в документе. — *Авт.*) уроженца Ставропольской губернии Михаила Шутова. Шутов сообщил на допросе, что его полк, являющийся частью регулярной Красной армии в составе около 800 человек, укомплектованный русскими командирами и красноармейцами, был высажен в Энзели по приказу командования. Гаффар-хан сетовал также, что мятежники получают из Баку оружие, боеприпасы и другое военное снаряжение. «Персидское правительство, преисполненное горячим желанием установить длительные дружественные отношения между двумя государствами и устранить все недоразумения и подозрения, твердо надеется, что советское правительство, ввиду своих недавних обещаний не содействовать вос-

ставшим в Гиляне, предпримет энергичные меры с целью сделать невозможным повторение подобных событий», — подытожил персидский посол.

Подтверждение участия Красной армии в боевых действиях в Гиляне, вскрывшее ложь советских заявлений о выводе советских войск и флота, обеспокоило Наркоминдел. 7 сентября Георгий Чичерин написал главкому Сергею Каменеву: «Получилось нечто безобразное. Мы утверждаем, что нет наших войск в Персии и мы туда войск не посылаем. Между тем пленные показывают, что они входят в состав российских частей и что в Персии таковые имеются. Получается действительно нечто скандальное». На копии телеграммы Каменев наложил резолюцию: «Действительно скандальная история?»

Отправка полка в Персию без согласования с Москвой стала причиной недовольства РВСР. Главком писал 13 сентября командующему Кавказским фронтом Владимиру Гиттису: «Считаю долгом указать Вам, что такое командирование полка без ведома РВС фронта убеждает меня, что армии фронта вышли из Ваших рук и самостоятельно позволяют себе принимать решения, на которые даже фронт не имеет права без разрешения РВС Республики».

16 сентября начальник Полевого штаба РВСР Павел Лебедев в телеграмме Чичерину подытожил разбор инцидента: «По поводу протеста представителя Персии в Лондоне об отправке наших войск в Персию по приказанию Главкома сообщено, что, к сожалению, этот случай имел место. В то время, когда Персидская армия в панике отступала почти до Энзели, РВС, сознавая необходимость оставить за нами Энзелинский район, направил с ведома тов. Орджоникидзе 23 августа в Энзели 244 полк 28 дивизии. 244 полк восстановил положение, разбил банду полковника Старосельского, угнал их за Решт (так в документе. — *Авт.*). Главком поставил комфронту Кавказ-

ского на вид, что армии позволяют себе самостоятельно принимать решения, на которые даже фронт не имеет права без разрешения РВС республики. Во избежание повторения подобных крайне нежелательных по политическим соображениям инцидентов комфронту Кавказского приказано при возложении на фронт заданий соблюдать большую осторожность и предусмотрительность как при использовании живой силы, так и военных ресурсов, вообще избегая возможности протестов пограничных государств».

Впрочем, это не означало отказа от помощи Персидской советской республике, ее стали лучше маскировать. 24 сентября Орджоникидзе потребовал из-за неустойчивости положения на фронте отправить в Энзели корабли под азербайджанским флагом. Главком и начальник Полевого штаба РВСР ответили: «Посылка в Энзели судов азербайджанского флота под флагом этой республики возражения не встречает». Притом что они знали: корабли были частью Каспийской флотилии и укомплектованы русскими экипажами. 25 сентября ее командующий сообщил: на юг Каспийского моря на помощь вспомогательным крейсерам отправлены под азербайджанским флагом эсминцы «Туркменец-Ставропольский» и «Карл Маркс».

Стремление руководства Гилянской республики и командования Персидской Красной армии пополнить последнюю надежными бойцами, способными решительно переломить ситуацию на фронте, породило детективную историю. РВС Персидской армии еще в июле отправил на Северный Кавказ своего эмиссара Нальгиева, ингуша по национальности, для набора всадников из числа ингушей и народностей Дагестана и последующего формирования из них конной части, снабдив его существенной по тем временам суммой в несколько сотен миллионов рублей.

3 сентября Нальгиев сообщил в Решт, что провел вербовку 1500 отборных всадников-ингушей. Он телеграфировал: «За неимением средств в 11-й армии вопрос о привозе для формирований в Баку отложен до переговоров с Кавфронтом. Полагаю необходимым с Вашей стороны настойчивого ходатайства перед Кавфронтом о разрешениии и отпуске средств безотлагательно. Вопрос необходимый ввиду набора ингушей и войск (вероятно, казаков. — *Авт.*) терских около 3000 на выгодных условиях».

4 сентября РВС Персидской армии сообщил в штаб XI армии, что отряд в 1500 сабель сформирован, и попросил штаб Кавказского фронта оказать содействие в переправе отряда в Персию.

Однако спустя неделю, 12 сентября, член РВС фронта Шалва Элиава ответил, что по наведенным справкам добровольческий отряд из ингушей и дагестанцев сформирован не был, а сам Нальгиев исчез.

Начавшееся 19 сентября новое наступление персидских казаков и англо-индийских частей вынудило местную Красную армию вновь оставить Решт. Штаб армии телеграфировал в Баку: «В зависимости от развития боевых действий и данных разведки не исключен отход опять на 12-ю версту восточнее Энзели. Телеграфируйте результаты наших просьб к Вам». Через 4 дня Орджоникидзе потребовал от РВС армии любой ценой удержать Энзели и обещал отправить в ближайшие дни около 3000 пополнения, уточнив, что солдаты и командиры не будут иметь шинелей и плащ-палаток. Замену штатному обмундированию командование армии должно было найти на месте.

Оставление Решта было не единственной неприятностью для командования Персидской Красной армии и ее бакинских и московских кураторов. 29 сентября ее штаб доложил в Баку, что возвратившийся в Гилян исправ-

ленный аэроплан «Сопвич» с летчиком Медведицыным и летчиком-наблюдателем Граудиным, вылетевший на Решт для разведки и бомбардировки позиций противника, не вернулся с боевого задания. Лишь 17 октября в Энзели получили четкие подтверждения, что экипаж жив и находится в плену. Новость была противоречивой: с одной стороны, два ценных специалиста избежали гибели и находились, как утверждали источники разведки, в безопасности, с другой стороны, Тегеран и Лондон получили еще одно подтверждение участия военнослужащих Красной армии (вероятное наличие у Медведицына и Граудина документов об их принадлежности к вооруженным силам советского Азербайджана никого не могло ввести в заблуждение) в боевых действиях в южном Прикаспии.

Советское руководство, не желая оставлять Гилян, стремилось укрепить Советскую Персию, поддерживая ее деньгами и оружием, одновременно предполагалось пополнить XI армию, которая была ключевым источником боеспособных частей для Персидской Красной армии.

29 сентября 1920 г. соответствующее решение приняло Политбюро. А 13 октября Совет пропаганды и действия народов Востока принял решение распустить ЦК Иранской компартии за допущенные ошибки и до нового съезда передать руководство партией бюро во главе с Гайдарханом Омоглы. Попытки ЦК ИКП оправдаться и защитить свою самостоятельность не увенчались успехом.

В основном против 244-го стрелкового полка действовали уже не англо-индийские части, а персидская казачья дивизия. После вторичного оставления Решта в Энзели был переброшен «полк имени 26», сформированный из русских красноармейцев и командиров. Кроме того, к концу октября Азербайджанская бригада окончательно сосредоточилась в Гиляне. Насчет 3000 человек пополнения Орджоникидзе немного лукавил: Азербайджанская

стрелковая бригада в составе 3 стрелковых и кавалерийского полков, а также горной батареи насчитывала около 3200 человек, но число бойцов пехоты и кавалерии в ней не превышало 1800 человек, остальные были теми, кого в сводках о боевом и численном составе называли «едоками»: разнообразные хозяйственные, обозные и иные команды, предназначенные для вспомогательных целей и обслуживания боевых частей. Тем не менее даже это пополнение позволило сократить фронт 244-го полка и «полка имени 26» и использовать их для подготовки и проведения контрудара. Новое наступление прибывшего из Баку и 244-го полков, начатое 20 октября, позволило сломить сопротивление противника и отбросить его к 27 октября до селения Наглобер и вернуть столицу Персидской Советской республики под власть самопровозглашенного правительства. Однако, как отмечалось в донесениях с фронта, противник оставил Решт по собственной инициативе и отошел почти без боя в полном порядке и был готов к дальнейшим действиям, тогда как в Красной армии отмечался недостаток обуви и обмундирования. В ходе октябрьского наступления было потеряно 60 человек убитыми и ранеными, 250 — заболевшими. Ударные части Персидской Красной армии — 244-й полк и «полк имени 26» насчитывали 400 и 500 штыков соответственно. Штаб армии просил направить в Гилян два стрелковых полка для продолжения наступления.

В начале ноября 1920 г. штаб XI армии намеревался пополнить Персидскую армию донскими и терскими казаками, но уже к середине месяца от этой идеи отказались. Вероятно, в РВС фронта опасались, что терцы и донцы могут перейти на сторону противника, как это случилось с некоторыми казачьими частями на польском фронте.

Как следствие, пополнение армии было крайне немногочисленным и едва покрывало убыль личного состава от

болезней, ранений и периодического перехода небольших групп личного состава на сторону противника. В декабре 1920 г. армия насчитывала менее 3000 бойцов всех родов оружия, 6500 едоков, 93 пулемета и 12 орудий.

Усугубились и проблемы иного порядка. Реввоенсовет Персидской армии сообщал: *«Осталось всего 16 ящиков денег. Не хватает даже на выдачу жалования. Просим прислать на ноябрь 50 ящиков».*Становилось ясно, что имеющимися силами проблему не решить. Необходимы были новые подходы к решению проблемы.

Уже в декабре Каргалетели сняли с должности распоряжением Серго Орджоникидзе по одной версии — из-за неблагонадежности, по другой — за плохое руководство войсками. Каргалетели вернулся еще раз в Красную Персию летом 1921 года. После краха похода он отказался вернуться в Азербайджан и с декабря 1921 года вместе с переехавшей из Грузии семьей жил в Тегеране. Несколько лет бывший главком Персидской Красной армии жил как обычный подданный шаха, занимаясь случайной работой.

Жизнь Каргалетели резко изменилась в 1925 году, когда к власти пришел Реза-шах Пехлеви, стремившийся реорганизовать и модернизировать армию и нуждавшийся в военных профессионалах с фундаментальным образованием и боевым опытом. Бывший русский подполковник Генштаба и азербайджанский генерал повторно получил генеральский чин и занялся разработкой учебных пособий и переводом иностранных военно-научных трудов на персидский язык. Каргалетели скончался в 1938 году, в возрасте 58 лет, его похоронили с воинскими почестями в ограде православной церкви Тегерана, на траурной церемонии присутствовал шах и его свита.

Вскоре после смещения Каргалетели, 5 января 1921 г., сотрудники особого отдела XI армии арестовали в Баку

прибывшего в командировку начальника штаба Персидской Красной армии Николая Ивкова и длительное время держали его без предъявления обвинений под стражей. Его освободили только после настоятельных ходатайств начальника штаба армии Александра Ремезова, поручившегося за Ивкова.

В Политбюро осознавали, что Гилян рано или поздно придется покинуть. Большевистское руководство размышляло, какие материальные и политические выгоды можно извлечь из примирения с соседним государством. В частности, 7 ноября Сталин предлагал в случае заключения мира с шахским правительством «выговорить себе право на пользование рыбными промыслами на побережье Каспийского моря».

Маскировка интервенции и мир с Персией

4 декабря 1920 года обсуждались пункты проекта мирного договора с Персией по вопросу о Реште и Энзели. В Кремле решили согласиться с формулировкой Чичерина о согласии России посоветовать Азербайджанскому правительству вывести войска из Решта и Энзели и по вопросу о возмещении Персии убытков, причиненных Красной армией.

Тем не менее в Кремле продолжали делать вид, что РСФСР не имеет отношения к событиям в Гиляне. В ответ на ноту правительства Персии о продолжающемся присутствии советских войск в южном Прикаспии Наркоминдел ответил, что Совнарком ведет переговоры с Азербайджанским Советским Правительством по поводу присутствия в районе Энзели и Решта азербайджанских войск. По версии НКИД, Азербайджанское Правительство вынуждено держать войска в районе Энзели и Решта в целях самообороны и недопущения к своим границам ан-

глийских войск, находящихся в Казвине и наступающих в направлении Энзели.

«Азербайджанское Правительство, одушевленное чувствами дружбы и братства к персидскому народу, само тяготится тем, что вынуждено держать на чужой территории свои войска и что присутствие азербайджанских войск на персидской территории может быть истолковано превратно и может препятствовать установлению искренних и дружественных отношений между обоими государствами. Азербайджанское Правительство готово в любой момент вывести свои войска с территории Персии, как только то же самое будет иметь место в отношении английских войск.

Азербайджанское Правительство заверило Правительство РСФСР, что оно готово ликвидировать образующийся на персидской территории английский фронт и тем восстановить суверенитет Персидского Государства в этом районе. Оно готово послать своих представителей в смешанную военно-техническую комиссию под председательством представителей Персидского Правительства и с участием английского командования, для того чтобы установить порядок и сроки взаимной немедленной эвакуации азербайджанских и английских войск...

Поскольку английское правительство объясняет присутствие своих войск на территории Персии нахождением азербайджанских войск, а Азербайджанское Правительство присутствием на территории Персии английских войск и ни одна из сторон не хочет увести свои войска с территории Персии, пока этого не сделает другая сторона, — единственным выходом из сего заколдованного круга является создание Англо-Азербайджанской комиссии под председательством персидских представителей для разработки плана единовременной эвакуации как одних, так и других войсковых частей».

Москва пыталась убедить в том, что «нас там нет», и Лондон. В ноте от 4 февраля 1921 г. Чичерин сообщал, что утверждение об отправке войск Советским правительством в Персию «не соответствовало истине... На самом деле, как только было покончено с остатками белогвардейских войск в Энзели, российские военные и морские силы эвакуировали персидскую территорию и с тех пор не вступали на нее... Российское Правительство не угрожало и не угрожает нашествием на Хоросан и не создавало в Ташкенте никаких организаций, предназначенных для нападения на британскую территорию или для угрозы ее интересам... Мы должны также энергично протестовать против утверждения, будто Российское Правительство вызвало революцию в Бухаре и будто эта революция имела целью нападение на британскую территорию и посягательство на ее интересы, так как в действительности освобождение рабочих масс Бухары было их собственным делом». Нота наркома иностранных дел, отлично осведомленного о степени участия Красной армии в «революциях» в Гиляне и Бухаре, была попыткой дипломатической маскировки событий, она отражала стремление отделить прагматичную внешнеполитическую линию Совнаркома от революционных стремлений якобы независимого от Кремля Коминтерна.

На линии фронта в конце осени и зимой отмечалось затишье. Советское командование попыталось воспользоваться спокойной обстановкой для пополнения запасов продуктов.

7 января усиленная рота караульного батальона (180 штыков при 4 пулеметах) направилась на военном судне в Рудессер — Шахсевар для получения продовольствия и фуража у местных ханов и погрузки собранного.

На следующий день начальник отряда, заместитель командира батальона Чебыкин, сообщил, что из-за непроходимых вследствие грязи дорог и усталости лоша-

дей армейский продотряд вынужден был заночевать в Рудессере. 8 января выступление на Шахсевар отложили на следующий день.

Действия продотряда в сводках штаба армии отражены довольно скудно, порядок получения продуктов и скота и возмещения за них в документах не отражены. Отмечено только, что заготовка фуража и продовольствия шла успешно. 16 января штаб армии доносил: «Успех операции зависит от подачи пароходов, 15 января «Князь Горчаков» отправлен в Энзели, «Алиусейнов» грузится, требуются пароходы для погрузки скота, имеются 3000 голов. Скот начинает падать, кормить нечем».

20 января начальник десантного отряда Чебыкин получил приказ немедленно закончить фуражировку, ограничившись тем, что погружено. Инструкция штаба требовала «ни в коем случае не обижать бедноту. Из имеющихся с ним отобранных сумм немедленно расплатиться с погрузчиками, лодочниками, пастухами. Арестованных ханов передать Асадулла-хану, коему поступить с ними по своему усмотрению».

Однако из-за плохой погоды продовольственный десант задержался в Рудессере и возвратился в Энзели только 24 января.

Доносившиеся до Решта сведения о переговорах между Советской Россией и шахским правительством вызвали беспокойство среди персидских революционеров, понимавших, что после прекращения военной и экономической помощи из-за моря и вывода частей Красной армии они не смогут удержать власть. Эхсанулла отправил 24 января письмо в Москву: «Товарищ Ленин! Персидские революционеры с помощью революционных соседей подняли красное знамя восстания против англичан и шаха, который является ставленником англичан.

Нам стало известно, что шах заключил договор с Советской Россией. Мы должны заявить, что шах, который веками, как и его отцы и деды, превращал Персию в кладбище, душил всякое стремление народа к свободе жизни, не может считаться избранником народа и все договоры, заключенные шахом и тегеранским правительством с кем бы то ни было, противны народу и народ не может их признать.

Только когда революционеры Персии вместе с народом сумеют организовать пролетарское правительство, достигнут уничтожения частной собственности и разделят землю между трудящимися, изгнав помещиков-капиталистов, — тогда только будут считать дело революции законченным.

От Вас, товарищ Ленин, и от всех социалистов мира просим помощи и содействия.

Да здравствуют свобода, равенство и братство!

Да не будет царей и капиталистов!»

К концу января командование Персидской Красной армии задумалось о вариантах продолжения боевых действий, предполагая предпринять весной новое наступление. 25-26 января в северо-восточном секторе фронта пешая разведка 244-го полка при поддержке двух рот и эскадрона кавалерии поднялась к перевалу Наглобер, чтобы контролировать дорогу и берег реки Сефидруд, надеясь захватить находившуюся там заставу персидских казаков, но не обнаружила противника, покинувшего позиции по неизвестной причине. Разведчики перешли Сефидруд, но прекратили дальнейший поиск из-за наступившей темноты. Затем поддерживавшие подразделения вернулись на позиции, а разведчики (около 30 человек) остались в засаде, надеясь застать возвратившегося на заставу противника врасплох. Однако, как сообщил начальник северного сектора Голов-

ко, разведчикам пришлось вернуться из-за вызванной недостатком теплого непромокаемого обмундирования опасности переохлаждения.

Вероятно, за этим поиском следили одиночные бойцы противника, поскольку он подготовился к следующей вылазке красных войск. 28 января штаб армии приказал командованию северного сектора воспользоваться отсутствием противника в таможенном доме и занять опорный пункт, который можно было использовать для развития наступательных операций после улучшения погоды. 31 января 60 разведчиков и стрелков при двух ручных пулеметах Льюиса и двух «Максимах» вновь отправились по направлению к Наглоберу. Достигнув перевала, они оставили там тыловую заставу (18 человек при одном «Максиме») и двинулись к реке. В этот момент скрывавшиеся в горах персидские казаки внезапно атаковали тыловую заставу, которая поспешно отступила. Услышав стрельбу в тылу, разведчики и оставшиеся стрелки хотели вернуться, однако попали на шоссе под внезапный обстрел, от которого вынуждены были спасаться на обрывистом берегу Сефидруда.

Попытка командования 244-го полка выручить окруженных силами двух рот не имела успеха: 90 стрелков встретили многократно превосходящие силы противника (согласно рапорту до 800 человек при орудии и 15 пулеметах) и отступили на свои позиции, не выполнив приказ.

По донесению начальника команды пеших разведчиков неудача во многом объяснялась растерянностью пулеметчиков, которые не прикрыли огнем отступавших, из 60 человек, участвовавших в вылазке, обратно вернулись 28, еще четверо вернулись позднее. Остальные были убиты и пропали без вести. Многие бойцы, особенно раненые, сорвались с берега и утонули, некоторые, скрывшиеся от преследования противника в камнях, могли замерзнуть.

26 февраля 1921 года РСФСР и Персия подписали договор о ненападении и сотрудничестве. Согласно договору РСФСР отказывалась от старой колониальной политики царской России. Пограничная линия, установленная в 1881 году, в основном сохранялась, с частичными уступками Персии. Главным пунктом соглашения стоит, вероятно, назвать его 5-ю статью, по которой стороны обязались «не допускать на своей территории образования или пребывания организаций или групп, как бы они ни именовались, или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против Персии и России, а также против союзных с последней государств, равным образом не допускать на своей территории вербовку или мобилизацию личного состава в ряды армии или вооруженных сил таковых организаций», что предполагало ликвидацию Персидской Советской республики.

Согласно 6-й статье в случае попыток третьих стран захватить Персию или превращать ее территорию в базу для военных действий против России, и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвратить эту опасность, Москва получала право ввести свои войска на территорию Персии. Этот пункт был применен в августе 1941 года.

Кроме того, РСФСР согласился передать Персии шоссейные дороги Энзели — Тегеран и Казвин — Хамадан со всеми землями, постройками и инвентарем; железнодорожные линии Джульфа — Тавриз и Софьян — Урмийское озеро со всеми постройками, подвижным составом и другим имуществом; имущество пароходства на озере Урмия, выстроенные в Персии царским правительством телеграфные и телефонные линии со всем имуществом, зданиями и инвентарем, порт Энзели с товарными складами, электрической станцией и другими постройками.

Наконец, Москва отказывалась от всех прежних займов и полученных по ним гарантиям и возвратила Персии право иметь на Каспийском море военный флот, которого она лишилась в 1828 г. по Туркманчайскому договору. Тегеран же подтвердил исключительные права РСФСР на рыбные промыслы на юге Каспийского моря.

К этому моменту в Гиляне находились около 3000 бойцов пехоты и 229 кавалеристов, а также около 1200 саперов, артиллеристов, разведчиков и связистов. Общая численность Персидской Красной армии не превышала 7500 человек, в ней числились 107 пулеметов и 14 орудий (из них 12 трехдюймовых и 2 гаубицы).

Необходимость мирного сосуществования, ставшая элементом большой политики Советской России, победила. У Кремля были слишком серьезные проблемы под боком — в центре России, чтобы заниматься далекой революцией, цена которой была хорошо известна. Подписав соглашение с персидским правительством, большевики получили дополнительные возможности дипломатической торговли с Тегераном и Лондоном о темпах вывода войск и условиях торгово-промышленной деятельности за границей.

Однако в этот момент сторонники экспорта революции могли надеяться на новый шанс. 21 февраля 1921 года подразделения возмущенных многомесячной задержкой жалования и довольствия персидских казаков под руководством Реза-хана Савадкухи (будущего шаха Реза Пехлеви) покинули фронт и заняли Тегеран, свергли правительство. Арестовали несколько десятков министров и высших сановников и потребовали немедленного возврата долгов за выслуженные сроки.

В Реште и отчасти в Баку переворот в Тегеране интерпретировали как восстание против правящего режима

и начало революции. Гилянское правительство уверяло Орджоникидзе, что «красный флаг уже развевается на улицах Тегерана», а одним из лидеров восстания является родной брат одного из министров Красной Персии Сардара Мухи Мирза Керим-хан, готовый выполнять поручения из Решта. «Время созрело, надо действовать... мы ждем с нетерпением похода на Тегеран на помощь нашим товарищам, Теперь как никогда нам нужна ваша помощь, обещанные 300 000 туманов, а также 2000 добровольцев. Мы убедительно просим выслать их с первым пароходом». Гикало дополнял эти просьбы «надежными» сведениями о захвате власти в Тегеране революционерами. По его мнению, план гилянских деятелей двинуться на помощь восставшим в столице после прибытия русских добровольцев мог быть выполнен. Однако такие завышенные ожидания вызвали сомнения даже у такого ярого сторонника активных действия в Персии, как Орджоникидзе. «Боюсь, что Ваши сведения недостаточно проверены. По нашим сведениям, в Тегеране правительство Сеида Зия. Надо тщательно проверить, чтобы не впутаться в авантюру. Отправляю товарища, с которым договоритесь. Нужна величайшая осторожность.... Если обстановка покажет целесообразность вашего предложения, помощь добровольцами, но исключительно добровольцами, разрешу», — ответил Решту член Кавбюро ЦК. Вскоре в Гилян отправились уполномоченный РВС XI армии и секретарь совета пропаганды и действия народов Востока Ибрагим Абилов и давний знакомый Орджоникидзе Баги Джафари. Вместе с членами РВС Персидской Красной армии они пришли к единому выводу: результатом восстания в Тегеране стало создание нового, более демократического кабинета, ориентирующегося на Великобританию и опирающегося на персидских казаков и жандармерию. Чтобы ослабить его влияние и авторитет в стране, члены РВС и делегаты из

Баку предлагали организовать вооруженную демонстрацию на Тегеран и одновременно формально распустить действующее правительство советской Персии, раздражавшее жителей Гиляна реквизициями и ограничением торговли.

Посланцы Орджоникидзе одновременно пытались выйти на связь с Кучук-ханом и примирить его с рештским Ревкомом, который зимой 1921 г. несколько раз призывал вождя дженгелийцев к восстановлению сотрудничества против англичан и шаха. Кучук-хан отказывался, не доверяя Эхсанулле и его соратникам из-за гибели и арестов своих товарищей. Первые переговоры советских эмиссаров с Кучук-ханом не привели к успеху: он отказывался работать с ревкомом, который в свою очередь называл лидера дженгелийцев своим врагом и агентом англичан. Впрочем, отмечали Абилов и Джафари, Кучук-хан, несмотря на требование вывести части Красной армии из Гиляна, не намерен вести с ними вооруженную борьбу и готов сотрудничать с Советской Россией при условии ее невмешательства в дела Персидской республики.

Вернувшись обратно, Джафари предложил Орджоникидзе отказаться от планов ликвидировать революционное правительство и перенести центр движения в провинцию Мазендеран, на что, по его словам, мог согласиться и Кучук-хан. Однако внятной реакции Орджоникидзе, который в тот период сосредоточился на устройстве Советской власти в аннексированной Грузии, не последовало. Он подтвердил также острые противоречия между Ревкомом и Кучук-ханом.

Нерешенность Гилянского вопроса продолжала негативно влиять на двусторонние отношения. Глава будущего советского полпредства в Персии Федор Ротштейн к середине марта ожидал своего отъезда в Тегеран в Полторацке. Однако, сетовал Ротштейн в письме наркому ино-

странных дел, персидское правительство предложило ему прибыть в столицу только после ликвидации Гилянской республики, после чего британцы обязались покинуть страну. Ротштейн выразил решительный протест, после которого ему разрешили прибыть в Тегеран. Тем не менее он просил разъяснений, намерен ли Орджоникидзе следовать указаниям из Москвы и ликвидировать рештское правительство и какими темпами будет сворачиваться марионеточная республика.

Однако Орджоникидзе и его сторонники в Баку не собирались торопиться. По словам одного из советских дипломатов, один из руководителей советского Азербайджана Нариман Нариманов потребовал заключить дополнительный договор между Персией и Азербайджаном, чтобы подтвердить формальную самостоятельность республики в международных делах, что затягивало нормализацию двусторонних отношений. Нариманова неожиданно поддержал Чичерин. Нарком полагал, что с точки зрения Москвы, утверждавшей на переговорах с Тегераном и Лондоном, что в Гиляне находятся «азербайджанские» войска, правильно, если в решении проблемы Решта и Энзели примет участие представитель Баку. По мнению Чичерина: «Надо послать дельного и твердого человека. Он должен заявить, что несмотря на ликвидацию правительства Эхсануллы азербайджанские войска там останутся, пока англо-персо-русская тройственная комиссия не проведет одновременного ухода английских и азербайджанских войск ...» Англичане были не против тройственной комиссии, но возражали против участия в ее работе эмиссара Азербайджана. Но в Москве нашли выход: учитывая единое командование вооруженными силами советских республик, они назначили единого представителя — потерявшего должность после Кронштадтского восстания моряков Балтийского флота бывшего комиссара флота Николая Кузьмина.

16 марта советский полпред Леонид Красин подписал в Лондоне крайне важное для Советской России соглашение с Великобританией о возобновлении торговых отношений, которое, как значилось в его преамбуле, подлежало выполнению только после отказа от враждебных действий одной стороны против другой. В ней специально подчеркивалось, что правительство РСФСР воздержится «от всякой попытки к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия или пропаганды какого-либо из народов Азии к враждебным британским интересам или Британской Империи действиям в какой бы то ни было форме, в особенности в Индии и в Независимом Государстве Афганистане. Британское Правительство дает тождественное особое обязательство Российскому Советскому Правительству в отношении стран, которые составляли часть бывшей Российской Империи и которые ныне стали независимыми». Кроме того, Москва и Лондон согласились немедленно проинструктировать своих агентов и всех подчиненных им лиц о соблюдении принятых на себя обязательств.

Тем не менее в Гиляне надеялись на изменение внешнеполитического курса и новое наступление на юг и юго-восток. В середине марта командующий Персидской Красной армии Николай Гикало направил телеграмму командованию XI армии. По его мнению, операция против Грузии, завершившаяся советизацией страны, создала условия для пополнения «добровольческих» частей личным составом, а также средствами связи и передвижения. «Теперь, с наступлением весны, когда становятся открытыми все обходные горные тропинки, пополнение живой силы нужно больше, чем когда-либо», подытожил Гикало. Быстрой реакции из Баку не последовало. XI армии приходилось поддерживать штыками Советскую власть не

только в недавно завоеванных Армении и Грузии, но и в неспокойных районах Азербайджана, Дагестана, Чечни и Терской области.

Боевые действия по-прежнему носили спорадический характер, ограничивались поисками разведывательных партий и короткими артиллерийскими обстрелами. Единственным столкновением, в котором принимали участие несколько сотен человек, была стычка муджехидского кавполка с отрядом Кара-хана. Как сообщали сводки штаба армии, 1 марта эскадроны кавполка вступили бой с отрядом Кара-хана численностью до 300 человек и заняли селение в 10 верстах юго-западнее Лахиджана, потеряв двух человек ранеными. Противник отошел в южном направлении в горы.

3 марта подразделения муджехидского кавполка продолжали преследовать формирования Кара-хана в южном направлении на Зильман. Потерь и трофеев красные персидские кавалеристы не имели.

На следующий день эскадроны муджехидского кавполка, преследуя Кара-хана, захватили 14 пленных, среди которых оказался брат командира отряда, а также часть его канцелярии и два знамени. Персидская Красная армия в тот день потерь не понесла. Редкие для зимы и весны многодневные бои частей персидской Красной армии с противником наводят на мысль, что командир полка и его бойцы имели личные счеты с феодалом и его соратниками.

Москва объявляет эвакуацию

В марте-апреле Гикало неоднократно просил пополнить свои части. В частности, в телеграмме, отправленной в Баку в середине марта, он подчеркнул исключительную измотанность кавполка Азербайджанской брига-

ды, вызванную бессменным пребыванием на передовых позициях. А в апреля командарм Персидской отмечал: «Подтверждая ранее представленные Вам донесения о причинах бесцельности и даже вреда дальнейшего пребывания Аз<ербайджанской> бригады в Персии прошу скорейшей замены ее хотя бы двумя русскими полками и дивизионом кавалерии и пополнения для полков иранского (переименованный 244-й полк 28-й сд. — *Авт.*) и им. 26. Развившееся дезертирство в сторону противника с оружием дезорганизует другие части. С 1 апреля по 3 дезертировало 73 человека, из них 4 — младшего комсостава. Распространились слухи, что у Кучек-хана больше жалование, лучше кормят, одевают, что увеличивает и облегчает дезертирство. Проводимые меры агитации и политработы бессильны. Поэтому настаиваю на немедленном выводе Азбригады. Через короткое время от бригады останутся одни тылы и кучка сознательных красноармейцев».

Однако штаб армии, подчиняясь воинской дисциплине и субординации, не намеревался усиливать войска, которые предполагалось вывести из Гиляна. 3 апреля Ремезов потребовал от Гикало: «Дабы Ваши действия не пошли вразрез с проведением в жизнь заключенного с Персией договора, предлагаю Вам немедленно приостановить все сепаратные действия и переговоры и первым отходящим пароходом прибыть в Баку, но не позже 5 апреля, за получением указаний и инструкций».

Из Москвы раз за разом поступали сигналы о необходимости прекращения авантюры. 30 марта Чичерин вновь напомнил Орджоникидзе о необходимости прекращения деятельности советского правительства в Реште. «Его существование мешает и вредит всей нашей политике в Персии… Эхсанулла всех отталкивает от нас, не следует возрождать его правительство под другим соусом. Это еще больше повредит нам, усилит подозрительность пер-

сов». Молчание куратора персидской операции вынудило наркома иностранных дел многократно повторять ему о необходимости выполнять решения Центра. 2 апреля Чичерин телеграфировал: «Необходимо ликвидировать гилянское советское правительство Эхсануллы. Об этом давно было решение ЦК. Существование его вредит нашей персидской политике, срывает наш курс на демократическое освободительное движение». Орджоникидзе, находившийся в отъезде, не отвечал. Рассерженный Чичерин писал Серго, что ликвидация правительства Эхсануллы не означает передачи контроля над провинцией официальным персидским властям, разъясняя, что руководство «азербайджанских оккупационных отрядов будет просто управлять без фиктивного правительства Эхсануллы». 5 апреля нарком продолжает бомбардировать Орджоникидзе требованиями о решении гилянского вопроса: «Категорически настаиваем, чтобы вы железной рукой прекратили попытки срыва нашей политики в Персии, ибо этим срывается вся наша восточная политика. Не допускайте ни в коем случае новой авантюры».

Беспокойство Чичерина можно было понять: 5 апреля он получил от по-прежнему ожидавшего разрешения отбыть в Тегеран Ротштейна письмо, в котором полпред доложил, что сотрудники полпредства в Баку сообщили, что рештские революционеры и их покровители разрабатывают планы убийства представителей персидского правительства после их прибытия в Гилян и планируют поход вооруженных отрядов на Тегеран при благосклонном нейтралитете советского командования после ухода англичан. Ротштейн требовал пресечь «преступный саботаж нашей политики безответственными вожаками банд».

8 апреля Чичерин потребовал Орджоникидзе к прямому проводу, однако тот, по словам одного из руководителей советской Грузии Мамии Орахелашвили, отбыл

в Баку. Нарком иностранных дел сетовал уже в разговоре с Орахелашвили, что из-за неисполнения обещаний о ликвидации рештского правительства застопорилась реализация договора с Персией. Орахелашвили мог лишь пообещать Чичерину, что Серго отправился в Баку как раз для решения гилянского вопроса и исправления политической линии.

Любопытно, что именно в эти дни в Энзели прибыл поэт Велимир Хлебников, который по свидетельству участников экспедиции вел богемный образ жизни, вместе с другом, штатным агитатором политотдела Персидской Красной армии Мечиславом Доброковским они пили крепчайший чай, курили терьяк — смешанный с благовониями и местными травами опий-сырец, прожигая деньги, которые последний зарабатывал рисованием портретов местных жителей. За образ жизни друзей прозвали «русскими дервишами».

В Баку в тот момент продолжалась напряженная борьба между поддерживавшими требования Москвы о ликвидации Гилянской республики сотрудниками наркоминдела и военными с лидерами непризнанного правительства и их сторонниками в Азербайджане. В частности, близкие знакомые Орджоникидзе Абилов и Джафари считали подписанный с Тегераном договор фикцией и намеревались развивать революционное движение в стране, организовав военный поход на персидскую столицу. Орджоникидзе резюмировал: «Так как серьезной солидной помощи мы в данный момент оказать не можем, лучше не впутываться в дело, которое может кончиться конфузом и ликвидировать его… Что касается денежной помощи, пока наши части остаются там, мы, конечно, должны помогать, но правительству Эхсануллы-хана надо прекратить выдачу денег и ликвидировать его».

10 апреля Полпредство РСФСР в Персии опубликовало официальное сообщение, в котором назвало вербовку в отряды для Советской Персии действиями безответственных лиц и подтвердило, что Совнарком намерен выполнять пункт договора с Персией о невмешательстве в ее дела. В тот же день, отмечает Владимир Генис, в Баку завершилось совещание по щекотливой гилянской проблеме. Представители Азербайджана на нем в ответ на прозвучавшее предложение Москвы ликвидировать Персидскую советскую республику заявили, что они, как самостоятельные политики, не только не намерены сворачивать проект, но, напротив, будут всемерно поддерживать ее людьми и ресурсами. Идея, по словам сотрудников Наркоминдела, вызвала сочувственную реакцию Орджоникидзе.

Тем не менее прибывшим через два дня в Баку представителям комитета освобождения Персии Сардару Мухи и Эхсанулле Орджоникидзе предложил немедленно ликвидировать правительство. Как сообщал Серго Чичерину, Эхсанулла и его соратники были согласны на роспуск при условии финансовой помощи. Лидеры рештского правительства намеревались уйти из Решта и Энзели в леса на каспийском побережье.

Одновременно активизировались контакты советских представителей с Кучук-ханом. 10 апреля отправившийся в дженгель с разрешения Реввоенсовета Персидской Красной армии ответственный секретарь обкома Иранской компартии Абдул Джабар Мамедов добился от вождя повстанцев письменного подтверждения о его готовности договориться о сотрудничестве с Ревкомом. Это позволяло, несмотря на отрицательную реакцию некоторых сторонников Эхсануллы, организовать переговоры между Рештом и дженгелийцами. Вернувшись от Кучук-хана, Мамедов

вскоре направился в Баку. После его встречи с Наримановым и представителями Совета пропаганды и РВС XI армии было решено отправить для нормализации отношений с Кучук-ханом делегацию. В нее включили руководителя Иранской компартии Гейдар-хана, с которым вождь дженгелийцев продолжал поддерживать переписку, а также представителей Ревкома и командования Персидской Красной армии.

В этот момент в Менджиль прибыли эмиссары персидского правительства. Их глава Моазед-ос-Салтане сообщил Эхсанулле о готовности англичан вывести из Персии войска и требовал назначить время и место для переговоров с революционным комитетом. Орджоникидзе полагал, что революционеры могут воспользоваться переговорами, чтобы добиться назначения в Решт лояльного к ним губернатора и выработки достойных условий мира.

15 апреля в Имам-заде Гашим состоялись переговоры, в которых участвовали Абилов, Гикало, представители рештского ревкома и делегаты персидского правительства. Эмиссары Тегерана намеревались обсудить вывод советских частей из Гиляна. Абилов парировал, что не может обсуждать проблему, которую должна решать четырехсторонняя комиссия, персидские эмиссары сообщили, что англичане не намерены участвовать в ее работе, поскольку и так покидают Персию, что советские представители расценили как увертку. Тем не менее посланцы шаха сообщили, что правительство готово амнистировать революционеров, предлагает им совместную работу. Однако переговоры были сорваны из-за непримиримой позиции Эхсануллы и его соратников, которые потребовали смещения шаха и угрожали новым походом на Тегеран. Переговоры с Тегераном не препятствовали разработке новых планов развертывания революции и войны в Прикаспии. 19 апреля на совещании

командования Персидской Красной армии, представителя Баку Абилова и руководителей ревкома стороны договорились о переносе центра революционного движения в провинцию Мазендеран. Эхсанулле планировали передать из Персидской Красной армии и бакинских запасов 4 горных пушки, 30 пулеметов, 2000 винтовок с соответствующим количеством боеприпасов, а также военных инструкторов и специалистов: пулеметчиков, артиллеристов, связистов и медиков. Такие намерения были грубым нарушением договора между РСФСР и Персией.

Гикало вскоре объяснил, что согласился с предложениями Эхсануллы, рассматривая их как окончательный расчет с персидскими революционерами. Без русских войск, уверял главком Персидской Красной армии, местные революционеры даже с полученным вооружением не смогут оказать серьезного сопротивления шахским войскам. Впрочем, отмечал Гикало: «Если мне будет дана возможность перевести с Терека бывших красноармейцев моего отряда, то можно сделать достаточно серьезное дело в развитие персидской революции». Однако Гикало понимал, что такой вариант вряд ли вероятен из-за невозможности реализовать его без вреда политическим и дипломатическим интересам РСФСР.

Однако и спустя неделю ситуация не изменилась. Гикало сообщал в Баку, что передал Эхсанулле патроны, подводы и «прочую мелочь». В свою очередь, Абилов просил Орджоникидзе выделить вооружение революционерам, отряды которых уже направились в леса. Тут возмутился уже и Орджоникидзе, заявивший, что оружие не должно отпускаться Эхсанулле: «Надо уничтожить Ревсовет, уничтожить название Персармии и навсегда покончить с этой канителью». 28 апреля Серго прибыл в Баку со стремлением выполнить инструкции Москвы и оставить в Гиляне только «азербайджанские» оккупационные вой-

ска. На следующий день он распорядился расформировать Персидскую Красную армию, сведя ее в Азербайджанскую бригаду, и потребовал от Гикало не выдавать революционерам никакого оружия.

Орджоникидзе полагал необходимым в кратчайшие сроки вывести советские войска из Гиляна, что могло дать, по его мнению, значительный политический эффект: «Наши части там разлагаются, и к тому же нет средств на их содержание, потребуется персидская или золотая валюта… При нашем уходе англичане подвинутся вперед, но если это случится, нам ничего не стоит снова вышибить их с энзелийско-рештского района. Мое предложение вывести войска без всякой комиссии, ибо никакой комиссии не будет. В противном случае ликвидация гилянского правительства почти невозможна».

7 мая штаб XI армии, к которой к тому времени перешли полномочия ликвидированного Кавказского фронта, по согласованию с Главкомом и Политбюро подтвердил распоряжение переформировать Персидскую Красную армию в отдельную пограничную бригаду шестиполкового состава (три стрелковых и кавалерийский полки Азербайджанской бригады, 244-й полк, полк «имени 26»), резко сократив штаты армейских учреждений и управлений. Гикало при этом сохранил полномочия начальника дивизии.

Положение штаба XI армии оставалось сложным: оно имело четкие директивы Москвы о прекращении боевых действий Персидской Красной армии и подготовке эвакуации, но одновременно находилось под давлением Серго Орджоникидзе и его сторонников, надеявшихся на смену внешнеполитического курса и стремившихся сохранить в Гиляне вооруженные силы, способные изменить ход военных действий.

В эти же дни переговоры между дженгелийцами и рештским комитетом освобождения Персии завершились организацией коалиционного «Революционного комитета Ирана». В состав нового правительства вошли по два представителя от Совета «Дженгели (Кучук-хан и Ага Мирза Мохаммеди) и от Комитета освобождения Персии (Эхсанулла-хан и Халу Курбан), а также новый руководитель ЦК ИКП Гейдар-хан. Гейдар-хан был единственным членом нового ревкома, который получил право иметь представителя во время отсутствия. Фактически он стал ключевым членом нового Ревкома, поскольку его голос был решающим в случае противоречий между «рештцами» и «дженгелийцами». В соглашении, утвержденном членами Ревкома, указывалось, что они намерены заняться «организацией вооруженных сил, укреплением боевых позиций и принятием необходимых мер к тому, чтобы Гилянская область не оказалась во власти войск шахского правительства и не могла быть использована как база для наступательной войны». В декларации говорилось также о недопустимости иностранного вмешательства во внутренние дела Персии и развитии дружественных отношений с советскими Россией, Грузией и Азербайджаном, на чью помощь революционеры продолжали рассчитывать. Новый ревком постановил арестовать Сардара Мухи, которого участники консультаций назвали противником Советской власти и британским агентом. Эхсанулла и Халу Курбан признали его виновным, но сообщили, что не могли противостоять ему, поскольку его поддерживал прежний ЦК компартии Ирана. Однако очень скоро Гейдар-хан сообщил Орджоникидзе, что неприкосновенность и личная безопасность Сардара Мухи будет обеспечена. Гикало и Томашевский писали в Баку, что сложившийся союз вряд ли поможет внешней политике Советской России, но способен объединить революционеров, предотвратить их

быстрый разгром. Противники ликвидации Персидской Советской республики получили повод отложить свертывание своего проекта.

Гикало, бывший «человеком Серго», стремился замедлить уход из Гиляна. Гикало и Томашевский отправили в Баку сотрудника РВС Артура Жугаевича. Жугаевич уведомил Орджоникидзе в его вагоне незадолго до его отъезда в Москву о соглашении между Эхсануллой и Кучук-ханом. После доклада Серго он явился в полпредство Советской России в Баку и сообщил, что Персидская армия не расформировывается и остается в Гиляне, а затем заявил об этом же в штабе XI армии и передал Гикало «приостановить вывод войск и расформирование Персармии до возвращения Орджоникидзе из Москвы». Гикало сообщил в Баку 15 мая: «Товарищ Орджоникидзе дал словесное приказание переформирование армии приостановить до его распоряжения. Отданный мной приказ во исполнение Вашей телеграммы задержан исполнением впредь до распоряжения. Персармия остается на местах в прежнем составе и положении. Прошу срочных указаний».

На следующий день Ремезов, по всей видимости, заручившись поддержкой Москвы, ответил: «Вопрос о реорганизации Персармии обсужден, причем выяснено, что на основе распоряжения т. Орджоникидзе Персармия расформировывается и превращается в бригаду, а все ее учреждения по расформированию остаются на местах для обслуживания бригады. Части же бригады остаются на ныне занимаемых позициях до особого распоряжения.

1. С 7 мая считать армию, ее РВС и отделы управления упраздненными.

2. С 7 мая существует бригада и вы командир ее.

3. Войска оставить до особого распоряжения в занимаемых ими позициях и расположении...

Затем напоминаю Вам еще раз: никаких военно-политических и чисто политических действий без моего ведома, разрешения и согласия не предпринимать и не проводить в жизнь, за исключением чисто военно-оборонительного характера операций».

В этой переписке интересна не только настойчивость и твердость привыкшего к строгой субординации Ремезова при выполнении директив высшего командования. Показательны продолжавшиеся, несмотря на многочисленные требования Политбюро о прекращении авантюры, попытки Орджоникидзе саботировать вывод войск из Гиляна и сыграть свою игру, используя стремление азербайджанских руководителей укрепить свои позиции за счет влияния на дела в Персии.

17 мая 1921 года Политбюро сформировало комиссию в составе главкома Сергея Каменева, Орджоникидзе и Чичерина для изучения вопроса о возможности немедленного вывода войск из Энзели и Решта. Целью работы комиссии была выработка реальных гарантий от вероятного занятия этих пунктов англичанами. В тот же день Каменев писал: «Я считаю, что из Персии сейчас можно увести войска. Они — небоеспособные против англичан. Если англичане двинутся на Энзели, мы можем совершенно срочно выбросить туда бригаду курсантов из Баку. Необходимо только твердо организовать разведку в Персии».

На следующий день, в годовщину взятия Энзели десантом Волжско-Каспийской флотилии, Пленум Политбюро подтвердил решение комиссии о необходимости эвакуации советских войск из Персии. В постановлении повторялись тезисы Главкома, что находящиеся в Гиляне советские войска разложились и не смогут защитить провинцию в случае британского наступления, а замена

их боеспособными полками невозможна по политическим соображениям. При сохранении господства красного флота на Каспийском море наступление английских войск, состоявших преимущественно из индийских частей, не нанесло бы существенного ущерба. Кроме того, без вывода «наших оккупационных частей» представлялось невозможным прекращение деятельности примазавшихся к ним Эхсануллы и его соратников. «Удаление наших частей из Персии направит всю ненависть народных масс против иностранцев исключительно на англичан и сделает их положение в Персии гораздо более трудным. Момент и политическая обстановка увода наших частей из Энзели должны быть согласованы с тов. Ротштейном и политически максимально использованы», — резюмировало решение одной из высших партийных инстанций. Помимо подтверждения решения о выводе войск из южного Прикаспия в документе любопытна оговорка о возможности переключить ненависть местных жителей против иностранцев на англичан. За год после высадки Эхсанулла сделал немало, чтобы восстановить гилянцев против себя и Красной армии, на штыках которой он держался и добился, что восторженное отношение местных жителей к недавним освободителям от британского владычества изменилось на противоположное.

Неопределенность эвакуации и слухи о выводе советских войск породили напряженность между местным населением и ревкомом и между местными революционерами и советскими войсками. Участились и случаи дезертирства: многие из служивших в Персидской Красной армии азербайджанцев не хотели возвращаться на голодавшую Родину, дезертировали или переходили в ряды муджахидов-дженгелийцев. Местные жители активно обрабатывали красноармейцев с целью добиться их ухода к Кучук-хану.

Боеспособность частей Красной армии быстро снижалась не только из-за бытовых неустройств, плохого снабжения и длительной (около двух месяцев) неуплаты жалования. Подобная ситуация была достаточно распространенной для Красной армии времен Гражданской войны и первых месяцев после ее завершения. Многие бойцы и командиры устали от войны и хотели возвратиться домой.

Обстановка на фронте оставалась стабильной, Гикало тем не менее настаивал на получении пополнений, мотивируя это предстоящим увольнением в долгосрочный отпуск и переводом в рабочие батальоны красноармейцев старших возрастов (1892–1895 гг. рождения). 23 мая он донес в штаб XI армии, что подлежащих увольнению в бессрочный отпуск и в Трудовую армию в бригаде насчитывается около 200 человек, и назвал приказ о демобилизации невыполнимым.

В тот же день комбриг сводной Азербайджанской уточнил сведения о числе подлежащих увольнению, оно увеличилось сразу в пять раз, до 1000 человек. Гикало подчеркнул, что большая часть увольняемых приходится на строевые части и сетовал, что при такой убыли бригада не только утратит боеспособность, но и не сможет нести позиционные и гарнизонные наряды. «Прошу скорейшей высылки пополнений и задержать увольняющихся при частях», — резюмировал он.

Однако РВС армии не согласился с доводами комбрига и резюмировал 29 мая на докладе: «Написать тов. Ремезову, что задерживать нельзя, а деньги будут выплачены в раб<очем> батальоне». Это неудивительно: 26 мая Главком Сергей Каменев передал в штаб директиву (с копией для Орджоникидзе) немедленно отвести из Решта и Энзели Персидскую Красную армию в Баку, согласовав порядок вывода войск с Ротштейном.

Впрочем, не все полученные пополнения не устраивали Гикало. 27 мая он отправил в штаб XI армии просьбу не зачислять в находившиеся в Баку запасные подразделения бывшей Персидской Красной армии уроженцев Персии. По его мнению, большинство согласившихся вступить в их ряды были уроженцами Тегеранской, Казвинской и Тавризской провинций, которые считали вступление в Красную армию наилучшим вариантом переправиться в Энзели и Решт. Комбриг сетовал, что такие резервисты «немедленно дезертируют с оружием, а нередко и лошадьми на сторону противника. Огромный процент дезертиров Персармии падает на персов. Вот почему присылка персармии пополнения не только не облегчит положение, а принесет вред, ибо массовое дезертирство вконец разлагает части». Это был очередной намек на необходимость пополнить бывшую Персидскую Красную армию русскими бойцами. Однако командование XI армии не поддерживало стремление Орджоникидзе и Гикало к сепаратным действиям, направленным на затягивание советского военного присутствия в Гиляне.

Подготовка к выводу войск не обошлась без скандалов, не имевших отношения к военному делу. В частности, 28 мая Гикало сообщил в РВС XI армии, что среди отправленного в Баку имущества бывшей Персидской Красной армии находились 43 ковра, которые из-за вмешательства и «неправильного освещения вопроса Уполномоченным внешторга Центроревкома и персправительства Мушира», были задержаны Азвнешторгом как спекулятивные. Гикало был явно рассержен: «Категорически считаю подобное явление недопустимым и вмешательство Мушира в этот вопрос, его доклады Азвнешторгу есть грубое искажение факта, дискредитирующие персвойска». Ремезов резюмировал: «Выяснить немедленно в Азвнешторге, в чем дело и почему вмешались, где ковры». Чем завершилась история с коврами, пока узнать не удалось.

2 июня Орджоникидзе подтвердил Гикало необходимость уволить из бригады красноармейцев, подлежащих переводу в рабочие батальоны.

5 июня РВС XI армии распорядился к 8 июня оттянуть все тылы в Энзели, а войска с передовых позиций в Решт, 9 июня отойти с войсками на 12-ю версту, очистив совершенно район к югу от этой позиции. Гикало поручили ускорить отправку в Баку отделов управления бывшей Персидской Красной армии. Имущество, документы и персонал штаба армии предполагалось эвакуировать в Азербайджан постепенно, в течение недели.

Однако к этому времени Гикало и Орджоникидзе затеяли еще одну опасную авантюру. 31 мая командир отдельной Персидской телеграфировал в штаб XI армии: «Доношу, что персидское ревправительство первый ревполк и отряды конницы отправляет для занятия Хуремабада, что 6 верст юго-восточнее Рудессера. Хуремабад занят персказаками, Препятствовать этому не могу, так как в мое подчинение не входят».

Гикало лукавил: в действительности, он рекомендовал части красноармейцев и командиров перейти в Иранскую революционную армию на положении добровольцев, причем не считая их дезертирами из рядов Красной армии. Кроме того, как отметил в своей книге «Красная Персия» историк Владимир Генис, Гикало распорядился отправить в Рудессер на пароходе взвод артиллерии с боеприпасами и около 300 бойцов и командиров.

Официально Гикало утверждал: «По донесению начальника ленгерудского боевого участка перс<идские>казаки перешли в наступление на Рудессер, весь день шел бой, наступление было отбито, 18 казаков взяты в плен. В районе Рудессера — Лахиджана русских частей нет — занимают муджехиды. К персказакам по сведениям под-

ходят подкрепления, и возможно новое наступление. Мы остаемся нейтральными. Жду распоряжений».

Однако уже 3 июня Гикало получил строгое указание командарма Анатолия Геккера и Орджоникидзе не допустить столкновения между отрядами Ревкома и персидскими казаками и вернуть 1-й революционный полк и конные подразделения обратно, не останавливаясь перед применением вооруженной силы. Комбриг пытался доказать, что войска ревкома были вынуждены ответить на наступление персидских казаков, а сам он пытался задержать движение революционных частей в Шахсевар и Мазендеран, но его просьбы вызвали раздражение Эхсануллы. Гикало намеревался выехать на новую линию фронта и прекратить столкновения, написав послание командиру персидских казаков. В действительности комбриг отправился в Рудессер 5 июня, получив повторное указание отправить в Баку всех красноармейцев, подлежавших демобилизации. В тот же день бригада получила приказание оттянуть к 8 июня части на 12-ю версту, очистив район к югу от нее. Эта переписка должна была создать видимость непричастности бывшей Персидской Красной армии к наступлению, в котором участвовали ее подразделения.

Выехав на передовую, Гикало обратился к персидским казакам с предложением прекратить огонь, объясняя, что русские войска уходят из Гиляна, а Эхсанулла агитировал казаков перейти на сторону революционеров, вызвав колебания в подразделениях дивизии. Благодаря этому революционным частям удалось продвинуться почти до Шахсевара, заняв значительную территорию на побережье. Ревком отправил Эхсанулле телеграмму с требованием вернуться в Решт для обсуждения ситуации, сложившейся из-за предполагавшегося вывода частей Красной армии, но бывший глава Ревкома обращение проигнорировал.

Сведения о дезертирстве в расформированной Персидской Красной армии и лояльном отношении к нему высшего командования вызвали беспокойство в Москве. «Будет скандал, если окажется, что наши войска не ушли, а перекрасились в войска Кучука. Никто не поверит, что это без нашего ведома. Это нас скомпрометирует, подорвет отношения с Персией… сыграет на руку Англии и приведет к тому, что ее войска вернутся в Тегеран. Вся наша политика рухнет. Если нельзя помешать массовому дезертирству… надо немедленно провести эвакуацию, пока армия не растаяла. Если немного нашего оружия попало к Кучуку, это допустимо. Если все вооружение армии перешло к Кучуку, то никто не поверит, что это злоупотребление честных властей, а всякий скажет, что это вероломство», — писал Чичерин.

9 июня командование XI армии подтвердило приказание отвести войска на 12-ю версту, причем предполагалось эвакуировать Азербайджанскую бригаду в Баку уже 11-12 июня, контролируя небольшой плацдарм силами 244-го полка и полка имени 26. Ремезов предложил Гикало «распустить Муджехидский конный полк «на все четыре стороны». Однако эвакуация затянулась из-за стремления части красноармейцев и командного состава забрать с собой нажитое разными способами имущество. Как сообщал один из очевидцев эвакуации, повозки с домашней утварью, коврами, взятыми якобы на время военными учреждениями у местных жителей, создавали у них весьма противоречивое впечатление о тех, кто обещал установить в Гиляне справедливость и равенство. «Уезжавшие с кредиторами обращались грубо, было даже несколько случаев поползновения к насилию». Наконец, невыплата жалования вызвала беспорядки в 1-м и 3-м полках Азербайджанской бригады, которые отказались 13-14 июня грузиться на пароходы и грозились устроить

мятеж. Гикало удалось предотвратить боевые действия между азербайджанскими и русскими частями.15 июня, как сообщалось в сводке штаба бригады, 3-й полк и батарея погрузились на пароход «Мехди», а 1-й полк готовился к эвакуации в ближайшие дни.

Последний поход Эхсануллы

К этому моменту ситуация в Тегеране изменилась, 14 июня премьер Зия-эд-Дин ушел в отставку и покинул страну, новым председателем правительства стал бывший губернатор Хорасана Кавам эс-Салтанэ. В этой ситуации Ротштейн, еще недавно требовавший скорейшего вывода советских войск, изменил точку зрения. В депеше Орджоникидзе дипломат пояснял: «Существование некоторого фронта в Гиляне как раз в настоящий момент нужно для терроризирования нового кабинета, а потому повремените немного <с выводом войск>. Я предъявил кабинету ряд требований, по удовлетворении которых дам вам сигнал для эвакуации. Прошу одновременно удержать Иранский ревком и Кучука от каких-либо выступлений… В случае удовлетворения моих требований или создания другого приемлемого нам кабинета прекратите поддержку ревкома, о чем особо дам знать». Советский дипломат вел себя как типичный европеец того времени в колониальной стране, пытаясь добиться нужного результата военным давлением.

Экспортеры революции не унимались: выведенный из приграничного с Персией Ленкоранского уезда в Баку особый отряд под командованием отозванного из Гиляна коммуниста Бахрама Агаева (около 300 человек) по ходатайствам местных работников не был расформирован. Напротив, ему придали статус отдельной территориаль-

ной Азербайджанской бригады. Под этим названием создавалась часть, предназначенная стать учебным центром для Персидской Красной армии, восстановить которую намеревались некоторые закавказские коммунисты. Покинувшим Гилян советским деятелям удалось восстановить в ремонтных мастерских 5 орудий и 10 пулеметов и некоторое количество снаряжения. На пост командира бригады намеревались назначить комбрига отдельной погранбригады Королева, но Ремезов отказал в совмещении или переводе Королева и распорядился расформировать территориальную бригаду.

Тогда сторонники Гейдар-хана пошли на служебный подлог. Комбриг Королев в документе, который привел Владимир Генис, указывал, что члены ЦК компартии Ирана попросили его подготовить документ о предоставлении парохода для перевозки бригады, пояснив, что с согласия азербайджанского наркомата по военным и морским делам она перебрасывается в Гилян, чтобы превратиться в основу новой революционной армии. «Бригада должна уйти под видом пограничной части для того, чтобы сделать конспирацию, дабы скрыть следы бригады от агентов шахского правительства и англичан... Когда тов. Фомов попросил меня выдать отношение, я поверил ему, считая, что это вопрос большой государственной важности, тем более, что Фомов заявил, что это делается с ведома и согласия Караева и Ремезова». 9 июня Королев отправил требование на предоставление плавсредств. «Пограничникам» выделили один пароход из двух запрошенных, это был «Горчаков». 14 июня он вышел в море и 15-го вместе с красноармейцами и вооружением прибыл в Энзели. В одном из портовых складов бойцов с вооружением перегрузили на плоскодонные лодки-кирджимы, которые могут проходить даже по мелководью, и отправили на буксире по реке Мурдаб в расположение Кучук-хана. Ру-

ководивший операцией Фомов приказал красноармейцам и командирам не шуметь, чтобы не выдать прибытия бригады в момент, когда советские войска официально эвакуировались из Гиляна.

Командир остававшейся к тому времени в Персии «Азербайджанской» бригады Гикало возмутился переброской войск в Гилян без его ведома и их передачей в распоряжение Кучук-хана, а не Эхсануллы, которому он покровительствовал. Гикало доложил Орджоникидзе, что 300 человек с орудиями и пулеметами под командованием Фомова находятся у «авантюриста» Кучук-хана в момент, когда Эхсанулла успешно продвигается к Тегерану, а местное население борется с шахскими войсками и властями.

Оказавшийся перед фактом переброски из Баку новой воинской части Красной армии, Гикало предложил в письме Орджоникидзе добиться хотя бы демонстративного объединения Эхсануллы и Кучук-хана и их совместных действий против шахского правительства. Комбриг считал, что не следует препятствовать азербайджанцам оказывать помощь Кучук-хану, чтобы не возбуждать среди них и местных жителей вражды к русским большевикам, однако усиление вождя дженгелийцев следовало, по его мнению, уравновесить расширением советской помощи его просоветскому оппоненту.

Эхсанулла, однако, жаловался на недостаточную помощь. В письме Орджоникидзе он отмечал, что получил вместо обещанных 2000 винтовок (напомним — о том же просил в своем рапорте Гикало) и такого же числа добровольцев всего лишь 125 и 200 соответственно, а также несколько пулеметов и две горных пушки, которых было явно недостаточно для активизации боевых действий. Эхсанулла планировал масштабную операцию: при поддержке дружественных ему отрядов местных повстанцев

и туркменских племен занять каспийское побережье провинции Мазендеран, продвинуться до Астрабада, расположенного рядом с юго-восточным берегом моря и после этого начать поход на Тегеран. «Мое последнее слово: с 2000 человек и 1000 лишних ружей, со 100 000 туманов мы возьмем Тегеран. Ведь это немного!»

Рассерженный Орджоникидзе распорядился провести расследование о нелегальной переброске войск к Кучук-хану. Гейдар-хан официально открещивался от авторства и даже участия в этой авантюре и утверждал, что бригада отправлена в Гилян без его ведома, однако, как пишет Владимир Генис, в архиве Коминтерна есть документы, подтверждающие причастность Гейдар-хана к переброске войск. Следствие поручили начальнику особого отдела 1-го кавказского корпуса Фрейману, который должен был допросить начальника и коменданта бакинского гарнизона и арестовать руководителей ИКП, организовавших отправку «бригады» в Энзели. Однако арест отложили до удобного момента, который не представился: Гейдар-хан отправился в дженгель под защиту Кучук-хана.

Приостановка вывода войск вызвала новую волну иллюзий у персидских революционеров. Эхсанулла-хан отказался отправиться на посланном за ним и Томашевским пароходе в Энзели, где предполагалось обсудить возможные способы оказания гилянцам негласной помощи оружием, амуницией и инструкторами. В письме Орджоникидзе он объяснил свое неподчинение обстановкой на фронте, не позволявшей покинуть район боевых действий. «Я только скажу коротко: для революции в Персии сейчас самый удачный момент, и я могу заверить Вас, что при малейшей помощи будет взят Тегеран». Бывший глава ревкома как будто забыл, что уже не раз обещал победу революции и просил задержать в Прикаспии

Гикало с соратниками и передать ему «немного русских красноармейцев, которые, если нужно, будут переодеты в персидскую одежду».

В ответ на просьбу Гикало 14 июня отправил в один из захваченных Эхсануллой портов пароход с 300 вооруженными красноармейцами, затем выделил взвод горной артиллерии со снарядами. Одновременно комбриг подписал приказ, по которому поступившие на службу к Эхсанулле бойцы не считались дезертирами. В тот же день отряд Эхсануллы при поддержке русских добровольцев без боя занял приморский город Шахсевар, где организовал ревком. Командование бригады организовало доставку в порт из Энзели боеприпасов и снаряжения и неоднократно инспектировало революционные отряды: там побывали и Гикало, и Томашевский. Эхсанулла жаловался на ограниченные поставки военного имущества, тем не менее он сумел сосредоточить в Шахсеваре около 3000 человек, причем наиболее крупными отрядами командовали выходцы из Персидской Красной армии. Кроме того, в Шахсевар отправился и поэт Велимир Хлебников.

В ночь на 16 июня совещание с участием Орджоникидзе и Нариманова постановило создать особую комиссию при ревкоме в Реште, которой планировалось передать часть оружия и боеприпасов эвакуируемых из Гиляна частей бывшей Персидской Красной армии. Гикало требовал для снабжения революционеров и собственных войск 2000 русских винтовок, 500 000 патронов к ним, 30 пулеметов максима, 200 снарядов для 48-линейных гаубиц и 1200 — для трехдюймовых пушек, а также 1000 русских бомб (гранат).

Эвакуация советских войск затянулась. В Реште находились обвиненный в измене Сардар Мухи и один из сподвижников Кучук-хана, командир боевого отряда Хаджи Ахмед, подозревавшийся в сотрудничестве с шахом

и его тайной полицией и намерениях уничтожить ревком. 19 июня комбриг потребовал, чтобы арестованные были эвакуированы вместе с войсками. Находившиеся в столице Гиляна Мирза Мохаммеди и Халу Курбан отказали в выдаче. Однако Сардар Мухи был лично знаком с Орджоникидзе, который требовал передать Мухи советским властям. В этой ситуации советские войска 21 июня возвратились в Решт для освобождения арестованных, которые были впоследствии переправлены в Баку. После короткой перестрелки на окраинах город перешел под контроль советских войск. Гикало 30 июня просил «ввиду вторичного занятия Решта» выделить бригаде дополнительную партию боеприпасов.

Согласно указаниям Главкома части Красной армии были задержаны. В телеграмме от 1 июля штаб Кавказской армии сообщал, что 244-й полк будет выведен из района Энзели при получении соответствующей телеграммы Главкома после указаний от Ротштейна.

Действия властей и военного командования вызвали протесты Тегерана. Персидский консул в Баку Мамед-хан передал 28 июня правительству советского Азербайджана и представителям РСФСР телеграмму, в которой отмечались факты перехода частей Красной армии в ряды революционеров и высадки «азербайджанских» и революционных войск с пароходов и барж Каспийской флотилии.

Москва и Баку вынуждены были реагировать. Лишь 6 июля части сводной бригады вновь, теперь уже в последний раз, оставили Решт и возобновили эвакуацию. Как сообщал в Баку Гикало: «На менджильском направлении персказаки против частей революционеров активности не проявляют. В Мазендаране идут частичные бои Эхсануллы с казаками. В Фумене у Кучук-хана идут переговоры о перемирии с представителями шахского правительства. При эвакуации Решта эксцессов не было.

Настроение войск бодрое. Населения к Красной армии — весьма сочувственное».

Несмотря на заявления о полной эвакуации частей Красной армии (под видом национальных азербайджанских), к 15 июля отдельные отряды «добровольцев» продолжали действовать в Персии и после.

Участие красных добровольцев в боевых действиях вновь открылось, на этот раз благодаря стремлению журналистов рассказать о продолжении мировой революции. Переброска военных материалов и «добровольцев» не могла остаться незамеченной официальными властями, выразившими энергичный протест по этому поводу. Затем бакинская газета «Коммунист» напечатала 30 июня телеграмму Эхсануллы руководству советского Азербайджана, где тот утверждал, что занял ключевые позиции в Мазендаране, распоряжаясь стратегической дорогой от Шахсевара до гилянского города Лахиджана. Один из вождей революции требовал, чтобы руководители советских республик и Коминтерна помогли трудящимся, отбросив дипломатические и политические соображения.

13 июля «Известия» опубликовали заметку про бой между повстанцами и персидскими казаками при Рудессере, где казаки встретили отпор «Русских войск», кроме того, газета опубликовала телеграмму Эхсануллы с просьбой к Коминтерну и Азербайджанскому ревкому помочь повстанцам.

Чичерин возмутился: персидские революционеры и их советские кураторы не только нарушили директивы Центра о сокращении помощи и ее тщательной маскировке, но и огласили сведения, которые могли вызвать новые международные осложнения для Советской России. Рассерженный нарком иностранных дел писал в Политбюро: «Товарищ Стеклов сделал большой промах, поместив в «Известиях» без всяких объяснений и всяких оговорок

документ, исходящий от того самого правительства Эхсануллы, с которым мы не имеем никаких сношений и которое мы перестали поддерживать… Можно вывести, что в действительности мы продолжаем двигать Эхсануллу, Кучука и других инсургентов против персидского правительства. Опубликованный документ перечисляет успехи Эхсануллы в северном уголке Персии и заключает его далее телеграммой к тов. Нариманову, в которой он обращается за помощью к Советским республикам. Так как нет никаких оговорок и этот документ опубликован в нашем официальном органе, получилось документальное подтверждение наших сношений с инсургентами». Чичерин отмечал, что публикация появилась в момент, когда «на наших судах так называемые добровольцы перевозились в персидские порты для поддержки инсургентов», несмотря на попытки Орджоникидзе приостановить самодеятельность. Персидское правительство узнало о случившемся. Персидский посланник в Москве направил протест руководству РСФСР, в котором подчеркнул, что «для Азербайджана русско-персидский договор является мертвой буквой».

В этой ситуации РСФСР оказала давление на советский Азербайджан. 26 июля в бакинском «Коммунисте» было опубликовано официальное заявление наркома иностранных дел республики Мирзы Гусейнова, который утверждал что никаких связей между правительством Азербайджана и Эхсануллой нет и поддержки ему Баку не оказывает.

Однако в действительности контакты между Эхсануллой, Орджоникидзе и командованием бригады продолжались. Вопреки утверждениям Серго о том, что он пытался приостановить переброску «добровольцев» в Шахсевар, он продолжал помогать повстанцам. Вождь революционеров тем не менее жаловался на скудность поступления

волонтеров и вооружения, которая, по версии Эхсануллы помешала успешному наступлению на Тегеран: «Вместо решительного натиска с вашей помощью меня звали сначала в Баку, а потом и в Решт на обсуждение общего плана. Но этот план уже есть и его нужно выполнять, то есть идти вперед, а идти вперед, не зная, будет ли от Вас помощь и в каких размерах, нельзя, особенно когда мне один день говорят, что мой план одобрен, а другой день, что мой поход на Тегеран есть рискованная авантюра. Может ли быть что-либо опаснее в революции, как подобные колебания и нерешительность? И вновь я обращаюсь к Вам, уважаемый товарищ, с определенным вопросом: будет ли обещанная помощь?

Неужели в момент, когда конечная цель почти достигнута, Вы покинете трудящиеся массы Персии, называющие Ваше имя как имя самого дорогого товарища? Но пусть так. Если и Вы нас оставите, мы пойдем вперед и увидим перед собой либо Тегеран, либо смерть. И пусть тогда история и трудящиеся всего мира судят нас».

Официально Орджоникидзе, стремившийся помочь революционерам через остававшиеся в Гиляне части Красной армии, продолжал отрицать советскую помощь. В частности, когда полпред Ротштейн попросил отозвать их из гиляна командование Кавказской армии ввиду протестов персидских властей по поводу участия в боях против правительственных войск отдельных подразделений и специалистов из бывшей Персидской Красной армии, руководитель кавказских большевиков рекомендовал Ремезову назвать обвинения Тегерана «брехней».

Ротштейн догадывался о настроениях и действиях Орджоникидзе. В письме Чичерину он писал, что по сведениям отправленного им в район восстания сотрудника полпредства к Эхсанулле прибыли два парохода с вооружением, инструкторами и «дезертирами» Персидской Крас-

ной армии. «Благодаря стараниям этих паладинов революции (Эхсануллы и Кучук-хана. — *Авт.*) мазендеранская провинция сейчас находится в состоянии войны с шахским правительством и ко мне со всех сторон несутся жалобы на наше вероломство, которое одной рукой толкает нас давать персам договор и очищать Гилян, а другой поощрять и материально помогать разбойным авантюрам. Больнее всего то обстоятельство, что по докладам вернувшихся из Гиляна и Баку товарищей это поощрение и помощь оказываются систематически и умышленно тов. Орджоникидзе... Я, признаться, совершенно не понимаю, как можно так безответственно саботировать нашу огромную шахматную игру против английских партнеров. Неужели тов. Орджоникидзе не видит того простого обстоятельства, что, затевая такую игру, он тем самым укрепляет положение англичан и создает им ореол спасителей отечества?»

К этому моменту Эхсанулла изменил план операции. Вместо дальнейшего продвижения вдоль побережья Каспийского моря он решил повернуть на юг, чтобы, перейдя через горы, направиться на Тегеран. По свидетельству советских участников авантюры, вождь революционеров даже специально приготовил для вступления в столицу красные мундиры для бойцов. Однако для наступления на Тегеран требовалось выбить с выгодных позиций крупный отряд персидских казаков. Эту операцию Эхсанулла поручил двум небольшим (всего 220 человек) группам русских добровольцев. Попытки одного из командиров отрядов убедить Эхсануллу отложить атаку до подхода третьего, располагавшего двумя орудиями, не увенчались успехом. Лидер персидских революционеров потребовал немедленного наступления, угрожая поручить операцию другому командиру.

Однако слабо разбиравшийся в военном деле лидер революционеров и его соратники не придавали должного

значения разведке и изучению обстановки на прилегающей территории и пренебрежительно относились к выучке и боевому духу противника. 23 июля отряд Елисеева (около 120 человек) столкнулся с крупным отрядом персидских казаков. Под натиском превосходящих сил противника он вынужден был отступить, а располагавший артиллерией отряд Смирнова не успел прийти на помощь. Эхсанулла, оказавшись в неплотном окружении, не сумел достойно выйти из ситуации. Частная неудача повлекла крах операции. Несмотря на то, что с Эхсануллой находились значительные силы общей численностью в 1000 бойцов, в том числе эскадрон отборной кавалерии и подразделение русских пулеметчков-добровольцев, он не пытался восстановить прерванное сообщение с тылом, обвинил русских в измене и предательстве и начал паническое отступление. Как утверждал впоследствии советский консул в Энзели Хавин в письме к Чичерину, Эхсанулла объяснял свой поход в Мазендеран и попытку прорыва к Тегерану получением через Гикало негласного приказа Орджоникидзе «идти на выручку Ротштейна, дела которого будто бы плохи». Другой советский представитель, Рудольф Абих, просил в телеграмме прислать транспорт для эвакуации отряда и военный корабль для устрашения персидских казаков. «Положение у нас создалось не из важных. Отряд Елисеева отступает. Эхсанулла окружен казаками, совершенно отрезан от нас и связи мы с ним не имеем. Отдельные части разных ханов совершенно разбежались. Из русского отряда остается не более 120 человек. Из поведения местных персидских властей можно заключить, что мы, русские, оставшиеся в Шахсеваре и отступающие в Абас-Абад, будем разоружены… Большие притязания они имеют на наши оружейный и артиллерийский склады».

Эхсанулла стремительно отступил через Шахсевар на Лахиджан, где и остановился. Некогда сочувствовавший

революционерам Саад-эд-Доуле разоружил русских, отпустил их восвояси и впоследствии перешел на сторону шаха. Среди сотрудников штаба «революционной армии», возвращавшихся в Энзели, был и Велимир Хлебников, который вскоре отправился в Баку.

Попытка Гикало, Орджоникидзе и Нариманова остановить эвакуацию и снова устроить революцию под видом похода персидских революционных сил завершилась провалом.

В действительности Чичерин и Ротштейн протестовали против стремления персидских революционеров наступать на Тегеран и занять столицу. Наркоминдел писал полпреду Советской России на Кавказе Борису Леграну, что поход на Тегеран и его захват не позволил бы революционерам взять власть в стране в свои руки: шах и его правительство могли эвакуироваться в Исфахан или другой крупный город и оттуда управлять большей частью страны. Такая авантюра, по мнению дипломатов, была бы на руку англичанам, которые при таком развитии событий из угнетателей могли стать защитниками ислама от «русских безбожников».

В итоге 26 июля Политбюро постановило подтвердить директивы ЦК по советско-персидскому договору. Орджоникидзе получил еще одну телеграмму из Москвы с требованием строго следить за его реализацией и пресекать вербовки волонтеров для вторжений на персидскую территорию.

31 июля новый Ревком после отказа Эхсануллы выполнить приказ о возвращении войск в Решт обсудил сложившуюся ситуацию. Как вспоминал впоследствии участвовавший в совещании ревкома в Пасихане военный представитель РСФСР в Персии, полковник Генштаба старой армии Михаил Свечников, его участники после обильного обеда исключили Эхсануллу из числа членов Ревкома,

заменив его Сархошем, соратником курдского вождя Халу Курбана. В постановлении Ревкома было указано, что поход Эхсануллы в район Тонекабуна был организован без ведома членов Ревкома и противоречил его политике.

Новый Ревком организовал законопроектную комиссию в составе 5 человек (по два представителя от Кучук-хана и Халу Курбана и один — от ЦК Иранской компартии), началась закулисная борьба вокруг распределения должностей в новом правительстве. Вскоре правительство объявило, что в первую очередь оно намерено заниматься не новым витком «революционных» преобразований, а общественным благоустройством, упорядочением экономики и политической жизни, чтобы нормализовать повседневную жизнь. Кучук-хан стал председателем нового Совнаркома, совмещая этот пост с должностями комиссара финансов и общественной пользы, его соратник Мохаммеди стал комиссаром внутренних дел, Гейдар-хану поручили руководство комиссариатами иностранных дел, почты, телеграфа и торговли. Руководство комиссариатом по военным делам передали Халу Курбану, а юстиции и народного просвещения — Сархошу. Военными советниками Халу Курбана стали бывший командир 244-го полка Лука Головко и «дезертировавший» из Баку Каргалетели.

После это Чичерин сообщил, что Советская Россия не намерена поддерживать Кучук-хана, но и одновременно не будет препятствовать его стремлению самостоятельно бороться с шахом. Теперь с просьбами к Баку о помощи обращались уже Халу Курбан и его окружение. Они жаловались Орджоникидзе, что значительная часть переданных Эхсанулле вооружения и боеприпасов потеряна в неудачном июльском походе, который настроил массы против Ревкома, и просили выделить новому правительству 1000 винтовок с патронами.

Ключевой проблемой новой власти было отсутствие единства ее разных группировок и подчинявшихся им вооруженных отрядов. Главные силы «армии» Кучук-хана по-прежнему были сосредоточены в дженгеле, ее отдельные подразделения контролировали обходные пути из леса в Менджиль, отряды Халу Курбана концентрировались в районе Решта, прежде всего — у дороги на Казвин и занимая передовыми постами Имам-Заде Гашим, остатки отрядов Эхсануллы оставались под Лахиджаном. По оценке Свечникова, разношерстное воинство с небольшим количеством красных добровольцев насчитывало около 7000 человек — примерно столько, сколько перед выводом Азербайджанской стрелковой бригады Персидская Красная армия. Персидский ревком понимал, что сил для наступления на Тегеран у него недостаточно, и намеревался реорганизовать вооруженные силы в две бригады регулярных войск (по 4–5 тысяч человек), а мелкие отряды использовать для партизанских действий. Кроме того, Гейдар-хан намеревался создать собственную гвардию, «коммунистическую бригаду» численностью около 1000 человек, чтобы иметь ударную силу для боевых действий на фронте или против соратников по ревкому, но ему не удалось реализовать свои планы.

Попытка Головко объединить отряды Халу Курбана и Эхсануллы не увенчалась успехом — последний не хотел подчиняться кому-либо и лишаться собственной, руководимой им лично вооруженной силы. Головко указывал (вероятно, идеализируя Халу Курбана и его бойцов), что местное население жалуется на грабеж и насилие солдат Эхсануллы и их безнаказанность. Последний продолжал надеяться на благосклонность Орджоникидзе и отправил в Баку новых делегатов, которые, несмотря на попытки ареста сторонниками Халу Курбана и Кучук-хана, с помощью советских моряков добрались до места назначения.

В середине августа в Решт из Баку отправился Константин Томашевский для новых переговоров о судьбе Эхсануллы и его русских добровольцев. Члены нового ревкома и командование армией, недовольное ориентацией Москвы и Баку на Эхсануллу, крайне неохотно согласилось на новые консультации. Тем не менее Томашевский сумел добиться соглашения, по которому все оставшееся у Эхсануллы вооружение переходило к местному комитету Иранской компартии, бывший вождь революционеров получал право выбрать — оставаться ему в Гиляне или отправиться в Баку, а его советские волонтеры выводились в Энзели для переформирования в особый отряд.

Тем временем Пленум Кавбюро РКП(б) после доклада Орджоникидзе о положении в Персии отказался поддерживать Эхсануллу и Кучук-хана и предложил им эвакуироваться с их отрядами в случае их согласия. Прибывший из Баку Гикало передал ревкому это решение и попытался еще раз примирить Эхсануллу с ревкомом. 27 августа Гикало снял с фронта русских «добровольцев», вывел их в Энзели и вместе с участниками Мазендеранского похода прибыл в Решт. Халу Курбан обещал заступиться за Эхсануллу перед ревкомом, но на встрече с соратниками неожиданно отказался от обещания, заявив, что Гикало «оскорбил» его при обсуждении вопроса. В свою очередь Эхсанулла также не соглашался на роль одного из полевых командиров без какого-либо поста в правительстве и вынужден был согласиться на отъезд в Баку.

Однако в этот момент Политбюро компартии Азербайджана постановило, что ввиду угрозы захвата «Советской Персии» правительственными войсками необходимо оказать помощь ревкому оружием «и прочим», под которым подразумевались добровольцы и деньги, поставив местным революционерам условие объединиться. Однако объединения достичь не удалось.

Не увенчались успехом и переговоры между персидским правительством и ревкомом, посредником в которых выступило советское полпредство в Тегеране, Кучук-хан пытался добиться не только амнистии для участников антишахского движения, но и фактического превращения Гиляна в автономию под руководством вождя повстанцев. Шах не соглашался, он требовал, чтобы Кучук удалился с небольшим отрядом в дженгель, обещая взамен назначить в провинцию приемлемого для него губернатора, отвести казачьи части в Казвин и, наконец, отправить в Гилян для полицейских функций не казачьи части, а жандармерию.

В этой ситуации Кучук-хану и руководителю Иранской компартии Гейдар-хану требовался успех. В начале сентября Ревком начал новое наступление. В боях 6–7 сентября особый коммунистический отряд, сформированный Гейдар-ханом при поддержке подразделений «азербайджанской территориальной бригады», сумел отбросить под Лангерудом превосходящие силы казаков и овладеть городом. 10 сентября отрядам Кучук-хана удалось вновь занять Рудессер, части персидских казаков общей численностью около 1500 человек отступили, потеряв 65 человек пленными, орудие и несколько пулеметов. Кучук-хан и его окружение начали подготовку нового похода на Тегеран. Это была первая победа революционных войск над казаками, добытая без массового участия русских добровольцев, выведенных к тому времени в Энзели и Баку. В рядах повстанцев остались только советские инструкторы, распорядительность и выучка которых во многом позволила «красным персам» добиться успеха.

Под влиянием удачных боевых действий и общения с Гейдар-ханом Кучук-хан стал крайне несговорчив и фактически игнорировал советских представителей, пытаясь использовать попытки азербайджанских коммунистов вести самостоятельную игру. Ротштейн писал: «Все это (несго-

ворчивость Кучук-хана и его окружения. — *Авт.*) — блеф и шантаж, имеющий своей единственной целью обосноваться в богатой провинции, собирать налоги и скупать по дешевой цене рис с тем, чтобы перепродавать его в Баку... Гилянские ханы пользуются нашими дурачками в Баку, покупают себе за деньги клевретов, надувают цветистыми фразами других и позируют революционерами, коммунистами и патриотами, чтобы получать от нас военное снаряжение...» Насчет исключительно шкурных интересов Кучук-хана Ротштейн преувеличивал, но настроения части его окружения и его попытки использовать неисполнение некоторыми кавказскими коммунистами предписаний Москвы полпред указал точно.

Тем временем Гейдар-хан при поддержке Фомова и заместителя военного атташе Михаила Свечникова пытался усилить революционную армию, устанавливая вооружения на торговые суда и пытаясь получить из Баку очередное партии оружия и боеприпасов, чтобы организовать новое наступление на Тегеран.

Война между революционерами и разгром

29 сентября Кучук-хан попытался получить единоличную власть, уничтожив соперников. Он пригласил в свою ставку в селе Пасихан в 10 верстах от Решта других членов ревкома на секретное совещание для обсуждения предложения шаха об очищении шоссе на Менджиль и возможной амнистии революционерам и их вхождении в центральные и провинциальные органы власти. Большинство приглашенных были арестованы, в том числе ближайший помощник Халу Курбана Сархош, а Гейдар-хан убит. Одновременно карабахская сотня и отряд пехотинцев начали наступление на Решт с целью разоружения отрядов местных коммунистов и курдов Халу Курбана, а также попыта-

лись занять Энзели и нейтрализовать Эхсануллу. Однако последний отказался выступать на митинге, на котором сторонники Кучук-хана намеревались «убрать» бывшего председателя Ревкома, а Халу Курбан сумел вырваться из Пасихана и на следующий день присоединился к своему отряду, с которым начал борьбу с Кучук-ханом.

По одной версии, Кучук-хан, не отличавшийся прежде восточным коварством и жестокостью, хотел расправиться с противниками ради захвата единоличной власти, по другой — решил упредить их, получив заслуживавшие доверия сведения о подготовке покушения на его жизнь.

Так или иначе, между недавними союзниками развернулись боевые действия с участием большей части сил, на которые могли опереться стороны. 30 сентября кучукхановцы вновь сумели занять Решт, сторонники Халу Курбана предпочли избежать уличных боев и отошли в окрестности провинциального центра. Сторонники вождя дженгелийцев разгромили малие (городское управление) и обком компартии, где были убиты его руководители. Однако уже на следующий день отряды Халу Курбана и примкнувшего к нему Эхсануллы выбили противника из города и встретились с эмиссаром полпредства, который доставил предложения тегеранского правительства об условиях перемирия и возможной амнистии, сообщение Ротштейна, что Советская Россия твердо отказывается поддерживать повстанцев, и предложение переправить революционеров и их вооруженные отряды в Астрахань. Халу Курбан и Эхсанулла на словах согласились с прекращением сопротивления, но уходить в Советскую Россию отказались. Вождь дженгелийцев тем временем упорно стремился вернуть Решт, его отряды регулярно нападали на подразделения Халу Курбана, но не сумели добиться успеха. Одновременно Кучук-хан пытался договориться с представителями шахского правительства о прекраще-

нии боевых действий и временном союзе с регулярной армией против курдов, но и здесь потерпел поражение: Реза-хан уже сделал ставку на Халу Курбана.

Получив сведения о перевороте, 3 октября 1921 года Политбюро потребовало от Кирова организовать специальное наблюдение за исполнением решения Политбюро о неподдержке Кучук-хана и других революционных элементов в Персии, в частности, пресечь контрабандный провоз оружия и снаряжения. Ротштейн в свою очередь писал, что «ханы окончательно передрались между собой», и выражал надежду, что в ближайшее время смута в провинции будет завершена.

Наркоминделу Чичерину поручили дать директиву Ротштейну о необходимости поддерживать нейтралитет в борьбе между правительством с повстанцами и антишахскими элементами. Однако, как сообщал полпред в Энзели Хавин, в те же дни азербайджанские представители запросили у Нариманова срочной помощи повстанцам.

Тегеранское правительство сумело воспользоваться расколом в рядах повстанцев и вело сепаратные переговоры с отдельными вождями. 12 октября Халу Курбан по приглашению Реза-хана прибыл в Имам-заде-Гашим и в знак прекращения боевых действий преподнес последнему свой маузер, который начальник Персидской казачьей дивизии вернул вождю курдов вместе с парой полковничьих погон. Это означало переход Халу Курбана на сторону правительственных войск. 13 октября он во главе своего отряда, поддержанного персидскими казаками, начал боевые действия против Кучук-хана и, сломив сопротивление его отрядов, окончательно закрепил за собой Решт. Эти действия вызвали недовольство Эхсануллы и его соратников, которые объявили о невозможности подчиниться шаху и сдаться персидским казакам. Эхсанулла отправился

в Энзели. Там, по мнению советского полпреда Хавина, на словах пытаясь обеспечить эвакуацию, бывший руководитель в действительности пытался организовать тайную военную помощь из Баку. 13 октября Хавина вызвали в азербайджанскую дипмисиию, где они сообщили о желании эвакуировать 3500 человек и вызвали из Баку четыре транспорта и военный корабль для их охраны.

Советские представители намеревались эвакуировать отряды повстанцев в Астрахань, поскольку опасались, что в Баку они будут сохраняться в качестве боевой силы и могут стать инструментом для новых авантюр. Хавин сообщил впоследствии Чичерину, что 14 октября он направился в Решт, где встретился с Халу Курбаном и командующим группировкой персидских войск Махмут-ханом. Советский представитель скрепил соглашение между шахским генералом о сдаче постов вокруг района, занятого Кучук-ханом персидским казакам и эвакуации большей части муджахидов в Энзели.

В этот момент повстанцы и бойцы «территориальной бригады» взбунтовались и потребовали эвакуации в Баку вместо предполагавшейся отправки в Астрахань и немедленной выплаты жалования. Чтобы прекратить беспорядки, азербайджанский консул Джабраил Меликов даже попросил командира канлодки «Троцкий» объявить боевую тревогу. В итоге дипломатам удалось добиться соглашения с зачинщиками беспорядков, решающую роль в этом сыграл Реза-хан, выдавший Халу Курбану деньги для ликвидации задолженности повстанцам. Злая ирония Клио: персидское правительство выплатило чужие долги, чтобы покончить с советской интервенцией и досаждавшими ему дженгелийцами.

15 октября Политбюро постановило вызвать в Москву наркома иностранных дел советского Азербайджана Мирзу Гусейнова для разъяснения политики в Азербайджане

и прекращения фракционной борьбы среди местных коммунистов. Одновременно Чичерину поручили направить телеграмму в Баку о недопущении срыва российской политики в Персии.

17 октября пароходы, наконец, прибыли в Энзели. Эхсанулла, то демонстративно собиравшийся в Баку, то неожиданно возвращавшийся с парохода на шлюпке, окончательно потерял надежду на помощь. Халу Курбан, в свою очередь, намеревался устроить митинг, на котором выяснить, кто хочет эвакуироваться в Азербайджан и кто решил остаться в Гиляне. К приезду вождя курдов в Энзели была организована комиссия из представителей аскеров, азербайджанского консульства и соратников Халу Курбана, выдававшая жалованье желающим уехать, которых набралось существенно меньше, чем предполагалось раньше: не более 500 человек.

К 21 октября все бойцы сдали оружие, кроме них пожелали эвакуироваться в Баку и Красноводск часть сотрудников обкома Иранской компартии. Сам Эхсанулла продолжал колебаться, он не отправился из Энзели 23-го числа, дождался парохода «Курск», на котором прибыли два посланца Орджоникидзе, передавшие бывшему лидеру ревкома личное письмо Серго с призывом отправиться в Советскую Россию. Но до конца октября Эхсанулла еще не отправился в Баку — «Курск» отправился в Баку без него. «Видно, ехать в Москву ему не улыбается, и что он предпочел сидеть где-нибудь в горах Мазендерана, чтобы выйти оттуда в любой момент, когда потребуется. Он чувствует, что в России он не будет иметь того значения и влияния, к которому привык», — писал Хавин.

Еще до эвакуации просоветских бойцов посланцы шаха вели переговоры с вождем курдов об активизации боевых действий его отрядов против Кучук-хана, направив Халу

Курбану дополнительные средства для оплаты его боевиков, одновременно 18–19 октября Реза-хан попытался договориться о совместных действиях против Кучук-хана с вождем прикаспийских талышей Заргам-ханом. 22 октября представители курдов и оставшихся в Гиляне отрядов Эхсануллы договорились об амнистии бывшим повстанцам и отправке отрядов против Кучук-хана.

Уже 23 октября отряд Шахмурадхана (около 500 человек) вступил в Решт, против вождя дженгелийцев также направили отряды под командованием брата Заргам-хана Мухтадира. Тем не менее 22 октября Кучук-хан снова попытался овладеть Рештом, но его нападение было отбито. Реза-хан постепенно организовал блокаду дженгеля, концентрируя новые силы и сужая кольцо окружения. К 23 октября он сосредоточил 3500 бойцов регулярных войск (персидские казаки и жандармерия) и несколько иррегулярных отрядов общей численностью около 5000 человек при 12 орудиях. Положение Кучук-хана усугубил переход на сторону противника одного из сподвижников Сеид Джелала, который по разным данным имел от 800 до 1000 бойцов. В конце октября — начале ноября Кучук-хан потерпел решающие поражения, потерял все полученное от советских войск вооружение (5 орудий и около 10 пулеметов). Однако, что еще важнее, он потерял поддержку местного населения, раздраженного многолетними боевыми действиями и угрозой окончательного разорения хозяйства. Кучук-хан бежал с ближайшими соратниками в горы, там он был окончательно разгромлен и, изгоняемый из селений, замерз в скалах. Его тело обнаружили в горах, обезглавили и привезли голову в Тегеран.

7 ноября 1921 года подразделения персидских регулярных войск вошли в Энзели, подчеркнув окончательный крах идеи мировой революции, в тот же день Эхсануллахан отправился на последнем пароходе в Баку.

Раздраженные поражением в Персии Киров и Орджоникидзе обвиняли Хавина и Ротштейна в предательстве и помощи шахскому правительству в подавлении революционного движения в Гиляне. Они были отчасти правы: требования Москвы и Тегерана сохранять официальный нейтралитет Красной армии и советского Азербайджана обрекали повстанцев на поражение в случае столкновения с главными силами регулярной персидской армии. К этому времени революционеры растеряли поддержку местных жителей, позволявшую им выстоять под давлением карательной и административной машины государства.

Как сообщали в Москву дипломаты, азербайджанские и армянские коммунисты пытались создать «комитеты освобождения» прилегающих к их границам территорий Персии, что вызывало недовольство Тегерана. 17 ноября 1921 года Политбюро указало Кирову и Орджоникидзе о недопустимости их попыток создать нелегальный комитет освобождения Персии, противоречащих постановлению ЦК от 3 октября.

24 ноября 1921 года Чичерин написал новое письмо Орджоникидзе, в котором призвал его отказаться от ведения прямых и тайных боевых действий на всех фронтах. В частности, нарком иностранных дел указывал, что переход к мирной политике задел латышских и польских коммунистов «Но мы должны были это сделать, а Стучка (Петр Стучка, руководитель компартии Латвии, нарком юстиции СНК РСФСР) и латышские коммунисты, спасшие нашу революцию, несравнимы с Вашими Эхсануллами и бакинскими иранскими коммунистами. Наша новая роль мирового фактора, признание, получение сотрудничества капитала и получение нами займов… абсолютно несовместимы с линией на партизанщину, вторжения в Персию, культивирования восстаний и всяких Эхсанулл», — резю-

мировал Чичерин. Не надеясь на то, что Серго изменит свою точку зрения на персидские события и будет проводить мирную политику, Чичерин пожаловался Ленину на вероятную подготовку восстания в северной Персии бакинскими коммунистами. Нарком иностранных дел сетовал, что под прикрытием Красной армии и с молчаливого согласия Сергея Кирова в Азербайджане выдаются деньги и создаются повстанческие отряды.

Дипломатам стало известно, что персидские власти перехватили письмо из Баку в Энзели, в котором указывалось, что в Гилян отправлены золотые монеты, а в столице Азербайджана активно формируются добровольческие отряды и собирается оружие и военное снаряжение для дальнейшей отправки в южный прикаспий. По словам вице-консула в Энзели Евецкого, Киров в беседе с представителями профсоюзов местных рыбных промыслов сообщил о начале операций против Гиляна уже в ближайшее время. Еще один советский дипломат, Владимир Осетров, отмечал, что в Энзели регулярно командируются из Баку люди, цель пребывания которых формулируется крайне расплывчато, что вызывает подозрение персидских властей и полиции. Сардар Мухи и Эхсанулла пытались интриговать и в Баку, чтобы подготовить новое восстание в Гиляне, однако в декабре Чичерин потребовал выезда последнего в Москву. Официально это мотивировалось необходимостью укрепить персидскую секцию Коминтерна, но реально речь шла об изоляции бывшего лидера ревкома от бакинцев, стремившихся продолжить интриги в северной Персии.

В конце ноября — начале декабря 1921 г. Кучук-хан был окончательно разгромлен, его последние соратники пытались спастись, рассеявшись поодиночке в горах. Сам Кучук-хан, пытаясь скрыться от преследования, замерз. Его труп был обнаружен одним из отрядов, прочесывав-

ших дженгель в поисках оставшихся повстанцев. Его труп привезли в одно из сел, где отрубили голову, которую его бывший сподвижник Халу Курбан привез 10 декабря в Тегеран. Шах намеревался выставить голову Кучук-хана на всеобщее обозрение, но устройству привычного для Персии зрелища воспротивился Ротштейн, возможно, осознававший, что помог правительству подавить революционное движение. Даже недавние враги Кучук-хана в официальных газетах не допустили каких-либо резких слов в его адрес, а левые и национально-демократические газеты выражали соболезнования в связи с гибелью «персидского Гарибальди».

Сам Халу Курбан ненамного пережил своего соратника и противника: вскоре по приказу Реза-хана он отправился воевать с соплеменниками-курдами в иранский Азербайджан, где по одной версии погиб в бою, а по другой — убит по приказу персидского военного министра.

Попытки Эхсануллы и его соратников снова отправиться в Персию пресекались, экс-председатель Ревкома с ближайшим окружением находились в Баку под строгим надзором властей.

В феврале 1923 года Политбюро постановило не возражать против передачи персидскому правительству, в ряду других мер, направленных к его поддержке, определенного количества винтовок, из коих две тысячи передать немедленно, при условии, что для правильного их распределения в Персию будут введены наши инструкторы, либо будет создана другая форма действительного контроля, вполне обеспечивающая правильное распределение винтовок.

Кроме того, Наркоминдел получил поручение вызвать в последний раз в Москву Ейсанулла-хана (так в документе), предупредив Кирова, что в случае побега

Ейсанулла-хана в Персию, ему не должно быть оказано никакой, ни материальной, ни какой бы то ни было иной, поддержки.

В результате Эхсануллу отправили в Москву, где он периодически требовал от ЦК и Коминтерна отправить его в Персию для организации нового повстанческого движения, однако всякий раз, в частности в феврале 1927 г., в феврале и декабре 1930 г., получал отказ. В декабре 1930 г. на письмо Эхсануллы с просьбой отправить его в Персию «для революционной работы», Сталин наложил резолюцию: «Т. Орджоникидзе».

Нетрудно предположить, что в Персию Эхсануллу не отпустили. Через некоторое время Эхснаулла активизировался уже как член иранской секции Коминтерна, однако серьезных результатов в налаживании подпольной работы в стране он достигнуть не смог, поскольку утратил связь с оставшимися в стране соратниками. В годы большого террора бывший предревкома Персии попытался заступиться за арестованных по вымышленным обвинениям товарищей, но в итоге сам оказался в руках следователей НКВД и впоследствии был расстрелян. Два его сына тем не менее воевали на фронтах Великой Отечественной войны, один из них погиб.

Судьбы других активных участников и кураторов персидской революции и похода в Гилян сложились по-разному. Большинство умерли не своей смертью. Обстоятельства трагической кончины Серго Орджоникидзе в феврале 1937 г. (по одной версии Орджоникидзе застрелился, будучи не в состоянии защитить своих подчиненных по наркомату тяжелой промышленности от арестов и обвинений, по другой — был убит) пока не раскрыты. Федор Раскольников, дипломат, невозвращенец и автор знаменитого открытого письма Сталину, погиб в сентябре

1939 года в Ницце, где по одной версии покончил жизнь самоубийством, по другой — убит агентами НКВД. Один из активных противников Кучук-хана Буду Мдивани, в начале 1920-х гг. активно участвовал в оппозиционных группировках, за что в итоге был отозван в 1928 г., приговорен к трем годам ссылки, а затем к небольшому тюремному сроку. В 1931 году Мдивани раскаялся в антипартийных грехах и получил ответственный пост в компартии и совнаркоме Грузии, но в 1936 году снова арестован и в начале 1937 приговорен к смерти.

Николай Гикало достиг высоких постов в партийной и государственной иерархии, в 1937 г. он был председателем Совнаркома Белоруссии, затем его перевели на должность первого секретаря Харьковского обкома ВКП(б). В октябре 1937 г. он был арестован и в апреле 1938-го приговорен к смертной казни как английский шпион и расстрелян на полигоне «Коммунарка». Немногим позже, в августе того же года, был расстрелян и бывший командир десантных отрядов Каспийской флотилии Иван Кожанов, арестованный на посту командующего Черноморским флотом. Причем, как утверждают исследователи, флагман флота 2-го ранга, несмотря на пытки, не дал признательных показаний.

Репрессированы были и многие востоковеды, участвовавшие в персидских событиях как советники, сотрудники бюро различных коммунистических организаций и дипломаты: Владимир Тардов, Александр Фомов, Владимир Осетров. Одним из немногих, кому удалось избежать репрессий, оказался Федор Ротштейн, которого, несмотря на претензии персидских и кавказских коммунистов, назначили членом коллегии Наркоминдела, а затем — редактором Большой Советской энциклопедии. Ротштейн пережил большой террор и войну, дослужился до академика и умер в августе 1953 года в Москве.

Арийцы Среднего Востока

Ровные отношение между Советским Союзом и Ираном изменились к худшему в конце 1930-х гг. Берлин пытался найти союзников на Ближнем и Среднем Востоке, чтобы расшатать гегемонию Великобритании в регионе, богатом нефтью, другими сырьевыми ресурсами и продуктами сельского хозяйства, создать угрозу английским колониям.

В это же время СССР, продолжая и пытаясь развивать торгово-экономические отношения с соседней страной, далеко не всегда проявлял политическую гибкость и коммерческую сметку, нередко поставляя недостаточно качественное оборудование и отказывая Тегерану в сотрудничестве в строительстве стратегически важной трансиранской железной дороги (нишу быстро заняли немцы). Кроме того, политические кампании, антирелигиозная пропаганда и, наконец, репрессии и высылка на родину большей части работавших в Закавказье отходников по национальному признаку в 1937–1938 гг. ухудшали взаимные отношения. Взаимное недоверие между Москвой и Тегераном усиливали концессии на использование портовых сооружений Пехлеви и нефтедобычу, заключенные, вопреки прежним договорам, без ведома СССР.

Нацисты, чтобы сблизиться с Ираном, шли на различные ухищрения. В частности, объявили иранцев арийцами и в 1936 году вывели их из-под действия расовых законов, ограничивавших их права в рейхе. Германия намекала, что поможет странам Востока освободиться от британского доминирования и достичь независимости.

Реза-шаху импонировала идея национальной исключительности и превосходства «древних ариев», в стране активно пропагандировались лозунги восстановления

прежнего величия государства, исторической роли древней Персии в мировой цивилизации, безоговорочной поддержки и сплочения нации вокруг монарха. Одновременно свертывалось изучение и преподавание на языках других народов страны (азербайджанцев, курдов, армян), сокращалось издание газет и книг.

Политическое проникновение дополнялось экономической экспансией. Немецкие компании строили крупнейшие мосты и протяженные автострады, по которым перевозилась большая часть товаров и продуктов внутри страны. Германские судоходные и портовые фирмы вытеснили английские из ряда гаваней Персидского залива. Корабли «Ганза-Бремен» перевозили значительную часть грузов. Другие фирмы построили судостроительные и судоремонтные верфи в портах на Каспии и новую гавань в Персидском заливе. Германия стремилась организовать аэродромы для трансконтинентальной воздушной линии из Берлина до Токио, которая пролегала через Иран, Афганистан и Синьцзян.

Германия вышла на первое место по поставкам Ирану металлических изделий, концерн «Крупп» заключил договор о возведении в районе Кереджа двух доменных печей с ежедневным производством 150 т чугуна. Немецкое оборудование установили на крупнейших предприятиях страны: Ганиабадском медеплавильном, Аминабадском и Анарекском металлургических комбинатах, Парчинском химическом комбинате, цементных заводах в Тегеране, Мешхеде, Ширазе и Тебризе, тегеранской табачной фабрике. Немецкие товары (от бумаги до лекарств) наполнили иранские прилавки. Доля немецкого оборудования для промышленности достигла 80%.

Кроме того, немцы добивались передачи им части нефтяных месторождений в Персидском заливе и угольных в Эльбурсском бассейне на севере страны взамен на по-

ставки оборудования для добычи полезных ископаемых по льготным ценам.

Попытки Ирана установить более дружественные и выгодные для обоих государств двухсторонние связи — в частности переговоры между дипломатами двух стран о восстановлении прежних объемов торговли и приглашение советской делегации на бракосочетание наследника престола — вызывали настороженное отношение Наркоминдела и его сотрудников, тем более что полиция с молчаливого согласия Тегерана наладила плотную слежку за советскими гражданами, работавшими в Иране, и организовала ряд арестов высланных из СССР персов и азербайджанцев. Воспользовавшись этим, пресса начала антисоветскую кампанию, обвиняя СССР и бывших его граждан в шпионаже и терроризме.

В феврале 1939 года поверенный в делах СССР в Иране Иван Карташев писал в Наркомат иностранных дел: «Параллельно с этим правительством был нанесен удар по сохранившимся на поверхности иранской общественной жизни самодеятельным элементам, подозрительным по своим симпатиям к Советскому Союзу, к рабочим массам.

Признаком наступившей в Иране реакции является приостановка реформаторской деятельности шаха, старания которого в последние два года направлены к тому, чтобы стабилизировать и по возможности ограничить результаты реформ, осуществленных в период 1935—1937 гг. Шах как бы испугался того, как бы на почве европеизации быта не пустило бы корни более широкое и более глубокое общественное движение».

Одновременно, по мнению советских дипломатов, Иран сближался с Германией и ее союзниками. Однако далеко не все немецкие инициативы были реализованы. Реза-шах не только знал древнюю историю, но и хорошо

помнил события, свидетелем которых был сам, и стремился предотвратить сползание Ирана к прогерманскому курсу, повторявшему канун и начало Первой мировой войны и вызвавшему ввод русских войск в Персию и боевые действия на территории страны. Демонстрация симпатий к Германии и к Гитлеру и налаживание выгодных экономический связей сочетались с сохранением нейтрального внешнеполитического курса.

Правитель Ирана запретил местным сторонникам нацистов устраивать пышные праздники в честь успехов Германии в Европе. Наиболее активные сторонники Берлина оказались за решеткой. Осенью 1939 года иранская полиция арестовала несколько десятков подозреваемых в организации свержения Реза-шаха, в их числе оказались курсанты военного училища, политики и общественные деятели, связанные с немцами еще со времен Первой мировой войны. Тегеран отказался реорганизовать немецкую дипмиссию в Тегеране в посольство и организовать воздушное сообщение между Берлином и Тегераном. Осторожный Реза-хан стремился не создавать поводов для британского вмешательства. «Несмотря на то что большинство представителей иранских чиновников и буржуазии были сторонниками Германии, Реза-шах старался придерживаться позиции нейтралитета», — признавал британский посланник в Тегеране Ридер Буллард.

Заключение советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 года встретило одобрение Тегерана, который опасался сближения СССР и Великобритании и их совместных действий в стране в случае надвигавшейся войны. Министр иностранных дел страны Мозаффар Аалями подтвердил в беседе с советским временным поверенным в делах Ирана Иваном Карташевым нейтралитет страны в начавшейся войне.

Тем не менее германское проникновение в Иран в конце 1930-х гг. росло. Немецкие инженеры, другие специалисты и путешественники, прибывшие якобы для изучения «арийской» истории, ежегодно направлялись в страну и частично оседали там, в том числе в приграничных с СССР районах. В 1936–1937 гг. в Иран прибыли 778 граждан рейха, а в 1937–1938 гг. — 819. Большинство «туристов» не вернулось в Германию. За 10 лет с 1928 г. по 1938 г. численность немцев в стране выросла в 10 раз — до 1500 человек.

Советский Союз в предвоенный период не препятствовал иранско-немецкой торговле. 8 октября 1939 года Берлин и Тегеран подписали секретный протокол о поставках в Германию 22 500 т хлопка, 6000 т шерсти, 20 000 т пшеницы, 20 000 т риса и 10 000 т ячменя. Для немцев Иран стал важнейшим источником снабжения немецкой промышленности хлопком и шерстью. Выполнить соглашение в условиях начавшейся Второй мировой войны было возможно лишь в случае содействия СССР транзиту иранских товаров в Германию через советскую территорию.

Москва пошла навстречу Берлину. 28 сентября 1939 года, в день подписания договора о дружбе и границах, нарком иностранных дел Вячеслав Молотов писал своему немецкому визави Иоахиму фон Риббентропу: «Правительство СССР позаботится о том, чтобы германский транзит из Румынии и в Румынию по железнодорожному сообщению через Верхнюю Силезию, Львов и Коломыю был во всех отношениях облегчен. В рамках предусмотренных экономических переговоров оба правительства договорятся немедленно о проведении этого транзита. То же самое относится к германскому транзиту из Ирана и в Иран, из Афганистана и в Афганистан, равно как и в страны и из стран Дальнего Востока». 11 февраля 1940 года

было подписано соглашение, предоставившее Германии право транзита через советскую территорию товаров из Ирана, Афганистана и ряда других стран, а также немецких товаров в эти государства.

Немецкие контрагенты, не дожидаясь подписания договора, в середине ноября 1939 года начали поставлять на склады Морского агентства в Пехлеви местное сырье, которое предполагалось затем переправить в Третий рейх через территорию СССР. 9 декабря 1939 года генконсул в Пехлеви Ягнятинский организовал специальное совещание, на котором дипломат потребовал четко обеспечить обслуживание немецких компаний, тщательную охрану поступающих товаров и предотвратить вероятные диверсии, которые могла организовать агентура противников Германии, прежде всего Англии.

Генконсульство распорядилось увеличить количество сторожей, экспедиторов, приказчиков и кладовщиков, обслуживавших немецкие грузы, а сотрудникам Морагентства и Ирансовтранса поручили содействовать представителям немецкой компании «Иранэкспресс» и избегать при этом конфликтов. Начиная с середины декабря 1939 года, ежедневно в Пехлеви поступало более 75 т различных иранских товаров для их последующего транзита в Германию. Часть этих грузов прибывало с юга Ирана: поставки через море и океан прекратились из-за активных боевых действий на море.

После разрешения транзита германские компании усиленно скупали любые виды иранского сырья: шерсть, хлопок, кожу, ковры, сухофрукты, рис, мак, оливковое и сливочное масло и иное продовольствие. Транзит в Германии существенно улучшил экономическое положение Ирана, получившего большой рынок сбыта сырья и товаров, повысил цены на них для других потенциальных покупателей.

В июне 1940 г. заместитель наркома иностранных дел Владимир Деканозов сообщил советнику немецкого посольства Вернеру Типпельскирху, что для обеспечения транзита иранских товаров в Германию СССР привлек дополнительно три грузовых и один товаропассажирский пароходы, а также организовал дноуглубительные работы в Батумском порту.

В 1940–1941 гг. товарооборот Ирана с гитлеровской Германией почти в восемь раз превысил наиболее высокий его уровень времен Веймарской республики. Доля Германии в товарообороте Ирана выросла с 8 % в 1932–1933 гг. до 45,5% в 1940–1941 гг. С осени 1939 г. до начала Великой Отечественной войны через советскую территорию в Германию поступили 80 000 т продуктов из Ирана. Периодически вспыхивали конфликты: однажды советские таможенники обнаружили в ящиках с надписью «сталь» полуфабрикаты стрелкового вооружения. А в Бакинском порту летом 1940 года в 119 ящиках с маркировкой поршневых стержней оказалось около 20 000 заготовок для винтовочных и пулеметных стволов.

Иран пытался балансировать между Германией, Англией и СССР, опасаясь повторения военного вмешательства со стороны последнего. Периодически шах проводил частичные мобилизации военнообязанных, в 1940 г. Иран, пытаясь противостоять засылке закордонных агентов и работе советской разведки среди курдов и азербайджанцев, усилил охрану границы. Кроме того, двусторонние отношения испортились в конце 1939 года, когда временный поверенный в делах СССР в Иране Карташев бежал в британскую Индию. Назначенный в Тегеран полпред Матвей Филимонов писал в марте 1940 года в Наркоминдел, что шах опасается претензий Москвы из-за исчезновения советского дипломата.

Это не помешало заключению в марте 1940 года советско-иранского торгового договора. Москва и Тегеран

обязались на три года установить для взаимной торговли режим наибольшего благоприятствования, ввести минимальные таможенные пошлины на продукты и товары сельского хозяйства и промышленные изделия, организовать свободный транзит через советскую территорию автомобилей, мотоциклов, велосипедов, медицинского оборудования и запчастей к ним, а также чая и шелковичной грены. Иран обязался пойти на аналогичные меры в отношении транзита советской промышленной и сельхозпрдукции. СССР также получил право на открытие в Тегеране торгового представительства и его филиалов в других городах страны, пользовавшихся правом экстерриториальности.

Советские и иранские торговые суда получали равные права при обслуживании в портах другой страны и лоцманском обслуживании, СССР и Иран подтвердили, что право плавания по Каспию имеют только суда под советским и иранским флагами. Кроме того, Иран не препятствовал поставке товаров по бартеру (английские теплоходы в обмен на каучук и нефтепродукты), о котором нарком внешней торговли Анастас Микоян и британский посол Стаффорд Криппс договорились летом 1940 года.

Заключение торгового договора не означало решения всех проблем двусторонних отношений. В конце марта 1940 года два иранских трехмоторных самолета нарушили границу и, углубившись на 8 км на территорию советского Азербайджана, вернулись домой. Почти год спустя, в феврале 1941 года, полпред Матвей Филимонов высказал иранскому МИД недовольство попытками Тегерана изменить без ведома советской стороны правила рыболовства и периодическими нападениями на персонал советских дипломатических представительств и торгово-промышленных учреждений, которые оставались безнаказанными. Кроме того, в феврале 1941 г. советскую гра-

ницу нарушил еще один иранский самолет, вынужденный сесть на советской территории. Тегеран пытался доказать Москве добросовестную ошибку пилота, но не слишком в этом преуспел. Наркоминдел настаивал на провокации.

Германия, готовясь к нападению на СССР, пыталась создать дополнительные очаги напряженности на его границах, чтобы отвлечь внимание советского военно-политического руководства на предотвращение и отражение новых угроз и оттянуть часть сил Красной армии с главного театра военных действий. Поняв, что Реза-шах не готов присоединиться к Германии, в Берлине попытались организовать его свержение, надеясь, что новый монарх окажется марионеткой пронемецких элементов.

Эти планы провалились. 23 февраля 1940 года суд приговорил к смертной казни вождя иранской фашистской молодежи Мохсена Джахансуза, обвиненного в организации антимонархического заговора и действиях в ущерб безопасности страны.

26 июня 1940 года шах отправил в отставку правительство, а немногим ранее был арестован премьер Ахмад Матин Дафтари, брата которого обвинили в махинациях с иранскими паспортами в Берлине. Через несколько дней Дафтари освободили и позволили преподавать в Тегеранском университете. Стало ясно, что история с братом, лишь предлог для отстранения политика, чьи пронемецкие симпатии не были секретом для общества и иностранных дипломатов. Несмотря на отставку правительства германофилов, Москва и Лондон беспокоились о сохранении нейтралитета Ирана. Советская разведка сообщала весной 1940 года, что в июле — августе немцы намерены организовать военный переворот. В мае 1940 года Буллард в своем циркуляре предупреждал консулов об его возможности и предлагал подготовить уничтожение секретных документов.

Путч провалился, полиция безопасности, одно из любимых детищ Реза-хана, арестовала нескольких высокопоставленных военных, а также троих немцев и двоих итальянцев.

И после этой неудачи Берлин продолжал надеяться свергнуть Реза-шаха. Кроме того, активизировалась инфильтрация разведчиков в дипломатические учреждения: в частности Бернард Шульце-Хольтус был назначен вице-консулом в Тебризе, находящемся неподалеку от советско-иранской границы. Под видом археолога ему удалось совершить поездку в СССР. Советская разведка и контрразведка заметили деятельность ключевых немецких резидентов, но до поры до времени накапливали информацию о них.

В ноябре 1940 года, накануне поездки в Берлин для переговоров с политическим руководством нацистской Германии, Вячеслав Молотов помимо прочего получил указание ЦК лишний раз не напоминать об иранской проблеме, но в случае ее обсуждения отметить, что СССР имеет в этой стране особые интересы и намерен требовать их соблюдения. Переговоры Молотова с правителями Германии породили в Тегеране и столицах сопредельных стран устойчивые слухи (возможно, распускавшиеся Берлином) о договоренности между Москвой и Берлином о разделе сфер влияния на Балканах и Среднем Востоке: якобы взамен на свободу рук на юго-востоке Европы Германия «разрешила» СССР оккупировать Иран и выйти к Персидскому заливу. Эта тема активно обсуждалась в беседах советских послов в Иране, Турции и Афганистане с местными и зарубежными дипломатами.

С началом Великой Отечественной войны официальный Тегеран, несмотря на давление Берлина, заявил о сохранении нейтралитета, большинство политической и военной элиты выступило против союза с нацистами

и выступления на стороне Германии. Утром 22 июня, еще до речи Молотова о нападении нацистов на СССР, вице-министр иностранных дел Ирана Амери и гендиректор МИД Сейях выразили советнику посольства Михаилу Николаеву сожаление об агрессии против СССР и заверили его в дружественных чувствах Ирана к Советскому Союзу.

Однако, по мере продвижения немецких войск по советской территории, настроение верхов иранской бюрократии стало меняться: многие надеялись, что победа Германии избавит Иран от раздражавшей британской опеки и угрозы советского вторжения.

За иранский коридор

Москва и Лондон, напротив, стремились избежать обострения обстановки в стране, тем более что Иран рассматривался обеими странами как один из ключевых путей поставок в СССР английской боевой техники, вооружения, военного снаряжения и продуктов.

Уже 26 июня Москва заявила Тегерану протест по поводу подрывной деятельности немцев и итальянцев на иранской территории, на что иранские власти дали уклончивый ответ о трудности привлечения представителей держав «Оси» к ответственности.

30 июня 1941 года только что прибывший в Иран посол СССР Андрей Смирнов вопреки протоколу договорился о визите с премьер-министром Али Мансуром и уточнил условия транзита через страну грузов для Советского Союза. Иранец недвусмысленно заявил, что правительство спокойно смотрит на перспективу передачи товаров для СССР, но категорически возражает ввиду нейтрального статуса страны против поставок оружия, что резко снижало ценность потенциального транспортного коридора.

Уклончивая позиция Ирана, ожидавшего исхода боевых действий на Восточном фронте, вынудила Москву и Лондон активизировать консультации о своих демаршах в стране и координации своих действий.

8 июля во время встречи Иосифа Сталина с британским послом в Москве Стаффордом Криппсом советский лидер задал вопрос о большом скоплении немцев в Иране и в Афганистане, способное навредить Англии и СССР, и возможных мерах по их изгнанию.

Криппс ответил, что англичане сделали иранцам представление в связи с пребыванием немцев в Иране, а иранский посол уведомил Криппса, что Тегеран принимает меры против немцев и особенно итальянцев, которые считаются более опасными. Криппс предложил направить шаху или министру иностранных дел Ирана ноту с предложением удалить пятую колонну. «Если Советское правительство даст соответствующие инструкции Майскому, то Криппс информирует Идена по тому же вопросу», — резюмировал дипломат.

На следующий день Смирнов посетил иранского премьера и задал ему вопрос о мерах против немцев, упомянутых в советской ноте от 26 июня и списке, переданном советником посольства Николаевым. Мансур ответил, что по этому вопросу ведется следствие, и если будет установлена виновность данных лиц, то они будут наказаны. «Немцы в Иране до сих пор проводили свою деятельность такими методами, что их нельзя было ни в чем обвинить», — отметил высокопоставленный бюрократ и сообщил, что полиция взяла под наблюдение всех лиц, упомянутых в списке, переданном Николаевым.

Уклончивый ответ иранцев не устроил Англию и СССР. 10 июля во время очередной встречи Криппса со Сталиным дипломат предположил, что придется дипломати-

ческие меры поддержать военными, и советский лидер согласился с англичанином.

18 июля Молотов и Криппс согласовали совместный демарш в Иране с требованием удалить из страны немецкую агентуру, угрожающую ситуации в стране и спокойствию на советской и британской границах. 19 июля советский и британский послы вручили иранскому премьеру ноты с требованием выслать из страны граждан Германии и итальянских подданных вследствие их враждебной и подрывной деятельности, в частности, советская нота требовала удалить из Ирана 80% находившихся там немецких граждан в месячный срок.

На следующий день Москва и Лондон начали обсуждение совместной военной акции, в частности, Молотов поинтересовался у Криппса, имеет ли Англия достаточно войск, способных активно действовать на юге страны. Вскоре англичане приступили к подготовке военной операции. 22 июля командование британскими войсками в Ираке получило директиву о занятии Абадана, расположенных в городе и вокруг него перерабатывающего завода и промыслов, а также месторождений, находившихся к северу, близ Ханекена. Английский генштаб подчеркнул, что неудачные действия на Среднем Востоке и отступление англичан из Египта и Ирака могут повлечь катастрофические последствия для союзников в исламском мире. 26 июля Криппс на встрече со Сталиным получил согласие на сотрудничество разведок двух государств на иранском направлении.

СССР в конце июля развернул управления 28-го механизированного и 40-го стрелкового корпусов в армейские (47-я и 44-я армии соответственно).

Тегеран по-прежнему пытался балансировать. Андрей Смирнов 10 августа сообщал в Москву, что иранское правительство, подчеркивая дружбу с СССР, энергично про-

водило военные мероприятия на наших границах, а часть офицерства обсуждала идеи захвата Баку и Советского Азербайджана. Одновременно иранское правительство надеялось, что из-за военных неудач СССР будет уступчив в отношениях с Ираном и для него наступил удобный момент «выжать» из Советского Союза дополнительные преференции. Шах, премьер и другие сановники с восторгом принимали сообщение советского правительства о доставке иранских военных грузов, застрявших в СССР, но, когда речь заходила о транзите советских грузов через Иран, шах и премьер сетовали о возможных негативных последствиях для иранского нейтралитета. «Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана, и оно сохраняется до сих пор», — отмечал посол.

Заключение англо-советского договора 12 июля 1941 года, по мнению посла, расстроило планы Тегерана помогать Берлину под прикрытием нейтралитета. Тем не менее иранское правительство продолжало балансировать между Германией и странами антигитлеровской коалиции. После советско-британского демарша иранское правительство заняло выжидательную позицию и очень настороженно следит за каждым шагом советского правительства, ожидая его реакции на отказ выдворять немцев из Ирана. Одновременно, по данным дипломатов, иранское правительство с первого дня войны между СССР и Германией начало усиление ряда гарнизонов в северных районах Ирана (р-ны Ардебиля, Астары, Тавриза, Маку, Решта), мобилизовав 3 возраста запасных и передислоцировав к советско-иранской границе ряд воинских частей из центральных районов страны. Военные также приступили к мобилизации лошадей, дополнительным закупкам топлива и продовольствия, активизировалось обучение войск, в том числе ночные занятия с боевыми стрельбами и боевая подготовка авиачастей, наконец, строились

укрепления для установки тяжелых орудий на Каспийском побережье в районе Решт — Пехлеви с целью воспрепятствовать нашему десанту.

Усиление военных гарнизонов на ирано-советской границе Тегеран мотивировал необходимостью воспрепятствовать потоку беженцев из СССР: в случае германского проникновения на Кавказ и подавлениея волнений курдских племен в районе Маку. По мнению посла, иранское правительство, учитывая положение на фронтах, опасалось ссориться с Германией и не препятствовало немецкой деятельности в Иране, в том числе не удаляло германских граждан с должностей в госучреждениях Ирана и в коммерческих компаниях. По сведениям Смирнова, нацисты и их агентура усиленно агитировали к антишахским, антибританским и антисоветским выступлениям наследника и высших офицеров армии, многие из которых окончили германские военные школы, вождей местных племен (курдов, луров), наиболее отсталую в религиозном отношении часть иранского населения через мусульманское духовенство, которое настроено против шаха, так как он лишил это духовенство многих привилегий, отнял церковные земли и забрал в личное пользование доход со «священных мест» мусульман, а также армян и тюрок, проживающих в основном в Иранском Азербайджане, которых иранское правительство лишило фактически всех гражданских прав. Как утверждал Смирнов, немцы также пытались организовать в Иране банды для совершения диверсионных актов на территории СССР, намереваясь сформировать их из эмигрантов-белогвардейцев, проживавших в Иране (однако на это соглашались немногие), дашнаков и мусаватистов, а также эмигрантов из среднеазиатских республик. Впрочем, последний пункт требовал проверки: слишком сложно представить себе формирование и командира, способного подчинить себе русских

белогвардейцев, армянских и азербайджанских националистов и не допустить между ними распрей, чреватых стрельбой и поножовщиной. Смирнов также жаловался на широкое распространение нацистской пропаганды через местные газеты и три книжных киоска в Тегеране.

Ближе к концу августа союзники получили ответ на ноты от 19 июля, в нем указывалось, что иранское правительство «на основе политики нейтралитета, которой оно придерживается и о которой оно заявило с самого начала войны, не может, вопреки существующим правилам и вразрез с договорами, принять по отношению к подданным какого-нибудь государства огульно такие меры, которые заставили бы его отойти от линии нейтралитета». Одновременно Иран пытался подготовиться к отражению вторжения СССР и Великобритании: была проведена частичная мобилизация, отменялись отпуска и увольнение солдат, в приграничных местностях строились укрепления.

В нервной обстановке Берлин пытался приободрить потенциального союзника, обещая Тегерану скорую победу над СССР и устранение угрозы советско-британского наступления. Однако немецкие дипломаты в Тегеране честно признались, что вермахт еще далеко от Кавказа и на молниеносный разгром Красной армии надеяться не приходится.

16 августа СССР и Англия вновь потребовали высылки немцев из Ирана, обвиняя их в шпионаже, разработке диверсий на советской и индийской территории и заготовке взрывчатых веществ для их последующей переброски через границы. Иран вновь уклонился от принятия мер.

Советское и британское командование уже приступили к разработке детальных планов ввода войск. 21 августа замнаркома иностранных дел Андрей Вышинский на встрече с Криппсом в Москве сообщил о согласии на

совместный ввод войск 23 августа, причем стороны договорились обменяться небольшими (по два старших офицера) военными миссиями для передачи информациии о планах боевых действий и движении войск. Осознав масштаб угроз, Реза-хан сообщил 23 августа английскому послу Булларду о согласии принять требования союзников о высылке немецких граждан из страны, но решение запоздало. Союзники договорились об оккупации северных и южных провинций Ирана.

Совместные действия СССР и Великобритании оказались неожиданностью для верхушки нацистов, руководства германских спецслужб и военного командования. В Берлине допускали возможность британской оккупации Ирана, но не предвидели, несмотря на имевшуюся информацию о сосредоточении в Закавказье советских войск, вероятность их активных действий в Иране. Участие Красной армии в августовских событиях стало полной неожиданностью для Гитлера. Начальник 6-го управления РСХА Вальтер Шелленберг писал, что немецкое руководство не могло понять, как советские военные, несмотря на крайне тяжелую, нередко близкую к критической, обстановку на советско-германском фронте в августе 1941 года выделило силы, чтобы совместно с англичанами оккупировать Иран.

В отличие от событий 1920–1921 гг., СССР публично объявил о своих требованиях и после предупреждений начал операцию по вводу войск. Эти действия, в отличие от «застенчивой интервенции» начала 1920-х гг., признавались советским правительством и ограниченно освещались в печати.

Рано утром 21 августа Ставка верховного главнокомандования направила командующим Закавказским и Среднеазиатским военными округами директиву № 001145, где указывалось: «С целью предотвращения неожидан-

ностей со стороны Ирана немедленно придвинуть войска округа непосредственно на границу с Ираном, но границы не переходить и не перелетать». Командующему ЗакВО поручалось также усилить нахичеванскую группу стрелковой и кавалерийской дивизиями.

Двумя днями позже командование Закавказского округа (командующий — генерал-лейтенант Дмитрий Козлов, будущий командующий Крымским фронтом и один из виновников Керченской катастрофы в мае 1942 года, начальник штаба — генерал-майор Федор Толбухин), переименованного в связи с предстоящей операцией во фронт, отдало «Директиву №1», в которой ввод войск в Иран обосновывался договором 1921 года и необходимостью обеспечить Закавказье от диверсий со стороны немцев, работающих под покровительством иранского правительства, а также сосредоточением иранских войск (5 дивизий на границе) и подтягиванием сил из глубины.

Предполагалось, что войска фронта (44-я и 47-я армия при поддержке ВВС общей численностью около 135 000 человек) 25 августа утром перейдут в наступление. Главный удар на Тебриз наносила 47-я армия генерал-майора Василия Новикова (впоследствии он командовал танковыми корпусами и был удостоен звания Героя Советского Союза за взятие Берлина) в составе трех стрелковых (63-я и 76-я гсд и 236-я сд), двух танковых (6-я и 54-я) и 23-й кавалерийской дивизий и частей усиления. Тебриз предполагалось занять 27 августа, к этому же времени овладеть районом Шахтахты, Мако, Дильман, причем части армии получили строгий приказ «ни в коем случае» не нарушать иранско-турецкую границу, чтобы не вызвать осложнений с другим южным соседом. 44-я армия генерал-майора, участника войны с Финляндией Александра Хадеева в составе 20-й и 77-й горнострелковых и 17-й горнокавалерийской дивизий при поддержке 24-го танкового полка и со-

действии Каспийской флотилии предписывалось перейти границу Ирана у Ардебиля, занять город и наступать вдоль Каспийского побережья, высадив тактические десанты в Хеви. В резерве фронта находились 24-я кавалерийская и 317-я стрелковая дивизии (последняя прикрывала Баку). ВВС фронта (273 истребителя, в том числе 64 МиГ-3 и Як-1 без учета истребителей ПВО 7-го истребительного авиакорпуса и ПВО Тбилиси, 290 ДБ-3, 89 СБ и 16 Пе-2) получили задачу последовательными ударами по аэродромам уничтожить авиацию противника. Авиаторы также должны были содействовать наземным войскам в уничтожении иранской армии в случае активного вооруженного сопротивления и не позволить выдвижения резервов противника из глубины территории. Особо отмечалась необходимость не допустить удара с воздуха по Баку.

53-я отдельная армия Среднеазиатского округа под командованием будущего Героя Советского Союза генерал-майора Сергея Трофименко должна была содействовать Закавказскому фронту ударом из района Ашхабада на Мешхед и вдоль побережья Каспийского моря.

Войска Закавказского фронта перешли границу в ночь на 25 августа. На участке 44-й армии боевые действия начались с ликвидации иранских пограничных постов силами 43 и 44-го погранотрядов. В ходе внезапной атаки советские пограничники успешно справились с задачей: были уничтожены более 80 солдат и офицеров противника, еще 140 взяты в плен, наши потери составили 4 убитыми и 7 ранеными. Части армии, как указано в журнале боевых действий, успешно продвигались в глубину Ирана, встречая слабое сопротивление. 20-я дивизия с танковым полком заняла Ардебиль, 77-я — ряд населенных пунктов на некотором отдалении от границы, ее 105-й гсп высадился на побережье и налаживал связь с другими частями

дивизии, а 17-я кавдивизия заняла перевалы Джилак-Чир и Мамед-Гедыги, причем из-за оставления тылов неподалеку от границы испытывала недостаток в фураже.

В первый день ВВС Закавказского фронта сбросила на противника 137 тонн бомб калибром 25-100 кг и около 2600 малокалиберных, разрушив военный городок в Реште, авиамастерскую и аэродром с 3 самолетами, а также склад авиагорючего в Казвине.

Германское политическое и военное руководство, получив сведения о вступлении войск союзников в Иран, поначалу надеялось, что иранская армия окажет упорное сопротивление противнику. Гитлер и часть его окружения полагали, что СССР и Англия хотя бы ненадолго увязнут в Иране, что затруднит переброску резервов и материальных ресурсов союзников на другие фронты. Однако эти надежды рассыпались как песок под жарким иранским солнцем.

Не встречая серьезного сопротивления противника, дивизии Красной армии продолжали быстро продвигаться вперед. Вечером 27 августа 47-я армия получила новую директиву штаба фронта. Ее войскам вместе с переданной из 47-й армии 54-й танковой дивизией поручалось занять главные города Гилянской провинции: Решт — к 29 августа, Зенджан и Рудессер — к 31-му и Казвин — к 3 сентября, после чего выдвинуть части 54-й танковой дивизии к Хамадану.

27 августа границу перешли три группы 53-й отдельной армии Среднеазиатского военного округа: на приморском направлении наступали дивизии 58-го стрелкового корпуса генерал-майора Михаила Григоровича, на центральном ашхабадском действовала 83-я горнострелковая дивизия полковника Александра Лучинского, восточную группировку составили две дивизии 4-го кавкорпуса генерал-лейтенанта Тимофея Шапкина.

Как писал впоследствии начальник штаба округа генерал Михаил Казаков, в первый день соединения САВО не встретили никакого сопротивления иранской армии. 10-я горганская дивизия разбежалась, побросав оружие и снаряжение. Один из батальонов 9-й мешхедской дивизии намеревался оказать сопротивление, но после переговоров с командиром 83-й гсд сложил оружие, после чего прекратила сопротивление вся дивизия.

28 августа 17-я гкд Закавказского фронта вступила в бой с пехотой противника. Кавалеристы захватили 15 пленных, ручной пулемет, 2 гранатомета, 6 винтовок и три грузовых машины, потеряв двух человек ранеными. На следующий день разведрота и 11-й горнострелковый полк 77-й гсд высадились при поддержке Каспийской флотилии в порту Пехлеви, гарнизон которого после недолгого сопротивления (потери десанта — двое раненых) сдался, в плен попали 520 солдат и офицеров, трофеями стали четыре 105-мм орудия. В тот же день части 77 гсд после небольших стычек заняли Решт. Вечером 29 августа штаб фронта отдал распоряжение прекратить авиабомбардировки городов.

Казвин был занят «с перевыполнением плана», передовые части 54-й танковой дивизии вошли туда уже утром 1 сентября, ее основные силы находились в Зенджане. 47-я армия также успешно решила поставленные задачи, 6-я танковая дивизия, выполнив задачи первых двух дней, самостоятельно повернула на Тебриз, 27 августа заняла город и оставалась там три дня, возобновив активные действия только к вечеру 30 августа. Ее 63-я горнострелковая дивизия вышла к ирано-турецкой границе в районе Хой, чтобы прервать коммуникации между Ираном и Турцией.

3 сентября 44-я армия (за исключением 54-й танковой и 17-й горнокавалерийской дивизий и 24-го танкового полка, переданных в 47-ю армию) получила приказ

возвращаться на советскую территорию и к 6 сентября выполнила его.

Задачи операции, в ходе которых главным противником советских и британских войск стала не иранская армия, а жара, песок и бездорожье, были выполнены: по договоренности с англичанами Красная армия не ввела гарнизон в Тегеран, чтобы не возбуждать подогревавшиеся германской агентурой антибританские и антисоветские настроения среди местных жителей. Отдельные стрелковые, моторизованные и кавалерийские части расположились на небольшом отдалении от столицы.

29 августа передовые подразделения Красной армии и британских войск встретились под городом Сенендедж. 30 августа представители СССР и Англии вручили иранскому премьеру ноты, в которых ввод войск вновь обосновывался «подрывной работой немцев, захвативших командные посты по всему Ирану». СССР и Великобритания также сообщили, что согласны прекратить военные действия на условиях отвода иранских войск южнее линии Ушнуэ, Хайдарабад, Миандоб, Зенджан, Казвин, Хурем-абад, Баболь, Зираб, Семнан, Шахруд, Алиабад. Районы, расположенные севернее ее, занимались Красной армией. Также предполагалось, что иранцы отойдут на север и на восток от линии Ханекен, Керманшах, Хафт-Кель, Гахсерам, Рам-Хормоз, Бендер-Дилам. Районы, расположенные южнее и западнее ее, предполагали занять англо-индийские соединения. Кроме того, союзники требовали выслать из Ирана в течение недели всю германскую колонию, за исключением дипломатов и немногих специалистов, чья деятельность не была связана со средствами сообщения или с предприятиями военного значения. Список остающихся немцев, в том числе членов и сотрудников миссии, должен был быть согласован с Москвой и Лондоном. Тегерану также предписывалось не допускать немцев на тер-

риторию Ирана и взять на себя обязательства не создавать никаких препятствий для провоза через нее военных материалов, предназначенных для СССР и Великобритании, а также облегчать их доставку по шоссейным и железным дорогам или по воздуху.

Советское и английское правительства соглашались помочь Ирану в удовлетворении его экономических нужд и обязались покинуть иранскую территорию, «как только позволит военное положение».

По разным данным Красная армия в ходе боевых действий потеряла до 50 человек убитыми и около 100 ранеными, еще 3900 человек были эвакуированы по болезни (преимущественно малярия и тепловые удары). Иранцы недосчитались нескольких сот убитыми и более 7000 пленными. Войскам Закавказского фронта досталось около 26 000 винтовок, 46 орудий разных калибров, около 500 пулеметов, значительное количество боеприпасов. Трофеями 53-й отдельной армии Среднеазиатского округа стали 4 зенитных и 16 горных орудий, 20 гаубиц, более 1300 винтовок, 11 станковых и 31 ручной пулемет, более 2000 лошадей и мулов, 23 автомобиля.

Пленные солдаты и офицеры согласно директивам командования ежедневно получали по 400-500 г хлеба (в зависимости от занятости на дорожных и хозяйственных работах), 500 г овощей, по 100 г рыбы и крупы, а также сахар, соль и растительное масло. Продукты для их довольствия Красная армия получала с иранских военных складов или их безвозмездно поставляли местные жители. Впрочем, работать на нужды Красной армии иранским военным пришлось недолго: в ноябре 1941 года солдат и унтер-офицеров распустили по домам.

Несмотря на достигнутый успех, командование фронта признавало недостатки в организации операции и действиях войск. В частности, в отчете штаба отмечалось, что

из-за бездорожья войска оставляли в тылу часть обозов, особенно тяжело груженные машины, а недостаток запчастей и покрышек приводил в условиях жары и высокогорья к быстрому выходу машин из строя. Танковые и моторизованные части, которые в отсутствие серьезного сопротивления проходили до 130–150 км в сутки, также испытывали трудности. Жара, бездорожье и песчаный грунт и недостаточное знание местности при не всегда хорошо обученных водителях и механиках-водителях нередко приводили к выводу из строя значительного числа танков. Например, 28 августа 24-й танковый полк не смог преодолеть перевалы, чтобы продвинуться в направлении Решта, и вынужден был вернуться в Ардебиль, где в течение следующего дня приводил в порядок танки, бронемашины и автомобили.

Штаб также признавал плохую организацию связи: штабы армий и дивизий практически не использовали радио и ограниченно применяли проводную связь, из-за чего командование армий и фронта знало лишь приблизительное расположение частей и соединений, сводки были запоздавшими и иногда противоречивыми. В частности, 54-я танковая дивизия доложила 28 августа о выдвижении на окраины Казвина, однако на следующее утро ее штаб сообщил, что ее части находятся на прежнем месте. При перемещении штаба армии на новый командный пункт связь с ним заранее не налаживалась, прерывалась и связь штабов армий со штабом фронта. Эти недостатки на советско-германском фронте приводили к полной утрате управления войсками и непониманию оперативной ситуации, запоздалому реагированию на изменения боевой обстановки.

За период боевых действий ВВС ЗакВО совершили 1899 боевых вылетов, причем более трети из них (642) пришлось на авиацию дальнего действия. Советская

авиация сбросила на иранские войска, транспортные узлы и города более 400 тонн бомб 25–100 кг и около 4000 малокалиберных. Несмотря на полное отсутствие сопротивления в воздухе и слабость зенитной артиллерии противника, ВВС армейского и фронтового подчинения потеряли за 7 дней 19 самолетов, из них 3 дальних бомбардировщика были сбиты зенитной артиллерией, еще 16 были разбиты в авиакатастрофах (в том числе 11 дальних бомбардировщиков), 13 — повреждены в авариях (в том числе 6 ДБ). Кроме того, в отчете о боевых действиях ВВС закавказского фронта отмечалось, что пилоты нередко неверно определяют наличие достойных целей для штурмовых атак и бомбометания и сообщают ошибочные данные о поражении несуществующих объектов и целей: казарм, аэродромов, авиационных ангаров и топливных хранилищ. Вероятно, советские авиаторы пытались приукрасить результаты своей боевой работы, которые в отсутствие сопротивления противника в воздухе не впечатляли.

После занятия намеченных районов и позиций советскому командованию пришлось решать проблему обращения и использования захваченного во время ввода войск иранского военного имущества. В начале сентябре Генштаб распорядился вывезти на советскую территорию вооружение, снаряды, автомобили и прочее трофейное имущество, а также лошадей и мулов, которых предполагалось передать на комплектование частей армии. Немного позже командарм генерал-майор Сергей Трофименко потребовал сдать все трофейное имущество трофейным комиссиям, указав, что, несмотря на ранее отданные приказы, некоторые командиры и политработники стремятся обойти требование Военного совета и оставить автомашины, отдельные предметы вооружения и имущества в частях

или в личном пользовании, отправляют их на советскую территорию в места постоянной дислокации частей. «Пора понять политическое значение этого вопроса, понять, что ни один боец на территории Ирана не может быть вооружен трофейным оружием и лошадью, ни один командир не может ездить на территории Ирана на трофейной машине, чтобы не дать повод враждебным элементам сеять нежелательные для нас разговоры», — требовал командующий. Трофименко приказал сдать все трофеи в соответствующие комиссии для дальнейшей отправки на советскую территорию. Исключение делалось только для обуви в частях, где она была изношена и требовала замены.

Несмотря на очевидные недочеты операции, ввод советских войск в северную часть Ирана одновременно с аналогичной акцией британской армии на юге страны сыграл важную роль в истории Второй мировой войны. Совместная операция Красной и английской армий была отмечена и в переписке между Иосифом Сталиным и Уинстоном Черчиллем. Британский премьер писал 30 августа: «Мы приказали нашему авангарду продвигаться вперед с тем, чтобы наши силы встретились с Вашими в месте, которое будет установлено командующими где-либо между Хамаданом и Казвином. Было бы хорошо, чтобы весь мир знал, что британские и советские вооруженные силы действительно подали друг другу руки». «Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо. Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно. Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране», — ответил советский лидер 3 сентября.

7 сентября произошла своего рода репетиция встречи на Эльбе — части Красной и британской армий встрети-

лись в Казвине, а их командиры и солдаты пожали друг другу руки. Командир 54-й танковой дивизии полковник Максим Синенко и начальник политотдела полковой комиссар Александр Шухардин дали ужин в честь английских офицеров. После вывода дивизии в Советский Союз он командовал танковой бригадой в тяжелых боях на Крымском фронте, командовал 3-м танковым корпусом под Сталинградом и в Курской битве, его корпус участвовал в кровопролитных боях на северном фасе дуги под станцией Поныри, а в конце войны стал командующим 5-й гвардейской танковой армией. Если бы танкиста перевели на аналогичную должность в одноименной общевойсковой армии, он бы мог участвовать и во встрече с американской армией на Эльбе.

В тот же день представители советского и британского командования провели первые консультации о дальнейших действиях. На следующий день они подписали соглашение, определившее дислокацию частей Красной и английской армий на территории Ирана. Центральная часть страны оставалась под контролем иранских властей, национальная армия не распускалась и могла заниматься боевой подготовкой и текущей хозяйственной деятельностью. Одновременно советский и британский послы представили Тегерану список граждан Германии для интернирования и последующей передачи на советскую территорию.

Эти требования встретили пассивное сопротивление иранских властей. 10 сентября 1941 г. официальная газета «Эттелаат» опубликовала написанную по указанию шаха передовую статью, где редакция отмечала, что иранское правительство вынужденно закрыло посольства Германии и ее союзников в Тегеране, и подчеркнула, что иранские дипломатические представительства в этих государствах продолжат работу. Правительство в ответ

на недовольство Москвы и Лондона оправдывалось, что не могло противоречить воле монарха. Уже 11 сентября «Эттелаат», теперь уже по требованию правительства, напечатала материал, в котором подчеркивалась необходимость тесного сотрудничества с Великобританией и СССР, а затем официоз закрыли на 5 дней без объявления причин. Однако союзники усилили давление на иранское правительство и 12 сентября объявили, что задержка интернирования граждан Германии приведет к «самым серьезным последствиям».

15 сентября командиры частей Красной армии, дислоцировавшиеся в северных областях Ирана, получили очередной приказ. Части 39-й кавдивизии 53-й отдельной армии должны были к 17 сентября выдвинуться на юго-восточную окраину Тегерана. Непосредственно в иранскую столицу должны были вступить части 68-й горнострелковой и 24-й кавалерийской дивизий, 54-й мотострелковый полк Закавказского фронта и одна английская бригада. Несмотря на ограниченность ресурсов и недостаток транспорта, передовой эскадрон 39-й кд достиг окраин иранской столицы всего за сутки. «Почему советские войска оказались в Тегеране раньше обусловленного времени? Мы объясняли это энтузиазмом личного состава и отнюдь не грешили против истины. Да и можно ли было всерьез рассматривать это как нарушение договоренности? Я рассуждал по-солдатски: прибыли раньше срока — и молодцы. За мою многолетнюю военную службу мне не удается вспомнить хотя бы один случай, когда старший начальник проявил бы недовольство досрочным выполнением его приказа», — рассказывал впоследствии Михаил Казаков.

16 сентября, узнав о выдвижении войск союзников к Тегерану, иранский монарх Реза-шах отрекся от престола в пользу сына, Мохаммеда Резы. На чрезвычайном засе-

дании меджлиса премьер-министр зачитал рескрипт об отречении: «Ввиду того, что за эти несколько лет я истратил все свои силы на управление страной и чувствую себя истощенным, я считаю сейчас своевременным, чтобы человек более молодой, чем я, занялся делами, требующими непрестанного внимания и настороженности, во имя обеспечения благосостояния и счастья народа».

Кроме символического значения занятие союзными войсками столицы Ирана гарантировало безопасность лояльного правительства и контроль над транспортными магистралями, центром которых был Тегеран.

Советские части, дислоцированные в иранской столице и ее пригородах, соблюдали строгий порядок. Увольнения в город были крайне редкими, появление одиночных бойцов и младших командиров или групп без сопровождения среднего комсостава запрещалось. Впрочем, иногда в город отправлялись подразделения гарнизона, чтобы произвести впечатление на местных жителей. В частности, 26 сентября на «городскую прогулку» по приказанию начальника опергруппы 47-й армии вывели по одному эскадрону 18-го и 70-го кавполков 24-й кд и по одной роте от 54-го мотострелкового полка и 182-го горнострелкового полка 68-й гсд. Командиров частей предупредили: «Личный состав подобрать рослый, со строевой выправкой, тщательно помыть, выбрить и почистить».

Советско-британская операция резко сократила деятельность нацистской агентуры внутри страны, исключила вероятность переворота и перехода Ирана на прогерманские позиции. Она обеспечила спокойствие в одной из ключевых стран Среднего Востока, стабильность на южных границах СССР и в британских владениях. Прочное положение государств антигитлеровской коалиции, подкрепленное военной силой, создало условия для организа-

ции поставок военных грузов через Иран и строительства в стране сборочных заводов, облегчавших транспортировку вооружения.

Нейтралитет Ирана и присутствие частей союзных армий позволили провести в ноябре 1943 года важную для дальнейшего продолжения сотрудничества и развертывания боевых действий в Европе встречу лидеров государств антигитлеровской коалиции в Тегеране.

Глава 2

За афганскую корону

Афганистан с начала XIX века стал полем негласного противостояния между Россией и Великобританией, вызванного стремлением последней превратить страну в безопасную буферную зону своей ключевой колонии — Индии. Англия пыталась предотвратить укрепление влияния Российской империи и расширение ее владений в Средней Азии. Конфликт интересов не раз перерастал в боевые столкновения частей русской и афганской армий.

Первая попытка проникнуть через Среднюю Азию и Иран в Индию планировалась еще в 1800 году, когда император Павел I отказался от участия в очередной антифранцузской коалиции. Русский царь, магистр мальтийского ордена, оскорбленный захватом острова англичанами, заключил союз с Бонапартом, надеясь остановить дальнейшее распространение британского влияния в Европе. В декабре 1800 года Павел писал Наполеону: «Я Вам предлагаю с этой целью условиться между нами о средствах избавления и принуждения к тому, что покончит со злом, которое в течение одиннадцати лет порочит всю Европу. Я не говорю и не собираюсь обсуждать ни права, ни разные способы правительствования, кои существуют в наших странах. Попробуем вернуть миру покой и тишину, столь необходимые и так очевидно соответствующие непременным законам Провидения».

Париж немедленно ответил на инициативу Петербурга о примирении. Чтобы ускорить намечавшееся сближение, первый консул Франции освободил из плена 7000 солдат и офицеров, захваченных в Нидерландах, им вернули оружие и выдали новое обмундирование.

Россия и Франция намеревались лишить Британию ее главного источника богатства — Индии, которая в тот период управлялась Ост-Индской кампанией. Предполагалось направить через Каспийское море и Иран 70-тысячную армию (по 35 000 русских и французов) под общим командованием Андре Массена. Французский корпус планировалось доставить до устья Дуная, затем переправить его по Черному морю до устья Дона, откуда переправить речным и сухим путем до Царицына. В Астрахани русский и французский корпуса соединялись и переправлялись в персидский Астрабад. Далее объединенная армия должна была выйти через Афганистан к границам Индии, где ее появлению, по замыслу Бонапарта, должно было вызвать массовые восстания местных жителей. Русский император в своих замечаниях к плану уверял, что имеет достаточно сил, чтобы предотвратить выход британской эскадры из Дарданелл и Босфора. «Эти страны ни дики, ни бесплодны; дорога открыта и просторна. Давно караваны проходят обыкновенно в тридцать пять, сорок дней — от берегов Инда до Астрабада. Почва, подобно Аравии и Ливии, не покрыта сыпучими песками; реки орошают ее почти на каждом шагу; в кормовых травах недостатка нет; рис произрастает в изобилии и составляет главную пищу жителей; быки, овцы, дичина водятся во множестве; плоды разнообразны и отменны. Единственное разумное замечание: долгота пути, но и это не должно служить поводом к отвержению проэкта. Французская и русская армии жаждут славы; они храбры, терпеливы, неутомимы; их мужество, постоянство, и благоразумие

военачальников победят какие бы то ни было препятствия».

Несмотря на сложность реализации замысла и его авантюрность, подготовка к походу, слухи о которой вскоре начали циркулировать, воспринималась в Лондоне как серьезная угроза: в пределах Индии находились 2000 английских войск и 30 000 обученных британцами сипаев, надежность которых была под вопросом. Кроме того, Павел I планировал дополнить наступление главных сил через Иран и равнинную часть Афганистана к берегам Инда внезапным ударом через среднеазиатские ханства и афганские горы. Для этого похода было мобилизовано Донское казачье войско. На Дону сформировали 41 полк численностью около 22 500 казаков. Авангард под командованием участника Швейцарского похода Андриана Денисова двинулся на восток. Специальный разведывательный отряд двинулся выяснять и прокладывать путь на Оренбург, Хиву, Бухару и дальше в Индию. Павел, организуя поход в Индию, намеревался также прекратить набеги кочевников на приграничные территории Оренбургской и Астраханской губерний. 28 февраля 1801 года главная колонна в составе 13 полков под командованием Матвея Платова, освобожденного перед походом из Петропавловской крепости, двинулась из станицы Качалинской.

В Оренбурге губернатор Николай Бахметев собирал провиант и корма для лошадей для будущего похода. В планы двух правителей вмешалась погода: рано наступившая в тот год весенняя распутица значительно замедлила продвижение обозов и артиллерии. К 23 марта казачьи полки достигли слободы Мечетной (ныне — город Пугачев Саратовской области), где начали готовиться к новому переходу. Однако он был отменен: в слободу прибыл курьер, сообщивший о внезапной кончине импе-

ратора и воцарении его сына, Александра I, отменившего поход в Индию.

Историки не имеют весомых доказательств причастности Лондона и британских дипломатов к заговору русской элиты, который привел к свержению и убийству Павла I. Однако новый император Александр I отменил выглядевший дорогостоящей авантюрой план военной экспедиции за тысячи верст. Угроза для британского правления Индии миновала. По преданию узнавший о перевороте и гибели Павла I Наполеон воскликнул: «Они промахнулись по мне в Париже, но попали в меня в Петербурге!», предположив, что покушение на него в январе 1801 г. и свержение Павла организовали англичане. Тем не менее до сих пор некоторых отечественных политиков преследует стремление помыть сапоги в Индийском океане. Полезно ли для обуви купание в морской воде, их не интересует.

Интерес Англии к Афганистану вырос после 1823 года, когда шах Дост Мухаммед объединил страну. Как отмечал ученый-востоковед, генерал-лейтенант русской армии Андрей Снесарев, Англия стремилась захватить Афганистан в сферу своего влияния и запретить ему поддерживать отношения с иностранными государствами. Сначала британские представители пытались подкупить афганского правителя и бороться с ним дипломатическими способами, но эмир был человеком с сильной волей и не уступал давлению.

Тогда осенью 1838 года англичане сформировали армию для вторжения в Афганистан, две колонны насчитывали более 16 000 бойцов при 45 000 прислуги и носильщиков и большом количестве верблюдов. 6 марта 1839 года англичане перешли Боланский проход, 7 августа они заняли Кабул. Дост Мохаммед скрылся в афганском

Туркестане. Однако вскоре после занятия Кабула в стране началось восстание, шах переправился через Гиндукуш и нанес англичанам поражение у Первандара. Затем по неясным причинам монарх сдался оккупантам, но восстание продолжалось. В 1842 году англичане, несмотря на повторный захват Кабула, вынуждены были покинуть Афганистан, потеряв около 30 000 человек и 50 000 верблюдов. Англичане вынуждены были освободить из плена Дост Мохаммеда, который вернулся на трон и правил до смерти в 1863 году. Эта война подняла уверенность афганцев в собственных силах, укрепила их самосознание, продемонстрировала слабость британских войск в боевых действиях в горах, отмечал Снесарев.

Большая игра в Туркестане

Российские успехи в Средней Азии, фактическое присоединение в 1860–1870-е гг. ее территории к России обеспокоили Лондон. К тому же Россия стремилась установить отношения с Афганистаном. В 1870 г. генерал-губернатор Туркестана Константин фон Кауфман в письме афганскому эмиру Шир Али-хану заверил, что русские власти не намерены оказывать поддержки его сопернику Абдуррахману, который с 1868 года жил в русском Туркестане. Шир Али, безуспешно пытавшийся добиться от британского правительства официальных гарантий, раздумывал, стоит ли откликнуться на призыв об установлении полноценных отношений. В 1875 году Шир Али-хан и Кауфман вели оживленную переписку, известие о которой всполошило Калькутту и Лондон. Англичане осознали, что прежняя политика в Афганистане, направленная на достижение контроля над страной, была ошибочна. Дипломатам поручили остановить дальнейшее продвижение России на юго-восток и ослабить активность Петербурга. Ключевой

идеей британской политики стало задержать продвижение России на юго-восток на максимально значительном отдалении от Афганистана и Индии.

В начале июня 1878 года, когда открылся Берлинский конгресс, Кауфман отправил в Афганистан экстренную военную миссию, во главе с генералом Николаем Столетовым, что означало оформление официальных русско-афганских отношений. Этот маневр, призванный продемонстрировать Лондону недальновидность усиления давления на Россию, не смог радикально изменить расстановку сил в регионе и обеспокоил британскую дипломатию. Столетов прибыл в Кабул в середине июля, когда стороны подписали завершивший войну 1877–1878 гг. Берлинский трактат. Обострять отношения с Англией из-за Афганистана для России уже не имело смысла.

Столетов и Кауфман вынуждены были уклониться от обязательств оказать военную помощь Афганистану в случае британского вторжения. Осенью Столетов отправился назад в Россию, сославшись на необходимость получения детальных инструкций.

Понимая, что Россия не будет ввязываться в войну, англо-индийская армия общей численностью 35 000 человек вторглась в октябре 1878 года в Афганистан. 20 ноября после кровопролитного сражения был взят Пейвар-Кутальский перевал. 27 декабря британцы заняли Кандагар, эмир Шир Али-хан удалился из Кабула в Мазари-Шариф, передав трон опальному сыну Якуб-хану. После первых неудач афганцы оправились и перешли к излюбленной партизанской тактике, нападая на гарнизоны и коммуникации противника.

Якуб-хан вскоре после смерти отца в феврале 1879 года не понял трудностей положения англичан и подписал 15 мая 1879 г. Гандамакский мир, передав англичанам все проходы в Индию. Кроме того, договор лишил Афганистан

самостоятельности, с этого момента все связи с иностранными государствами должны были вестись через Великобританию. В Кабуле учреждался постоянный британский резидент со значительной охраной, эмиру выдавалась ежегодная субсидия в 60 000 фунтов стерлингов.

Условия мира вызвали возмущение в стране. 3 сентября началось восстание в Кабуле, резидент Каваньяри был убит. 12 октября лорд Робертс занял Кабул. Многие городские здания рядом с цитаделью «в целях безопасности и удобств для английских войск» были разрушены, в Кабуле ввели военное положение, жителей, у которых находили оружие, казнили. В первые дни в Кабуле арестовали 89 человек, из них 49 повесили. Действия карательных отрядов, пытавших пленных солдат и сжигавших кишлаки, вызвали возмущение прессы, сравнившей действия британских войск с башибузуками, и некоторых депутатов парламента.

Тяжелая горная война продолжалась, Робертсу пришлось спасаться в укрепленном лагере под Ширпуром. В 1880 году Россия выпустила Абдуррахман-хана, внука Дост Мохаммеда. Англичане помогли ему утвердиться, в июле 1880 года в Кабуле его провозгласили эмиром. Вместо Гандамакского был заключен новый, Равалпиндский договор, по которому сохранялись субсидия и запрет сношений с иностранными государствами, но отзывались резидент и гарнизоны.

Борьба за Туркестан продолжалась. В 1880 году было решено снарядить экспедиционный отряд в Ахалтекинский оазис. Цель экспедиции изложил военный министр Дмитрий Милютин на совещании в феврале: «Без занятия этой позиции Кавказ и Туркестан будут разъединены, ибо остающийся между ними промежуток является театром английских происков, в будущем же может дать доступ

английскому влиянию непосредственно к берегам Каспийского моря». В начале 1881 года русские войска овладели Геок-Тепе и Ашхабадом. Русское правительство первоначально предполагало ограничиться присоединением Ахалтекинского района, не углубляясь в восточные области Туркмении, сохранить влияние на племена, расположенные по соседству с присоединенными территориями и сохраняющие с подвластным нам населением связь племенную и экономическую. «Наши интересы настоятельно требуют сохранения спокойствия в Мерве и поддержания там партии мира. Партия войны, поддерживаемая внешними интригами, рассчитывает получить для борьбы с нами усовершенствованное оружие. Это представляет для нас весьма серьезную опасность, а потому цель наших будущих отношений к Мерву должна состоять в недопущении провоза туда скорострельного оружия и в предупреждении происков тайных агентов Англии» — указывалось в письме, направленном начальнику Закаспийской области Петру Рербергу.

Британские представители, находившиеся в Мерве, стремились склонить вождей мервских текинцев и сарыков Серахса к вооруженной борьбе против русских. В мае 1881 года командование войск Закаспийской области получило данные о прибытии в Серахс англичан, которым поручили доставге в Мервскую область боеприпасов и руководство фортификационными работами. Русское правительство, недовольное активизацией британцев на периметре границ империи, пересмотрело свое решение. Генерал Юрий Борх, начальник одной из пехотных дивизий, в докладной записке «Ахал-Теке. Настоящее и будущее» предложил двинуться от оазиса на восток — к Тедженскому оазису и Серахсу, создать в этих пунктах русские укрепления и занять Зульфагарский проход. «Ряд этих последовательных и постепенных заня-

тий, — отмечал Борх, — принудит Мерв передаться в наши руки. Раз Мерв занят, все усилия должны быть безусловно направлены к проложению пути от Мерва до Чарджуя (ныне — Чарджоу) и к смыканию границы с Туркестанским генерал-губернаторством в одну общую среднеазиатскую естественную границу. Тогда только может быть остановлено движение вперед России в Средней Азии...» Борх возражал против попыток русских войск вступить на территорию Афганистана, считая целесообразным вместо занятия не Герата, а позиций, обеспечивающих контроль за Гератом, за политикой Англии в Афганистане и на наших окраинах. Автор подчеркивал необходимость убедить Кабул, что Россия не намерена занимать даже малую часть территории Афганистана.

Записка генерала, вероятно, была подана непосредственно императору; затем она была передана «по высочайшему повелению» военному министру. Александр III одобрил предложения Борха, и вскоре ее тезисы были реализованы. В ноябре 1882 года русский отряд занял Теджен, а в январе 1884 года мервский маслахат (совет старшин) после переговоров с офицером Михаилом (Максудом) Алихановым вынес решение о присоединении Мерва к России. Сила российской армии, выдвинувшейся вплотную к оазису, была ключевым доводом сговорчивости племенных вождей. Они уже не надеялись на помощь извне. Начальник Закаспийской области еще в августе 1881 года отмечал, что «оставление англичанами Кандагара немало повлияло на уменьшение их обаяния между туркменами...». Как вспоминал побывавший в Мерве британский путешественник, журналист и разведчик Эдмонд о'Доннован, лидер местных текинцев Токме Сердар считал, что противостоять русским будет сложно: «Он выказал удивительные познания в географии. На песчаном полу начертил пальцем круглую карту территории от

Кандагара до Каспия. «Здесь — англичане, здесь — Мерв, а здесь — русские. В одном случае расстояние большое, в другом — маленькое. Если Скобелев неожиданно двинет свою армию, мы знаем, кто первым подойдет к Мерву. Ахалтекинцы сталкивались уже с тем, что во время наступления русских английские войска не приходили на выручку. Люди Мерва помнят это и, вероятно, примут сторону тех, кто придет первым».

Туркменское население Мерва и Атрека, регулярно подвергавшееся нападениям персидских войск и афганских племен, видело в присоединении к России возможность прекратить набеги и грабежи. Плодородный Мургабский оазис присоединили к русским владениям и включили в состав Закаспийской области. Вслед за Мервом русские войска двинулись на юг, вверх по течению реки Мургаб, в Иолотанский и Пендинский оазисы, населенных племенем сарыков, чтобы гарантировать безопасность Мервского оазиса и его окрестностей от нападений с афганской территории.

Сарыки в апреле 1884 года решили принять русское подданство; в мае того же года русские войска заняли Иолотан. Британские советники подстрекали афганского эмира к конфликту с Россией, надеясь добиться разрешения ввести английские войска в Афганистан. Полагаясь на обещанную военную помощь, Абдуррахман двинул афганские части в Кушку и Пендинский оазис, когда должны были начаться работы русско-британской комиссии по разграничению. Руководитель британской миссии генерал Питер Лемсдэн перебросил значительную часть английского отряда через Гератские горы и захватил Гюрлен, узел путей из Туркмении на перевалы, затребовал перевода из Герата до 1500 солдат и офицеров и побудил афганских ханов занять сильными постами Зюльфагарский проход и оазис Ак-Рабат. Кроме того, он со свитой

и частью конвоя обосновался в Бала-Мургабе и Пенде и убедил афганцев выдвинуть передовые посты в долину Мургаба и в долину Кушки, а также усилить пендинский отряд у Ак-Тепе, тем самым пытаясь отодвинуть границу на север. Одновременно Лемсдэн организовал топографическую съемку и исследование территории между Серахсом, Пенде и Гератом.

Возмущенный распространением афганцев на север, Александр III 6 января 1885 года приказал генералу Комарову немедленно занять отрядами Таш-Кепри и иные пункты намеченной нами границы, уточнялось, что желательно избежать столкновений с афганцами. Генерал Комаров ответил: «Столкновений постараюсь избежать, но за это не ручаюсь».

Русское командование решило сформировать 2 отряда, Мургабский и Серахский, каждый в два батальона пехоты, три-четыре конных сотни, артиллерийской батареи. Получив из Петербурга предложение организовать первый отряд из подразделений Мервского, Серахского и Асхабадского гарнизонов, генерал Комаров счел это невозможным и решил дожидаться батальона из Туркестана. Серахский отряд первоначально усилили только командой туркмен-текинцев в 31 человек под командованием поручика Бориса Лопатинского для занятия Зюльфагара и Ак-Рабата.

Первоначально предполагалось, собрав Мургабский отряд, овладеть Таш-Кепри к 15 февраля, для чего из Асхабада направили части 22 января сделать 472 версты до Таш-Кепри в 19 переходов (при 5 дневках), с дневным переходом 25 верст. Однако Туркестанский батальон задержался при переправе через Аму-Дарью и на марше по пескам от ее берегов к Мерву. Лишь 7 марта отряд двинулся вперед и подошел к Таш-Кепри 13 марта, т. е. на месяц позже первоначального срока. Задержка сосредоточения позволила афганцам усилить гарнизон Таш-Кепри почти

впятеро, с 800 солдат и офицеров до примерно 4000, подтянуть артиллерию.

Сосредоточение сил не означало бездействия. Комаров приказал начальнику Мервского округа Максуду Алиханову (Алиханову-Аварскому) безостановочно двигаться из Асхабада в Мерв, сформировать там сотню милиции и организовать разведку вплоть до Герата для выяснения обстановки. После сосредоточения в Мерве Алиханов должен был силами всего трех сотен кавалерии оттеснить афганцев до Таш-Кепри и поставить там наш пост, избегая столкновения с противником. Алиханов быстро сформировал сотню милиции и двинулся к оазису Имам-Баба для создания базы снабжения. На подходе к Имам-Баба офицер получил письмо британского командования, предлагавшее русским не двигаться из Имам-Баба, с обещанием удержать наступление афганцев, угрозой атаковать превосходящими силами и призывом к Алиханову провести переговоры. Алиханов не ответил и 6 февраля двинулся дальше, в Аймак-джар, донося Комарову, что делает это «на свой риск», чтобы оттеснить вторгшиеся на территорию туркменских племен афганские подразделения.

Афганский капитан поспешно отступил со своими постами к Таш-Кепри, оставив Алиханову дерзкое письмо, угрожая остановить его движение силой оружия, но тот продолжил наступление на юг, отметив, что «авганцы щедры на угрозы даже в такие дни, как сегодня, когда они трясутся от трусости». 8 февраля конная группа Мургабского отряда вышла к Таш-Кепри и выставила в его окрестностях пост из 30 милиционеров.

Алиханов вернулся в Аймак-джар. Трогаясь от Таш-Кепри, он получил письмо Лемсдэна со строгим предупреждением, угрозами и требованиями объяснений. Алиханов твердо парировал: «На Ваше письмо <...> отвечу коротко: мне приказано занять Таш-Кепри и не пропускать к нему

авганцев, и это будет сделано, как бы Вы на это ни взглянули. Вражды мы не желаем, но, если кто начнет ее, мы готовы. Я не больше, как солдат — исполнитель приказаний, в политике же ничего не смыслю. <...> Начальник Мервского округа, подполковник Алиханов». Кроме того, благодаря умело организованной Алихановым разведке данные об усилении неприятеля в Пенде, боеспособности его войск и деятельности англичан и настроении сарыков регулярно поступали командованию.

Дальше Кушки не пошлют

Тем временем в Серахском отряде направленная для занятия Зульфагара и Акрабата команда поручика Киприана Лопатинского уже 23 января вышла к первому, где встретила занявших поселок афганцев. Афганский офицер грубо потребовал, чтобы наша команда убиралась домой, а конный отряд (30 человек) изготовился к бою. Лопатинский в ответ разбил свой лагерь в 300 шагах от афганского строя и объявил, что афганцы в гостях у русских, поскольку это земли племени солоров, и что он надеется, что хан не наделает больше глупостей.

Спустя 6 дней он с половиной команды двинулся в тыл афганскому посту. Хан грозил и даже схватил под уздцы лошадь Лопатинского и окружил его группу своими людьми. Лопатинский резким движением коня отбросил хана. 3 февраля группа Лопатинского достигла Ак-Рабата, одного из ключевых узлов дорог, и установила пост, опередив неприятеля на несколько часов.

Выдвижение русских передовых отрядов вызвало всплеск недовольства британской дипломатии. Один из дипломатических чинов, Эдвард Торнтон, заявил, что продолжение наступления может повлечь за собой столкновения и иные серьезные последствия, а британское

правительство не может предложить афганским войскам очистить территорию, которую они считают своей, но в случае предписания командирам русских отрядов отступить Лондон предложил бы Кабулу не допускать перехода их войск за пределы занятых ими территорий.

Петербург был удивлен настойчивости Торнтона в поддержке афганских требований. Как сообщалось в одной из депеш, «обнаруживаемые афганскими властями враждебные намерения лишают Императорский кабинет возможности удовлетворить заявленной великобританским послом просьбе; так как начальникам русских постов предложено тщательно избегать столкновений с афганцами, осложнения могут возникнуть лишь в том случае, если афганские войска дозволят себе неприязненные действия против русских постов».

Несколько позднее Мургабского, 11 февраля 1885 г. был организован Серахский отряд под руководством командира 5-го Закаспийского стрелкового батальона полковника Николая Флейшера. В него вошли две сотни Таманского казачьего полка и 2 орудия, прибывшие в Серахс 24 февраля. Запрошенные генералом Комаровым резервы с Кавказа (два стрелковых батальона, батарея и казачий полк) запоздали и не участвовали в бою.

Тем временем англичане в Пендинском оазисе активно занимались рекогносцировкой местности. Следуя их советам, афганцы связали в тылу своей позиции у Таш-Кепри паромом оба берега Мургаба и возвели три батареи на высотах правого берега речки, был также укреплен холм Ак-Тепе. К началу марта афганский отряд состоял уже более чем из 1500 пехотинцев и 2500 кавалеристов при 8 орудиях — 4 полевых и 4 горных. Пехота была преимущественно афганской, конница разноплеменной: в ней преобладали джемшиды и хезарейцы. Довольно многочисленное войско было слабо вооружено: старые заряжае-

мые с дула пистонные ружья, пистолеты имелись лишь у людей зажиточных, а магазинных винтовок было всего несколько штук — недавних подарков англичан старшим начальникам.

Мургабский отряд под командованием Комарова был малочисленнее афганского (1840 человек при 4 орудиях), но русские были вооружены берданками, несопоставимыми по своей скорострельности и удобству применения с древними ружьями неприятеля, впрочем, офицеры и солдаты жаловались на недостаточное качество патронов. Недавно набранные туркменские джигиты были лихими бойцами по отдельности, но недостаточно ознакомились с принципами современного боя, которые применяли русские части и подразделения.

Сосредоточив отряд к 5 марта, генерал Комаров перевел его главные силы 7 и 8 марта двумя эшелонами в Аймак-Джар, где стоял авангард отряда из двух казачьих и одной милиционной сотен под командой подполковника Алиханова. В Аймак-Джаре простояли с 9 по 11 марта. 12-го отряд в походном порядке со всеми мерами охранения встал всего в 20 верстах от Таш-Кепри. 13 марта он двинулся к Таш-Кепри и стал лагерем, не доходя 5 верст до моста через Кушку, оставив небольшие команды в тылу. База была перемещена в Аймак-Джар. За неделю отряд прошел всего 65 верст. Одной из причин медленного движения была новая телеграмма из Петербурга от 3 марта: «Сообщаю вам, что лишь в том случае, если бы пендинские сарыки сами изгнали афганцев и звали нас в Пенде, Вам следует занять эту местность для предупреждения кровопролития при всем том Государю Императору угодно, чтобы никто из наших не принимал никакого участия в изгнании афганцев и чтоб обстоятельства эти ничем не вызывались с нашей стороны».

К 10 марта отряд, стремясь избежать столкновений, разбил лагерь в виде вагенбурга. Одной стороной он примыкал к Мургабу, фронт занимал 3-й линейный туркестанский батальон, западный фланг — сводный Закаспийский стрелковый батальон, тыл прикрывала конница. Через Мургаб у лагеря навели паром из водяных бочонков.

13 марта афганцы, заметив выдвижение Мургабского отряда, выслали конницу и пехоту с 2 орудиями на левый берег реки Кушки, что заставило Комарова выставить цепь сторожевых постов на линии от песков до Мургаба и наблюдать разъездами пески к западу от лагеря и местность на правом берегу Мургаба. Днем выделялись взвод пехоты и конницы, а ночью пешее охранение усиливалось до полуроты. При таком расположении афганцы имели значительные шансы на успех при внезапном нападении, поскольку занимали подготовленные позиции и посты опирались на главные силы. Русский отряд не имел подготовленной позиции на случай обороны и был удален от аванпостов.

13 марта афганцы продолжали укреплять свои позиции и особенно на левом берегу р. Кушки, выдвигали дальше вперед аванпосты на всей их линии на обоих берегах Мургаба и утром 14 марта выдвинули конницу вперед Кушки, на правый фланг русских аванпостов, стараясь разъездами пробраться к нашему лагерю. Это вынудило 14 марта выдвинуть русских за Мургаб разъезд генерального штаба капитана Владимира Прасалова с 5 джигитами с целью выяснить с высот афганское расположение. Командование отряда разъяснило англичанам, что вызывающий характер афганских действий не отвечает стремлению России уладить ситуацию миром, что мы, конечно, могли бы с первого появления своего «их уничтожить», но стараемся своим поведением показать желание наше обойтись без столкновения. Англичане лицемерно утверждали, что

не сомневаются в нашем боевом превосходстве и благоприятном исходе для нас столкновения, но бессильны унять своих подопечных.

15 марта произошел повторный обмен письмами: британцы упрекали русских в сближении с Таш-Кепри, те настаивали на удалении афганских аванпостов и разъездов, хотя бы в то положение до подхода Мургабского отряда. Противостояние с афганцами серьезно обострились. Сотня туркменской милиции под командованием Алиханова выдвинулась за правый фланг русских постов, а рота стрелков с капитаном Прасаловым — на правый берег Мургаба.

Афганский джарнель Гос-Эддин-Хан с несколькими сотнями нагнал Алиханова. Но последний сумел превратить эту встречу в дружескую и проводил афганцев до самого моста Таш-Кепри, джарнель просил Алиханова не двигаться дальше, чтобы не вызвать вооруженного столкновения. 16 марта афганский разъезд, выяснив, что с нашей стороны не последует активных действий, вышел на правом берегу Мургаба к нашему парому, пытаясь выяснить, на чем переправляются русские. После настойчивых наших требований афганцы отступили на сотню шагов и наблюдали за паромом несколько часов. Афганцы угрожали солдатам: «Убирайтесь отсюда, здесь не вам не туркмены, здесь все афганцы, бивали мы не раз англичан, побьем и вас, если не уйдете».

Осознав, что безнаказанность афганских действий негативно влияет на настроение туркмен Мургабского отряда и население оазиса, генерал Комаров ответил угрозой. Утром 17 марта он направил с разъездом письмо начальнику афганских войск Тимур-Шаху с категорическим требованием очистить левый берег Кушки и правый Мургаба ниже устья Кушки. Англичан просили прибыть для встречи с подполковником Николаем Закржевским

и привести на свидание и афганских командиров для обсуждения требования.

Ответом стало усиление войск на позициях, которые требовали оставить, и поспешная работа у окопов. Британцы заявили, что Наиб-Салар не может позволить своим начальникам отлучиться с позиций и что, по его мнению, афганцы вправе занимать территорию вокруг Пенде, а их очищение будет означать уступку спорной долины. Русские в свою очередь пояснили, что не намерены захватывать долину Кушки, но предполагают установить строгую демаркационную линию между российскими и афганскими владениями по естественным преградам — полноводным рекам Кушка и Мургаб. Англичане вновь пытались убедить наших офицеров, что афганцы остались хозяевами положения, а британцы неспособны на них повлиять. Что любопытно, это происходило 16-18 марта, когда русский и английский кабинеты продолжали обмениваться меморандумами, в которых подданные эмира выглядели не более чем исполнителями воли великих держав.

Письмо генерала Комарова Наиб-Салару звучало решительно: «Требую, чтобы сегодня (17 марта) до вечера все подчиненные вам военные чины до одного возвратились в прежние стоянки свои, на правый берег Кушки, и чтобы посты ваши на правом берегу Мургаба не спускались ниже соединения этих рек. Переговоров и объяснений по этому вопросу не будет. Вы обладаете умом и проницательностью и, вероятно, не допустите, чтобы я свое требование привел в исполнение сам». Наиб ответил, что не может исполнить нашего требования вопреки приказаниям эмира и обязательным для него советам англичан, но обещал, если нужно, исправить расположение своих второстепенных постов.

В тот же день поздно вечером, отдав приказ о боевом расписании на 18 марта, генерал Комаров послал еще

письмо Наиб Салару, где указал, что самое маловажное из перемен в афганских силах он считает очищение левого берега Кушки и правого Мургаба, ниже Кушки. Он обвинил англичан в стремлении разрушить дружественные отношения России и Афганистана. «Выбор между дружбой и враждой зависит от вас самих!» — завершил свое послание Комаров.

На военном совете у Наиб-Салара мнения разделились. Корнель (полковник), третий по значимости начальник отряда и молодой афганец предлагали не вступать в бой, указывая на превосходство русского огнестрельного оружия и обученности русских войск. Однако большинство надеялись на успех, указывая на многочисленность афганского отряда, особенно на превосходство в кавалерии. Они рассчитывали, что конница способна деморализовать боевой дух русской пехоты. Англичане, участвовавшие в совете, убеждали Наиб-Салара быть твердым в своих решениях, уверяя, что русские только запугивают и что инструкции генерала Комарова запрещают ему активные действия.

Стороны активизировали подготовку к бою. В русском лагере начальники совещались около 8 вечера 17 марта. Генерал Комаров изложил сложившееся положение, задачу отряда и отдал последние приказания для боевого выполнения ее с рассветом 18 марта.

В распоряжении указывалось: «Истощив все средства мирно уладить это дело с помощью влияния на афганцев англичан, я решил удалить афганцев из этого урочища силой. Для чего предписываю: завтра в 4 часа утра Мургабскому отряду выступить к Таш-Кепри. Во время движения до рассвета соблюдать полную тишину, не курить, не разговаривать, приказания отдавать вполголоса. Особенное внимание обращаю на то, чтобы не было допускаемо ни малейшей суеты, спокойствие чтобы было полнейшее».

В лагере для его охранения были оставлены 50 человек нестроевых и караульных.

3-й Туркестанский линейный батальон с горными орудиями и подполковник Алиханов со всей конницей получили приказ выдвинуться и выбить афганцев с высот на левом фланге, а полковник Никшич со сводным Закаспийским стрелковым батальоном — сдерживать неприятеля от движения из Закушкинского лагеря на помощь войскам, действующим на высотах на правом берегу.

Густой туман, окутавший окрестности ранним утром 18 марта, как нельзя лучше способствовал внезапности появления русских у Таш-Кепри. Но туман мешал и нашим войскам, затрудняя согласование их движения и действий. К рассвету большая часть афганской кавалерии (примерно 1200 всадников), около 2 батальонов пехоты (до 1000 человек) и 7 орудий сосредоточились на левом берегу Кушки. До батальона с одним горным орудием находились в лагере за Кушкой, причем орудие стояло на Ак-тепе, кроме того, был выставлен конный заслон против действий туркменов из Пенде.

В 4 часа утра русские войска тронулись из лагеря. Туркестанцам пришлось преодолеть до встречи с противником около 7 верст, в том числе около двух — по размокшей вспаханной земле, изрезанной арыками. Кроме того, пехота сбилась с пути, попала в рыхлые пески, но это ненамного замедлило движение: проводник вскоре вернул колонну на твердую почву. Спустившись на плато, туркестанцы развернулись поротно в две линии и выслали цепь, направившись правее Алиханова. К этому моменту бой начался, афганские пушки открыли огонь.

Кавалерия (около 600 всадников) пошла более прямой дорогой, обойдя с запада Кизил-тепе, опередила туркестанцев и, оказавшись в центре нашего боевого порядка, остановилась шагах в 400–500 от значительно превос-

ходившей ее в численности афганской конницы. Около роты пехоты противника тотчас вышло и залегло на левом фланге конницы.

Закаспийские стрелки тем временем начали атаку. Около 6 часов, когда уже рассвело, батальон обогнул с запада Кизил-тепе, а потом развернулся поротно в две линии, передовые роты выслали цепи, и началось наступление. Ближе к 7 часам к полю боя подоспели туркестанцы, которым генерал Комаров выделил для поддержки два орудия.

К передовой афганской конной массе подъехал Наиб-Салар со словами: «Подвизайтесь во славу Божию!» Ему отвечали троекратным «Алла!». Алиханов, полагая, что афганская конница тотчас ринется в атаку, быстро спешил казачьи сотни и вооруженных винтовками туркмен. На правом фланге осталась верхом сотня Мервской милиции, на левом — туземцы конвоя и свиты Комарова. Огня все еще не было.

Афганцы не сразу решились атаковать. Но через некоторое время раздались выстрелы. Спешенные кавалеристы дали ответный залп и открыли непрерывный частый огонь. Неприятель в свою очередь начал огонь по всей линии из ружей и пушек. Им отвечали все наши колонны. Афганская кавалерия заколебалась, отхлынула, но стала готовиться к новой атаке. Вскоре около 300 бойцов бросились вперед, охватывая нашу конную колонну с флангов и тыла. Но остальная конная масса дрогнула и бежала вместе с пехотой.

Контратака части афганской конницы заставила шарахнуться часть лошадей от коноводов и группу конных туземцев, стоявших на левом фланге Алиханова. Атаковавшие афганцы были отбиты огнем ближайшей пехоты и атакой Мервской милиции. Получив приказ Алиханова ударить в шашки, милиция эта тронулась нерешительно налево кругом в тыл своим коноводам, которые с коня открыли

огонь. В атаку бросились джигиты недружно, многие в первую минуту замялись. Алиханов подскакал к остальным, крикнув: «Умрите тут все или истребите их!» — и джигиты тогда дружно бросились в сабельную атаку.

Заметив движение неприятельской конницы на нашу, фланговые подразделения Закаспийского батальона открыли огонь по противнику, остальные продолжали наступление. Туркестанцы до отражения контратаки открыли огонь по афганской конной колонне в 200 человек, стоявшей уступом назад на их крайнем левом фланге. Афганцы открыли огонь с коня, явно несли большие потери и после третьего залпа отхлынули с бугра вниз, к реке Кушке, где пытались строиться. Тогда цепь 1-й роты удлинили резервом справа, и этот участок ее продолжал стрелять по коннице у р. Кушки, а левый фланг ее перенес огонь в тыл афганской батареи на бугре. Вторая рота туркестанцев, шедшая уступом впереди первой, вела огонь по коннице, действовавшей против фронта Алиханова.

Часть контратаковавших погибли, другие рассеялись. Афганская кавалерия панически отступала за реку Кушка, понеся значительные потери от пуль и осколочных гранат. Афганская пехота под огнем русских скрылась в траншеях с бойницами. Пушки противника действовали через амбразуры, подавить их огнем стрелкового оружия было невозможно.

Затем спешенные цепи Алиханова атаковали совместно с туркестанцами траншеи и батарею неприятеля на бугре, а Закаспийский стрелковый батальон выдвинулся на равнинный участок Кушкинской позиции. Афганцы подпустили атакующих шагов на сто к своим траншеям, отстреливаясь отчаянно, но не выдержали штыкового натиска, хотя упорно оборонялись на отдельных участках.

По свидетельству туркестанцев, афганцы вели сильный огонь из траншей на высоте, особенно против ка-

заков; но в образовавшиеся интервал своей цепи туркестанцы ввели три взвода 6-й роты. Огонь русских стал энергичней, огонь противника, напротив, затих. Из отдельных окопов стали отходить менее стойкие солдаты. Вторая и четвертая роты совместно с казаками встретили упорное сопротивление неприятеля, особенно яростно афганцы защищались на батарее, которая была захвачена только после ожесточенного боя. Знамя оборонявшегося на бугре батальона было взято урядником Мервской милиции Иолотанским сарыком Аман-Клычем.

Артиллерия отряда поддерживала пехоту огнем и сообщением дистанций. Выехав на позицию тотчас по завязке боя, она стреляла во фланг и тыл афганцам, потом по переправам, где толпился противник, затем по его скоплениям, на высотах другого берега и по орудию, расположенному на Ак-тепе.

Афганцы не оставляли попытки оборонять правый берег Кушки и строились на южном краю лагеря, конница южнее пехоты, в то время как единственное их орудие действовало с Ак-тепе. Однако, когда русская кавалерия вышла рысью на холмы, недавно занятые лагерем противника, его войска утратили боеспособность, перемешались и начали паническое бегство. Англичане с раннего утра наблюдали за боем с холма, а потом отошли с афганцами.

Бой затих, но единичные выстрелы звучали еще долго. Некоторые афганцы скрылись в складках местности и под мостом и стреляли в наших. Лагерь был занят русскими около 8 часов утра, вскоре были уничтожены или взяты в плен продолжавшие сопротивление фанатики.

Русские захватили лагерь неприятеля с запасами продовольствия (мукой и ячменем), 8 орудий с зарядными ящиками и артиллерийскими припасами, большое количество пороха и свинца, множество барабанов и труб,

большое количество сотенных значков, два батальонных знамени, большой бунчук, 70 верблюдов. Число убитых по разным оценкам колебалось от 400 до 1500. Пленных из-за отсутствия преследования было захвачено 24 человека: в том числе 7 не раненых и 17 раненых. Велики были потери и среди афганского командования и офицеров: Наиб-Салар ранен двумя пулями в бедро, убиты один корнель, два капитана, начальник хазарейской кавалерии Шир-хан.

Потери русских были сравнительно невелики: убито 9 человек и 7 лошадей, ранено 22 человека и 11 лошадей, контужено 23 человека. Большую часть потерь понесли конница и сводный Закаспийский батальон (все 9 убитых и 21 раненый), у туркестанцев — всего двое раненых. Генерал Комаров в рапорте командующему войсками Кавказского военного округа указывал: «Полную победу я могу приписать доблестному поведению всех чинов отряда. Начальники колонн выказали в превосходной степени дух почина <...> когда нужно было одной части поддержать другую для достижении общей поставленной цели; все гг. офицеры служили прекрасным примером беззаветной храбрости и исполнительности для нижних чинов. Нижние чины исполняли каждую команду без замедления так дружно и стройно, как не всегда и на ученьи. Во все время боя ни один человек не ступил ни шагу назад. Джигиты употребляли все усилия стать достойными Государевыми слугами и своею кровью заслужили право на братское товарищество с регулярными войсками».

Мургабский отряд не преследовал отступавшего неприятеля, демонстрируя миролюбие. На следующий день в русский лагерь прибыла депутация пенджинских сарыков. Командующий войсками приказал им выбрать старшин и передал управление оазисом Овез-Беку, внушившему доверие русским властям и пользовавшемуся авторитетом среди соплеменников.

Столкновение у Таш-Кепри вызвало острое недовольство в Лондоне. Британские дипломаты обвиняли Россию и генерала Комарова в нарушении заключенных ранее соглашений и занятии местностей, отходивших по соглашению к Афганистану. В свою очередь российские представители отметили, что столкновение было вызвано только дерзкими вылазками афганцев, и выразили надежду на успешное продолжение переговоров о разграничении.

Консультации продолжались вокруг трех спорных проблем: владения Зульфагарским горным проходом и границ его территории, пункта, где граница должна была пересечь Мургаб, и направления границы между Мургабом и Аму-Дарьей. Обмен нотами и переговоры в Лондоне и Петербурге и одновременные съемки местности и работа пограничных комиссаров с целью уточнения карт и принадлежности тех или иных территорий продолжались до конца августа (начала сентября по новому стилю) 1885 г. Восточные выходы из Зульфагарского ущелья остались за Россией, что позволяло пресечь набеги разбойничьих шаек с сопредельной афганской территории.

Граница в горах

Комиссия по разграничению осенью 1885 года приступила к демаркации рубежей между Российской империей и Афганистаном. В сентябре 1886 года она завершила свою работу. Пендинский оазис присоединился к русским владениям, и на границе с Афганистаном была сооружена важная русская укрепленная база — Кушка. Год спустя граница между русской Закаспийской областью и Афганистаном (нынешняя граница Туркмении с Афганистаном) была окончательно установлена.

Оставалось определить границу Афганистана в северо-восточной части, примыкающей к Памиру. Действовавшее

с 1873 года англо-русское соглашение признало северо-восточной границей Афганского государства Аму-Дарью. Тем не менее в 1883 года эмир Абдуррахман ввел афганские войска в памирские области Вахан, Шугнан и Рушан, находившиеся за этой установленной чертой.

Афганский эмир действовал под давлением британского правительства, пытавшегося отодвинуть афганскую границу в этом районе на север, закрыв России путь к Гиндукушу, и приобрести выгодные позиции на Памире. Весной 1886 года англо-индийское командование отправило из Гильгита отряд в направлении Читрал — Бадахшан, кроме того, вооружило дислоцировавшиеся в пограничном районе афганские войска современными казнозарядными винтовками. Одновременно начались работы по проведению телеграфной линии из Кабула в северную пограничную область. Русский политический агент в Бухаре Николай Чарыков в донесении в апреле 1886 года указывал, что появление в Бадахшане даже небольшой англо-индийской воинской части неизбежно укрепит стремление афганского эмира удержать за собой Шугнан и Рушан и возбудит в местном населении памирских ханств, Восточной Бухары и Ферганы ожидание войны между русскими и англо-афганцами.

2 июня 1891 года для выяснения ситуации на Памире была направлена экспедиция под руководством командира 4-го Туркестанского линейного батальона полковника Михаила Ионова. Несмотря на трудности, отряд Ионова провел рекогносцировку, чем обеспокоил британцев, опасавшихся внезапного появления русских войск в предполье Индии. В мае 1892 года Англия и Россия договорились, что Великобритания не будет претендовать на Памир, если Россия не будет предпринимать активность в регионе. 2 июня 1892 года уже более крупный отряд под командованием Ионова (более 950 человек) направился на

Памир. Во время второй экспедиции саперы при помощи солдат и местного населения возвели первое укрепление в приграничной местности в местечке Шаджан на реке Мургаб. На зимовку остались 160 охотников и 40 казаков, чтобы продемонстрировать афганцам готовность оградить Восточный Памир от их посягательств. В 1893 году был сформирован новый погранпост в Памире (рота пехоты, полусотня казаков, два пулемета, взвод горной артиллерии) на более выгодном месте, пост получил название Мургаб. В 1894 году началось строительство колесной дороги под руководством подполковника Бронислава Громбчевского для соединения Алайской и Ферганской долин.

В июне 1894 года отряд капитана Александра Скерского выдвинулся на юг, встретил афганские войска, вчетверо превосходящие его по численности, и остановился. Афганцы вели себя вызывающе, но атаковать не решались. Когда в августе подошли главные силы под командованием Ионова, афганцы отступили к Хорогу и впоследствии вернулись на афганскую территорию. Ионов, соединившись с отрядом Николая Юденича в Хороге, провел рекогносцировки в Рушане, афганцы вынуждены были покинуть эти районы.

27 февраля 1895 года Москва и Лондон достигли соглашения о разделе русской и британской сфер влияния на Памире, границей Афганистана признавалась река Пяндж, в связи с этим афганцы должны были очистить правый берег реки. 29 августа был подписан соответствующий протокол. После разграничения был создан Памирский пограничный отряд под командованием Карла Кивекэса.

Памирский отряд был одним из первых подразделений погранохраны в регионе. 6 июня 1894 года по представлению министра финансов и шефа отдельного корпуса погранстражи Сергея Витте император Николай II подпи-

сал указ «Об устройстве пограничного надзора в Средней Азии». В следующем году сформировали 31-ю Аму-Дарьинскую пограничную бригаду (25 офицеров, 4 врача и ветеринара, 915 нижних чинов). На современной таджикско-афганской границе были созданы 22 погранпоста, штаб бригады располагался в Патта-Гиссаре (Новый Термез).

Кроме 31-й Аму-Дарьинской в 7-й округ ОКПС входила также 30-я Ашхабадская бригада. Из-за жаркого климата и тяжелых бытовых условий летом малярией болели до половины пограничников. К началу XX века штат 31-й бригады увеличили на 31 офицера, 4 врачей, 10 субалтерн-офицеров и 900 нижних чинов. В 1913 году на бухарско-афганской границе дополнительно сформировали Богоракский пограничный отряд.

Усиление пограничной охраны на афганском участке оказалось обоснованным: с 1913 года Германия активизировала деятельность своей агентуры в Иране. Летом 1915 года в Афганистан была направлена миссия под руководством военного разведчика Оскара фон Нидермайера и дипломата Вернера Хентига. В состав миссии включили представителя афганского эмира в Европе Мохаммеда Баракатуллу, раджу Кумара Махендра Пратапа, а также шесть пуштунов-афридиев, целью которых была дестабилизация в зоне пуштунских племен и в Индии.

В июне 1915 года Нидермайер направил несколько мелких отрядов по разным маршрутам, пытаясь дезориентировать русских и англичан. Затем в Афганистан двинулась основная часть миссии. Немецкий разведчик предполагал, что Россия и Великобритания попытаются перехватить караван в пути, и выбрал направление через пустыню Деште-Кевир. Колонна двигалась к ирано-афганской границе ускоренным маршем, по 40–50 км за ночь. Эта скорость не позволила русским и британским войскам уничтожить неприятеля.

30 июля 1915 года небольшому отряду казаков удалось окружить группу немцев. Перестрелка продолжалась весь день, а ночью германский отряд смог просочиться через боевые порядки русских, оставив часть оружия и денег, предназначавшихся для снабжения пуштунских племен во время восстания. 15 августа русский конный отряд обнаружил след миссии Нидермайера и пустился в погоню. Немцы опережали казаков на сутки и казались вне досягаемости. Тем не менее преследование каравана продолжалось несколько дней и остановилось неподалеку от афганской границы.

В ночь на 21 августа 1915 г. германская миссия прибыла в Афганистан. Обстановка в стране и полосе «независимых» племен складывалась благоприятно для выполнения задач миссии. Турецкий султан Мехмет V, халиф мусульман-суннитов мира объявил джихад Англии и ее союзникам. Это вызвало воодушевление многих исповедовавших ислам жителей Афганистана и Британской Индии.

Однако в Афганистане немцы совершили серьезный просчет. Чтобы ускорить антибританское выступление пуштунов, они приступили к подготовке переворота для свержения эмира Хабибуллы, который, как считала германская миссия, тормозит подготовку восстания племен. Этим воспользовались британцы, сообщившие о заговоре эмиру и пообещавшие ему повысить ежегодную субсидию до 2,4 млн рупий и выплатить еще 60 млн рупий по завершении войны. Хабибулла немедленно прервал отношения с немцами и распорядился выслать миссию из страны. В мае 1916 г. Нидермайер, Хентиг и их сотрудники вынуждены были выехать из Афганистана.

Британская и российская спецслужбы начали охоту за руководителями миссии, им пришлось спасаться разными дорогами. Нидермайер через Мазари-Шариф и Герат перебрался в Персию. С помощью своей агентуры, пере-

одевшись в купца, он отправился через Турцию в Германию. Угроза восстания в зоне племен и в приграничных с Россией районах Афганистана значительно снизилась.

Монарх — союзник большевиков

Воцарение Аманулы-хана 21 февраля 1919 года, провозгласившего курс на реформы и независимость страны, изменило расстановку сил в регионе. Борьба афганцев против Великобритании за независимость продолжилась в мае-июне 1919 года. Короткая война завершилась вничью: афганцам не удалось закрепить успехи первых недель боев из-за большого превосходства англо-индийской армии в численности и вооружении. Англичане предпочли сосредоточиться на подавлении национально-освободительного движения в Индии и ограничить операции по периметру границ. 8 августа в городе Равалпинди (ныне — на территории Пакистана) стороны подписали договор, подтверждавший границу между Афганистаном и Индией по линии Дюранда и отменявший британские субсидии афганскому эмиру. Это было признанием независимости Афганистана.

Опасаясь попыток англичан восстановить статус-кво, Аманулла пытался найти поддержку среди потенциальных противников, в частности Советской России и Турции. 7 апреля 1919 года он направил руководству РСФСР послание с просьбой об установлении дружественных отношений между двумя государствами. «Я счастлив впервые от имени стремящегося к прогрессу афганского народа направить Вам свое настоящее дружественное послание независимого и свободного Афганистана», — подчеркнул монарх. Москва стремилась наладить дружеские связи с Кабулом. 27 мая председатель Совнаркома РСФСР Владимир Ленин и глава Всероссийского центрального

исполнительного комитета Михаил Калинин в письме Аманулле-хану отметили: «Приветствуя намерения Вашего Величества завязать близкие сношения с русским народом, мы просим Вас назначить официального представителя в Москву и с своей стороны предлагаем послать в Кабул представителя Рабоче-Крестьянского Правительства, о немедленном пропуске которого просим Ваше Величество сделать распоряжение всем властям. Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние».

В апреле 1919 года в Москву с неофициальной миссией был направлен представитель Аманулы-хана Мохаммед Баракатулла, бывший в 1915 году с германской миссией в Кабуле. По заданию эмира в апреле 1919 года он оказался в столице Советской России для переговоров о сотрудничестве большевиков с Афганистаном и антибританскими организациями в южной Азии. 22 апреля 1919 года Баракатулла послал Ленину свою первую записку, предложив услуги в борьбе с общим врагом большевиков и мусульман англичанами». Представитель Аманулы утверждал, что новый афганский эмир — убежденный англофоб, что позволяет открыть двери Индии для РСФСР, если советское правительство сумеет немедленно использовать благоприятное стечение обстоятельств.

Баракатулла предлагал совнаркому РСФСР создать военный союз с Аманулой против Великобритании и просил выделить Кабулу деньги и вооружение для подготовки к войне. Он уверял, что в случае войны к Афганистану присоединятся пуштунские племена, и «тогда революция в Индии станет неизбежной». Посланец Аманулы пытался убедить Кремль, что Советской России следует

активизировать боевые операции в Туркестане со стратегической целью похода в Индию, а для сосредоточения необходимых для этого сил в Средней Азии командование Красной армии должно перейти к обороне на других направлениях. Одновременно он подчеркивал, что в Афганистан необходимо направлять только дисциплинированные войска, способные удерживаться от действий, которые могут вызвать возмущение местного населения, для чего желательно сформировать части, укомплектованные российскими мусульманами.

Баракатулла требовал у большевиков типографское оборудование, английские и персидские шрифты, а также бумагу для издания «книг и памфлетов религиозно-политического характера для привлечения мусульманского населения и намеревался направить в зону племен проповедников ислама.

7 мая 1919 года Ленин принял Баракатуллу. Записи разговора руководителя советского государства с представителем Аманулы не сохранилось. Но, вероятно, Ленин в создавшейся обстановке на фронтах Гражданской войны не мог обещать индусу значительной помощи.

10 июня РСФСР сообщила афганской миссии в Ташкенте о признании независимости и готовности установить дипломатические отношения. В октябре 1919 года посол Афганистана Мухаммед Вали-хан и сопровождавший его высший судья афганской армии Сейфуррахман-хан были приняты лично Лениным и коллегией наркомата иностранных дел.

Установление афгано-советских отношений не означало устранения территориальных претензий и взаимных противоречий. Прибывшая в Кабул летом 1919 года советская дипломатическая миссия была блокирована. Впрочем, у афганцев были основания видеть в ней угрозу:

в состав конвоя входили 107 коммунистов-сартов (узбеков) и младобухарцев для ведения политработы среди афганцев и агитации за продолжение войны с Англией. Советская Россия была согласна поддерживать революционера на троне, но ее помощь не могла быть значительной из-за продолжавшейся Гражданской войны и вызванной ей разрухи. Ключевой целью Кремля было не только укрепление власти нового афганского эмира, но и создание угрозы британским владениям, стимулируя революционные и сепаратистские настроения среди кочевых племен северо-западной Британской Индии. Работа Коминтерна, направленная на резкую, нередко искусственную, активизацию национально-освободительной и межсословной борьбы провоцировала нестабильность и в самом Афганистане, что не могло не вызвать недовольства афганских властей. Как отмечал в телеграмме в Москву в сентябре 1919 года полпред в Афганистане Николай Бравин, один из немногих царских дипломатов, перешедших на советскую службу, афганское правительство не разрешило вывесить над полпредством и консульствами советский флаг, а также вывеску с гербом. Кроме того, Кабул не разрешил открыть консульства в Кандагаре и Джелалабаде, наиболее важных для связи с Индией, а эмир намеревался отправить в Бухару инструкторов для организации сопротивления возможному наступлению Красной армии. «Я решительно утверждаю, что Афганистан уже не друг нам. Мне дано понять, что Афганистан заключил с Англией прочный мир и вновь с ней воевать не намерен», — резюмировал Бравин. Тем не менее налаживание отношений продолжалось. В декабре 1919 г. в Кабул прибыли новый советский полпред Яков Суриц и сопровождавшие его сотрудники. Вместе с советской миссией в афганскую столицу были направлены президент «Временного правительства Индии» Кумар

Махендра Пратап и Абдур Раб. Индийские националисты намеревались организовать своих соотечественников в Афганистане для подрывной деятельности против Великобритании. Советская миссия стремилась воспользоваться антианглийскими настроениями Аманулы и его окружения для развертывания революционного движения, но этому мешали взаимное недоверие между Сурицем и Бравиным, недовольным своим отстранением от должности полпреда. Бравин отказывался подчиняться Сурицу, которого он считал некомпетентным «всеазиатским сверхуполномоченным», и настойчиво требовал у НКИДа убрать некомпетентного в восточных делах эмиссара. Противостояние с Сурицем закончилось для Бравина драматично: вскоре после сложения дипломатических полномочий в январе 1920 г. и отказа вернуться в Россию он погиб при невыясненных обстоятельствах. В его смерти можно подозревать и афганские власти, и советских секретных агентов: бывший полпред лично участвовал в тайных двусторонних переговорах, и риск разоблачения замыслов Москвы и Кабула был весьма велик.

Осенью 1919 года советские руководители осознали провал планов рабочей революции в Западной Европе. В Кремле укрепилось мнение, что путь на Париж и Лондон лежит через Афганистан, Пенджаб и Бенгалию. В конце 1919 года при Туркестанской комиссии ЦК организовали Совет интернациональной пропаганды на Востоке (СИП), управлявший закордонной деятельностью революционных и боевых групп в регионе через приграничные отделения на турецкой, персидской, афганской, бухарской и синьцзянской границах. Ключевой целью их работы поначалу стали Бухара и Персия, Афганистан занимал в круге интересов СИП второстепенную позицию, будучи по замыслам руководителей коридором для проникновения революционеров, агитационных материалов, оружия

и боеприпасов в Индию. Кроме того, в конце 1919 года при Туркестанской комиссии ЦК РКП(б) был организован Совет Интернациональной пропаганды Востока (СИП), управлявший деятельностью революционных организаций в центральной и юго-западной Азии.

Кабул, в свою очередь, потребовал ввести афганские гарнизоны в Термез, Керки и Кушку, построить за российский счет радиотелеграфную линию Кушка — Кабул, признать независимость Бухары, ограничить численность посольства (15 чел.) и консульств (5 чел.), а также получения от их сотрудников подписки об отказе от ведения большевистской агитации. Антирусские настроения в окружении Аманулы-хана соединялись с панисламистскими и пантюркистскими проектами, предполагавшими захват сопредельных территорий, например создания нового государства, включавшего в свой состав Афганистан, Кокандское ханство, Бухарский и Хивинский Эмираты.

В декабре 1919 г. афганские власти установили связь с одним из лидеров басмаческого движения в Туркестане Мадамин-беком и взяли курс на поддержку антисоветских сил. Кабул намеревался выдвинуть афганские границы к линии Туркестанской железной дороги, что могло создать серьезную угрозу снабжению Средней Азией топливом и подвозу резервов в случае войны и затрудняло вывоз сырья из региона.

Если верить записям одного из соратников Аманулы Али Ахмада, афганский эмир направил в Бухару импровизированную воинскую часть из 200 пехотинцев, усиленную двумя слонами и несколькими пулеметами. Эта экспедиция стала известна и советским дипломатам. Аманулла-хан даже просил винтовки у англичан, чтобы помочь единоверцам в Бухаре и Хиве, но дважды получал отказ. Аманулла и его соратники, бывшие последовате-

лями пантюркистских идей, пытались воспользоваться ослаблением центральной власти в принадлежавшей Российской империи части Туркестана для усиления влияния в Бухаре, Хиве и Фергане и даже их присоединения к мифической центральноазиатской державе. В частности, Кабул охотно принял на афганской территории свергнутого в ходе наступления Красной армии в августе-сентябре 1920 года бухарского эмира Сеид Алим-хана и пытался оказать ему помощь в возвращении престола.

Кабул, несмотря на антиимпериалистическую риторику, был готов уступить стороне, способной предоставить более значительные материальные и финансовые ресурсы. Аманулла-хан намеревался разорвать отношения с РСФСР взамен на получение 20 000 винтовок и 12 аэропланов от Лондона. Готовность эмира, только что получившего от Москвы половину субсидии в 500 000 руб., переметнуться на сторону недавнего противника, удивила даже хорошо знакомых с восточным коварством англичан.

Афганские власти, в свою очередь, стремились использовать поддержку РСФСР, а затем СССР для ведения более сбалансированной внешней политики, играя на советско-британских противоречиях. Сохранявшиеся архаичные клановые, межплеменные и межнациональные отношения и слабость охраны государственной границы не позволяли Кабулу полностью устранить крайне неприятную для Москвы и Ташкента поддержку антисоветского движения бежавшими из советского Туркестана басмачами и простыми декханами в приграничных районах. Провинциальные власти на севере Афганистана далеко не всегда были способны противодействовать переходу границы в обе стороны и нападениям на советскую территорию. В частности, в мае 1920 г. Политбюро вынуждено было рассмотреть требования Кабула о возмещении убытков афганским подданным от нападений джемшидов. Племя, не

признавшее власти Аманулы, эмигрировало в советский Туркестан и поселилось в окрестностях Кушки. Время от времени джемшиды совершали набеги на сопредельную территорию Афганистана, что вызывало протесты Кабула. Высшее руководство РКП(б) предложило заместителю наркома иностранных дел Льву Карахану в дальнейших переговорах добиться сокращения требований и установить более длительный срок сдачи требуемых предметов.

В свою очередь, Москва некоторое время поддерживала живших в Бухаре младоафганцев. Они создали центральный комитет революционеров, намеревавшийся свергнуть монархию и установить в стране республику. Эмигранты намеревались при поддержке Советской России создать подпольные организации в приграничных районах и вести пропагандистскую работу в армии, но уже в 1921 году работа комитета была свернута. Попытки сформировать леворадикальные организации в эмигрантской среде и самом Афганистане потерпели неудачу из-за нежелания афганцев следовать чуждым для них политическим учениям. Советские руководители, за исключением лидеров Коминтерна, вынуждены были сменить приоритеты и сделать ставку на сотрудничество с властями Афганистана.

Продолжавшаяся борьба пуштунских племен, разделенных границей между Афганистаном и Британской Индией, порождала иллюзии о возможности экспорта революции через зону племен. Индийские националисты Манабендра Рой, Мохаммад Баракатулла и другие пытались получить от Советской России поддержку в противостоянии британским колонизаторам, представляя свои воззрения за революционные. Они настаивали, что подготовили базы и повстанческие отряды по всей северо-западной Индии. По их мнению, в случае устранению острого дефицита вооружения и боеприпасов при содействии афганских вла-

стей восставшие племена сумеют добиться значительных военных успехов и дестабилизируют обстановку на большой территории. Наиболее упорно получения финансовой и военной помощи от РСФСР добивался руководитель «Временного правительства Индии» в Кабуле и неофициальный представитель афганского эмира Мохаммад Баракатулла. В 1920 году советское руководство и Коминтерн готовились направить в Кабул военно-политическую миссию во главе с представителем Коминтерна Михаилом Бородиным и индийским активистом Манабендрой Роем, который разработал «План военных операций на границах Индии». По замыслу Роя, на Коминтерн возлагалась задача доставки пуштунским племенам значительного количества оружия и подрывных материалов для уничтожения и повреждения железных дорог, телеграфных и телефонных линий, взрыва мостов, чтобы предотвратить быструю переброску британских войск, и мобилизации местных сил. Чтобы дезорганизовать тыл англичан, индийские революционеры намеревались организовать всеобщую забастовку и восстания в индийских подразделениях колониальной армии. После начала волнений Рой предполагал поддержать их наступлением многочисленной армии, сформированной в основном из пуштунов, вооруженных современным оружием из Афганистана в Пенджаб. Часть командиров революционной армии планировали обучить в специальной военной школе для подготовки командирского состава из индийских революционеров. Рой рассчитывал через полгода направить 100 «революционных офицеров» в зону пуштунских племен, для формирования «индусской бригады». Подготовка миссии Бородина — Роя в Афганистан пытались активизировать в июле-августе 1920 года, во время работы Второго конгресса Коминтерна, однако к середине августа стало ясно, что Красная армия завязла в предместьях Варшавы и Львова, в северной

Таврии активизировалась белая армия. Обстановка на польском и врангелевском фронтах осложнилась, и требовалась концентрация военных и политических усилий на решающих направлениях. В конце августа Бородин обратился к Ленину с просьбой о встрече и ускорении отправки миссии. Он посетовал, что Москва не может выделить истребованного индийскими националистами вооружения (около 20 000 винтовок и соответствующего количества пулеметов и орудий), поскольку Советская Россия не в состоянии организовать и содержать длительное время новый Восточный фронт, который потребует восполнения запасов вооружения и боеприпасов. Кремль ограничился выделением средств для агитации и пропаганды (типография из 6 полученных из Германии печатных станков), 2 млн золотом для вербовки новых сторонников и подкупа местных чиновников, а также 4000 гранат и трех аэропланов, задачей которой было распространение печатных изданий и тайная доставка боеприпасов диверсионным отрядам. При этом Бородин деликатно отказывался от должности полномочного представителя в Кабуле, видимо, осознавая провальные перспективы возможного похода в Индию. Тем не менее Бородин просил Ленина встретиться с индийскими революционерами, однако тот отказался от личной аудиенции. В разгар польского контрнаступления и боев под Каховкой и в Донбассе у председателя Совнаркома были проблемы поважнее. Бородин намеревался выехать в Ташкент 3 сентября, но отправка советско-индийской миссии задержалась из-за несогласованности и противоречий Коминтерна и НКИД.

В итоге миссия прибыла в Ташкент лишь в конце сентября. Когда после долгого пути она наконец добралась до Афганистана, власти страны не позволили русским и индийским революционерам непосредственно встретиться с представителями приграничных племен. Аманулла-хан

не разрешил Коминтерну вести пропагандистскую работу среди свободолюбивых жителей гор и долин, опасаясь военного противоборства с Англией. Афганский правитель предвидел угрозу мятежей в случае масштабного развертывания Коминтерном подрывной деятельности в Афганистане. В Кабуле получили информацию, что в Туркестане при содействии Туркбюро Коминтерна из представителей разных национальностей и племен организован «Центральный революционный комитет» с целью «освобождения угнетенных народов Афганистана». Во время вынужденной задержки в Ташкенте Рой укрепил опасения Кабула. На одном из совещаний с афганским консулом Хади-ханом индийский революционер заявил, что база в Кабуле ему нужна, чтобы организовать «коммунистическую» революцию в Индии, и добавил, что после намерен организовать советское правительство в Афганистане.

Кроме того, в конце октября 1920 года к Рою из Северо-западной пограничной провинции прибыл вазир Акбар Шах, скрывавшийся под псевдонимом Селим хан, воевавший вместе с пуштунами на стороне афганцев. Акбар Шах стремился встретиться с Лениным, у которого надеялся получить вооружение и деньги для регулярно восстававших против британского владычества племен.

Индийский революционер переправил пуштуна в Советскую Россию, передав ему рекомендательное письмо к Карахану. Однако все просьбы Акбар Шаха отклонили в Москве. В ноябре 1920 г. вслед за Акбар Шахом в Ташкент прибыли очередные эмиссары от независимых племен. Делегацией из 10 человек руководили Мохаммед Икбал и Абдул Хак, получившие от Роя 1000 царских червонцев и афганские деньги. По планам Туркбюро Коминтерна, Абдул Хаку и его соратникам поручалась организация повстанческого движения в населенных пуштунами районах Британской Индии.

Однако Абдул Хак внезапно повел совсем иную игру. Получив аудиенцию у Аманулы, он попытался дезинформировать его сообщением о подготовке РСФСР переворота с целью свергнуть эмира. Затем Абдул Хак передал ложные сведения генералу Надир-хану, поддерживавшему ранее посланцев Роя. Недавний соратник индийского революционера стремился настроить афганские власти против Коминтерна и советских дипломатов.

Кроме того, Абдул Хак лишил посланцев пуштунов средств для работы среди племен. Он попытался сбежать в Индию, присвоив полученные в Ташкенте деньги и золото, но его задержали афганские полицейские, получившие из Кабула данные о перехваченном письме Абдул Хака к английскому комиссару пограничной провинции Гамильтону Гранту, где он уведомлял чиновника, что «едет из Ташкента с ценными сведениями», и просил дать распоряжение о его пропуске через индо-афганскую границу.

Разоблачение Хака как британского агента было делом времени, но советская сторона пыталась выяснить, какие сведения через провокатора получили англичане. Полпред Суриц настойчиво просил у афганского министра иностранных дел Махмуд-бека Тарзи передать шпиона советским властям для детального расследования его деятельности, обязуясь вернуть Абдул Хака в Кабул. Однако просьбы полпреда о выдаче или допросе шпиона представителями советских спецслужб в афганской тюрьме не были удовлетворены. Кроме того, афганские власти так и не возвратили Советской России ценности, изъятые у провокатора при аресте.

Коминтерн, в свою очередь, справедливо предполагал, что посредничество афганских чиновников при распределении денег и вооружения среди мусульман северо-западной Индии приведет к присвоению их большей части местными деятелями. Опасения советского вмешатель-

ства и противоречия из-за Бухары не препятствовали Аманулле принять в августе 1920 года в дар от Советской России мощную радиостанцию с техническими специалистами для ее обслуживанию: теперь Москва и Кабул получили возможность в случае необходимости быстро обмениваться информацией и мнениями.

Впрочем, к концу 1921 года стало ясно, что цели Коминтерна и афганского правительства в приграничных провинциях нынешнего Пакистана резко расходятся: в Москве надеялись создать обширный повстанческий район, угрожавший британскому господству в Индии, тогда как Кабул продолжал надеяться на присоединение СЗПП к Афганистану, что не входило в планы лидеров и функционеров революционной организации.

Нестабильная обстановка в советском Туркестане порождала регулярный переход границы с обеих сторон. Ее охрану было трудно наладить из-за слабости контроля за приграничными территориями. Периодические стычки порождали новые политические и территориальные претензии. Чтобы укрепить отношения и урегулировать взаимные претензии, РСФСР заключила с Афганистаном 28 февраля 1921 года договор о дружбе. Москва и Кабул договорились не заключать соглашений, направленных против одной из сторон. РСФСР предоставила Афганистану право свободного и беспошлинного транзита грузов через свою территорию, кроме того, обязалась оказывать Афганистану денежную и материальную (под последней предполагалась военная) помощь. В предварительной версии договора предполагалась передача 12 аэропланов, 8 зенитных орудий, 5000 винтовок с соответствующим количеством боеприпасов и строительство порохового завода. Москва по техническим и политическим причинам (опасаясь, что вооружение окажется у басмачей) приоста-

новила поставки. Полпред в Кабуле Суриц недостаточно знал настроения афганской элиты и ее привычки лавировать между противниками, чтобы добиться максимальных уступок, и неоднократно направлял в Москву тревожные шифровки, утверждая, что Аманулла и его окружение не подпишут соглашение и намерены заключить союз с Англией. Последнюю телеграмму о возможной перемене политического курса Кабула Суриц отправил 17 июня — в день, когда Аманулла и совет министров поддержали подписание договора. Впрочем, и после заключения договора инциденты на границе и взаимные обвинения продолжались. В частности, в ночь на 29 октября отход басмачей после их рейда на приграничные селения в Кушкинском районе прикрыли подразделения афганской армии, что позволило банде оторваться от преследования подразделений пограничников и Красной армии и переправиться обратно через границу. Впрочем, как отмечал новый полпред Федор Раскольников, в Кабуле испугались случившегося и обещали немедленно провести расследование. Военный министр неофициально сообщил полпреду, что поддержавший басмачей руководитель пограничной стражи в провинции Герат Абдул Рахим-хан будет уволен. «Очевидно, что центральное правительство в этих деяниях не замешано и если сочувствует им, то лишь в тех случаях, когда они удачно сходят с рук. Есть основания полагать, что на этот раз официальные лица, склонные к легкой наживе, понесут заслуженное наказание», — подытожил Раскольников.

Король или Коминтерн?

После ратификации документов в Кабуле РСФСР из-за споров вокруг Бухары и Хивы, а также опасений, что афганские власти переправят часть полученного вооруже-

ния антисоветским формированиям, не выдала Аманулле даже оружие и боеприпасы, доставленные в Кушку, что вызывало раздражение афганского правителя и его окружения. Недовольство советской политикой нарастало. Нарком иностранных дел РСФСР Георгий Чичерин в письме Сталину от 22 марта 1922 года, отмечал, что дальнейшая отсрочка выдачи указанных в договоре вооружения и боеприпасов способна вызвать негативные последствия в советско-афганских отношениях и может толкнуть его к враждебным шагам. По мнению наркома, это означало нарушение обещаний советских дипломатов. «Если бы мы хотя бы в небольших размерах начали передавать афганцам предназначенное для них, это показало бы афганцам, что мы приступаем к выполнению наших обязательств и что в нашей политике не произошло резкого поворота… У нас нет конкретных несомненных фактов оказания помощи басмачам Афганистаном. Наши восточные разведывательные органы, весьма мало солидные, распространяют алармические (тревожные. — *Авт.*) сведения, сеют панику, но проверенных фактов мы не имеем», — отмечал нарком.

Одновременно военно-политическую ситуацию в Афганистане анализировал один из выдающихся отечественных ученых-востоковедов, генерал-лейтенант русской армии Андрей Снесарев. В цикле лекций, прочитанных слушателям Военной Академии РККА, он писал: «Надо помнить, что люди живут в Афганистане отдельными общинами, гордыми и свободолюбивыми, связанными в одно целое условно и искусственно. Если вы и возьмете такой центр этой страны, которым является Кабул, то это еще ничего не значит. Войны афганские показали, что взятие англичанами Кабула не знаменовало покорения страны или ее усмирения, а наоборот — всеобщее народное восстание.

Страна не вызывала жадности могучих соседей, а если они и заходили в нее, то на очень короткое время, это давало хорошую канву для развития в молодом народе чувства свободолюбия и независимости. Ресурсы в стране были скудны, приходилось делиться последним, отсюда гостеприимство, как выпуклая черта в народном характере. Но та же бедность побуждала искать средств и богатств вне, искать их набегом, украдкой, грабежом и притворством, а отсюда жадность, грабительские инстинкты, лукавство, вероломство как отличительные черты афганцев. Климат Сулеймановых гор жаркий и сухой, что повлияло на народ в смысле выработки в основе его психики жгучего темперамента: вспыльчивости, горячности, мстительности.

Перейдем к реальной оценке Афганистана. Может ли он быть сам по себе ценен? Мы имеем перед собой страну с 5 млн населения, очень бедную, примитивную, без техники, без культуры. По-видимому, нет смысла ни для нас, ни для англичан тянуться за этой полудикой, неуравновешенной, всегда взбудораженной страной. Чего мы могли бы достигнуть, обладая ею? О минеральных богатствах нечего и говорить... Придать земле культурность можно, но это потребовало бы много времени, огромных трат и сулило бы все же скромные результаты... Ясно, Афганистан сам по себе никакой ценности не представляет. Это горная страна, лишенная дорог, с отсутствием технических удобств, с разрозненным и ненадежным населением, а это ненадежное население сверх того свободолюбиво, отличается гордостью, дорожит своей независимостью. Если этой страной и можно овладеть, то удержать ее в руках очень трудно, на заведение администрации и заведение порядка потребуется столько ресурсов, что страна этих трат никогда не вернет: ей вернуть их не из чего. Если вдуматься в существо его политической ценности, то она главным образом сведется к тому, что Афганистан

включает в себя операционные пути на Индию». Мнение Снесарева подтвердили экспедиция Примакова 1929 года и события, последовавшие после афганской революции и ввода советских войск в Афганистан в 1980-х гг., с той лишь разницей, что в отличие от 1920-х гг. СССР вряд ли намеревался устраивать революцию в Пакистане и Индии.

Тем временем советское руководство пыталось закрепиться на Памире, чтобы окончательно установить Советскую власть в отдаленном районе. Другой целью была организация с высокогорной территории, граница которой с Афганистаном слабо контролировалась, связи с антибританским подпольем и налаживание революционной работы в северных районах Индии. Летом 1921 г. под руководством Туркестанской ЧК в городе Ош был сформирован отдельный Памирский экспедиционный отряд под руководством чекиста Таричана Дьякова, заместителем которого был назначен молодой Михаил Аллахвердов, ставший в начале Великой Отечественной войны резидентом советской внешней разведки в Афганистане. Памирская экспедиция организовывалась как совместная операция ВЧК, разведотдела Туркестанского фронта и Наркомата иностранных дел. Заместителями Дьякова были назначены сотрудник военной разведки Евгений Петровский и представитель НКИД Эрнест Пумпур.

Организация и тяжелая горная дорога затруднили движение отряда, 150 командиров и красноармейцев достигли Хорога только 18 сентября 1921 года, многие после длительного пути были оборваны и больны. Бытовые затруднения ужесточались межведомственными противоречиями. Непродуманные действия и порывистый характер Дьякова, подозревавшего своих замов в шпионаже и даже арестовавшего Петровского, поставили под угрозу выполнение поставленных отряду дипломатических и военных задач.

Представители Разведупра и НКИД попали под подозрение Дьякова, поскольку стали использовать для агентурной работы исмаилитские структуры, выработавшие строгую конспирацию и создавшие тайные каналы связи во многих регионах Центральной Азии. Дьякова в итоге отозвали с Памира, но и попытки Пумпура наладить связь с зоной племен через Памир и афганский Бадахшан потерпели неудачу. Первую миссию, отправленную через Афганистан, задержали в 1922 году местные власти, вторую — англичане. Провал советских попыток не был случайностью. Британские спецслужбы сохранили часть осведомительной сети в Афганистане и в Средней Азии, завербовав новых агентов во время гражданской войны, кроме того они перехватывали радио- и телеграфные сообщения советских дипломатических и государственных структур, а качественная работа органов дешифровки позволяла быстро узнавать секреты, которые, как надеялись отправители, надежно спрятаны под беспорядочным нагромождением цифр и букв.

В сентябре 1922 года полпред Федор Раскольников повторно указал Политбюро на необходимость соблюдать заключенные прежде соглашения, особенно в части поставок вооружения и финансовой помощи. «Интересы нашей восточной политики повелевают удержать Афганистан вне орбиты английского влияния. Лучшим средством осуществления этого сопротивления в такой отсталой стране как Афганистан с его полуфеодальным бытом является привлечение его симпатий на нашу сторону путем лояльного выполнения договора», — писал дипломат.

Чтобы нанести удар Великобритании, большевики воспользовались также помощью турецких националистов. Бывший военный министр Османской империи Джемаль-паша предложил РСФСР собственный план новой

афгано-британской войны и революции в Индии. Совнарком после недолгих консультаций отправил его в Кабул, и в октябре 1920 года Джемаль-паша с небольшой свитой из лично преданных ему офицеров добрался до афганской столицы. Эмир Аманулла-хан с энтузиазмом встретил опытного военного, получившего богатую практику боевых действий и известного и авторитетного среди мусульман. Джемаль-паша сразу же получил должность военного советника при монархе, которому поручили преобразования афганской армии. После представления плана боевых действий против Англии бывшему турецкому генералу поручили руководство охраной афгано-британской границы. В отличие от миссии Коминтерна, ему разрешили поддерживать прямые контакты с приграничными племенами и организовать «особую конспиративную комиссию» для ведения разведки через приграничные территории, в которую под видом турка эмир согласился включить и советского эмиссара. Джемаль-пашу с энтузиазмом встретили вожди пуштунских племен, надеявшиеся наладить через него финансовое и военное снабжение восставших из Советской России. Джемаль-паша срочно послал своих соратников к племенным лидерам Южного Афганистана, Белуджистана и «независимой полосы» Британской Индии. Его представители успешно агитировали за джихад против Англии. Духовный авторитет Вазиристана Абдул Разак, под руководством которого 12 000 местных ополченцев упорно противостояли английским войскам, согласился содействовать Джемаль-паше. Лидер вазиров, оказавшись в критической ситуации после сосредоточения против восставших превосходящих сил противника и перекрытия многих караванных троп, просил прислать повстанцам оружие, боеприпасы и 800 000 афганских рупий для выплаты жалования своим бойцам. В одном из посланий к бывшему генералу он требовал

в ближайшее время доставить патроны, винтовки и иное вооружение, обещая перебросить к границам Индии и Белуджистана «любое оружие Русской Республики, которое она доставит к границам Памира». Однако РСФСР не был готов к такому риску и большим расходам. Не получив ресурсов, на которые он первоначально рассчитывал, Джемаль-паша в сентябре 1921 года покинул Афганистан и уехал в Москву, где намеревался встретиться с Лениным. Прибыв в столицу РСФСР, 18 октября 1921 года он направил наркому по иностранным делам Георгию Чичерину доклад, в котором настаивал на продолжении советской поддержки его авантюр, форсировавших подготовку антибританских выступлений в Индии. Бывший генерал уверял, что помощь пограничным племенам стала бы удачным инструментом для организации вооруженного восстания в Индии. Он писал: «Мы [должны] серьезным образом заняться этими приграничными племенами, которые могут в случае необходимости предоставить нам вооруженные революционные силы от 150 до 200 000 человек — [это] является нашей особой задачей <...> Из писем, полученных от вождей племен африди и момандов, можно легко понять, что в день, когда я подам условный сигнал, они выступят [против Великобритании], при условии подготовки и поставки необходимых средств». Джемаль-паша рекомендовал советским руководителям выделить Абдул Разаку около 700 000 рублей золотом, 5000 гранат английского производства и 20 млн патронов к английским винтовкам. Также для подрывной и террористической деятельности против представителей британских властей и полицейских Джемаль просил 5000 револьверов и 500 000 патронов к ним. Кроме того, бывший турецкий генерал просил на реализацию своих планов в приграничных районах Британской Индии и Афганистана 10 000 руб. золотом ежемесячно. Он уверял, что

вооружение и деньги следует доставлять в Афганистан непосредственно ему для дальнейшего распределения «по договоренности с полпредом». Наконец Джемаль-паша добился 1 ноября приема у Сталина, который вскоре предложил председателю Реввоенсовета Льву Троцкому выделить турецкому эмиссару и патронируемым им повстанцам 6000 винтовок иностранных образцов, а также 12 пулеметов и 8–12 орудий с соответствующим запасом патронов и снарядов. Предполагалось также отправить в Афганистан 5–10 инструкторов-мусульман для обучения повстанцев и контроля за расходованием средств (100 000 золотых рублей — для повстанцев и 100 000 — для турецких и советских инструкторов). Это, полагал Сталин, позволит сформировать бригаду, способную стать базой для будущего влияния на мусульманское население Пенджаба и основой вооруженного сопротивления возможному, по мнению Сталина, британскому наступлению на Афганистан в 1922 году. 3 ноября 1921 года Политбюро рассмотрело просьбу Джемаля-паши с сопроводительным письмом Чичерина. Запросы турецкого генерал существенно урезали. Тем не менее ему не отказали, выделив 200 000 руб. золотом, и откомандировали в распоряжение Джемаля «двух вполне надежных товарищей, владеющих иностранными языками, и до пяти помощников». Однако планы по развертыванию революции и партизанской борьбы в Британской Индии с привлечением турецкого генерала остались на бумаге. Вскоре после постановления Политбюро он был убит в Тифлисе группой дашнаков, отомстивших бывшему видному военному деятелю Османской империи за участие в геноциде армян в 1915 году. Равнозначной замены Джемаль-паше у Москвы и Коминтерна не было: другой известный турецкий генерал, Энвер-паша, к тому времени отказался от сотрудничества с Советами и перешел на сторону басмачей.

Гибель Джемаля затруднила контакты эмиссаров Коминтерна и сотрудников специальных служб с пограничными племенами, но они не прекратились. С представителями приграничных пуштунских племен не раз встречался советский полпред Федор Раскольников. В частности, финансовая поддержка Абдула Разака продолжалась до 1923 года.

Несмотря на опасения перед ультрареволюционными настроениями сотрудников Коминтерна, Аманулла, нуждавшийся в советской военной и финансовой помощи, согласился на организацию в Кабуле революционного центра, состоявшего из военной школы, госпиталя и типографии. Мечта Манабендры Роя реализовать его план военных операций на границах и в Индии, казалась бы, становилась реальностью, но попытки коминтерновцев сформировать военную «революционную базу в Афганистане завершились неудачей. Ключевой причиной провала стало желание советского руководства нормализовать отношения с Великобританией.

Восстановление контактов с ключевым противником было невозможным без серьезного сокращения антибританской работы Коминтерна в Британской Индии. После подписания советско-английского торгового соглашения в марте 1921 г. активность Коминтерна в Афганистане значительно снизилась, но полностью не прекратилась. В период существования Коминтерна все советские полпреды в афганской столице были одновременно и негласными представителями этой международной организации. Даже первый полпред РСФСР в Кабуле беспартийный бывший царский дипломат Николай Бравин выполнял поручения Коминтерна в Афганистане.

Активность Коминтерна в Афганистане продолжалась, пусть и в ограниченном масштабе, и после заключения англо-афганского договора в ноябре 1921 г., который требо-

вал от Кабула прекратить деятельность антибританских организаций на афганской территории. Через советское посольство в Кабуле значительные суммы золотом передавались лидеру антианглийского вооруженного восстания вазиров и масудов в Вазиристане Абдулу Разаку, получившему осенью 1921 года от советского полпреда Федора Раскольникова 15 000 руб. золотом. Одновременно Коминтерн стремился поддержать борьбу племени момандов, влиятельные религиозные авторитеты которых, вероятно, не зная источника средств, также получали значительные средства от «неверных» и «безбожников». Союз пуштунских вождей, исламских авторитетов и Коминтерна по идеологическим, а также финансовым причинам действовал недолго, за исключением сотрудничества Коминтерна с ваххабитами Британской Индии, предложившими содействие в свержении британского владычества дипломатическим представителям Советской России в Кабуле. Коминтерновцы к концу 1921 — началу 1922 года осознали беспочвенность надежд разыскать в регионе сторонников левых идей и социальных преобразований и приняли решение начать сотрудничество с фанатиками-исламистами из «Комитета сподвижников священной войны», завоевавшего большую популярность среди магометан Афганистана и Британской Индии. Союз против англичан оказался непрочным и породил немало конфликтов между сторонами, но помощь ваххабитов привела к частичному признанию деятельности Коминтерна пограничными племенами. В 1921 году «Комитет сподвижников священной войны» ежемесячно получал по тайным каналам 1000 рупий. Размер субсидии не устраивал руководство исламистов, и представителя Коминтерна Абдула Азиза не допустили в горное селение Чамарканд, где базировался центр «Комитета». После этого Коминтерн прекратил выплачивать субсидию ваххабитам.

В феврале 1922 года Политбюро пригласило наркома иностранных дел Георгия Чичерина и его заместителя Максима Литвинова, чтобы получить разъяснения о требованиях Кабула вернуть Афганистану крепость Кушка и ее окрестности. Резолюция Кремля была краткой: «Поручить Чичерину сообщить Туркбюро, РВС Туркфронта и представителю РСФСР в Афганистане, что Кушка не может быть уступлена».

Немного позднее, в мае того же года, ЦК решил отклонить инициативу Среднеазиатского бюро РКП(б) об активизации работы среди приграничных узбеков и туркмен и предложил ему сосредоточиться на ликвидации басмачества в Восточной Бухаре. При этом Кремль не возражал против организации партизанских нападений на афганские посты и военные базы без политических лозунгов.

Афганистан, в свою очередь, охотно принимал беженцев из советизированных районов Средней Азии, в частности, туркменам выдавали 3,5 пуда пшеницы ежемесячно и 30 рупий единовременного пособия на каждого члена семьи. При этом перешедшие границу отряды и отдельные лица разоружались. В 1922 году ситуация изменилась и беженцев стали рассматривать как перспективный военно-политический ресурс, им вернули оружие, создавались боевые группы.

В феврале 1923 года взаимоотношения между СССР и Афганистаном нормализовались. После операций Красной армии во второй половине 1922 года, завершившихся поражением главных сил басмачей, многие курбаши предпочли не дожидаться разгрома, часть крупных отрядов распались на мелкие, другие под видом мирных жителей ушли в Афганистан и Иран, где первое время не проявляли активности. В январе 1923 года афганские власти, получившие сведения о возможности нового мятежа, спонсировавшегося англичанами, запросили Раскольникова

о получении новой партии вооружения и боеприпасов. Политбюро рассмотрело просьбу полпреда в начале февраля и отложило поставки до выяснения мнения среднеазиатского бюро ЦК. Тем не менее патроны и военное снаряжение решили отправить в приграничные пункты, откуда они могли быть быстро переправлены в Афганистан. В марте Политбюро вновь рассмотрело просьбу Кабула о вооружении и дало принципиальное согласие, строго обусловив поставки неприменением полученного оружия на севере страны и прекращением поддержки басмаческого движения в весенне-летнюю кампанию.

Афганские власти не всегда контролировали приграничные уезды и не могли препятствовать переходу границы и рейдам конных басмаческих отрядов, что вызывало приостановку финансовой и военной помощи. В марте 1923 года Москва отказалась выплачивать субсидию в 500 000 руб. золотом по договору 1921 года до возмещения ущерба, нанесенного набегом басмачей из северных провинций. Кроме того, СССР требовал открыть советское консульство в городе Меймене, создать смешанные контрольные комиссии в местностях Афганистана, откуда чаще всего происходят вторжения басмачей, и выселить из Афганистана наиболее одиозных курбаши.

Тем не менее переходы границы и боевые столкновения продолжались. В октябре 1923 г. для борьбы с басмачами на Туркестанском фронте сформировали 13-й стрелковый корпус, который поддерживал немногочисленных пограничников (5000 человек на весь округ) и наносил удары на ключевых направлениях.

В марте 1924 года, вскоре после принятия первой в истории страны Конституции, гарантировавшей на бумаге гарантии свободы слова, собраний, неприкосновенность собственности и жилища, обострилась обстановка уже

в самом Афганистане. В целом ряде провинций вспыхнули локальные выступления против политических, социальных и общественных преобразований Аманулы, которыми руководили лидеры реакционного духовенства и племенные вожди. Мятежники получали финансовую помощь и вооружение из британской Индии. Крупнейшее восстание вспыхнуло в провинции Хост, в нем участвовал сын бывшего эмира Абдуррахмана, негласный соперник Аманулы в борьбе за трон Абдул Карим.

Помощь с воздуха

Наибольшее возмущение вызвал указ монарха о всеобщем призыве солдат в регулярную афганскую армию. Племенная верхушка и часть пуштунов увидела в этом нарушение традиции, по которой они в случае войны отправляли на службу набранные из земляков подразделения, а в мирное время — «добровольцев» по решению вождей. Воинская повинность была воспринята пуштунами как оскорбление и как попытка ослабить вооруженную силу племен изъятием части воинов. Против эмира выступили племена мангалов, джадранов и джаджей, насчитывавшие в общей сложности около 10 000 бойцов, оснащенных новыми английскими винтовками.

Руководители восстания, священники Абдулла и Абдур Рашид требовали от Аманулы отменить новые законы, снизить налоги, выслать из Афганистана всех европейцев; закрыть женскую школу в Кабуле; назначить новое правительство, способное восстановить прежнее благополучие (весьма относительное, учитывая традиционную бедность большинства афганцев), а также восстановить свободную торговлю с Индией и отказаться от воинской повинности.

Аманулла стремился разрешить конфликт без применения вооруженной силы и пригласил лидеров восста-

ния на переговоры в Кабул. К ним направили делегацию представителей эмира, но восставшие отказались от примирения.

Попытка договориться с повстанцами была вызвана привлекательностью их лозунгов для большей части афганцев. Кроме того, объединенные отряды мангалов, джадранов и джаджей превосходили в численности правительственные войска. Армия оказалась неподготовленной к подавлению масштабного мятежа, в ее рядах было много выходцев из южных провинций. Военный министр Надир-хан отказался руководить карательной операцией против пуштунов Хоста, считая ее предательством боевых товарищей по войне с Англией, и предпочел отставку и почетную ссылку афганским послом в Париж.

Тем временем в провинции активизировались боевые действия между армией и повстанцами. Восставшие вынудили гарнизон города Матун общей численностью 1300 штыков и сабель и 9 орудий прекратить наступательные операции и скрыться за крепостными стенами.

Чтобы расширить помощь Аманулле и получать более точную информацию о положении в стране, Политбюро в апреле 1924 года потребовало ускорить выезд нового полпреда Леонида Старка. Он должен был заменить покинувшего страну Раскольникова, чья активная помощь повстанцам пограничной полосы вместе с репутацией экспортера революции раздражала Лондон. Кроме того, в Кабул планировали направить военного секретаря Рикса и двух опытных работников-мусульман. Немногим позднее Афганистану срочно выделили 250 000 руб. золотом в счет ежегодной субсидии.

10 апреля 1924 г. мятежники начали наступление на Кабул. Для его отражения были выделены около 5000 пехотинцев и кавалеристов столичного гарнизона под командованием генерала Мухаммада Гуль-хана, который

сумел пробиться к Гардезу, но оказался в окружении повстанцев. 22 апреля они обошли Гардез с севера и возобновили наступление на столицу, заняв Альтимур, возобновил наступление на столицу, гарнизон которой в тот момент не превышал тысячи челове. В Кабуле приступили к эвакуации правительственных учреждений.

В критической ситуации Аманулла-хан и его соратники сумели организовать сопротивление повстанцам. В стране объявили повторную мобилизацию в регулярную армию; на подкуп вождей племен выделили значительные средства, поддержавшим падишаха лидерам присвоили звания и чины, ужесточились наказания за дезертирство и уклонение от службы. Афганское правительство сумело создать резервы, способные контратаковать противника и сбросить его с расположенного рядом с Кабулом перевала Альтимур. Армейские части под командованием нового военного министра Мухаммада Вали-хана деблокировали гардезскую группировку правительственных войск, после чего объединенные силы перешли в наступление. В середине мая у перевала Мирзакай юго-восточнее Гардеза в ходе 10-часового ожесточенного сражения регулярная армия разгромила одно из крупных формирований повстанцев и приблизилась к осажденному Матуну.

Серия поражений пуштунов расколола их ряды. После заверений Вали-хана об амнистии рядовых повстанцев часть племенных вождей повторно принесли присягу эмиру. Интенсивность боевых действий на юге Афганистана стала спадать, но ликвидация мятежа затягивалась: значительные силы мангалов и джадранов продолжали сопротивление.

Чтобы прекратить восстание, Аманулла созвал в Пагмане Лоя Джиргу, съезд афганских племен и старейшин, целью которой была корректировка внутренней политики эмира. 19 июня 1924 г. Лоя Джирга приступила к рабо-

те без делегатов Южной провинции. За две недели правительству пришлось пойти на многие уступки вождям племен и духовенству. Аманулле пришлось отменить свободу вероисповедания, учредить в Кабуле и провинциях управления общественной нравственности для воспитания населения по нормам шариата, ввести шариатских судей в светские судебные органы, отменить все запреты на браки между несовершеннолетними и многоженство, закрыть женские школы. Кроме того, Аманулла обещал назначать на административные должности представителей местной элиты и снизить откуп за несение военной службы с 600 до 400 афгани.

Лоя Джирга позволила прекратить острые противоречия с мусульманским духовенством и вождями большинства племен Афганистана и укрепила влияние правительства в стране. Однако Лоя Джирга не разрешила проблему снижения налогов и свободы торговли приграничных племен с Индией.

В начале августа 1924 г., после окончания уборки урожая, восстание вспыхнуло с новой силой. К мангалам и джадранам примкнули племена чамкани, сулейман-хель, а также ахмедзаи и часть гильзайских кланов. Повстанцы намеревались вновь занять перевал Альтимур, изолировать армейские части в районе Гардеза, затем объединиться с племенами Логарской долины и атаковать Кабул. Мятежниками теперь руководил сын бывшего эмира Якуб-хана Абдул Карим, тайно возвратившийся в Афганистан из Индии. Вскоре лидер мятежников с помощью Абдуллы сплотил вокруг себя отряды повстанцев общей численностью 15 000 бойцов, разбросанных на значительной территории. Хостинское восстание превращалось в гражданскую войну. В начале августа мятежники вновь захватили Альтимур и начали спуск в Логарскую долину. Попытка отбить захваченное повстанцами селение Гисса-

рек силами переброшенных на машинах двух батальонов завершилась провалом: мятежники уничтожили мотопехоту эмира внезапным ночным налетом.

В ситуации, чреватой разгромом и оставлением столицы афганский монарх вновь продемонстрировал недюжинное самообладание и способность к разумному риску. Он направил на Гиссарек последние резервы армии, 4 пехотных батальона и кавалерийский полк, которые выбили противника с ключевой позиции на дальних подступах к Кабулу. 8 дней вокруг Гиссарека продолжались ожесточенные бои, завершившиеся победой регулярной армии. В первой половине августа 1924 г. повстанцы потерпели крупное поражение и под городом Газни. Попытка мятежников взять его штурмом была отбита, армейский гарнизон перешел в контратаку и вынудил противника отступить.

Аманулла-хан использовал успехи на поле боя для перехвата инициативы. К племенам Южной провинции были направлены представители эмира, предложившие заключить перемирие с 3 по 11 сентября 1924 года. Инициативу монарха поддержали: передышка была выгодна и повстанцам, получившим возможность восполнить потери и перегруппироваться, и правительству, выигравшему время для набора пополнения в армию и переговоров с племенами и народностями Афганистана о военной и материальной поддержки кампании против мятежников. Кроме того, пауза облегчила получение иностранной, в первую очередь советской, военной помощи.

В августе Политбюро запросило Реввоенсовет Туркестанского фронта о возможных мерах в связи с расширением района восстания против Амануллы, не исключая и локальных военных действий. Однако РВС фронта предпочел не вмешиваться в боевые действия в глубине афганской территории и ограничиться охраной грани-

цы. Кремль принял предложение Чичерина о поставках Афганистану вооружения и передаче аэропланов, находящихся в Кушке. 21 августа было решено отправить в Афганистан 5000 винтовок, до 100 пулеметов с запасом патронов, 3 радиостанции. Вскоре, в сентябре — октябре 1924 г., Афганистан получил от СССР 5 самолетов и дополнительную партию снарядов, патронов и авиабомб на 607 000 рублей.

Поставки современной боевой техники усилили регулярную армию и позволили ей перейти к решительным действиям. 14 сентября 1924 года афганский парламент объявил джихад против мятежников. Армия и племена, союзные Аманулле, подготовились к решающим сражениям против повстанцев. В районе Газни сосредоточились 9 батальонов регулярной пехоты при 2 батареях и 4000 хезарейских ополченцах. В центре Восточной провинции Джелалабаде собрались отряды присягнувших правительству племен момандов, шинвари и вазиров общей численностью 7500 бойцов. Вокруг Гиссарека и Гардеза были сосредоточены по 15 батальонов регулярной пехоты, усиленных артиллерией и конницей. Свою роль сыграла и авиация: 11 советских летчиков и авиатехников прибыли в страну в сентябре 1924 года. Эмир, получив поддержку авиации, надеялся закончить подавление восстания до зимы. Великобритания заявила протест по поводу принятия на службу советских летчиков, однако Аманулла оставил его без внимания. Первые боевые вылеты советские пилоты совершили на «Де-Хэвилендах» 6 октября, затем 14 и 18-го. Большая разница во времени боевых вылетов объясняется тем, что запасы горючего и боеприпасов, взятые с собой, закончились, а вьючный караван прибыл не скоро. Кроме того, афганцы использовали недавно поставленные из Великобритании самолеты, пилотируемые германскими экипажами.

20 сентября совместный удар гардезской и гиссарекской групп позволил очистить от мятежников перевал Альтимур, после чего правительственная армия начала наступление к осажденному Матуну. В октябре 1924 года джелалабадская группировка нанесла поражение мятежному племени сулейманхель и отрезала ему удобные пути отхода в Британскую Индию. При активной поддержке авиации в начале ноября регулярные войска деблокировали гарнизон Матуна, мангалы и их союзники предпочли прекратить сопротивление. Начались аресты наиболее активных участников мятежа, но Абдул Карим сумел бежать в Индию.

В феврале 1925 года регулярные войска подавили последний очаг сопротивления одного из кланов мангалов. В этом же месяце в Кабуле и других районах Афганистана начались массовые репрессии против вождей повстанцев. Только в афганской столице было казнено около 100 руководителей племен мятежников, в том числе Абдур Рашид и Абдулла.

Сохранение власти дорого стоило Аманулле и его соратникам: на военные цели из бюджета пришлось выделить 5 млн фунтов стерлингов — огромные средства для бедной страны, восстание вынудило эмира отказаться от части преобразований.

Велики были также людские и материальные потери в мятежных селениях были разрушены 3500 домов, убиты около 1600 повстанцев. В начале 1925 года 40 000 мангалов и джадранов, опасавшихся возмездия за участие в повстанческом движении, переселились в Британскую Индию.

Основные формирования повстанцев прекратили боевые действия и растворились среди местного населения. По утверждению бежавшего впоследствии на Запад резидента ОГПУ в Афганистане Георгия Агабекова, период в конце 1924 — первой половине 1925 года был пиком советского влияния в стране.

В это же время советский посол в Афганистане Старк направил Аманулле на рассмотрение план создания афганских военно-воздушных сил. Одновременно он писал в Москву: *«В настоящее время идут переговоры по заключению контракта с нашими летчиками. Не надеюсь на успешность таковых ввиду непомерных требований наших товарищей. Условия немцев и итальянцев более скромны. Стараюсь умерить требования наших товарищей».*

В конце октября Аманулла согласился с планом формирования национальных ВВС в составе двух разведывательных и одного истребительного авиаотрядов общей численностью 36 аппаратов и авиашколы (16 аэропланов). Одновременно он предложил план создания авиалиний Ташкент — Кабул и Кушка — Герат — Кабул, причем наибольшее значение придавалось последней. Летчики оставались в Кабуле в течение длительного периода, по крайней мере в марте 1925 года управление ВВС Туркестанского фронта отдало приказ, запрещавший летчикам фронта переписываться со своими коллегами в Кабуле о возможной замене, а военный атташе Виталий Примаков писал в своей книге «Афганистан в огне» об участии наших летчиков в боевых действиях против повстанцев и в 1928 году.

В январе 1925 года Москва и Кабул договорились о предоставлении жителям приграничных районов права перехода границы для выпаса скота на ранее использовавшихся пастбищах и создать комиссии из представителей местных властей обеих сторон, чтобы избежать новых конфликтов из-за пастбищ. Несколько позднее, в марте, Политбюро поручило председателю РВС СССР Михаилу Фрунзе разработать предупредительные меры против восстания в Афганистане. Кремль решил продать в Афганистан еще 6 самолетов, а также усилить авиационную группировку в приграничных районах.

Одновременно советское руководство активизировало борьбу против повстанцев на своей территории. 27 января 1925 года Политбюро приняло постановление «О басмачестве в Восточной Бухаре», было предпринято несколько ударных кампаний по разгрому басмачей. Активизацию боевых действий дополнила амнистия, объявленная 15 июня, сдались 24 курбаши и 362 джигита. В 1925 году были отмечены более 400 столкновений, убиты и пленены 26 курбаши и более 1000 джигитов. 21 июня 1926 года Ибрагим-бек вместе с немногочисленными приближенными вынужден был бежать в Афганистан.

В 1926 году на территории САВО произошло более 300 боевых столкновений, в них были убиты и взяты в плен 24 курбаши и 272 рядовых бойца, еще 29 вождей и 318 джигитов сдались добровольно. В боях красноармейцы и пограничники 16 пулеметов, 466 винтовок, 90 револьверов, около 250 шашек. В ходе их остатки басмачей не раз скрывались на афганской территории, но факты перехода границы советскими пограничниками и армейскими частями не фиксировались: вероятно, в случае неглубокого проникновения на афганскую территорию советское командование не видело в нем существенных нарушений, а афганские власти предпочитали не предавать подобные факты огласке.

Новое восстание против реформ Аманулы и вмешательства пуштунских чиновников в повседневную жизнь населения вспыхнуло в горных районах вдоль советско-афганской границы в Шугнане и Рошане весной 1925 года. Увеличение налогов и распространение на местных жителей воинской повинности вызвало среди и без того бедных и маргинализированных припамирских таджиков возмущение. 2 апреля местные жители захватили уездного начальника (хакима) и осадили укрепление Кала-

и-Бар-Пяндж. Осаждавшие несколько раз обращались за помощью к властям приграничных советских районов, но получили отказ. 13 апреля гарнизон укрепления и отряд правительственных войск из Ишкашима перешли в наступление. Потерпев неудачу, восставшие вместе с семьями (около 8000 человек) перешли границу и двинулись на советскую территорию. Местные власти оказались в сложной ситуации: они не хотели ссориться с афганскими чиновниками, переселение мятежников во внутренние районы Таджикистана требовало значительных средств. Кроме того, бывшие повстанцы не хотели удаляться от родных мест, надеясь освободить их от афганцев при поддержке СССР. После колебаний и совещаний с Центром руководство Горно-Бадахшанской автономной области, получив от Кабула заверения в даровании прощения беженцам, решило в начале 1926 г. вернуть их домой, до начала весеннего сева. Советское правительство еще раз продемонстрировало нежелание портить отношения с лояльно настроенным соседним государством ради мелких территориальных приобретений и притока населения.

Дружба и авантюры

Одновременно Коминтерн и советское руководство стремились сменить тактику работы в приграничных государствах и странах Востока в целом. В феврале 1925 года Политбюро утвердило постановление о приостановке диверсий и террористических акций (активной разведки) в сопредельных с СССР странах. Речь шла прежде всего о Польше, но в нем затрагивались и общие проблемы деятельности Разведуправления РККА и внешней разведки ОГПУ с повстанческими группами за границей. В документе указывалось, что вместо активной разведки для военных целей СССР следует организовать в соседних го-

сударствах особые пункты для обследования и изучения военных объектов, установления связи с необходимыми людьми, заготовки материалов и подготовки к разрушительной работе во время войны в тылу противника. Эти пункты должны были иметь двойное назначение: разведка и заготовка необходимых материалов в мирное время и диверсии — в военное.

Исходя из этих соображений, Коминтерн стремился реорганизовать деятельность среди пуштунских племен Северо-западной пограничной провинции. Пятый пленум исполкома Коминтерна в Москве одобрил план помощи вооруженной борьбе приграничных пуштунских племен и революционному движению в Индии. 23 апреля совместное заседание Колониального бюро и Президиума ИККИ предложило «поддержать национальное движение среди племен, населяющих так называемую нейтральную зону, и обратиться к НКИД для выработки совместной программы действий в «афганском коридоре».

Член Президиума и секретарь ИККИ Дмитрий Мануильский в письме заместителю наркома иностранных дел СССР Максиму Литвинову предложил план сотрудничества НКИД и Коминтерна в Афганистане. Страну намеревались использовать как базу для управления и поддержки национально-освободительного движения в Индии, планировалось также договориться с Афганистаном о признании независимости нейтральной территории между Афганистаном и северо-западной частью Британской Индии и Белуджистана.

Второй пункт, признание независимости стратегически важной территории, входившей в состав Британской империи, был явной авантюрой, чреватой вооруженным столкновением и последующей войной между СССР и Англией. Последовал решительный протест Чичерина, который продолжал внимательно следить за действиями

Коминтерна и ОГПУ в Афганистане и сорвал очередные планы создания «афганского коридора».

Начало революции 1925–1927 гг. в Китае подогрело авантюристические настроения в руководстве Коминтерна. В начале июня 1925 года ИККИ начал подготовку в Баку тайной конференции для обсуждения проблем «военных конфликтов между восточными нациями и европейско-американским империализмом». Британская разведка, получившая сведения о планах ее проведения, оценила это как попытку реанимировать экспорт революции на Востоке. В частности, в план работы конференции включили пункт о создании постоянного военного отдела при «Совете пропаганды и действия народов Востока» для руководства гражданскими войнами в колониальных странах и подготовки кадров бойцов и агентов из числа жителей Китая, Индии, Афганистана, Ирана и Турции. В первую очередь Коминтерн намеревался развернуть разведывательную деятельность в армии и госаппарате Афганистана, на третьем месте значилась Индия. Англичане восприняли это как возможность возврата к практикам экспорта революции начала 1920-х гг.

1 июля 1925 г. в условиях строжайшей конспирации началась конференция Коминтерна в Баку. Будущую стратегию на Востоке обсуждали не только лидеры ИККИ, но и члены Политбюро ВКП(б) и руководители Наркоминдела, зарегистрированные под псевдонимами. Такой способ прикрытия не смог скрыть присутствия Зиновьева и других крупных советских функционеров, но осложнил выяснение имен прибывших в Баку представителей Афганистана и Индии.

Согласно принятым на конференции решениям «Совет пропаганды и действия народов Востока» осенью 1925 года намеревался расширить агентурную сеть в Афганистане. В середине сентября в Кабул прибыли 9 ин-

структоров (по пропаганде, связи и т.д.). По сведениям британской разведки, им поручили развернуть в Кабуле вербовку индусов и мусульман для дальнейшего использования агитаторами и курьерами в Индии. Советские эмиссары должны были организовать надежные каналы связи между Афганистаном и Индией для передачи денег и агитационных материалов.

Одновременно кабульский центр Коминтерна стремился расширить деятельность в зоне пуштунских племен. Из перехваченной переписки центра с «Советом пропаганды и действия народов Востока» англичане выяснили, что ответственный за эту сферу нелегальной деятельности сотрудник получил через советское полпредство в Кабуле крупную сумму денег наличными. Чтобы ускорить доставку оружия в Индию, он организовал 3 «окна» на индо-афганской границе и намеревался купить оружие в Афганистане.

По сведениям англичан, для создания нелегальной сети Коминтерна в «афганском коридоре» из Баку в Кабул были направлены 10 инструкторов, в том числе кадровый военный Лопотухин (по всей вероятности, это псевдоним, человек с такой фамилией в кадрах Красной армии не значился) отвечал за создание вооруженных групп, Ишханов — за транспорт, а Абалмек-хан — за связь с Индией. Первый прибыл в Кабул с дипломатическим паспортом, обеспечивавшим иммунитет от ареста. Активизация деятельности кабульского центра «Совета» тормозилась из-за отсутствия надежных документов для тайных агентов. Поэтому в Кабул передали 100 000 рублей для покупки действительных афганских паспортов. За короткое время коминтерновскому центру выделили 500 000 рублей золотом. Федор Раскольников в бытность полпредом в Афганистане мог лишь мечтать о таких суммах.

Коминтерн намеревался организовать на эти средства широчайшую нелегальную сеть в Туркестане и Северной Индии. В важнейших населенных пунктах Ирана, Афганистана и Северной Индии предполагалось создать подпольные ячейки. Нелегальная агентура в Афганистане должна была обеспечить связь с резидентами в Пешаваре, Равалпинди и Лахоре и других городах нынешнего Пакистана. Активисты Коминтерна хотели воссоздать «афганский коридор» для переправы в Индию оружия, литературы и людей. Одновременно в Москве и Баку намеревались активизировать сбор разведывательных сведений об Афганистане и Индии и антибританские акции.

Коминтерн и внешняя разведка также активизировали сотрудничество с сикхскими националистами из партии «Гадар», использовавшей Афганистан как базу для антибританской деятельности. «Гадар» получила большой опыт конспиративной работы и широкую сеть организаций во многих странах мира. Советским представителям приходилось сдерживать лидеров сикхов, требовавших выделить оружие и деньги для скорейшей организации вооруженного восстания в Пенджабе.

Однако попытки Коминтерна организовать устойчивые каналы поступления оружия, средств и агитационных материалов через афгано-индийскую границу завершились неудачей: широкая сеть британской агентуры позволила английской разведке и контрразведке получить информацию о планах штаба мировой революции и затруднить деятельность его эмиссаров в Афганистане и усилить охрану границы на потенциально опасных направлениях. Британцы через свою сеть передавали афганским властям сведения, нередко несколько искаженные, показывавшие, что целью работы Коминтерна в стране является не только налаживание коридора, но и расшатывание монархии.

Наркоминдел и отчасти Наркомат обороны рассуждали в иных категориях: им было важно сохранить стабильность в двухсторонних отношениях и контроль над ситуацией в приграничных районах. В сентябре 1925 года Политбюро одобрило программу перевооружения афганской армии за счет оружия, боевой техники, боеприпасов и военного снаряжения, поставляемого оборонной промышленностью СССР. Москва признала возможным поставлять оружие за счет субсидии (фактически — за собственный счет), в том числе за счет долга, образованного неуплатой субсидии за прошлые годы. Политбюро рекомендовало внести ежегодную помощь Афганистану в советский бюджет. Цену вооружения и снаряжения для Афганистана предполагалось установить не ниже себестоимости их производства для СССР, с учетом стоимости доставки до Кушки. Наркомат по военным делам обязали выяснить программу запланированного перевооружения афганской армии и возможность поставки различных типов оружия и снаряжения с советских заводов. Одновременно военным предложили оказать содействие афганскому правительству через уполномоченного Наркомвоена в Афганистане при разработке плана перевооружения. Помимо этого СССР намеревался выяснить технические вопросы участия СССР в строительстве и эксплуатации шоссейных дорог Мазари-Шариф — Кабул и Кушка — Герат, выяснить условия эксплуатации воздушной линии, условия и сроки сооружения порохового завода и достройки телеграфной линии.

Аманулла заказал в СССР 50 000 винтовок и 20 млн патронов, кроме этого советские заводы отремонтировали еще 15 000, требовавших исправления повреждений и замены отдельных деталей.

Одновременно Кремль намеревался урегулировать экономические взаимоотношения с Афганистаном, за-

ключив торговый договор и таможенное соглашение, учредить акционерные общества по выращиванию и экспорту хлопка, каракуля и кишок с участием афганского правительства, а также транспортно-экспортного смешанного афганско-советского общества. Политбюро обязало Старка и торгового представителя Валерия Лежаву-Мюрата воздержаться от дополнительных обещаний эмиру и поручить афганскому полпредству разъяснить эмиру Афганистана, что поставленное во время восстания оружие — не подарок, а часть ежегодной субсидии.

Параллельно Москва и Кабул решали вопрос о принадлежности большого (площадь около 750 кв. км) пограничного острова Урта-Тугай на реке Пяндж, который до революции входил в состав формально независимого Бухарского ханства, а затем был передан Афганистану. Чекист-перебежчик Георгий Агабеков, ссылаясь на полпреда ОГПУ в Средней Азии Льва Бельского, писал, что остров по распоряжению властей советского Туркестана и военного командования и без ведома Москвы заняли подразделения Красной армии, под прикрытием которых жители объявили о своем желании присоединить остров к СССР. Однако в действительности ситуация была сложнее, чем описал Агабеков. С острова регулярно совершали свои вылазки басмачи, что вызывало недовольство Душанбе и Ташкента.

22 июня 1925 года командующий Туркестанским фронтом Михаил Левандовский потребовал от командира 13-го стрелкового корпуса Ивана Федько срочно подготовить план операции по занятию острова, указав, что дату начала действий штаб корпуса получит из Ташкента. Особая комиссия по пограничным вопросам Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) 27 июля 1925 года запросила Оргбюро ЦК Компартии Таджикистана о мерах

подготовки возвращения Урта-Тугая и признала необходимым представление им примерного плана и сроков проведения военной операции. Руководство Таджикистана во главе с Нусратуллой Максумом одобрило идею возвратить остров, но настаивало на применении политических, а не военных методов.

Однако начальник 47-го пограничного отряда Иван Дорофеев решил проявить личную инициативу и направил 27 июня 1925 года комендантам участков «Фархор» и «Сары-Чашма» длинное и пространное распоряжение. В историческом экскурсе он указал, что Урта-Тугай, входивший прежде в Бухарские владения, был захвачен афганцами в период безвластия в Восточной Бухаре и предположил, что вокруг его возвращения идут дипломатические переговоры. По мнению начальника погранотряда, события могли ускориться в случае, если жители острова и прилегающих советских приграничных кишлаков попытались бы присоединить остров к Советскому Союзу.

Дорофеев приказал не возбуждать каких-либо дел по обвинению жителей нашей территории и ответственных работников в незаконном переходе границы на остров Урта-Тугай, когда этот переход имеет целью его присоединение к СССР, и оказывать неофициальное содействие занятию острова жителями. Кроме того, комендантам участков предписывалось прекратить дело против командира кавэскадрона Кудорова, который дважды предпринимал вооруженные вылазки на афганскую территорию.

Первый поход Кудоров организовал для освобождения русских женщин, находившихся в местных гаремах. Во время его кавалеристы освободили Анну Мещерякову, захваченную при переезде из Джиликуля в Термез. В ходе второго рейда Кудоров намеревался захватить остров Урта-Тугай, но потерпел поражение. Однако комендант

участка Козлов не торопился нарушать инструкции по охране границы и не предпринимал активных действий до ноября 1925 года.

В ноябре ситуация изменилась: прибывшие незадолго до этого в отряд уполномоченный Брандусовский и помощник коменданта по секретно-оперативной части Данилов решили активизировать действия по «освобождению» острова. Брандусовский и Данилов потребовали от Козлова содействия вооруженному захвату острова. Козлов под их давлением согласился с предложением о захвате Урта-Тугая. Жителям острова, поддерживавшим Советскую власть, раздали 15 винтовок и боеприпасы, чтобы имитировать начало восстания на сопредельной территории. Островитяне отказывались действовать без вооруженной поддержки с советской территории, опасаясь разгрома афганскими военными и племенными ополчениями, поэтому командиры организовали отряд из 50 жителей приграничных кишлаков, которому обещали помочь в случае ответных действий афганской стороны.

Пограничники хранили свои мероприятия в секрете от командования Туркестанского фронта и 6-й кавалерийской бригады, действовавшей в районе Фархора. Инициаторы восстания не слишком задумывались о последствиях и не согласовали свой план с военным командованием и, вероятно, с полпредством ОГПУ. Вечером 27 ноября руководство комендатуры сняло на ночь заставу, охранявшую границу у одной из переправ через Пяндж. В ночь на 28 ноября сформированный Брандусовским отряд из 50 фархорцев под его командованием пересек Пяндж и вступил на остров. Чтобы не компрометировать Красную армию и дать понять, что инициатива исходит от местных жителей, сам Брандусовский переоделся в местную одежду. Отряд сумел бесшумно разоружить афганский пост Кара-Тюбе, но встретил сопротивление на посту Коча-

Гузар. В ходе боя отряд потерял пять человек убитыми, афганский пост сумел отразить атаку.

Жители Урта-Тугая были недовольны высокими налогами и массовыми поборами афганских чиновников, но не хотели рисковать своей жизнью за освобождение от несправедливости. Население острова не поддержало рейд Брандусовского, и утром 28 ноября он вместе со своим воинством вынужден был вернуться на советскую территорию. После неудачи командование 6-й комендатуры ввело в заблуждение командование Туркестанского фронта, уведомив его о вспыхнувшем восстании на Урта-Тугае. Кроме того, в особый отдел 6-й кавалерийской бригады отправили донесение, в котором утверждалось, что «необходима срочная войсковая поддержка с нашей стороны, чтобы не дать возможности прибыть афганским войскам для подавления восстания и удержания хлынувшего потока реэмигрантов на нашу территорию».

События на острове были внезапными для командования 6-й кавалерийской бригады и 13-го корпуса. Не разобравшись в ситуации, начальник особого отдела бригады Добровольский направил на помощь комендатуре отряд из 70 сабель, и 1 декабря остров был занят советскими частями. Вот что сообщал Добровольский 27 декабря 1925 года в своем рапорте начальнику областного отдела ГПУ Таджикистана: «Командование бригады было застигнуто этим известием врасплох, т.к. части находились в операции по ликвидации басмаческих банд, в т.ч. и 77-й кавалерийский полк, части которого были сняты с охраны границы, о чем комендатура 6-го участка не могла не знать, и для оккупирования Урта-Тугая с трудом набирается 70 сабель».

В отсутствие восстания на острове авантюра Брандусовского и захват Урта-Тугая отрядом Красной армии выглядели актом агрессии против сопредельного госу-

дарства, которое официально состояло в дружественных отношениях с СССР. Безответственные и авантюристические действия пограничников противоречили политике СССР в отношении Афганистана и могли спровоцировать военное столкновение.

Вскоре афганское правительство выразило решительный протест действиям Красной армии. Урта-Тугай был оставлен красноармейцами. Последовали и кадровые выводы: должности потеряли руководители 6-й комендатуры, был снят с должности начальник 47-го погранотряда Дорофеев.

Расследование инцидента велось на высшем уровне. 27 декабря 1925 года Политбюро решило принять предложение Наркоминдела о создании смешанной комиссии для разрешения вопроса о принадлежности острова; до разрешения вопроса смешанной комиссией снять посты с обеих сторон, а в случае отказа Афганского правительства согласиться на организацию смешанных постов. Немного позднее, 17 января 1926 года, Политбюро приняло новое предложение афганского правительства о вводе на остров Урта-Тугай небольшой афганской охраны и выводе советских постов. В ходе дальнейших переговоров летом 1926 года остров Урта-Тугай перешел к Афганистану. Как указывалось в постановлении Политбюро: «Принято решение признать остров Урта-Тугай принадлежащим Афганистану. В мотивировке подчеркнуть неясность правовых оснований принадлежности острова и дружественное отношение к Афганистану, выраженное в этом решении. В особом протоколе обязать Афганистан принимать меры, чтобы остров не был используем для вторжения басмачей в СССР». Кремль явно не хотел ссориться с Аманулой из-за территории, не имевшей стратегического значения, и готов был уступить ее ради сохранения дружественных отношений.

Одновременно Москва договорилась с Кабулом о поставке афганской армии 15 млн патронов. Чтобы сгладить пограничный инцидент, СССР также решил ускорить поставки оружия Аманулле-хану. Впрочем, в мае 1926 года извиняться пришлось уже Кабулу: группа басмачей под командованием Чаян Сардара, насчитывавшая по сведениям разведки более 200 человек, перешла границу и атаковала пост Бедер Керкинского погранотряда. Басмачи надеялись быстро уничтожить пограничников и затем разгромить госучреждения на сопредельной территории Узбекистана. 13 пограничников во главе с начальником поста Нестеровым не дрогнули и приняли бой. Неравная схватка продолжалась около трех часов. Басмачи неоднократно атаковали, пытаясь сломить сопротивление пограничников, но всякий раз, неся потери, отходили под огнем. В разгар боя на помощь посту подошла группа с соседней заставы и внезапно обстреляла противника. Басмачи, не выдержав контратаки пограничников, отступили на афганскую территорию, оставив на месте боя 35 убитых и раненых. За личную отвагу при отражении нападении басмачей начальник поста Нестеров и пограничник Баранник были награждены орденом Красного Знамени.

Свержение революционера на троне

В марте 1927 г. Политбюро разрешило поставить Афганистану вооружения, боеприпасов и других военных материалов (в том числе дополнительные самолеты и зенитные орудия) в общей сложности на 4 млн руб., из которых Кабул должен был выплатить лишь один миллион, остальное зачитывалось в счет субсидий. К сентябрю 1927 года Афганистану передали в счет субсидий более 2,6 млн рублей и часть вооружения, кроме того,

началось оборудование телеграфной линии Кушка — Кабул. Осенью 1927 года планировалось передать еще свыше 3,3 млн рублей, 4 самолета, 2 зенитных орудия, а также построить и запустить в эксплуатацию завод для изготовления бездымного пороха и сформировать авиашколу.

В середине 1928 года афганский правитель отправился с длительным визитом в Европу. Поездка началась с посещения СССР в апреле. Политбюро приняло решение принять Аманулла на высоком уровне: в списке встречавших значился председатель ВЦИК Михаил Калинин, формально — первое лицо СССР, а также его заместитель Авель Енукидзе, Ян Рудзутак, бывший торгпред в Афганистане, сотрудник НКИД Валерий Лежава-Мюрат, нарком иностранных дел Георгий Чичерин, его заместитель и будущий преемник Максим Литвинов, нарком внешней торговли Анастас Микоян, нарком просвещения Анатолий Луначарский, нарком здравоохранения Николай Семашко, зампреды ОГПУ Иосиф Уншлихт и Генрих Ягода, начальник Штаба РККА Борис Шапошников, заместители председателя РВС Сергей Каменев и Ромуальд Муклевич и другие представители советского руководства, в том числе бывший полпред и автор знаменитого открытого письма к Сталину Федор Раскольников.

Во время поездки Аманулла, как утверждал советский военный атташе Константин Соколов-Страхов, подписал договоры на поставку 53 000 винтовок, 106 орудий, 8 аэропланов, пяти бронемашин и шести танков, а также 800 радиостанций, 300 биноклей и по 10 000 шлемов и фляг. Впрочем, не все заказы были выполнены к началу восстания.

Вскоре после возвращения король созвал совещание вождей племен, на котором провозгласил новую серию

реформ в сфере государственного управления, семейного устройства и образования. Вместо Государственного совета предполагалось создать народный совет, который по замыслу Аманулы и его окружения должен был стать аналогом парламента, вводилась обязательная воинская повинность. Монарх намеревался организовать специальные учебные заведения для чиновников и полицейских, а также для обучения ковроткачеству и музыке. Но наибольшее недовольство вызвали меры, касавшиеся повседневной жизни простых афганцев: запрещался калым, брак разрешался только после получения среднего образования. Планировалось также ввести всеобщее начальное образование детей 6-11 лет с совместным обучением мальчиков и девочек и отправка значительного числа студентов и старших школьников в Европу для обучения наукам. Аманулла-хан объявил, что расходы на образование будут второй по размеру строкой бюджета после военных. Серия реформ не только разрушала привычные устои повседневной жизни большинства жителей страны, особенно патриархальной провинции, но и новое усиление податного бремени. В частности, поземельный налог в 1925–1928 гг. вырос более чем в три раза: по расчетам советских дипломатов — с 11 млн до 35 млн золотых рублей. Кроме того, многие в стране не разделяли идей короля и его окружения и считали расходование денег на образование (особенно женское) и преобразования в армии и государстве вредным.

В сентябре 1928 года в регионах, населенных племенем шинвари, вспыхнули первые восстания. В декабре совет мулл северной провинции Афганистана выпустил фетву, объявлявшую священную войну королю. В октябре началось выступление в районе города Чарикар под руководством бывшего взводного командира эмирской гвардии таджика Бачаи (Баче) Сакао.

Сил для энергичного подавления восстаний у Амануллы не хватало. Армия была невелика по численности и, кроме того, не была полностью укомплектована. В Кабуле дислоцировались 2 пехотные и 1 кавалерийская дивизии, артиллерийская бригада, а также 12 самолетов. Полноценными соединениями их вряд ли можно было назвать, в общей сложности кабульский гарнизон насчитывал около 8000 человек (вместо штатных 11 000) и 18–20 орудий. В Герате, Кандагаре, Мазари-Шарифе, Гардезе и Джелалабаде находилось по одной дивизии (по 9 батальонов, 2–3 эскадрона и 2–3 батареи, имевшие от 2000 до 3500 бойцов и 4–6 орудий).

Боевая выучка, особенно в артиллерии, была невысокой. Для подавления выступлений формировались отряды, как правило, в составе 3–4 пехотных батальонов, эскадрона кавалерии и 4–6 вьючных орудий, способные преодолеть в тяжелых горных условиях около 25 км в сутки. Это немало, но в столкновениях с повстанцами афганские войска редко придерживались активной тактики, а, напротив, предпочитали оборонительные действия с вылазками на кишлаки и скот повстанцев для их устрашения.

Боеготовность племенных ополчений мало отличалась от армейской, но они были многочисленнее. Кроме того, отменное знание особенностей территории позволяло повстанцам избегать боев в невыгодных местах, где регулярные войска могли реализовать превосходство в вооружении и использовать выгоды местности для внезапного нападения и выхода из-под удара слабой в оперативно-тактическом отношении регулярной армии.

При этом ополчения выступили против королевских войск, располагая современным стрелковым оружием, приобретенным из разных источников. Накануне восстания его свободно продавали на базарах крупных городов.

Выяснилось, что правительство не обладает тайной разведкой, чтобы обнаружить места сосредоточения повстанцев, которые не вели регулярных действий, но постоянно тревожили полицию и правительственные войска внезапными нападениями. Крестьянскому движению в Кугистане и Кухдамане не придали должного значения, в отличие от восстания в районе Джелалабада.

В середине ноября афганский генеральный штаб направил 9 батальонов пехоты с артиллерией в Джелалабад, 6 — в район Чарикара против Бачаи Сакао. В резерве и для защиты столицы остались всего 3 батальона и несколько десятков всадников, главные силы столичного гарнизона были разделены на три части, удаленные друг от друга на 150-200 км.

В ноябре отряд правительственной армии понес поражение в 20 км от Чарикара. После неудачи начальник колонны начал переговоры с Бачаи Сакао об участии в подавлении восстания шинвари у Джелалабада, причем лидер таджикских повстанцев потребовал выдать оружие, на что Али Ахмад-хан согласился. К середине декабря в Кабуле собрали 2000 добровольцев-таджиков, настроенных против Аманулы. Вероятно, это было частью плана по овладению столицей. 13 декабря один из соратников Бачаи Сакао Сеид-Гуссейн взорвал электростанцию, а 14 декабря добровольцы после краткой стычки заняли правительственный арсенал.

Деморализованный король отменил большую часть реформ, в частности, о совместном обучении мальчиков и девочек, вернул чадру как обязательную деталь женской одежды, но это мало повлияло на ситуацию. Религиозные авторитеты отказались отменить фетву.

Обострение обстановки вынудило Аманулу и его окружение обратиться к СССР за дополнительной помощью.

13 декабря 1928 года Политбюро разрешило продать афганскому правительству 1000 винтовок и 20 пулеметов с запасом патронов, 1000 химических артиллерийских снарядов и радиостанцию, приняв в уплату шерсть, хлопок и каракуль. После новой просьбы, когда афганское правительство согласилось на реорганизацию армии под надзором советских инструкторов и попросило в очередной раз увеличить военную помощь, советское руководство сообщило в Кабул, что не располагает химическими авиабомбами, но готово предоставить обычные авиационные боеприпасы, а также доставить самолетами в Кабул дополнительное количество патронов и пулеметов. Отправить большое количество боеприпасов по горным дорогам Москва отказалась, опасаясь, что окружавшие столицу повстанцы могут перехватить караван с ценным грузом. При этом советское правительство гарантировало неприкосновенность северных границ Афганистана, призывая Аманулу перебросить войска из северных провинций к Кабулу, чтобы укрепить оборону столицы. Одновременно Москва требовала от советских представителей подробной и достоверной информации о ситуации в стране и ходе военных действий.

27 декабря полпреду Старку направили директиву, отражавшую тревогу советского руководства за положение в соседней стране: «Восстание против Аманулы следует рассматривать прежде всего как энергичную акцию англичан, направленную также и против СССР. Победа реакционеров может иметь тягчайшие последствия <...> Границам Советских республик будет создана серьезная угроза. Нашей основной задачей является поддержка существующего правительства, которое представляет собой единственное прогрессивное течение Афганистана, борющееся за независимость страны. Вам надлежит установить непрерывный контакт с Аманулой. <...> Подчеркните,

что в гражданской войне более чем где-либо требуется решительность и быстрые энергичные меры. Необходимо в кратчайший срок любой ценой создать надежную дисциплинированную вооруженную силу и разбить врага. Поэтому, если такой ударный кулак нельзя будет создать в Кандагаре, надо его создать на севере в районе Мазари-Шарифа. Надо иметь также в виду, что в районе Мазара нам будет легче оказать Аманулле помощь. Надо разъяснить падишаху, что мы можем и окажем помощь оружием и инструкторами, лишь заключив договор. Цены и условия можем предложить самые льготные. Считаем целесообразным создание воинской части (примерно — бригаду) из северных племен Афганистана, которую мы могли бы снабдить винтовками, пулеметами, инструкторами. Эту часть следовало бы попытаться сделать ударной. Только таким путем Аманулла может создать и сильную и надежную воинскую часть, которая будет способна бить повстанцев. Укажите падишаху, что промедление в деле организации хорошо вооруженных и верных частей грозит гибелью самому падишаху и его делу. Добейтесь от Аманулы ответов на поставленные вопросы немедленно. <...> Добейтесь от падишаха твердого и ясного ответа о его намерениях и планах. Нам нужно ясно знать, каковы перспективы дальнейшей борьбы. Если убедите падишаха принять наш план, строчите заявки и предложения». Расширение военной помощи предполагалось только в обмен на заключение нового договора, но события развивались негативно для Аманулы и его союзников в стране и за рубежом.

Правительственные войска, получив помощь, при содействии горожан и племенных ополчений перешли в наступление. 17 декабря они отбили у сторонников противника господствующую над городом гору Ширпур. 24 декабря правительственные войска при поддержке

авиации нанесли удар в направлении Баги-Баля, обойдя позиции повстанцев с юго-запада, они вынуждены были отступить на 18–20 км. Однако наступление 6–8 января 1929 года завершилось неудачей: умелый маневр вывел главные силы Бачаи Сакао в тыл правительственных войск и отрезал их от Кабула. Часть племенных ополчений была деморализована и перешла на сторону мятежников. Отошедшие к городу регулярные войска не выдержали натиска превосходящих сил повстанцев, которые захватили штаб дивизии и аэродром.

14 января 1929 года Аманулла отрекся от престола, передав его брату Инаятулле и через Газни направился в Кандагар, где надеялся найти опору среди дружественных ему племен и при благоприятном развитии событий вернуть себе престол. 17 января повстанцы заняли Кабул, и власть перешла к Хабибулле (это имя принял Бачаи Сакао после воцарения) и сторонникам развития по исламскому пути, противившимся всему новому: светскому образованию, фабрикам. Инаятулла и его немногочисленные сторонники и защитники укрепились в королевском дворце Арк и начали переговоры об условиях капитуляции. 19 января Инаятулла и его ближайшее окружение вылетели на английском самолете в Индию.

Новый монарх и его окружение, несмотря на неприятие реформ Амануллы, демонстративно подчеркивали лояльность к поддерживавшему свергнутого короля СССР и призывали советских пилотов вместе с итальянскими артиллеристами не покидать Афганистан, хотя остальным иностранцам было отказано в продолжении службы. События конца 1920-х гг. превратились в полномасштабную гражданскую войну, где совместились свержение законной власти, попытка правителя вернуть себе трон, межэтнические столкновения и внешнее вмешательство.

В Афганистане разгорался первый этап борьбы за трон монарха. Первую попытку свергнуть Бачаи Сакао предпринял Али Ахмад-хан, пользовавшийся значительным авторитетом у приграничных пуштунских племен Афганистана и Британской Индии. Генерал заручился поддержкой местного духовенства, ему удалось собрать под свои знамена до 4000 солдат и офицеров регулярной армии с горными орудиями и племенные ополчения.

Призыв Али Ахмад-хана начать наступление на афганскую столицу, чтобы свергнуть самозванца с престола, подхватили племена Восточной провинции — шинвари, хугияни, моманды, сафи и многие гильзайские кланы, обосновавшиеся юго-восточнее Кабула. 20 января 1929 года джирга в Джагдалаке провозгласила Ахмад-хана эмиром Афганистана и приняла решение немедленно начать боевые действия против Бачаи Сакао.

Али Ахмад-хан стремился получить помощь от Великобритании, особенно вооружение, военное снаряжение и деньги. Чтобы добиться желаемого, он попытался запугать англичан советской угрозой Афганистану и Индии. В одном из своих писем к британскому посланнику в Кабуле Фрэнсису Хамфрису он писал следующее: «Аманулла-хан доказал свою полную неспособность быть эмиром. Бачаи Сакао — простой разбойник. Вскоре Кабул будет атакован со всех сторон. Большевики строят планы о создании республики, которая может привести Афганистан к гибели».

Али Ахмад-хан просил Лондон предоставить ему 1 млн фунтов стерлингов, 100 грузовиков (с водителем и 2 механиками на одну машину), 20 000 винтовок и 20 млн патронов к ним, 30 горных орудий и 30 000 снарядов к ним, лошадей с седлами, радиопередатчики и самолеты с британскими экипажами. Возможно, афганский военачальник надеялся, что англичане удовлетворят хотя бы часть его заявки, но получил полный отказ. Впрочем, колониальные

власти позволяли племенам СЗПП отправлять воинов для поддержки Али Ахмад-хана.

Наступление Али Ахмад-хана в первые недели проходило успешно. В начале февраля 1929 г. его отряды остановились на подступах к столице, ожидая подхода подкреплений от момандов. Однако вскоре войска Бачаи Сакао нанесли поражение формированиям шинвари, что подорвало боеспособность отрядов претендента на престол.

Однако Али Ахмад-хан потерпел решающее поражение не на поле сражения, а из-за измены. Один из влиятельных вождей хугияни Кайс-хан тайно отправился в Кабул и обещал ликвидировать претендента на престол за 17 000 рупий. Бачаи Сакао согласился и одновременно посулил вождю хугияни ключевую должность в армии, если доставит Али Ахмад-хана в столицу в кандалах. Кайс-хану не удалось реализовать замысел из-за бегства Али Ахмад-хана. Однако предательство хугияни и шинвари вызвало полное разложение войска несостоявшегося эмира: к Бачаи Сакао перешли не только племенные ополчения, но и части регулярной армии. Новый монарх приказал встретить их с оркестром и зачислил в состав своей армии.

После поражения Али Ахмад-хана под Кабулом ночью 10 февраля 1929 года был подорван склад боеприпасов в Джелалабаде, взрыв спровоцировал панику среди жителей. Воспользовавшись неразберихой, шинвари, которые, по мнению некоторых исследователей, организовали взрыв, захватили и разграбили город. Ночью шинвари уничтожили 300 воинов из племени тури, составлявших личную охрану Али Ахмад-хана, во время ночного погрома были убиты 800 горожан, центр полностью разрушен. Сам Али Ахмад-хан вновь спасся. Он бежал в Индию, откуда через Белуджистан вернулся в Афганистан и присоединился к Аманулле-хану, организовывавшему новый поход на Кабул для возвращения престола.

Советское руководство не сразу выработало четкую позицию по ситуации в Афганистане. Бачаи Сакао происходил из бедной крестьянской семьи, что позволяло объявить ниспровержение Аманулы крестьянским восстанием и провозгласить его народной революцией. Поддержка Бачаи Сакао представлялась руководству ОГПУ правильным тактическим шагом, чтобы не потерять позиции в стране после переворота. Москва получала из Афганистана сообщения, что поддержка Аманулы не имеет перспектив и способна укрепить предубеждения местных жителей против «безбожного» СССР. Чтобы прояснить обстановку в стране и планы свергнутого монарха, в Кандагар была направлена миссия под руководством партийного работника и сотрудника Коминтерна Василия Соловьева, которой были приданы радиостанция и самолет для оперативной связи. Соловьев со спутниками (летчик, механик, радист и переводчик) прибыли в Кандагар 13 февраля, причем советский эмиссар подчеркивал технический характер миссии, тем не менее ему удалось выяснить, что свергнутый монарх не имеет значительных военных сил для контрнаступления на Кабул и может надеяться только на выступление пуштунских племенных ополчений. Представители Аманулы, в частности министр иностранных дел Гулам Сиддик-хан, просили Соловьева об их скорейшей отправке самолетом миссии в СССР для налаживания контактов, но Соловьев отказал им из-за возможной перегрузки. Гулам Сиддику и другим пришлось добираться до Герата, ему удалось вылететь из Герата в Кушку. Из Кушки министр правительства в изгнании отправился 4 марта в Москву.

Кремль пытался создать видимость невмешательства в афганские дела и в феврале направил Старку телеграмму, в которой потребовал прекращения участия советских летчиков в боевых действиях против повстанцев и настоятельно советовал посольству и отдельным его

сотрудникам не выезжать вслед за Аманулой в Кандагар, а от генконсульства в Мазари-Шарифе потребовал опровергнуть сведения о переходе границы частями Красной армии. Возможно, местные власти выдавали за советское наступление рейды пограничников и приданных им подразделений РККА в погоне за пытавшимися скрыться на афганской территории отрядами басмачей.

Планы вмешательства СССР в афганский кризис разрабатывались с конца 1928 года. По замыслу дипломатов и разведчиков планировалось сформировать две армии: одну в районе Кандагара, из верных Аманулле племен дуррани, вторую на севере, с участием специально организованных отрядов Красной армии. Однако в декабре 1928 года Аманулла и его министр иностранных дел Гулам Сиддик-хан не дали определенного ответа на предложения советского посла в Афганистане Леонида Старка. Военный атташе в Афганистане Иван Ринк писал: «Игра стоит свеч, и, если удастся отстоять Аманулу и связать его определенными условиями, наше положение здесь будет крепким. Но в случае неудачи мы можем потерять все».

Советское руководство колебалось. В частности, в конце февраля Политбюро решило не выдавать оружие Гулям Наби-хану и его сторонникам, сославшись на слабую осведомленность о планах Аманулы, самому бывшему королю Москва отказалась выделить самолеты для вывоза семей и ценностей в Герат и, возможно, на советскую территорию. Кроме того, полпред Старк получил распоряжение о постепенном сокращении персонала и соблюдении строгого нейтралитета.

Вскоре выяснилось, что новый правитель и его окружение более лояльны к басмаческому движению, чем Аманулла и его губернаторы. Кроме того, новые власти на

местах были слишком слабы, чтобы противодействовать стремлению лидеров среднеазиатских повстанцев активизировать антисоветскую деятельность в приграничных провинциях.

В Афганистане проживали десятки и даже сотни тысяч узбекских, туркменских и таджикских декхан, бежавших от голода и антирелигиозных преследований за границу. При Аманулле с попытками помощи родственникам, жившим севернее Аму-Дарьи и Пянджа, боролись, но после его отречения ситуация изменилась. Хабибулла (это имя Бачаи Сакао принял после воцарения) симпатизировал «борцам за веру». Кроме того, он слабо контролировал положение в стране. Афганистан фактически распался на Центр, «Гератскую республику», где власть захватили национальные меньшинства, «Кандагарское правительство» Аманулы и другие образования. Отряды басмачей то и дело стали прорываться через реки и горы, что раздражало советские власти, чьи позиции в кишлаках и аулах не были особенно прочными.

В конце августа 1928 года банда Утанбека (170 человек) переправилась в районе Айваджа на советскую территорию, 31 августа командир маневренной группы Сарайского погранотряда Иван Масленников (будущий генерал и Герой Советского Союза) двинулся в погоню, настиг банду и с ходу атаковал ее. Банда, потеряв до 30 человек убитыми и ранеными, отошла в кишлак Ходжа Мильк и в начале сентября после неудачных столкновений вынуждена была бежать в Афганистан. В январе 1929 года в Кабуле бывший бухарский эмир Алим-хан провел совещание с курбаши, где обсуждался план похода в Таджикистан.

Разведывательный отдел САВО 10 марта 1929 года доносил: «Вслед за захватом власти в Афганистане Хабибуллой отмечается резкое повышение активности басмшаек, уча-

щаются случаи перехода на нашу территорию... узбеки — бывшие басмачи принимали активное участие в совершении переворота и привлекаются к охране границ. Хабибулла установил контакты с эмиром бухарским и Ибрагим-беком, (один из лидеров басмачей. — *Авт.*) обещал оказать содействие в походе на Бухару... Развернувшиеся в Афганистане события, развязывая силы басмаческой эмигрантщины, создают угрозу спокойствия на нашей границе...»

Первым наступление начал Каратегинский бек Максум, 13 апреля 1929 года его отряд переправился через Пяндж в Дарвазе, захватил Калаи-Хумб, где расстрелял всех советских работников, учителей и местных активистов. 15 апреля отряд Курширмата захватил центр Ванчского района, где также учинил расправу. Из Калаи-Хумба Максум перешел в Каратегин, где не было советских войск, его отряд вырос до 400 человек. Сведения о переходе границы достигли Душанбе. 15 апреля, когда Максум дошел до Гарма, он рассчитывал, что и здесь не встретит сопротивления, но в Гарме был создан отряд из 18 человек чекистов и советских работников. Этот отряд погиб в 35 км западнее Гарма в неравном двухчасовом бою с Максумом. Но вскоре, 22 апреля, в Гарм перебросили на самолетах 52 красноармейца во главе с будущим генералом Тимофеем Шапкиным с 4 пулеметами. Посадочный десант вытеснил басмачей из Гарма, последние при отходе попали под удар 79-го кавполка, потеряв около 50 человек убитыми, Максум отошел в направлении Тавильдары. После засады, устроенной будущим героем обороны Москвы Иваном Панфиловым, Максум 3 мая вернулся в Афганистан, тогда же потерпел поражение и Курширмат.

В Среднеазиатском бюро ЦК ВКП(б) оценивали ситуацию несколько по-иному: «События в Афганистане объективно являются одним из звеньев антисоветской

деятельности английского империализма на Востоке. В результате пала не только сопротивляемость Афганистана перед натиском английского империализма, но и последний приобрел в лице Баче-Сакау (так в документе. — *Авт.*) послушное орудие для укрепления английского влияния внутри Афганистана и для усиления антисоветской деятельности в приграничных с нами районах. Антисоветские тенденции Баче-Сакау находят свое отражение в усилении закордонной басмаческой иммиграции, переговорах с бухарским эмиром... Одновременно растущая в республиках Средней Азии в результате успешного социалистического наступления активность байства, духовенства и буржуазно-националистической интеллигенции также пытается использовать события в Афганистане в интересах борьбы против Советской власти...»

В середине марта активизировался генеральный консул Афганистана в Ташкенте Гулям Наби-хан, представитель влиятельного афганского клана Чархи. Он бомбардировал советское руководство просьбами о помощи и вел работу по сбору афганских сил из числа соотечественников, живших и учившихся в Европе и СССР. Он просил ЦК ВКП(б) разрешить формирование на советской территории отряда из покинувших страну сторонников Аманулы.

Тем временем сам король активизировался и попытался перехватить инициативу. Первое время призывы Аманулы выступить против Бачаи Сакао не вызвали отклика. Вожди приграничных племен клялись ему в верности, обещали помощь, но не предпринимали конкретных действий. 22 февраля 1929 г. свергнутый падишах сказал кандагарцам, что если не увидит помощи в ближайшие дни, то вынужден будет покинуть город.

Обстановка кардинально поменялась, когда Аманулла-хан 28 февраля по предложению местной знати и духовен-

ства после общей молитвы взял в свои руки плащ Пророка и перенес его в одну из мечетей Кандагара. Этим он, по словам советского наблюдателя, доказал населению, что Аллаху угодно «его царствование» и победа будет на его стороне.

Известие об этом повлияло на настроения пуштунов. На волне священной войны начался приток добровольцев в Кандагар. Через три недели численность племенного ополчения превысила 12 000 человек, из которых огнестрельное оружие имели менее двух третей. Кроме этого, прибыла кавалерийская часть в 1300 всадников при 4 орудиях. К середине марта Аманулла сосредоточил более 18 000 бойцов (в том числе более 6000 — регулярной армии) при 14 орудиях и 15 пулеметах для наступления на Кабул.

Армия Аманулллы-хана могла усилиться, если бы англичане передали бывшему эмиру 70 пулеметов, закупленных им во время последней зарубежной поездки, и заказанные им в Великобритании 2000 винтовок с 1 млн патронов.

Тем временем Кабул, где находилась армия Бачаи Сакао, оказался в кольце восстаний, поднятых аманулллистами. Еще до наступления Аманулллы-хана из Кандагара войска «эмира» Хабибуллы понесли большие потери в боях к югу от Кабула. В конце февраля вождь вардаков Карим-хан вместе с вазирами и хезарейцами разгромил крупный отряд Бачаи Сакао. Больше месяца вардаки и их соратники сковывали главные силы нового эмира Хабибуллы. По данным советской военной разведки, на первом этапе этих боев племенам из Логара, Гардеза и Газни сопутствовал успех: от Кабула их отделяло лишь 12 км. Кроме этого, с востока к афганской столице подходили моманды, намеревавшиеся присоединиться к Аманулле.

Бачаи Сакао смог, используя артиллерию и авиацию, стабилизировать ситуацию. Эта победа досталась ему до-

рогой ценой: более 4000 бойцов сражалась против вардаков, еще 5000 — в Логарской долине. Значительные силы нового эмира действовали в северных районах Афганистана. В итоге в кабульском гарнизоне осталось всего 2000 человек. В середине марта 1929 г. Бачаи Сакао оказался в той же ситуации, что и Аманулла накануне отречения: главные силы его армии увязли в Южном Афганистане, а в самом Кабуле росло недовольство правящим режимом.

В этой ситуации Аманулла-хан имел шансы на победу, но затянул с выступлением. 27 марта Аманулла-хан выступил из Кандагара с явно недостаточными силами: от 8 до 10 тысяч человек и 12-15 орудий. Через две недели его войска подступили к Газни. Однако вместо решительного штурма города с небольшим по численности гарнизоном (2000 человек и 2-3 орудия) регулярные войска при поддержке племенных ополчений приступили к осаде и вялым перестрелкам.

Тем временем 21 апреля 1929 г. в Кабул прибыли вожди племени сулейман-хель, поклявшиеся в верности «эмиру» Хабибулле-хану. Приобретение новых союзников у пуштунских племен изменило расстановку сил. Зная из письма о готовившемся выступлении гильзаев против Амануллы, Бачаи Сакао решил начать наступление на Газни сразу же после атак сулейман-хель против войск экс-эмира. Племя получило из Кабула оружие, деньги и боеприпасы и начало активные действия. Отряды сулейман-хель сконцентрировались южнее Газни и постоянно прерывали его коммуникации в тылу, не допуская подхода подкреплений из Кандагара. Они, в частности, подорвали мост неподалеку от Газни и во многих местах перекопали дорогу из Кандагара. Одновременно с активизацией повстанческого движения в тылу Амануллы к Газни вышел Сеид-Гуссейн. Объединенные силы сулейман-хель и армии Бачаи Сакао разгромили главные силы Амануллы. В ожесточенных

боях значительная часть армии Аманулы была разбита и сдалась в плен. От полного поражения ее спасло мужество хезарейцев, которые не позволили гильзаям замкнуть кольцо окружения.

Червоный казак в афганских горах

Тем временем, после встречи Сталина с братом Гуляма Наби-хана, афганским министром иностранных дел Гуламом Сиддик-ханом, в которой участвовал Виталий Примаков, советское руководство изменило свою точку зрения. 21 марта Политбюро постановило разрешить формирование отрядов, которые должны были помочь вернуть Аманулле трон. Отряд Красной армии, предназначавшийся для наступления на Мазари-Шариф, предполагалось замаскировать под афганский. Планировалось также направить оружие в Кандагар через Герат. Москва намеревалась потребовать оплатить поставки оружия натурой: хлопком, шерстью, ценностями и кожей.

Советское руководство и представители Аманулы договорились укрепить афганских добровольцев отрядом численностью около 800 красноармейцев и командиров под командованием Примакова, который должен был действовать под псевдонимом Рагиб-бея. Формальное руководство отрядом возлагалось на Гуляма Наби-хана, для командования подразделениями, организованными из иностранцев, были собраны афганские офицеры, обучавшиеся в советских военных школах. Ключевой целью операции было упрочить двусторонние отношения, усилить советское военное и политическое влияние в стране. Руководство формированием отряда поручили заместителю командующего Среднеазиатским военным округом Маркиану Германовичу, который лично отбирал командиров для участия в секретной операции.

Вскоре выяснилось, что афганцы хорошо умеют стрелять, но почти не разбираются в устройстве русских винтовок, и, чтобы перезарядить их... бьют по затвору камнем. Более сложное по конструкции вооружение они первое время не признавали. Поэтому пулеметные и орудийные расчеты были укомплектованы красноармейцами. Небольшой по численности отряд был оснащен 10 станковыми и 12 ручными пулеметами, 2 горными орудиями и подвижной радиостанцией. Первый сабельный эскадрон конного отряда был укомплектован красноармейцами-туркменами, второй сабельный эскадрон имел смешанный национальный состав. Пулеметный эскадрон и полубатарея были укомплектованы преимущественно бойцами славянского происхождения, что повышало риск расшифровки отряда. Кроме того, в распоряжении Примакова находился резерв комсостава в 7 человек, вооруженных автоматами.

Формирование сводного отряда велось поспешно, советские представители сетовали на нарушение режима секретности и привлечение Гулямом Наби-ханом «различного сброда». В Керки и других приграничных городах в сторону государственных рубежей днем и без соблюдения маскировки направлялись отряды с седлами и оружием европейского образца. Впрочем, как отмечает историк Владимир Бойко, это могли быть преднамеренные утечки со стороны афганцев, призванные продемонстрировать противнику масштаб привлеченных ими сил. Как отмечал впоследствии Примаков, главной силой отряда были советские кавалеристы и отряд пехоты, сформированный из эмигрантов-хезарейцев.

Советские руководители и соратники Аманулы предполагали, что после занятия Мазари-Шарифа Гулям Наби-хан и его окружение сформируют в городе и окрестностях армию численностью в 5000–6000 бойцов, а большая

часть советских бойцов и командиров (за исключением артиллеристов, технических специалистов и инструкторов-пулеметчиков) возвратится в СССР.

К 10 апреля 1929 года отряд под командованием «кавказского турка Рагиб-бея» был подготовлен к выступлению. Перед выступлением комсостав и красноармейцы были собраны в изолированном дворе, им сообщили задачу предстоящей операции: разбить басмаческие банды, сформированные на афганской территории для налета на советскую Среднюю Азию. Ввиду отсутствия официального согласия афганского правительства советский отряд сопровождали афганцы и бывший министр Гулям Наби-хан. Свержение британского ставленника (как объясняли участникам рейда) и помощь возвращению прогрессивного правительства Аманулы могли улучшить советско-афганские отношения и снизить напряженность на границе. Одновременно бойцам и командирам внушали, что они должны вести себя на афганской территории как «хорошие мусульмане», местные обычаи и религиозные обряды русской части отряда должны были разъяснить командиры-туркмены. В ночь на 14 апреля разведчики бесшумно сняли афганскую заставу на южном берегу Аму-Дарьи и двинулись на юг.

После трудного пути по глубоким барханам и усеянному булыжником ущелью Дев Кала отряд лишь к вечеру добрался до большого кишлака Дали, где был уничтожен афганский погранпост, причем трем пограничникам удалось бежать. На следующий день отряд, преодолев песчаную бурю, подошел к приграничному городу Келиф, гарнизон которого (70 человек) сдался без боя и был принят в ряды воинства Гуляма Наби-хана. В Келифе к отряду присоединились переправившиеся через Аму-Дарью пехота, два орудия и два станковых пулемета. Штаб отряда придал афганской пехоте для

усиления огневой мощи и укрепления морального духа 6 станковых пулеметов.

17 апреля 1929 года губернаторы Мазари-Шарифской провинции заявили протест по поводу организации на советской территории отряда Гуляма Наби-хана и занятия им ряда приграничных населенных пунктов. Несмотря на обстоятельства, подтверждавшие заявление, советский генеральный консул сделал решительное опровержение о советском вмешательстве в дела Афганистана. Представители Наркомата иностранных дел в Узбекистане делали вид, что СССР не имеет никакого отношения к действиям отряда Гуляма Наби-хана, поскольку в обзоре о положении в Афганистане за апрель 1929 года указано, что 22 апреля Мазари-Шариф заняли... отряды, верные Аманулле.

18 апреля, после того, как ураган стих, Примаков решил выдвинуть отряд на юг комбинированным маршем (пехоту утром, а конницу позднее). Однако в планы советского командования вмешались местные особенности: хезарейцы отказались выступить рано утром из-за отсутствия продовольствия для завтрака, поход пришлось отложить. Не торопился с выходом и Гулям Наби-хан, который не закончил обедать к 14.00. «Я отказался ему уступить и приказал выступить по маршруту, а сам остался дожидаться Гуляма Наби-хана и потом заставил его на рысях догонять со мной отряд. Рысь для его комплекции достаточное наказание», — писал впоследствии Примаков.

19 апреля отряд несколько изменил маршрут, чтобы покинуть туркменские кишлаки, жители которых были настроены к отряду недружественно, и пошел через район, заселенный преимущественно хезарейцами. 20 апреля он достиг крупного (около 300 дворов) кишлака Доулетабад, население которого восторженно встретило Гуляма Наби-хана.

Вскоре вспыхнули первые столкновения с подразделениями афганской армии, советской кавалерии удалось

взять нескольких пленных, захватить одно орудие и ручной пулемет. Действия противника и допрос пленных показали, что противник опасается удара на Балх, где были сконцентрированы около полка пехоты и конные подразделения. Примаков решил перехитрить противника и нанести удар на столицу северного Афганистана Мазари-Шариф.

Введя противника в заблуждение демонстративным движением на Балх, Примаков направил главные силы группы к Мазари-Шарифу, и утром 22 апреля подразделения отряда вышли к городским окраинам. Наступление, по мнению командира отряда, развивалось медленно из-за слабой обученности пехоты, неподготовленной к уличным боям и взятию фортов. К 15 часам спешенной коннице и пехоте удалось зацепиться за окраины и занять несколько дувалов, но дальнейшее продвижение было остановлено огнем оборонявшихся кухистанцев из дворца губернатора Мирзы Касыма и артиллерии одного из фортов. Дворец и примыкавший к нему сад удалось очистить только после того, как глиняные стены проломили артиллерийским огнем. Безуспешное, но упорное наступление показало, что борьба будет тяжелой. К вечеру отряд захватил в Мазари-Шарифе 5 орудий и значительное количество стрелкового оружия, а также всю губернскую казну (до 3 млн серебряных рупий). Местный гарнизон потерял до 250 человек только пленными. Среди красных кавалеристов 10 человек было ранены, в афганской пехоте отряда погибли 10 офицеров и 30 рядовых, более 50 бойцов были ранены. Гулям Наби-хан отправился в центр города, обещая наладить власть и сдачу расположенного неподалеку от Мазари-Шарифа форта Дейдади, но его гарнизон вместе с отступившими из города приверженцами Бачаи Сакао пытался контратаковать «кавказских турок».

Вскоре из Мазари-Шарифа в Ташкент полетела телеграмма о взятии города. А из штаба САВО в Москву отправилась депеша следующего содержания: «Мазар занят отрядом Витмара». Расшифровать псевдоним не составляет труда: это был Виталий Примаков.

Одновременно из Герата в направлении города Меймене начал наступление отряд сторонника Аманулы Магомеда Гаус-хана. Однако его боеспособность была крайне слабой из-за недоверия к командному составу и межплеменных распрей. Войско Гаус-хана, состоявшее преимущественно из таджиков, под городом Кала-и-Ноу сдалось наступавшему от Меймане на Герат Абдуррахим-хану, стороннику Бачаи Сакао, контролировавшему север Афганистана. Магомед Гаус-хан и его окружение (более 100 человек) перешли советско-афганскую границу и были интернированы. Разгром Магомеда Гауса ставил под угрозу выполнение плана операции.

Несмотря на успешное начало рейда, Примаков беспокоился за его исход. Гулям Наби-хан при подготовке похода уверял своих покровителей, что в глубине афганской территории к отряду присоединятся тысячи людей. Действительность опровергла ожидания. Примаков сообщал: «Операция задумывалась как действия небольшого конного отряда, который в процессе боевой работы обрастет формированиями, но с первых дней пришлось столкнуться с враждебностью населения». Примаков также сетовал, что после занятия Мазари-Шарифа афганские пехотинцы рассыпались по чайханам и дуванам и для их сбора требовалось немало времени. Уже утром 23 апреля он также просил перебросить на самолете 100 снарядов для пополнения боезапаса батареи.

Через день гарнизон крепости Дейдади, расположенной неподалеку от Мазари-Шарифа, при поддержке племенных ополчений предпринял первую попытку выбить

отряд из главного города северного Афганистана. Плохо вооруженные афганские солдаты и ополченцы с религиозными песнопениями шли под пулеметный и орудийный огонь. Цепи были густы, и пришельцев выручали только плохая организация наступления и умелый маневр огнем. Витмар попросил помощи из Союза. На помощь был выслан эскадрон с пулеметами, но, встреченный превосходящими силами противника, он был вынужден возвратиться на советскую территорию. 26 апреля самолеты доставили в Мазар 10 пулеметов и 200 снарядов.

После нескольких неудачных попыток штурма города афганские военачальники чтобы принудить пришельцев к сдаче, прибегли к простому, но очень эффективному способу: перекрыли арыки, по которым в город поступала вода. В афганской части отряда Витмара начался ропот.

Поставленный перед угрозой разгрома, Витмар отправил в Ташкент новое донесение: «Окончательное решение задачи лежит в овладении Дейдади и Балхом. Живой силы для этого нет. Необходима техника. Вопрос был бы решен, если бы я получил 200 газовых гранат (иприт, 200 хлоровых гранат мало) к орудиям. Кроме того, необходимо сделать отряд более маневроспособным, дать мне эскадрон головорезов... Мне отказано в эскадроне, авиации, газовых гранатах. Отказ нарушает основное условие: возьмите Мазар, потом легально поможем. Если можно ожидать, что ситуация изменится и мы получим помощь, я буду оборонять город. Если на помощь нельзя рассчитывать, то я буду играть ва-банк и пойду брать Дейдади. Возьму — значит, мы хозяева положения, нет — значит, обратимся в банду и ищем путей домой». Близкую по тону и содержанию телеграмму отправил 2 мая в Москву Гулям Наби-хан: «Мазар окружен. Отрезаны от источника воды. Нет патронов, винтовок и т.д. В результате пропаганды удалось собрать много людей, но нет оружия для них.

Противник усиливается с каждым днем, в Дейдади много оружия… Если не пришлете помощи, то погибнем. Я не жалею своей жизни, но обидно, что все потеряно».

Курировавший восточные дела замнаркома иностранных дел Лев Карахан опасался, что активизация боевых действий и участие в них советских самолетов дадут афганским властям и иностранной печати право говорить о советском вмешательстве. Особенно их пугала перспектива захвата в плен советских бойцов и(или) командиров или их тел, что подтвердило бы слухи о вторжении Красной армии. Тем не менее отряду была оказана более действенная помощь. 5-6 мая авиация Среднеазиатского ВО несколько раз штурмовала боевые порядки противника. А днем раньше через границу переправился второй отряд из 400 красноармейцев при 6 орудиях и 8 пулеметах.

Примаков, узнав о том, как происходил переход, заметил: «Заставу можно было скрасть и снять безо всякого шума и Дыбенко (командующий САВО. — *Авт.*) напрасно придает переправе характер формальной войны».

После двухдневного форсированного марша Зелимхан (вероятно, под этим псевдонимом в Афганистане действовал будущий генерал И.Е. Петров) вышел к Мазари-Шарифу. Вместе с осажденными они отбросили афганцев в крепость. 8 мая после бомбардировки с воздуха и артиллерийского обстрела гарнизон Дейдади покинул цитадель, оставив победителям немалые трофеи.

Чтобы замаскировать вторжение, Политбюро распорядилось дать в печать ряд сообщений о том, что банды Ибрагимбека проникли на территорию СССР и грабят население; сообщить в печати, что банды басмаческих «вождей» лишили воды Мазар, запрудив реку, ввиду чего Наби-хан бомбардировал банды и их расположение с аэроплана, а также что у банд имеются английские винтовки. Было также решено продать аэропланы афганцам за на-

личные, дать аэропланам афганские наименования и сделать соответствующие надписи на них, а также начать немедленно обучение афганцев, чтобы они смогли через месяц заменить наших летчиков. Кроме того, Кремль предписал устранить на радиотелеграммах русские подписи (Дыбенко, Ворошилов и т.п.), заменив их афганскими или турецкими псевдонимами (Асан, Ибрагим, Садык и т.д.). Предполагалось также разбросать с аэропланов воззвание от имени Гулама Сиддика или Аммануллы об исламе, независимости, борьбе с агентами Англии, развитии торговли, снятии (временно) налогов с крестьян и т.д., направить информаторов к Надир-хану и Аманулле. Наконец, Политбюро требовало отозвать отряд в 500 человек немедленно после взятия Дейдади и не посылать части Красной армии в Герат.

Тем временем Кремль планировал дальнейшее развитие операции. Военные, ОГПУ и Наркомат иностранных дел разрабатывали план совместной операции, предусматривавшей освобождение афганского севера силами специального отряда во главе с военным атташе посольства в Кабуле Примакова и Гуляма Наби-хана с одновременным ударом на мейменинском направлении формирований Мохаммада Гаус-хана, который был военным диктатором Герата.

Согласно этому плану, принятому в начале мая, после издания фирмана о возобновлении борьбы Гулям Наби-хан должен сосредоточиться на организации афганской армии численностью 5000–6000 бойцов в районе Мазара. Он не должен рассредоточивать силы в северных провинциях страны. В Мазари-Шарифе предполагалось оставить гарнизон около 500 человек с пулеметами и артиллерией, он должен основные свои силы, состоящие из афганцев, направить против Кабула, имея в виду его освобождение. Меймене должен был занять отряд Гауса, который пред-

полагалось пополнить до 500–600 человек и придать ему батарею и 10 пулеметов с советскими расчетами, а также инструкторов и советника. Афганский генерал должен был двигаться на запад страны, прочно закрепиться в Герате, прикрыв развертывание главных сил сторонников Аманулы на севере страны.

Гуляму Наби-хану следовало иметь в виду, что после краткого пребывания на афганской территории основной отряд Красной армии будет отозван в СССР, в его отряде будет оставлено минимальное количество русских из пулеметчиков и артиллеристов (зачеркнуто — «и таджиков») причем СССР будет ограничиваться помощью оружием. То же самое относится и к отряду Гауса.

СССР считал ключевым принципом операции освобождение Афганистана самими афганцами, а не русскими.

Отдельные положения плана развивал начальник Разведуправления Красной армии Я.К. Берзин в записке заместителю наркома иностранных дел Льву Карахану от 13 мая 1929 года. Берзин предлагал продать Гуляму Наби-хану три самолета типа «Юнкерс», поменять советских летчиков на афганских (их было всего двое). Для занятия Меймене и прикрытия Гуляма Наби-хана от удара со стороны Герата предполагалось содействовать Мамеду Гаусу. «Требуется, чтобы Гулам Сиддик (брат Гуляма Наби-хана, министр иностранных дел в правительстве Аманулы) поторопил его (Мамеда Гауса. — *Авт.*). Мы считаем наиболее целесообразным для Гуляма Наби заняться формированием смешанных отрядов (пехота, кавалерия) с артиллерией и командой пулеметчиков, которые могли бы самостоятельно действовать в отдельных направлениях», — считал Берзин. Формирование полноценной дивизии в Москве посчитали нецелесообразным и решили отложить. По советским планам, отряд Гуляма Наби-хана должен был в кратчайшие сроки захватить перевалы из

Кабула в Мазар и прочно удерживать их от возможных попыток кабульских властей вернуть их под свой контроль. Однако от действий на гератском направлении вскоре пришлось отказаться: Шуджа, назначенный Аманнуллой Губернатором гератской провинции, вынужден был оставить город под натиском сторонника Бачаи Сакао Абдуррахима. Советские власти и военные решили не усугублять напряженность на туркменском участке границы и отправили Мохаммада Гауса в Ашхабад.

Объединенный отряд из подразделений Красной армии и афганских добровольцев после краткого отдыха двинулся дальше на юг, захватив еще два города: Балх и Ташкурган. Такое развитие событий явно не устраивало новое афганское правительство, которое решило уничтожить вторгшихся чужеземцев и бросило против них дивизию под командованием одного из лучших своих полководцев Сеида Гуссейна.

Примакова в этот момент внезапно вызвали в СССР, 18 мая он на специальном самолете вылетел в Ташкент. Командование отрядом принял Али-Авзаль-хан. Под этим псевдонимом в отряде находился Александр Черепанов.

Он принял решение продолжать продвижение к Кабулу. Но 23 мая пришло известие о том, что дивизия Сеида Гуссейна внезапно овладела Ташкурганом, перерезав тем самым пути снабжения и поставив под угрозу само существование отряда. В стане Гуляма Наби-хана началась паника, его чиновники спешно потянулись к советской границе. Али-Авзаль-хан вынужден был развернуться и двинуться к Ташкургану. Утром 25 мая после артиллерийской подготовки и авиационной бомбардировки красноармейцы ворвались в город. Упорнейший бой продолжался два дня. Город трижды переходил из рук в руки, но в итоге афганцы вынуждены были отступить. Однако

и после этого продолжение операции, тем более успешное ее завершение, не стало менее проблематичным. В ходе боя за Ташкурган были израсходованы почти все снаряды, даже неприхотливые русские горные трехдюймовки разогревались настолько, что у двух из них вырвало стволы, а в стволах «Максимов» вода из горных ключей скоро превращалась в пар. Отряд понес серьезные потери (убито 10 командиров и красноармейцев и 74 хезарейца, ранено 30 красноармейцев и 117 хезарейцев) и был отведен на отдых.

Впрочем, главное препятствие для дальнейших действий состояло в другом: маленький отряд не мог успешно действовать без поддержки местных жителей. Узбеки, таджики, туркмены и представители других меньшинств (за исключением хезарейцев) были настроены к Гуляму Наби-хану нейтрально или враждебно. Туркмены-эмигранты и вовсе намеревались выбить вторгшиеся отряды из Мазари-Шарифа и уничтожить их. К Ханабаду стягивались племенные ополчения, намеревавшиеся пополнить части и отряды Сеида Гуссейна. Пока бойцы и командиры отдыхали, пришло известие, что пытавшиеся продвинуться к столице Афганистана сторонники Аманулы потерпели поражение.

После поражения при Газни гильзаи активизировались в тылу отрядов бывшего монарха и начали разрушать дороги и нападать на гарнизоны. 2 июня под совместным натиском сторонников Бачаи Сакао и поддержавших его племен Кандагар пал, Аманулла бежал с семьей в Индию. В этой ситуации продолжение войны силами маленького отряда становилось бессмысленным, и 28 мая штаб Среднеазиатского ВО отдал приказ о возвращении на Родину. В течение нескольких дней это решение было выполнено. В этой операции участвовали подразделения 81-го

кавалерийского и 1-го горнострелкового полков и 7-го конного горного артиллерийского дивизиона. В документах частей она значится как «Ликвидация бандитизма в южном Туркестане». Несмотря на то, что более 300 ее участников были награждены орденом Красного Знамени, а остальные — ценными подарками, изложение операции в исторических формулярах было запрещено.

Как отмечал впоследствии военный атташе в Афганистане Константин Соколов-Страхов, технические средства борьбы не оказали большого влияния на ход военных действий. В скалистых горах артиллерия не могла нанести большие потери противнику, шрапнельные пули не доставали повстанцев, умело находивших естественные укрытия за любым камнем. Фугасные снаряды имевшихся на вооружении афганской армии орудий были не в состоянии раздробить каменные глыбы. Авиация и моторизованные части также оказывали более слабое воздействие на противника, чем на равнине.

«Рассчитывать, что одним техническим превосходством можно справиться с повстанчеством в горах, — иллюзия. Решающее значение в горной местности играет оперативное искусство в комбинации с подвижностью войск», — резюмировал репрессированный впоследствии комбриг. Любопытно, учитывались ли эти заключения, когда принималось решение о вводе советских войск в Афганистан в 1979 году, когда в горную страну направили обычные танковые и мотострелковые части и соединения?

Боевые действия на севере Афганистана и сведения об участии в них советских войск и авиации породили нервозную реакцию Кабула. МИД страны направил представление поверенному в делах СССР в Афганистане Эдуарду Риксу (полпреда Старка отозвали за панические телеграммы в январе-феврале, где он прогнозировал скорую ми-

ровую войну) о нарушении обязательств двустороннего договора и агрессии. Советским дипломатам пришлось опровергать «провокационные слухи» и доказательства афганской стороны и парировать их обвинениями в попустительстве афганских властей нападениям басмачей на приграничные советские территории. В проекте ответной ноты предполагалось объявить, что советскому правительству не были и не могли быть известны пункт перехода границы Гулямом Наби-ханом и источник его вооружения. Утверждалось также, что ни один советский самолет за время гражданской войны не появлялся над афганской территорией, а советское правительство строго соблюдает пункты советско-афганских договоров 1921 и 1926 гг. о невмешательстве во внутренние дела Афганистана и уважении его территориальной целостности и независимости. Советским дипломатам в той ситуации не позавидуешь: им приходилось отрицать очевидное и настаивать на непричастности Москвы к вторжению Гуляма Наби-хана и Примакова. Вскоре после провала экспедиции, в начале июня 1929 года Москва дала понять, что в случае укрепления власти Бачаи Сакао она готова признать его правительство.

Возвращение советских и афганских отрядов вызвали новую волну беспорядков на севере страны. Мазари-Шариф подвергся трехдневному грабежу кухистанцами, часть которых вырвалась из местной тюрьмы, тех выбили из города хезарейцы. Беспорядки прекратились после того, как местные старейшины договорились о прекращении межплеменных и межнациональных распрей и создании провинциального правительства во главе с авторитетным таджикским лидером Мирзой Касымом.

Экспедиция закончилась, но в штабе Среднеазиатского ВО продолжалась разработка операции по борьбе с Бачаи Сакао. Один из ее вариантов предусматривал возвращение

Аманулы при сохранении независимости Афганистана, другой — создание на севере страны марионеточной республики с дальнейшим ее присоединением к Советскому Союзу.

Изгнание Бачаи Сакао

Бачаи Сакао и его окружение не сумели организовать прочного государства. Сам факт захвата власти в Афганистане таджиками вызвал раздражение пуштунских племен, считавших подобную ситуацию неприемлемой и оскорбительной для их достоинства. В августе 1929 года новые власти начали сбор налогов, правительство пыталось собрать его среди привилегированных афганских племен. Это вызвало восстание сначала среди шинвари, вскоре к ним присоединились дуррани. В середине месяца их поддержали жители провинции Хост. 20 августа началось восстание в городе Хост под руководством Надир-хана, вернувшегося в страну бывшего военного министра правительства Аманулы. 15 сентября отряды дуррани заняли Кандагар.

Бачаи Сакао повторил ошибку Аманулы, разбросав войска на большой территории. Большое наступление Надир-шаха началось 25 сентября, при появлении сведений о его движении на Кабул таджики в столице и в окрестностях поспешно начали отправлять свои семьи из Кабула в Кухдаман. Уже 7 октября Надир-шах разгромил главные силы противника и начал спускаться к Кабулу, 8 октября его войска заняли столицу. Чтобы подтвердить легитимность новой власти, Надир-шах созвал джиргу, собрание племенных лидеров и авторитетов, которое должно было провозгласить его королем. Что любопытно, советского временного поверенного в делах Рикса пригласили на совещание, на котором планировалось обсудить послед-

ствия занятия Кабула войсками Надир-шаха. Еще спустя два дня Надир-шах был провозглашен падишахом.

Бежавший из Кабула Бачаи Сакао сумел пробиться к двинувшемуся ему на помощь Сеиду Гуссейну, но их общие силы не превышали 1000 человек. Бачаи Сакао пытался дать бой отряду в 5000 бойцов, но потерпел поражение. 12 октября недавний эмир прислал письмо с изъявлением покорности Надир-шаху и 22 октября сдался властям. Угроза очередного восстания таджиков вокруг Кабула породила нервную реакцию нового правительства. При обсуждении 1 ноября вопроса об участи мятежников большинство его министров высказались за казнь. 2 ноября Бачаи и 11 его соратников повесили на аэродроме.

20 октября Политбюро после консультаций с Персией и Турцией приняло предложение НКИД о признании правительства Надир-шаха, согласовав предварительно этот акт с Турцией и Персией, и утвердило проект ответа афганскому министерству иностранных дел с подтверждением от имени советского правительства неизменности добрососедских отношений между двумя государствами и готовность развивать их дальше.

Любопытна эволюция взглядов советского руководства на военно-техническое сотрудничество с Афганистаном. В конце сентября 1930 года СССР отказывался продавать оружие Надир-шаху, опасаясь его попадания к басмачам. Однако уже в октябре Политбюро согласилось продать оружие по бартеру, в обмен на сырье. Эти поставки сыграли свою роль в боевых действиях против формирований Абрагим-бека: в марте 1931 года известный курбаши был разгромлен хезарейским ополчением и туркменскими конными отрядами, выступившими против единоплеменников. Впрочем, продать в Афганистан самолеты Кремль отказался под предлогом недостатка их в Красной армии. Лишь в июле 1934 года была заключена

крупная сделка стоимостью 820 000 золотых долларов, СССР согласился поставить шесть четырехорудийных батарей (по две горных, полевых и полевых гаубичных) в течение полугода.

В конце июня 1930 года советские войска вновь появились в Афганистане, но на этот раз визит имел принципиально иной характер. Части сводной кавалерийской бригады под командованием Якова Мелькумова должны были по замыслу командования САВО уничтожить опорные пункты басмачей на афганской территории: «Перед переходом границы у поста Айвадж бойцам было произведено разъяснение о вторжении на территорию соседнего государства. Вторжение объяснялось необходимостью обеспечить социалистическое строительство в СССР и в частности Таджикистана и Узбекистана, необходимостью лишить басмачество экономической базы, истребить басмаческие кадры, причем все это должно явиться нашим подарком XVI съезду партии». И в самом деле, участники операции не встретили в ходе своего рейда противодействия со стороны местной власти и регулярной армии.

Хотя 23 июня бадахшанский генерал-губернатор прислал письмо, в котором упрекал советских командиров во внезапном переходе границы и призывал их возвратиться на свою территорию, но в дальнейшем представители местной администрации оказали помощь советским войскам в приобретении фуража.

Командиры частей строго следили, чтобы в ходе операции бойцы случайно не «задели» хозяйства и имущество коренных жителей, не затрагивали их национальные и религиозные чувства. Более того, даже оплата полученных припасов проводилась в удобной для населения валюте. Местные жители нередко соглашались быть проводника-

ми частей Красной армии из-за недовольства чужаками, занимавшими, по их мнению, лучшие земли.

Поначалу Ибрагим-бек хотел дать бой, но, узнав о силах, перешедших границу, ушел в горы, как и другой видный курбаши, Утан-бек, предупрежденный о приходе Красной армии своими агентами на границе. Поэтому, как сообщалось в отчете об операции, «нашим частям не пришлось встретить организованного сопротивления, и они ликвидировали отдельные шайки численностью по 30-40 джигитов, отдельных басмачей и их пособников. Всего уничтожено 839 человек басмачей, эмигрантов, активных пособников. Из главарей убиты глава религиозной секты Пир-Ишан, идейный вдохновитель басмачества, курбаши Ишан-Палван, Домулло-Донохан.

Сожжены и разрушены кишлаки Ак-Тепе, полностью уничтожен Али-абад за исключением части кишлака, населенной афганцами, уничтожены все кишлаки и кибитки в долине реки Кундуз-Дарья на протяжении 35 км и населенными кунградцами, локайцами (этнические группы узбеков. — *Авт.*), дурменами (этническая группа туркменов) и казаками (речь идет о казахах). Взорвано до 17 тыс. патронов, взято до 40 винтовок, сожжен весь эмигрантский хлеб, частично угнан и уничтожен скот... Коренное население тронуто не было. Местное афганское население отнеслось к Красной армии хорошо, не покинуло ни одной кибитки... Наши потери — утонул при переправе один красноармеец и ранены один комвзвода и один красноармеец».

По сообщениям командиров многие красноармейцы, особенно артиллеристы, были разочарованы походом: не удалось пострелять. Вообще эта экспедиция больше напоминала «поход за зипунами» казаков времен Стеньки Разина: при возвращении на Родину сводная бригада прихватила с собой 200 верблюдов, 80 лошадей и 400 баранов.

После завершения советской военной экспедиции в Афганистан в мае 1929 года и ослабления интереса Москвы к проблемам Афганистана и его эмиграции центром ее притяжения стала Европа. Одни, как Гулям Наби-хан, осели в Турции, другие — в Германии и Италии. Ядро аманулистов из числа бывших чиновников, действующих и уволенных дипломатов, а также студентов сформировалось в Германии. Они распространяли листовки, в которых разъясняли суть реформ Аманулы, объясняли причины их неудач и осуждали политику нового режима.

СССР предпочитал не обострять отношения с Надир-шахом и поддержавшей его Великобританией, стабильность двусторонних отношений и поддержание спокойствия на границе СССР счел важнее поддержки потерявшего власть союзника. В январе 1931 года Политбюро после серии набегов на приграничные советские территории разрешило Наркомату иностранных дел направить Кабулу ноту протеста, однако указало, что она должна быть составлена в формах, не нарушающих достоинства Афганистана. Кроме того, Кремль поручил дипломатам ответить афганскому правительству на его запрос письмом, в котором указать, что СССР не желает вмешиваться во внутренние дела Афганистана, но при попытках перехода банд на нашу территорию они будут разоружаться.

В декабре 1930 — январе 1931 гг. военному министру Афганистана Шах-Махмуд-хану, руководившему действиями афганских войск, удалось сосредоточить значительные силы регулярной армии и племенных ополчений и нанести поражение отрядам Ибрагим-бека. Басмачей теснили от Ханабада к советской границе. 6 марта в районе Талукана афганские правительственные войска разбили крупнейший отряд Ибрагим-бека, только убитыми курбаши недосчитался 315 джигитов. 16 марта в Ханабаде состоялась публич-

ная казнь 35 пленных. После операции афганских войск на севере страны Ибрагим-бек решил перейти на советскую территорию, его группировка, разделенная на три отряда общей численностью 1500 человек, перешла 30 марта 1931 г. Пяндж и вторглась в Таджикистан. 29 апреля 1931 г. на помощь ему двинулся Утанбек, который понес поражение в бою с пограничниками. Группировка Красной армии в Таджикистане была усилена, но ликвидация повстанцев затянулась. Угроза масштабного восстания во главе с наиболее влиятельным лидером басмачей вынудила командование САВО направить против Ибрагим-бека значительные силы: части 7-й Туркестанской кавбригады, 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, 83-й кавполк 8-й кавбригады, Узбекскую Кавбригаду, Таджикский стрелковый батальон, Киргизский кавдивизион, 35-й отдельный авиаотряд, бронемашины. Решающее сражение против Ибрагим-бека произошло в июне 1931 г. под Дербендом (в 30 км от Байсуна), его главные силы были разгромлены. 23 июня 1931 года Ибрагим-бек был захвачен в плен отрядом ОГПУ на берегу реки Кафирниган в отрогах хребта Бабатаг, доставлен в Ташкент и расстрелян в августе 1931 года.

Последние крупные столкновения пограничников и войск ОГПУ с басмачами вспыхнули двумя годами позднее. В мае 1933 банда Дурды Мурата вторглась в СССР, против нее выступил отряд 11-го Хорезмского кавполка ОГПУ под командованием командира дивизиона Гавриила Самохвалова. После длительного преследования в песках бойцам удалось обнаружить противника у колодца и атаковать его. Басмачи были разгромлены, но в бою погиб Самохвалов.

15 сентября 1933 года отряд басмачей в 150 человек при переправе обратно через Пяндж был уничтожен пограничниками.

После этого через границу пытались проникнуть лишь мелкие группы, надеявшиеся незаметно пересечь ее, воспользовавшись низкой плотностью охраны или плохой погодой.

Сторонники Аманулы обращались к советскому правительству с просьбами разрешить поездку лидера в Кушку, в предполагаемое расположение отряда из хезарейцев-эмигрантов. Аманулисты надеялись, что новая акция в поддержку свергнутого монарха поднимет Хазараджат, Кухистан и весь северный Афганистан. Москва разрешала кратковременное пребывание Аманулы-хана и экс-министра иностранных дел Гулама Сиддик-хана.

Выступление планировалось на осень 1930 года. Аманулла-хан потребовал у Надир-шаха: «Встань и уйди. Я достаточно силен. Не проливай кровь угнетенного народа». Однако это осталось словами. Ряд видных его сторонников сохраняли влияние на родине, но летом 1931 года Гулама Сиддик-хана назначили послом в Берлине. Несмотря на важность поста, это было почетной ссылкой. Гулям Наби-хан заверил нового монарха в лояльности и, официально примирившись с Надир-шахом, вернулся летом в 1932 году в Кабул, чтобы возглавить запланированное в Европе афганской оппозицией восстание против короля. Он пытался сыграть на антибританских настроениях племени вазиров, но восстания были быстро подавлены. По замыслу сторонников Аманулы Гулям Наби-хан должен был руководить заговором, но вел себя крайне неосмотрительно. По сообщениям советского посла в Кабуле Леонида Старка о деятельности Гуляма Наби-хана было известно Надиру и его тайной полиции, среди окружения одного из руководителей военной экспедиции было немало агентов контрразведки.

Надир опередил заговорщиков, в ночь на 9 ноября в Кабуле прошли повальные аресты сторонников Аманулы-хана. Гуляма Наби-хана солдаты королевской гвардии забили прикладами винтовок на глазах Надира. Его ближайшего соратника Джейлани-хана арестовали, после чего Гулама Сиддик-хана и его брата Азис-хана изгнали с дипломатической службы. Преследованиям подверглось все семейство Чархи, несколько мужчин были повешены. Репрессий удалось избежать только двум видным членам клана Чархи: бывшему министру иностранных дел Гуламу Сиддик-хану и экс-губернатору Мазари-Шарифа Абдулу Азизу. Казни подвергли также одного из соратников Аманулы Мухаммада Вали-хана, все его имущество было конфисковано, взрослые родственники брошены в тюрьму, а дети отчислены из учебных заведений и оставались под надзором полиции.

Оппозиция ответила на преследования террором. Летом 1933 года Саид Кемаль один из учащихся лицея Неджат, отправленный для продолжения образования в Германию, убил сардара Мухаммада Азиза, старшего брата Надир-шаха, а 8 ноября приемный сын Гуляма Наби-хана Абдул Халек во время выпускной церемонии лицеев убил Надир-шаха. В декабре Абдула Халека и 8 его родственников, обвиненных в участии в заговоре, казнили. Трон перешел к 19-летнему Захиру (Закиру), который правил Афганистаном до свержения монархии в 1973 году. Клановая война надолго прекратилась,

Гибель брата надломила Сиддик-хана. Чтобы возвратить силу духа, он совершил паломничество в Мекку, а затем в июне 1933 года приехал в Стамбул на встречу с Азизом, где братья решили бороться за восстановление власти Аманулы.

Еще до смерти Надир-шаха Сиддик и Азиз пытались получить помощь в его свержении в Турции. Кроме того,

Сиддик-хан предложил советским представителям помочь в организации восстания, которое должно было начаться в Джелалабаде. СССР, как планировали заговорщики, поддерживал повстанцев на севере. Аманулла просил Москву разрешить ему проезд на Родину, но Сталин не ответил, а затем в помощи отказал и Кемаль Ататюрк. СССР и Турция не хотели идти на новое обострение отношений с Великобританией, поддержавшей нового короля.

Чтобы убедить советское правительство пересмотреть отношение к афганским проблемам, Сиддик-хан «случайно» встретился в июне 1934 года в поезде с наркомом иностранных Максимом Литвиновым.15 июля 1934 года Политбюро разрешило выдать транзитные визы небольшой группе младоафганцев.

Несмотря на завершение гражданской войны и стабилизацию ситуации в Афганистане, интерес Советского Союза к событиям в соседней стране не угасал. 13 октября 1933 г. РВС Среднеазиатского военного округа поддержал строительство моста через Аму-Дарью у Термеза. По мнению командования округа, это улучшало условия для сосредоточения и развертывания советских соединений в северном Афганистане в случае угрозы нападения англо-индийских войск на СССР через его территорию.

Резидентура ОГПУ и Разведуправления Красной армии и дипломаты внимательно следили за обстановкой в приграничных районах Афганистана, использовали различные механизмы влияния на местных авторитетов для нейтрализации осевших на севере страны лидеров басмаческого движения. Как сообщал разведотдел САВО, в марте 1934 года афганские старейшины на севере организовали поиск и задержание главарей басмаческих отрядов за вознаграждение от афганских властей. В частности, в районе

кишлака Арабхан был пойман и обезглавлен курбаши Утанбек. Ряд ранее освобожденных руководителей антисоветского повстанческого движения повторно арестовали из опасений, что они снова займутся грабежами.

Туркменское басмачество было самым многочисленным, лучше вооруженным и воинственным. В августе 1939 года советское посольство в Кабуле в докладе о басмачестве в Северном Афганистане отмечало: «Туркменская эмиграция на границе представляет особо внушительную силу, которая может быть использована нашими антагонистами для диверсий и налетов на приграничные округа Туркменской ССР. По скромным подсчетам, вся туркменская эмиграция может выставить в месячный срок не менее 5000 бойцов на лошадях, вооруженных разнокалиберным оружием...» И хотя налеты крупных банд на советскую территорию к середине 1930-х гг. прекратились, наличие крупных очагов басмачества на севере Афганистана сохраняло напряженность на юго-восточных границах СССР.

Враждебно настроенные к СССР страны накануне и в годы Второй мировой войны стремились использовать басмачей против Советского Союза.

Аманулллисты даже намеревались провести свой съезд в СССР, но затем Советский Союз резко сократил взаимные контакты. Причиной были попытки взаимного сближения между властями нацистской Германии и сторонниками свергнутого эмира. В 1935 году Германия попыталась снова проникнуть в Афганистан. Нацисты и итальянские фашисты стремились использовать Аманулла-хана для организации масштабного антибританского восстания пуштунов вдоль индо-афганской границы, которое вынудило бы Лондон отказаться от вероятной переброски индийской армии в Европу.

Противники СССР тем временем стремились использовать для дестабилизации обстановки в Средней Азии и на южных рубежах Советского Союза бежавших за границу. С середины 1930-х гг. на них обратила внимание японская разведка. Вскоре после установления дипломатических отношений с Афганистаном в 1935 году японцы предложили правительству Хашим-хана заключить секретное соглашение, по которому афганские власти и правоохранительные органы не препятствовали японским спецслужбам вести разведывательную и диверсионную работу против Советского Союза. Кабул отклонил эту инициативу, тем не менее Япония пыталась организовать агентурную сеть в приграничных районах. В октябре японский посланник Китада посетил северный Афганистан, чтобы наладить прямые контакты с вождями басмачей. В течение месяца Китада и военный атташе Асикачи «путешествовали» по Афганистану, привлекая бывших курбаши к сотрудничеству с Японией.

Афганское правительство, опасаясь обострения отношений с СССР после визита японских эмиссаров, вынуждено было принять срочные меры в афганском Туркестане. В конце 1935 — середине 1936 гг. провинциальные власти пытались разоружить эмигрантов из Средней Азии и выселить их в южные районы Афганистана. Однако таджики, узбеки, киргизы и туркмены отказались сдать оружие и покинуть насиженные места. Афганские власти, не желая вызвать возмущение беженцев, предпочли оставить их в покое под обязательство не участвовать в активной вооруженной борьбе.

Советским разведчикам и дипломатам в борьбе с происками японцев помог турецкий посланник в Афганистане Эссендаль. Он выяснил, что они организовали в Турции шпионскую сеть из бывших басмачей, и сообщил об этом в Анкару. Эссендаль также сообщил советскому послан-

нику Борису Сквирскому о вербовке японцами узбекских басмачей, осевших неподалеку от Ханабада, где первые пытались обустроить базу для переправы своих агентов на советскую территорию. Кроме того, турки передали в советское посольство данные о попытках Токио основать шпионскую сеть в среднеазиатских республиках. Получив в конце 1937 года доказательства подрывной деятельности Асикачи против СССР, советское посольство вручило афганскому правительству ноту протеста и потребовало его высылки из Афганистана. Кабул выполнил требования СССР. Вместе с ним из страны были высланы еще несколько разведчиков, что значительно ограничило деятельность японских спецслужб на границах СССР.

Громкий скандал не вынудил японцев ограничить свою активность против СССР. Они продолжили создание агентурной сети в приграничных районах и добились некоторых успехов, по утверждению изучавшего историю противоборство спецслужб в Афганистане исследователя Юрия Тихонова, многие вожди басмачей пошли на сотрудничество с Японией.

Наибольшей удачей японской разведки в Афганистане стало сотрудничество бывшего эмира Бухары Алим-хана, который первоначально отказался от переговоров, заявив, что не может установить контакты без согласия Кабула. После этого японцы, возможно, предложили Алим-хану такую субсидию, которая перевешивала риск возможных осложнений с правительством Хашим-хана. С 1938 года Алим-хан получал от японской миссии значительную сумму. Как он расплачивался с Токио, пока неизвестно, но, вероятно, свергнутый эмир передал японцам контакты своих агентов на советской территории.

Кроме Алим-хана, японцам удалось привлечь к сотрудничеству вождя туркменского басмачества Кызыл Аяка и главных узбекских курбаши Курширмата и Махмуд-бека.

Благодаря их содействию Японии удалось наладить сбор важных сведений о положении в советском Туркестане. Одновременно японцы ускоренно обучали диверсионной работе агентов, завербованных из числа басмачей, что создавало угрозу дестабилизации в регионе. Однако форсирование работы среди басмачей в Афганистане из-за желания получить быстрый результат обернулось крайней неаккуратностью в вербовке агентов, поспешностью в создании сетей и отсутствием проверки привлекаемых к сотрудничеству. Среди пошедших на сотрудничество с японцами было немало советских агентов. В 1937–1938 гг. советская контрразведка раскрыла японскую агентурную сеть в советском Туркестане и уничтожила ее. Москва и Ташкент получили новые доказательства подрывной деятельности японской миссии в Кабуле.

В этой ситуации, как утверждал назначенный незадолго до этого послом в Афганистан дипломат Константин Михайлов, Китада не нашел ничего лучшего, как… попытаться завербовать Михайлова. 30 марта 1938 года во время визита Китада вполголоса предложил ему: «Я был бы очень вам благодарен, если бы вы смогли давать нам (японцам) документы о вашей деятельности в Афганистане». Беспрецедентная наглость — попытка вербовки посла другой страны — вызвала новый дипломатический скандал. Афганское правительство объявило Китаду персоной нон грата и выслало в Токио.

Обеспокоенная усилением японской активности в басмаческой среде Москва намеревалась достичь соглашения с Кабулом о совместной борьбе с враждебной СССР деятельностью иностранных разведок в Северном Афганистане. Михайлов, используя заинтересованность афганского правительства в быстром урегулировании пограничных проблем с Советским Союзом, сумел договориться с Хашим-ханом о джентльменском соглашении. Премьер

обещал запретить пребывание японских подданных, в том числе дипломатов, в северных провинциях. Хашим-хан также обязался создать вдоль советско-афганской границы особую запретную зону для иностранцев. Наконец, Москва получила от Кабула гарантии, что иностранные государства не получат разрешения на открытие авиалиний в северном Афганистане. Эти соглашения не позволили странам «Оси» использовать афганскую территорию как плацдарм для подрывной деятельности против СССР.

Провал операции «Аманулла»

С началом Второй мировой войны в сентябре 1939 года нацисты активизировали разработку планов дестабилизации северо-западных территорий Индии. Министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп пригласил Вильяма Хентига и предложил ему пост посла в Кабуле, чтобы форсировать организацию восстания приграничных племен. Хентиг согласился, подчинив себе все имевшиеся агентурные сети.

После заключения пакта Молотова-Риббентропа нацисты намеревались привлечь Советский Союз к реализации своих замыслов в Азии. Немецкий разведчик Фриц Гробба, арестованный советской контрразведкой после разгрома Германии, рассказал следователям, что после начала Второй мировой войны Риббентроп обсудил со специалистами-востоковедами возможность организации диверсий и восстаний в азиатских владениях Англии и Франции, в том числе в Британской Индии. Участники совещания были единодушны: без содействия или нейтрального отношения СССР активизация повстанческого движения невозможна.

Первый план действий против Индии представил Нидермайер, предложивший в ноябре 1939 года атаковать Британскую империю совместно с СССР через Кавказ. Что-

бы сковать войска противника в Индии, он намеревался поднять восстание пуштунов в приграничной полосе. 17 октября 1939 года по сведениям советской разведки руководитель ближневосточного отдела МИД Германии Вильгельм Хентиг пригласил Сиддик-хана на беседу, на которой предложил ему организовать восстание для свержения Закир-шаха и возвращения Аманулы-хана. В тот же день Сиддик-хан по собственной инициативе посетил советское посольство и запросил визу и заявил советнику Богдану Кобулову, что хотел бы проконсультироваться с Москвой об ее отношении к смене власти в Афганистане, и одновременно сообщил о предстоящей встрече со свергнутым монархом в Италии.

Нацисты предполагали организовать «научную» экспедицию из 200 офицеров и унтер-офицеров СС, прошедших спецподготовку. Они предполагали, что Советское правительство разрешит создать в одной из Среднеазиатских республик базу для войск СС. Его экспедиция, стартовав с этой базы, должна была доставить для племен Тибета и северных районов «независимой» полосы Британской Индии караваном из 3000 вьючных животных крупную партию оружия, включая минометы.

Министерство иностранных дел Германии выдвинуло план реставрации на афганском престоле Аманулы-хана. Главным автором операции «Аманулла» был Хентиг, который надеялся, что сотрудничество с СССР позволит не только развернуть подрывные операции против Британской Индии, но и, возможно, отсрочить военную конфронтацию между Германией и Советским Союзом. Главной же целью операции «Аманулла», как говорилось в одном из документов МИДа Германии, было «приобретение базы для операций любого рода против Индии, сковывание английских вооруженных сил, поддержка повстанческого движения в Вазиристане».

По замыслу Хентига, для свержения короля Закир–шаха необходимо было из воинов гильзайских племен, некоторые из которых откочевали из Афганистана в советский Туркестан, сформировать отряд около 2000 человек под руководством Сиддик-хана, вооруженных немецким оружием, и захватить важный административный центр Северного Афганистана г. Мазари-Шариф. Хентиг также предполагал, что амануллистам удастся поднять восстание приграничных пуштунских племен, прежде всего афридиев, момандов и шинвари, чтобы организовать совместный поход на Кабул. В случае мощного восстания пуштунских племен Закир-шах был бы обречен.

Для полной гарантии успеха немецкий офицер кроме спецназа и местных жителей планировал задействовать в операции «Аманулла» горную дивизию вермахта, которая бы поддержала наступление отряда Сиддик-хана с территории советского Туркестана на Кабул. Помощь СССР должна была свестись к «перевозке войск, строительству необходимых пунктов снабжения и переброске войск вдоль афгано-советской границы».

План Хентига при советской помощи можно было осуществить уже весной 1940 г., и он имел больше шансов на успех, чем тибетская операция. Поэтому Риббентроп, который выступал арбитром между СС и абвером, поддержал план реставрации Аманулы. Но СС, имевшая прочные позиции в Тибете, продолжала настаивать на своем варианте. В связи с этим было принято решение попытаться осуществить обе операции параллельно.

Так как их осуществление было невозможно без содействия СССР, германский посол в Москве Фридрих Вернер Шуленбург 13 сентября 1939 г. получил указание от Риббентропа осторожно выяснить позицию Советского правительства в отношении реставрации Аманулы-хана.

13 ноября посол встретился с главой советского внешнеполитического ведомства и заявил, что германское правительство с целью быстрого окончания войны хочет «сделать сильный нажим на Англию». Поэтому оно просит правительство СССР «послать в Афганистан Амануллу и его людей для нажима на англичан, но идеалом была бы военная демонстрация (советских войск. — *Авт.*) на границах Афганистана и Кавказа. Если это окажется невозможным, то желательно, чтобы советское правительство не отвергало подобных слухов». Молотов пообещал рассмотреть просьбу германского правительства.

17 ноября нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов пригласил к себе Шуленбурга и сообщил ему, что советское правительство не возражает против распространения слухов об усилении группировки Красной армии на Кавказе и советско-афганской границе. Видя нежелание Молотова первым начинать разговор о планах реставрации Амануллы и военной экспедиции в Тибет, Вернер Шуленбург сам спросил советского наркома иностранных дел о «возможности проезда в Афганистан Амануллы и его людей, а также о содействии проезду Эрнста Шеффера в Тибет».

Тогда советский нарком попытался выяснить у германского посла, «в чем должно выразиться содействие советских властей Аманулле и Шефферу». Но Шуленбург сам не знал всех деталей этих операций, поэтому лишь выразил удовлетворение тем, что «Молотов не отклонил обсуждения этих вопросов».

12 декабря 1939 г. Иоахим фон Риббентроп назначил для переговоров с Молотовым специалиста по Восточной Европе Пауля Клейста, который мало знал об операциях «Тибет» и «Аманулла», но был компромиссной фигурой, устраивающей как СС, так и абвер. Клейст был выдвиженцем Риббентропа и в первую очередь представлял

на переговорах в Москве интересы германского Министерства иностранных дел и абвера, но как офицер СС он был подчинен Генриху Гиммлеру и не мог игнорировать пожелания рейхсфюрера. Как это ни удивительно, кандидатура немецкого представителя для переговоров в Москве устраивала и Советское правительство, так как Клейст был информатором советской разведки, которой передавал ценнейшие сведения.

Отправить в Москву Сиддик-хана, знавшего все детали операции «Аманулла», германская сторона не решилась. В Берлине опасались прямых переговоров посланца Аманулла-хана с советским правительством, так как, вероятно, не исключали возможности двойной игры как со стороны СССР, так и со стороны Сиддик-хана, который был лично знаком с Иосифом Сталиным.

17 декабря 1939 года Шуленбург встретился с Молотовым и сообщил ему о прибытии Клейста. Реакция советского министра на это известие была весьма прохладной. Тем не менее ближе к концу декабря в советской столице в течение нескольких дней представитель Риббентропа вел переговоры с Молотовым. Российские документы, относящиеся к визиту Клейста в Москву, еще недоступны исследователям, но из уже опубликованных немецких источников известно, что «русские в принципе согласились с действиями Германии, но воздержались от окончательного одобрения».

Так подвел итог своего визита П. Клейст на совещании 9 января 1940 года, где он отчитывался о результатах переговоров. Шеф абвера адмирал Вильгельм Канарис, присутствовавший на этом совещании, был крайне недоволен таким расплывчатым ответом советской стороны, так как считал, что «без активного сотрудничества с русскими план «Аманулла» не имел шансов на успех. Поэтому в Берлине было решено продолжить переговоры в Москве.

Но против осуществления плана «Аманулла» выступил глава внешнеполитического отдела НСДАП Альфред Розенберг, который опасался, что попытка Амануллы вернуть себе власть приведет к гражданской войне в Афганистане и заставит Закир-шаха искать союза с Великобританией. В день отъезда Клейста в Москву Розенберг подготовил для Гитлера докладную записку под названием «Операции против Индии», в которой указал на опасность потери «результатов многолетнего проникновения в Афганистан», если Аманулла попытается свергнуть существующее в Кабуле правительство. 18 декабря 1939 года внешнеполитический отдел нацистской партии составил еще одну записку, в которой резко критиковалась операция «Аманулла». В ней указывалось, что афганское правительство располагает сильной армией и сможет легко подавить восстание пуштунских племен, и тогда «Афганистан будет потерян как база для удара Германии по Британской Индии».

Розенберг считал возможным «убедить афганское правительство поддержать приграничные племена в их борьбе против Британии и оказать им неофициальную систематическую помощь». Гитлер согласился с Розенбергом и отклонил план реставрации Амануллы.

Но абвер и германский МИД решили продолжать на свой страх и риск переговоры в Москве. В феврале 1940 года Клейст второй раз приехал в СССР. На этот раз ему не удалось встретиться с Молотовым, но он, по германским источникам, провел переговоры с представителями советской разведки. Еще в свой первый визит П. Клейст предложил, чтобы тибетскую экспедицию сопровождали офицеры НКВД. Теперь советская сторона согласилась участвовать в операции «Тибет», но отвергла план «Аманулла».

Переговоры с Клейстом использовались советской разведкой для получения необходимой информации о планах

фашистской Германии в отношении Афганистана и Индии. Операция «Тибет» была выбрана для сотрудничества с немцами лишь для отвода глаз. Она не имела больших шансов на успех, даже если бы ее поддержал Советский Союз.

Провал второго визита Клейста в Москву показал, что Советское правительство не намерено помогать немцам в осуществлении их планов в Афганистане. Поэтому 5 марта 1940 г. Шуленбург встретился с Молотовым, которому заявил: «План касательно Тибета и Афганистана, с которым приезжал в Москву г-н Клейст и который ему самому... казался фантастическим, не исходил от фюрера и фон Риббентропа. Поэтому вопрос об Афганистане... снимается совсем».

Индийский отдел британской разведки пристально наблюдал за афганскими эмигрантами. Британской разведке удалось раскрыть замысел и детали плана «Аманулла», поэтому в Индии с тревогой ожидали развития событий в Афганистане. По всем базарам Среднего Востока распространились слухи о скором возвращении Амануллы, и население доверяло им больше, чем правительственным сообщениям и газетам, вместе взятым. По данным английской агентуры, Аманулла-хан на встрече в Больцано согласился уступить часть афганского Туркестана СССР в обмен на помощь в присоединении к Афганистану северо-запада Британской Индии — части провинций нынешнего Пакистана. Из этой неподтвержденной информации англичане предположили, что СССР дал добро на пропуск немецких войск для поддержки мятежа сторонников Амануллы-хана. Британское разведывательное бюро в Пешаваре получило ложные данные о приезде Сиддик-хана в СССР с 20 немецкими офицерами и совместном осмотре советско-афганской границы. Искаженные сведения или намеренная дезинформация нацистов всполошили британских политиков и военных, опасавшихся возникновения нового

очага войны на Востоке. 23 марта 1940 года Кабул направил в Москву меморандум с обвинениями в помощи Сиддик-хану и Аманулле, на что Молотов ответил, что советское правительство не интересуется афганскими политэмигрантами и их деятельностью. Москва отказалась участвовать в операции «Аманулла», что предопределило ее крах.

Судя по архивным документам, НКИД и руководство советской разведки приказало своим сотрудникам прервать все контакты со сторонниками свергнутого эмира. 20 октября 1939 года советский посол Алексей Шкварцев отказался обсуждать предложения о вероятном свержении проанглийского действующего правительства и его замене с бывшим руководителем афганской миссии Хакимом. 28 декабря 1939 года резидент советской разведки в Берлине Амаяк Кобулов получил распоряжение руководителей внешней разведки НКВД прекратить контакты с Сиддик-ханом.

Тем не менее провокационные слухи, распускаемые германской и итальянской разведкой, одновременно с усилением войск САВО на афганской границе вызывали беспокойство Лондона и Кабула. Увеличение группировки ВВС РККА на афганской и иранской границе было вызвано сообщениями советской разведки о подготовке англичанами и французами удара по бакинским нефтепромыслам зимой 1939/40 гг. В июле—августе 1940 года Штаб Среднеазиатского округа провел оперативную игру, отрабатывая боевые действия «северных» (Красной армии) с «южными» (объединенными силами афганских и английских войск). Поддержать армейскую группу САВО с воздуха предполагалось силами 120 бомбардировщиков «СБ», 63 истребителей и 15 самолетов-разведчиков.

По донесениям советской разведки эмир Закир-шах, не доверяя заявлениям Москвы об отсутствии агрессивных планов против южного соседа, выехал в Северный Афганистан, чтобы разработать план защиты северных провинций. Визит наркома иностранных дел Вячеслава Молотова в ноябре 1940 года в Германию вызвал большую тревогу в Кабуле. Советский полпред Константин Михайлов сообщал в Москву: «...Афганцам казалось, что в Берлине при участии т. Молотова происходит передел мира и что после возвращения т. Молотова в Москву Красная армия немедленно начнет военный поход через Афганистан на Индию». В Кабуле реально оценивали боеспособность правительственных войск и осознавали невозможность отразить наступление Красной армии на Индию. Поэтому афганское правительство решило в случае начала войны объявить джихад. Партизанские действия фанатично ненавидевших «неверных» жителей горной страны могли парализовать продвижение любой армии.

По данным советского военного атташе Якова Карпова, афганские власти намеревались организовать разрозненные отряды басмачей в случае войны. В первой половине 1940 года министр внутренних дел Мухаммад Гуль-хан объехал Северный Афганистан и подкупил басмаческих вождей деньгами, бежавшим из СССР мигрантам и их семьям выделили землю для расселения в провинции Баглан.

Советские дипломаты стремились рассеять подозрения властей Афганистана и Британской Индии в агрессивных намерениях Москвы и поддержке ею революционных движений. В частности, сотрудники советского посольства в Кабуле отказались встречаться с одним из лидеров Индийского национального конгресса Субхасом Чандрой Босом, тайно прибывшим в соседнюю страну и намеревавшимся заручиться поддержкой других стран в борьбе против английского господства.

После отказа советских дипломатов Бос обратился за помощью к представителям Германии в Кабуле. Однако лишь через полгода после прибытия в Кабул немецкие и итальянские дипломаты занялись судьбой индийского революционера. В начале февраля 1941 года немецкий посол в Афганистане Ганс Пильгер посетил советское посольство и попросил Михайлова оформить визу для Боса. С аналогичными ходатайствами обратились дипмиссии Италии и Японии. Советский посол передал просьбу в Наркоминдел.

Задержка в получении визы вынудила дипломатов стран «Оси» пойти на подлог: 15 марта 1941 г. в советское полпредство в Кабуле привезли подлинный паспорт итальянского радиста Орландо Мацотты с готовой немецкой въездной визой, но фото итальянца в нем заменили снимком Боса. Не заметив признаков фальсификации, сотрудники советской дипмиссии оформили визу.

В марте один из лидеров ИНК пересек советско-афганскую границу в Термезе, сумев скрыться от британских агентов, получивших приказ о его ликвидации, и впоследствии перебрался в Германию.

Тем временем с июня 1940 г. началось вооружение немецкой и итальянской агентуры в Афганистане. 12 июня германское посольство просило направить в Кабул 30 автоматов с запасом патронов, 400 ручных гранат, 60 штыков, 2 огнемета, ракетницу и портативную радиостанцию. Оружие поступало не подлежавшей досмотру диппочтой через СССР. А немногим позднее представитель фирмы «Рейнметалл» в Афганистане Оскар Морлок провез партию оружия весом свыше 2 тонн. Из них 470 кг приходилось на 20-мм автоматическую зенитную пушку для афганской армии, что еще завезли в Афганистан в той партии, остается лишь предполагать.

Центром немецкого влияния в Афганистане стало Министерство общественных работ, под контролем которого работала большая часть германских специалистов. Они добились внесения в перечень первоочередных строек дороги Кабул — Газни, мостов и дорог на территории, граничившей с Индией, и аэродромов. Афганское правительство сознавало, что немцы стремятся создать плацдарм для вероятного похода на Индию, но долго не мешало немецким работам: они позволяли укрепить влияние Центра на племена, увеличили возможность переброски войск в случае волнений. Германские инженеры превратили узкие извилистые серпантины по направлению к индийской границе в современные для тех лет дороги. Трасса от Кандагара до Чамана стала напоминать автобан — исключительное явление и для сегодняшнего Афганистана.

«Организация Тодта» спешно расширяла в Афганистане сеть аэродромов. Правительство Хашим-хана увеличивало число баз национальных ВВС, чтобы получить возможность быстро подавлять восстания мятежных пуштунских племен. Германия намеревалась использовать аэродромы с бетонными взлетно-посадочной полосами для переброски вооружения для восставших пуштунов, а также перевозки при благоприятных условиях десантных подразделений на тяжелых транспортных самолетах. Не исключено, что в Берлине желали повторить успешное применение десантных войск в Норвегии весной 1940 года и в Греции весной 1941 года. Кроме того, крупнейшие аэроузлы в Кабуле и Герате располагали мощными радиостанциями, позволявшими установить связь с территорией Северо-западной пограничной провинции.

Впрочем, весной 1941 г. афганское правительство отказалось от предложения немцев построить автотрассу от иранского города Мешхед через Герат до Кабула. Афган-

ское руководство опасалось, что соседи смогут использовать ее для вторжения в страну. Афганские правители не желали жертвовать национальными интересами.

Германское руководство намеревалось осенью 1941 года, после разгрома СССР, вторгнуться в Индию. К началу наступления немецкой армии абвер и итальянская разведка планировали организовать масштабное восстание пуштунских племен. Чтобы заручиться поддержкой или по меньшей мере нейтралитетом Кабула, Берлин приступил к переговорам с министром экономики Афганистана Абдулом Меджидом, прибывшим в феврале 1941 года на обследование и лечение в Германию. Несмотря на тяжелый недуг, министр намеревался добиться согласия нацистов целиком включить зону племен в состав Афганистана. Кроме того, министр получил особое задание премьера изъять из немецких банков капиталы королевской семьи и перевести их в нейтральные страны. 12 марта 1941 года во время переговоров с Абдул Меджидом министр иностранных дел Йоахим фон Риббентроп согласился удовлетворить просьбу афганского правительства об установлении границы по Инду.

Германия надеялась на ответные шаги, в частности разрешение транзита немецких оружия и боеприпасов в полосу «независимых» племен, секретное использование сотрудниками абвера кабульской радиостанции и содействие переброски в приграничный район коротковолнового передатчика. Однако Абдул Меджид предпочел отложить обсуждение германских предложений, сославшись на необходимость соблюдать крайнюю осторожность, чтобы оружие не оказалось «не в тех руках», а сведения о сотрудничестве не просочились к английской агентуре.

К кануну вторжения нацистов в СССР в Афганистане работали пять немецких разведгрупп, стремившихся вести

подрывную деятельность в зоне племен. В мае 1941 года абвер решил перебросить несколько агентов к одному из вождей повстанческого антибританского движения Факиру из Ипи, чтобы подготовить мятеж пуштунов к сентябрю 1941 года, когда нацисты планировали завершить блицкриг против СССР. Вскоре в Кабул прибыли два офицера полка спецназначения «Бранденбург», их предполагалось отправить в Индию. Абвер был неспособен забросить агентов в зону племен самостоятельно, поэтому нацисты обратились за содействием к итальянским союзникам. Итальянский посланник Пьетро Кварони передал абверу своего агента, Шер Афзал-хана, бывшего одновременно осведомителем афганской разведки, и начал разрабатывать план перехода границы, вскоре он тайно направил к вождям племен СЗПП советника посольства Эдуардо Анцилотти.

Однако еще до приезда итальянского разведчика в Кабул англичане задержали и допросили переводчика посольства Мухаммада Аслама, который прибыл на отдых на родину, в селение неподалеку от Кветты. В ходе допросов им удалось получить информацию о контактах итальянцев с Факиром из Ипи и поездке Анцилотти в Вазиристан.

Накануне вторжения нацистов в СССР в Афганистан прибыло оружие для пуштунских повстанцев. Чтобы избежать риск перехвата на советской территории, немецкая разведка организовала «испытательный автопробег» новых автомобилей марки «Фольксваген» через Турцию и Иран, ей удалось доставить более трех тонн оружия и боеприпасов.

Английские дипломаты и разведчики знали, что немецкая и итальянская разведки незадолго до нападения Германии на Советский Союза заключили соглашение с Аманулой, по которому свергнутый эмир Афганистана обещал помочь организовать восстание восточных

пуштунов. Они понимали, что без содействия Москвы Великобритания не сможет контролировать ситуацию в Афганистане. Чтобы предотвратить мятеж, Англии требовалось дискредитировать прогерманскую группировку в афганском правительстве и ликвидировать сторонников нацистов на юге страны.

Еще перед Великой Отечественной войной британское посольство в Кабуле попыталось наладить контакты с советской миссией в Кабуле. Вскоре после исчезновения Анцилотти из Кабула военный атташе подполковник А. Ланкастер в Афганистане встретился со вторым секретарем советского посольства М. Вавиловым. Во время этой встречи англичанин, желая подтолкнуть Вавилова к разговору о проблеме приграничных пуштунских племен, стал рассказывать о маршрутах их летних кочевок в Афганистане. Наш дипломат предпочел уклониться от обсуждения обстановки в зоне племен. После этого контакты между советскими и британскими дипломатами прервались до нападения нацистов на СССР.

После речи Уинстона Черчилля 22 июня 1941 года, в которой британский премьер призвал оказать России и русскому народу всю возможную помощь и призвал последовать примеру Англии всех ее союзников, английский посланник В. Фрэзер-Тайтлер немедленно активизировал контакты с советской миссией в Кабуле. Хорошо осведомленный о замыслах нацистов, он опасался, что Англия в одиночку не удержит Кабул от сближения с Берлином. Уже 23 июня 1941 г. в полпредство СССР прибыл первый секретарь британского посольства Флетчер, предложивший объединиться для выдворения немцев из Афганистана. Замещавший посла советник В. Козлов немедленно сообщил об инициативе англичан в Москву. 28 июня, получив разъяснения Наркомата, он сообщил британским коллегам, что их предложения об органи-

зации совместных действий для вытеснения нацистов из Афганистана одобрены. После возвращения посла Михайлова в Кабул британский посланник впервые за долгие годы прибыл в советское посольство. 4 июля по инициативе британской стороны между дипмиссиями был налажен обмен информацией о деятельности немцев в Афганистане в предвоенные годы. В этот день английский посланник сообщил советскому послу ранее совершенно секретную информацию об авантюре Шами Пира. Преодолевая накопившееся за годы взаимное недоверие, дипломаты СССР и Англии начали налаживать сотрудничество против агентуры противника в Афганистане. Необходимость объединения усилий Москвы и Лондона подтвердила неудачная попытка британского посланника принудить афганское правительство отозвать согласие на назначение известного немецкого дипломата и разведчика Вернера Хентига послом в Кабуле. Под влиянием сведений о победах германской армии на Восточном фронте министр иностранных дел Али Мухаммад от имени своего правительства отказался удовлетворить требование Лондона. Даже известный своими небескорыстными проанглийскими симпатиями Хашим-хан заигрывал с нацистами, что могло вызвать серьезные осложнения в Британской Индии и в приграничных районах СССР.

«Выбросить немцев из Афганистана»

Активизация агентуры противника в странах Среднего Востока вскоре стимулировала обсуждение проблемы на высшем уровне. 8 июля 1941 года Сталин впервые встретился с английским послом Ричардом Стаффордом Криппсом. Накануне он скрупулезно изучил сообщения советских дипломатов из Афганистана и решил, что ан-

гличане готовы на тесное сотрудничество с СССР ради безопасности Индии. Сталин, вероятно, ознакомился и с донесениями советской разведки о деятельности агентуры стран Оси в Иране и Афганистане. Советский лидер справедливо рассудил, что, пообещав сотрудничество в ликвидации прогерманских и проитальянских сил, Москва сможет ускорить заключение договора с Лондоном о совместной борьбе против Германии. На встрече с Криппсом Сталин указал на большое скопление немцев в Иране и Афганистане, создававшее угрозу советским и британским интересам. Он сослался и на сообщение советского посла в Кабуле, цитировавшего слова английского посланника о необходимости «выбросить немцев из Афганистана». Английский посол обещал запросить Лондон о принятии мер в этих странах.

Тем временем английская разведка получила достоверные данные о запланированной нацистами заброске двух агентов в Вазиристан, в Британской Индии осознавали крайнюю необходимость пресечь акцию абвера. Вернувшийся из нелегального вояжа в полосу племен Анцилотти договорился о времени и месте, где люди Факира из Ипи будут ждать агентов абвера.

Операция «Пожиратель огня» потерпела неудачу из-за привлечения к ней широкого круга лиц, часть которых оказались осведомителями британской и афганской спецслужб, кроме того, некоторые письма нацистов об организации связи повстанцев с немецкой миссией в Кабуле перехватила советская разведка. Переданный немцам итальянский агент Шер Афзал-хан был сотрудником афганской полиции, получившей информацию о предстоящей заброске сотрудников абвера и срочно взявшей ее под контроль. Хашим-хан не желал обострять отношения с Англией и опасался, что в случае восстания патанов в Индии в Афганистане также начнется мятеж пуштунов.

Поэтому премьер отдал приказ разведке и полиции задержать агентов абвера с поличным.

Большую помощь афганцам в аресте офицеров «Бранденбурга» оказала британская разведка. Не догадываясь, что планы нацистской разведки в Афганистане раскрыты, миссия в Кабуле намеревалась передать вазирам партию современного вооружения. 14 июля 1941 года в Берлин отправили зашифрованную депешу, в которой предлагалось отправить восставшим итальянскими самолетами с о. Родос английские винтовки, ручные гранаты, противотанковые ружья и станковые пулеметы с зенитными прицелами. Но итальянцы отклонили это предложение, нацистам оставалось попытаться переправить небольшую партию оружия вместе со своими агентами.

При содействии командира Центрального корпуса афганской армии принца Мохаммада Дауд-хана они предприняли попытку прорваться в Вазиристан. 19 июля 1941 года под прикрытием 12 вазиров М. Обердорффер и Ф. Брандт на легковом автомобиле прибыли на условленное место встречи с проводниками-пуштунами, но попали в засаду, организованную афганскими пограничниками.

Для нее было выбрано очень удачное место. Когда машина с агентами абвера въехала на узкий мост Пули-Алам, афганцы приказали остановиться, Обердорффер, не раз попадавший в экстремальные ситуации во время прежних разведывательных миссий, немедленно начал стрелять и попытался прорваться к вышедшим навстречу вазирам. Однако пограничники уничтожили его первыми выстрелами, а Брандта ранили. Вазиры, увидев, что попали в засаду, рассеялись. Афганцы захватили весь груз, направлявшийся повстанцам: 7 легких пулеметов, пистолеты, боеприпасы к ним, 300 000 афгани, более 10 000 рупий, а также карты приграничных районов Афганистана и Индии.

В Кабуле провал агентов нацистов, известный впоследствии, как «логарский инцидент», немедленно стал сенсацией. Арестованный Сахиб-хан признался на допросе, что работал на англичан и намеревался им передать немецких шпионов сразу же после перехода границы. Возможно, он сообщал также сведения о лицах, сотрудничавших с немцами и итальянцами. Афганская полиция арестовала в июле-августе в Кабуле 48 человек, в том числе несколько высокопоставленных армейских офицеров. Однако Мохаммад Дауд-хан, будущий премьер и президент Афганистана, избежал ответственности и сохранил свои чин и должность.

В ходе арестов полиция изъяла много оружия, тайно переправленного в Афганистан, афганские власти установили надзор за Венгером, его обязали дважды в неделю являться в столичное полицейское управление, за автомобилями дипмиссий Германии, Италии и Японии и сократили норму выдачи бензина. Немецкому послу пришлось долго ждать разрешения посетить раненого. Нацисты пытались выяснить детали «логарского инцидента». Брандт сообщил, что его с Обердорффером перехватили английские рейнджеры, а не афганцы. Дезинформация вызвала ухудшение отношений между немцами и итальянцами в Афганистане.

Тем не менее афганские власти, ожидавшие быстрого разгрома Красной армии и выхода германских войск к границам страны, вели двойную игру. Чтобы не усугублять конфликт с нацистами и их союзниками, раненого Брандта поместили под арест в один из санаториев близ Кабула. Хашим-хан стремился оттянуть суд над немецким шпионом до момента, когда определится исход войны. В середине июля британский посол Фрэйзер-Тайтлер, сославшись на инцидент в Логарской долине, попытался убедить Хашим-

хана отозвать агреман новому немецкому послу Хентигу. Однако Хашим-хан отказался, подчеркнув, что Афганистан подтвердил нейтралитет, уничтожив одного и ранив второго германского разведчика. Английский посол после отказа пригрозил афганскому премьеру экономической блокадой, возмущенный Хашим-хан прекратил встречу. Через день после встречи англичанин с горечью рассказал Михайлову о неудаче, посетовав на несговорчивость афганских властей и их отказ поддаваться давлению.

Посольство СССР не поддержало демарш британского посланника, но советские дипломаты в Кабуле внимательно наблюдали за разворачивавшимся конфликтом. 28 июля 1941 года посол Михайлов отправил наркому иностранных дел СССР Молотову секретный доклад о деятельности фашистской агентуры в Афганистане. Этот документ был составлен на основе материалов «особого» архива военного атташе полковника Якова Карпова. Михайлов указывал, что афганское правительство радо нападению фашистской Германии на Советский Союз из-за ослабления угрозы нападения СССР на Афганистан. Кроме этого, в Кабуле были уверены в быстром разгроме Советского Союза. При таком исходе войны Афганистан мог захватить большую часть территории Средней Азии.

По сведениям советской разведки, Хашим-хан 25 июня 1941 года заявил: «Это хорошо, что СССР вступил в войну против Германии. СССР как единое государство в результате войны распадется и ослабнет. В Афганистане имеется большое количество эмигрантов из СССР. Они захотят вернуться на родину. Надо будет помочь им в этом. (Эти слова в докладе дважды подчеркнул замнаркома Владимир Деканозов.) Надо готовить афганцев к войне. Надо широко популяризовать известный исламский тезис о том, что за убийство неверного правоверный мусульманин попадает

в рай». Опираясь на данные разведки, Михайлов привел примеры подготовки афганского правительства к возможной войне с СССР, подрывной деятельности агентуры нацистов в Афганистане, а также указал на возможность «оживления басмаческого движения». Кремль настораживало, что афганское правительство 23 и 30 июня заявило советскому послу о продолжении дружбы с СССР, но под разными предлогами затягивало провозглашение нейтралитета Афганистана в войне. Советские дипломаты полагали, что Афганистан был готов выступить против СССР.

После нападения на СССР германская разведка в Афганистане при поддержке японцев стремилась установить контакты с авторитетными вождями басмачества, полагая, что многие согласятся сотрудничать с Германией. Действительно, басмачество в афганском Туркестане восторженно восприняло вторжение нацистов. Лидеры среднеазиатской эмиграции, жившие в Кабуле, называли Гитлера спасителем и уже в июле 1941 года начали готовиться к набегам на советскую территорию.

Афганское правительство не мешало им, поскольку полагало, что Германия быстро расправится с Советским Союзом. В одном из докладов НКИД в апреле 1942 года указывалось, что афганские генералы во главе с принцем Дауд-ханом разрабатывали план вторжения на сопредельную территорию среднеазиатских республик. В Кабуле думали, что части Красной армии, прикрывавшие советско-афганскую границу, переброшены на германский фронт, поэтому достаточно будет одной дивизии, чтобы захватить Хиву и Бухару. Многие члены афганского правительства демонстрировали уверенность в победе нацистов.

В августе 1941 года афганское правительство решило не препятствовать деятельности антисоветских организаций: в Кабуле боялись, что Англия и СССР повто-

рят «иранский вариант» и введут войска в Афганистан. В этом случае вооруженные формирования басмачей могли поддержать сопротивление афганской армии. Чтобы заручиться поддержкой басмаческих формирований на севере страны, король Закир-шах заключил с Алим-ханом секретное соглашение, по которому бывший эмир Бухары обязался в случае вторжения в Афганистан Красной армии поддержать Кабул вооруженной силой.

Вожди басмачества стремились заручиться поддержкой Кабула. В августе 1941 года один из авторитетных руководителей туркменской эмиграции Кызыл Аяк в письме попросил Хашим-хана взять под покровительство Афганистана Бухару и сообщал ему о готовности предоставить в его распоряжение 40 000 джигитов. Хашим-хан попросил Кызыл Аяка держать свои отряды в боевой готовности и уточнил, что боевые действия могут начаться лишь после падения Москвы и Ленинграда. При этом афганские власти и спецслужбы не препятствовали японцам и немцам налаживать контакты с вождями басмачей.

В августе 1941 года по просьбе германской миссии японский поверенный в делах Кацуби вел с бывшим эмиром Бухары Алим-ханом переговоры о возможном сотрудничестве против СССР. Договориться о реальных действиях с Алим-ханом не удалось, осторожный бывший владыка Бухары не хотел рисковать: дивизии вермахта были еще далеко от Средней Азии. Кроме того, страны оси не могли выделить басмачам оружие, необходимое для успешных действий на советской территории. Поэтому Алим-хан не стал приказывать главарям пограничных групп басмачей начинать диверсии на советско-афганской границе. Бывший эмир отказался выполнять поручения нацистов и строго запретил своим сыновьям участвовать в деятельности антисоветских организаций, финансируемых Германией и Японией.

Однако окружение Алим-хана и многие вожди басмачества были настроены более воинственно. Они охотно сотрудничали с Германией и Японией, обещавшими щедро заплатить за диверсии в советской Средней Азии. В сентябре 1941 года нацисты поручили влиятельному узбекскому эмигранту Махмуд-беку, ставшему резидентом абвера, создать шпионско-диверсионную сеть вдоль советско-афганской границы. Махмуд-бек еще до начала Второй мировой войны успешно сотрудничал одновременно с турецкой, японской и германской разведками, сколотив на этом солидное состояние. Когда после высылки японского посланника Китады афганские власти собирались выслать Махмуд-бека из Кабула, турецкий посол пригрозил в знак протеста приспустить флаг над посольством Турции. Не желая обострять отношения с Анкарой, Хашим-хан отменил свое решение.

Осенью 1941 года резидент немецкой внешнеполитической разведки в Кабуле Расмус приказал Махмуд-беку в афганском городке Баглан организовать опорный пункт для переброски агентуры в Советский Союз, выделив ему 40 000 афгани. Этих средств было недостаточно, но Махмуд-бек, надеясь добиться от них более щедрого финансирования, быстро доложил, что обустроил для абвера два опорных пункта на севере Афганистана, кроме Баглана еще и в Кундузе. Результаты его работы полностью удовлетворили Берлин. В ноябре 1941 г. узбеку-эмигранту поручили ускорить организацию агентурной сети. Предполагалось, что его агентам удастся вербовать советских граждан в Средней Азии, наладить получение важной для нацистов информации о ситуации в среднеазиатских республиках. Он также получил от Расмуса приказ приступить к подготовке переброски в СССР диверсионных групп. Маловероятно, чтобы это удалось; выдворение в конце

октября 1941 года большей части германских и итальянских агентов затруднило деятельность разведок стран «Оси» в Афганистане.

В ноябре 1941 года руководители басмачества, приглашенные Хашим-ханом на Лоя Джиргу в Кабуле, пообещали ему в случае ввода советских войск в Афганистан выставить против частей Красной армии 200 000 вооруженных джигитов. Афганский премьер-министр отдал приказ командованию войск, сосредоточенных на севере страны, немедленно раздать басмачам оружие в случае вторжения Красной армии во внутренние провинции. В этот момент один из вождей басмачей, Курширмат, предложил перейти советскую границу и развернуть наступление на Андижан, чтобы дестабилизировать положение в Ферганской долине.

Напряженная ситуация вынудила советское руководство в середине лета 1941 года направить в Афганистан разведчиков с опытом работы в стране. 9 августа 1941 года в Кабул прибыл резидент советской внешней разведки Михаил Аллахвердов (псевдоним — Заман), который в 1934–1936 гг. успешно действовал под дипломатическим прикрытием. Аллахвердов отправился в Кабул, с дипломатическим паспортом на имя первого секретаря посольства Михаила Алмазова, под именем которого он был известен афганским властям и иностранным дипломатам в Кабуле во время прежнего пребывания в Афганистане. Регулярные встречи советских и британских дипломатов убедили Хашим-хана в том, что СССР и Великобритания готовят совместные акции для пресечения деятельности германской агентуры в Афганистане. Афганский премьер 31 июля 1941 г. встретился с Пильгером и настоятельно потребовал, чтобы инциденты, подобные происшедшему в Логарской долине, не повторялись. Он также заявил германскому дипломату, что в нынешних обстоятельствах

приезд Хентига в Кабул невозможен. Чтобы смягчить последствия демарша, Хашим-хан пообещал посланнику поднять восстание пуштунов против Англии, когда вермахт подойдет к афганской границе.

1 августа 1941 г. афганцы сообщили Фрэзер-Тайтлеру о своем решении не соглашаться на назначение Хентига немецким посланником в Кабул. Еще не зная о решении афганского руководства, в Москве решили удовлетворить просьбу Лондона о совместном демарше в Кабуле. 1 августа 1941 года Вячеслав Молотов принял Стаффорда Криппса и сообщил ему о принципиальном согласии Кремля поддержать Великобританию в вопросе об агремане Хентигу. На этой же встрече английский посол заявил Молотову, что «он пригласил в Москву одного из старших офицеров разведки (британской. — *Авт.*)». Представитель британской разведки намеревался обсудить обмен информацией между разведками и «установление мест сотрудничества». Криппс пояснил: «Стороны не будут обязаны открывать друг другу структуру своих организаций». Молотов передал ему перехваченные письма нацистского резидента Карла Брикманна, касавшиеся деятельности немецкой агентуры в полосе племен. На этой же встрече британский посол сообщил наркому иностранных дел о том, что афганское правительство отказало Хентигу в агремане. Необходимость совместного демарша в Кабуле миновала.

Берлин после провала в Логаре и отказа афганского правительства принять Хентига намеревался действовать в Афганистане осмотрительнее, чтобы сохранить агентуру в стране. 9 августа 1941 года Риббентроп просил немецких дипломатов в телеграмме воздержаться от активных действий, чтобы новый инцидент не способствовал обострению ситуации. Одновременно ввод советских и британских войск в Иран вынудил нацистскую

разведку активизировать деятельность в Афганистане и на территории «независимых» племен. Опасаясь повторения иранского сценария, Германия начала подготовку переброски агентов в зону племен. Чтобы обеспечить их всем необходимым, в приграничных районах Афганистана заложили пять тайников с оружием и деньгами.

Одновременно в Берлине началась подготовка высадки десанта в Вазиристан. В конце августа 1941 года офицер абвера Харбих встретился с лидером индийских националистов Босом и обсудил возможность сброса оружия и парашютистов на северо-западе Индии. 30 августа 1941 года немецкое посольство в Кабуле получило шифровку с указанием найти в зоне племен площадки для посадки самолетов «Кондор». На следующий день Расмус сообщил в Берлин, что нашел подходящую площадку в Вазиристане.

Индийский резидент Москвы

Сотрудничество между разведками СССР и Великобритании в Афганистане развертывалось медленно из-за сложившегося годами взаимного недоверия. Установление прочных контактов между НКВД и индийской политической разведкой неожиданно ускорила деятельность агентов Коминтерна, бывшая всегда причиной разногласий между Лондоном и Москвой.

В июне 1941 года через советское посольство в Кабуле был передан приказ «Центра» обеспечить переброску Ачар Сингха (Ларкина) в Индию. Эмиссар Коминтерна должен был доставить индийской компартии инструкции о необходимости сотрудничества левых сил Индии с британскими властями вследствие изменившегося характера мировой войны.

В начале сентября 1941 г. Бхагат Рам, индийский коммунист и одновременно агент итальянской разведки,

прибыл в Кабул. Вскоре на конспиративной квартире состоялась его встреча с советским разведчиком Михаилом Аллахвердовым. Индус заявил, что предан революции в Индии, ее освобождению и Советскому Союзу, и предложил сотрудничать с советской разведкой, предоставив ей помощь членов левых партий в Индии. Бхагат Рам передал Заману-Аллахвердову письмо в Коминтерн, в котором утверждал, что использовал германскую разведку в целях своей партии и передавал немцам лишь вымышленный материал, сам же остается преданным делу компартии и ожидает инструкций от ИККИ [...] в связи с нападением фашистской Германии на СССР».

Перевербовка германского резидента разведки открывала для советской разведки возможность поставить под свой контроль деятельность фашистской агентуры в Афганистане и Британской Индии и оказать серьезную помощь союзникам. Но человека, работавшего на итальянцев и немцев, необходимо было тщательно перепроверить, прежде чем начать с ним сотрудничать. Поэтому начальник внешней разведки Павел Фитин направил в Коминтерн на имя его руководителя Георгия Димитрова запрос с просьбой проверить биографию Бхагат Рама, уточнив сведения о нем у индийцев, живших в СССР. Кроме данных о Бхагат Раме, Фитин также запросил в Коминтерне материалы, касавшиеся Боса, но коминтерновцы не смогли сообщить главе советской внешней разведки ценной информации о бывшем президенте ИНК.

Данные проверки подтвердили информацию, сообщенную Бхагат Рамом. Однако руководство Коминтерна не рекомендовало внешней разведке использовать Бхагат Рама и его людей в своей работе. Отдел кадров ИККИ указывал в справке: «Факта связи... с германской разведкой достаточно, чтобы отказаться от всякой связи с Бхагат

Рамом». Однако Фитин предпочел рискнуть и принять его предложение.

Новый агент получил псевдоним Ром. Заман сразу же отредактировал подготовленный Бхагат Рамом для немецкой разведки доклад о работе в полосе «независимых» пуштунских племен. С этого момента советская разведка через Рома регулярно снабжала абвер дезинформацией. 17 сентября 1941 года Бхагат Рам встретился с Расмусом, которому сообщил, что главной базой его организации стал Баджаур, где проживало племя момандов. Пуштуны этого племени якобы согласились сотрудничать с «Организацией Мацотты». С афридиями, как указывалось в докладе Бхагат Рама, тоже удалось достигнуть соглашения о сотрудничестве против Англии. В нем же сообщалось, что к партизанским отрядам пуштунов примкнуло 300 индусов, дезертировавших из британской армии. Среди них 3 офицера, которые приступили к проведению диверсий в полосе «независимых» пуштунских племен. Как пишет в своих мемуарах Бхагат Рам, немец остался доволен деятельностью в зоне племен. Теперь уже советский агент попытался выяснить у Расмуса, на каком участке немецкое командование планирует начать наступление на Британскую Индию, и спросил у немца, в каком районе зоны пуштунских племен нужно начать диверсии. На этот вопрос немец ответил, что диверсии нужно проводить по всей Индии.

В докладе Бхагат Рама не описывалась ситуация в Вазиристане, что являлось большим недостатком доклада по мнению Расмуса и Витцеля, которые получили из Берлина приказ подготовиться к высадке немецкой диверсионной группы к Факиру из Ипи. Поэтому перед своим резидентом в Индии немцы поставили задачу для устройства аэродрома и приема парашютистов, чтобы связаться с Факиром. Бхагат Рам получил шифровку, в которой ответственность

за выполнение этого задания возлагалась на него. Расмус предложил Бхагат Раму ускорить отъезд в зону племен. Для передачи Факиру Бхагат Рам получил от нацистского резидента 500 фунтов стерлингов золотом, 500 индийских рупий, 550 000 афгани и сигнальное ружье с 30 ракетами.

В октябре 1941 г. Бхагат Рам в четвертый раз приехал в Кабул. В это время из Афганистана еще не были выдворены германские граждане, не имевшие дипломатического паспорта. Многие из них снимали жилье в Кабуле, что позволяло Расмусу и Витцелю контактировать с индусом вне стен германского посольства. Тем не менее ключевые встречи «человека Мацотты» с резидентами германской разведки проходили в дипмиссии III рейха. На одной из них присутствовал и посланник.

В ходе встреч Расмус вновь поставил перед агентом задачу ускорить подготовку вооруженного мятежа приграничных пуштунских племен. Он сообщил ему, что Германия крайне заинтересована в обострении обстановки в зоне племен, чтобы облегчить вторжение в Индию после занятия Кавказа вермахтом. Бхагат Раму выдали две мощные рации с комплектом батарей. Мощный передатчик Расмус приказал хранить в Кабуле, в доме одного из связных индуса Уттан Чанда, а портативную рацию предполагалось перебросить на территорию племен. Бхагат Рам также получил коды и шифры для связи с германской миссией в Кабуле и большую сумму денег (более 7000 фунтов стерлингов и 500 соверенов). Из них Ром вручил Аллахвердову 5000 фунтов. Создалась парадоксальная ситуация, когда нацисты, не подозревая подвоха, начали финансировать деятельность резидентуры НКГБ в Кабуле.

Вскоре советское посольство в Кабуле получило ящик с посудой, в котором была скрыта портативная рация, а вслед за ним в распоряжении Аллахвердова оказался

и второй передатчик. С этого момента работа берлинских радиостанций на Афганистан и Индию оказалась под надежным контролем советской разведки. В конце октября Бхагат Рам покинул Кабул и благополучно прибыл в момандское селение Кудахель в Баджауре. Бхагат Рам убедил членов своей подпольной организации установить связь с княжествами Дир и Сват. «Организация Мацотты» существовала, активно действовала и внешне готовилась начать по сигналу диверсии на северо-западной границе Индии. Расмус не подозревал своего агента в сотрудничестве с советской разведкой, которая берегла нового ценного резидента от врагов и от союзников.

Возможно, данные Бхагат Рама позволили бы Интеллидженс сервис более трезво оценивать ситуацию в Афганистане. При всей полноте информации о деятельности фашистской агентуры на индо-афганской границе данные о подготовке операции «Тигр» для британской разведки оказались крайне неожиданными. Лишь когда англичане получили информацию о готовящейся абвером десантной операции в Вазиристане, они поняли, что недооценили противника.

Британцы изменили точку зрения на пребывание немцев в Афганистане и попросили СССР содействовать их выдворению из страны. Москва поддержала этот план. Вводить войска в Афганистан англичане, учитывая печальный опыт прошлых экспедиций, категорически отказывались, поэтому Великобритании и СССР предстоял совместный дипломатический демарш в Кабуле.

Чтобы добиться от Хашим-хана согласия на выдворение немцев и итальянцев из Афганистана, в Кабул прибыл новый посланник Великобритании Фрэнсис Уайли. Бывший губернатор одной из провинций Индии не был дипломатом, но его качества администратора позволяли усилить нажим на Кабул.

6 сентября 1941 года вновь прибывший дипломат был принят афганским королем Закир-шахом, а через день состоялась его встреча с фактическим правителем Афганистана — премьер-министром Хашим-ханом. На ней Ф. Уайли потребовал удалить германскую и итальянскую колонии из страны, но получил отказ. Более того, Хашим–хан заявил англичанину, что, если вермахт в ближайшем будущем достигнет границ Афганистана, «афганцы могут объединиться с немцами» и облегчить их проход к Индии.

Возможно, губернаторские манеры Уайли спровоцировали осторожного премьера на резкий ответ, но это заявление прояснило позицию афганской стороны о пребывании немцев в Афганистане. Хашим-хан продемонстрировал, что Кабул поддержит в войне сильнейшего. 9 сентября 1941 г. встревоженный английский посланник встретился с Константином Михайловым и сообщил, что в нынешней обстановке направит все свои усилия на сотрудничество с нами и снабжение нас информацией по всем вопросам, касающимся совместной деятельности по борьбе с немцами в Афганистане. «Не может быть и речи о недооценке немецкой опасности», — сказал британец.

Одновременно посол подчеркнул, что Лондон не намерен повторять «иранский вариант», хотя СССР был готов ввести свои войска в Северный Афганистан. Отказавшись от военной акции, Великобритания и СССР применили дипломатические и экономические рычаги давления. В частности, Великобритания сократила экспорт нефтепродуктов, что значительно ухудшило экономическую ситуацию в стране, наложила секвестр на афганское золото в Индии стоимостью в 50 млн афгани и прекратила оплату закупок членов афганской королевской семьи в Индии. Кроме того, на границе были задержаны 670 грузовиков, закупленных афганским правительством в США, под предлогом их

возможного использования для переброски германских войск в Индию.

Опасаясь за судьбу династии, Хашим-хан стал склоняться к мысли о высылке немцев и итальянцев из страны. Кнут англичане дополнили увесистым пряником: увеличили ему ежегодную субсидию до 25 млн рупий. Были подкуплены и другие политические деятели афганской правящей верхушки.

Однако одновременно в середине сентябре 1941 г. правительство Хашим-хана демонстративно выслало из страны сотрудника британской разведки майора Флетчера, работавшего под прикрытием пресс-атташе посольства. Имея в своем распоряжении большие денежные суммы, Флетчер успешно противодействовал интригам миссий стран Оси в Кабуле. Несмотря на все протесты английского правительства, его, к радости немцев, все равно выдворили из страны.

Это подтвердило, что Великобритания не могла выиграть «войну нервов» без помощи СССР из-за сильной прогерманской группировки в афганском правительстве. Английское правительство вновь обратилось к СССР с просьбой помочь принудить правительство Афганистана удалить из страны подданных Германии и Италии. 29 сентября 1941 г. в Лондоне английский министр иностранных дел Энтони Иден на встрече с советским послом Иваном Майским договорился о совместном демарше перед Кабулом с целью выдворения германских и итальянских подданных, не имеющих дипломатического статуса. В качестве первого шага СССР и Великобритании следовало потребовать от Хашим-хана удаления из Афганистана всех граждан Германии и Италии, не имеющих дипломатического статуса, а затем добиться ликвидации миссий стран Оси в Кабуле. В первых числах октября английская и советская миссии в Кабуле получили указания от своих

правительств категорически потребовать высылки немцев и итальянцев из Афганистана. Хашим-хан, как и опасались англичане, в ответ заявил о возможности мятежа патанов на индо-афганской границе. 9 октября 1941 года английский посланник встретился с главой афганского правительства и заявил ему о «наличии в Афганистане немцев и итальянцев, ведущих опасную для Северо-Западной Индии деятельность». Конкретных доказательств Уайли не привел, но отметил, что «немцы и итальянцы связаны с Аманулой и Шами Пиром». Хашим-хан категорически отказался выполнить английское требование о выдворении германских и итальянских подданных и пообещал передать этот вопрос на обсуждение парламенту. Английский посланник в тот же день вечером сообщил Михайлову, что передача вопроса о высылке парламенту является ловким маневром премьера, который стремится разыграть пуштунскую карту.

В этой обстановке СССР пришел на помощь своему союзнику. Кремль трезво оценивал ситуацию и понимал, что после провала блицкрига страны Оси попытаются дестабилизировать обстановку в советских Среднеазиатских республиках и ослабление итало-немецкой «пятой колонны» в Афганистане выгодно и СССР. Уже 11 октября 1941 года посол Михайлов встретился с афганским премьером и заявил об активизации враждебной СССР деятельности немцев и итальянцев и привел данные о подрывной работе немецких «специалистов». Советский посол подчеркнул, что преступная деятельность германо-итальянской агентуры не встречает должного отпора афганского правительства, и, сославшись на положения советско-афганского договора о нейтралитете 1931 года, потребовал от имени советского правительства «принять меры для того, чтобы в ближайшее время все члены немецкой и итальянской колонии покинули Афганистан и чтобы афганское правительство

гарантировало соответствующее наблюдение за германской и итальянской миссиями». Хашим-хан отказался выполнять и советские требования.

Однако вскоре совместный демарш подействовал: 13 октября Уайли вызвали к Хашим-хану. На встрече присутствовали военный министр и министр иностранных дел. В их присутствии Хашим-хан сообщил дипломату, что постарается удалить представителей Германии и Италии в течение трех месяцев. Англичанин потребовал сделать это в месячный срок, премьер согласился, но отметил, что окончательное решение — за Лоя Джиргой.

Англичане опасались, что Лоя Джирга не одобрит выдворение и даже объявит джихад против Англии и СССР. Угроза начала «священной войны» была особенно опасна для Великобритании, так как в Кабул должны были прибыть вожди пуштунов. Уайли приложил все усилия, чтобы добиться от Хашим-хана гарантий отказа пригласить лидеров племен «независимой» полосы. Афганский премьер удовлетворил это английское требование.

Когда Пильгеру и Кварони сообщили о решении афганского правительства удалить из страны немцев и итальянцев, не бывших членами дипмиссий, абвер предложил тайно перебросить всех здоровых мужчин из Кабула в зону пуштунских племен, где в конце августа началось вооруженное выступление момандов против афганского правительства. В Берлине предполагали, что Англия и СССР потребуют закрыть посольства Германии и Италии в Кабуле. Чтобы обеспечить надежную переправку разведчиков и «добровольцев» в зону племен, Гулам Сиддик-хан передал немцам на связь своих людей среди момандов. Однако немецкие дипломаты не рвались выполнять этот замысел. Здравый смысл подсказывал, что очередная авантюра в Афганистане завершилась бы драматичнее «логарского инцидента».

Расмус передал людей, рекомендованных Сиддик-ханом, на связь Бхагат Раму и провалил этих аманулистов. Уже 10 октября 1941 года Фитин получил из Кабула от Замана шифровку, где перечислялись доверенные лица Сиддик-хана, с помощью которых члены германского посольства намеревались бежать в зону пуштунских племен. Впрочем, от этой затеи отказались, как только узнали, что дипмиссии Германии и Италии в Кабуле продолжат работу.

30–31 октября 1941 года все немецкие и итальянские специалисты были вывезены из Кабула. Перед их отъездом Расмус и Витцель изъяли у отъезжающих всю валюту, в которой разведчики крайне нуждались для финансирования своей агентуры в зоне племен. Эти средства значительно пополнили фонды Расмуса, получившего только в афганской валюте более 1 млн афгани. Кроме этого, уезжавшие немцы сдали Витцелю свое оружие и фотоаппараты.

Как потом установили советские и британские разведчики, абвер, чтобы сохранить часть своей агентуры в Кабуле, завербовал, обещая сохранить жизнь их родственникам в Германии, некоторых немецких евреев, которые не подлежали депортации из Афганистана. Они в дальнейшем использовались для связи германской миссии с посланцами от Факира из Ипи, периодически прибывавшими в Кабул в 1942 году. Этими мерами германская разведка пыталась смягчить тот ущерб, который нанесла нацистской агентуре высылка из Афганистана немецких граждан. Из 5 разведгрупп в стране у немцев сохранилась лишь группа Расмуса, да и та работала под контролем советской разведки.

1 ноября 1941 года в Кабуле состоялась Лоя Джирга, на которой Хашим-хан сумел уговорить делегатов одобрить выдворение граждан Германии и Италии. Чтобы доводы Хашим-хана были более убедительными, британское

посольство передало ему для подкупа делегатов 10 млн афгани. Англия также пообещала выплатить афганскому правительству 500 000 фунтов стерлингов сразу же после того, как первая группа немцев прибудет из Афганистана в Индию. Но даже эти меры не давали Англии гарантии, что во время Лоя Джирги не начнутся стихийные антианглийские выступления представителей пуштунов.

Английская миссия в Кабуле особенно боялась возможных выступлений перед собравшимися делегатами военного министра Шах Махмуд-хана, который был очень популярен среди пуштунов и не одобрял высылки немцев из Афганистана. Этого же мнения придерживался начальник кабульского гарнизона принц Дауд-хан. Только незадолго перед началом Лоя Джирги Хашим-хану удалось убедить их не выступать с критикой действий правительства и не призывать пуштунов к джихаду. Когда английская миссия получила сведения о достигнутом согласии в афганском правительстве, советник Хэйли с удовлетворением сообщил советнику посольства СССР В. Козлову: «В настоящее время имеется полная уверенность в том, что эти прогермански настроенные лица не рискнут выступить против Хашим-хана... так как это могло бы привести к восстанию племен против нынешнего правительства».

Все же избежать антианглийских выступлений представителей приграничных племен на Лоя Джирге не удалось. Речь англичан взволновала вождя племени джадран Замрак-хана, который открыто перед всеми делегатами заявил, что в случае необходимости готов выставить против Англии 20 000 воинов, которых он сам вооружит и будет содержать в течение года. Земли джадран граничили с Вазиристаном, и британские власти в Индии понимали опасность объединение сил Замрак-хана с лашкарами Факира из Ипи.

Несмотря на гневные выступления некоторых делегатов, Лоя Джирга одобрила действия Хашим-хана по депортации немецких и итальянских подданных из Афганистана. Последняя надежда стран Оси полностью сохранить свою агентуру в Афганистане провалилась. После поражения вермахта под Москвой высадка десанта в Вазиристан была отложена, так как технические средства, выделенные для проведения операции «Тигр», были переданы для высадки агентов абвера на территорию Туркмении. Факир из Ипи, в свою очередь, временно прекратил восстание в Вазиристане.

Добившись выдворения из Афганистана граждан Германии и Италии, Великобритания и СССР к концу 1941 г. обеспечили мир на северо-западной границе Британской Индии и серьезно затруднили организацию германской разведкой агентурной сети среди басмачества.

Летом 1942 года, накануне наступления вермахта на Сталинград и Кавказ Витцель получил директиву организовать на территории Средней Азии действующую шпионско-диверсионную сеть. Впоследствии немецкий посланник в Кабуле Пильгер во время допросов в Бутырской тюрьме рассказал, что офицер абвера Витцель намеревался насадить агентуру в южных районах Туркмении, Узбекистана и Таджикистана и создать подпольную организацию. Германия пыталась наладить сотрудничество с туркменским басмачеством, надеясь, что туркменские эмигранты в Афганистане способны вооружить 11 000 бойцов. К весне 1942 года численность отрядов туркменских басмачей, сконцентрированных в непосредственной близости к советской границе, выросла по сравнению с 1939 годом вдвое. Басмачество активно готовилось возобновить налеты на советскую территорию в 1942 г. В частности, Курширмат зимой 1941/42 гг. договорился

с немецкими представителями о сотрудничестве против СССР. Предполагалось добиться независимости туркменов и узбеков при содействии стран Оси. Для содействия нацистам басмачи намеревались направить диверсантов на советскую территорию для уничтожения мостов, аэродромов, линий связи и складов с продовольствием, организовать вооруженные отряды в среднеазиатских республиках и подготовить площадки для приема немецких десантов.

Посольство в Кабуле обещало также своим новым «союзникам» обеспечение оружием и лошадями. Витцель и Расмус в начале 1942 года предложили Махмуд-беку подготовить списки эмигрантов, желавших участвовать в рейдах на советскую территорию. Резиденты германской разведки в Афганистане гарантировали Махмуд-беку и связанным с ним главарям выделение денег для покупки оружия и лошадей.

Вожди басмачей пытались получить больше денег у Германии и отправили через Махмуд-бека списки, где многократно завысили численность своих отрядов. В частности, Кызыл Аяк сообщил немцам о подготовке 40 000 бойцов, по его версии столько же туркмен намеревались влиться в его формирования, когда получат от Германии оружие или деньги на его приобретение. Один из вождей басмачей завысил численность своих формирований в 8 раз.

Германия и Япония в 1942 году вновь предприняли настойчивые попытки привлечь Алим-хана к сотрудничеству против СССР. Но бывший правитель Бухары, находившийся под надзором афганских властей, не решался на активизацию контактов. Поэтому до мая 1942 г. лидером бухарской эмиграции и резидентом абвера оставался Махмуд-бек, создавший в Северном Афганистане при поддержке немцев к весне 1942 г. организацию, названную

германской разведкой кодовым наименованием «Унион». Ее целью было возвращение Алим-хану бухарского престола. Попытки абвера и японской разведки организовать налеты на территорию среднеазиатских республик были известны советской разведке СССР через агентуру в Северном Афганистане. В Москве решили перевербовать Махмуд-бека, который был известен нечистоплотностью и готовностью продавать секреты любой разведке, готовой платить ему.

Из рассекреченных документов внешней разведки пока нельзя выяснить, как Махмуд-бек стал работать на Москву. Вероятнее всего, советская разведка предложила ему столько денег, что жадный до них эмигрант нашел сделку выгодной и продал всю информацию об «Унионе» чекистам. Благодаря этому с начала 1942 года деятельность абвера и басмаческих формирований в Северном Афганистане оказалась под контролем НКГБ. Взаимодействие Махмуд-бека с чекистами внезапно прекратилось в мае 1942 года. После ареста афганской полицией по требованию англичан агента-двойника задержали вместе с ключевыми германскими резидентами, обеспечивавшими связь между Индией и дипмиссиями стран Оси в Кабуле.

Успешное наступление нацистов на Сталинград и Кавказ летом 1942 года стимулировало подготовку басмачей в Афганистане к нападению на СССР. Арест Махмуд–бека ненадолго дезорганизовал их. В Афганистане летом 1942 года появилась новая антисоветская организация «Фаал», но немецкие разведчики по-прежнему называли ее «Унион»: она намеревалась воссоздать Бухарский эмират. Алим-хан под давлением соратников согласился сотрудничать с Германией и Японией и позволил сыну Умар-хану вступить в «Фаал». Чтобы получить необходимые средства для возобновления басмаческих набегов на советские республики, эмир продал несколько крупных

драгоценных камней. Руководителем «Фаала» оказался Сеид Мубашир-хан Тирази, его сподвижниками стали вождь басмачей Курширмат, Нурмамад (Нур Мохаммад) и другие представители эмиграции. При содействии немцев и японцев Мубашир-хан начал подготовку похода на Бухару. 24 июля Пильгер доложил в Берлин о ее ходе. По данным разведчика, Мубашир-хан получил значительные средства и указания немецких кураторов наладить связи между советским Туркестаном и Афганистаном, изготовиться к посылке боевых отрядов в Туркестан и начать активные действия после вступления немецких войск в Среднюю Азию. По плану к открытию горных проходов в Северном Афганистане весной 1943 года предполагалось сформировать отряды численностью до 30 000 бойцов, способных «освободить» Бухару. Германия обещала снабдить «Фаал» деньгами и вооружением, которое планировали доставить по воздуху. Абвер также намеревался высадить в Средней Азии диверсантов из «Туркестанского легиона». Для подготовки диверсантов организовали секретную базу неподалеку от Бреслау.

Германия и Япония старались примирить басмаческие группировки и скоординировать их нападение на территорию СССР. Для этого «Фаал» организовала центр в Кундузе и стремилась развернуть агентурную сеть в республиках Средней Азии. Кроме того, начались попытки наладить связь с главарем киргизских басмачей Камчи-беком, который с сентября 1941 года нападал на приграничные селения. Делегат Мубашир-хана сумел договориться о совместных действиях. Камчи-бек подтянул банды к советской границе, готов был к нападению и Кызыл Аяк. В конце лета 1942 г. кундузский филиал «Фаал» доложил немецкому посольству в Кабуле, что басмаческие отряды на севере Афганистана, готовые напасть на Советский Союз, насчитывают 70 000 бойцов, но только 15 000 во-

оружены. Басмачи, безусловно, завышали численность своих формирований, надеясь на увеличение потока денег и вооружения.

Подготовка басмачества к нападению на сопредельные с Афганистаном территории СССР недолго сохранялась в тайне для афганского правительства и для разведок союзников. В начале апреля 1943 г. афганские власти арестовали Мубашир-хана и около 100 членов «Фаал». Чтобы уничтожить остатки агентуры стран «Оси» в Афганистане, Англия предложила советскому правительству предпринять новый совместный демарш в Кабуле и добиться от Хашим-хана выдворения из страны германских и японских разведчиков и разгрома Фаала. Москва и Лондон быстро договорились.

В мае 1943 г. британский посол Уайли в ноте афганскому правительству потребовал пресечь деятельность нацистской разведки в Афганистане и выдворить японских агентов из г. Кандагара. Вскоре советский посол Константин Михайлов нанес визит Хашим-хану и заявил ему протест в связи с враждебной СССР деятельностью посольств Германии и Италии в Афганистане (об интригах Японии советские дипломаты умолчали по политическим соображениям). Советская нота протеста была составлена с использованием достоверных данных о деятельности «Фаал», полученных Внешней разведкой СССР от ее агентов в среде среднеазиатских эмигрантов. Обилие фактов и документов о подрывной деятельности германской разведки среди басмачества, имевшихся у советской резидентуры в Кабуле, позволило послу Михайлову отказаться от использования в тексте своего заявления информации из писем Тирази, фотокопии которых посольство получило от британской миссии в Кабуле.

В ноте протеста посольства СССР в Кабуле указывалось, что советское правительство располагает достоверными

сведениями о враждебной Советскому Союзу деятельности германской миссии среди басмачества, и приводился список лиц, возглавлявших «Фаал», хотя само название этой антисоветской организации не упоминалось. Далее в ноте пересказывалось содержание письменного обращения к Германии одного из лидеров узбекского басмачества, входившего в руководство «Фаал», Курширмата. В этом письме, перехваченном резидентом советской разведки в Афганистане Аллахвердовым, говорилось, что «весной 1943 года эмигранты намерены организовать восстание в Советской Средней Азии и развернуть диверсионную деятельность на советской территории, обратив свое внимание в первую очередь на разрушение железных дорог, линий связи и т. п. Эмигрантский центр наметил районами организации повстанческого и басмаческого движения ряд областей Узбекской и Таджикской ССР». В документе, зачитанном послом Михайловым Хашим-хану, также перечислялись многочисленные примеры антисоветской деятельности басмачества в Северном Афганистане и приводились факты, свидетельствующие о том, что дипломатические миссии Германии и Италии ведут подрывную работу против СССР. По этому поводу в ноте говорилось: «Германская миссия финансирует и руководит враждебной Советскому Союзу деятельностью эмигрантов из СССР в Афганистане. Активную работу в этом направлении ведут кроме... Расмуса члены и сотрудники германской миссии: Шмидт, Фишер, Витцель, Дох и др. [...] Германская и итальянская миссии в Кабуле совместно с некоторыми афганскоподданными из числа белоэмигрантов намечали распределение среди туркменских, узбекских и киргизских басмаческих организаций на Севере Афганистана вооружения, которое по их плану должно сбрасываться немецкими самолетами в Афганистане. Это вооружение предназначалось к использованию

против Советского Союза. Имеются также сведения о наличии в Афганистане организованных немцами радиоточек, получающих... указания непосредственно из Берлина для организации враждебной СССР подрывной работы». Далее, сославшись на советско-афганский договор, согласно которому афганское правительство взяло на себя обязательство не допускать подрывной деятельности против СССР, Михайлов от имени советского правительства потребовал:

1. Ликвидировать организацию среднеазиатских эмигрантов и предать суду ее руководство (Хашим-хану был вручен список с именами членов «Фаал»).

2. Срочно ограничить состав германской миссии, так же как и итальянской, посланником и одним секретарем.

Премьер-министр Хашим-хан спокойно выслушал заявление советского посла и заверил его, что в течение двух лет афганское правительство делало все возможное, чтобы не допустить любой акции, враждебной СССР. Он усомнился в том, что у Михайлова имеются данные, подтверждающие правоту советской стороны, которые Москва могла бы «сообщить всему миру». В ответ советский посол сообщил Хашим-хану, что посольство СССР готово предоставить афганскому правительству все необходимые документы о враждебной Советскому Союзу деятельности миссий стран Оси в Афганистане. Это заявление посла крайне смутило афганского премьер-министра, и он был вынужден принять советскую ноту. Афганское правительство было вынуждено удовлетворить советские и английские требования. В мае—июне 1943 года афганская полиция вновь провела массовые аресты среди эмигрантов из Средней Азии в Кабуле, в результате чего деятельность «Фаал» фактически прекратилась, хотя на свободе и осталось несколько сот ее членов.

В ходе допросов членов этой антисоветской организации выяснилось, что Алим-хан оказывал ей покровительство и финансовую помощь. Разгневанный король Закир-шах приказал доставить его к нему во дворец. Когда слепой старик был привезен к афганскому монарху, король обвинил Алим-хана в сотрудничестве со странами Оси. Бывший эмир Бухары, не находя аргументов в свою защиту, расплакался и заявил, что был втянут в интриги Германии и ее союзников против своей воли. Вряд ли Закир-шах этому поверил, но никаких репрессивных мер против Алим-хана не принял, чтобы избежать недовольства среднеазиатских эмигрантов.

Благодаря совместной акции СССР и Великобритании деятельность японской и германской разведок в Северном Афганистане к 1943 г. была парализована. Попытки Германии и Японии превратить Афганистан в плацдарм для подрывной деятельности против СССР потерпели крах.

Из-за того что вермахт потерпел неудачу под Сталинградом, германские войска не смогли вторгнуться в Среднюю Азию, была сорвана доставка самолетами Люфтваффе вооружения басмачам. Большую роль в провале антисоветских организаций в период Второй мировой войны сыграла продажность вождей басмачества, которые за деньги были готовы на предательство.

Афганское правительство после побед Советской Армии под Сталинградом и Курском окончательно убедилось, что Германия и ее союзники войну проиграли, и ликвидировало агентуру стран Оси в своей стране.

Необходимо учесть и психологический фактор: все годы Великой Отечественной войны среднеазиатские эмигранты жили в страхе перед возможным вторжением частей Красной армии в Афганистан, поэтому и басмачи не рискнули самостоятельно возобновить вооруженную борьбу в Средней Азии.

После капитуляции Италии итальянский посланник в Кабуле Кварони получил указание правительства Бадольо рассказать британскому посланнику и советскому послу в Кабуле о деятельности в годы войны разведок стран Оси в Афганистане и Индии. И 8 января 1944 г., встретившись с поверенным в делах СССР в Афганистане Иваном Самыловским, он сообщил ему, что в 1942 г. дорога от Захедана до Мешхеда (Иран) Пильгером рассматривалась «как одна из возможных коммуникаций для доставки вооружения в СССР из порта Карачи...». Поэтому, по словам Кварони, разведгруппа К. Расмуса «должна была организовать саботаж и диверсии на пути от Карачи через Захедан до Мешхеда».

С этой же целью в январе 1942 г. в Восточном Иране было десантировано около 100 немецких диверсантов (операция «Баядера»), которым после выполнения своего задания было приказано пробиться в Вазиристан к Факиру из Ипи, уже давно обещавшему итальянцам уничтожить ряд важных железнодорожных объектов в Белуджистане. Возможно, хитрый Факир соглашался на все, даже заведомо невыполнимые, задания итальянской разведки, стремясь выманить у нее как можно больше денег. Однако их у Кварони в достаточном количестве не было, и поэтому лидер вазиров не спешил выполнять поручения итальянцев, настойчиво просивших его уничтожить железнодорожный тоннель в Раскухе. Если бы Факиру удалось взорвать его, транспортировка военных грузов из Карачи в Иран стала бы невозможна.

25 мая 1942 года афганская полиция по требованию англичан провела аресты фашистских агентов, обеспечивавших связь миссий стран Оси с Факиром.

Самым большим ударом для немцев был арест Уттам Чанда, дом которого был главной явочной квартирой для встреч Расмуса с Бхагат Рамом. Поэтому резидент германской внешнеполитической разведки попросил Пильгера

добиться от афганцев освобождения своего человека. В тот же день германский посланник попытался убедить афганское правительство не передавать Уттам Чанда британским властям в Индии. 26 мая Пильгер сообщил в Берлин, что афганское правительство согласно продлить Уттам Чанду вид на жительство, если немцы сумеют доказать его убеждения как индийского националиста. 30 мая германская миссия в Кабуле получила ответную шифровку, где миссию просили принять все усилия, чтобы воспрепятствовать высылке Уттам Чанда, чтобы он не выдал в случае ареста и пыток агентурную сеть. Однако к этому моменту Уттам Чанд был уже выслан из Кабула в Индию. Пильгер запальчиво заявил афганскому министру иностранных дел, что больше не может иметь с ним дела. Вместе с Уттам Чандом весной — летом 1942 года в Афганистане были задержаны около 100 агентов, сотрудничавших с миссиями стран Оси. В частности, в мае был арестован афганский летчик Гулям Амар-хан, который был связным между итальянским посольством и Факиром из Ипи. У итальянского агента было изъято 50 000 рупий, которые он не успел передать лидеру вазиров. Массовые аресты в Кабуле нанесли значительный ущерб шпионской разведсети Германии и Италии, прервали связь с Факиром из Ипи до конца июля 1942 года.

Высылку в Индию Уттам Чанда и других работавших с ним фашистских агентов в Берлине восприняли как очередное доказательство проанглийской ориентации правительства Хашим-хана. Поэтому Расмусу приказали прекратить переговоры с афганцами о доставке Факиру из Ипи устаревшего оружия и боеприпасов из арсеналов афганской армии.

В середине мая 1942 г., после успехов немецких войск в Крыму, Хашим-хан дал указание министру экономики Абдул Меджиду, который находился в Берлине, возобновить с немцами переговоры об урегулировании афганско-

го долга Германии, сумма которого составляла 225 млн рейхсмарок. Правительство Германии попыталось договориться с Кабулом, чтобы эти деньги были переданы афганским правительством немецкому посольству, которое, располагая такими огромными финансовыми ресурсами, смогло бы широко развернуть подрывную деятельность в полосе пуштунских племен Британской Индии.

Вероятно, Расмус, который, как торговый атташе Германии, принимал участие в переговорах о ликвидации афганского долга, предложил своему начальству в счет погашения долга договориться с правительством Хашим-хана о передаче германской миссии устаревшего вооружения афганской армии. Это оружие и боеприпасы германский резидент хотел, не медля, переправить Факиру из Ипи. Кроме этого вооружения, оружие вазирам должны были сбросить на парашютах в Вазиристан и японские самолеты. Японские войска в то время стояли у границы Индии, трофейного английского оружия у японцев было достаточно, а дальность полета японских самолетов позволяла им доставить грузы в Вазиристан. Таким образом, технически предложение Расмуса с помощью японцев наладить снабжение воинов Факира из Ипи оружием было выполнимо.

В июле-августе 1942 года деятельность германской и итальянской разведок в Афганистане и Индии активизировалась. Успехи нацистских армий на Кавказе и под Сталинградом заставили многих поверить в победу Германии в войне. У Расмуса и Кварони появилось много новых агентов в афганских правящих кругах и даже среди дипломатов некоторых восточных государств. Особенно ценной для немецкой разведки была помощь турецкого посольства в Кабуле. Прогермански настроенный советник турецкой миссии Бач и некоторые турецкие преподаватели помогли немцам связаться с антисоветскими

организациями туркменских, узбекских и таджикских националистов. Часть этих организаций имела свои филиалы в Индии, где их деятельности в 1920–1930-е гг. потворствовали британские власти. Ради помощи в реанимации басмаческого движения и свержения Советской власти в Туркестане эмигранты из Среднеазиатских советских республик согласились помогать германской разведке и в Северо-Западной Индии. Так, организация «Энджумен Бухари», штаб-квартира которой находилась в Дели, активно сотрудничала с немцами.

С помощью членов этих эмигрантских организаций германское посольство получало информацию о ситуации в Индии и переправляло деньги для «Организации Мацотты». Через Турцию и Иран Расмус получил деньги и рации для фашистской агентуры в полосе «независимых» пуштунских племен. К августу 1942 года ему удалось обменять на рупии и афгани большую часть иностранной валюты, имевшейся в германском посольстве. Через курьеров абвера он получил из Германии и крупную сумму американских долларов, в которых нуждался для закупки вооружения Факир из Ипи. С помощью одного из итальянских агентов немцам удалось организовать в Кабуле подделку чеков индийских банков. Полученные таким образом деньги шли на финансирование деятельности «Организации Мацотты». У германской разведки были и свои счета в банках Британской Индии, так как перед началом Второй мировой войны германские спецслужбы провели в этой стране крупномасштабные операции по обмену фальшивых бумажных фунтов стерлингов. 5 августа 1942 года первый секретарь британской миссии в Кабуле Коннор-Грин, который являлся офицером английской разведки, сообщил послу Михайлову, что до войны немцы наводнили Индию большим количеством фальшивых фунтов стерлингов.

Возможно, руководство фашистской Германии только летом 1942 г. приняло решение передать Расмусу тайные вклады в индийских банках, так как было уверено в скором начале наступления на Индию. В любом случае у немецкой разведки в Афганистане имелись валютные средства для того, чтобы организовать серию диверсий против британских войск на северо-западной границе Британской Индии.

Несостоявшийся десант

Летом 1942 года обстоятельства способствовали началу подрывных акций в зоне пуштунских племен и по всей Индии. Еще не был урегулирован конфликт в Хосте, и племена Вазиристана готовились начать восстание, когда 9 августа 1942 года английские власти арестовали Махатму Ганди и других лидеров ИНК. В знак протеста по всей Индии начались антибританские выступления. Джавахарлал Неру вспоминал об этих событиях: «В городах и сельских местностях собирались толпы народа, происходили столкновения с полицией и войсками. Толпы совершали нападения особенно на объекты, которые казались им символом английского господства и власти, — отделения полиции, почтовые конторы и железнодорожные станции, они перерезали телеграфные и телефонные провода. 10 сентября 1942 года Витцелю приказали подготовить посадочные площадки для высадки «Индийского легиона», сформированного в Германии организацией «Свободная Индия».

Создавав из военнопленных индийцев воинское формирование численностью более 3000 человек, Бос хотел использовать его в момент наступления вермахта на Индию. Осенью 1942 года немцы предложили ему план десантирования «Индийского легиона» в Вазиристан.

Предполагалось, что 3000 хорошо обученных и вооруженных солдат помогут Факиру из Ипи нанести мощные удары по британским войскам. Бос согласился с этим планом, который в абвере по-прежнему называли операцией «Тигр».

Выброску десанта в полосу «независимых» пуштунских племен Британской Индии немецкое командование планировало осуществить сразу же после захвата Баку. Вероятнее всего, в начале операции «Тигр» предполагалось забросить к Факиру из Ипи передовой отряд, сформированный из мусульман из «Индийского легиона», прошедших специальную подготовку в разведшколе под Франкфуртом-на-Одере. С января 1942 года там прошли курс обучения около 100 индийцев. Учитывая, что этим диверсантам предстояло действовать в горах, их обучали не только работе с рацией и подрывному делу, но и технике альпинизма и верховой езде. Высадившись в Вазиристане, они должны были обеспечить охрану посадочных площадок для приема основных сил. После успешной высадки авангарда в Вазиристан планировалось перебросить по воздуху и остальную часть «Индийского легиона».

В германской миссии в Кабуле считали, что агентурная сеть готова обеспечить высадку немецких десантов в полосе «независимых» пуштунских племен. Но Бхагат Рам настаивал на десантировании «Индийского легиона» не в Вазиристане, а в Баджауре, где якобы его люди могли обеспечить успех операции «Тигр». Англичанам было легче ликвидировать немецкий десант в мирном Баджауре, чем в охваченном антибританским восстанием Вазиристане. По этой причине Бхагат Рам категорически возражал против высадки немецкого десанта в Вазиристане. Ему удалось убедить Расмуса и Витцеля изменить план операции «Тигр».

10 сентября 1942 года Пильгер известил Берлин о полной готовности германской агентуры в Баджауре встретить парашютистов. В этой же телеграмме германский посланник сообщил координаты трех посадочных площадок. Далее посол уведомил руководство абвера об условных сигналах, которыми члены подпольной организации будут наводить немецкие самолеты на цель. 16 сентября было получено согласие на высадку германских агентов в Баджауре.

Приняв решение изменить район десантирования «Индийского легиона», Берлин не отказался от мысли создать воздушный мост до Вазиристана. На Кавказе установили специальную радиостанцию, которая должна была ориентировать немецкие самолеты. Осенью 1942 года немцам удалось сбросить на парашютах Факиру из Ипи первые партии вооружения. Из-за этого британские войска понесли тяжелые потери в боях под фортом Датта-хель. Англичане в сентябре 1942 г. деблокировали его, потеряв 7 легких танков и 3 самолета.

Абвер планировал спровоцировать мятежи не только в Вазиристане и прилегающих к нему районах. Так, Бхагат Рам сообщил немцам, что его организация якобы уже давно заключила соглашения о совместных действиях против англичан со многими влиятельными лидерами приграничных пуштунских племен, в том числе авторитетными богословами.

Группа «молодых» политиков из окружения короля Захир-шаха считала, что победу во Второй мировой войне одержат Германия и ее союзники, поэтому они готовы были сотрудничать с этими странами. Начало войны на Тихом океане и японский блицкриг в Азии еще раз упрочили среди части афганцев уверенность, что СССР и Англия потерпят поражение. Подобные настроения были настолько ярко выражены в 1942 году в Кабуле, что мно-

гим «друзьям» Германии потом пришлось «каяться» перед советскими дипломатами. Так, 2 декабря 1942 г. министр общественных работ Рахимулла-хан вынужден был признаться послу Михайлову: «[Афганцы и он сам] были уверены, что Советский Союз в ходе войны с Германией не только не сможет противостоять германскому оружию и оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление немецким войскам, но и быстро и неминуемо подвергнется политическому разложению и распадется. Афганцы ожидали, что каждая советская республика и даже автономная национальная область будут тянуть в свою сторону и постараются выйти из состава СССР. На деле, однако, этого не случилось. Что явилось большой неожиданностью для афганцев».

Когда немецкие войска в 1942 г. начали наступление на Сталинград и Кавказ, в афганском правительстве усилилась группировка Дауд-хана. Советский посол Константин Михайлов в одном из донесений в Москву писал, что англичане ненавидят Дауда, так как он «является ярым сторонником расширения территории Афганистана, в первую очередь за счет... воссоединения полосы патанских племен с Афганистаном». Ради достижения этой цели «молодые» были готовы вовлечь Афганистан в войну против Англии. Понимая, что англичане больше боятся всеобщего восстания приграничных пуштунских племен, чем регулярной афганской армии, Дауд-хан и его окружение готовили мятеж на индо-афганской границе. В мае 1942 г. близкий к нему министр общественных работ Рахимулла-хан заключил с Пильгером соглашение, по которому обещал немцам поднять восстание гильзаев против англичан. Сигналом к началу вооруженного выступления этого племени должно было стать вторжение вермахта в Иран. Германия взяла на себя обязательства поставить восставшим гильзаям необходимое вооружение и боеприпасы. Рахимулла-

хан настаивал, чтобы немцы предупредили его заранее о своем наступлении, так как из-за ограниченных запасов продовольствия гильзаи не могли вести боевые действия более 25 дней.

Благодаря помощи прогерманской группировки немецкое посольство летом 1942 г. получило разведданные об Индии. Заместитель афганского премьера Наим-хан в июле 1942 г. сообщил Пильгеру и Кварони, что его правительство готово передавать странам Оси информацию по Индии и Советскому Союзу.

Ожидая скорого захвата Кавказа, Витцель 14 декабря 1942 г. отправил руководству абвера доклад с расчетами оружия и средств, необходимого для оснащения 50 000 бойцов. Кроме оружия и боеприпасов, он просил выделить ему не менее 1 млн рупий, 25 000 соверенов и 200 кг золота. Как стало известно советской разведке, немцы на переговорах в Кабуле с посланцами Факира из Ипи обещали перебросить по воздуху в Вазиристан даже пушки, получив которые, вождь вазиров должен был начать атаки на английские форты.

Первый успех Люфтваффе подтолкнул абвер к разработке крупной десантной операции с целью реставрации на кабульском престоле экс-короля Аманулы-хана. 22 января 1943 года в штабе командования вермахта прошло заседание, на котором обсуждался план захвата Кабула осенью 1943 года. Новый вариант операции «Аманулла» предусматривал, что на афганскую столицу будет сброшен крупный десант в 4400 немецких солдат и офицеров. Планировалось, что они смогут захватить важнейшие правительственные центры афганской столицы в течение 8–48 часов. В итоговом документе этого совещания отмечалось, что осуществление операции будет возможным только после утверждения немецкого контроля над западным побережьем Каспийского моря, включая район Баку.

Абвер дипломатично намекал нацистскому руководству на невозможность выброски каких-либо крупных десантов в Афганистане. Появление Аманулы в Афганистане неизбежно вызвало бы восстание многие приграничных племен, резко обострило бы ситуацию на индо-афганской границе. План высадки немецкого десанта на Кабул с целью реставрации Аманулы логично вписывался в осуществление операции «Тигр».

Летом 1942 года успехи вермахта на Кавказе и под Сталинградом привели к сильному крену в политике Хашим-хана. В Кабуле росло число готовых примкнуть к странам Оси. В августе 1942 г. ситуация в афганской столице накалилась до предела: по городу ходили упорные слухи о предстоящем государственном перевороте, который якобы готовил Дауд-хан. Летом и осенью 1942 года британское и советское посольства пребывали в тревожном ожидании этого события, которое могло произойти в любой момент.

После отстранения Муссолини от власти и объявления Италией войны Германии британское и советское посольства в Кабуле получили в свое распоряжение ценнейший источник информации о деятельности стран Оси в Афганистане: посланник Пьетро Кварони, подчиняясь приказу правительства Бадольо, раскрыл представителям антигитлеровской коалиции в Кабуле много ранее секретных сведений. Так, итальянец подтвердил, что в 1942 году в Афганистане назревал военный заговор против правительства Хашим-хана. Кварони рассказал: «Он предложил войти с немецкой и итальянской миссиями в такой контакт... что если немцы займут Кавказ и окажутся в Иране, у границ Афганистана, то можно будет сделать правительственный переворот. Предлагалось убрать Хашим-хана и других проанглийски настроенных лиц, создать новое правительство, которое будет содействовать немцам и итальянцам в их движении на Индию. Дауд-хан

соглашался при условии, если будет дана гарантия о сохранении в Афганистане существующей династии». Берлин и Рим отказались брать на себя подобные обязательства, в результате чего заговорщики больше не обсуждали своих планов с Кварони и Пильгером.

Германия и Италия отказались гарантировать Дауд-хану сохранность в Афганистане династии Яхья-хель, так как хотели вернуть афганский престол Аманулле-хану, с помощью которого, как полагали в Берлине и Риме, им было бы легче организовать антибританский мятеж пуштунских племен на индо-афганской границе. Фашистские правительства полагали: после захвата вермахтом Кавказа уже мало что могло помешать германским войскам вторгнуться в Афганистан и достичь границ Индии, поэтому они не хотели связывать себя какими-либо обязательствами перед династией Яхья-хель. Возможно, продолжая делать ставку на Амануллу и отказавшись пойти навстречу требованиям Дауд-хана, Германия и ее союзники совершили крупную ошибку.

В августе—октябре 1942 г. Дауд-хан и его сторонники не сидели сложа руки. Так, в августе 1942 г. он, как командующий Центрального корпуса, личным приказом повысил в чине 100 офицеров. Действуя таким образом, Дауд-хан понимал, что Хашим-хан не рискнет отменить его решение, чтобы не вызвать недовольство командного состава гарнизона Кабула. Так оно и получилось: афганский премьер-министр утвердил все приказы командующего Центрального корпуса. Увеличив число своих сторонников в столичном гарнизоне, прогерманская группировка «молодых» политиков приступила к подготовке вооруженного выступления приграничных пуштунских племен против Англии.

Обстановка на юге Афганистана и в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии стала еще

более взрывоопасной после поездки в октябре 1942 г. к приграничным племенам Дауд-хана. Официально было объявлено, что целью его переговоров с представителями приграничных племен является урегулирование инцидента в Хосте и выдача пострадавшим компенсации от афганского правительства. Но Дауд-хан явно не подходил на роль миротворца. Вероятнее всего, он во время своих переговоров с вождями пуштунских племен призвал их к подготовке всеобщего восстания против Великобритании по сигналу из Кабула.

Германская разведка, которая была уверена в своих крупных успехах в Индии, не могла еще долгое время отказаться от высадки небольшой разведгруппы в полосе «независимых» пуштунских племен. Но афганское правительство, понимая, что Германия войну проиграла, еще более активно стало проводить проанглийскую политику и ликвидировало разведсеть стран Оси в Афганистане. После повальных арестов, которые начались в мае 1943 г. в Афганистане, абвер лишился своей последней агентуры в зоне пуштунских племен, и 24 сентября 1943 г. афганское правительство выслало из страны Витцеля и Доха.

Совместными усилиями Великобритания и СССР сорвали этот план абвера. Под давлением Лондона и Москвы афганское правительство не позволило странам Оси превратить территорию Афганистана в плацдарм для подрывной деятельности спецслужб этих государств против Британской Индии. Это помогло Англии и Советскому Союзу предотвратить вооруженный мятеж пуштунов на индо-афганской границе.

30 сентября 1942 г. состоялась встреча Хашим-хана с американским посланником в Кабуле Корнелиусом ван Энгертом и корреспондентом «Чикаго дейли ньюс» Стилом. «Интервью» афганского премьера было настолько резким

и неожиданным, что американская сторона лишь «в строго секретном порядке» сообщила К. Михайлову о высказываниях главы афганского правительства, который заявил, что «в военную силу англичан в Индии... не верит». В связи с этим Хашим-хан попросил США поставить в Афганистан вооружение по ленд-лизу. Энгерт благожелательно воспринял просьбу премьера, но выдвинул условие — афганское правительство должно согласиться на «переброску союзных вооружений в СССР» по маршруту Чаман — Кандагар — Герат — Кушка. США планировали доставлять через Афганистан в СССР по 2500–7500 тонн грузов в месяц. Можно предположить, что американские представители сообщили советской стороне не всю информацию о переговорах с афганцами. Кроме этого, трудно представить, чтобы Хашим-хан осенью 1942 г. не попытался выторговать от США каких-либо уступок по «патанской проблеме».

Хашим-хан попытался заручиться поддержкой и Советского Союза, чтобы обеспечить выгодное Афганистану решение территориального спора с Великобританией. 19 октября 1942 года доверенное лицо Хашим-хана начальник политического отдела МИДа Наджибулла заявил послу Константину Михайлову, что считает настоящий момент благоприятным для оказания давления на англичан с целью пересмотра действующих афгано-английских договоров, согласно которым определяется нынешняя индо-афганская граница с тем, чтобы перенести ее и воссоединить с Афганистаном территорию Кашмира, Северо-Западной провинции и Белуджистана, населенную патанами и отторгнутую в свое время англичанами от Афганистана. Одновременно афганское правительство считает, что Англия должна в связи с этим предоставить Афганистану выход к морю.

Все афганские аргументы, особенно те, в которых звучала замаскированная угроза Англии, сводились к сле-

дующему: «Коль скоро англичане собираются отдать индийцам Индию, они должны отдать Афганистану то, что ему принадлежит по праву. Если в Индии будет создано независимое государство, то этому государству не к чему владеть чужой афганской территорией». В ходе беседы Наджибулла сообщил, что к Афганистану должны отойти не только СЗПП, Белуджистан и Кашмир, но и территории Свата, Дира, Баджаура. По афганским данным, там проживало до 7 млн патанов.

В своей докладной записке Молотову Михайлов охарактеризовал требования Афганистана как прогрессивные, но рекомендовал Москве в сложной военной и международной обстановке соблюдать в этом вопросе крайнюю осторожность. Советский дипломат также прогнозировал, что Великобритания не уступит Афганистану северо-западных районов Индии. Одним словом, К. Михайлов логично рекомендовал своему руководству не вмешиваться до окончания Второй мировой войны в англо-афганский территориальный спор.

Американцы также пришли к выводу, что не нужно из-за Афганистана осложнять отношения с Великобританией. В октябре 1942 г. главнокомандующий английскими вооруженными силами в Индии Арчибальд Уэйвелл (с 1943 г. — вице-король Индии) категорически отклонил американский план доставки грузов по ленд-лизу в СССР через Афганистан. Военному атташе США в Кабуле майору Эндерсу пояснили, что «ввоз большого количества вооружения может привести к восстанию афганских племен и вызовет необходимость концентрации значительного количества войск на индо-афганской границе, что является... для англичан нежелательным».

Страны Оси своей ставкой на реставрацию власти Аманулла-хана постоянно доказывали династии Яхья-хель, кто ее враги, а кто союзники. Уже весной 1942 г. герман-

ское посольство оказалось замешанным в заговоре против Закир-шаха. Но афганские власти с помощью англичан арестовали немецкого агента, готовившего покушение на афганского короля. Заговор провалился. Однако этот инцидент был предвестником более грозных событий в Афганистане. В конце августа в Кабуле начались массовые аресты аманулистов, которые с разной интенсивностью продолжались несколько месяцев. Видимо, афганская тайная полиция раскрыла очередной заговор против правящей династии. Только в сентябре около 100 аманулистов были арестованы и подвергнуты пыткам в тюрьмах. На допросах высокопоставленных заговорщиков присутствовал лично король Закир-шах. Часть аманулистов выслали в Индию. Сторонники экс-эмира традиционно поддерживали тесные контакты с германским и итальянским посольствами, которые, кроме этого, активно подстрекали приграничные пуштунские племена к мятежу. Британские власти в Индии, к которым потоком шла информация о фашистских интригах в Афганистане и «независимой» полосе, решили воспользоваться удобным моментом, чтобы добиться от афганского правительства закрытия дипломатических миссий стран Оси.

В ноябре 1942 г. Уайли, выполняя указания секретаря по иностранным делам Индии Олафа Кэроу, дважды ставил этот вопрос перед афганцами, но каждый раз получал категорический отказ. Британский посланник в Кабуле с сожалением был вынужден констатировать, что «следовало бы ликвидировать дипломатические миссии стран Оси в октябре прошлого года, когда из Афганистана выдворялись неофициальные фашистские разведчики». Теперь же, по его мнению, данный шаг мог «привести к обострению политической обстановки в Афганистане и падению правительства Мохаммада Хашим-хана». На такой риск Великобритания пойти не могла, и посоль-

ства Германии и ее союзников сохранились в Кабуле, хотя разведки Англии и СССР собрали обширный компромат против них.

Разумная осторожность стран антигитлеровской коалиции в Афганистане в 1942 г. и негибкая политика Германии, не желавшей даже для вида отказаться от планов свержения династии Яхья-хель и делавшей ставку на Аманулу, позволили Хашим-хану удержать группировку Дауд-хана от запланированного военного переворота и открытых антибританских акций. После Сталинграда всем афганским политикам стало ясно, что старый и больной премьер оказался прав: количество «друзей» Германии резко сократилось. Внутриполитическая обстановка в Афганистане стабилизировалась.

Вероятно, при принятии решения о начале вторжения в Афганистан в декабре 1979 года советские руководители не учитывали политические реалии того периода и опыт предыдущих операций английских, русских и советских войск против Афганистана.

Глава 3

Красное солнце Синьцзяна

Проблема Синьцзяна, северо-западной провинции Китая, присоединенной к Цинской империи в середине XVIII века после серии военных экспедиций, обострилась в 1860–1870-х годах. Местные дунгане и уйгуры, испытывавшие сильный национальный и религиозный гнет, восстали в 1864 г. против китайских властей. К ним присоединились проживавшие в Синьцзяне сарты (узбеки), киргизы и казахи, что не могло отразиться на настроениях их соплеменников на территории Российской империи и среднеазиатских Хивинского и Кокандского ханств, которые пытались сохранить свою независимость.

Восстание сопровождалось жестоким истреблением китайцев. Первые попытки китайского правительства к усмирению восстания не имели успеха. Отрезанные от главных сил и друг от друга гарнизоны были заперты в цитаделях, а повстанцы в прямом смысле выжигали все китайское. Китайцы отвечали на жестокость ужасающими расправами. Во время осады города Хе-джеу, продолжавшейся семь месяцев, и после его падения они казнили 20 000 человек; у города Си Ниньфу — 9000 человек; в Цзин Цзину — 50 000 человек. Ненависть выросла до такого градуса, что мусульмане умерщвляли собственных жен и детей, чтобы они не попали в руки врага. «Обширные, плодородные, густо населенные пространства были обращены в пустыню», — писал впоследствии генерал

Алексей Куропаткин. К концу 1864 года провинция разделилась на несколько территорий, не подчинявшихся Пекину и нередко враждовавших друг с другом.

Восстанием пытались воспользоваться кокандские ханы, которые надеялись расширить свои владения перед столкновением с Россией. Весной 1864 года к восставшим в Кашгар вместе с кокандским религиозным деятелем Бузурук-ханом прибыл один из будущих лидеров повстанцев Якуб-бек. Осенью 1864 года он сверг властвовавшего в Кашгарии после изгнания китайцев Бузурук-хана и захватил власть в провинции. Зимой 1864/65 годов его отряды заняли Кашгар.

29 ноября 1864 года цзяньцзюнь (губернатор) илийской провинции Мин Сюй, обеспокоенный захватом повстанцами новых территорий, попросил начальника пограничного Алатауского округа Герасима Колпаковского об оказании военной помощи против мятежников. Губернатор уверял российского военного администратора: «Если великое войско придет в скором времени, то на десять тысяч лет утвердится доброе согласие...» Колпаковский ответил, что такой вопрос решается не в провинции, а только в столице. Тем не менее в конце декабря 1864 года в Верный (Алма-Ату) прибыла делегация с просьбой ускорить отправку войск в Кульджу. В письме цзянцзюнь благодарил Колпаковского за сообщение «белому царю», ожидая, что, немедленно по получении высочайшего указа, русские «придут и освободят город». Мин Сюй полагал, что таким образом «будет сделано дело, которое мы сто и десять тысяч лет будем помнить. Наш народ умеет ценить добро». В начале 1865 года просьбы возобновились уже из Пекина: китайские сановники обратились к царскому правительству через посланника Александра Влангали. В письме 28 июля 1865 года предлагалось «снабдить нас

временно некоторым количеством оружия и дать несколько опытных артиллерийских солдат и офицеров, чтобы они помогли нашим войскам в сражении или, по прежнему примеру в Кяхте, подучили наших солдат употреблению военного оружия и другим приемам». Влангали ответил отказом под предлогом трудности контроля над кочевыми киргиз-кайсаками (казахами), необходимости укрепления границ с Кашгарией и, наконец, усиления военных сил против конфликтного Кокандского ханства. Наконец, в российском МИДе опасались соединения мусульманских народов с восставшими единоверцами Синьцзяна.

Якуб-бек стремился воспользоваться бессилием китайских властей и расширить подконтрольную территорию. Осенью 1865 года его войска заняли Яркенд, в январе 1867 года — Хотан. Осенью 1867 года после столкновения с дунганами армия Якуб-бека без боя вошла в Урумчи, после чего правитель Кашгарии заключил перемирие с побежденными. Якуб-бек заявил, что сражается за веру и не хочет междоусобной войны с единоверцами. Завершив покорение восточных областей нового государства, он вернулся в город Аксу и основал там свою резиденцию. Последующие пять лет Якуб-бек занимался внутренними делами и укреплением границ с Семиреченской областью и Кокандским ханством.

Неспособная справиться с повстанцами самостоятельно, Цинская династия возобновила переговоры с Россией. Консультации, которые вел в начале 1870 года Директор азиатского департамента МИД тайный советник Петр Стремоухов с китайскими посланниками, не привели к определенным результатам, но было заметно, что российское вмешательство в дела северо-западных провинций Китая считается допустимым и даже желательным.

Петербург, в свою очередь, беспокоило, что южную часть Восточного Туркестана включили в государство

Джеттишар (или Семиградье) Якуб-бека. Уйгурские отряды дошли до границы Или-Таранчинского султаната. Якуб-бек и хан Или-Таранчинского султаната вели переговоры о присоединении Или к Джеттишару.

Отряды Якуб-бека проникали в Кокандское ханство, обнаруживая претензии правителя Кашгарии на территорию, которая вошла в сферу интересов Российской империи. Кроме того, соратники правителя строили укрепления на границах и пытались повлиять на позицию нарынских киргизов, стремясь присоединить их земли к своему государству. Россия колебалась между установлением дипломатических отношений с государством Джеттишар и восстановлением сотрудничества с Китаем. Кроме того, Якуб-бек даже намеревался помочь кокандцам в войне с Россией, но быстрый разгром ханств не позволил ему вмешаться в ситуацию.

Не раз переходили русско-китайскую границу и поддерживавшие китайские власти отряды калмыков, преследовавшие повстанческие формирования и(или) пытавшиеся вернуть кочевников, бежавших на российскую территорию от истребительной межнациональной и межрелигиозной усобицы.

Россия опасалась создания на своих границах беспокойного и нестабильного государства или конгломерата квазигосударственных образований с ярко выраженной религиозной составляющей, враждебной соседним империям. Петербург предпочитал иметь дело с центральной властью, а не с автономным правителем, который неизбежно вынужден был бы лавировать между полевыми командирами повстанцев и рисковал подпасть под влияние Великобритании, стремившейся расширить «пояс безопасности» Индии за счет прилегающих территорий.

Илийская проблема России

«Если наше невмешательство требовалось в начале восстания в Китае, то впоследствии, когда бессилие китайского правительства перед инсуррекцией сделалось очевидно, мы, в видах собственного интереса, должны бы были помочь Китаю, иначе анархия и беспорядки еще долго будут раздирать соседние нам провинции, в явный ущерб нашей торговле, нашему спокойствию и, наконец, нашему политическому влиянию… Ни дунгане, ни кашгарцы, как более сильные и предприимчивые, чем таранчи, не могут быть терпимы нами вблизи наших границ, которые, в противном случае, сделаются театром постоянных волнений и грабежей», — писал востоковед Михаил Терентьев.

Мнение части российской военной и дипломатической элиты о возможных последствиях вторжения в Синьцзян изменилось. Туркестанский генерал-губернатор Константин фон Кауфман писал: «Теперешнее положение России, при сознании ничтожества мусульманских государств — Таранчинского, Дунганского и Кашгарского, должно переменить нашу политику в отношении к западному Китаю». Военный министр Дмитрий Милютин предпочитал не торопиться: «Занятие Кульджи и Чугучака было бы делом нетрудным, но ген<ерал>-ад<ъютант> Кауфман предполагает занять эти города для того, чтобы передать их китайцам, а между тем сам же признает, что китайское правительство так слабо, что не в состоянии держаться в одной отдаленной окраине…» Несмотря на рост напряженности в Синьцзяне, 19 ноября 1870 г. Милютин запретил занимать Кульджу и Илийскую долину. В конце ноября 1870 г. из Верного в Кульджу для переговоров с правителем Илийского края, султаном таранчей (уйгуров) Абиль-оглы, направили военно-дипломатическую миссию во главе с капитаном Александром Каульбарсом,

для обмена представителями, разрешения спорных пограничных вопросов и решения вопросов торговли. Но султан уклонился от обсуждения ключевого вопроса, поставив под угрозу путь, по которому русские товары шли в Синьцзян, и в основную часть Китая. На рубеже 1870–1871 гг. в Туркестанском округе созрело решение о необходимости занять Кульджу и Илийский край. В отличие от российских дипломатов высшего ранга, медливших с решительными действиями, военные на местах находили причины для них. В письме канцлеру Александру Горчакову Кауфман настаивал, что «настоящее положение дел на границе уже нетерпимо... Мы же должны теперь, как для пользы наших среднеазиатских владений, так и, в особенности, для восстановления упавшей торговли нашей с Западным Китаем, помочь Китаю...». Кауфман полагал, что предпочтительно «теперь же занять Кульджу, объявив при этом китайцам, что им будет возвращен город, как только явится на то уполномоченное от них лицо». Резкий перелом во взглядах руководителей отечественной дипломатии на способность китайской администрации восстановить спокойствие в Синьцзяне произошел зимой 1870/71 гг. Весной 1871 года в Петербурге сделали вывод, что общегосударственные интересы и необходимость поддержания и укрепления порядка на приграничной российской территории требует немедленного вмешательства в дела Западного Китая в самом близком времени. Было принято решение занять два основных города Синьцзяна, Кульджу и Урумчи, направив два отряда русских войск из Семиречья и со стороны озера Зайсан.

Вскоре Россия получила прекрасный повод к активным действиям. Весной 1871 года банды дунган, таранчей и других племен Синьцзяна совершили опустошительный набег на российские владения, нанеся значительный урон

хозяйствам кочевавших на приграничных территориях киргизов (казахов), был ранен и ограблен уездный начальник Гудоренко.

В ответ Семиреченский генерал-губернатор Герасим Колпаковский выступил в мае в поход с двухтысячным отрядом из казаков и регулярных войск. Разгромив несколько отрядов таранчей, Колпаковский штурмом взял крепость Чинчагодзы, большая часть гарнизона была уничтожена. В начале июня Колпаковский наголову разбил ополчения таранчей и их союзников общей численностью 6000 человек и занял крепость Суйдун. После этого отряд, не встречая серьезного сопротивления, двинулся вверх по течению реки Или и 21 июня 1871 года без боя вступил в столицу края Кульджу. В крепости казаки захватили трофеи, в том числе 19 старых пушек. Ободренный успехом, Колпаковский намеревался продолжить поход и вступить в Кашгар, чтобы занять и эту провинцию. Его поддерживал генерал-губернатор Туркестана Константин фон Кауфман, но Петербург предпочел не обострять отношения с Китаем и Великобританией, протестовавшей против продвижения России в Синьцзяне. Тем не менее русские войска заняли значительную территорию на северо-западе Синьцзяна в долине реки Или.

В конце июня 1871 года посланник Александр Влангали направил в Пекин ноту, объяснявшую причины ввода русских войск в Илийском крае и предлагавшую русский вариант разрешения проблемы пограничной территории. В ней подчеркивалось, что успешное наступление русского отряда не могло восстановить маньчжурскую власть, которой, «к сожалению, не было никаких следов в этих местностях». В документе подчеркивался временный характер присутствия российских войск в Илийском крае.

Министр иностранных дел Александр Горчаков полагал, что присоединение Кульджинского округа к составу империи «следует признать самым невыгодным, но для нас важно, чтобы правитель соседней с нами страны дал нам такие материальные и нравственные гарантии, которые обеспечили бы спокойствие на нашей границе и способствовали свободному развитию нашей торговли». Россия не намеревалась использовать занятую территорию как плацдарм для дальнейшего наступления в глубину Синьцзяна. Тем не менее временная русская администрация пыталась восстановить хозяйство разоренной провинции, поощряя развитие внутренней и внешней торговли, снизив налоговый гнет. Китайское правительство, невзирая на полную потерю своих позиций в Синьцзяне, немедленно потребовало от России возвратить Илийский край. В начале мая 1872 года в Сергиополе состоялись переговоры генерала Дмитрия Богуславского со вновь назначенным илийским цзянцзюнем Жун Цзюанем. Россия соглашалась вернуть Илийский край при условии сопровождения Жун Цзюаня достаточной вооруженной силой для подавления мятежа и управления краем и амнистии жителям, замешанным в восстании. Однако Жун Цзюань не был уполномочен подписывать подобные соглашения. Он лишь заявил, что войска подойдут «с течением времени», а население края подчинится законной власти, узнав об амнистии. Однако Россию не устраивало возобновление анархии, и русские войска остались в крае. Русские небольшими силами ликвидировали подконтрольный Якуб-беку султанат и создали «Илийский край» под протекторатом России. Потери русских войск были минимальными, за удачный поход Колпаковского наградили орденом Св. Георгия 3-й степени.

Организатор похода генерал Герасим Колпаковский был не просто губернатором области и атаманом, его

справедливо считают создателем Семиреченского войска и нескольких городов на территории нынешних Казахстана и Киргизии. Колпаковский родился в обедневшей дворянской семье в Харьковской губернии в 1819 году, уже в 16 лет он поступил вольноопределяющимся в Модлинский пехотный полк. В 1840 году в чине унтер-офицера Колпаковский участвовал в десантной операции на черноморском побережье Кавказа под командованием генерала Николая Раевского, в 1841 году его произвели в прапорщики.

После участия в Кавказской войне и венгерском походе 1848–1849 гг. Колпаковского назначили адъютантом 1-й бригады 15-й пехотной дивизии, а в 1852-м — на ту же должность в Отдельный Сибирский корпус генерала Густава Гасфорта. Через три года он получает должность старшего адъютанта этого корпуса. Колпаковский надолго остался в Средней Азии. В 1864 году Колпаковскому, уже генерал-майору, поручили командование войсками и генерал-губернаторство Семипалатинской области. С образованием в 1867 году Семиреченской области Колпаковского назначили её генерал-губернатором. Семиреченское казачье войско создали 14 июля 1867 года из 9-го и 10-го полковых округов Сибирского казачьего войска для охраны российской государственной границы в Туркестане с Китаем. В казачье сословие по желанию записывались крестьяне из числа православных, селившихся в Семиречье. В 1869 году в него записали 400 человек эмигрантов-калмыков, бежавших из китайского Туркестана, принявших православие и российское подданство.

Новое казачье войско размещалось на территории современных Киргизии, Алма-Атинской, Талды-Курганской, части Джамбульской и Семипалатинской областей Казахстана. Войсковой столицей стал город Верный (ныне Алматы).

Весной 1872 года в Петербурге было принято решение направить в Семиградье миссию с целью выяснить намерения Якуб-бека и его окружения и по возможности наладить отношения с мятежниками. Инструкции, данные барону Александру Каульбарсу, обязывали его подписать договор о политических и торговых отношениях, аналогичных действовавшим соглашениям с Бухарой и Кокандом, собрать сведения о положении сношений Кашгара с Индией, внушить Якуб-беку, что ему выгоднее поддерживать добрососедские отношения с Российской империей, владения которой граничили с Джеттишаром. Наконец, предстояло также разъяснить Якуб-беку, что именно Россия считала нормальными и достойными основаниями взаимной торговли.

Посольство отправилось из Токмака в конце апреля 1872 г. и было встречено 6 мая посланцами Якуб-бека. Правитель Кашгарии принял российскую миссию с пышными восточными церемониями, но затем изменил свое отношение. Впоследствии выяснилось, что киргизские гонцы, доставлявшие письма генерал-губернатора, распространяли ложные слухи о движении русских войск к Токмакскому ущелью. Барон Каульбарс, почувствовав стремление кашгарцев затянуть переговоры, лично обратился к Якуб-беку с просьбой о скорейшем подписании документов, заявив, что в противном случае посольство вернется обратно. Якуб-бек, опасавшийся резкого обострения отношений с Россией, уступил и 10 июня передал Каульбарсу два экземпляра договора, подписанного Якуб-беком задним числом (21 мая).

Содержание договора мало отличалось от бухарского и кокандского. Он подтверждал для русских купцов разрешение въезда для торговли, возможность иметь склады (караван-сараи) и, наконец разрешение транзита в Западную Монголию и Центральный Китай. Ввозная пошлина была снижена с 5% до 2,5% от стоимости товара. Россия

также обеспечила право учредить консулов. Вместе с нашей миссией Якуб-бек отправил своего посла с письмом к русскому императору Александру II.

«Наконец пришла и моя очередь! — воскликнул Якуб-бек. — Вы прислали ко мне верных людей, которые собственными глазами видели, собственными ушами слышали от меня, что я никогда не помышлял противиться Его Величеству и причинять какой-нибудь вред...» Якуб-бек также просил допустить его посла к Высочайшему Двору для поднесения собственноручного письма его. «Это будет для меня великою милостью, — прибавил Якуб-бек, — вы бы довели меня, ничтожного, до солнца и на мою долю выпала бы капля из моря!»

Генерал-губернатор Кауфман решил, что удовлетворение просьбы Якуб-бека преждевременно, и обещал ему исполнить ее впоследствии, если только он заслужит эту честь дальнейшим своим поведением. Кашгарский посланец был принят по всем правилам дипломатического этикета той эпохи, ему дали возможность осмотреть воинские части и военные учреждения, присутствовать на устроенных для него учениях, и он отправился обратно в Кашгарию в сопровождении российского чиновника. В тот момент российским дипломатам представлялось, что пятилетние попытки прекратить враждебные выпады Кашгарии и поставить ее политику под влияние Петербурга увенчались успехом. «Успех этот казался для нас тем важнее, что добыт был единственно твердостью и умеренностью нашей политики, а не силою оружия, как это было по отношению к Коканду и Бухаре. Якуб-бек подписал условия не из крайности, а из сознания собственной выгоды; будущее покажет, какие договоры лучше исполняются», — писал Михаил Терентьев.

Однако этот договор отчасти был лишь утонченной восточной хитростью. Англичане внимательно наблю-

дали за российско-кашгарскими переговорами и вскоре после завершения миссии Каульбарса направили в Синьцзян собственную экспедицию, заслонившую своими подарками и обещаниями скромную русскую миссию. На торжественном приеме 11 декабря 1873 года Якуб-бек произнес речь в честь английской королевы и заключил ее следующими словами: «Королева английская для меня как солнце — оно делает подобных мне бедняков счастливыми, когда обращает к ним лицо свое». От имени вице-короля Индии Якуб-беку передали несколько тысяч ружей, устаревших, но вполне пригодных для армии, вооруженной большей частью огнестрельными раритетами начала XIX или даже середины XVIII века. После переговоров с британскими представителями Якуб-бек изменил отношение к России и наложил на российских купцов и торговлю ограничения, действовавшие до договора 1872 года. Захват товаров, насильственная покупка их по заниженной цене, арест купцов продолжались. Временно исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Колпаковский отправил к Якуб-беку резкое письмо, на которое получил уверения в личном почтении и обещания в восстановлении статус-кво. Англичане тем временем направили новую миссию с военным конвоем и 12 февраля 1874 года заключили договор с Кашгаром.

Весной 1872 г. администрация Семиреченской области получила сообщения о готовности дунган из Урумчи и Манаса отправить посольство с просьбой о принятии их в подданство России и защите от Якуб-бека. Кауфман предложил губернатору сообщить посланникам, что им следует искать защиты у китайского правительства, с которым у России имеется договоренность об амнистии всем участникам антицинского восстания.

Россия выбирала между содействием усилиям Цинской династии по возвращению Синьцзяна под власть центра и использованием восстания для отторжения провинции от центра и ее медленной аннексии.

В гостях у рыгающего Бисмарка

В 1874 году в Китай была отправлена учено-торговая экспедиция под руководством капитана Генштаба Юлиана Сосновского. Ее официальной целью был поиск новых торговых путей в Китай, частично прерванных из-за восстания в Синьцзяне и Ганьсу, на эти цели государство и сибирские купцы выделили 12 000 руб. Неофициальная задача была не менее важной: экспедиции поручили произвести картографическую съемку местности, по которой она пройдет (в ее состав включили топографа штабс-капитана Зиновия Матусовского), и выяснить прочность китайского государства и боеспособность войск, дислоцированных в разных провинциях страны.

В провинции Ганьсу, как отмечал врач и по совместительству художник экспедиции Павел Пясецкий, «население страшно истреблено; и я видел множество сел, стоящих теперь пустыми и носящих на себе следы разрушения, пожара и злобы неприятеля». В июне 1875 года экспедиция прибыла в Ланьчжоу, где ее начальник встретился с генерал-губернатором Цзо Цзунтаном и, как писал Пясецкий, заключил с ним предварительное соглашение о поставке для китайских войск 25 000 четвертей (единица емкости сыпучих веществ примерно 210 литров) хлеба. Оно предусматривало снабжение китайцев во время их предстоящего похода в Синьцзян из расчета 30 рублей серебром за четверть. Генерал-губернатор Ганьсу и Шэньси, по словам Пясецкого, внешне напоминал германского канцлера Отто Бисмарка, ум и образованность выгодно

отличали его от других китайских вельмож. На званом обеде для экспедиции Цзо Цзунтан предложил гостям не только китайские блюда и напитки, но и европейские вина и высказал свою национальную теорию. По его мнению, подданные великих государств имеют прямое сердце, тогда как маленьких — кривое.

Вероятно, это была первая версия строки из знаменитой песни «русский с китайцем братья навек». Цзо Цзунтан заказал Пясецкому портрет и очень радовался, увидев собственное изображение на холсте. Образованность и ум не мешали генерал-губернатору считать, что распространенные в Европе и в России технические нововведения — железные дороги, телеграф и фабрики — вредны и ведут к лени и голоду значительной части населения. Врач-художник намекал, что Цзо Цзунтан употреблял опиум и описывал рассказы губернатора о галлюцинациях и увиденном в них драконе. Затем, как вспоминал Пясецкий, хозяин осведомился, кто победит в случае войны между Россией и Китаем, и весьма расстроился, услышав солидарное мнение о превосходстве русского оружия. «Надменный, но утонченно-вежливый генерал-губернатор рыгал в продолжении его (обеда) не только на всю комнату, но и на весь двор... Он убедительно доказал, что приличия — вещь чисто условная», — писал о завершении обеда врач-художник.

В другой раз Цзо Цзунтан выяснял у путешественников, сохранилось ли людоедство в России, на что получил шутливый ответ Сосновского — «только в отдельных местах», вызвавший удивление спутников. Наконец, чины экспедиции наблюдали за маневрами войск, которые показались им забавными и старомодными: китайские солдаты стреляли неприцельно, надеясь на моральное воздействие массовой пальбы на противника.

Угнетающее впечатление на Пясецкого произвело посещение местной тюрьмы: бывший губернатор, обвинен-

ный, вероятно, в слабом противодействии дунганскому восстанию, его участники и родственники руководителей мятежа, в том числе дети Май Гуй Юаня и племянник Май Бэй Юаня, сидели в цепях. Цепи взрослых узников охватывали шею и через ручные кандалы доходили до ног, у детей цепей не было. По словам китайского чиновника, им, вероятно, предстоял пожизненный срок: власти опасались, что выпущенные на свободу начнут мстить. Пясецкий встретил в Ланьчжоу и заложников — жен и детей таранчей (уйгуров), захваченных в районе Хами. Они находились в бедственном положении, но это, похоже, мало интересовало местные власти.

Путь от Ланьчжоу на запад пролегал по разоренной местности, многие деревни и города были разрушены полностью, в других уже теплилась жизнь и можно было найти ночлег в восстановленных или заново отстроенных домах. В одном из селений молодой, но заслуживший высокий чин командир предложил гостям покурить опий, причем сделал это так непринужденно, как в России предлагают чай или кофе. К концу августа 1875 года экспедиция добралась до оазиса Хами. Старый город Лао Чен и мусульманский Хуй (Хуай) Чен были большей частью разрушены и лишь в новом Син Чене было заметно оживление. Лишь в октябре, проплутав несколько дней по степям, экспедиция возвратилась в Россию. В феврале 1876 года ее начальника Юлиана Сосновского принял военный министр Дмитрий Милютин.

Весной 1876 года в Санкт-Петербурге в Главном Штабе было созвано совещание для обсуждения дальнейших дипломатических шагов и вероятных военных действий в Восточном Туркестане. В нем участвовали военный министр Дмитрий Милютин, товарищ (заместитель) министра иностранных дел Николай Гирс, туркестанский

генерал-губернатор Константин фон Кауфман, генерал-губернатор Западной Сибири Николай Казнаков, начальник Главного штаба генерал Фёдор Гейден, его помощник генерал-лейтенант Григорий Мещеринов, вице-директор Азиатского департамента МИД Александр Мельников и заведующий Азиатскими делами Главного штаба полковник Александр Проценко. Они решали, следует ли поддерживать Якуб-бека или, напротив, содействовать возвращению Синьцзяна под власть Цинской династии. Кроме того, на совещание пригласили генерал-майора Михаила Венюкова, сыгравшего ключевую роль в присоединении Приамурья к России и хорошо знавшего современное состояние китайской армии и государства.

Кауфман намеревался присоединить Восточный Туркестан к России, но, чтобы не вызывать недовольства Пекина и Лондона, под прикрытием Коканда. По его замыслу, русские отряды под знаменами хана Худояра, пытавшегося добиться покровительства Петербурга, могли бы свергнуть Якуб-бека и сделать Синьцзян частью Кокандского ханства, включение последнего в состав Российской империи создавало видимость «добросовестного приобретения» Восточного Туркестана. Но к тому моменту стало ясно, что Китай намерен вернуть Синьцзян, не считаясь с потерями.

Петербургу в тот момент пришлось решать более важную внешнеполитическую проблему. Жестокое подавление антиосманского восстания в Болгарии и поражения сербской и черногорской армий в сражениях с турецкими войсками, неуступчивость Стамбула на переговорах с Европой вынуждали Россию готовиться к войне против султана. Помощь балканским славянам поддерживалась и обществом, требовавшим помощи славянским православным народам. Операции в отдаленных пустынях, населенных кочевыми племенами, на фоне балканских

событий отошли на второй план. Кроме того, Якуб-бека считали вассалом Османского султана, и в случае войны с Турцией Россия рисковала получить еще один отдаленный театр военных действий.

Участники совещания на Сенатской площади поддержали Венюкова. Генералы и сановники решили, что восстановление власти Цинской империи в Восточном Туркестане для России выгоднее, чем власть Якуб-бека и создаваемое им независимое исламское государство, способное поддерживать брожение российских подданных мусульманского вероисповедания.

В августе 1876 года в Синьцзян прибыла экспедиция полковника Николая Пржевальского, на которую правительство выделило большие по тем временам деньги — 24 000 рублей. Путешественник писал, что, несмотря на согласие Якуб-бека на путешествие и личную встречу с правителем Джеттишара, экспедиция находилась под строгим надзором: «Про самую пустую вещь мы не могли справедливо узнать, не видевши собственными глазами. Нас подозревали и обманывали на каждом шагу. Местному населению запрещено было даже говорить с нами, не только что входить в какие-либо другие сношения. Выходило, что мы шли под конвоем; наши спутники были шпионы — не более». По словам Пржевальского, присутствие посторонних крайне затрудняло картографические съемки. Путешественника и его соратников водили кружными путями, выводили на сложные переправы, чтобы запутать и затруднить дорогу. Тем не менее экспедиция добралась до намеченной цели, исследовав малоизученные территории вокруг озера Лобнор. В апреле 1877 года Пржевальский на обратном пути снова встретился с Якуб-беком. «Он принял нас ласково, по крайней мере наружно, и все время аудиенции, продолжавшейся около часа, не переставал уверять в своем расположении к русским во-

обще, а ко мне лично в особенности. Однако факты показывали противное. Через несколько дней после свидания нас, так же под караулом, проводили за Хайду-Гол и при расставании не устыдились попросить расписку в том, что мы остались всем довольны во время своего пребывания в пределах Джеттишара», — писал Пржевальский. Чтобы довезти до Кульджи, находившейся под управлением Семиреченского генерал-губернатора, картографические съемки, журналы наблюдения и коллекции, Пржевальскому пришлось сжечь часть вещей, которые везли павшие лошади и верблюды. В столице Илийского края путешественник-разведчик подготовил доклад «О современном состоянии Восточного Туркестана», где крайне негативно характеризовал Якуб-бека и его власть и предсказывал скорый крах мусульманского государства в Синьцзяне. Местное население, добавлял он, расположено к России: «Местные жители… постоянно проклинали свое правительство и высказывали желание подчиниться России. Слух об умиротворении нами Коканда и Кульджи прошел далеко; дикий азиатец начинает понимать, что власть русская есть залог спокойствия и благоденствия». Пржевальский рекомендовал воспользоваться ситуацией и заключить договор с мятежным вождем об аннексии территории: «Для России настоящее время есть наиболее благоприятное, чтобы… обставить свои отношения к Восточному Туркестану. На всякое наше требование Якуб-бек теперь непременно согласится». Однако Россия предпочла не поддерживать руководителя мятежников и не ввязываться в конфликт с Китаем.

В 1875 году китайцы окончательно подавили восстание дунган в провинции Ганьсу. Армия китайского главнокомандующего Цзо Цзунтана насчитывала более 70 000 солдат, в том числе 9000 кавалеристов. Войскам, направлявшимся в Синьцзян, назначили высокое по меркам Ки-

тая жалованье. Рядовой пехотинец у Цзо Цзунтана получал 4,2 ляна, а кавалерист — 7,2 ляна — больше, чем солдаты пекинских гвардейских частей, и в 2,5 раза — чем бойцы батальонов, дислоцированных в провинции. Перед началом похода Цзо Цзунтан сумел увеличить численность синьцзянской армии до 95 000 человек. По меркам Китая его войска неплохо вооружили: по данным российских разведчиков, около 60% бойцов имели современные европейские винтовки.

Им противостояло войско эмира, насчитывавшее по разным оценкам от 40 до 45 тысяч человек, в том числе, по данным русской разведки, около 8000 хорошо подготовленных бойцов с современными винтовками, а также несколько батарей горной артиллерии, оснащенных новыми нарезными орудиями. При содействии английских и турецких советников в Синьцзяне организовали первые военные предприятия: мастерские по выпуску фугасных снарядов и дистанционных взрывателей для артиллерии, по выпуску капсюлей и оружейную.

Побывавший в провинции с дипломатической миссией в 1876 году капитан Алексей Куропаткин отметил, что на вооружении ударных частей Якуб-бека имелись американские многозарядные винтовки и револьверы.

Китай возвращает Синьцзян

Воспользовавшись дружественным нейтралитетом России, Цзо Цзунтан не стал атаковать лучшие силы противника в лоб, а двинул свои войска по более длинной караванной тропе, проходившей на 200 вёрст севернее, ближе к новой границе Российской империи. На этом направлении китайцам противостояли лишь отряды дунган, которые недолюбливали Якуб-бека и уйгуров. Близость к русской территории (юг нынешнего Казахстана) по-

зволяла им рассчитывать на регулярные поставки продовольствия.

90-тысячная армия генерал-губернатора Шэньси и Ганьсу преодолела пустыню Гоби по частям, ее сосредоточение в крепостях Хамийского оазиса завершилось только к июню 1876 года. Затем «китайский Бисмарк» направил в обход главных сил армии Якуб-бека 65 передовых батальонов, около 30 000 солдат и офицеров, которые могли передвигаться по пустынным дорогам Синьцзяна (большее количество войск невозможно было перебросить из-за малого количества воды). Их сопровождали саперы, которые должны были укреплять и расширять дороги и следить за сохранностью колодцев и родников.

К августу китайский авангард вышел к рубежу в 100 километрах к северо-востоку от города Урумчи, современной столицы Синьцзян-Уйгурского автономного района. Урумчинский оазис обороняли остатки формирований дунган под командованием Мохаммада Биянху (Бо Яньху), отступивших в Синьцзян после разгрома их восстания войсками Цзо Цзунтана в провинциях Шэньси и Ганьсу. Дунгане (6000–8000 бойцов) уступали китайцам в численности и в вооружении, и почти не имели современных винтовок и орудий. Якуб-бек отправил на помощь гарнизону Урумчи отряд в 3000 уйгуров, преимущественно оснащенных устаревшим оружием. Кроме того, китайцам удалось через свою агентуру среди повстанцев выяснить их силы и расположение. Они знали, что взаимоотношения между Якуб-беком и дунганами были напряженными, а союз ситуативным. Один из руководителей обороны Урумчи Азимкула по преданию отказался прорываться из окружения к основным силам Якуб-бека со словами: «Лучше сто раз умереть, чем снова лизать пыль с ног Счастливчика». Вскоре Азимкула (по мнению современников, один из лучших полевых командиров Якуб-бека)

погиб в бою с китайцами. 10 августа 1876 года китайские войска начали наступление на позиции Мохаммада Биянху с трех направлений. После трех дней боев потрепанные отряды уйгуров и дунган укрылись в крепости Гумуди, северо-восточнее Урумчи. 18 августа крепость пала после кровопролитного штурма. Вырваться удалось лишь небольшому количеству всадников.

Во взятой крепости солдаты империи Цин вырезали 6000 дунган. Русский купец Иосиф Каменский, поставщик провизии китайским войскам, оказавшийся в лагере после взятия Гумуди и Урумчи писал: «Зверству нет предела, в особенности над дунганами; считается за счастье зарезать какого-нибудь дунганина, и за каждую голову платят по два ляна (один рубль. — *Авт.*) серебром. Надо полагать, что все дунгане весьма скоро будут истреблены до последнего…»

Но возможность получить баснословную прибыль перевешивала страх. Каменский с разрешения русских властей поставлял Цзо Цзунтану среднеазиатскую пшеницу. Покупая зерно по 15 копеек за пуд, он продавал его китайским войскам в районе Урумчи по 6 руб. Китай возвращал Синьцзян, не считаясь с человеческими потерями и финансовыми издержками. Взяв Гумуди, китайцы выяснили (или скорее выпытали) у пленных, что в Урумчи нет боеспособного гарнизона. Владыка Синьцзяна оказался слабым полководцем и просчитался. Он по-прежнему ожидал наступления главных сил Цзо Цзунтана от оазиса Хами. Изначально китайцы не намеревались штурмовать Урумчи, предполагая там концентрацию значительных сил мятежников. По планам кампании 1876 года главные силы китайской армии предполагалось бросить от Гумуди на запад, вдоль северной границы Синьцзяна с азиатскими владениями России, чтобы соединиться с «туаньлянь» — партизанскими отрядами китайских

и маньчжурских колонистов, воевавших с повстанцами. Получив информацию о слабых силах дунган и уйгуров в Урумчи, китайские военачальники проявили инициативу и направили свои части к стенам города. Утром 19 августа 15 000 солдат империи Цин штурмовали Урумчи и быстро захватили нынешнюю столицу Синьцзяна.

Китайские войска вышли в тыл главным силам Якуб-бека, сконцентрированным в Турфанском оазисе в ожидании лобового удара. Но владыка Семиградья успел усилить гарнизон крепости Дабаньчэн, которая контролировала единственный пригодный для перехода большой массы войск перевал через Тянь-Шань, отделявший Урумчи от Турфанской долины. В крепости находились около 800 солдат и офицеров с новыми винтовками и двумя нарезными пушками. Армия Цзо Цзунтана, встретив сопротивление на перевале, оставила сильный заслон у крепости и двинулась главными силами на запад, к городу Манас. Повстанческие отряды уйгуров и дунган, несмотря на устаревшее вооружение, упорно сопротивлялись. Битва за него растянулась на полтора месяца. В начале октября 1876 года китайская артиллерия сумела пробить две большие бреши в крепостной стене. Тем не менее несколько попыток штурма через проломы были отбиты. Тогда «Императорский уполномоченный комиссар по военным делам в Синьцзяне» Цзо Цзунтан предложил запершимся в городе дунганам амнистию в обмен на капитуляцию. Осажденные, уже не ожидавшие помощи от Якуб-бека, понадеялись на милость китайцев. И зря. Генерал Цзинь Шунь, участвовавший во взятии Манаса, сообщал: «Около трёх тысяч дунган разного пола и возраста вышли из крепости через западные ворота под охраной вооружённых воров… Наши войска, обрушившись со всех сторон, убивали их. Не давали бежать ни одному. Спрятавшиеся в городе воры были найдены

и умерщвлены». Уничтожив повстанцев и захватив Манас, китайцы выкопали из могилы останки Давут-Халифа, возглавившего первый антикитайский мятеж в Урумчи и умершего в 1871 году.

Военачальники предлагали Якуб-беку атаковать «оазис Хами» и прервать коммуникации китайских войск, осаждавших Манас. Вооруженные современным оружием регулярная пехота и конница Якуб-бека были способны остановить или существенно замедлить наступление противника, но эмир бездействовал, вызывая недоумение соратников и рядовых бойцов. Правитель Синьцзяна надеялся на тайную дипломатию. Один из его ближайших друзей, Саид Якуб-хан, отправился через Стамбул в Лондон, рассчитывая на переговоры при посредничестве Британской империи. Сам Якуб-бек чувствовал себя в безопасности: китайские войска разбили только отряды дунган и уйгуров, временных союзников, не раз воевавших против самозванца. Захват Урумчи и Манаса вызвал массовое бегство местного населения в районы, контролируемые Якуб-беком. Лишенные средств к существованию беженцы стали источником пополнения армии, которая выросла на 10 000 человек. Но сарбазы, джигиты, офицеры и военачальники не знали о дипломатических усилиях правителя и недоумевали, почему эмир не предпринял достаточных мер для обороны Джунгарии от китайцев. В армии Якуб-бека резко упал боевой дух. Алексей Куропаткин отмечал, что весной 1877 года в армии повстанцев резко снизилась дисциплина, выросло дезертирство, в том числе среди прежних верных приверженцев правителя Джеттишара.

Поражения в войне с Китаем усилили центробежные тенденции в государстве Якуб-бека, недовольство местных жителей засильем прибывших с правителем сартов (узбеков). Первыми на сторону китайцев переходили

бывшие чиновники Цинской империи. Им Цзо Цзунтан возвращал прежние чины, поручал ответственные посты на территориях, остававшихся под властью Якуб-бека. В начале 1877 года к китайцам переметнулись четыре десятка отборных всадников, охранявших казну Якуб-бека, и его войско лишилось значительной части жалованья. Казна, вывезенная перебежчиками, не была единственной потерей Якуб-бека. В начале 1877 года при невыясненных обстоятельствах сгорел крупный склад по дороге в крепость Дабаньчэн. Подтверждения умышленного поджога китайскими агентами найдены не были, но армия повстанцев лишилась значительных запасов продовольствия и пороха.

С наступлением зимы прекратили активные действия и войска Цзо Цзунтана. Штурм перевалов Тянь-Шаня в холода угрожал большими жертвами и поражением наступавших. Кроме того, правители Цинской империи не были уверены в победе над Якуб-беком. Цзо Цзунтан отправил к нему представителей, предложивших перемирие в обмен на выдачу повстанцев-дунган, бежавших в Синьцзян после разгрома восстаний в Шэньси и Ганьсу. Якуб-бек отказался, но морозная зима 1876–1877 годов продемонстрировала, что эмир переоценил экономические и финансовые возможности своего государства и боеспособность войска. Регулярная китайская армия опиралась на ресурсы центрального Китая и поставки продовольствия с территории среднеазиатских владений Российской империи. Армия правителя Синьцзяна, сконцентрированная в Турфанской долине, испытывала перебои в снабжении. Куропаткин, побывавший в Синьцзяне, писал: «Положение войск на передовой линии было бедственное, большая часть стояла в палатках при морозах до 20 градусов, не имела достаточно тёплой одежды и почти не имела топлива».

К весне 1877 года Цзо Цзунтан перебросил в Урумчи 13 ударных батальонов, около 7000 бойцов при 38 орудиях, оснащенных современным вооружением. В ночь на 18 апреля, воспользовавшись густым туманом, они внезапно атаковали Дабаньчэн. Крепость защищали две тысячи бойцов регулярных войск Якуб-бека и несколько тысяч повстанцев-дунган, бежавших из Урумчи в августе 1876 года. Гарнизон отразил штурм, в ходе боя 400 отборных пехотинцев-сарбазов успешно контратаковали и разбили превосходящий по численности отряд китайцев. Потерпев неудачу при штурме, китайцы перешли к осаде, они блокировали Дабаньчэн и перерезали горную дорогу, связывавшую крепость с Уч-Турфаном. Отправленное Якуб-беком подкрепление попало в засаду и было разгромлено.

Крепость оказалась под массированным обстрелом. 20 апреля тяжелый снаряд поразил пороховой склад, мощный взрыв повредил стены и бастионы и вызвал крупный пожар. Вечером китайцы, воспользовавшись частичным разрушением укреплений и смятением гарнизона, вновь штурмовали город. Победителям достались богатые трофеи, включая 800 породистых коней. Свыше 2000 солдат и офицеров Якуб-бека погибли, китайцы захватили более 1300 человек. Большинство пленных составляли уйгуры, среди них были также узбеки, дунгане и монголы. Цзо Цзунтан демонстративно отделил местных уроженцев от пришельцев-узбеков, считавшихся опорой Якуб-бека. Всех пленников, кроме «андижанцев», освободили, выдав им припасы и коней для возвращения по домам. Офицеры Цзо Цунтана заявили бывшим противникам, что Китай воюет только против «андижанцев» эмира. Якуб-бек попытался остановить распространение сведений о гуманном отношении китайцев к пленным, задерживая освобожденных. Часть бывших солдат эмира оказались в тюрьмах или убиты. Те, кому удалось ускольз-

нуть, сообщили о репрессиях против бывших пленных. Эти слухи быстро разнеслись по Кашгарии, усилив деморализацию войска Якуб-бека.

21 апреля наступавшие с востока, от оазиса Хами, китайские войска отбросили передовые части армии эмира и заняли городок Пичан, расположенный в 80 км к востоку от Турфана. Спустя трое суток конница и пехота Якуб-бека организовала оборону на дороге к Турфану. Около 8000 солдат регулярных войск Якуб-бека и 10 000 ополченцев пытались остановить противника, но были оттеснены дальше на запад. Одновременно прорвавшиеся через Дабаньчэн китайцы заняли город Токсун и перерезали пути сообщения Турфанского оазиса с остальным Синьцзяном. Токсун защищал десятитысячный отряд под командованием Хак-Кули-бека — младшего сына владыки Синьцзяна. Повстанцам не удалось отстоять крепость, но они сожгли размещенные в ней запасы зерна, захват которых был одной из главных целей китайцев. На восточных подступах к Турфану повстанцы приостановили наступление китайцев. Однако вскоре они вынуждены были укрыться в крепости из-за угрозы с тыла от наступавших с запада батальонов генерала Лю Цзиньтана, оснащенных современным оружием. Турфан, названный «воротами Восточного Туркестана», был блокирован. Тем не менее упорная оборона повстанцев не позволила китайским войскам быстро захватить весь Синьцзян.

Якуб-бек в тот момент оказался далеко от главного театра военных действий, в цитадели города Курле в 300 км юго-западнее Турфана. Формально войсками эмира в Турфанской долине руководил младший сын Хак-Кули-бек, но в действительности отрядами командовали полевые командиры: узбеки, уйгуры и дунгане, настроения и образ действий которых существенно отличались. Узнав, что китайцы захватили Дабаньчэн и Токсун, рассерженный

эмир вызвал сына в ставку, но тот, опасаясь ареста, откладывал визит к отцу. В осаждённом Турфане командиры продолжали спорить, как действовать дальше. Узбек Хаким-хан Тюре и дунганин Мохаммад Биянху намеревались прорываться из окружения, а дунганин Ма Жэньдэ и часть местных уйгуров решили договариваться с китайцами. 14 мая 1877 года Турфан капитулировал: цинским войскам сдались около 2000 повстанцев, осаждавшим достались значительные склады зерна и боеприпасов. Не желавшие сдаваться Хаким-хан и Биянху с боями прорвались на запад. Неплохо вооружённые и хорошо обученные кавалеристы Якуб-бека оставались опасным врагом для китайцев. Однако боевой дух основной части повстанцев угасал, в армии росла уверенность в неудачном исходе войны с китайцами, увеличивалось число дезертиров и уклонившихся от насильственных наборов.

Якуб-бек продолжал надеяться на внешнее вмешательство. Весной 1877 года он отправил насыщенное пышными восточными комплиментами послание генерал-губернатору Туркестана Константину Кауфману. Отсиживаясь с крупными силами вдалеке от «фронта», Якуб-бек предполагал оттянуть время и получить военную помощь от России взамен на обещания дружбы и серьезных торговых привилегий. Однако 17 (29-го по новому стилю) мая 1877 года эмир внезапно умер. По одной версии, эмира отравили приближенные. По другой, соратники задушили его, испугавшись вспышки гнева, во время которой эмир убил одного из своих секретарей и начал избивать другого. По третьей — во время избиения соратников Якуб-бека поразил инсульт или инфаркт и приближенные оставили его без помощи врача. Цзо Цзунтан, узнав о смерти врага, предпочел распространить версию о самоубийстве: эмир, дескать, покончил с собой, осознав бесперспективность дальнейшего сопротивления империи.

Смерть Якуб-бека обострила противоречия в стане повстанцев и ускорила распад государства, которое держалось на авторитете правителя и страхе перед ним. Младший сын покойного Хак-Кули-бек, командовавший войсками на «фронте», вывёл свои отряды в тыл, к Курле, где захватил походную казну и выдал своим отрядам двухмесячное жалование. После этого, взяв тело отца, потенциальный преемник направился в Кашгар, считавшийся столицей повстанцев. Своим заместителем и командующим войсками Хак-Кули-бек оставил популярного военачальника, узбека Хаким-хана Тюре. Но сразу же после отъезда армия провозгласила верховным правителем Хаким-хана, несколько конных отрядов пытались пленить Хак-Кули-бека, чтобы захватить в городе Аксу главное казначейство умершего эмира. Сын эмира опередил соперников в рейде на Аксу, забрал ценности и отправился к Кашгару. Он надеялся войти в столицу с верными войсками и деньгами раньше, чем гонцы принесут туда весть о кончине Якуб-бека. Но его опередил тайный гонец Нияз-бека, наместника города Хотан, которого китайцы называли отравителем мятежного правителя.

Наместником Кашгара был Бек Кули-бек, старший сын Якуб-бека. Узнав о кончине отца и активности младшего брата, он двинулся навстречу со своими вооруженными отрядами. Состоявшаяся в 80 верстах от Кашгара встреча братьев завершилась убийством младшего брата старшим — типичная восточная (и не только) история междоусобной борьбы за власть, где близкое кровное родство не смягчает взаимную ненависть, а лишь разжигает ее.

Уничтожив брата, старший сын эмира Бек Кули-бек стал де-факто и де-юре главой Синьцзяна. Чтобы отразить наступление китайских войск, он попытался опереться на Россию. В конце июня 1877 года Кауфман получил письмо,

в котором новый эмир, приукрашивая положение дел, заверял туркестанского генерал-губернатора в успешной обороне от китайцев и прочном положении своего государства и просил помощи и советов по ведению боевых действий.

Однако российские военные и дипломаты знали истинное положение дел в Синьцзяне, где явно обнаружился распад государства, разделившегося на три части: Кашгар, который контролировал Бек Кули-бек; Аксу под управлением Хаким-хана Тюре и Хотан, где правил Нияз-бек. Летом 1877 года китайцы наблюдали, укрепившись в Турфанском оазисе, за борьбой между преемниками Якуб-бека.

В июле Бек Кули-бек разгромил отряды под командованием Хаким-хана Тюры, а в сентябре — отряды Нияз-бека. Первый из разгромленных бежал на российскую территорию, второй — к китайцам. Казалось, старший отпрыск Якуб-бека станет признанным главой Восточного Туркестана. В Пекине ожидали, пока междоусобица в среде синьцзянских повстанцев и бессилие номинального главы мятежного государства станет понятна в Лондоне. В августе китайцы объявили, что прибывший в английскую столицу посланник Го Сунтао не будет договариваться с представителями неясных сил, влияние которых крайне ограниченно. Форин-офис после гибели Якуб-бека в условиях разраставшейся междоусобицы утратил интерес к Восточному Туркестану.

В сентябре 1877 года китайские войска начали решающее наступление из Турфанского оазиса и уже 9 октября достигли прежней ставки Якуб-бека Курле. Жители покинули город и отправились на запад. Перед уходом они открыли дамбы на реке Карашардарье, воды которой затопили часть города. Рассерженный генерал Лю Цзиньтана отправил вслед горожанам конницу, большую часть солдат которой составляли пострадавшие от погромов

монголы и калмыки. Кавалеристы настигли и жестоко расправились с тысячами беженцев.

Истощённые междоусобицей мятежники оказались не в состоянии серьёзно сопротивляться китайцам. Их натиск ускорил окончательный распад непризнанного государства. В конце октября в Кашгаре восстали «новые мусульмане» — пленные китайцы, которых Якуб-бек когда-то принудил стать тайфурчи (стрелками из древних громоздких фитильных ружей). Восставшие под командованием Хэ Буюня захватили в заложники семьи ряда военачальников армии Якуб-бека и заняли оборону в цитадели Кашгара. В это время Бек Кули-бек был в Яркенде, в 150 км юго-восточнее столицы, где намеревался сконцентрировать силы для обороны Кашгарии. Ему пришлось спешно выдвинуть значительные силы к столице. По дороге многие солдаты и командиры дезертировали, к стенам цитадели подошли лишь 5000 воинов, их попытка штурмовать цитадель не увенчалась успехом. Узнав о «контрвосстании» в Кашгаре, главные силы Цзо Цзунтана двинулись к городу, рассеивая отдельные отряды и захватывая крепости мятежников.

17 декабря 1877 года Кашгар после 13 лет независимости вернулся под управление Цинской династии, через два дня пал Яркенд. Накануне нового, 1878 года китайская власть возвратилась в Хотан. Войска Цзо Цзунтана захватили богатые трофеи: около сотни пушек, тысячи современных винтовок и более десяти тысяч породистых коней.

После разгрома отдельных отрядов повстанцев в начале 1878 года Китай возвратил себе Синьцзян, за исключением Илийского края, занятого русскими войсками. К весне из покоренного китайскими войсками Восточного Туркестана в Илийский край и другие российские владения бежали десятки тысяч мирных жителей, опасавшихся

мести и репрессий со стороны чиновников и солдат Цинской империи.

Победители требовали от русских властей выдачи руководителей повстанцев во главе с Бек Кули-беком, но встретили отказ. Между Россией и Китаем назревало противостояние вокруг Илийского края и судьбы десятков тысяч человек, бежавших от бедствий войны. Генерал-губернатор Туркестана Кауфман предлагал потребовать у Пекина компенсации за возвращение территории и расходов на размещение российского гарнизона в Кульдже. Цену возврата генерал определял в 60 млн рублей серебром, которые по его расчетам требовались для возведения железной дороги из Центра в Среднюю Азию. Рельсовая магистраль могла обеспечить оборону новых рубежей за счет быстрой переброски резервов из внутренних районов России и ускорить экономическое освоение присоединенных областей.

Новый рубеж

Переговоры между Россией и Китаем начались в Петербурге. Дипломаты, знавшие, что действительная стоимость оккупации Илийского края многократно ниже и, кроме того, компенсирована поставками местного сырья, снизили требования до 5 млн серебром. 20 сентября 1879 года товарищ министра иностранных дел Николай Гирс, российский посланник в Пекине Евгений Бюцов и китайский посол Чун Хоу в царском дворце в крымской Ливадии подписали одноименный договор, по которому Россия получила часть Илийского края (западную часть течения реки Или) и Музартский перевал через Тянь-Шань, обеспечивавший удобный путь из этой области в Синьцзян в российские владения, и долины реки Текес для поселения в ней жителей края, которые пожелают

принять российское подданство. Китай также обязался не наказывать участников восстания, не препятствовать переселению жителей в пределы Российской империи. Кроме того, российские купцы получили право на беспошлинную торговлю в Синьцзяне и транзитную перевозку товаров из провинции во внутренний Китай.

В Петербурге вздохнули с облегчением: мятеж, угрожавший спокойствию владений России, подавлен, подписан выгодный договор, расширивший границы империи. Однако в феврале 1880 года МИД получил тревожные известия: посла Чун Хоу после возвращения в Пекин арестовали и приговорили к смертной казни, а договор не ратифицировал китайский император. 15 марта 1880 года военный министр Дмитрий Милютин записал в своем дневнике: «Китайцы, по-видимому, готовятся не на шутку к войне с нами; начальству трех округов: Туркестанского, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского — даны по телеграфу приказания готовиться на случай разрыва и быть осторожными на границе».

Видные маньчжурские и китайские сановники, особенно Цзо Цзунтан и наместник провинции Чжили Чжан Чжидун, призывали правительство к войне с Россией за полное возвращение Илийского края. 2 апреля 1880 года покоритель Синьцзяна доложил в Пекин, что готов к любому развитию событий. Он планировал вторгнуться в Кульджинский край тремя группами: с востока под командованием бывшего военного губернатора Или генерала Цзинь Шуня, в центре из Аксу по реке Текес должны были наступать войска Чжан Яо, а с запада из Уч-Турфанского района — полки Лю Цзиньтана. Цзо намеревался сосредоточить резервы в оазисе Хами и руководить операцией.

Причиной «Илийского кризиса» была внутриполитическая ситуация. Военные, подавившие многочисленные

восстания и сепаратистские движения, стремились сохранить влияние на правящую династию в мирной обстановке. Кроме того, Ливадийский договор стал в представлениях китайцев еще одним свидетельством стремления европейских государств отторгнуть территорию Цинской империи, воплощением несправедливости и слабости страны. Часть китайской элиты полагала, что твердость в Илийском кризисе должна стать первым шагом к возрождению величия державы.

Кроме того, победы над повстанцами в Синьцзяне породили завышенную оценку боеспособности своих войск и собственных полководческих талантов у Цзо Цзунтана, который обещал Пекину вернуть Илийский край силой оружия. Стороны начали концентрировать силы: китайцы сосредоточили в Синьцзяне до 50 000 человек.

Россия была встревожена: в апреле 1880 года в Петербурге состоялась серия совещаний по вопросу о мерах обороны Приморской области в случае разрыва с Китаем. В частности, было решено сформировать во Владивостоке отдельную стрелковую бригаду. Силы России в Илийском крае и прилегающих районах Туркестана по численности уступали китайским: в августе 1880 г. были развернуты 21 батальон, 30 казачьих сотен, 8 артиллерийских батарей и части обеспечения — в общей сложности менее 30 000 человек. Однако боеготовность имевших боевой опыт войск Туркестанского округа и их вооружение позволяли успешно оборонять занятые территории. В случае войны Кауфман намеревался занять оборонительную позицию в Илийской области, нанеся удар на юго-запад на кашгарском направлении.

Русские генералы и дипломаты не сомневались в превосходстве русской регулярной армии над китайской. Однако перспектива войны с крупнейшим по численности населения и громадным по площади государством,

протяженность границ которого с Россией составляла около 7000 верст, наконец, сложность переброски войск и доставки снабжения в Туркестан и на Дальний Восток (напомним, строительство знаменитой Транссибирской железнодорожной магистрали даже не планировалось) беспокоили руководство страны. Наконец, новая большая кампания вскоре после завершения войны 1877–1878 гг. против Турции губительно сказалась бы на финансах Российской империи. Группировки войск в Средней Азии, в Забайкалье и на Дальнем Востоке были усилены, на Тихий океан отправили эскадру адмирала Степана Лесовского. Однако эффектные планы разгрома китайской армии и флота и наступления в Синьцзяне и Маньчжурии остались на бумаге.

Китай также был мало заинтересован в масштабной войне на громадном протяжении границ, где противник, превосходивший китайскую армию в боеготовности, мог захватить инициативу и быстро продвигаться в глубину. Для успокоения Цзо Цзунтана императрица Цы Си прибегла к аппаратной игре: в конце 1880 года сторонника войны с Россией вызвали в Пекин для символического повышения, которое резко снижало его реальные политический и военный потенциал. Цзо Цзунтана торжественно назначили «советником трона» и военным министром. Изящный бюрократический маневр оторвал чрезмерно боевитого генерала от верных ему войск. В Пекине активность нового министра была скована его непримиримым соперником Ли Хунчжаном. Нейтрализация Цзо Цзунтана открыла дорогу новому раунду переговоров о разрешении пограничных и имущественных споров Китая с Россией.

Готовность к компромиссам подтверждалась помилованием и освобождением из тюрьмы приговорённого ранее к смерти посла Чун Хоу. Мириться с Россией императрица Цы Си отправила Цзэн Цзицзэ, этнического китайца

(в отличие от маньчжура Чун Хоу), старшего сына Цзэн Гофаня, генерала, разгромившего восстание тайпинов. Накануне визита в Петербург Цзэн Цзицзэ получил титул «хоу», второй по знатности в иерархии дворянских чинов Цинской империи. Русские дипломаты называли нового посланника маркизом Цзэн.

Петербург благосклонно встретил в августе посольство Цзян Цзицзэ, стороны переговоров охотно согласились на взаимные уступки. Милютин, участвовавший в совещании по проекту нового договора с Китаем, писал, что на нем было решено не настаивать в соглашении о сохранении за Россией Музартского перевала и долины реки Текес взамен на территорию на другом участке границы. С этим согласился и ранее воинственно настроенный генерал Кауфман.

Переговоры шли тяжело. Китай требовал новых уступок, одновременно закупая в Европе современное вооружение и боеприпасы. Лишь в январе 1881 года китайский посол сообщил, что Пекин готов подписать договор, если Россия не будет требовать компенсацию за уступку Текесской долины и музартского горного прохода. 12/24 февраля 1881 года, незадолго до трагической гибели Александра II от рук террористов, был подписан новый русско-китайский договор. Новая граница прошла по горам Беджин-Тау, по течению реки Хоргос до впадения ее в реку Или и далее по горам Узун-Тау, на территории нынешнего Казахстана.

Кроме того, Пекин обязался амнистировать живших в Илийском крае участников восстания. Те, кто опасались репрессий, могли переселиться в российский Туркестан. Китай уплачивал России 9 млн руб. серебром за пребывание оккупационных войск и в возмещение ущерба, нанесенного русским подданным во время мятежа. Наконец, русские купцы получили право беспошлинной торговли в Синьцзяне.

Россия также могла расширить сеть консульств: дополнительно к существовавшим консульствам в Кульдже, Кашгаре, Тарбагатае и Урге (ныне Улан-Батор, столица Монголии), учредить аналогичные учреждения в Турфане, Сучжоу, Кобдо, Улясутае, Хами, Урумчи и Гучене. Пекин ратифицировал новый договор без проволочек, китайцы аккуратно выплатили репарации. 10 марта 1882 года командующий войсками Семиреченской области генерал-майор Алексей Фриде и советник илийского цзяньцзюня (губернатора) амбань (глава округа) Шентай подписали итоговый протокол «о сдаче и приёме» земель в долине реки Или.

Российские путешественники и чиновники часто посещали Синьцзян с разными целями. В 1885 году там появился чиновник для особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе поручик Бронислав Громбчевский, а двумя годами позже провинцию из-за подозрений на эпидемию чумы посетил врач Сибирского военного округа Николай Зеланд.

Их путевые заметки ярко характеризовали жизнь Синьцзяна. «Китайцы не дают себе ни малейшего труда ознакомиться с языком своих подданных сартов (узбеков. — *Авт.*), и чиновники принципиально считают такое знакомство унижением... Большую долю вины в частых восстаниях и беспорядках несут сами китайцы, которые не стараются вникать в нужды народа и, наоборот, доводят его до недовольства». Причин для последнего было вполне достаточно. Первой из них было крайне тяжелое материальное положение как крестьян, так и горожан, ремесло которых, по мнению Зеланда, находилось если не в упадке, то в глубоком застое. Подавляющее большинство жителей были неграмотны. Управлявшие провинцией чиновники и офицерство, по мнению местных жителей, были исключительным сбродом.

Зеланд отмечал трудолюбие, терпение и честность представителей мусульманских народов Синьцзяна, противопоставляя их корыстолюбивым и изворотливым китайцам. Отрицательными чертами синьцзянцев врач называл «нечистоплотность, наклонность к употреблению одуряющих веществ и половому разврату». Медик и чиновник (фактически — офицер) для особых поручений были солидарны в негативной оценке китайских военных чинов.

«Присмотревшись в течение почти четырехмесячного пребывания в Кашгарии к китайским порядкам, я вынес убеждение, что китайские начальники частей преднамеренно увеличивают разницу между списочным и наличным составом, а излишне полученное от казны содержание поступает в карманы командиров»; «...В войсках высшие чины наживаются за счет низших. Начальник лянзы (подразделение, примерно равное батальону. — *Авт.*), например, получает деньги на содержание своей команды, поэтому на бумаге всегда числится на треть или вдвое больше, чем состоит налицо, а содержание фиктивной части идет в его карман... зачастую солдатам не выдается и того, что уже выслужено. Отсюда распущенность войск, на которую начальники смотрят сквозь пальцы...».

Распущенность китайских солдат происходила во многом оттого, что материальное положение заставляло их заниматься в свободное от службы время мелочной торговлей и даже грабежами, от которых страдали местные торговцы. Солдаты выпрашивали понравившиеся им товары, а в случае отказа жестоко избивали своих «обидчиков».

Боеспособность китайских войск авторы оценивали крайне низко, откровенную усмешку Громбчевского вызвало то, что в кавалерии используются не только лошади,

но и лошаки и ослы. Крайнее удивлен был поручик и тем, что оружие в частях китайской армии практически не чистится и даже перед парадом все внимание уделяется только поддержанию внешнего блеска. Стрельба в цель происходила всего раз в год, а описание учений в одной из лянз, похоже, рассмешило поручика: «Все движения производились под команду голосом стройно и однообразно. При этом, нанося удар, вся шеренга уморительно подпрыгивала, а защищающаяся приседала. Все это напоминало скорее танец клоунов в цирке, а не обучение войск».

По мнению обоих авторов, власть Китая в Синьцзяне была весьма непрочной и в провинции ощущалось сильное тяготение к России, вызванное относительным порядком во время русского военного управления.

Ситуация в Северо-Западном Китае обострилась в 1900 году, с началом восстания ихэтуаней. Захват восставшими Пекина и блокирование дипломатического квартала, где были расположены иностранные дипломатические миссии, показали, что консульства и миссии требуют усиленной охраны. С лета беспорядки стали приближаться к Синьцзяну, угрожая новой вспышкой межрелигиозных и межнациональных вооруженных конфликтов. Наиболее тревожное положение в начале июля 1900 года сложилось в Тарбагатайском крае, что обеспокоило российских военных. МИД России согласился помочь военным в сборе разведывательных данных о китайских войсках. Консул в Чугучаке направил директору первого Департамента МИД сведения о вооружении и численности расположенных в округе китайских войск. Прикрытие семиреченского участка границы не было плотным. Там дислоцировались всего четыре отдельных стрелковых батальона, три казачьих полка, артиллерийский дивизион трехбатарейного состава, а также несколько отдельных команд и артиллерийских взводов.

Угроза начала военных действий нервировала местных кочевников, живших по обе стороны границы, китайцы нагнетали слухи о скором избиении русских в Синьцзяне, в частности, в расположенном неподалеку от границы Чугучаке. Дислоцированные в Тарбагатайском округе войска перевооружались на более современные винтовки. Стало известно, что алтайские казахи-кереевцы заказали во внутренних провинциях вооружение через дунган. Кроме того, по информации дипломатов, в провинции появились японские разведчики. В связи с обострением обстановки российские войска в приграничных районах были усилены за счет частей Туркестанского военного округа и подготовлены к вводу в Кульджинский край. Российские консулы в Синьцзяне оказались в положении заложников. Охрана каждого консульства не превышала 50 казаков и в случае массового вооруженного выступления не смогла бы отразить нападения и защитить укрывшихся там многочисленных российских подданных. Дестабилизация в Синьцзяне могла обострить обстановку в российско-китайском приграничье. Чтобы предотвратить нарастание конфликта, в синьцзянские города, где располагались российские консульства, были введены воинские контингенты. В частности, в Кульджу вступили две с половиной сотни казаков, взвод артиллеристов при двух орудиях. Однако усиление охраны затруднялось недостаточной вместимостью казарм при консульствах, рассчитанных всего на 50 человек. Поэтому прибывших военных разместили не при консульстве, а в отдельном, наспех созданном укреплении. Укрепление было устроено вокруг арендованного здания, принадлежавшего русскому купцу. Командированный в 1901 году для осмотра укрепленного лагеря в Кульдже военный инженер подполковник Андриан Серебренников отмечал, что укрепление расположено тактически невыгодно, но повысить безопасность укрепления в случае нападения сложно, поскольку установка искусственных препятствий

и проволочных заграждений существенно стеснила бы гарнизон в мирное время. Вырубка деревьев и снос дувалов для расширения углов обстрела могли породить у местных обывателей мнение о слабости охраны консульства. Поэтому Серебренников предложил не устраивать дополнительных заграждений, но приготовиться к их быстрому возведению при обострении обстановки. Само укрепление требовало только исправления испорченных дождями части ограды и рва, а также строительства аппарелей для удобного и быстрого входа стрелков гарнизона на позиции. Чтобы разместить увеличившийся гарнизон, было решено построить дополнительную деревянную казарму на сотню казаков. В существующем здании помещались лишь полторы сотни. Предполагалось также построить деревянное здание порохового погреба, чтобы избежать порчи снарядов и других боеприпасов.

Командование войск области предложило ограничить строительство и не возводить здания для офицерских семейств, учитывая кратковременность усиления гарнизона. В краткой инструкции гарнизонам указывалось, что они подчиняются консулам, которые принимали окончательное решение о применении вооруженной силы для защиты зданий и имущества российских подданных. После подавления восстания ихэтуаней в 1902 году российское правительство перешло к новому порядку охраны консульств в Китае и Синьцзяне, при нормальной их работе ее численность не превышала 25–50 человек, а при обострении ситуации быстро увеличивалась на 100–300 человек за счет переброски специально подготовленных казачьих сотен из приграничных районов.

Первая мировая война и особенно последовавшие за ней революция и Гражданская война нанесли тяжелейший урон Синьцзяну. Российская промышленность, постав-

лявшая большую часть необходимых местным купцам, крестьянам и ремесленникам товаров, переориентировалась на выпуск военной продукции. После сокращения поставок российских товаров в 1915 году и сокращения закупок отечественными купцами синьцзянских хлопка, кож, скота и иных традиционных предметов вывоза в провинции начался острый экономический кризис, цены на сырье резко упали. Двусторонний товарооборот упал с 15 млн руб. в 1914 году до 1,2–1,3 млн руб. в 1917-м.

В письме Руссского Торгового Союза, объединения синьцзянских купцов, которые вели торговлю с Россией, в отдел Иностранных дел Сибирского правительства в октябре 1918 года купцы жаловались, что из-за войны в России и трудностей провоза товаров торговля стала совсем плохой, в конце 1918 г. ситуация приблизилась к катастрофической. Из-за полного отсутствия сбыта скотоводы стали выбрасывать овечью шерсть, одновременно в провинции наблюдался небывалый рост цен на промышленные товары, в которых остро нуждалось население. Попытки вывоза из России даже небольших партий товаров приводили к их реквизиции, конфискации под видом «закупки по твердым ценам» или грабежу воюющих сторон.

В частности, в октябре 1917 г. купец Лан Дабай жаловался, что на границе у него были конфискованы купленные в Семипалатинске 94 верблюда, 500 пудов русского и 100 пудов импортного чугуна, 50 пудов муки, 50 пудов бумаги, 20 пудов стекла, 50 пудов нефти, а также гвозди, пальто, шубы, одеяла. В Фергане в начале 1918 года помимо конфискации товаров власти отправили верблюдов и самих купцов на принудительные работы, после чего всякая торговля, даже контрабандная, прекратилась. Периодически скандалы достигали высших эшелонов власти. 16 мая 1918 г. замнаркома иностранных дел Лев Карахан напра-

вил телеграмму в пограничный город Бахты с требованием пропустить товар китайских купцов, следовавших в Чугучак: «Мы признаем совершенно нежелательным создание пограничных инцидентов». Однако в условиях войны и анархии даже вмешательство с самого верха не могло серьезно изменить ситуацию.

В результате цены на железо выросли к 1919 году по сравнению с 1916-м на 800%, чтобы приобрести бязи на пару белья, крестьянину приходилось отдавать 4–5 овец или быка. Экономический кризис на территории, где пригодной к обработке было около 1,6% земли, привел к голоду. Даже в 1923 году уполномоченный Наркомата иностранных дел в Туркестане Фесенко сообщал, что в Тарбагатайском округе смертность среди бедноты на почве безработицы приняла большие размеры. Местный дудзюн распорядился выдавать в качестве помощи бесплатные гробы.

В Первую мировую и Гражданскую войну неожиданно выросла роль опиумного вопроса, возможности выращивания завезенного в Семиреченскую область в 1860-е годы бежавшими из Китая дунганами опийного мака и полулегального транзита опия-сырца из приграничных районов в Китай. Его выращивание было существенной статьей дохода для дунган, местных жителей и переселенцев. Отдаленность многих уездов области не позволяла четко выполнять запрет посевов опасной культуры, его перевозкой через границу занимались контрабандисты и обычные купцы, прятавшие его среди других грузов. Отношение властей к выращиванию опиатов изменилось только в 1916 году, когда импорт обезболивающих препаратов резко сократился, а потребность в них выросла из-за большого потока тяжелораненых с фронтов Первой мировой войны. Государство даже пыталось стимулировать выращивание мака.

Между белыми и красными

В годы Гражданской войны и сопутствовавшей ей разрухи опий-сырец превратился в важный фактор внешней торговли и даже политики. Вместе с сайгачьими рогами и драгоценными металлами опиум стал натуральной валютой, за которую китайские и другие купцы поставляли сторонам Гражданской войны необходимые товары. Китайские макосевы, отмечал в направленной в Омск докладной записке российский консул в Чугучаке Владимир Долбежев, поставляли большевикам все необходимое, в том числе вооружение и порох в обмен на разрешение выращивать опиумный мак на приграничной территории и его дальнейший вывоз в Синьцзян.

В 1919 году правительство адмирала Колчака, встретив препятствия провинциальных властей при формировании отрядов из русских жителей Синьцзяна, намекнуло на возможность запрета макосеяния в приграничных районах Алтая. Вскоре Урумчи согласился на призыв русских подданных.

После занятия Красной армией Сибири и Средней Азии с опиумной проблемой столкнулись и представители Советской власти. Например, в апреле 1920 г. усиление борьбы с контрабандой привело к жалобе кульджинских купцов, которые утверждали, что задержанный пограничниками опий получен ими в уплату поставленных на Семиреченский фронт лошадей и полушубков. После этого скандала приграничная торговля резко сократилась. Опиумная проблема ослабла лишь к концу 1920-х гг., после укрепления границы и разгрома основных сил повстанцев в Средней Азии.

Утрату традиционных рынков синьцзянские купцы и предприниматели попытались компенсировать созданием кожевенных, хлопкоочистительных, чугуноли-

тейных и даже нефтеперерабатывающих предприятий, которые должны были частично заменить продукцию российских фабрик и заводов. Синьцзянское импортозамещение дополнялось усилившимся проникновением в провинцию британских и японских купцов. Тем не менее Россия не потеряла окончательно свое влияние в провинции. И представители Советской власти, и эмиссары белых правительств и отдельных военачальников стремились наладить связи с Синьцзяном. Дипломатические чиновники, в том числе российские консулы в крупнейших городах, были настроены антисоветски, равно как и подавляющее большинство купцов и представители торговых компаний. Официальный нейтралитет синьцзянских властей по отношению к российским событиям был скорее формальным, они скорее поддерживали белых, считая их преемниками прежней власти.

При должном уровне дипломатических и личных усилий Синьцзян мог стать дополнительной мощной тыловой базой белых армий Востока России, способной поставить антисоветским правительствам значительное число лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, сырья для производства обмундирования и гужевого транспорта. Однако слабость Сибирского правительства привела к крайне ограниченному использованию синьцзянских ресурсов для снабжения белых армий, отдельные удачные опыты оказались следствием личного знакомства конкретных дипломатов и войсковых командиров: в частности, консулов Владимира Долбежева в Чугучаке и Владимира Любы в Кульдже с атаманом Борисом Анненковым.

Лишь в августе 1919 года, когда армия адмирала Александра Колчака уже потерпела решающие поражения, в Синьцзян под видом чиновника министерства снабжения был отправлен сотрудник разведотдела штаба Омско-

го военного округа прапорщик Анатолий Сидельников. От него требовалось подготовить подробное описание дорог и находящихся на них перекладных станций и близлежащих поселений, посетить Чугучак, Кульджу и Урумчи. Кроме того, во время путешествия разведчик должен был найти и проинструктировать по одному агенту в каждом крупном городе. Сидельников также должен был выяснить планы японцев в Синьцзяне, реальность их намерений проложить железную дорогу от монгольского города Кобдо в Синьцзян.

Реальная работа Сидельникова началась в провинции только в сентябре 1919 года. Вскоре связь с прапорщиком прервалась из-за серии поражений белой армии на Иртыше, которая повлекла падение боеспособности подавляющего большинства частей и соединений колчаковцев и поспешного отступления на восток и эвакуацию штаба округа из Омска в Иркутск. Сидельников не намеревался бездействовать и предполагал направиться из Синьцзяна до Иркутска через Монголию. Удалось ли ему добраться до цели, неизвестно.

В начале 1920 года на границах Синьцзяна появились остатки понесших поражение Оренбургской и отдельной Семиреченской армий. После сдерживающих боев с большевиками к китайской границе неподалеку от поселка Бахты вышла группа войск (2-я Оренбургская дивизия и часть 1-й Оренбургской дивизии) под командованием генерала Андрея Бакича, черногорца, прошедшего фронт Первой мировой войны и начавшего борьбу с Советской властью еще летом 1918 года в Поволжье, где он командовал группой войск и дивизией Народной армии Комуча. 13 марта 1920 года он приказал своему отряду перейти китайскую границу и сдать оружие китайским властям. Утром 14 марта арьергард отряда с боем вышел к русско-

китайской границе. Красные атаковали в конном строю, но, понеся серьезные потери от огня винтовок и пулеметов, отошли на исходные позиции. Около 7 часов утра 14 марта 1920 года отряд Бакича перешел границу, колонна военных и беженцев насчитывала около 10 000 человек.

29 февраля 1920 года командование Красной армии предъявило ультиматум о сдаче командующему Семиреченской армии генерал-майору Борису Анненкову, тот отказался и вел переговоры с властями провинции об условиях перехода границы, его части под натиском войск Туркестанского фронта преодолели перевал Джунгарские ворота и сосредоточились в Орлином гнезде, где находилась ставка атамана. Китайцы согласились принять белых на условиях полного разоружения отряда, позволялось сохранить личное оружие офицеров и винтовки у чинов конвоя для несения караульной службы у штаба и денежного ящика. Анненков обеспечил на первое время пребывание своих подчиненных за границей, продав властям Синьцзяна излишки оружия и медикаментов. Заинтересованные в получении современного вооружения китайцы даже прислали быков для транспортировки орудий и боеприпасов. 28 апреля 1920 года начался переход анненковцев через границу.

Отношения между местными властями и интернированными складывались напряженно: средств на содержание нескольких тысяч солдат, офицеров и беженцев хватило ненадолго, солдаты и офицеры по приобретенной на Гражданской войне привычке занялись реквизициями и грабежами, вызывавшими протесты местных жителей и администрации. Часть беженцев и солдат (около 5000 человек) с согласия Урумчинского губернатора возвратилась в Советскую Россию.

Положение белых осложнялось и противоречивой позицией провинциальных властей к беженцам. Они опасались

активных действий сплоченных и неплохо вооруженных воинских подразделений и одновременно были заинтересованы в нормализации отношений с Советской Россией и восстановлении экономических связей. В мае 1920 г. синьцзянские купцы пытались реанимировать торговлю, председатель Китайского торгового союза Тын Винфун сообщал Карахану, что они предлагают реализовать 500 000 лошадиных шкур, овечьих — 2 млн пудов, козьих пуховых — 1 млн, по 1 млн пудов хлопка, урюка и чая, а также 800 000 пудов изюма и 100 000 пудов грецкого ореха в обмен на нитки, калмыцкий чай, мануфактуру, железные и чугунные изделия.

27 мая 1920 г. советские и китайские представители подписали Илийский протокол, касавшийся возмещения убытков в Илийском крае и Семиреченской области, а также учреждения Илийского консульства в Верном (Алма-Ата) и советского — в Кульдже. Китайцы регулярно ограничивали свободу действий Анненкова, в августе 1920 г. его перевели в Урумчи, затем — в Гучен. Советское военное командование и спецслужбы внимательно следили за белыми отрядами и их командирами и пытались влиять на отношение китайских властей к ним. В марте 1921 года Анненков был арестован и отправлен в тюрьму Урумчи.

Перешедшие границу северо-западного Китая остатки Оренбургской армии Александра Дутова не были полностью разоружены и частично сохранили военную организацию. К июню 1920 года из-за голода и бытовых неурядиц в Советскую Россию вернулись около 5000 солдат, офицеров и беженцев, в лагере оставались более 6700 человек, в том числе более 5000 солдат и офицеров. Жизнь в лагере налаживалась: начал работать любительский театр, энтузиасты кинематографа достали кинопроектор и организовывали просмотр фильмов в одной из палаток. Центр лагеря, где работали медики, превратился в место

встречи, там собирались офицеры и нижние чины, желавшие познакомиться с сестрами милосердия. Некоторые из чинов отряда даже обзавелись семьями, летом 1920 года было сыграно не менее десяти свадеб.

В мае 1920 г. Бакич направил русскому консулу в Харбине Николаю Анисимову письмо с просьбой выделить средства для обмундирования и снабжения отряда и предложил перевести его на территорию, занятую белыми на Дальнем Востоке, через Монголию. Бакич получил 25 000 лан, которые помогли решить наиболее острые проблемы жизнедеятельности. Однако большую часть следующей суммы в 100 000 руб., выделенной для снабжения Дутова и Бакича, как выяснило проводившееся затем расследование (57 000 руб.), Анисимов присвоил.

Неопределенность положения интернированных на территории Синьцзяна и их тяжелое материальное и бытовое положение порождали нервозность среди рядовых бойцов и беженцев. Кроме того, с конца лета 1920 года начали портиться ранее ровные и спокойные отношения между Дутовым и Бакичем. 12 августа (30 июля по старому стилю) бывший командующий армией предоставил Бакичу права командира отдельного корпуса, расширившие его полномочия в оперативной, хозяйственной и административной сферах. В частности, Бакич получил возможность назначать командиров и начальников штабов частей и увольнять в отпуска офицеров и чиновников.

Через несколько месяцев, в январе 1921 года, Дутов обвинил Бакича в неподчинении приказам и устранении от борьбы с большевиками летом и осенью 1920 г. Обвинения не были справедливыми, изолированное пребывание отряда и отсутствие помощи вынудило Бакича действовать независимо, не дожидаясь приказов Анненкова и Дутова.

Договориться о переброске отряда целиком с китайцами не удалось, офицеры и солдаты уезжали на Дальний

Восток отдельными партиями, доля боевого состава постепенно снижалась. К осени стало понятно, что власти Синьцзяна не намерены допускать стоянку войск и беженцев в населенных пунктах. Бакич писал Анисимову: «Ниоткуда пока помощи нет, прошу главу правительства востока помочь шести тысячам раздетым, босым, обреченным [на] голодную холодную смерть…» В сентябре появилась надежда на перевод отряда в Крым к генералу Петру Врангелю, однако она оказалась призрачной, от этой идеи отказались ввиду длительности и дороговизны.

По свидетельствам очевидцев, Бакич не проявил должной распорядительности и для обустройства лагеря, несмотря на длительный опыт решения хозяйственных и бытовых вопросов повседневной военной службы во время службы до Первой мировой войны. Возможно, Бакич надеялся, что вскоре удастся перебросить отряд или двинуться в Россию, но солдатам, младшим офицерам и их семьям было от этого не легче. Регулярно устраивавшиеся в оборванном и обносившемся отряде строевые смотры выглядели глупо и комично и скорее раздражали чинов отряда, чем поддерживали дисциплину. Осенью 1920 года китайскую границу перешли остатки повстанцев, выступивших против Советской власти в Семипалатинском и Бухтарминском районе, однако Бакич его окружение считали их «красными» и не допускали в лагерь на реке Эмиль. Осенью 1920 года в Чугучаке начались грабежи с участием русских беженцев. Стали появляться банды, активно действовавшие в окрестностях города, что вызвало беспокойство местных властей, не имевших сил для прекращения бесчинств. Тем не менее Бакичу и его подчиненным удалось пережить зиму 1920/21 гг. Существование достаточно многочисленной и сплоченной группировки белых беспокоило советских и военных руководителей в Сибири.

Чекисты направили под видом одного из членов подпольной организации в Джарканте в Суйдин, где находилась ставка Дутова, бывшего начальника Красной Гвардии и милиции Джаркента Касымжана Чанышева, рекомендованного атаману начальником его контрразведки отцом Ионой. Историки спорят, служил ли Чанышев в ЧК добровольно или под угрозой ареста членов семьи, тем не менее он неоднократно пытался организовать убийство Дутова. В начале января Чанышев направил в Синьцзян троих своих знакомых, но из-за ужесточения пограничного режима и усиления охраны Суйдина после мятежа в 3-м китайском пехотном полку они не смогли проникнуть в город. В конце января Чанышев вместе с пятью ликвидаторами пересек границу с Китаем и 2 февраля прибыл в Суйдин, где к нему присоединился еще один сообщник. Вечером 6 февраля Чанышев и два участника его отряда подъехали в дом к Дутову. Часовой заявил, что атаман отдыхает, но Чанышев настоял, что он должен доставить Дутову важный пакет. Во время его передачи агент ЧК выхватил револьвер и выстрелил в Дутова отравленными пулями, другие ликвидаторы нейтрализовали часовых, после чего Чанышев покинул Суйдин и, преодолев 49 верст до границы на лошадях, перешел границу в обратном направлении. На следующий день Дутов умер от ран. После гибели атамана, пишет историк Андрей Ганин, находившийся в Суйдине отряд начал разлагаться, офицеры и нижние чины часто пьянствовали и грабили местных жителей.

В штабе Туркестанского фронта в Ташкенте и Новониколаевске (ныне — Новосибирске), где находился Штаб помощника Главкома Красной армии по Сибири, опасались, что подразделения белой армии могут перейти границу и присоединиться к крестьянскому восста-

нию, вспыхнувшему в феврале 1921 года на территории Тюменской, Омской и Алтайской губерний, и укрепить военную организацию повстанцев. Этого не случилось, Красной армии и войскам Внутренней охраны удалось подавить восстание, в мае 1921 года под их ударами на территорию Синьцзяна перешла Народная дивизия под командованием бывшего подхорунжего Степана Токарева, около 2000 человек при 4 пулеметах. Повстанцы отказались сдавать оружие, чем вызвали недовольство китайских властей, зато были благосклонно приняты Бакичем, который присвоил Токареву чин полковника.

17 мая 1921 года в пограничном пункте Бахты военный губернатор Тарбагатайского округа дудзюн Чжан и уполномоченный командования Туркестанского фронта Александр Раздобреев подписали договор, разрешавший ввод советских войск на территорию Китая для разгрома отряда Бакича и других антибольшевистских формирований. Советские историки писали, что инициаторами соглашения были китайцы, белые утверждали, что губернатора подкупили. Для их ликвидации были сформированы два отряда на Туркестанском фронте и в Сибири. Последний под командованием Алексея Полухина включал кавалерийский полк, стрелковый батальон на подводах и артиллерийскую батарею.

31 мая штаб 13-й кавдивизии приказал Полухину перейти на территорию Синьцзяна. 2 июня красные заняли Чугучак, где остались около 4000 бывших солдат и беженцев. Большая часть занималась ремеслами и простым физическим трудом, другие выдавали дочерей и даже жен за китайцев, третьи объединялись в банды и грабили (что, собственно, и вызвало просьбу китайских властей). Однако многие бывшие чины Оренбургской и Семиреченской армий и беженцы предпочли бежать из города до появления красных войск, как и обитатели лагеря на реке

Эмиль. Некоторые офицеры предлагали Бакичу занять Чугучак, забрать там оружие, сданное китайцам, и дать бой красным полкам, но Бакич отказался, чтобы не портить отношения с провинциальными властями.

Из-за задержки в поставках продовольствия красные запоздали с преследованием, но отступление и бегство белых было ужасным. Многие, особенно члены семей, не имели исправной обуви, китайские войлочные и тряпочные башмаки без подошвы быстро рвались, люди шли босыми по каменистой степи, оставляя кровавые следы. Вспышка паники была так сильна, что отступавшие стремились освободиться от любой обузы, замедлявшей бегство. По дороге бросали повозки из-за малейших повреждений, захромавших лошадей и уставших людей. Участник похода А.И. Ефимов вспоминал: «Пустыня, пески, безводье, невыносимая жара… голод и томительная жажда. Мы обречены… Голод — страшная вещь, а человеческая натура не брезглива, и мы стали превращаться в зверей. Как только конь начинал показывать признаки усталости и было видно, что он уже не помощник нам, его прикалывали… и рвали затем на куски. Ели мясо без соли…»

3 июня белые были окружены неподалеку от реки Кабук, положение казалось безнадежным. Чины Бакича требовали от него капитулировать, но тот сумел выманить стрелковый батальон в атаку и смять его кавалерией, потери красных были тяжелыми, погибли около 200 человек, в том числе командир батальона, два командира роты, были захвачены 50 пленных, которые были отпущены после допроса. Ефимов описывал тот бой так: «Испугав красных обходом, мы сбили их и опрокинули в реку. В реке их потонуло более половины. Остатки преследовались нами верст десять, пока у голодных и усталых людей хватало силы бежать за противником. Многие из нас, добежав до реки, бросились к ней, прильнули к воде и пили ее до

потери сознания, не обращая внимания ни на что… У красных было взято много винтовок, патронов, хлеб и другие съестные припасы».

Бакич вырвался из окружения, после тяжелого перехода и форсирования реки Черный Иртыш, где китайские власти, стремясь помешать переправе, угнали паром, его отряд 2 июля (19 июня по старому стилю) занял без боя город Шара-Сумэ. По разным данным погибли от 500 до 4000 человек, жертвы голода и болезней значительно превышали боевые потери. Поняв, что Бакич ускользнул и теперь враждебно относится к предавшим его провинциальным властям, китайцы возобновили переговоры с советским военным командованием.

В свою очередь, Бакич пытался наладить контакты с монгольскими властями, предлагая присоединить Алтайский округ Синьцзяна к Монголии, и с действовавшим в стране генералом Романом Унгерном фон Штернбергом. Кроме того, Бакич, вооружив свои войска трофейным оружием, планировал поход в Сибирь и разработал собственную политическую программу, соединявшую пункты деклараций Комуча 1918 года, белых правительств Востока и Юга России.

Нарастающая активность Бакича и его подготовка к походу в Советскую Россию вызвала новые переговоры советских и китайских властей. 12 сентября уполномоченный РВС войск в Сибири Иван Погодин и представители губернатора Синьцзяна подписали соглашение о вводе советских войск в район Шара-сумэ для ликвидации белых формирований. Китайские власти обязались прикрывать тылы группировки Красной армии, снабжать ее продовольствием и не пропускать белых в глубь Китая. Красная армия, в свою очередь, обязалась бережно относиться к собственности китайских граждан, сдать все изъятое у белых оружие местным властям и после

разгрома противника передать управление очищенных от Бакича районов гражданской администрации. Нарком иностранных дел Георгий Чичерин докладывал Ленину: «Готовится вскоре экспедиция из Сибири на Кобдо для борьбы против Бакича. Последняя цель есть единственная, этим будут удовлетворены желания местных китайских властей, с которыми мы должны жить в дружбе. На Урумчи мы не собираемся идти… это было бы опасно, ибо могло бы способствовать восстанию местных племен, чего мы не желаем».

Соглашение лишь легализовало уже начавшуюся операцию. Утром 1 сентября три полка 13-й Сибирской кавдивизии при поддержке стрелкового батальона под общим командованием начдива будущего командующего Северо-Западным фронтом в июле-августе 1941 года Петра Собенникова (около 1500 сабель, 550 штыков, 32 пулемета, 4 орудия) подошли к городу Бурчум. В ходе упорного боя в конном строю белые потерпели поражение. Многие подразделения Бакича в последующих стычках сдавались, разуверившись в успехе борьбы и не имея патронов. 6 сентября красные конники и стрелки заняли Шара-Сумэ. Часть чинов корпуса и беженцев осталась в Шара-Сумэ, чтобы сдаться, от 3000 до 4000 солдат, офицеров и беженцев двинулись в Монголию. Преследование носило скорее символический характер. 28 сентября красные эскадроны вернулись в Шара-Сумэ, а 6 октября покинули Синьцзян. Представители РВС войск Сибири и провинциального правительства обменялись приветственными посланиями, подтверждавшими стремление обеих сторон наладить дружественные политические отношения и восстановить экономические связи.

Отряды Бакича были окончательно разбиты в ноябре-декабре 1921 года в Монголии и Урянхайском крае (нынешняя республика Тыва), Бакич с немногочисленными соратниками сдался в плен 30 декабря 1921 года под

Уланкомом. 25 мая 1922 года его на публичном заседании Сибирского отделения военной коллегии Верховного революционного трибунала при Президиуме ВЦИК в Новониколаевске (на суд были проданы 2500 билетов) осудили к расстрелу вместе с пятью офицерами отряда. Прошение о помиловании было отклонено, в начале июня приговор привели в исполнение.

Другого видного представителя русской военной эмиграции Бориса Анненкова освободили в феврале 1924 года после серии ходатайств бывшего начальника штаба армии генерала Николая Денисова. Анненков и его окружение намеревались оставить военные авантюры и заняться коневодством. Небольшая община разводила породистых лошадей в окрестностях города Ланьчжоу, но одному из китайских генералов, Чжан Цзолину, удалось привлечь бывшего генерала для организации русского отряда. В апреле 1926 года Анненкова и Денисова выманили к симпатизировавшему Советской власти маршалу Фэн Юйсяну, захватили в плен и передали сотрудникам ОГПУ, действовавшим в Китае. Пленников через Монголию вывезли в СССР, судили в Семипалатинске. Подсудимым и их защите удалось выявить ложь некоторых обвинений, в частности, в расстреле соратников, решивших возвратиться в Советскую России. Это не помешало Военной коллегии Верховного суда приговорить Анненкова и Денисова к расстрелу в августе 1927 года.

После ликвидации крупных формирований белых рассеянные по Синьцзяну солдаты, офицеры и беженцы (около 25 000 человек) уже не представляли существенной опасности для Советской России. Эмигранты находились в трудной ситуации: далеко не все были приспособлены к земледелию или ремеслам, их неохотно брали на госслужбу. Уровень развития и общего образования бе-

женцев, приобретенный многими из них боевой опыт превращали выходцев из России в весомую силу в случае обострения межнациональных и межрелигиозных противоречий. После Постановления ВЦИК от 9 июня 1924 года, распространившего амнистию для бывших белогвардейцев на казаков и рядовых солдат белых армий, осевших в западном Китае, немало эмигрантов вернулись на Родину, около 2500–3000 оренбургских и семиреченских казаков ушли в глубину китайской территории, в провинцию Ганьсу, другие пытались устроиться в больших городах в центре и на востоке Китая.

Прагматизм против революционаризма

В советском руководстве в начале 1920-х годов боролись два течения в отношениях с соседними странами Востока. Ультрареволюционеры, возглавлявшие Коминтерн, и сотрудники других ведомств стремились поддерживать национально-освободительные движения, вне зависимости от их политической и религиозной окраски, надеясь поставить их под контроль и, устраивая мятежи и восстания на Востоке, дестабилизировать колониальные державы Запада. Более прагматично настроенные деятели партии и государства понимали необходимость мирной передышки и урегулирования отношений с соседями. В мае 1921 года известный деятель большевистской партии Ян Рудзутак предложил создать независимые Джунгарскую и Кашгарскую республики в Синьцзяне. Инициатива вызвала оживленную дискуссию. В докладе специальной объединенной миссии Наркоминдел и Наркомвнешторга, направленном уполномоченному НКИД в Туркестане Давиду Гопнеру, указывалось: «Восстание в Кашгарии вызвать легко, особенно исламистское... Однако насколько легко вызвать взрыв, настолько же трудно будет направить со-

циально-политическую стихию в соответствующее русло. Население Кашгарии отличается феноменальной темнотой и ненавистью ко всему, что связано с «кяфирами»… Не нужно быть пророком, дабы предсказать, что национально-революционный удар пантюркистов обрушится не только на китайцев, но и на нас… в настоящий момент наша ориентация должна быть не на мусульманские массы Кашгара, а на их поработителей китайцев. Всякого рода опыты «революционизирования» кашгарлыков мы должны временно отставить, наше поведение в глазах китайцев должно быть в высшей степени лояльным». Предложение Рудзутака встретило возражения наркома иностранных дел Георгия Чичерина 4 июня 1921 года Политбюро рассмотрело предложение Рудзутака, большинство поддержало Чичерина.

Советские дипломаты и хозяйственники стремились наладить экономическое сотрудничество с провинцией. Несмотря на отсутствие официальных дипломатических отношений с Китаем до мая 1924 года, Москва, Ташкент и Новониколаевск вели активные переговоры с провинциальными властями. Голод 1921–1922 гг. в Советской России и продолжавшийся экономический кризис в Синьцзяне вынудил стороны пойти на уступки по условиям поставок и объему возмещения ущерба в годы революции и Гражданской войны. Провинциальные купцы изменили прежний порядок торговли сырьем в обмен на промышленные товары и начали поставлять в Россию скот и другие продукты за валюту.

Восстановлению хозяйственных связей способствовал и свободный порядок перехода границы, которая в начале 1920-х гг. не была заперта на прочный замок. До конца 1922 года поездка в Синьцзян была несложной, многие жители приграничной полосы отправлялись в Чугучак на работу или за покупками, а партизаны «полка Красных

орлов», на которых возложили охрану границы, смотрели на пересечение государственных рубежей спокойно. Ситуация изменилась в начале 1923 г., когда охрану участка границы передали ОГПУ. Его органы начали возбуждать уголовные дела за переход границы, а ушедших в Синьцзян стали рассматривать как перебежчиков и «белогвардейцев» с соответствующими негативными последствиями для их близких.

31 мая 1924 года СССР и Китай подписали соглашение «Об общих принципах урегулирования», разрешившее открытие консульств в китайских провинциях и определившее принципы взаимной торговли. Синьцзянский губернатор намеревался подписать отдельный договор, подготовка которого откладывалась. Но и без него в 1924–1925 гг. объем импорта СССР из Синьцзяна вырос с 2,2 до 4,4 млн руб., советский экспорт в провинцию — с 413 000 до 2,7 млн руб. В 1927 году объем взаимной торговли в валютном исчислении достиг уровня 1913 года (20 млн руб.), по экспортно-импортному плану на 1927–1928 гг. предполагалось увеличить его до 26 миллионов. В 1926 году художник Николай Рерих сетовал на трудности покупки и аренды лошадей для путешествия из Кашгара до Урумчи из-за увеличившейся торговли: «Невозможно найти лошадей. Все годные зафрахтованы на Андижан для перевозки товаров из России. Ходят слухи, что в Андижане заготовлено товаров на три года».

17 февраля 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление по организации революционной работы в Синьцзяне, которое в очередной раз остудило стремление части сотрудников и руководителей Коминтерна форсировать события в провинции.

Кремль требовал:

А) воздержаться от посылки работников-уйгурцев (так в документе. — *Авт.*) Восточным отделом ИККИ без

согласия персональных кандидатур со Среднеазиатским Бюро ВКП(б).

Б) Предложить ОГПУ принять меры к недопуску скупки оружия и переходу вооруженных уйгурцев через нашу границу в Синьцзян.

В) Предложить Средазбюро и Казкрайкому пересмотреть состав организаторов уйгурских секций, не допуская к работе лиц, причастных к уйгурскому движению в Синьцзяне.

Г) Поручить Наркомторгу с привлечением среднеазиатских организаций наметить мероприятия по оживлению и усилению экономических связей Синьцзяна с Союзом.

Д) Считать совершенно вредным и недопустимым какую-либо деятельность или агитацию в направлении отторжения от Китая Синьцзяна или части этой провинции.

Переворот Чан Кайши в апреле 1927 года и перемена политического курса его правительства на резко антисоветский мало повлияли на взаимоотношения между СССР и Синьцзяном. В Урумчи проигнорировали указания Нанкина о разрыве связей с Советским Союзом и закрытии консульств, более того, по приказу дудзюна Цзинь Шужэня в Урумчи и Кашгаре были освобождены арестованные ранее в Кашгаре купцы, подозревавшиеся в шпионаже. Кроме того, он распорядился выделить из казенных запасов в Илийском крае около 20 000 пудов хлеба для пережившей недород Семиреченской области, несмотря на продовольственные затруднения в провинции.

Экономические и политические связи СССР с Синьцзяном сохранялись и развивались даже во время конфликта на КВЖД в августе — ноябре 1929 года, после разрыва отношений с правительством Чан Кайши. В провинции продолжали действовать советские консульские и хозяйственные учреждения, власти заявили советским представителям, что взаимоотношения провинции с СССР не

изменятся, а прибывший в Алма-Ату консул заявил, что Урумчи намерен развивать двусторонние связи независимо от Нанкина. Замнаркома иностранных дел Карахан писал: «От нашего консула в Урумчи при специфическом положении Синьцзяна требуется большая политическая гибкость, самостоятельность и умение разбираться в вопросах экономики».

Укрепление отношений с СССР никак не сказалось на повседневной деятельности провинциальных китайских властей и их взаимоотношениях с коренным населением. Знаменитый русский художник Николай Рерих, путешествовавший по Синьцзяну в 1925–1926 гг. с американским паспортом, ярко описал злоключения своей экспедиции и собственные. Местные бюрократы в Хотане изобретали предлоги, чтобы задержать путешественников, затруднить их выезд, запрашивая у Рериха и его спутников документы уже распавшейся Российской империи и отобрав оружие, необходимое для отражения нападения местных разбойников. Как отмечал Рерих, местные жители рекомендовали ему отправлять китайский конвой вперед и опасаться стрельбы в спину. «Бесконечные россказни о трусости [китайского] полковника (тулин), о предательстве даотая, о глупости амбаня. Никогда и нигде мы не слыхали такое дружное осуждение властей. Даже записывать скучно; так продолжаться не может… местные люди шепчут: «Не заходите в этот двор: там китайцы», или: «Разве можно ожидать справедливость от китайцев!», — писал художник. Не случайно, что местные жители, исповедовавшие ислам, мечтали об освобождении от китайского владычества и вспоминали Якуб-бека.

Впрочем, в Яркенде экспедицию ждал иной прием: окружной начальник (амбань) возмущался поведением хотанского коллеги и заверил Рериха, что местные власти

получили из Пекина телеграмму о появлении экспедиции с требованием содействия ее проезду по провинции. Сам художник описывал жертв китайского «правосудия»: людей с отрубленными пальцами, ступнями, с перерезанными сухожилиями. Большинство из них не сумело или не могло вовремя заплатить «кому следует».

Присланных для охраны экспедиции солдат художник назвал непохожими на людей насекомыми, они были плохо обмундированы, босы и вооружены старыми ружьями. Китайская власть представлялась Рериху непрочной, покоившейся на угнетении и запугивании местных жителей и сомнительной силе оружия. «В Гучене, в долине смерти, лежат кучи костей — следы многотысячной резни... Но провинция «спокойна», и только кладбище спорит о большем спокойствии. Как взорвется это спокойствие смерти? Кто придет? Откуда придет? Кто возмутится изнутри? В молчании кладбища трудно понять, которая могила будет первой. По ночам проходят какие-то банды оборванцев, именуемых солдатами, в направлении Хами. Говорят, дуту (губернатор. — *Авт.*) полагает, что, насильственно собирая оборванцев с базара в казармы, он освобождает город от опасного элемента. Но какова будет судьба этих вооруженных шаек и против кого они обратят свое заржавленное оружие»?

Ситуация в провинции и взаимоотношения с местными властями осложнялись продолжавшимся брожением мусульманского населения и междоусобной борьбой правителей отдельных округов с губернатором. Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) и представительства НКИД и ОГПУ, заинтересованные в прочной охране государственных рубежей и стабильности в пограничных районах, предложили китайским властям помощь в борьбе с перешедшими границу с СССР басмаческими формированиями.

В январе 1930 года сотрудники советского консульства предложили губернатору Кашгарии Ма Шаоу совместные действия против отрядов главаря киргизских басмачей Джаныбека. Ма Шаоу ответил, что согласен на советское участие, но выполнить свою часть задачи не может из-за противодействия Цзинь Шужэня.

Одновременно Ма Шаоу стремился использовать советскую помощь в междоусобной борьбе. Он предложил советским дипломатам свергнуть Цзинь Шужэня с помощью дунганского отряда, находившегося под личным руководством Ма Шаоу, и создать отдельную провинцию в южных округах Синьцзяна при поддержке отряда из подготовленных к боевым действиям в СССР нескольких сотен дунган, узбеков и киргизов. Чтобы склонить советских представителей на свою сторону, Ма Шаоу шантажировал их «сведениями» о контактах урумчинского губернатора с англичанами.

Уполномоченный НКИД в Ташкенте Андрей Знаменский предположил, что Ма Шаоу чувствует непрочность собственных позиций и пытается интриговать против Цзинь Шужэня с помощью СССР, при том, что незадолго до этого дипломаты сообщали об его переходе на антисоветские позиции. Знаменский резюмировал: «Если отрицательных моментов для нас не имеется, тогда можно было бы согласиться на предложение Ма, приняв в подготовительный период все меры, чтобы выступление было закончено в короткий срок, не свелось к внутренней драке, а привело к организации новой провинции, в своей политике безусловно ориентированной на Советский Союз». Карахан не согласился с точкой зрения Знаменского, он предложил дипломату предупредить Ма Шаоу о наших самостоятельных действиях для уничтожения банд и дал инструкции о сохранении дружественных отношений с действующим губернатором Синьцзяна и необходимости не вмешиваться во внутренние дела провинции.

29 мая 1930 года секретари Среднеазиатского бюро ВКП(б) вместе с представителями НКИД и ОГПУ провели совещание о политике в отношении северо-западных провинций Китая.

Они решили:

«1. Синьцзян является одним из важнейших сырьевых рынков для нашей промышленности (шерсть, кожа, хлопок, рабсила и др.).

2. Синьцзян имеет протяженную с нами границу, проходящую по р-нам, трудно охраняемым и положение в которых напряженное.

3. В силу внешнеполитических причин (афгано-индийский и китайский факторы) исключено наше активное вмешательство в синьцзянские дела.

4. Выступление Ма и ему подобных является на данной стадии верхушечной борьбой за власть, неспособной изменить социальный режим, такое выступление может привести к острой межнациональной распре внутри Синьцзяна и полному нарушению на длительный период относительно устойчивого положения в Синьцзяне и в пограничной с нами полосе, считать, что мы заинтересованы в сохранении статус-кво в Синьцзяне».

Совещание рекомендовало укрепить отношения с губернатором Цзинь Шуженем, отпустить небольшое количество оружия взамен на уступки в белогвардейском вопросе, торговом протоколе и открытие консульства в Аксу.

Стремление СССР расширить экономические отношения с Синьцзяном и увеличить экспорт столкнулось с конкуренцией крупных иностранных компаний, в частности немецких. Первые эмиссары из Германии появились в провинции накануне Первой мировой войны. В 1918–1927 гг. в провинции активно действовала фирма «Фауст и Кох», ставшая прикрытием немецкой резидентуры в Синьцзяне.

В 1920-х годах правительство Германии пыталось открыть в Урумчи филиал авиакомпании «Евразия», но получило отказ. В 1927–1928 гг. в провинции работала шведско-германская экспедиция известного своими пронацистскими взглядами шведского путешественника Свена Гедина, финансируемая Люфтганзой. Из 28 человек 11 были действующими офицерами рейхсвера.

Губернатор Цзин Шужэнь пытался диверсифицировать провинциальную торговлю и наладить более тесные торгово-экономические отношения с Веймарской республикой. Он надеялся получить современное промышленное оборудование, помощь в налаживании воздушного сообщения и развитии образования. Власти планировали совершить при немецкой поддержке экономический рывок, который позволил бы отказаться от сырьевой специализации провинциального экспорта, увеличить число предлагаемых товаров и расширить внешние связи провинции. Чтобы ускорить переговоры, в Берлин в 1929 году был направлен официальный представитель губернатора, авторитетный политик Бурхан Шахиди.

Первые поставки немецкого оборудования и строительство первых автодорог начались в 1932 году. Проекты прекратили, когда вспыхнувшие восстания мусульманских народов поставили под угрозу жизнь немецких специалистов и сохранность техники. Планам Цзинь Шужэня быстро развить экономику провинции за счет германских технологий и товаров препятствовал запрет Совнаркома на свободный транзит товаров и людей, кроме того, СССР отказался разрешить провоз немецкого вооружения и амуниции для борьбы с повстанцами.

Попытки Цзинь Шужэня договориться с Люфтганзой об открытии авиалинии, по которой могло бы поставляться немецкое оружие для борьбы с повстанцами, не

привели к результату. В октябре 1933 года Политбюро не возражало против транзитных полетов Люфтганзы из Германии в Синьцзян через советскую территорию, но идея не была реализована из-за ухудшения советско-германских отношений. Кроме того, пытавшийся расширить связи с Германией Цзинь Шужэнь в апреле 1933 года был свергнут, его сменил Шен Шицай, настроенный тогда просоветски.

Бурхан Шахиди вернулся в Синьцзян в апреле 1933 года, надеясь, что новое правительство продолжит работы по прежним контрактам, однако продолжавшееся восстание и усилившееся военное и политическое влияние СССР вынудили приостановить их действие. Берлин, несмотря на смену власти, пытался сохранить свое присутствие в Синьцзяне, особый интерес немецкого бизнеса вызывали нефтяные ресурсы провинции. Кроме того, германские компании пытались занять часть местного рынка экспорта шерсти и кожи, но ужесточение советских требований к транзиту вынудило немецких коммерсантов свернуть свои торговые и финансовые операции.

Несмотря на стремление германских компаний закрепиться на северо-западе Китая, экономические связи между СССР и Синьцзяном расширялись. В феврале 1931 года Политбюро поручило Наркоминделу начать переговоры о поставках в Синьцзян военных материалов. 1 октября 1931 г. было подписано «Соглашение об экономических взаимоотношениях между синьцзянским провинциальным правительством и СССР», которое расширяло виды экономического сотрудничества и упрощало порядок взаимных поставок и расчетов. Стороны договорились не публиковать его текст, чтобы избежать трений Урумчи с Нанкином и упреков в поддержке сепаратизма. Но сохранить секретность не удалось, и гоминьдановское

правительство вскоре заявило, что не признает договора. Впрочем, негативная реакция Нанкина не мешала его реализации.

В ноябре 1931 года в Синьцзян отправились первые три самолета Р-1, которые должны были стать основой ВВС провинциальной армии, а также базой для обучения местных пилотов, в декабре 1931-го они прибыли в Алма-Ату, а затем, с посадками в Бахты и Чугучаке, под командованием военлета Андроника Волынченко приземлились в Урумчи.

Бегущие от коллективизации

Политбюро предлагало в 1934 г. закупить 135 000 голов скота, в том числе 35 000 лошадей и коров, для Казахстана. Расширению торгово-экономических связей мешал не только недостаток товаров, но и неорганизованность и непрофессионализм ряда сотрудников торговых представительств и хозяйственных организаций, изумлявшие партнеров СССР в Синьцзяне.

Советским и синьцзянским властям пришлось взаимодействовать для решения проблем массовой миграции, вызванной началом коллективизации. Обобществление крестьянских дворов русских переселенцев и плохо продуманные планы перевода казахов на оседлость вместе с оценкой многих бедняцких и середняцких кочевых хозяйств как кулацких по числу голов скота сопровождались массовым изъятием имущества и скота, злоупотреблениями местных органов власти и вызвали резко негативную реакцию жителей районов, сопредельных с Синьцзяном. Уже в последние месяцы 1929 года переход китайской границы как русскими, так и казахами значительно участился. По словам бежавших причиной ухода стали тяжелые условия жизни в СССР. Провинциальные власти

не препятствовали переходу, но относились к беженцам настороженно и первое время держали их под стражей.

В январе 1930 года переход продолжался. В Кульджу прибывали сотни семей не только из Средней Азии и Казахстана, но и из Оренбургской губернии. Все они боялись депортации в СССР. В середине февраля при переходе границы большой партией беженцев на казахстанском участке произошло вооруженное столкновение с советскими пограничниками, в ходе которого были убиты несколько красноармейцев и начальник заставы. Среднеазиатское таможенное управление в отчете за 1929–1930 гг. отмечало, что за прошедший период эмиграция перестала быть уделом богатых слоев населения, она захватила средние и беднейшие слои дехканства, а растущая массовость ухода за границу усложняет меры борьбы с ним.

К апрелю 1930 года бегство приняло массовый характер: уходили не только семьями, но и целыми колхозами и селениями, бросая скот и имущество, масштаб новой волны не поддавался учету. Китайские власти были готовы передавать беженцев обратно при условии отсутствия угрозы их жизни, просили советских руководителей усилить охрану границы, а также признавались, что неспособны справиться с таким потоком беженцев. Причиной бегства было массовое обобществление скота не только оседлых русских и украинских переселенцев, но и казахов-кочевников. В 1930–1931 гг. Советский консул в Илийском округе Китаев отрицал данные о тяжелых условиях жизни в СССР и притеснениях беженцев и утверждал, что все они — уголовные преступники.

Сводки спецслужб говорят об обратном. В октябре 1931 года Секретно-политический отдел ОГПУ сообщал: «В 1930 г. число откочевавших за кордон вместе с задержанными при переходе границы составило 10 636 чел.

В течение истекших месяцев 1931 года, по далеко не полным данным, число эмигрировавших и задержанных при попытке эмигрировать превысило 15 000 человек. По сравнению с I кварталом 1930 года число эмигрировавших в январе — марте 1931 года увеличилось с 2686 до 4377 человек. Во II квартале 1931 года число эмигрировавших, по неполным данным, возросло до 5000 человек. За два месяца III квартала, по приблизительным подсчетам, число эмигрировавших и задержанных на границе превысило 6000 чел. Только за 10 дней августа месяца эмигрировало и было задержано при попытке эмигрировать: 1 аул (численность неизвестна) — 1066 хозяйств, 1670 одиночек.

Приведенные данные о размерах откочевок — неполные. Фактически число откочевавших и готовившихся откочевать больше. В некоторых районах пограничной полосы была проведена специальная проверка размеров откочевок. В результате было установлено, что в отдельных районах откочевало в Китай более трети всего населения. Обращает на себя внимание социальный состав откочевников. Среди откочевников весьма значительный процент составляют середняки и бедняки. При этом доля социально близких нам слоев возрастает. Процент бедняков, середняков и колхозников в общей массе откочевников в 1931 году, доходит до 80%, в то время как среди откочевников 1930 года значительную часть составляли баи и прочий антисоветский элемент».

Кампании Центра по устранению «перегибов на местах» не имели результата, на который надеялись те, кто мог прочитать в газетах или услышать от грамотных земляков изложение вышедшей в марте 1930 года сталинской статьи «Головокружение от успехов». Как сообщали прибывшие из Москвы ревизоры, колхозникам так и не возвратили скот. Как следствие, в 1931 году из Казахстана откочевали за границу более 40 000 хозяйств.

Угроза голода в Казахстане усиливалась. Принятое 17 сентября 1932 года Постановление ЦК ВКП(б) «О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана», разрешившее местным жителям оседлых районов держать в хозяйстве по 2–3 коровы, 10–20 свиней и столько же овец и баранов и по 8–10 голов рогатого скота, 3–5 верблюдов и около 100 баранов у скотоводов-кочевников, запоздало. В сводке секретно-политического отдела ОГПУ в октябре 1932 года отмечалось: «Наблюдающиеся в ряде районов Казахстана продовольственные затруднения продолжают обостряться. По дополнительно поступившим (далеко неполным) данным в течение прошедших месяцев 1932 г. на почве продзатруднений умерло 14 549 чел., из которых 2500 чел. умерло в сентябре и октябре.

В настоящее время особенно острые продовольственные затруднения переживают Тургайский, Батбаккаринский, Карсакпайский и Кувский районы. В этих районах сельское хозяйство крайне подорвано, почти полностью уничтожен скот, поля остались незасеянными. В Батбаккаринском и Тургайском районах население голодает. Казахи питаются собираемыми в степи кореньями, сусликами, мышами. Помещения РИКов (районных исполнительных комитетов. — *Авт.*) набиты голодающими, которые тут же и умирают.

В Тургайском районе, где 50% посевов погибли, до 5 октября умерло от голода 4452 чел. Ежедневно умирает в среднем по 20 чел. По району 77 000 чел. совершенно не имеют продовольствия. В Батбаккаринском районе не имеющих хлеба насчитывается 8400 чел., а 900 хозяйств, организованные в колхоз, имеют 100 га посевов.

В Кувском районе в колхозе «Жана-Жол» колхозники, колхозницы и малолетние дети при отсутствии другого продовольствия питаются только зеленью. В этом же районе в колхозе Шуакал ежедневно умирают от голода по 3–4 колхозника.

По некоторым районам нуждающиеся в неотложной продпомощи составляют от 50 до 95% населения. Так, в Абралинском районе в хлебе нуждается 95% всего населения, в Кувском — 85%, Баянаульском — 60%, Павлодарском — 50%.

Остро нуждаются в продпомощи также районы: Челкарский, Табынский, Атбасарский, Акмолинский и др.».

В декабре, как сообщали чекисты, «на почве продзатруднений в ряде недородных районов и особенно в районах Четского, Жана-Аркинского, Каркаралинского и др. откочевки принимают широкие размеры. Из Жана-Аркинского района за последнее время откочевало 2044 хозяйств; 630 хозяйств из оставшихся на месте средств к существованию не имеют. В районе за две декады умерло 300 чел., в том числе в райцентре — 60. Откочевщики оседают в соседних урожайных районах, где в связи с этим усилилось скотокрадство, убой скота, уголовный бандитизм, и наплыв откочевников в урожайные районы в свою очередь подрывают устойчивость последних».

Через границу потянулись тысячи крестьян и кочевников, уже голодных, обессилевших, часто лишившихся скота и имущества. Значительная часть стремившихся перейти в Синьцзян умерла по дороге от истощения. Далеко не все беженцы пережили первые месяцы своего пребывания на чужбине. Близлежащие к границе Тарабагатайский и Алтайский округа не имели достаточно продовольствия и не могли прокормить перешедшую с сопредельной территории массу эмигрантов. Не хватало ни риса, ни пшена, ни муки. «Наша семья весь 1932 год и первую половину 1933 питалась только мамалыгой», — писал впоследствии историк Василий Петров, родившийся в семье беженцев и живший в Синьцзяне в 1930–1940-е гг. Он же описывал эпизод, когда к стенам готовившейся к осаде чугучакской

крепости подошла изможденная русская женщина с двумя детьми. Оборонявшиеся бросили вниз веревочную лестницу, но вскоре стало ясно, что ни дети, ни истощенная мать не могут ей воспользоваться. Осажденные русские и китайцы не бросили несчастных на произвол судьбы: они подняли несчастных наверх с помощью веревок и мешков.

Китайские власти возвращали обратно преимущественно казахов (к середине апреля 1931 г. число депортированных выросло до 1200), опасаясь их влияния на соплеменников. Русских, за редким исключением, не высылали, давая возможность заниматься хозяйством в провинции. Массовый переход бежавших от голода и преследований казахов, узбеков и киргизов через границу обострил и без того напряженную ситуацию в провинции.

Новое восстание

Положение в Синьцзяне осложнилось при губернаторе Цзинь Шужэне, совершившем переворот в 1928 году. Новый правитель реорганизовал армию, назначил командирами частей доверенных лиц, изменил принципы набора солдат и создал несколько относительно боеспособных частей. Одновременно Цзинь пытался уменьшить масштабы взяточничества и поборы с населения. Однако реформы привели к повышению налогов, в частности, был введен сбор за убой скота. Многие крестьяне были закабалены, в провинции распространилось долговое рабство. Кроме того, реформа распространила подати на все слои населения, в том числе пользовавшихся прежде освобождениями от налогов жителей Хамийского и Уч-Турфанского округов, что вызвало резкий рост недовольства.

Первое восстание вспыхнуло среди уйгуров в районах Хами и Баркуля в апреле 1931 г. Первый штурм Хами был отбит китайцами, но затем бежавшие в горы повстанцы

объединились с соратниками, захватившими Баркуль и крепостной арсенал. Они повторно двинулись на Хами и в мае 1931 года заняли город и крепость.

Руководившие восставшими Ходжа Нияз и Юлбарс обратились за помощью к дунганину Ма Чжунину, которому приписывают сотрудничество с японцами. Летом 1931 года юный дунганский военачальник, которому исполнился всего 21 год, занял Баркуль, начал наступление на Гучен и Пичан. Китайские войска оказались неспособными бороться с повстанцами, к тому же методы мобилизации лошадей и реквизиции транспорта и фуража в армию вызвали рост недовольства местного населения. В Карашарском округе восстали монголы-торгоуты.

Ходжа Нияз также пытался заручиться поддержкой Монголии, сателлита СССР. 15 мая 1931 года он отправил письмо в Улан-Батор, где указывал, что мусульмане не только угнетены, но и обижены попытками насильственного породнения. «Мы, мусульманские народы, не могли больше это терпеть и решили, чем умереть от их рук, лучше бороться против них и уничтожить их, если Бог поможет. Мы сами хотим быть себе хозяевами».

Летом 1931 года правительство Синьцзяна обратилось к СССР с просьбой о продаже вооружения, прежде всего самолетов. Этот зондаж вызвал резкую реакцию Коминтерна. По его версии, восстание, несмотря на руководство местных феодалов, носило национально-освободительный характер, а помощь СССР правительству провинции не лишит его враждебности к СССР. В документе указывалось: «Подавление национально-освободительного движения уйгур с помощью нашего оружия и последующим кровавым террором не может не нанести ущерб национально-освободительному движению и будет способствовать консолидации контрреволюционных сил и расширению антисоветской базы в Синьцзяне». Однако необходимость

сохранения спокойствия на границе и дружественных отношений с Синьцзяном и «большим» Китаем перевесило в глазах советского руководства гипотетическую пользу от революционизации соседней территории. В августе 1931 года Политбюро утвердило продажу Синьцзяну двух самолетов с экипажами, в июне 1932 года — еще 8, стоимость контракта составляли 200 705 американских долларов. Мусульманским повстанцам в помощи категорически отказали.

Повстанцы округа Хами не хотели продолжать войну за пределами своей территории, Ма Чжунин вынужден был вернуться в Ганьсу, но летом 1932 года Ма вновь появился на восточных границах провинции. Группа дунган проникла в Уч-Турфанский округ, что стало катализатором восстания против китайских властей, его подавили к марту 1933 года, но несколько групп повстанцев ушли на Алтай и в Кашгарию, где восстание вспыхнуло с новой силой.

Центральные китайские власти в очень малой степени контролировали положение в Синьцзяне и не могли сколько-нибудь эффективно повлиять на ход событий. Военные неудачи и продолжение восстания мусульманских народов обострили борьбу за власть в провинции. 12 апреля 1933 года в Урумчи вспыхнуло восстание против Цзинь Шуженя. Начальник штаба провинциальных войск Шэн Шицай поддержал повстанцев отправкой в столицу русского полка под командованием полковника Павла Паппенгута. Цзинь был свергнут, но ему позволили покинуть провинцию. Шэн Шицай был одним из «пришельцев» из центрального Китая. Его биографию нельзя назвать исключительной, карьера и резкие политические зигзаги были типичны для многих китайских военачальников и политиков того периода.

Шен (по другой транскрипции — Шэн) Шицай (Цзинь Юн) родился в 1892 году в провинции Ляонин в семье помещика. В 1915 году окончил политико-экономическое отделение специального отдела общественных наук Китая в Шанхае. Через два года он уехал в Японию, где учился в Минчжийском университете Токио. В 1919 году вернулся в Шанхай, затем уехал в Гуандун, где поступил на военные курсы. После их окончания был направлен на службу в 8-ю бригаду Го Сунлина, которая располагалась на северо-востоке провинции. В 1923 году Шен Шицай вновь отправился в Японию, в академию сухопутных войск. По утверждению Шен Шицая именно во время учебы в Японии он увлекся марксизмом, активно изучал работы классиков марксистской философии и проникся социалистическими идеями. Его молодая жена, дочь друга Го Сунлина Цю Цзунцзюня Цю Люфан (впоследствии тесть и его родственники занимали ряд ответственных постов в провинциальном правительстве Синьцзяна), поехала с ним и училась в женском университете Токио. Средства на учебу Шен Шицаю выделили сразу несколько известных китайских военачальников: Чжан Цзолин, Сунь Чжуан, Фэн Юйсян и Чан Кайши. Вернувшись из Японии, он поступил на службу в армию Гоминьдана.

В 1928–1929 гг. он исполнял обязанности начальника отдела полевого штаба в Нанкине. Бурхан Шахиди в своих мемуарах отмечал, что честолюбивый Шен Шицай тяготился незаметной штабной работой и медленным продвижением по службе. После знакомства с генеральным секретарем Синьцзяна Лу Сяоцзу он, надеясь на быстрый карьерный рост, отправился осенью 1930 года на северо-запад Китая. Губернатор Синьцзяна Цзинь Шужэнь назначил его в 1931 году офицером управления надзора (душу) и инструктором при военном училище. Вскоре после начала мятежа мусульман Шен Шицая назначили

начальником одного из боевых участков. Будущий дубань действовал более умело и решительно, чем другие командиры.

Новый правитель (дубань) Шен Шицай вынужден был ориентироваться в своей политике на северного соседа. Собственные силы местных властей часто были слишком слабы, чтобы справиться с набиравшим силу движением мусульманских народов. Китайские солдаты нередко разбегались под натиском неприятельских формирований. В этой обстановке единственной боеспособной единицей, находившейся в руках Шен Шицая, был русский полк из бывших белогвардейцев под командованием Паппенгута, который, несмотря на свою немногочисленность, благодаря своей выучке и дисциплине не раз наносил поражение превосходящим силам мусульманской конницы. Всего были мобилизованы 1750 русских, в том числе бывших белогвардейцев. Боевые действия против повстанцев шли с переменным успехом. Зимой 1932/33 гг. повстанцам вновь удалось окружить Урумчи, 9 января они двинулись к городу, в конце февраля мятежники вновь оказались под стенами столицы, атакующим удалось прорваться в город и нанести существенные потери оборонявшемуся на этом участке русскому отряду, однако штурм удалось отразить, восставшие были отброшены за стены с большими потерями.

Шен Шицай осознавал, что подавить повстанческое движение исключительно военной силой невозможно из-за малой боеспособности подчиненных ему частей и начал переговоры с лидерами повстанцев. Ма Чжунин отказался от переговоров и продолжал наступление. 28 мая 1933 года его войска заняли город Гучэн, захватив значительные трофеи (в том числе 12 000 винтовок, 500 000 патронов, 10 пулеметов и много военного имущества). Однако Шен Шицай подкупил командира одного из дунганских отрядов Ма Даосяна, предложил ему должность

командира дивизии. 13-15 июня части Ма Чжунина, попытавшиеся перехватить инициативу, понесли большие потери в боях с русским полком (до 600 убитых и 1000 раненых).

Воспользовавшись его пассивностью, Шен Шицай разбил Ма Чжунина под Гученом, его бригады вынуждены были отойти. Одновременно Шен Шицай сумел договориться с лидером уйгурского повстанческого движения Ходжой Ниязом о прекращении боевых действий на условиях предоставления хамийским уйгурам значительной автономии. Бурхан Шахиди в своих мемуарах утверждал, что Шен Шицай, окружив отряды Ходжи Нияза, позволил им выйти из кольца за приличное вознаграждение. Возможно, это навет противника дубаня, но, учитывая местные особенности войны, исключить такой вариант тоже нельзя. Впрочем, дело было не только в выдающихся дипломатических способностях эмиссаров дубаня, но и во взаимной неприязни Ходжи Нияза и Юлбарса с Ма Чжунином и его окружением, которые не видели в уйгурах равноправных партнеров по будущему исламскому государству.

Однако обстановка оставалась тяжелой. Лидер дунган дал согласие временно прекратить боевые действия, но Паппенгут решил атаковать дунган по собственной инициативе. Те отошли, русские заняли Гучен, но самовольные действия командира русского полка осложнили ситуацию: отошедшие из-под Гучена, озлобленные нарушением перемирия дунгане заняли Дабанчен и Турфан и снова стали угрожать столице провинции. Урумчи был отрезан от ключевых источников подвоза продовольствия. Не добившись успеха под Гученом, Ма Чжунин бросил отряды под командованием своего сводного брата Ма Хаина в Тарбагатайский и Алтайский округа. Казахи, подписавшие перемирие с дубанем, негативно восприняли приход дун-

ган, но их поддержали местные соплеменники и монголы. Родившийся в Синьцзяне в семье беженцев историк Василий Петров вспоминал, что в начале октября 1933 года Ма Хаин с соратниками появился в городе Дурбульджин в 60 км от Чугучака. Местные власти вывели китайцев и других немусульман в новую крепость, пытались укрепить крепостные ворота и организовать ополчение из числа горожан и жителей ближайших окрестностей, но при этом не создали отдельные сотни из русских, имевших боевой опыт гражданской войны.

Петров писал, что гарнизон выглядел не слишком убедительно: «Солдаты — мальчишки и старики в рваном обмундировании, с заржавевшими винтовками разных систем. Несколько лучше внешне выглядели чирики-полицейские, но и у них оружие было заржавевшим, неизвестно, могли ли они им воспользоваться. Под стать солдатам были и офицеры, в национальных китайских халатах, в черных шапочках с цветными шариками на макушке и маузером в деревянной кобуре. Это были не строевые офицеры, а торговцы, возглавившие оборону. У ворот и по углам стены стояли четыре бронзовые пушки, у которых хлопотали рослые артиллеристы с банниками, как на картине истории Средних веков. По всему периметру крепостных стен ходили патрули». Можно скептически оценивать достоверность детских впечатлений, но близкие по содержанию описания китайских войск в Синьцзяне находятся и в дипломатических и военных документах.

Как отмечал очевидец, китайские солдаты разрешали мальчишкам ходить по крепостной стене накануне штурма. Вероятно, начальники гарнизона надеялись, что малосведущие в военном деле дети убедятся в прочности обороны и успокоят родителей.

6 октября отряд Ма Хаина вступил в Чугучак и расположился в старой крепости, в городе вспыхнуло восста-

ние мусульманского населения. В ночь на 7 октября Ма Хаин попытался штурмовать новую крепость. Повстанцы несколько раз пытались пробить ворота, подняться на стены. Гарнизон крепости и спрятавшиеся внутри периметра жители напряженно прислушивались к вспышкам ружейно-пулеметной стрельбы, отдельным орудийным выстрелам и крикам на стенах. Осажденные понимали, что в случае падения крепости их ожидает печальная участь. Штурм удалось отразить. «С рассветом стрельба прекратилась, и с восходом солнца отец повел меня на крепостную стену. У бойниц стояла редкая цепочка солдат, остальные отдыхали. И на этот раз никто не мешал смотреть, что творилось за стеной. Там лежало много трупов, но не слышно было стонов раненых, их, вероятно, успели унести... Прямо под стеной валялись бревна со ступеньками-трапами, при помощи которых осаждавшие пытались взобраться наверх. Мы узнали, что они подожгли соломой западные ворота, но прогорела только деревянная часть, а металлическая обшивка сохранилась», — писал впоследствии Петров.

Осажденные с тревогой ожидали нового штурма, но он был сорван внезапным появлением 2-го казачьего полка, сформированного из русских эмигрантов Тарбагатайского округа. Были случаи, когда в критической ситуации в строй зачисляли мужчин, только что бежавших с семьями из Советского Союза: в трудный час белым командирам было не до идеологической обработки вчерашних советских граждан. «Радость была безмерная: женщины плакали навзрыд, дети бежали рядом со строем и узнавали своих отцов, которые сажали их в седла. Прошедшие через страх смерти люди ликовали от мала до велика», — вспоминал Петров.

По численности русский полк уступал отряду Ма Хаина, пополненному местными мусульманами, в 7-8 раз, но был

неплохо вооружен. Когда вождь дунган узнал о приближении казаков, он заперся в старой крепости. Он предпочел не принимать бой и ушел на восток через умышленно оставленные незаблокированными ворота.

События вышли за провинциальные пределы и повлияли на ситуацию в приграничных районах среднеазиатских республик СССР и Казахстана, где продолжалась борьба с басмачеством. Часть басмачей, ушедшая на территорию Синьцзяна, установила тесные контакты с местными повстанцами и одновременно сохранила связь с родственниками на советской территории. Представители басмаческих отрядов постепенно стали играть большую роль в синьцзянских событиях, переходили границу, агитируя родных против Советской власти и склоняя их к эмиграции. В Кашгарии жили около 60 000 киргизов, эмигрировавших из СССР до 1933 года. Участились также эпизоды бандитизма, переходы границы с целью захвата скота и заложников или перевода через границу родственников.

Дестабилизация ситуации на приграничных территориях и вероятность утраты влияния на Синьцзян вызвала беспокойство высшего советского политического руководства. Обстановка в провинции активно изучалась советской военной разведкой и органами ОГПУ. В рапорте Разведуправления Красной армии, подготовленном в марте 1933 г., указывалось: «Китайские части численностью до 25 000 человек представляют собой необученную и недисциплинированную массу. Большей ее части не приходилось стрелять из оружия даже в порядке практической стрельбы. Белогвардейские части до 1000 человек наиболее боеспособны. Однако и этот единственный боеспособный отряд изменит Цзиню (губернатору провинции. — *Авт.*), поскольку они знают о ненависти к ним со стороны мусульман и опасаются за свою жизнь

и жизнь своих семей… Повстанцы могут рассчитывать на поддержку всего мусульманского населения провинции, составляющего около 90%, за исключением верхушечных сил, связанных с китайцами. При данном соотношении сил китайцы могут рассчитывать только на свои деморализованные войска, на белых и нашу помощь…»

Начальник Разведупра Ян Берзин подытожил: «Развитие повстанческого движения может привести к уничтожению китайской власти в Синьцзяне и попыткам создания мусульманского государства. Необходимо при этом иметь в виду, что эти попытки неизбежно приведут к длительной национальной борьбе за автономии (киргизские, казахские, монгольские, дунганские, уйгурские), причем не исключена борьба за автономию и среди самих уйгур: между Хотаном и Кашгаром. Подобная обстановка будет широко использована англичанами для ликвидации нашего преобладающего влияния в Синьцзяне и создания угрозы нашим границам».

27 июня 1933 года была создана специальная комиссия Политбюро по Синьцзяну. Ее председателем был назначен председатель РВС Климент Ворошилов, членами — Григорий Сокольников и Шалва Элиава. В августе 1933 года Политбюро приняло «Директивы по работе Синьцзяном». Кремль утвердил тезисы комиссии Ворошилова, предложившей:

«Считать неприемлемым поддерживать лозунги и политику на отделение Синьцзяна от Китая.

- Считать полезным поддерживание дружеских отношений с Урумчинским правительством.
- Считать возможным оказание поддержки Урумчинскому правительству в борьбе с Ма-Джу-Ином (так в документе, речь идет о Ма Чжунине. — *Авт.*) и другими дунганскими отрядами…

6. Считать необходимым укрепление наших торговых операций с Синьцзяном».

Кроме того, Политбюро требовало реализовать в кратчайшие сроки программу хозяйственных мероприятий, предложенных Элиавой, которая предполагала: по экономической линии пересмотреть экспортно-импортный план по торговле с Синьцзяном; расширить закупки реэкспортных товаров; запретить принудительный ассортимент по экспортным операциям с Синьцзяном; отказаться от перехода к валютным расчетам по торговым операциям. Предлагалось также установить цены по товарообменным операциям с Синьцзяном на основе цен по нашей торговле; прейскурант цен составить в местной валюте; при разработке золотых цен учитывать транспортные расходы по территории СССР. По операциям за наличную местную валюту: производить продажу экспортных товаров по средним рыночным ценам Синьцзянского рынка. Кроме того, планировалось организовать выпуск советской промышленностью товаров специфического китайского ассортимента для продажи их в Синьцзяне. Цудортрансу предписывалось провести работы по строительству автомобильных дорог на ряде трактов, военизировать работу транспортных организаций Совсиньторга, обновить автопарк на присиньцзянских трактах и начать строительство автомобильной дороги на тракте Рыбачье — Туругарт. Наркомат путей сообщения получил распоряжение завершить строительство железнодорожной ветки Фрунзе — Рыбачье в 1934 году.

По линии торговли советское руководство намеревалось, учитывая наличие в Синьцзяне нескольких правительств, установить нормальные торговые отношения со всеми районами провинции и районными властями, максимально развивать машинно-технический экспорт и оказать синьцзянским властям техническую и материальную помощь в дорожном строительстве. Кроме

того, предлагалось заинтересованным ведомствам (РВСР, ОГПУ, НКИД) уделить особое внимание наблюдению и изучению планов англичан и японцев в отношении Синьцзяна.

Несмотря на деблокаду Чугучака и успешную оборона Манаса, положение правительственной армии и Шен Шицая оставалось сложным: 80% территории провинции было занято повстанцами, на сторону которых перешли губернатор Кашгара Ма Шаоу и командующий Кульджинским военным округом Чжан Пэйюань. Урумчинский район был окружен с трех сторон, что затрудняло снабжение и пополнение войск, в том числе русских полков. В конце 1933 года положение дубаня стало критическим: русский полк при поддержке китайских частей с трудом удерживал столицу Синьцзяна Урумчи.

Одновременно в ноябре 1933 года в Кашгаре лидер созданного в Хотане уйгурского революционного комитета Сабит Домулла объявил о создании Тюрко-исламской республикики Восточного Туркестана (ТИРВТ), ее президентом заочно провозгласили Ходжу Нияза. Правительство обнародовало основанную на нормах шариата Конституцию республики. Руководители ТИРВТ стремились достичь дипломатического признания новой страны ближайшими соседями и Великобританией. Сабит Домулла отправил британскому консулу в Кашгаре Томпсону письмо, в котором просил принять Хотанский эмират под английский протекторат.

Ходжа Нияз был готов воспользоваться любой возможной помощью. Он объяснял англичанам, что повстанцы борются с угнетением китайцев и оказывающими им помощь большевиками, притесняющими единоверцев в советской части Туркестана. Одновременно лидер уйгурских вооруженных повстанцев направил делегацию в Ташкент,

где пытался договориться о поставках вооружения и боеприпасов. В последний момент эмиссары Ходжи Нияза отказались подписать соглашение, но, судя по документам, один из лидеров уйгуров продолжал поддерживать контакты с советской стороной.

В состав вооруженных сил ТИРВТ вошли несколько крупных басмаческих отрядов, перешедших в Синьцзян с сопредельной советской территории. Лидеры басмаческого движения Джаныбек-казы и Юсуп-джан заняли важные посты в армии, в частности Джаныбек был назначен командующим высокогорным фронтом. Усиление позиций предводителей басмачей вызывало беспокойство советского руководства, укрепляло мнение о необходимости усилить поддержку властей провинции.

Помощь властям Синьцзяна оказывалась в несколько этапов. 29 сентября 1933 года Совнарком распорядился передать в провинцию миллион винтовочных патронов, ранее были проданы несколько самолетов и партия стрелкового оружия.

В ноябре 1933 г. на границу с Синьцзяном была переброшена «Алтайская добровольческая армия», сформированная из подразделений Красной армии и войск ОГПУ. В оперативное подчинение группировки были переданы части, сформированные из бывших белогвардейцев, которым обещали амнистию после завершения операции. СССР обязался обеспечить вводившиеся в Синьцзян войска вооружением, боеприпасами и военным снаряжением, провинциальные власти обещали возместить затраты, понесенные советским правительством. 20 января 1934 года Политбюро постановило отпустить в распоряжение ОГПУ 10 000 руб. золотом для проведения операции и выделить 2000 комплектов гражданской одежды для русских частей в провинции.

Белые и красные против мятежников

12 января 1934 года командующий 36-й дивизией Ма Чжунин приступил к осаде столицы провинции. Дунгане и поддерживавшие их сторонники создания Исламского государства предприняли несколько штурмов. По свидетельствам участников боев, во время последнего штурма цепи дунган были связаны веревками, живые тащили на себе раненых и убитых. Китайцы и русские, защищавшие город, также понесли серьезные потери. В последних числах января положение блокированной столицы Синьцзяна значительно улучшилось: Ма Чжунин вынужден был бросить значительные силы против наступавших по чугучакскому тракту «алтайцев».

О боевых действиях советских летчиков рассказал один из участников этих событий Федор Полынин, удостоенный в ноябре 1938 года звания Героя Советского Союза за боевые действия против японской авиации в Китае: «В Синьцзяне вспыхнула... междоусобная война. Генерал Ма Чжуин (так в тексте. — *Авт.*), подстрекаемый японскими милитаристами, поднял вооруженный мятеж против провинциального правительства... Губернатор провинции Шэн Шицай просит о помощи... Подлетая к городу (Урумчи. — *Авт.*), мы увидели у крепостной стены огромные толпы людей. Позади штурмующей пехоты гарцевали всадники... Снижаемся и поочередно начинаем бросать в гущу мятежников 25-килограммовые осколочные бомбы. Видим, толпа мятежников отхлынула от стены и бросилась бежать. На подступах к крепости отчетливо выделялись на снегу трупы. У самой земли мы сбросили последние бомбы. Мятежники как будто обезумели от внезапного воздушного налета... Вскоре мятеж был подавлен. В честь победы был устроен большой

прием. Губернатор провинции наградил всех советских летчиков, участников боевых действий».

В январе 1934 года группа войск Красной армии и частей ОГПУ, усиленная бронетехникой, авиацией и артиллерией, перешла границу. Среди частей, вошедших в «Алтайскую добровольческую армию», был отряд 13-го Алма-атинского кавалерийского полка в составе двух пеших сотен, артиллерийской батареи и нескольких пулемётных расчётов. Подразделение возглавил начальник штаба полка Иван Глаголенков. Впоследствии дослужившийся до полковника Глаголенков вспоминал: «Поход проводился строго секретно. Поэтому от всех участников были отобраны подписки о неразглашении». В конце 1933 года отряд сосредоточился в пограничном поселке Бахты, где от руководителей операции получил указания перейти на территорию Синьцзяна. Для маскировки красноармейцев и командиров переодели не в военную форму с погонами, а в гражданскую одежду — теплые рубахи, брюки, ватные пальто и шапки-ушанки. Все документы — удостоверения личности, партийные и комсомольские билеты, награды, а также личные письма были изъяты и сданы на хранение в штаб полка.

Красные командиры-чекисты получили офицерские «белоэмигрантские» звания — от прапорщиков до полковников. При обращении подчиненных к своим командирам слово «товарищ» заменялось на «господин». Глаголенков получил неофициальное звание майора — чин, которого не было в русской армии перед революцией и в белой армии.

Марш на Урумчи был комбинированным: часть пути подразделения чекистов проделали на грузовых машинах, часть — пешим порядком. Отряд с воздуха поддерживало звено бипланов Р-5 эскадрильи войск ОГПУ.

В первых боях «алтайцы» понесли большие потери, столкнувшись с партизанской тактикой действий дунган-

ских отрядов или даже путая их с китайскими войсками. Однако неудачи были единичными. Отряд Глаголенкова овладел городком-крепостью Санжи, в 30 километрах от Урумчи. Наступление в сторону осажденной столицы подразделения 13-го кавполка вели совместно с полком, укомплектованным белоэмигрантами и их потомками. Дунгане остановили «алтайцев» у селения Тотунхо на берегу одноименной реки. Отряды Ма Чжунина построили оборону, чтобы остановить колонну противника, намеревавшуюся деблокировать осажденный Урумчи.

Глаголенков вспоминал: «Позиция дунган для обороны очень выгодная. Нам предстояло под огнем противника преодолеть широкую заснеженную пойму и, атакуя укрепления повстанцев, взбираться по крутому обрыву. Мы превосходили противника в артиллерии, но использовать её полностью не позволял недостаток снарядов. Поэтому командиру батареи разрешили израсходовать на артподготовку 20–30 снарядов».

Ожесточенные бои в районе Тотунхо продолжались с переменным успехом в течение нескольких дней. Как вспоминал впоследствии младший командир 13-го полка Яков Гриценко, упорные бои развернулись также под Кульджой, где противник из-за слабости китайской части или из-за измены прорвался к батарее и изрубил артиллеристов. «Потери у нас были немалые, разведчики рассказали о страшных вещах, которые творили мятежники с захваченными в плен бойцами и командирами. Наши товарищи побросали замки от орудий в снег, потом замки отыскали и из орудий можно было стрелять, но наши товарищи были страшно изуродованы, некоторых нельзя было узнать — выколоты глаза, отрезаны носы, языки, половые органы, вспороли животы и потом приставили к стволам деревьев. После такой картины мы дали клятву не сдаваться живыми и при себе имели резервную гра-

нату, чтобы взорваться вместе с экзекуторами», — писал бывший пулеметчик Гриценко. Затем наступило затишье. Воспользовавшись передышкой, руководители операции перебросили наступавшим подкрепления: подразделения 13-го и 19-го Ферганского кавполков, а также батарею 10-го полка ОГПУ. Свежие формирования объединили с уже обстрелянным в боях с мятежниками отрядом в сводный полк. Его возглавил «господин майор» Иван Глаголенков.

8–9 февраля наступление возобновилось. «Бои носили исключительно ожесточённый характер. Однако к исходу дня пехоте удалось сломить сопротивление противника и ворваться в хорошо укрепленную деревню Тотунхо. Противник отступил. Поражение конницы Ма Чжунина (по агентурным данным, более тысячи всадников) стало переломным моментом в ходе боевых действий. Новое наступление увенчалось успехом, «алтайцам» удалось прорваться к Урумчи и деблокировать столицу Синьцзяна 11 февраля.

Гриценко вспоминал: «На подступах к Урумчи мы увидели страшную картину, у стен города валялись трупы в разных позах, около 2000 человек, трупы свозили в штабеля и сжигали, зловоние было невыносимое, мы попросили командиров увести нас».

Кроме того, на территорию Синьцзяна были переброшены отошедшие под натиском японской армии из оккупированной Маньчжурии и интернированные в декабре 1932 года на территории СССР части «охранных войск Китая» под командованием генерала Су Бинвэя: 4117 человек, в том числе 11 генералов, 17 полковников, 389 других военных чинов и гиринской группы войск под командованием генерала Ли Ду. Эти соединения насчитывали не более 10 000 человек, но они имели боевой

опыт (пусть и неудачный) войны с современной армией, отличались лучшей выучкой и дисциплиной. Советское правительство первоначально планировало отправить интернированных в Китай. Однако впоследствии из-за обострения ситуации в Синьцзяне Политбюро перебросило их на северо-запад, на театр боевых действий. Переброска нескольких тысяч кадровых солдат под командованием опытных офицеров усилила провинциальные войска и укрепила положение официальных властей провинции.

36-я дивизия отступила на юг. Повстанцы попытались перехватить инициативу, перенеся центр боевых операций на запад Синьцзяна — в район Кашгара. Начались боевые действия между недавними союзниками, дунганами и уйгурами, которыми руководил Ходжа Нияз. Из разведывательных сводок полпредства ОГПУ в Средней Азии и разведотдела штаба Среднеазиатского военного округа складывается картина междоусобной борьбы, каждая из сторон которой пыталась обратиться к Советскому Союзу за помощью, чтобы получить оружие, военных инструкторов и политическую поддержку. В сводке от 25 марта 1934 года указывалось: «Отряды Ходжи Нияза занимают фронт 30–40 км сев-вост<очнее> и вост<очнее> Кашгара. ...Отсутствие инструкторского состава и малочисленность оружия толкают Нияз Ходжу к блоку с хотанцами (уйгурами из хотанского района. — *Авт.*), что может привести к росту влияния англичан на Ходжу Нияза».

Как отмечалось в другой сводке, Ходжа Нияз 17 марта направил в советское консульство представителя с сообщением о намеченном движении к Иркештаму, пограничному пункту на советско-синьцзянской границе на территории нынешней Киргизии, с целью получить от СССР оружие и помощь в дальнейших действиях. Ходжа Нияз намеревался выслать в Иркештам своего представителя

для информирования советских властей об обстановке. В сводке констатировалось: «Положение Нияза в связи с возможным подходом к Кашгару Ма Чжунина угрожает разгромом ниязовцам… Сил у Нияза достаточно, но они не организованы и небоеспособны. Преградить путь отступающим частям Ма Чжунина Нияз не сможет даже при помощи ему оружием, без опытных людей это не даст положительных результатов». По данным советской разведки, в бою 5 февраля 1934 года несколько тысяч уйгур Ходжи Нияза бежали от 600 дунган.

Руководство полпредства ОГПУ поручило начальнику пограничной комендатуры и оперсектора не вступать в официальные переговоры с Ходжой Ниязом, предложить ему оставаться на китайской территории в городке Симхан, при невозможности удержать его принять на нашу сторону и интернировать, разоружив, уйгурские отряды во избежание провокаций.

Ма Чжунину удалось вытеснить отряды Ходжи Нияза и в мае 1934 года занять Кашгар и прилегающие территории, но вскоре под натиском китайских войск и поддерживавших их советских и белых частей он вынужден был отступить. 10 июля 1934 года вождь повстанцев, которого некоторые исследователи называли «дунганским Бонапартом», перешел границу с небольшой группой сторонников в районе Иркештама, сдался советским властям и был интернирован. Шен Шицай потребовал выдачи Ма Чжунина, но получил отказ. Причина была не только в гуманности Москвы. Советские власти, вероятно, намеревались сохранить противовес дубаню и возможность прямых переговоров с 36-й дунганской дивизией. После интернирования Ма Чжунина и группу его соратников перевезли в Москву и поселили на подмосковной даче.

Осенью 1935 года заместитель наркома по иностранным делам Борис Стомоняков написал наркому обороны Клименту Ворошилову: «Как вам известно, вопрос о группе Ма Чжу Ина (так в документе. — *Авт.*) разрешился вполне благополучно. 3 человека из состава группы выехали в Хотан с поручением Ма Чжу Ина добиться полного умиротворения на юге Синьцзяна и подчинить дивизию Ур<умчинскому> П<равительству>. Сам же Ма Чжу Ин решил остаться у нас для пополнения своего образования в особенности для военной учебы. Теперь необходимо решить вопрос об организации подготовки Ма Чжу Ина». Учитывая необходимость сохранения секретности пребывания Ма Чжунина в СССР, замнаркома предложил организовать индивидуальное обучение генерала. Он просил Ворошилова «прикрепить к Ма Чжу Ину по специальному отбору преподавателей высших военно-учебных заведений, которые и будут вести с ним занятия». «Синьцзянская комиссия считает, что Ма Чжу Ина надо по-прежнему оставить на даче под Москвой и без выезда в Москву организовать его обучение. Ма Чжу Ину имеется в виду преподать необходимую сумму знаний по вопросам социально-экономическим, истории военного искусства, строительства вооруженных сил, тактике, топографии и общеобразовательным предметам», — резюмировал Стомоняков.

После деблокады Урумчи части Красной армии сражались вместе с бывшими белыми и их детьми в составе «Алтайской добровольческой армии». Тем не менее по согласованию с советским генеральным консульством командир русского отряда полковник Паппенгут, занимавший жесткую антисоветскую позицию, был отстранен от должности и расстрелян, а его место занял более лояльный Николай Бектеев, который вскоре получил ге-

неральский чин и разрешение дубаня тратить на себя значительные суммы из предназначенных на «представительские» расходы.

По словам Якова Гриценко, «алтайцы» участвовали во взятии городов Аксу и Турфан, их пулеметы были установлены в кузовах полуторок. Подразделения войск ОГПУ дошли до Кашгара. Бойцов и командиров, выслуживших срочную службу, уволили в запас после возвращения на Родину.

Политбюро указало в Постановлении от 1 апреля 1934 года: «Считая операцию в Синьцзяне успешно завершенной, полагать необходимым отметить наградами личный состав частей, участвовавших в операциии, выдав бойцам по 300 руб., младшим командирам — по 500 руб., среднему, старшему, высшему начальствующему составу — по двухмесячному окладу. Особенно отличившихся бойцов представить к орденам Красного Знамени и Красной Звезды... В связи с настоятельными просьбами дубаня разрешить получение награных денег, предназначенных алтайцам урумчинским правительством». Советские подразделения «Алтайской добровольческой армии» возвратились в конце апреля на родину. Из Синьцзяна не вывели лишь один кавалерийский полк «алтайцев» (около 350 человек с конной батареей), который усилил китайскую группировку, действовавшую в районе Аксу — Уч-Турфан. Уровень оснащения и боевой подготовки китайских воинских частей оставался низким. В докладе о результатах осмотра 12-го пехотного полка в Турфане в мае 1934 года отмечалось: «Рядовой и даже офицерский состав обеспечен чрезвычайно плохо. Почти единственной пищей солдат является 1,5 фунта муки в день, т. к. за 3 лана, выдаваемых на приварок, ничего купить нельзя. ...Никаких стрелковых приборов в полку нет, а потому и методически поставленных занятий по стрелковому делу не проводит-

ся, несмотря на то, что стреляет рядовой состав плохо. Из отобранных командирами рот 11 лучших стрелков с дистанции в 100 м лишь один поразил мишень головного размера, один не попал даже в крепостную стену, и два положили пули свыше метра от мишени». Чтобы укрепить китайские войска, обучить их современной тактике и обращению с новыми видами вооружения, в провинции оставили матчасть выведенных на родину советских подразделений. На период от полугода до года в китайские части были направлены 8 летчиков, летчиков-наблюдателей и механиков, 18 водителей бронемашин и командиров башен, 15 общевойсковых командиров, 6 артиллеристов и 3 пулеметчика.

Войска провинциального правительства дополнительно получили из СССР 4 самолета Р-5, 3 горные пушки, 17 станковых и 12 ручных пулеметов, 12 ружейных гранатометов, а также значительное количество боеприпасов.

Среди военных советников самыми заметными фигурами были старший военный советник дубаня, разведчик Ади Каримович Маликов и будущий маршал, дважды Герой Советского Союза Павел Семенович Рыбалко, получивший псевдоним Фу Дзихуй.

Вот одна из бесед Маликова и Шен-Шицая:

«...Маликов: надо создать видимость наступления не русских, а сартских (узбекских. — *Авт.*) и китайских частей для освобождения Кашгара.

Шен-Ши-Цай: сарты в таком случае успокоятся, видя, что они сами освобождают себя от Ма-Чжу-Ина...»

В июне 1934 г. Бектеев был назначен командующим Южным фронтом, его помощником был назначен Павел Рыбалко, чье советское происхождение дубань и старший военный советник приказывали скрывать. Официально Рыбалко назывался «русским генералом китайской службы».

Русский отряд в составе четырех белых полков и конного артиллерийского дивизиона численностью 2200 человек в ноябре 1934 года свели в полк под командованием аполитичного полковника Чернева. Многие бывшие белогвардейцы и их дети самоотверженно сражались за интересы другой страны, нередко неся значительные потери, вместе с красноармейцами, сотрудничали с советскими инструкторами ради возвращения на Родину. Другие русские надеялись, что после победы их оставят в покое и предоставят большие земельные участки на обширных малоосвоенных или заброшенных во время войны территориях.

Восстание дунган удалось подавить и благодаря тому, что их действия во многих районах вызвали недовольство крупнейшей этнической группы Синьцзяна — уйгуров, которые при поддержке синьцзянского правительства сформировали кавалерийскую дивизию, сыгравшую большую роль в боевых действиях, что не раз отмечал и командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Бектеев.

Дубань хочет дружить

Шен Шицай сразу после прихода к власти в апреле 1933 года обнародовал шесть принципов, по которым должна была строиться власть в провинции:

- Борьба с империализмом
- Дружба с СССР
- Расовое и национальное равенство
- Борьба с произволом и взяточничеством
- Борьба за мир
- Строительство новой экономики

После замирения большей части территории дубань конкретизировал программу действий. Теперь она включала 10 пунктов:

1. Равноправие всех нардов Синьцзяна.
2. Соблюдение равноправия национальностей при приеме на работу и оплате труда.
3. Свобода печати, слова и собраний.
4. Отмена незаконных постановлений прежнего правительства.
5. Улучшение путей сообщения, повышение жизненного уровня народа.
6. Разведка и разработка недр для обеспечения экономической независимости.
7. Помощь крестьянству.
8. Дружественная внешняя политика по отношению к соседям.
9. Развитие просвещения и народного образования.
10. Создание совместной с центральным правительством Китая финансовой системы.

Разговоры о равноправии народов провинции и борьбе с произволом не мешали Шен Шицаю расправляться с политическими и конфессиональными противниками. В июне 1934 года по его приказу в Аксу были казнен Сабит Домулла и министр юстиции правительства ТИРВТ Зариф Кари. Тем не менее именно при Шен Шицае неханьские народы провинции были после долгого перерыва допущены к государственным должностям. Кроме того, самоуправление в национальных уездах и округах было допущено не только на низовом (старосты кишлаков, родов и аулов) уровне, но и на среднем — волостных и уездных начальников.

В феврале 1934 г. Генконсул в Урумчи Георгий (Гарегин) Апресов написал в Москву, что Шен Шицай устроил в своем кабинете «красный уголок» с портретами Маркса, Ленина и Сталина и ведет разговоры о вероятности советизации

провинции. Вскоре дипломат получил ответ из Кремля за подписью Сталина, Молотова и Ворошилова. Советские руководители указали, что твердо поддерживают территориальную целостность Китая, считают разговоры о советизации Синьцзяна или его присоединении к советским районам Китая опасными и намерены поддерживать Шен Шицая, пока он будет вести борьбу против агентов империализма и потребовали, чтобы Апресов зачитал письмо дубаню.

В июне Шен Шицай отправил Сталину, Молотову и Ворошилову послание, в котором поблагодарил их за помощь в умиротворении Синьцзяна и разгроме «бандита Ма Чжу Ина» и попытался разъяснить им свое мировоззрение. Дубань уверял советских лидеров, что изучал ключевые работы Маркса, Энгельса и Ленина и стал приверженцем марксизма. «Моя вера в торжество идей коммунизма и мое твердое решение вести борьбу для уничтожения капитализма и империализма являются моим твердым, установившимся мировоззрением», — утверждал Шен Шицай. Губернатор Синьцзяна указывал, что несмотря на его назначение правительством Чан Кайши он намерен направить все силы для его свержения из-за его капитуляции перед Японией и выражал согласие управлять Синьцзяном под руководством Коминтерна, помогать советским районам в провинции Цзянси. «Я твердо решил бороться за создание в провинции опоры Коминтерна… Мое решение заключается в том, чтобы в мирное время создать из Синьцзяна прочный барьер на юго-западе (вероятно, ошибка переводчика. — *Авт.*) СССР, а на случай войны быть авангардом Коминтерна в боях с империалистическими странами…»

Шен Шицай выразил желание вступить в ВКП(б) и встретиться со Сталиным и его соратниками. Он пред-

лагал в ускоренном порядке распространить коммунизм в Синьцзяне и после успешной реализации этой программы — далее, на граничащие с Синьцзяном провинции Ганьсу и Шэньси, бывшие советские районы, находившиеся под управлением компартии Китая. Для начала дубань предлагал назначить на ответственные посты в армии, госаппарате, вузах и ключевых учреждениях коммунистов.

Однако инициативы Шен Шицая вновь не встретили поддержки в Москве. 27 июля Сталин, Ворошилов и Молотов в очередном послании отметили, что считают мнение о возможности скорейшего установления коммунизма в провинции неправильным из-за ее экономической и культурной отсталости. «В Синьцзяне можно осуществить только буржуазно-демократический режим, да и то постепенно, путем неимоверных усилий и настойчивой работы в хозяйственной и культурной области». Советские руководители также назвали ошибочным стремление Шен Шицая свергнуть правительство Китая, которое вело борьбу с японскими империалистами, поскольку это, по их мнению, ослабляло способность государства бороться с захватчиками. «Мы Вам советуем держаться в отношении Нанкинского правительства полной лояльности и единого фронта с ним в борьбе с империализмом», — подчеркнули Сталин и его соратники. Кроме того, они назвали его вступление в партию преждевременным и способствующим антикоммунистической агитации в провинции и в Китае в целом и посоветовали изъять из Устава созданного дубанем антиимпериалистического союза пункт о равноправии женщин, способный вызвать недовольство патриархально настроенных местных жителей. Дав вежливую отповедь Шен Шицаю, Сталин отчитал и генконсула Апресова: «Письмо Шень-Ши-Цая (так в документе. — *Авт.*) произвело на наших товарищей удру-

чающее впечатление. Его мог написать либо провокатор, либо безнадежный «левак», не имеющий представления о марксизме. Как могло случиться, что Шень, имеющий такого советника, как Вы, мог написать нам такое письмо?.. Вы должны донести Шеню смысл нашего ответа и принять меры к тому, чтобы указания, данные в нашем ответе, были приняты к руководству. Предупреждаю, что если наши указания не будут учтены, мы будем вынуждены отказаться от помощи Шеню».

Апресов оправдывался, отмечая, что пытался отменить или отложить отправку письма, но вынужден был уступить дубаню, который расценивал задержку как проявление недоверия. «Ваш ответ, посылка Вами и т.т. Молотовым и Ворошиловым ему фотокарточек возымели на него нужное действие, и он, успокоившись, взялся за работу, заявив мне, что не оставляет надежд вступить в партию». Апресов отметил, что Шен Шицай усердно изучает труды классиков марксизма и намерен сотрудничать с СССР в политической и экономической сферах. Помощь Синьцзяну, по мнению дипломата, оправдывалась не только военно-стратегическим значением провинции, но и возможностью использовать его как сырьевую и продовольственную базу для Советского Союза. «Разработка неисчерпаемых сказочных богатств сулит Синь-Цзяну (так в документе. — *Авт.*) богатейшую перспективу. В случае нужды углем и нефтью Синь-Цзяна мы сумели бы покрыть потребности не только Турксиба, но и среднеазиатских республик и Западной Сибири. В Синь-Цзяне известны 25 районов, где имеется золото. Разработка олова, радиевых и прочих ценных и нужных нам руд вернут те вложения, которые нами намечаются», — писал Апресов.

Шен Шицай, в свою очередь, поблагодарил Сталина за письмо, утверждал, что он осознал преждевременность

вступления в партию и намерен, тесно сотрудничая с Апресовым, полностью реализовать указания из Москвы.

Напряженная переписка дубаня с советским руководством шла параллельно с налаживанием дружественных отношений и принятием Совнаркомом и ведомствами программ помощи Синьцзяну. Восстановление хозяйства планировалось вести при активной поддержке СССР, заинтересованного в экономической и политической стабилизации на сопредельной территории. В июне 1934 года Совнарком принял решение «Об обучении синьцзянской молодежи в СССР», к началу 1940-х гг. в советских техникумах и вузах были подготовлены около 30 000 специалистов различных профессий.

Летом 1934 года в Синьцзян была направлена советская правительственная делегация во главе с видным партийным и государственным работником Александром Сванидзе, получившая помимо прочего две импортные машины для подарков членам провинциального правительства.

21 июля 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло «План мероприятий по оздоровлению Синьцзянского хозяйства», где предусматривалось выделить провинциальному правительству 5 млн рублей золотом сроком на 5 лет под 4% годовых. Планировалось построить электростанции в Урумчи и Кульдже, 7 радиостанций, 3 типографии, шелкомотальню в Кашгаре, начать разведку и разработку месторождений олова и золота. СССР в 1935–1936 гг. направил в провинцию оборудование для городской электростанции в Урумчи и временной в Кульдже. Стоимость оборудования, проектирования, возведения объектов и обучения работников превысила 117 000 золотых рублей.

Кроме того, предполагалось активизировать строительство дорог, крайне необходимые для восстановления

и развития сельского хозяйства мелиоративные работы, развивать земледелие и скотоводство. Для этого в Синьцзян были поставлены автомашины и механизмы для дорожного строительства на сумму 200 000 руб. Советский Союз оплачивал и сами работы, предоставив правительству Синьцзяна 600 000 руб. За счет этих средств было проведено расширение до 8,5 метров и покрытие гравием дороги Урумчи — Кульджа. В провинции были построены и другие трассы, которые можно было круглогодично использовать для автомобильного движения, транспортировки грузов из Советского Союза в Синьцзян и далее — на свободную от японской оккупации территорию Китая: Урумчи — Бахты, через Шихо, Чугучак протяженностью (652 км); Урумчи — Хоргос, через Кульджу (824 км); Урумчи — Зайсан, через Шара-Сумэ (972 км); Урумчи — Хами (768 км). СССР также поставил в провинцию оборудование для хлопкоочистительного и маслобойного заводов и передвижной лесопилки. В 1935 г. советское правительство с согласия Чан Кайши направило в Синьцзян противочумный отряд для борьбы с эпидемией. В крупных городах провинции открылись поликлиники и больницы с советским медицинским персоналом.

В сентябре 1935 года Политбюро разрешило приступить к разведке и разработке нефтяных месторождений в районе города Шихо. 17 марта 1936 года была организована геологоразведочная экспедиция особого назначения во главе с Дмитрием Перкиным. В постановлении особо отмечалось, что «вокруг экспедиционной работы и связанного с этим передвижения специалистов всемерно избегать создания шума».

Кроме нефти ей предписывалось вести поиски месторождений олова и вольфрама. В феврале 1937 года Политбюро намеревалось обсудить в Госплане вопрос о постройке рудника на синьцзянской территории и обогатительной

фабрики в районе Джаркента, соединив предприятия шоссе или узкоколейной железной дорогой.

Москва активно влияла и на политическую и военную политику провинциального правительства. В сентябре 1935 года Политбюро рекомендовало дубаню сократить армию до 10 000 человек, число советских инструкторов определили в 31. Синьцзяну были проданы 4 У-2, 8 двигателей, а также два пассажирских самолета.

В 1935 году генерального консула в Урумчи Гарегина (Георгия) Апресова секретным указом наградили орденом Ленина.

Получив указания из Москвы, Шен Шицай решил провести военную реформу, но настоял на существенных изменениях, прежде всего касавшихся ее параметров. Ему удалось убедить Москву, что армии в 10 000 человек будет недостаточно для контроля над обширной территорией провинции. После ухода 36-й дивизии на юг, в район города Хотан, Шен Шицай планировал сократить армию с 40 000 человек до 20 000, а не до 10 000, как предлагало Политбюро. Двойное уменьшение количества «едоков» предполагалось за счет увольнения солдат старше 35 лет и опиекурильщиков. Судя по документам штаба Среднеазиатского округа, Маликов фактически был не советником, а начальником штаба синьцзянской армии, разрабатывавшим планы ее реорганизации и новой дислокации. Эти планы утверждались не только в Урумчи, но и в разведывательном управлении РККА. По его же совету дубань намеревался переформировать 36-ю дивизию и в качестве бригады ввести ее в состав своей армии. Дальнейшая судьба Маликова была драматичной: в 1937 году его отозвали из Синьцзяна и перевели из Разведуправления за поддержку троцкистской резолюции на одном из партийных собраний в Военной академии в

1923 году. Бывшего разведчика, знавшего три восточных языка, назначили преподавателем тактики Рязанской пехотной школы. В июне 1938 года его арестовали и уволили из Красной армии, а в октябре 1939 году приговорили как «участника националистической террористической повстанческой военной организации» к 8 годам лагерей, в мае 1949 г. повторно осудили за принадлежность к иностранной агентуре к ссылке в Красноярский край. В 1954 году он был реабилитирован, до смерти в январе 1973 года жил в Москве.

Нововведения Шен Шицая и способы их реализации неоднозначно воспринимались разными слоями населения. Мероприятия нового правительства облегчили жизнь русских эмигрантов. В частности, провинциальное правительство наделило казаков и русских крестьян участками из пустовавшего земельного фонда. Казаки, осевшие в районе Чугучака, сеяли на поливных землях пшеницу, овес, просо, занимались бахчеводством и вернулись к дореволюционному устройству жизни, на Алтае, как и прежде замкнуто, жили старообрядцы.

По свидетельству Василия Петрова, в Чугучаке открыли русскую школу в конфискованном доме уйгура Мамут-ахуна, подозревавшегося в связях с повстанцами. «В двух комнатах стояли парты из свежеструганных плах, два стола и черные классные доски. Оказалось, что родители в складчину купили материал, сами сделали парты и столы, а заведующий школой подыскал учителей, решив вопрос с их оплатой. Обучение в школе было бесплатным. Заведующим был Михаил Степанович Назаров, оренбургский казак, нагайбак, человек строгий, энтузиаст просвещения и отличный организатор». Учебники присылали из Харбина, писчебумажные принадлежности — из Совсинь-

торга. Впоследствии местные власти начали проводить межнациональные предметные олимпиады, задания переводили на языки народов Синьцзяна, призами победителям были книги и письменные принадлежности.

В 1935 году в Чугучаке открыли первый кинотеатр, чуть позднее заработала городская электростанция. Вскоре в Урумчи была создана гимназия для детей русских эмигрантов, готовившая их к поступлению в местный университет. Обучение шло по программам дореволюционных классических гимназий. Китайский язык преподавался как иностранный, на высоком уровне, успешному его освоению способствовало постоянное общение с китайцами. В 1937 году гимназию закрыли после ареста ее директора Федора Собинова, но ее учеников не распустили, а передали подготовительному отделению университета.

В городах началась борьба с наркоманией, общественные опиекурильни закрыли, трубки, лампочки и прочее публично сожгли. Употребление наркотиков, ставшее традицией, победить не удалось: уйгуры продолжали баловаться анашой, китайцы — тайно курить опиум, но в городах из-за суровых наказаний «забалдевшие» исчезли с улиц. По свидетельствам очевидцев, быстро развивалась торговля. Совсиньторг в обмен на сырье поставлял товары широкого потребления и предметы роскоши. Казахские богатые семьи оделись в темно-вишневые камзолы и платья из тонкого шифона. На уйгурах запестрели халаты разной расцветки. Специально для китайцев Совсиньторг поставлял водку повышенной крепости в 56 градусов. В Синьцзяне появились и советские грузовики ГАЗ и ЗИС, шоферами на которых были русские парни.

Впрочем, торговля не обходилась без шероховатостей. Весной 1935 года в докладе заготовительной конторы Совсиньторга отмечалось, что отправленная в провинцию для продажи техника оказалась низкого качества, неком-

плектной или повреждена при транспортировке, что создавало трудности при реализации высокотехнологичных для того времени товаров: радиоприемников (к ним отсутствовали аккумуляторы), соломорезок и швейных машинок. Кроме того, в нем указывалось на поступление ружей без патронов, патефонов без пластинок и велосипедов без покрышек. Иногда взаимные поставки оборачивались анекдотическими эпизодами: одна из среднеазиатских фабрик отправила в провинцию тюбетейки с пятиконечной звездой, а советская сторона отказалась принимать ковры и ткани из-за орнамента со свастикой.

Однако быстро восстановить мирную жизнь и организовать нормальную работу органов госуправления на местах не удавалось. Традиционную жестокость к некитайскому населению и мздоимство чиновников невозможно было победить за короткий период одними указаниями провинциальных властей. Положение в северо-западной части Китая оставалось сложным. Это во многом объяснялось действиями новых властей. Объявляя себя поборником принципов Советской власти и марксизма, Шен Шицай и его сторонники трактовали их весьма своеобразно. Например, на должность начальника Курлинского уезда в 1934 году был назначен молодой человек весьма приятной наружности и получивший сносное по местным меркам образование, громко клявшийся в верности «шести принципам Шена». Известный местному населению как пассивный гомосексуалист, он стал активно проводить политику новой власти. Жители уезда вскоре получили понятие об этих принципах. Как сообщал один из военных советников Виктор Обухов (впоследствии командир гвардейского механизированного корпуса и Герой Советского Союза): «...Новые власти переняли все худшее из методов старых китайских начальников уездов. Пытки и избиения

арестованных с целью добиться признания применяются ими больше, чем прежде. «Обычный» инвентарь судьи или начальника полиции состоит из ременной плети для битья по щекам, трехгранной палки для битья по бедрам, колотушки для битья по щиколоткам и колодки для зажима ноги, наконец, станка для удержания подозреваемого, вернее истязаемого при зажатии голеней».

Обычно эти «инструменты следствия» находились в углу судейской комнаты или рядом со столом. Новые руководители, по свидетельствам советских инструкторов, делали из них предмет наглядной агитации: уже упоминавшийся начальник Курлинского уезда аккуратно развесил их на стене под знаменами и портретами Сунь Ятсена, Шен Шицая и Сталина. На вопрос советника о предназначении этих предметов уездный начальник ответил: «С этим народом без палки никак нельзя». Он, равно как и некоторые другие уездные начальники и губернатор Аксу (местность на юго-востоке Синьцзяна), лично участвовал в следствии и к старым китайским пыткам добавил собственное изобретение — прибивание за ухо к стене. Даже на зданиях полицейских участков вывески заменялись выкрашенными в красный цвет трехгранными палками (представим себе отделение полиции, на входом которого болтаются резиновые дубинки). Разумеется, это вызывало негативную реакцию местных жителей.

Сокращение китайской армии встретило сопротивление части подлежащих увольнению солдат и офицеров, опасавшихся остаться без средств к существованию после потери места службы. Одновременно нарастало недовольство в населенных уйгурами и дунганами районах, не было спокойно и в 36-й дивизии.

Военные вместе с политическим руководством СССР продолжали внимательно следить за ситуацией в Синь-

цзяне. Они предполагали возможность обращения Китая к Советскому Союзу за содействием в оснащении армии современным вооружением и его освоении и заранее прорабатывали варианты передачи вооружения и боевой техники и готовили каналы их переправы на большие расстояния. Господство японского флота на море и позиция Великобритании и Франции затрудняли переброску помощи Китаю морем или через французские и британские владения — Индию и Вьетнам. Синьцзян, несмотря на очевидные трудности пустынной местности и малоразвитой дорожной сети, оказывался наиболее реальным и безопасным вариантом переправы танков, орудий и самолетов.

Как сообщалось в донесении разведывательного отдела Среднеазиатского ВО в начале декабря 1935 г.: «Положение Синьцзяна характеризуется враждебными отношениями двух военных группировок: Урумчинского правительства и 36 дунганской дивизии, распространяющей свою власть на Хотанский округ. 36 дивизия пришла из Ганьсу, после поражения у Урумчи и неудачных боев в других округах в мае 1934 г. вынуждена была отойти на юг, а ее командир после переговоров интернировался в СССР. К моменту отхода в Хотан дивизия насчитывала около 6 тыс.человек, 20-25 пулеметов и 10-12 старых пушек... За время своего пребывания в Хотанском округе дивизия основательно ограбила округ поборами и налогами. Этим она вызвала недовольство населения (уйгуры составляют абсолютное большинство). В командовании дивизии несколько группировок (по вопросу оставления Хотана и возвращения в Ганьсу). Тем не менее дивизия остается боеспособной и может противостоять силам Урпра (Урумчинского правительства. — *Авт.*)...

С мая сего года начались переговоры Урпра с дивизией. Они окончились безрезультатно. Дивизия не хочет усту-

пать в каких-либо вопросах и продолжает независимое существование. Возможно, дивизия готовится к захвату Кашгарии.

Положение Урпра за 1935 г. заметно укрепилось. Разоренное в результате войны сельское хозяйство восстанавливается, заметно оживление торговли. Благодаря предоставлению политических прав уйгурам, монголам и казахам национальные противоречия ослаблены. В период гражданской войны уйгурская кавалерийская дивизия сыграла важную роль.

Вместе с тем уйгурское национальное движение усиливается. Идея независимого Уйгуристана продолжает занимать важное место в головах многих уйгурских руководителей, даже сторонников Урпра... несмотря на увеличение жалования, обеспечение армии — нищенское, паек дает лишь около 1000 калорий, казармы необорудованы, без постельных принадлежностей. Все солдаты — вшивые. В армии имеется около 16 000 винтовок, 107 ручных и 130 станковых пулеметов, 50 орудий (большей частью неисправные), 6 бронемашин и 6 самолетов. Оставленные «алтайцами» горные пушки и бронемашины без ремонта к бою непригодны...

В настоящее время удовлетворяется военный заказ Урпра, заменяются самолеты, требующие ремонты на новые, кроме того, будет поставлено еще 7 У-2 и Р-5, 6 горных пушек, 2000 английских винтовок, 15 станковых и 30 ручных пулеметов, 4 бронемашины «ФАИ», снарядов — 5 тыс. штук, патронов — 9 млн. штук. Для поднятия боеспособности войск дубанем были приглашены командиры из частей РККА и НКВД, сейчас их насчитывается 28 человек, из них 15 подлежат замене...»

В докладе о положении в Кашгаре советник при Кашгарском военном округе Павел Рыбалко, будущий выдающийся танковый военачальник и маршал, отмечал, что борьба

между различными течениями в Кашгарской провинции закончилась победой лидера уйгурского национального движения Мамут Сиджана и близкого ему по настроениям командования уйгурской кавдивизии. Проанглийская группировка, выступавшая также за поддержку 36-й дивизии против Шен Шицая, была разгромлена в результате арестов, великоханьцы во главе с экс-губернатором Ма Шаоу частью перешли в СССР, другие бежали. Кроме них были разгромлены узбекская, таджикская и киргизская национальные группы, связанные с бежавшими из Советского Союза лидерами басмачей. Сам Мамут Сиджан и руководитель национального комитета Гафур Дамулла (Домулла) негативно относились к китайцам, по утверждению Рыбалко: «Если бы ему сказали: начинай строить Уйгуристан, а мы тебя поддержим, через пару месяцев ни одного китайца в провинции бы не было». Однако Мамут Сиджан и его приближенные понимали, что в сложившейся ситуации вынуждены подчиниться дубаню. Рыбалко в тот период считал уйгурского лидера деятелем, способным объединить все прогрессивные элементы местного населения, в том числе и среди духовенства, пытавшимся освободить свой народ при поддержке СССР. Советский представитель называл Мамут-Сиджана главной опорой провинциального правительства в Кашгарии и сетовал, что в Урумчи не все понимают этой роли уйгурского вождя. «Мамут Сиджан — фигура, с которой следует считаться, Мамут — наше завоевание, подчинен нашему влиянию и работать с ним надо так, чтобы его не потерять», — резюмировал Рыбалко. Уйгурская кавдивизия к октябрю 1935 г. насчитывала более 3500 человек, имевших на вооружении 2804 винтовки (еще 500 — в запасе), половину которых советские представители считали неисправными, и 13 пулеметов. Кроме того, боеспособность дивизии ограничивалась малым запасом патронов (230 000), при-

чем в пулеметной команде на пулемет приходилось всего по одной ленте (250 патронов).

Рыбалко считал необходимым сформировать в дивизии три полка вместо имевшихся четырех, ввести в каждый из полков советского старшего инструктора из числа опытных командиров эскадронов, а также перевооружить полки винтовками одинакового образца, а также пополнить каждый полк взводом станковых пулеметов, а каждый сабельный эскадрон — ручным пулеметом. «Думаю, что такой реорганизации Мамут-Сиджан не будет противиться», — полагал Рыбалко. Боеспособность оставшихся в Кашгарии китайских частей он оценивал низко из-за слабости офицеров, хорошо вымуштрованных, но плохо обученных стрельбе и тактике. Более высоко советник оценивал боеготовность и выучку киргизского пограничного полка, несшего охрану синьцзянских рубежей и боровшегося против бандитизма в приграничных районах с СССР и Афганистаном.

Угроза номер 36

На юге провинции 36-я дивизия, временно отказавшись от активной борьбы с провинциальным правительством, продолжала оставаться очагом противостояния с Урумчи. По данным Рыбалко, она насчитывала около 15 000 бойцов и командиров, разделенных на три бригады, две из которых были укомплектованы преимущественно дунганами, а третья — наполовину уйгурами из северных округов провинции. В дивизии насчитывалось около 9000 винтовок, 48 пулеметов и 10 орудий. По сведениям советской разведки, одна из группировок комсостава во главе с командованием 1-й группы Ма Шенгуем и Ма Джаньсяном выступала за примирение с провинциальным правительством и за сотрудничество с Советским Союзом,

командование 2-й группы во главе с бывшим советником Ма Чжунина Бай Дзели и командиром группы Ма Сюном выступала против мира с Шен Шицаем и сотрудничества с СССР, а также требовала возвращения в Ганьсу, однако этому помешал комдив Ма Хушань, блокировавший горные переходы из Хотанского оазиса в Ганьсу частями 1-й группы. Бай Дзели, как отмечал Рыбалко, считал большой ошибкой выезд Ма Чжунина в СССР и налаживал контакты Ма Хушаня с англичанами, чтобы сделать их посредниками в переговорах дивизии с Урумчинским правительством. Несмотря на внутренние противоречия в дивизии, она оставалась сильным противником, с которым не могла справиться провинциальная армия. «Что надо делать с дивизией? Уничтожить ее сейчас невозможно, у дубаня нет таких сил, и такие части, которые могли бы это сделать, вряд ли когда-либо при нынешней политической обстановке появятся на юге Синьцзяна. Дивизия сейчас ведет переговоры не для действительного заключения мира, а для выигрыша времени. Ее внутреннее состояние таково, что ее можно взорвать изнутри. Для этого нужно повести работу по разложению дивизии, столкнуть лбами две группировки, усилить настроения за уход в Ганьсу и, если удобно, — даже помочь уйти некоторой части дивизии в Ганьсу… Если работу по разложению дивизии поставить по-серьезному и если уйдет хотя бы одна бригада, то за ней потянутся и остальные, а если возможно воздействовать через Ма Чжуина (так в документе. — *Авт.*), то это значительно ускорило бы ее уход. Работа это не легкая, но выполнимая. Для руководства этой работой нужен единый оперативный центр, находящийся здесь же в дивизии. Для этого необходимо добиться учреждения в Хотане конторы Совсиньторга», — писал будущий маршал. Впрочем, уход затрудняли опасения части командного состава перед возможными репрессиями со стороны Чан Кайши. В такой

ситуации и при смягчении позиции местных жителей к «чужакам» после ослабления грабежей, дивизия постепенно укрепляла свои позиции, проникалась исламистским духом и, опасался Рыбалко, могла предпринять весной 1936 года поход на Кашгар и Яркенд. Прогноз советского представителя в Кашгаре сбылся спустя год.

Наконец, в своем докладе Рыбалко крайне негативно отзывался о дисциплине и боевой выучке русского полка, переброшенного в ноябре 1935 г. из Марал-Баши в Аксу. По мнению советника, полк нечестно расплачивался за поставки фуража и продуктов, значительно занижая цены на них, а личный состав он обвинял в грабежах и насилии. Наконец, указывал Рыбалко, в полку около 400 человек, зараженных венерическими болезнями и неспособных к строевым и стрелковым тренировкам, но командир полка Чернев не увольнял их, по версии советника, чтобы не потерять жалование и продукты, выделявшиеся на небоеспособных солдат и офицеров.

Описывая состояние армии Шен Шицая, Рыбалко не сделал общего вывода об ее боеспособности, но отдельные пункты доклада, касающиеся качества вооружения и ухода за ним недвусмысленно указывали на весьма ограниченный военный потенциал китайских войск. В армии числились 20 838 винтовок разных образцов, в том числе 6619 трехлинеек, около 3000 английских, более 2000 японских и около 2000 немецких винтовок, 197 ручных и 130 станковых пулеметов, 50 орудий разных типов, в том числе 9 полевых и горных пушек 76 мм, 3 122-мм гаубицы и 6 37-мм мелкокалиберных орудий, а также 6 бронемашин ФАИ. Однако, отмечалось в докладе, 35% стрелкового оружия было малопригодным для боя из-за повреждения стволов и прицелов, а также прикладов, оружие, в том числе пулеметы, плохо чистилось (кроме частей, где боевую подготовку курировали советские инструкторы),

а орудия требовали капитального или среднего ремонта из-за износа стволов, повреждения или утраты панорам. Китайские орудия на неподвижных лафетах имели в большинстве своем малую скорострельность (7-8 выстрелов в час). Советники требовали отправить из СССР или произвести на месте смазочное масло и обучить солдат бережно ухаживать за оружием и боеприпасами, а оружейных мастеров — приемам цивилизованного ремонта.

Кроме того, Разведупр и управление ВВС Красной армии намеревались выяснить положение в провинции, чтобы выяснить степень вероятности обострения противостояния между Шен Шицаем и мятежниками и подготовиться к оказанию помощи дубаню и его армии.

В конце 1935 — начале 1936 гг. штаб САВО провел рекогносцировку аэродромной сети провинции. В представленном по ее итогам докладе указывалось, что в Синьцзяне имеется 27 аэродромов и посадочных площадок, из которых хорошо известны 13 в Шара-Сумэ, Чугучаке, Толу (Мапане), Кульдже, Шихо, Урумчи, Курле, Кучаре, Аксу и Марал-Баши. 6 аэродромов в Гучен, Хами, Пичане, Уч-Турфане, Манасе и Дурбульджине были оценены, как известные недостаточно, остальные 8, как признавали авторы отчета, «нам известны настолько мало, что составить на них описания и кроки пока не представляется возможным».

Большинство аэродромов были высотными, расположенными над уровнем моря от 500 до 1200 м, что вызывало значительное увеличение разбега при взлете и пробега при посадке, особенно при полной загрузке. «Исходя из изложенного, необходимо самолеты, предназначенные для работы в Синьцзяне, снабжать тормозными приспособлениями. От летного состава высотность аэродромов и их незначительные размеры требуют внимательного

взлета, особенно точного расчета и умения в совершенстве пользоваться тормозными приспособлениями», — указывалось в докладе.

Еще одной трудностью эксплуатации аэродромной сети провинции называлось несоответствие наибольшей протяженности господствующим направлениям ветров,из-за чего посадки часто приходится производить под сильным боковым ветром.

Кроме того, вследствие наличия на аэродромах мелкой гальки и отсутствия травяного покрова срок работы воздушных винтов уменьшался, а радиаторы требовали частой пайки, а зимой из-за сильных морозов на севере Синьцзяна возникали проблемы со снабжением водой.

Анализируя состояние авиационной инфраструктуры, в разведотделе САВО отмечали, что единственным оборудованным аэродромом можно считать только урумчинский. На аэродромах в Шара-Сумэ и Гучене летом 1935 года построили масловодогрейки и бензохранилища, на аэродромах Чугучак и Аксу есть только бензохранилища. Ангары, кроме Урумчи, отсутствовали. Местность, окружающая аэродромы в основном открытая, затруднявшая их укрытие и маскировку.

Когда обстановка в Синьцзяне стабилизировалась, обострилась ситуация в центральном Китае. В декабре 1936 года бывший командующий Маньчжурской армии генерал Чжан Сюэлян арестовал в Сиане Чан Кайши с требованием прекратить боевые действия против коммунистов. Шен Шицай поддержал мятеж Чжан Сюэляна, надеясь укрепить свою независимость и авторитет среди местных коммунистов. Однако СССР не поддержал мятежников, понимая, что мятеж против законного правительства ослабит и без того нестабильное китайское государство и его способность сопротивления натиску Японии. Шен Шицай

получил указание из Москвы: «Ответить Чжан Сюэ-ляну, обратившемуся к Вам за помощью, что Вы не одобряете его выступления и не можете к нему присоединиться». После длительных переговоров Чан Кайши был освобожден и согласился на создание единого фронта с коммунистами для борьбы с японскими оккупантами.

Конфликт в Синьцзяне также не был окончательно разрешен. Неурегулированность ситуации с 36-й дивизии, сохранение ее боевого состава привела к превращению занятой ей Хотанской области в обособленный анклав. По условиям мирного соглашения дунганские части, принимавшие участие в восстании, не были расформированы и, сохраняя весьма высокий боевой потенциал, подчинялись правительству весьма относительно. В Советском Союзе полагали, что справиться с нараставшим напряжением в этой дивизии может только сам генерал.

Замнаркома иностранных дел Стомоняков отмечал в письме генеральному консулу СССР в Синьцзяне Гарегину Апресову, что при содействии Ма Чжунина советские представители пытались добиться отъезда в СССР наиболее враждебных урумчинскому правительству командиров: Ма Хушаня, Бай Цзили (Бай Дзели) и других. Одновременно для разложения дивизии был разрешено возвращение находившейся в Советском Союзе группы Ма Шенгуя в Хотан и выезд из СССР на юг Синьцзяна других дунганских командиров из окружения Ма Чжунина. «Переговоры УРпра с 36 дивизией, к сожалению, протекают невероятно медленно. Дубань в этом виновен, пожалуй, не меньше 36 дивизии... Ма Джун-Ин (так в документе. — *Авт.*) послал в Хотан и Кашгар запросы о причине медленного развития переговоров и указание о необходимости их скорее привести к благополучному окончанию», — писал Стомоняков. В октябре 1935 года

Политбюро приняло новое постановление, касавшееся Синьцзяна и 36-й дивизии: «При содействии Ма Чжу Ина добиваться отъезда из Синьцзяна в СССР враждебных Синьцзянскому правительству командиров дивизии Ма Ху-Шаня, Бай Цзи-Ли и других, а также удовлетворить просьбу группы Ма Шэн-Гуя о поездке Ма Чжуина и допустить возвращение ее обратно в Хотан. Разрешить также выезд из СССР в Хотан дунганских командиров из окружения Ма Чжу Ина. Не дожидаясь заключения мира между 36-й дивизией и синьцзянским правительством, считать целесообразным немедленно завязать торговые связи с 36-й дивизией».

Осенью 1935 — весной 1936 гг. дунганский «Бонапарт» активно участвовал в попытках урегулирования многолетнего межнационального и меконфессионального конфликта в Синьцзяне. В феврале 1936 года Москва вновь советовала Шен Шицаю урегулировать конфликт с 36-й дивизией, но ни дубань, ни командование дивизии не проявляли особенного рвения в подготовке взаимовыгодного соглашения.

Обстановка в Хотанском округе описана резидентом Коминтерна, отчет которого о ситуации накануне нового мятежа сохранился в документах штаба САВО: «В результате прихода в округ 36-й дивизии китайской армии наступил период военной диктатуры и ничем не прикрываемого военного грабежа. Вся экономика, все народное хозяйство были подчинены интересам дивизии и ее командования, роль дивизии можно сравнить с прессом по выжиманию всего, что имеет хотя бы какую-нибудь ценность, путем обложения городов и кишлаков налогами на продовольствие, фураж, топливо и прочего, необходимого для содержания многочисленной армии и пополнения полуторагодичного запаса на складах.

Сверх налогов в порядке контрибуции дунгане берут сельскохозяйственное сырье (шерсть, кожи, изделия из хлопка), используя их на свои нужды. Продукция кустарной промышленности почти целиком идет на снабжение дивизии, а ценные виды сырья за счет обложения (налог в 25%) концентрируются на складах сатрапа (командира дивизии Ма Хушаня. — *Авт.*)

Городские кустари мобилизованы и работают на предприятиях Ма Хушаня на условиях рабского труда. Люди работают от темна до темна целыми семьями от 7 до 50 лет, зарабатывая только кукурузный хлеб и чашку болтушки из крупы, подвергаясь ежеминутной опасности порки надсмотрщиками-дунганами.

В военных мастерских, где ремонтируется оружие и изготовляется порох и гранаты, кустари представляют собой рабов. Тот, кто попал в них, считается погибшим для семьи, о нем можно услышать лишь случайно.

Население буквально задавлено страхом перед дунганами, не исключая крупных купцов, мулл и ишанов, готовых в любую минуту получить сотню-другую палок за малейшую провинность. Мирное соглашение с Урпра существенных изменений в жизнь округа никак не сказалось на повседневной жизни населения, единственное — прекратились мобилизации, дивизия подверглась переформированию и частичному сокращению.

Что же касается самой дивизии как вооруженной силы, то, полагаю, ее мощь несколько преувеличивается (на полях пометка начальника РО САВО Васильева — «это он верно сказал, мы действительно преувеличиваем силу дивизии». — *Авт.*), т.к., имея хорошо сколоченный состав физически крепких, вымуштрованных, чрезвычайно низкого культурного уровня людей, в техническом отношении дивизия очень слаба и значение важного фактора

дивизия может иметь лишь в случае общего благоприятного политического положения и надежного подавления враждебных дивизии элементов.

36-я дивизия состоит из штаба, 4-х кавбригад по 4 полка каждая, каждый из последних — по 4 сотни официальной численности 120 человек и реальной — 150–170, пехотной бригады из двух полков, особого (карательного) полка численностью 700 сабель, роты связи, транспортного батальона, роты охраны и артиллерийской батареи. Общая численность — 9500 вооруженных бойцов. Винтовки разных систем, английские, русские, японские, подобраны по полкам, пулеметы (14–18 штук) розданы по бригадам, палашами бойцы владеют в совершенстве, 5 орудий сведены в батарею, из них 4 крупповских и 1 русское 76 мм. По национальности — дунган — 55%, китайцев — 10%, уйгур — 35%, последние мобилизованы в Хотанском округе.

Дунгане делятся на ганьсуйцев (2000–2200 человек, из них около 500 заняты в гражданских учреждениях) и примкнувших к Ма Чжунъину после его прихода в Хотан. Вторые редко поднимаются выше командира роты.

Уйгуры не пользуются доверием, представляют в армии живую силу, используемую для караулов, уборки казарм, лошадей и муштры, в гражд. учреждениях — подставных лиц, в налоговом аппарате — озверелых бандитов — сборщиков налогов, беспощадно грабящих население, и шпионов полиции внутри населения.

После соглашения с Урпра дивизия была переформирована и передислоцирована:

1-я бригада — Каргалык, комбриг Ма Дишань, дунганин-ганьсуец, малограмотный, бригада считается надежной, вооружена русскими и английскими магазинными винтовками. Кони — гнедой масти.

2-я — Каракаш, комбриг — Ма Шенгуй по кличке «Утка», бригада и комбриг считаются самыми боевыми, вооружены винтовками русского образца, кони — буланые.

3-я бригада, Лобнор, командир — дунганин-ганьсуец, полных сведений о ней нет, бригада считается менее надежной, винтовки разных образцов. Кони серой масти.

4-я бригада — Керия, в ней наибольший процент уйгуров, кони вороные.

5-я бригада (пехотная), смешанная дунгано-уйгурская, несет охрану складов.

Карательный полк в Хотане — 700 сабель, имеет 4 ручных пулемета, имеет лучший конский состав, находится в привилегированном положении.

Рота связи в Хотане, 130 человек, среди ее состава только 14-16 человек мало-мальски знакомы с телефонно-телеграфным делом.

Артвзвод (батарея) около 50 человек.

Национальные противоречия сглаживаются жестокой дисциплиной, если группа солдат начинает говорить о жестокости дунган или отдельных командиров, ее тихо ликвидируют под видом перевода в другие части.

Политработа ведется через распространение ислама и беседы о том, что дунгане защищают ислам от угнетателей китайцев и большевиков. Комдив Ма Хушань — дунганин, 36 лет, зять Ма Чжунъина, очень энергичный и подвижный человек, уровень общего развития невысок, находится под сильным влиянием Бай Цзели. Подчеркивает авторитет Ма Чжунъина, надеется, что тот привезет с собой танки, аэропланы и патроны, что даст возможность встать на равную ногу с дубанем. Китайцев, особенно дубаня, и уйгур ненавидит, Мамут Сиджана среди своих называет «презренной собакой», боится Советского Союза.

Бай Цзели — дунганин из центрального Китая, когда-то окончил школу в Японии, самый развитый и культурный человек в дивизии, немного знает английский язык, военное дело. Большой дипломат в масштабе дивизии. Лояльность его к Советскому Союзу сомнительна.

Групповая борьба внутри дивизии есть, но наличие крепко спаянного ганьсуйского ядра, методы подавления всякой оппозиции, отсутствие вождей, способных провозгласить оппозиционное течение, заставляет рассматривать дивизию как достаточно сколоченное и организованное целое, для разрушения которого потребуется много усилий и условий. Кроме того, часть оппозиционеров (синьцзянских дунган) уволили из дивизии. Часть командования дивизии хотела бы продолжить авантюры против Урпра, но опасаются СССР, поддержку которым дубаня они чувствуют. Ма Шенгуй, Ма Сюин (замкомдив) лояльны СССР и против войны. Они восхищаются технической оснащенностью Красной армии.

Выводы:

Дивизия в сравнении с частями Кашгарского военного округа является вполне боеспособной и реальной силой. Удельный вес ее на юге Синьцзяна велик.

Использовать дивизию во время войны наши возможные противники смогут и без особых затруднений против нас.

Сельское хозяйство и ремесленная промышленность находятся в упадке, крестьяне сокращают посевы, пустыня быстро захватывает некогда обрабатываемые площади.

Недра (в том числе золотые и свинцовые прииски в Керии) эксплуатируются командованием дивизии.

С Англией торгуют, но покупать оружие опасаются из-за возможной реакции СССР, почва для японских опе-

раций есть, особенно среди дунган из центрального Китая. Подозрителен сам Бай Цзели, но сведения требуют изучения и проверки.

Хотан — самостоятельное государство, лишь номинально признавшее власть провинциального правительства».

Недовольством мусульманского населения против властей воспользовался один из руководителей уйгурской общины Мамут Сиджан (Сичжан). Сумев с помощью дубаня укрепить свое положение в Кашгарском округе, он вскоре стал тяготиться необходимостью делиться властью с Урумчинским правительством. Поэтому он перешел к опоре на духовенство и другие слои общества, недовольные попытками реформ, распространением просвещения среди местных жителей и продолжавшимися притеснениями китайцев. С середины 1936 года Мамут Сиджан и его сторонники приступили к агитации в пользу создания независимого уйгурского государства и организации своих сил. Для усиления фактически подчинявшейся ему 6-й кавдивизии он пытался получить оружие в СССР без ведома Урумчинского правительства, но получил отказ.

Тогда Мамут Сиджан начал налаживать отношения со своими прежними непримиримыми противниками — дунганами.

В полученной разведотделом штаба Среднеазиатского ВО копии радиограммы из штаба Кашгарского военного округа в Урумчи дубаню от 4 декабря 1936 года указывалось, что получивший военное образование в СССР командир 32-го кавалерийского полка 6-й кавдивизии Абдулла Умаров бежал в Каргалык, опасаясь за свою жизнь из-за происков сторонников Мамут Сиджана, оповестив местное полицейское управление о тайных совещаниях в штабе дивизии с Мамут Сиджаном. «Мамут Сиджан — феодал

и глубоко религиозный человек, он выясняет настроения командного состава, с подозрением относится к тем, кто поддерживает правительство, а тайные убийства для него обычное дело. Поскольку в СССР учились не только Абдулла и Иминьцзян, прошу Вас осветить и выяснить это дело».

В позднейших радиограммах указывалось о ежедневных ночных совещаниях Мамут Сиджана с начальником штаба 6-й дивизии Курбаном Самуджаном, командиром полка Саид Мамедом, секретарем Абдуллой Домулло, его братом Мусулбаем и рядом чиновников. Все совещания проходили секретно, вплоть до маскировки места и перемены одежды участникам. Посторонним было невозможно выяснить место совещаний и предмет обсуждения. Автор радиограммы просил срочно командировать в Кашгар военного советника с русским и уйгурским переводчиками, который находился бы в частях 6-й кавдивизии и мог бы без труда вести наблюдение за ситуацией в соединении.

В январе 1937 года резидент разведотдела штаба Среднеазиатского ВО сообщал, что власть Урумчинского правительства и дубаня в Кашгарской провинции укрепилась, обстановка успокоилась и почти полностью прекращен бандитизм. После соглашения с дунганами широкие слои населения поверили в наступление мира. Одновременно начали проявляться и другие настроения. После падения правительства Сабита Домуллы и его казни надежды сторонников создания уйгурского государства были развеяны. Мамут Сиджан стал понимать, что дубань не допустит двоевластия в Кашгарии, как и установления власти создателей независимого «Уйгуристана». С этого момента уйгурский лидер пытался создать ситуацию, когда провинциальные власти вынуждены были бы считаться с ним. Он начал сближаться с исламистскими элементами, начинается террор против тех, кто ориентировался на Урумчи.

Мамут Сиджан был недоволен сокращением дивизии, но широкой поддержкой протест не пользовался, народные массы сохраняли спокойствие.

Авторитетный мулла Абдугафур, собиравшийся ехать в Урумчи, был убит начальником штаба дивизии Курбаном Самуджаном по негласному указанию Мамута Сиджана, который все чаще и чаще начинает выступать как национальный вождь.

Все общавшиеся с консульством и военными советниками были взяты под подозрение. Командир 32-го полка Абдулла Умаров, считавшийся сторонником правительства, получив сведения о подготовке покушения, вынужден был бежать в Хотан. По непроверенным сведениям готовилась имитация восстаний в 32-м и 33-м кавполках, после усмирения которых Мамут Сиджан намеревался выдвинуть требования к дубаню.

«Большинство населения, кустари, крестьяне и ремесленники войны не хотят, понимая, что власть дубаня лучше власти Ма Шаоу, но в случае усиления исламистской и национальной агитации выступление возможно. Мамут Сиджан, бывший ранее опорой правительства, таковой сейчас не является. Среди части купечества имеется недовольство торговой политикой, временами — головотяпством советских торговых учреждений, оно обращает взоры на дешевый японский товар. Войска к войне малопригодны, но влияние Мамут Сиджана на них велико и повести офицеров за собой он сможет», — резюмировал резидент.

В марте 1937 года резидент Коминтерна в Синьцзяне, действовавший под псевдонимом Ли Чжан докладывал: «Военно-политическое положение на юге Синьцзяна в последние 2 месяца снова осложнилось.

Обстановка вокруг предполагаемой поездки Мамут Сиджана в Урумчи показывает, что Мамут Сиджан пыта-

ется отвести от себя удар, вызванный бегством Абдуллы Умарова...

Группа офицеров, близких Мамут Сиджану, из 33-го и 34-го полков получают деньги для раздачи солдатам и офицерам, начинают обработку последних, вызываются на секретные совещания. 31 января Мамут Сиджан выступил с явно антиправительственной речью на собрании учителей, устанавливается связь с Турфаном и Хотаном.

После получения телеграммы о поездке в Урумчи в городе начались демонстрации с просьбами «остаться», прекратившиеся по требованию консульства, а Мамут Сиджан попросил консула ходатайствовать об отложении поездки. Мамут Сиджан, кажется, нашел чем козырять в разговоре с растерявшимся правительством. Политика его выяснена, его связь с Хотаном установлена, характер и сущность связи неизвестны».

Кашгария против Шен Шицая

В начале апреля 1937 г. Мамут Сиджан поднял мятеж, однако его поддержали только два полка 6-й дивизии — 32 и 33-й, а два других остались на первых порах верны Урумчинскому правительству. В начале апреля провинциальные власти попытались урегулировать конфликт мирным путем, но Мамут Сиджан предпочел с горсткой сторонников уйти в британскую Индию. Одновременно сторонники Мамута Сиджана захватили группу эмиссаров дубаня, посланных в Кашгар для разрешения ситуации. В течение месяца после этого Урумчи не мог нащупать линию поведения и постоянно менял ее, теряя опору в населении. Видя неспособность и слабость властей, подстрекаемые агентурой Мамута Сиджана, простые уйгурские крестьяне и ремесленники при поддержке восставших

полков поддержали выступление, руководители которого не предполагали, чем оно обернется.

Обострение обстановки в Кашгарском округе обеспокоило Политбюро. 4 апреля 1937 года синьцзянский вопрос вновь обсуждался высшим руководством СССР. Кремль предложил дубаню обратиться к Мамуту Сиджану с призывом вернуться в Кашгар и вступить в переговоры для мирного урегулирования всех возникших у него вопросов и направить в Кашгар специальную делегацию, чтобы убедить лидера уйгуров, что полученные им сведения о враждебных намерениях урумчинского правительства отражают происки враждебных сил, стремящихся развязать новую гражданскую войну в Синьцзяне. Шен Шицаю также намекнули на необходимость подготовить обращение к лидерам уйгуров и бойцам 6-й кавдивизии и принять меры к широкому распространению документа в частях дивизии.

Одновременно советскому консулу Смирнову в Кашгаре предписывалось встретиться от имени советского правительства с Мамутом Сиджаном и убедить его в необходимости возвращения в Кашгар и решения спорных вопросов с Урумчи мирным путем. Ему разрешалось «гарантировать Мамуту от имени советского правительства, что урумчинское правительство не предпримет против него никаких мер и внимательно отнесется ко всем его претензиям и жалобам». Однако консулу не удалось найти Мамута Сиджана, который находился далеко от Кашгара. Выезжать же из города для поисков в местности, где вспыхнуло восстание, было далеко небезопасно. Прекратить восстание дипломатическими мерами не удалось.

После бегства Мамута Сиджана из Синьцзяна восставшие избрали руководителем Абду Нияза, которому присвоили звание генерала. В середине апреля 1937 года

Абду Нияз начал подготовку подхода на Кашгар. 19 апреля Политбюро обсуждало синьцзянский вопрос и рекомендовало разоружить сосредоточившиеся в Яркенде части 6-й дивизии и не допустить их движения на Кашгар. Предлагалось также разоружить враждебно настроенный к урумчинскому правительству командный состав дивизии. Для установления порядка в Яркенде и в округе, а также для разоружения находящихся там подразделений 6-й дивизии Кремль решил просить содействия у... Ма Чжунина. В Москве надеялись, что он повлияет на своего соратника, заместителя командира 36-й дивизии Ма Хушаня, чтобы перебросить в Яркенд один полк и по согласованию с Урумчи ликвидировать выступление. Для организации власти в Яркенде Политбюро намеревалось отправить из Кашгара группу проверенных китайцев и уйгур, в том числе авторитетов, известных бойцам 6-й дивизии. Несмотря на попытки Москвы и Урумчи предотвратить наступление на Кашгар, Абду Нияз отдал приказ о выступлении. Местные жители содействовали повстанцам. Успеху мятежа способствовало и подписанное Абду Ниязом 15 мая тайное соглашение с Ма Хушанем о совместной борьбе с китайцами и занятии Кашгара. Как правило, мятежники не принимали «боя» с частями дунганской дивизии, которые 27 мая овладели Яркендом.

26 мая объединенный дунганско-уйгурский отряд численностью около 4000 человек (в том числе 1000 безоружных) двинулся на Кашгар и 1 июня начал бои за город. К восставшим примкнули известные в Кашгарии и Ганьсу Ильхан Султан, Шериф Тими, Гусейн Тенчи и Нур Али. 6 июня вся Кашгария оказалась под властью Абду Нияза. В одном из сражений Абду Нияз разгромил отряд правительственных войск численностью около 2000 человек, захватил 4 автомашины. Кроме того, повстанцы, по непроверенным данным, сбили два самолета, остатки

урумчинской армии бежали в Аксу. Вскоре в Кашгар прибыл Ма Хушань с 3000 бойцов. Такое развитие события угрожало разрастанием восстания, создавало опасность нового периода нестабильности в восточном Туркестане.

Успехи повстанцев вызвали беспокойство не только в Урумчи, но и в Москве. 19 мая советское руководство, видя несостоятельность китайских военных, решило увеличить помощь правительству Синьцзяна. 19 мая Политбюро решило из-за дальнейшего обострения положения в Кашгарии, направить дубаню в помощь 6 новых советских самолетов с советскими летчиками и 6 броневиков. Применение новых сил строго регламентировалось: «Наших летчиков использовать только в случае крайней необходимости по специальной директиве... если обнаружится невозможность подавить восстание войсками дубаня и Ма Хушаня. Командировать немедленно в Кашгар нашего военного советника при дубане Фединова в помощь китайскому командованию при руководстве подавлением мятежников».

Дубань направил командованию дивизии телеграмму с требованием остановиться, в ответ на это один из ее полков атаковал 30 мая аэродром в окрестностях Кашгара, причем командир дивизии Ма Хушань в послании Шен Шицаю заявил последнему, что его подчиненные не разобрали, где правительственные войска, а где мятежники. К счастью для правительственных войск самолеты успели улететь с атакованной посадочной площадки. Тогда Ма Хушань продемонстрировал уход из Кашгара, оставив там одну бригаду, а основными силами двинулся на восток с целью занятия Уч-Турфана и Марал-Баши. Как отмечалось в донесении разведотдела штаба САВО, период после взятия дунганами Сибу, Марал-Баши характеризовался дальнейшими активными действиями

в Аксуйском районе, дунгане действовали с широкими целями в контакте с мятежниками и обманывали провинциальное правительство.

Шен Шицай, понимая, что советское руководство может жестко спросить его за неудачи при подавлении восстания, представил мятеж делом мифических троцкистов, руководимых Апресовым. Причем секретное личное послание доставил в Москву брат дубаня Шен Шици, 13 июня Апресов был снят с должности, вызван в Москву и арестован. В провинцию по просьбе Шен Шицая в сентябре 1937 года направили следователя НКВД.

Тем временем 4 июня Ма Хушань письменно предложил услуги по подавлению восстания советскому правительству, а 6 июня лично консулу Смирнову. 14 июня Политбюро указало, что вопрос о занятии Кашгарского округа 36-й дивизией ее командование должно урегулировать, заключив соглашение с урумчинскоим правительством на предложенных Ма Хушанем Смирнову условиях. Кремль стремился обязать командиров 36-й дивизии обеспечить мир на юге Синьцзяна и прекратить продвижение ее частей севернее и восточнее Кашгара. Тем не менее к августу дунгане, как им представлялось, прочно заняли Кашгарский округ, мятежники развернули действия в Аксу и Кучаре, янги-шарский гарнизон правительственной армии находился в плотной осаде. Действия дунган вызвали недовольство населения, многие из тех, кто встречал дунган как освободителей от китайских угнетателей, вскоре с сожалением вспоминали власть дубаня.

СССР в тот момент рекомендовал дубаню заключить соглашение с 36-й дивизией, распространив его действие на Кашгарский округ. Москва даже считала возможным возвращение Ма Чжунина в Синьцзян, надеясь через него повлиять на действия командования дунганской дивизии.

В противном случае, указывало Политбюро, СССР не может мириться с развертыванием военных действий и новой вспышкой гражданской войны в непосредственной близости от границы Советского Союза.

По мнению наших военных советников боевые действия весной и летом 1937 года показали «полную никчемность армии дубаня». Подражание советским тактическим лекалам — действиям моторизованных соединений в условиях синьцзянского бездорожья и при отсутствии машин повышенной проходимости привело к серии неудач: китайская «мотопехота» оказалась прикована к своим грузовикам, которые могли действовать только на немногочисленных дорогах. Население, сочувствовавшее повстанцам, разными способами портило дороги и отрезало противника от источников снабжения. Озлобленные неудачами китайские солдаты вымещали свою злобу на мирных жителях, грабя и убивая. Крайне негативно отзывались военные советники и о высшем командном составе армии дубаня, который они за редким исключением характеризовали как «...безграмотное, безынициативное, трусливое, обворовывающее своих солдат... Естественно, что армия, недоедающая, систематически обворовываемая своими командирами, искала выход в самоснабжении за счет населения, занималась погромами, мародерством и грабежами».

Ключевую роль в сохранении боеспособности правительственных войск и сдерживании наступления повстанцев играла авиация с советскими пилотами и инструкторами. Устаревшие для действий против современных армий тихоходные Р-5 оказались действенным средством для бомбардировки и обстрела уйгурской и дунганской конницы, не имевших эффективных средств противовоздушной обороны.

«Длительные учения в условиях горного лагеря»

Советское руководство начало разработку плана новой сухопутной операции в Восточном Туркестане для разгрома мусульманских повстанцев. 14 июня Политбюро предложило сосредоточить на границе две компактные подвижные кавалерийские группы, которые при поддержке авиации должны были содействовать войскам провинциального правительства в подавлении мятежа.

21 июня 1937 года по указанию Наркомата Обороны началась подготовка к походу двух оперативных групп. В состав каждой из них входили по два полка (один — Красной армии, второй — НКВД), горная батарея, по роте саперов и связистов.

Возможно, его подготовка отсрочила арест некоторых командиров штаба Среднеазиатского ВО, например, начальника разведывательного отдела округа полковника, бывшего военного атташе в Афганистане Василия Васильева и специалиста по секретным операциям комдива Якова Мелькумова. Мелькумов был арестован в ноябре 1937 года. После длительного следствия Военный трибунал Среднеазиатского военного округа 5 апреля 1940 года приговорил его к расстрелу, признав виновным в принадлежности к антисоветской националистической организации. Мелькумов написал жалобу в Военную коллегию Верховного суда, которая 12 июня 1940 года заменила высшую меру наказания на 15 лет лагерей. Бывший комдив находился в заключении и ссылке до мая 1954 года. Пленум Верховного суда СССР реабилитировал Мелькумова 20 мая 1955 года, он смог вернуться в Москву, где умер в июле 1962 года.

Васильева арестовали в феврале 1938 году по обвинению в шпионаже в пользу Англии и подготовке вооружен-

ного восстания, в октябре 1939 года Военный трибунал Среднеазиатского военного округа приговорил Васильева к 15 годам лагерей. В 1943 году его освободили из лагеря. Вскоре бывший разведчик вернулся на фронт в довоенном звании и должности заместителя командира дивизии. В 1944–1945 гг. Васильев командовал 138-й стрелковой дивизией в украинских и словацких Карпатах и проявил себя как инициативный командир, умело маневрировавший частями и подразделениями в горах. Как отмечалось в одном из представлений, «дивизия под командованием полковника Васильева, применяя широкий маневр и действия в горно-лесистом массиве в условиях полного бездорожья... выполнила все приказы командования корпуса. Особенно отличилась дивизия во время взятия крупного узла железных и шоссейных дорог гор. Спишска, Нова Вес и Попрад». В 1944–1945 гг. его дважды наградили орденом Красного Знамени и орденом Суворова 2-й степени. После Великой Отечественной войны Васильев дослужился до генерал-лейтенанта и заместителя командующего Прикарпатским военным округом. После увольнения в запас в 1960 году Васильев жил в Киеве, умер в октябре 1981 года.

Задача, поставленная этим группам, была секретом для всех бойцов и большей части командного состава. Официально обе группы выводились к границе «для проведения длительных учений в условиях горного лагеря». Как говорилось в одном из приказов: «Погрузка частей, перевозка по железной дороге должны производиться с соблюдением строжайшей секретности. Разъяснить военнослужащим, что в письмах к родным и знакомым они должны указывать обычный адрес зимних квартир и ни в коем случае не давать адреса лагерной стоянки частей, а также ничего не писать про места стоянки... Не допускать

никаких самочинных действий в отношении местного населения». Сохранению секретности операции придавалось большое значение.

Для соблюдения тайны участникам похода предписывалось при отправке писем домой указывать адрес зимних квартир, а не «района учений», письма родственников также ждал долгий путь: они прибывали сначала в места постоянной дислокации и лишь после проверки военной цензурой поступали к адресатам. В распоряжении командующего округом командарма 2-го ранга Оки Городовикова указывалось: «Вам надлежит принять самые решительные меры к тому, чтобы ни одно сведение, не подлежащее оглашению, не было пропущено в красноармейских газетах, боевых листках, а тем более не проскользнуло в гражданские газеты.

Кроме данных, не подлежащих оглашению в соответствии с перечнем сведений, составляющих государственную тайну, и инструкцией военным цензорам войсковых частей и учреждений САВО, запрещаю всякое упоминание:

А) О переброске к районам сосредоточения для тактических учений частей САВО, не допускать какое-либо упоминание об этом в открытой печати.

Б) О составе групп и приданных им частей, количество и наименование военной техники, фамилии всего комначсостава и их дислокации.

Фотографирование разрешить только особо проверенным лицам по согласованию с Особыми отделами и их уполномоченными. Фотоснимки хранить на особом учете цензоров, впредь до получения моих особых указаний.

Гражданских корреспондентов допускать в части только с моего разрешения. Никаких корреспонденций из групп и частей непосредственно в местные и центральные газеты не допускать. Всю такую корреспонденцию или

фотоснимки надлежит отправлять только через окружного военного цензора. Вся частная переписка командного и начальствующего состава и красноармейцев должна вестись только в порядке, особо указанном для этого».

Перед отправкой командующим группами было приказано: «В процессе формирования Вам совместно с комиссаром надлежит тщательно проверить весь личный состав, отсеяв и оставив на зимних квартирах все негодное для похода», в том числе ослабленных и больных лошадей и людей, а также внушавших политические подозрения командиров и красноармейцев. Отметим сразу: требования об отборе бойцов и командиров и отсеивании физически слабых и плохо приспособленных для маршей и боевых действий в высокогорье выполнено не было. Начальник медицинской службы Ошской группы сообщал, что отбора по физическим данным и заболеваниям (сердечным, легочным) не было, из-за чего при движении на высоте 3900–4100 м отмечались случаи сердечной слабости и расстройств. На здоровье бойцов и командиров влияли также суровый климат (ночные и утренние заморозки до –11 градусов в высокогорье были регулярными, а днем температура колебалась от 5 до 22 градусов) и снабжение отрядов в июле и первой половине августа преимущественно сухими овощами, что стало причиной отдельных случаев куриной слепоты и других авитаминозов. Ситуация выправилась со второй половины августа, когда части начали снабжать свежими овощами и живым скотом. По сведениям медицинской службы Нарынской группы до 5 августа было зарегистрировано 562 заболевших (около 40% личного состава), в том числе горной болезнью — 83, травм, связанных с уходом за конем и техникой, — 65, болезней зубов — 52, случаев острого колита — 49, болезней верхних дыхательных путей — 43, бронхита, фурун-

кулеза — по 42, гриппа — 40, куриной слепоты — 12. Из числа заболевших 43 были госпитализированы, вернулись в свои части после излечения — 27.

Для маскировки советские полки, батареи и роты переодели. 4 июля 1937 г. командующие обеими группами получили одинаковые телеграммы: «Для частей группы войск в Ваше распоряжение направляется обмундирование особого заказа. Указанное обмундирование выдается на руки распоряжением командующего войсками... Не брать с собой снаряжения со звездой и вообще не брать ничего форменного... Обмундирование особого заказа клейм и штампов не имеет, окрашено в разные цвета. Вам надлежит отдать распоряжение, чтобы каждая часть устранила клейма на седлах и сапогах, т.к. эти вещи не заменяются. На кожаных предметах клейма закрасить чернилами, на металлических — забить, с войлочных предметов устранить путем счесывания. Чернильные порошки частям высылаются. Для закраски знаков на машинах отпускается 5 кг защитной краски». «Особое обмундирование» составляли халаты, шапки, рубахи, шаровары, кальсоны, белье, портянки, перчатки.

При этом характерную для Красной армии обувь, кирзовые и брезентовые сапоги, которые даже со стертыми клеймами указывали на национальную принадлежность предназначенных для ввода в Синьцзян частей, не заменили. Отчасти получалась ситуация, напоминавшая анекдот про Штирлица, когда тот узнал своего связника в Берлине по волочащемуся сзади парашюту.

Сами группы получили названия «Ошская» и «Нарынская» — по месту сосредоточения перед походом. В состав первой из них вошли 42-й горный кавалерийский полк, батарея конного артдивизиона и специальные подразделе-

ния 19-й горной кавалерийской дивизии и 19-й кавалерийский полк НКВД под командованием полковника Ибрагима Бекжанова, в состав второй — 48-й горный кавполк 19-й гкд, батарея конного артдивизиона и специальные подразделения 21-й горной кавалерийской дивизии и 13-й мотомеханизированный полк НКВД под командованием комбрига Ивана Селиванова. 25 июня командиры частей получили наставления и карты Синьцзяна. Уже 9 июля обе группы сделали дневку у границы. При подготовке не обошлось без обычного российского разгильдяйства: 42-й кавполк получил пулеметные ленты 1916–1917 годов выпуска, часть которых истлела, в 48-м кавполку не подковали лошадей на задние ноги, наконец 21-й эскадрон связи не взял запаса подков. Не обходилось и без трагикомических случаев, в частности, 12 июля командование Ошской группы вернуло в 203-й горнострелковый полк воентехника второго ранга Василия Варыпаева, направленного на должность начальника артиллерийского склада, из-за его отлучек без разрешения начальника артснабжения группы и посадки на автомашину посторонней женщины.

Ошская группа насчитывала 2623 человека (в том числе 226 — в 37-й авиаэскадрилье), 2363 лошади, 3 горных 76-мм орудия, 20 станковых и 45 ручных пулеметов. Нарынская группа была малочисленнее, но лучше вооружена: 1423 человека, 1078 лошадей, 6 горных орудий, 10 танкеток Т-27, две бронемашины, 59 ручных, 25 станковых и 2 зенитных пулемета. Кроме того, для снабжения обеих групп был сформирован автомобильный батальон.

Организация групп и их переход к границе пришлись на пик кампании по разоблачению «врагов народа» в Красной армии. В директиве Политотдела Среднеазиатского ВО политорганам групп указывалось:

- Сплотить партийную организацию и беспартийные массы вокруг ЦК нашей партии, любимого вождя партии и всего народа тов. Сталина, вокруг любимого наркома обороны тов. Ворошилова и обеспечить высокое политико-моральное состояние частей, готовность каждого бойца, командира, политработника и начальника к выполнению труднейших учебно-тактических задач. Неустанно воспитывать в каждом бойце, командире, политработнике чувство высокой революционной бдительности и подлинную классовую ненависть к врагам народа, изменникам Родины, японо-германским шпионам гамарникам, тухачевским и их соучастникам.
- В пути движения внимание командиров, политработников, парторганизаций сосредоточить на создании величайшей заботы о бойце. Воспитывать в каждом красноармейце готовность перенести любые лишения, связанные с походной обстановкой, обеспечить четкую и бесперебойную работу всех звеньев материальной службы частей. ...Все это должно в полной мере относиться и к сохранению конского состава и материальной части. Здоровый конь, безукоризненно исправная материальная часть — вот чего должны добиться политорганы и парторганизации.
- Район следования к месту учений и сам район многонациональны и малоизвестны личному составу. Это обязывает политорганы и парторганизации к созданию исключительно нормальных, братских отношений со стороны бойцов, командиров к местному населению, созданию взаимной интернациональной спайки между частями и местным населением в районе учений.

С другой стороны это обязывает политаппарат к сугубому вниманию к сохранению военной тайны, памятуя о том, что враг всяческими путями пытается собрать те

или иные данные о боеспособности частей Красной армии».

Борьба с врагами не останавливалась и в походе, и в местах постоянной дислокации. Уже на границе 29 июля 1937 года были арестованы красноармейцы 42-го горнокавалерийского полка Набиев и 19-го конного артдивизиона Хакимов. Первого, как сообщалось в донесении политотдела, задержали за написание листовки «контрреволюционного и погромного содержания, второго — за разговоры, что контрреволюционеры — это не троцкисты, а те, кто их разоблачает. В начале сентября 1937 года застрелился начальник боепитания 19-го конноартиллерийского дивизиона Сушко. По версии политотдела, причиной самоубийства стало неудовлетворительное состояние артиллерийского вооружения из-за вредительства «разоблаченных буржуазных националистов». А 29 сентября органы НКВД разоблачили «националистическую организацию, занимавшуюся вредительством по заданию узбекских буржуазных националистов». Чекисты арестовали 10 человек.

В ноябре был арестован «за контрреволюционные разговоры и восхваление Троцкого» красноармеец 42-го полка Танакин, а в декабре повесился подозревавшийся в связях с врагами народа красноармеец 21-го эскадрона связи Муллабаев.

Несмотря на усилия командования, некоторые красноармейцы и младшие командиры догадывались, что их перебрасывают к границе не для учений, а для боевых действий.

Тем временем создалось сложное положение со снабжением авиагруппы синьцзянских правительственных войск, укомплектованной советскими самолетами и пилотами, боеприпасами и горючим. Потребовалась отдельная

операция для их доставки и усиления материальной части. Уже в начале июля начальник ВВС САВО комбриг Розе Якубов сообщал свои соображения командованию округа:

«Боевые действия авиации следует разбить на три этапа.

Первый этап — самостоятельные действия авиации по разгрому противника в районе Марал-Баши до выхода наших наземных войск в боевое соприкосновение с противником.

Второй этап — совместные действия авиации с наземными войсками по преследованию противника из района Марал-Баши в южном и юго-западном направлениях.

Третий этап — завершение разгрома противника ударами авиации по отдельным группировкам противника, оторвавшимся от наземных частей

Для решения оперативной задачи на первом этапе авиации необходимо работать с Каракольского аэродрома с обязательным использованием аэродрома в Уч-Турфане, где авиагруппа, выполнив боевое задание, должна произвести дозаправку горючим для обратного вылета в Каракол. Докладываю необходимые расчеты:

1) Маршрут Каракол — Уч-Турфан имеет расстояние 270 км.

2) Маршрут Уч-Турфан — район боевых действий — 250 км, на обратный маршрут — 520 км. В итоге самолетам необходимо покрыть расстояние в 1040 км. Тактическая же дальность действия самолета с полной нагрузкой составляет 700 км. (На листе карандашная пометка — Уч-Турфан — возможен противник — отряд карчунцев. Можно до Аксу, аэродром 900#400, предельная дальность Р-5 — 700 км, расстояние Каракол-Аксу — 350 км. — *Авт.*).

Необходимо увеличить радиус действия самолетов Р-5 за счет создания на аэродроме Уч-Турфан (карандашная пометка — Аксу. — *Авт.*) промежуточной базы горючего.

При отсутствии транспортной авиации заброску горючего можно произвести семью самолетами Р-5, которые используются на первом этапе только для этой цели.

Боевые действия производить группой в составе 10 самолетов. Группу самолетов под командованием Бабенко (авиагруппа правительственных войск в составе 6 самолетов Р-5. — *Авт.*) использовать для разведки противника в районе Кашгар-Яркенд. После подвоза горючего из Урумчи и боеприпасов из Каракола эту группу можно использовать и для боевых действий...

При отходе противника группу Васильева можно передислоцировать в Кашгар, а группу Бабенко — в Марал-Баши...

Для обеспечения гарантированных действий авиации с Каракольского и Ошского направлений, особенно с третьего этапа операции (работа с Кашгара и Марал-Баши), а также для эвакуации раненых потребуется транспортная авиация не менее одного шестисамолетного отряда ТБ-3. В крайнем случае при невозможности выделения ТБ-3 мобилизовать 4-й транспортный авиаотряд ГВФ в составе 8 АНТ-9...»

12 июля 1937 г. командующий войсками САВО комкор Иван Грязнов попросил по прямому проводу начальника Генштаба Красной армии командарма 1-го ранга Бориса Шапошникова выделить для доставки грузов для боевой авиации 12 ТБ-3. Шапошников отказал и посоветовал использовать тяжелые транспортные самолеты (АНТ-9 и Г-2) гражданской авиации. Решить вопрос об их выделении будущий маршал обещал лично с начальником Главного управления ГВФ. Помимо этого, в разговоре были затронуты проблемы увеличения пайка. Командованию САВО строго указали не переходить границу без указаний из Москвы.

В результате для доставки боеприпасов, горючего и других военных материалов ГВФ были выделены 6 АНТ-9 и один Г-2, округ дал еще три бомбардировщика ТБ-1. Уже 17 июля они вылетели из Ташкента в Алма-Ату, откуда после дозаправки продолжили свой путь на юго-восток. 20 июля все 10 самолетов сели неподалеку от Кульджи, а еще через день доставили в Курле, где базировались самолеты правительственной авиации и наш авиаотряд, первую партию груза. 23 июля, как указано в сводке, «отряд Рудакова успешно атаковал мятежников в Уч-Турфане».

Вскоре во время полета один АНТ-9 разбился при совершении вынужденной посадки, еще два возвратились в Ташкент, однако оставшиеся самолеты продолжали доставлять необходимые материалы в Урумчи, откуда они перевозились в Курле советской автоколонной под командованием майора Пшенецкого. Уже 3 августа в Алма-Ату возвратились ТБ-1 и Г-2, несколькими днями позже прибыли и остававшиеся в Синьцзяне АНТ-9.

В течение длительного времени Нарынская и Ошская группы оставались неподалеку от границы, занимаясь боевой подготовкой в горных условиях и ведя при поддержке пограничников разведку прилегающей территории.

11 июля штаб Ошской группы сообщал, что, по данным пограничной комендатуры, из Кашгара вышла банда в 500 человек, достигшая Кзыл-Ой. Китайский пост на границе был настроен панически и при приближении банды намеревался интернироваться на нашу территорию. 3 июля намечался приезд Мамута Сиджана в Кашгар, в связи с этим отмечалось оживление среди уйгуров.

«В нашем направлении никаких банд нет. Мест. население (киргизы) за редким исключением на стороне Урпра. Имею сведения, что работник совсиньторга Ташматов Даван с большим вниманием следит за прибывающими частями и ведет среди караванщиков разговоры, что в

Кашгаре идет война и скоро русские придут туда помогать правительству». 14 июля разведотдел штаба САВО сообщил, что в Кашгаре у уйгуров замечены всего два орудия, данных о снарядах и бронебойных патронах нет. В Аксу шли бои, Марал-Баши оставался в руках правительственных войск.

Немного позднее отмечалось, что, по агентурным данным Нарынской комендатуры, Уч-Турфан и Аксу находятся в руках мятежников, причем в Уч-Турфане дунган около 1500 человек. Находящиеся северо-восточнее Кашгара 200 дунган пытались провести мобилизацию киргизов, значительная часть которых настроена против урумчинского правительства. Кроме того, дунгане обрабатывали влиятельных киргизов в желательном для них направлении.

Весьма любопытны поставленные войскам учебные задачи:

17 июля, задача №1: «По сведениям агентурной и авиационной разведки, 14 июля в 6.00-6.30 наблюдается движение колонн мелких групп противника, головами втягивающихся Сулук, Лянгар, Токузак. В Кашгаре большое скопление конницы. Командующий войсками САВО получил 16.7.37 в 16.00 задачу к исходу дня 21.7 овладеть Кашгаром.

Ошской группе поставлена задача к исходу дня 18.7 уничтожить выдвигающуюся Кашгарскую группировку. В дальнейшем к исходу дня 21.7 овладеть Кашгаром. Группе в 12.30 пройти Иркештам и двигаться по маршруту Улугча, перевал Карадаван, Кизыл-ой, Андижан-Кичи, Кашгар.

Подвижный отряд — 19 кавполк, звено самолетов, взвод саперов, отделение химиков. Задача — к 14.00 17.7 захватить перевал Кизыл-Белес и обеспечить прохожде-

ние главных сил группы...» А вот и задача №2: «В результате боя 17.7 группа овладела перевалом Кизыл Белес. Противник с большими потерями отошел на Кашгар и перешел к обороне.

До полка противника обороняется вдоль арыка с севера на юг при поддержке артогня крепости Сибу.

Группа получила задачу к 18.00 овладеть крепостью Сибу и совместно с Алма-Атинской группой и правительственными войсками с юго-востока уничтожить группировку противника, находящуюся в Кашгаре.

Разграничительная линия — справа — Токузак, слева — арык Сибу.

Задача правительственных войск — овладеть к 10.00 21.7 воротами Кули-Дарваза и в дальнейшем совместным действием соседних групп участвовать в разгроме Кашгарской группировки противника.

Задача соседа слева — овладеть к 18.00 21.7 воротами Ярбаг-Дарваза и активными действиями участвовать в разгроме Кашгарской группировки противника.

19 кп. Исходное положение — восточная окраина консульства СССР, наступать вдоль дороги на мост западнее крепости Сибу, задача — овладеть мостом, в дальнейшем — воротами крепости Сибу.

42 гкп — за правым флангом 19 кп с задачей овладеть воротами Сибу.

Конно-артиллерийский дивизион — район артпозиций — консульство СССР, ближайшая задача — подавить огневые точки противника в районе трех мостов, в дальнейшем — сосредоточить огонь по воротам Сибу».

С начала августа, когда части Красной армии, вероятно, пересекли границу, задачи уточнили. Ошская группа получила 5 августа новый приказ: «Противник двумя полками обороняет крепость Сибу, его охранение силою

до эскадрона уничтожено в районе Сармак. Правее полка (19 кп. — *Авт.*) на ворота Кум-Дарваза наступает 42 кп со взводом артилерии, левее группа Селиванова наступает на ворота Ярбаг-Дарваза, в дальнейшем выходит на площадь Ант-хор (базар) и к воротам Янги-Дарбаза.

Полку к 8.00 сосредоточиться в саду у стыка дорог юго-западнее Сибу, овладеть крепостью Сибу через ворота, в дальнейшем через ворота Янги-Дарваза выйти к площади Ант-кор, сбивая огневые точки противника на улицах, закончив всю операцию к 14.00. Батарее после общей артподготовки сосредоточить огонь по воротам Сибу, с началом атаки автобронедвизиона перенести огонь по огневым точкам в р-не крепости и казарм.

Первому дивизиону 19 полка занять треугольник дорог с тремя мостами и вести огонь по огневым точкам на стенах и по дороге. Не допустить удара во фланг полку.

Автобронедивизиону после повторной бомбежки и разгрома ворот Сибу атаковать их и в дальнейшем выйти в район казарм, действуя по уничтожению огневых точек внутри крепости.

Второму дивизиону атаковать за автобронедивизионом и овладеть казармами.

Третий дивизион атакует за вторым и овладевает складами».

11 августа группа получила новую задачу — занять Кашгар совместно с группами Селиванова и Дудкина (советский военный советник, руководивший группой китайских правительственных войск).

К тому времени в Кремле отказались от игры на противоречиях между Шен Шицаем и Ма Чжунином, решив сделать ставку на первого. Постановление Политбюро от 29 июля 1937 года требовало не выпускать Ма Чжунина из СССР и рекомендовало дубаню уклониться от заключения

соглашения с Ма Хушанем. Кроме того, предполагалось ввести в Синьцзян 2 полка с самолетами и танками южнее Марал-Баши для воспрепятствования продвижению 36-й дивизии на север и северо-восток. Управлению пограничной охраны НКВД поручалось заменить главного советника в Синьцзяне Федянина и направить на его место нового с небольшой группой командиров.

Эта позиция Москвы перечеркивала перспективы дунганского национального движения и восстания мусульманских народов Синьцзяна.

1 сентября правительственные войска начали при поддержке советской авиации наступление на Марал-Баши. В тот же день 36-я дивизия разделилась: 2-я бригада Ма Шенгуя объявила, что переходит на сторону правительственных войск, 1-я бригада частично сдалась второй, оставшиеся ее части отошли на Янги-Гиссар. Как указывалось в разведывательной сводке: «Этому предшествовало движение «симханцев» (Симхан — приграничный поселок на территории Синьцзяна. — *Авт.*) и «киргизов» на Марал-Баши». Ма Шенгуй объявил себя заместителем Ма Чжунина и начал преследование частей, оставшихся верными командованию.

Раздробленная дивизия попыталась еще раз дать бой правительственным войскам, однако 5 сентября ее основные силы были разгромлены в ходе сражения под Янги-Гиссаром, в котором на стороне правительственных войск участвовали 25 самолетов.

После этого правительственные войска вместе с «киргизами» продвигались без серьезного сопротивления: в тот же день был занят Янги-Гиссар, где сдалось около 3000 человек из 1-й и пехотной бригад, на следующий день авиация бомбила Яркенд, гарнизон которого сдался 9 сентября. Наконец, 10 сентября в Каргалыке сдались еще два полка из 3-й и 4-й бригад 36-й дивизии. Дивизия оказалась

неспособной противостоять совместному наступлению советских и правительственных войск, тем не менее часть дунганской верхушки стремилась сохранить соединение как боевую силу, и аргумент в спорах с другими участниками синьцзянского конфликта. Ма Шенгуй пытался переформировать бригаду в дивизию общей численностью около 3000 сабель и 10 пулеметов. В середине сентября они выступили на юг для разгрома остатков мятежных частей дивизии и 22 сентября заняли Хотан. 11 сентября появились сведения о бегстве Ма Хушаня, Бай Цзели и Ма Жулуна в Индию.

Попытки руководства дунганского движения убедить власти Синьцзяна и их советников из СССР в изгнании враждебных элементов и в своей лояльности не увенчались успехом. Начальник разведотдела САВО Васильев был убежден: «С дунганами на этот раз нужно было бы кончать, а не комбинировать. Мне не верится, что они так просто и так быстро откажутся от своих планов и примирятся с результатами, которые они имеют на сегодня».

В начале октября было принято решение о ликвидации 36-й дивизии. Хотан был подвергнут бомбардировке с воздуха, а после двинуты 38-й китайский полк и сильный «киргизский» (кавычки документа. — *Авт.*) отряд с танками, которые 19 октября заняли Хотан. «Операции, предпринятые против дивизии Ма Шенгуя, окончившиеся занятием Хотанского округа и полным разгромом 36-й дивизии и ее уничтожением, коренным образом изменили обстановку на юге страны, радикально решили дунганский вопрос...», указывал резидент Коминтерна в Синьцзяне.

К этому времени Ошская группа была выведена из Синьцзяна, в конце сентября ее части и подразделения пересекли границу в обратном направлении, в провинции

остались Нарынская группа, усиленная танками (16 БТ-7А, оснащенных 76-мм пушками и 5 плавающими Т-38) отдельного танкового батальона отдельной мотострелковой дивизии внутренних войск имени Дзержинского. Сводная танковая рота прибыла в конце августа на станцию Кант и затем своим ходом пересекла границу с Синьцзяном. По свидетельствам ветеранов, участвовавших в операции, появление быстроходных боевых машин и первые выстрелы танковых орудий деморализовали противника, который сдавался в плен. Более серьезными препятствиями для танков оказались участки с зыбким грунтом, где застрявшие машины приходилось вытаскивать с помощью бревен, и износ гусениц, из-за которого участки, непроходимые на колесном ходу, приходилось форсировать по очереди. Исправные гусеницы надевались на первую группу, затем их снимали и доставляли на автомашинах ожидавшей подвоза второй группе. Историк Евгений Белаш писал, что Нарынская группа при поддержке танков дошла почти до границы нынешнего Пакистана и перехватила отходящий караван мятежников с драгоценностями и деньгами, которые затем на самолетах были переправлены в Советский Союз. Причем танкисты готовили посадочные площадки для авиации, укатывая песок гусеницами.

По мнению советских представителей, ликвидацию мятежа население восприняло с удовлетворением, поскольку боевые действия проходили без участия местных жителей. Далеко не все были довольны появлением «киргизов» с самолетами и танками, но продвижению советских и правительственных войск они не сопротивлялись. Если бы уйгуры активнее поддержали повстанцев, справиться с ними было бы существенно труднее. «Положение после восстания и его подавления лучше, чем в 1934 году, если не будет сделано много ошибок, положение быстро нормализуется», считали в разведотделе.

Ставший командиром группы, состоявшей из 13-го и 15-го полков НКВД и 48-го полка Красной армии, полковник, а впоследствии комбриг пограничных войск Николай Норейко, участвовавший и в экспедиции 1934 г., 15 декабря 1937 года доложил: «К 5 декабря из 36 дунганской дивизии убито и взято в плен 5612 человек, ликвидировано из числа взятых в плен 1887. Захвачено 20 орудий, 1 миномет, более 7 тысяч винтовок. Из 6-й уйгурской дивизии убито и взято в плен около 8 тыс.человек, из числа пленных ликвидировано 607 человек». К 7 января 1938 г. число ликвидированных возросло до 2192 по 36-й дивизии и до 853 по 6-й. Наконец, 15 января 1938 г. начальник управления пограничной и внутренней охраны НКВД комдив Николай Кручинкин в докладе сообщал, что «уничтожено 96 японских агентов, 318 английских и несколько шведских».

По данным некоторых уйгурских авторов (вероятно, преувеличенным), жертвами подавления нового мятежа стали около 80 000 жителей Синьцзяна, арестам подверглись около 300 000 человек, власти также конфисковали имущество 10 000 семей.

«Киргизские» части оставались на территории Синьцзяна до конца января 1938 года для успокоения населения, они также продолжали ликвидацию остатков повстанческих формирований. 48-й горный кавполк вернулся на место постоянной дислокации в Алма-Ату 8 февраля 1938 года.

Кручинкин опасался, что после вывода советских войск малобоеспособная армия Урумчинского правительства не сможет самостоятельно противостоять повстанцам и обеспечить своими силами линию подвоза Хоргос — Урумчи — Хами — Ланьчжоу, по которой в основном поступала советская военная и техническая помощь центральному китайскому правительству. «При взаимодействии

с нашими частями китайские солдаты ведут себя более смело, к тому же меньше грабят население и не восстанавливают его против себя. Предлагаю после вывода основной части войск дислоцировать в Хами пограничный полк, усилив его авиаэскадрильей и ротой танков БТ», — предлагал Кручинкин. В январе 1938 года Политбюро направило в район Хами пограничный кавалерийский полк с автотранспортной ротой и эскадрильей И-15, общей численностью 1570 человек, 1025 лошадей, 10 танков БТ и 5 Т-38, 55 грузовиков ЗИС-5.

В октябре 1938 года «За образцовое выполнение специальных заданий правительства» орденами Красного Знамени были награждены начальник штаба 48-го горнокавалерийского полка капитан Михаил Борисов, а также семь младших командиров и красноармейцев полка. Ордена Красной Звезды удостоились командир 48-го полка майор Александр Лучинский, военком саперного эскадрона 21-й горной кавдивизии Михаил Карев, командир взвода того же эскадрона лейтенант Дмитрий Катков и двое красноармейцев. Медалью «За отвагу» наградили командира батареи 21-го конноартиллерийского дивизиона старший лейтенант Петра Зелепухина, военкома 48-го горнокавалерийского полка старшего политрука Михаила Омельченко, политрука эскадрона того же полка Абилхаира Баймулдина и двух младших командиров 48-го гкп. Медали «За боевые заслуги» получили командир взвода 21-го отдельного саперного эскадрона лейтенант Буханов и 19 красноармейцев и младших командиров 21-го артдивизиона и 48-го кавполка. Орденом Красной Звезды были также награждены командир танковой роты ОМСДОН Илья Хорьков, танковый техник, нескольких танкистов наградили медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Судьба многих руководителей второго похода в Синьцзян сложилась драматично. Начальника главного управления пограничных и внутренних войск комдива Николая Кручинкина арестовали в апреле 1938 года, 19 августа его приговорили к расстрелу по обвинению в шпионаже и участию в военно-фашистском заговоре, в тот же день приговор был приведен в исполнение на подмосковном полигоне «Коммунарка». Командующий САВО комкор Иван Грязнов был арестован в феврале 1938 года, его приговорили к смертной казни за участие в террористической организации 29 июля 1938 года, расстреляли в тот же день на «Коммунарке». Начальнику военно-воздушных сил САВО Розе Якубову повезло немного больше: его арестовали 28 мая 1938 года. 23 августа 1939 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило его по обвинению в участии в военном заговоре к небольшому (при таком обвинении) сроку: 8 годам лагерей. Первоначально Якубова направили в Севжелдорлаг, затем — в Сиблаг. В апреле 1943 года его перевели в особое конструкторское бюро при спецтюрьме № 1 в г. Молотове (Перми) при заводе № 172, где он работал старшим конструктором. После окончания срока 28 мая 1946 года Якубов жил «на 101-м километре», в городе Александрове Владимирской области, где работал прорабом в ремонтно-монтажном управлении. 3 апреля 1949 года Якубова повторно арестовали, а 18 июля того же года Особое совещание при МГБ СССР приговорило бывшего командующего ВВС САВО к трехлетней ссылке в Красноярский край. 18 июня 1955 года Военная коллегия Верховного суда реабилитировала Якубова. Однако, что любопытно, Минобороны не присвоило бывшему комбригу генеральское звание, Якубов умер в апреле 1957 года в чине полковника.

Командующий Ошской группы Ибрагим Бекжанов после командования 19-й горной кавдивизией был назначен

на ту же должность в 29-ю мотострелковую (моторизованную) дивизию 6-го мехкорпуса. После того, как дивизия понесла тяжелое поражение на западе Белоруссии и потеряла боевую технику, Бекжанов с группой командиров штаба пытался перейти линию фронта, но попал в плен. Весь период плена Бекжанова держали либо в строгой изоляции в лагерях для офицеров, либо в крепостях. Возможно, отсутствие контактов с нацистами и сотрудничавшими с ними власовцами отразилось на его дальнейшей судьбе. В апреле 1945 года он был освобожден из плена американцами. Летом 1945 года его репатриировали в СССР и после проверки НКВД, понизив в звании до полковника, направили на курсы командиров дивизий при академии имени Фрунзе. После их завершения в марте 1947 года Бекжанова назначили начальником военной кафедры Казахстанского университета. В 1950 году его уволили из армии по болезни. После отставки Ибрагим Бекжанов жил в Алма-Ате и умер в декабре 1988 года в возрасте 93 лет.

Иван Селиванов после возвращения из Синьцзяна некоторое время продолжал служить в Среднеазиатском ВО, весной 1939 года его перевели в центральную Россию на должность командира 30-го стрелкового корпуса Орловского военного округа. В первые месяцы войны Селиванов командовал корпусом и группой войск 28-й армии, контрудар которой под Рославлем в августе 1941 года завершился тяжелым поражением и гибелью ее командующего генерал-лейтенанта Владимира Качалова, которого в приказе №00270 от 16 августа 1941 года посмертно обвинили в измене Родине и сдаче в плен. Селиванов после выхода из окружения также руководил действиями кавалерийской группы 29-й армии, которая пыталась совершить рейд по тылам нацистов в Смоленской области. Неудачный ход операции привел к отстранению Селиванова от командования группой.

Неудачные действия войск под командованием Селиванова, вероятно, породили у него неуверенность в собственных силах и способности Красной армии успешно противостоять нацистам и повлияли на отношение к нему высшего военного руководства. В сентябре 1941 года ему, генерал-лейтенанту, поручили формировать 83-ю кавалерийскую дивизию на территории САВО, притом что равные ему по званию командовали армиями и даже фронтами. Селиванов сформировал дивизию, в начале ноября 1941 года она отправилась на фронт. Однако командовать дивизией Селиванову пришлось недолго: в конце ноября его арестовали по обвинению в пораженческих настроениях, а в феврале 1942 года приговорили к расстрелу за пораженческую антисоветскую агитацию.

Существенно больше повезло Николаю Норейко. В 1939 году его перевели из войск НКВД в Красную армию, где он стал сначала преподавателем, а затем заместителем начальника Академии имени Фрунзе. Норейко сыграл значительную роль в успешной эвакуации материальной части и учебных пособий Академии в Ташкент. Благодаря его распорядительности и рачительному использованию местных средств при строительстве полигона академия сэкономила 350 000 руб. За годы Великой Отечественной войны Норейко наградили орденом Красной Звезды и медалью «За Победу над Германией». После ее завершения Норейко был заместителем командира стрелкового корпуса, в 1954 году ушел в отставку.

Дорога для Чан Кайши

Присутствие советских войск на китайской территории, равно как и близкие связи синьцзянского дубаня с СССР, мало радовали неблагосклонного к коммунистам Чан Кайши, но в этой ситуации ему приходилось смириться.

Какое-либо силовое вмешательство в дела северо-западной части страны было исключено ввиду необходимости сосредоточения всех сил для борьбы с японской агрессией, а именно Советский Союз оказывал Китаю основную помощь вооружением, боевой техникой, военными материалами и инструкторами-летчиками в рамках так называемой «операции Z». Для транспортировки советских военных материалов и боеприпасов по трассе Хоргос — Урумчи — Ланьчжоу в СССР сформировали отдельную автотранспортную бригаду. Бригада состояла из 12 рот по 60 машин каждая, а также цистерн-заправщиков, технических летучек (всего 750 грузовых и специальных машин, более 20 станций технического обслуживания по пути следования). Роты бригады регулярно доставляли боеприпасы и вооружение правительственной армии Китая. Оружие не всегда было советским: после похода Красной армии в восточные районы Польши в сентябре 1939 года китайцы получили трофейное польские винтовки и пулеметы. Кроме того, подразделения автомобильной бригады неоднократно направлялись в контролировавшиеся коммунистами освобожденные районы. Благодарные получатели разгружали оружие, амуницию и продукты. Кроме того, для охраны трассы была сформирована отдельная бригада, в ее состав входили усиленный танками, артиллерией, саперами и спецподразделениями кавалерийской полк, имевший наименование «8-й кавполк РККА», а также авиаэскадрилья и подразделения охраны. Значительная часть рядовых бойцов и младших командиров были направлены в Синьцзян из дивизии имени Дзержинского, в частности, младший командир саперного дивизиона Григорий Шевцов. Бригаде не раз приходилось вступать в бой с уцелевшими повстанческими формированиями и уголовными бандами.

В августе 1938 года Шен Шицай отправился в Москву, где в Академии им. Фрунзе постигал вершины военной науки его младший брат Шен Шици. Он приехал просить о новых поставках вооружения и боевой техники для своей армии. С собой он привез большое количество различных подарков вроде портрета Сталина из рисовой и маковой соломки и портрета Ворошилова на шелке. Среди подарков были также разнообразные изделия народных промыслов и ювелирные украшения.

В свою очередь Управление внешних связей и Управление делами НКО приготовили список подарков для высокопоставленного китайского гостя и его свиты: оружие, часы и т.д. Однако железный нарком Ворошилов вычеркнул почти половину и поставил размашистую резолюцию: **«Слишком жирно им будет!»**

Но синьцзянские гости этого, разумеется, не знали. Встреча Ворошилова и Шен Шицая, продолжавшаяся несколько часов, потонула в китайских славословиях гостя в адрес советской страны вообще, великих вождей товарищей Сталина и Ворошилова, Красной армии и советской боевой техники в частности. Стенограмма встречи пестрит записями вроде: «Шен Шицай встает и крепко обнимает и целует товарища Ворошилова в лоб». Целованию подверглись также руки и щеки Климента Ефремовича, который, похоже, к концу встречи не знал, куда ему деваться от назойливого гостя.

Кроме того, в ходе встречи Шен Шицай заявил, что хочет перестроить экономику и всю жизнь Синьцзяна на марксистских началах, а кроме того, хочет стать коммунистом, причем вступив не в компартию Китая, а в ВКП(б).

2 сентября дубань беседовал со Сталиным, Молотовым и Ворошиловым. Он был в восторге от неожиданной встречи с вождем народов, о которой его не предупредили, и в конце беседы сказал, что счастлив — не каждо-

му удается лично поговорить со Сталиным. Сама беседа была ознакомительной и одновременно наставляющей. Советские руководители уточняли ситуацию в провинции, в частности, узнали, что в Синьцзяне нет промышленных предприятий, уточняли условия строительства заводов и нефтяных промыслов, а также рекомендовали Шен Шицаю укрепить армию, обучив 20 000 китайских юношей в новых военных училищах. Они интересовались качеством работы советских военных и политических советников, борьбой с троцкистами и националистами. Кроме того, они спросили мнение дубаня о Чан Кайши, Чжан Сюэляне и Фын Юйсяне. Шен Шицай назвал их националистами, временно объединившимися ради борьбы с Японией, готовыми возобновить противоборство после ее завершения. Затронули и деятельность бывшего генконсула в Урумчи Гарегина Апресова. Шен Шицай, догадываясь об опале дипломата, заявил, что, возвратившись из Москвы в 1936 г., он стал работать хуже, но поинтересовался его судьбой. Молотов пошутил, что Апресов отправился вслед за 36-й дивизией, недвусмысленно намекнув, что о бывшем генконсуле лучше забыть. Судьба Апресова сложилась трагически. После длительного следствия в июле 1940 года Военная коллегия Верховного суда приговорила его к 10 годам заключения за контрреволюционную агитацию. В начале Великой Отечественной войны Апресов оказался в орловской тюрьме. В сентябре 1941 года Военная коллегия повторно рассмотрела его дело и заочно приговорила бывшего дипломата к расстрелу.

В завершающей части беседы Шен Шицай повторил свое заявление о желании стать членом ВКП(б), советские лидеры возражали, что сведения об этом повредят репутации СССР и самого дубаня, однако тот настойчиво уверял, что сохранит вступление ВКП(б) в секрете. Тогда

Сталин уступил напору синьцзянского гостя, отметив, что не имеет принципиальных возражений.

29 сентября во время отъезда синьцзянской делегации в помещении для приема высоких гостей зам. ачальника Разведывательного Управления Красной армии Сергей Гендин вручил в присутствии переводчицы заветный партийный билет Шен Шицаю. Вероятно, дубань, вступая в ВКП(б), пытался сохранить независимость от китайской компартии, избежать участия в межпартийной борьбе и возможного влияния фракционных и групповых противоречий на государственные дела. Благодарности Шен Шицая не было границ, тем более что получение заветного документа было подкреплено новыми поставками вооружения и военных материалов. Впрочем, еще в 1933 году разведывательный отдел штаба САВО отмечал: «Коммунизм Шен Шицая и его искренность сомнительны, скорее всего, они являются дипломатическим ходом». Дипломат Иван Овдиенко, не раз встречавшийся с дубанем, характеризовал его как «хитрого, далеко неразгаданного человека».

В конце 1938 года обострились отношения дубаня с китайскими коммунистами. Последние пытались агитировать его вступить в КПК, не ставя в известность Москву и Коминтерн. В декабре 1938 года на встрече с исполнявшим обязанности генконсула в Урумчи Иваном Овдиенко Шен Шицай сообщил, что Линь Бяо и Фань Линь организуют в провинции подпольные партячейки. В январе 1939 года дубань просил Сталина и Молотова дать Коминтерну указание запретить нелегальную партийную работу КПК в Синьцзяне. Наконец, 10 июля 1939 года Шен Шицай предложил генконсульству арестовать 74 немецких миссионеров, якобы занимавшихся шпионажем. Только советско-германский договор от 23 августа 1939 года спас их от преследования.

Несмотря на некоторые трения, Москва и Урумчи подписали при содействии национального правительства Китая ряд важных межправительственных договоров. В августе 1938 года стороны договорились о строительстве нефтеперерабатывающего завода в Тушанцзы с равным долевым участием сторон. В июле 1938 года посол Китая в СССР Ян Цзе попросил Советский Союз о строительстве в стране авиасборочного завода, способного строить самолеты-истребители И-16 из советских комплектующих. Соответствующий договор был подписан в августе. Несмотря на стремление китайского правительства получить завод в центрально-южной части страны, СССР настоял на его возведении в Синьцзяне, неподалеку от Урумчи. Москва настаивала, что более длительная транспортировка крупных деталей и узлов может негативно сказаться на их сохранности и качестве собираемой продукции. Кроме того, советские руководители могли опасаться авиационных бомбардировок завода или попыток его захвата японцами. Китай получил кредит в $50 млн под 3% годовых на пятилетний срок.

26 октября 1940 г. Политбюро поручило Наркомату цветной металлургии разработать и заключить с провинциальным правительством концессионный договор на 50 лет на право поисков, разведки и эксплуатации месторождений олова и сопутствующих ему полезных ископаемых на территории Синьцзяна. Начальником концессии назначили Федора Карпенко, его замом — Петра Шибаева, главным геологом — Михаила Ложечкина.

Работы на оловянно-вольфрамовых месторождениях и поиски берилла на реке Бороталы и в районе Коктогая должны были начаться в мае 1941 года, намечались также поиски олова и вольфрама в окрестностях Кульджи.

Работе геологов в китайском Алтае мешало обострение ситуации в округе. Весной 1940 г. на Алтае вспыхнуло но-

вое восстание казахов. Боевые действия правительственных войск против повстанцев под командованием Ирисхана, а после его смерти от болезни — Османа Ислама, более известного под именем Оспан-батыра, шли с переменным успехом. Шен Шицай пытался обмануть лидеров и племенных авторитетов, вызывая их на переговоры и арестовывая делегатов. В ответ повстанцы уничтожили советских геологов и других специалистов, работавших в китайском Алтае. Осенью 1942 года Оспан-батыр ушел в горы от преследования превосходящих сил противника, чтобы сохранить боевую силу партизанских отрядов.

СССР и Синьцзян также активно сотрудничали в транспортной сфере. Кроме строительства трассы для снабжения китайской армии вооружением, боевой техникой и военными материалами, стороны создали в сентябре 1939 года авиакомпанию «Хами-Ата», совершавшую рейсы из Алма-Аты в Хами с промежуточной посадкой в Урумчи. С конца 1939 года начались регулярные рейсы до Урумчи, кроме того, авиакомпания обеспечивала рейсы Урумчи — Чунцин, Урумчи — Шихо и др.

Строительством завода и монтажом оборудования занимались исключительно советские рабочие, местные жители использовались только на подсобных работах, подвозе местных стройматериалов и продовольствия. Местные перевозчики гужевого транспорта пытались завысить цены на свои работы, солидарно увеличивая стоимость услуг, но в итоге были уволены, а директор завода Владимир Еськов создал собственный гужевой парк в 60 лошадей. При заводе действовали собственная электро-, ацетиленовая и кислородная станции, сети водоснабжения и канализации. Была даже построена специальная угольная шахта. С самого начала руководители производства пытались создать полностью автономное

предприятие, не зависевшее от подвоза продуктов из СССР, капризов местного рынка и климата, при заводе создавалось подсобное хозяйство, обеспечивавшее работников важнейшими продуктами. Уже 1 октября 1940 года завод вступил в действие и начал промышленное производство основной продукции, а с марта 1941 года увеличил проектную мощность в 1,5 раза, чем предполагал контракт, и мог производить 450 самолетов в год вместо 300.

На 1941 год завод получил задание по сборке и обмену 143 И-16, предназначавшихся для перегона на юг Китая. Однако после начала Великой Отечественной войны планы использования продукции завода № 600 резко изменились. Теперь каждый истребитель (вне зависимости от типа и модели) требовался советско-германскому фронту или для обучения новых пилотов. К 6 августа 1941 года был сдан 71 самолет. На 1 сентября в Алма-Ату отправили 111 боевых машин.

Для охраны завода и геологических партий, занимавшихся поиском полезных ископаемых в провинции Синьцзян был направлен сформированный в январе 1941 года в Алма-Ате 171-й отдельный батальон войск НКВД по охране особо важных объектов промышленности. Красноармейцы и командиры батальона, так же как «алтайцы» и «киргизы», носили «форму особо установленного образца» и звания, установленные в русской армии. Лейтенанты именовались подпоручиками, а майоры — капитанами. Даже политруки имели «старорежимные» чины причем если лейтенант становился подпоручиком, то политрук, звание которого в Красной армии соответствовало лейтенантскому, почему-то получал более высокий чин поручика. Сочетание дореволюционных чинов и советских должностей иногда звучало довольно причудливо: например, инструктор политпропаганды поручик Тимонин.

А комиссар батальона, полковой комиссар Киселев, в официальных документах именовался полковником.

Благодаря этому некоторые приказы по батальону выглядят почти анекдотически: «На политических занятиях в роте групповод занятий поручик Волков, проводя рассказ «Гражданская война и создание Красной Армии», не подготовил карту, не указал всех направлений наступления белогвардейцев и интервентов на Советскую Республику. Кроме этого, поручик Волков недостаточно знал места основных побед Красной армии над белогвардейцами, не упомянул о зверином облике белого офицерства и их зверствах по отношению к рабочим и крестьянам».

Задолго до перехода на новую форму одежды в 1943 году здесь носили не общепринятые в Красной армии «треугольники», «кубики» и «шпалы», а лычки и звездочки на погонах.

Неудачный для Советского Союза ход боевых действий в первые месяцы войны сказался на отношении властей Синьцзяна и центрального правительства к СССР, поколебав их уверенность в способности Красной армии успешно продолжать войну против гитлеровской Германии. В начале 1941 года Шен Шицай обратился к Сталину с просьбой о включении Синьцзяна в состав СССР в качестве одной из союзных республик, по мнению дубаня, центральное правительство Китая не имело ресурсов противодействовать присоединению. Советские руководители отказались, они не хотели ссориться с Чан Кайши, понимая, что в таком случае вероятна его капитуляция перед Японией и передача ей минеральных, продовольственных и отчасти человеческих ресурсов Китая. Сразу после нападения Германии Гоминьдан и Компартия Китая заявили о безусловной поддержке Советского Союза, в первые недели войны Шен Шицай организовал сбор подарков и теплых

вещей для красноармейцев (были собраны теплые вещи и ценности на сумму 1 млн синьцзянских долларов). Однако к концу 1941 — началу 1942 гг. многие китайские чиновники, в том числе и высокопоставленные, полагали, что СССР потерпит поражение.

Друг оказался вдруг

В Синьцзяне взаимное похолодание приобрело особенную окраску. Шен Шицай считал, что обладает исключительным чутьем, и ярко продемонстрировал политическую беспринципность и готовность перейти на сторону японцев. Кроме того, в 1941 году дубань обвинил сотрудников генконсульства в организации уйгуро-казахско-белогвардейского заговора и заявлял, что учение Ленина-Сталина не имеет ничего общего с марксизмом и является красным империализмом.

Как отмечалось в донесении штаба Казахстанского пограничного округа в феврале 1942 года: «...Внешне демонстрируя свою дружбу к нашей стране, но являясь воспитанником японской военщины, стал проявлять прояпонскую ориентацию. К этому еще характерно отметить, что во втором полугодии, совпадающим с вероломным нападением фашистской Германии на СССР, Шэнь-Шицай (так в документе. — *Авт.*) провел ряд «оборонительных» мероприятий: началась реставрация крепостей в приграничных городах, ремонт давно заброшенных казарм, караван-сараев, восстановление мостов через пограничные реки, улучшение паромов, мобилизация транспорта... Наиболее характерным проявлением антисоветской борьбы явилось восстание белогвардейских казаков (так в документе. — *Авт.*) в Алтае. Это восстание носило резко антисоветский характер, т.к. все «ультиматумы» повстанцев сводились к требованию прекратить торговлю

с СССР и т.д. В подавлении этого восстания Шэнь Шицай проявлял нерешительность и медлительность. Белогвардейцы Тарбагатайского округа проявляют повстанческие тенденции и приступили к созданию повстанческо-бандитских формирований, сколачивают кадры для вооруженных набегов на нашу территорию».

В 1942 году Шен Шицай разгромил Синьцзянский университет, ректором которого он формально состоял. Со службы по обвинению в коммунистическом заговоре были уволены и арестованы многие военные (в том числе 4 генерала и около 30 полковников) и гражданские чиновники. Среди репрессированных оказался и бывший преподаватель университета, младший брат лидера компартии Китая Мао Цзэдуна Мао Цзэмин.

В мае 1942 года Шен Шицай направил в Москву письмо, в котором он назвал смерть его брата Шен Шици следствиеми заговора его противников, пользовавшихся поддержкой членов компартии и советских советников, в том числе генконсула Ивана Бакулина и главного военного советника Петра Ратова. Дубань также предложил СССР направить в Синьцзян следственную бригаду для подтверждения изложенных им обвинений.

21 мая Москва отозвала из Урумчи Бакулина и Ратова, причем первый получил отказ на просьбу о встрече с дубанем перед отъездом на родину. Ответ Кремля был крайне резким. 3 июля Вячеслав Молотов направил письмо руководителю Синьцзяна. Нарком иностранных дел с ведома Сталина указал, что направленные Шен Шицаем материалы — «неслыханные и совершенно бездоказательные обвинения против генконсула в Урумчи тов. Бакулина, главного военного советника генерала Ратова, а также против других названных в письме советских работников

в Синьцзяне. Все эти обвинения основываются на каких-то провокационных слухах, и для Советского правительства ясно, что Вы, г. Дубань, попали в плен этих слухов. Если верить слухам, то по слухам, циркулирующим в Синьцзяне и Москве, виновником смерти Шен Ши-чи (так в документе. — *Авт.*) называть Вас, г. Дубань. Утверждают, что Вы организовали убийство Шен-Ши-чи, считая последнего своим соперником в деле управления Синьцзяном. Однако Советское правительство так легко не поддается слухам, как это, по-видимому, произошло с Вами, г. Дубань. Что касается самого следствия и фактических его руководителей, Ли Пу-лина и Ли Ин-ци (бывшего начальника штаба Ма Чжунина. — *Авт.*), то они не внушают нам никакого доверия. Как известно, и по другому следствию, в котором возводились клеветнические обвинения против советского гражданина — вице-консула в Шара-Сумэ, выяснилась полная бездоказательность обвинений…

Что касается Вашего предложения о посылке в Урумчи советских следственных работников, то я должен заявить Вам, г. Дубань, что Советское Правительство считает расследование внутренним делом самого Синьцзяна и не видит никакой необходимости в посылке в Урумчи советских следственных работников. Тем более Советское Правительство не видит никаких оснований для привлечения к ответственности указанных выше советников на основании явно клеветнических материалов.

У нас вызывает большое сомнение правильность таких Ваших действий, как непрекращающиеся репрессии, снятие с постов и аресты крупных деятелей Синьцзяна, что приобрело крайне широкий и опасный характер. Есть угроза, что такими действиями будет ликвидирована большая часть гражданских и военных кадров в Синьцзяне.

Нам кажется, что в среду окружающих Вас деятелей в Синьцзяне затесались скрытые агенты враждебной Китаю

империалистической державы, которые хотят испортить отношения между Китаем и СССР, подорвать положение в Синьцзяне, а Вас — превратить в свое орудие.

Если вспомните, Вы и раньше допускали в своей деятельности серьезные ошибки, вредные для Китая…». Шен Шицаю напомнили о его обращении о «скорейшем осуществлении коммунизма» в Синьцзяне и его распространении на Ганьсу и Шэньси и его стремлении свергнуть правительство Чан Кайши. Молотов также отметил поддержку Чжан Сюэляна Шен Шицаем во время событий декабря 1936 года, который только после настойчивых требований советского правительства отказался помочь мятежу против центрального правительства Китая. Напомнил ему Молотов и о письме дубаня в январе 1941 г., где он предложил Кремлю отторгнуть Синьцзян от Китая и учредить там советскую республику.

«Советское правительство надеется, что Вы, господин Дубань сделаете необходимые выводы и найдете правильное решение вопроса, которое может предотвратить ухудшение наших отношений. Желаю Вам здоровья», — резюмировал нарком иностранных дел.

7 июля Политбюро направило советскому послу в Чунцине, тогдашней столице Китая, директиву с требованием добиться аудиенции у Чан Кайши, где он должен был сообщить главе Гоминьдана недовольство Москвы позицией Шен Шицая в советско-китайских и советско-синьцзянских отношениях. Посол должен был также передать копию письма дубаню. Вероятно, недружественные шаги правителя Синьцзяна в критический момент Великой Отечественной вынудили СССР отказаться от поддержки режима Шен Шицая и сосредоточиться на улучшении отношений с центральным правительством Китая.

Кроме того, СССР направил в Урумчи с миссией заместителя наркома иностранных дел Владимира Декано-

зова, который должен был передать Шен Шицаю письмо Молотова. Москва была заинтересована стабилизировать отношения с провинцией, способной поставить значительное количество скота и сырья (хлопка, шерсти, кож и др.), необходимого для производства воинской амуниции. Деканозов прибыл в Урумчи 6 июля 1942 года, причем дубань не встретил его на аэродроме, там находились командующий 8-й военной зоной (аналог военного округа) Китая генерал Чжу Шаолян, министр экономики провинции Вэнь Вэньхао, начальник ВВС Китая Мао Банчу. Шен Шицай принял Деканозова на следующий день, 7 июля, подчеркнуто любезно и с почетным караулом.

Деканозов передал дубаню письмо, касавшееся обвинений в заговоре и по поводу промыслов и нефтекомбината Тушанцзы. В 1942 году, когда предприятие достроили, оно давало 7830 т нефти и 2900 т газа. Рабочие авиазавода собрали в помощь Красной армии 1,5 млн рублей, из них 645 000 — в иностранной валюте. Москва настаивала на двусторонней эксплуатации, угрожая в противном случае отозвать специалистов и забрать оборудование обратно. Миссия не увенчалась успехом, дубань не желал идти на уступки. Сам Деканозов вернулся в Москву 26 июля. Отношения между СССР и Синьцзяном продолжали ухудшаться. Шен Шицай направил Молотову пространное ответное письмо с описанием поездки своего брата Шен Шиди к Чан Кайши.

СССР вскоре после возвращения Деканозова решил вывести авиазавод, построенный до нападения Германии, возить комплекты для сборки в этой ситуации из Новосибирска было невыгодно. Совнарком также решил ликвидировать советские предприятия в Синьцзяне (нефтезавод, авиазавод, трест «Синьцзянолово») и вернуть всех советников и инструкторов.

Шен Шицай, в свою очередь, пытался препятствовать работе авиазавода, запрещал поставки продовольствия и наем местной рабочей силы, а также потребовал выплаты аренды за земельный участок, хотя ранее он был предоставлен бесплатно. 5 октября 1942 года губернатор отправил в Москву ноту с требованием отозвать из Синьцзяна в трехмесячный срок советских врачей, преподавателей, советников, технических специалистов, а также вывести из провинции все части Красной армии. Попытки советских дипломатов найти компромисс не привели к успеху. Месяцем позже последовал указ губернатора, запрещавший продавать советским специалистам любое продовольствие и товары, посещать советские лечебные учреждения и любые контакты с советскими гражданами.

Он резко сократил торговлю с СССР, в ноябре 1942 года провинциальное правительство препятствовало работе отделений Совсиньторга, монопольное положение в области внешней торговли заняла полугосударственная компания «Туччан гунсы». Кроме того, синьцзянские провинциальные и центральные китайские власти начали систематически завышать цены на промышленное сырье и полезные ископаемые, наиболее необходимые советской промышленности для военного производства и обеспечения Красной армии.

Это негативно сказалось не только на экономике провинции и повседневной жизни местного населения. Если в 1936 году внешняя торговля давала 50% бюджета, то в 1944 году — всего 3,2%, скотоводы потеряли рынок сбыта и оказались в состоянии жестокого кризиса. Налоги выросли в 8 раз — с 317 до 2549 долларов в год. Все это сопровождалось притеснениями советских граждан и русских жителей провинции, тайная полиция установила надзор за посетителями магазина «Международная книга» в Урумчи. Кроме того, в 1943 году власти Синьцзяна

арестовали около 120 советских граждан по обвинению их в шпионаже. Это еще больше обострило отношения между провинциальным правительством и СССР.

В начале 1943 г. советский посол в Китае Александр Панюшкин вновь пытался убедить Шен Шицая в пагубности избранной линии, но тот, несмотря на заверения в дружбе с СССР и членство в ВКП(б), потребовал ускорить отзыв специалистов и эвакуацию советского оборудования из провинции. К середине 1943 г. в Синьцзяне действовала только совместная компания Хами-Ата, обеспечивавшая работу авиалинии Алма-Ата — Чунцин.

Москва против дубаня

Действия Шен Шицая вызвали резкую реакцию Кремля. Советское руководство, дважды спасшее его режим в критические моменты наивысшего размаха антикитайских восстаний местных мусульман, направившее в провинцию регулярные войска, сыгравшие ключевую роль в подавлении вооруженного сопротивления, резко изменило точку зрения на события в Синьцзяне. Москва решила поддержать еще недавно называвшиеся реакционными и даже прояпонскими национальные движения народов провинции, а дубань из «хорошего» парня превратился в «плохого».

Политбюро в постановлении от 4 мая 1943 года указывало, что советское правительство не может мириться с антисоветской деятельностью дубаня, направленной на угнетение народностей провинции.

Высшее советское руководство потребовало оказать поддержку некитайским национальностям Синьцзяна (уйгурам, казахам, киргизам, монголам и другим) и поддержать их борьбу за равноправие всех национальностей Синьцзяна.

Предлагалось поддержать лозунги:

— свободного развития культуры каждой национальности, за начальное и среднее образование на родном языке за счет государства;

— против религиозных притеснений;

— за создание органов власти в округах и уездах из лиц, пользующихся доверием мест. национального населения;

— за создание национально-политического Совета Синьцзяна, организованного на основе выборности его представителей пропорционально численности населения каждой национальности;

— против совмещения военной и гражданской власти в провинциальных и окружных органах управления в одних руках;

— за восстановление национальных воинских частей;

— за освобождение арестованных дубанем общественных деятелей и родовых авторитетов;

— за облегчение налогового бремени населения и за сокращение военно-полицейских статей провинциального бюджета;

— обеспечение купечеству права на свободную торговлю с СССР и снятие запретов, тормозящих торговлю;

— за отмену нормирования цен как мероприятия, не соответствующего экономическому укладу Синьцзяна;

— за расширение строительства оросительных каналов за счет правительства;

— за отмену трудовой повинности;

— против массового переселения населения в Синьцзян из других провинций Китая.

Во исполнение постановления Политбюро первые секретари ЦК компартий Киргизии, Казахстана и Узбекистана получили директивы:

А) организовать нелегальные «группы национального возрождения» (ГНВ) среди уйгуров, казахов, киргизов, монголов и других национальностей из числа жителей Синьцзяна и из специально подготовленных работников советских среднеазиатских республик;

Б) организовать помощь ГНВ в подготовке военных и политических кадров, создав соответствующие школы в Узбекской, Казахской и Киргизской ССР, а также предоставить необходимое вооружение;

В) организовать письменную связь ученых и общественных деятелей сов. республик с культурно-просветительскими обществами в Синьцзяне;

Г) организовать печатание и распространение в Синьцзяне листовок о хозяйственном и национально-культурном строительстве в советских республиках;

Д) организовать посылку патриотических писем эмигрантам от их родственников, проживающих в СССР;

Е) от имени Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) организовать выпуск книги о положении мусульманской религии в СССР и об участии мусульман в Великой Отечественной войне для ее распространения в Синьцзяне.

10 июня 1944 года по представлению НКГБ Политбюро приняло постановление, разрешившее создать Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. Вскоре лидеры мусульманской общины Советского Союза обратились к мусульманам с обращением, где отрицали преследования ислама в СССР и сообщали о восстановлении свободы вероисповедания и исполнения религиозных культов и обычаев.

Вскоре после решения Политбюро, в конце мая 1943 года, было созвано совещание работников НКВД и НКГБ республик Средней Азии и Алтайского края и разведорганов спец-

служб и Красной армии, действовавших в Синьцзяне. Подготовленный по его итогам план оперативных мероприятий НКВД, НКГБ и Разведуправления Генштаба Красной армии предполагал укрепить синьцзянские резидентуры, организовать в Ташкенте, Фрунзе и Алма-Ате курсы по подготовке партизанских отрядов, укрепить связь органов госбезопасности с подпольными ячейками, ведущими борьбу против Шен Шицая. Республиканским управлениям специальных служб в Киргизии, Казахстане и Узбекистане приказали создавать воинские части из уроженцев провинции, обучить их методам партизанской борьбы. В ближайшем будущем их намеревались перебросить в Синьцзян. Например, в Алма-Ате был создан отряд «Связисты» численностью в 115 человек из коммунистов и комсомольцев, который после завершения специальной подготовки тайно переправили через границу. «Связисты» действовали в провинции до июля 1946 года. Кроме того, началось издание журналов на уйгурском и казахском языке, пропагандировавших борьбу за национальную независимость Восточного Туркестана. Журналы, печатавшиеся в Ташкенте и Алма-Ате, нелегально переправлялись Синьцзян.

В сентябре 1943 года 28 курсантов одной из секретных спецшкол переправили через Монголию и советско-китайскую границу под видом сотрудников Совсиньторга. Под прикрытием основной работы добровольцы вербовали местных жителей и создавали группы Национального Возрождения.

Тем временем во второй половине 1943 года активизировалось повстанческое движение алтайских казахов под руководством Оспан-батыра. В октябре 1943 года советский представитель Пахомов провел тайную встречу с вождем партизан, повстанцам передали 27 винтовок, 10 маузеров и 2600 патронов. Передавая оружие, совет-

ские кураторы соблюдали осторожность: оружие было иностранного производства. Сам Оспан получил английский автомат и 1000 патронов к нему. Ответные дары были тоже значительными: Оспан вручил посланцам 38 лошадей, 8 ковров и золотые изделия. Генконсул во Владивостоке Эдмунд Клабб писал: «Китайцы Ганьсу говорят о казахах, что они любят убивать людей. Однако, думаю, что история покажет, что в Синьцзяне много другого населения, готового убивать китайцев».

25 февраля 1944 г. состоялась встреча Оспан-батыра с руководителем Монголии Хорлогийном Чойбалсаном, в которой приняли участие и советские представители. В ходе этой встречи Оспану, по версии некоторых исследователей, обещали помочь превратить Алтай в независимое государство, его самого назначить ханом. Чойбалсан организовал вооруженные группы для поддержки «алтайского Робин Гуда». По некоторым данным, в качестве особого дара советского правительства повстанцам передали 395 винтовок, 200 автоматов, 6 станковых, 30 ручных пулеметов, 2000 гранат и 400 000 патронов. Соотношение оружия и боеприпасов наводит на мысль, что численность первого существенно преувеличена. Летом 1944 года ввиду приведения китайских войск на границе в боевую готовность Оспан-батыру предложили выступить против гоминьдановских частей. Оспану удалось нанести китайцам ряд поражений благодаря поддержке монгольской авиации.

В этот период активизировалось проникновение США в Синьцзян. В апреле 1943 г. было открыто генконсульство в Урумчи, а в районах Хами, Урумчи и Кульджи началось строительство американских военных объектов. На территории провинции создавались филиалы американских и английских компаний, в частности, американской «Чайна Петролеум Компани». В июне 1943 года в Урумчи по

пути из Москвы в Чунцин останавливался вице-президент США Генри Уоллес, который позднее отметил, что Шен Шицай является препятствием на пути улучшения советско-китайских отношений. Его попытки апеллировать к американцам из-за пограничных инцидентов и перестрелок между синьцзянскими и советскими пограничниками не имели успеха: американцы уклонялись от протестов и просили Шен Шицая детально разобраться в случившемся, исключить возможные провокации. У руководства США, заинтересованного в продолжении активных боевых операций против нацистской Германии на Западе и, впоследствии, участии Красной армии в военных действиях против Японии, не было резонов ссориться с одним из ключевых союзников по антигитлеровской коалиции по второстепенному в тот период вопросу. Генри Уоллес после бесед с дубанем отмечал, что Шен Шицай в тот период препятствовал улучшению советско-китайских отношений. Весной 1944 года китайские войска, преследовавшие повстанцев-казахов в Алтайском округе, пытались пересечь границу с Монголией, столкнулись с монгольскими пограничниками, которые вызвали для поддержки советскую авиацию. Столкновения прекратились только через две недели. Попытки Шен Шицая поставить «на вид» советским военным через американцев не имели успеха.

В середине 1943 г. центральные власти Китая перебросили в Синьцзян значительные силы (около 10 бригад регулярной армии), власть Шен Шицая, формально сохранявшего свой пост, существенно ослабла. По донесениям китайских коммунистов, реальная власть в провинции перешла к 100 чиновникам, прибывшим в Урумчи и другие города Синьцзяна из Чунцина. Теперь пограничники заговорили об антисоветизме правящей партии Гоминьдан: «Вся пресса как в центре, так и на местах находится под контро-

лем Гоминьдана, которая всячески критикует руководство и порядок, существовавший до 1942 г., восхваляя руководство и гоминьдановские идеи, проводящиеся в Синьцзяне после 1942 г. Пресса в своей пропаганде систематически проводит антисоветскую линию, не брезгуя и клеветой на СССР. Выступающие на собраниях уездные руководители, полицейские чиновники, командиры подразделений прямо заявляют, что Советский Союз хотел колонизировать синьцзянские народы, но благодаря вмешательству центрального правительства Китая этим народам удалось освободиться...» К лету 1943 года положение наших специалистов и консульств в Синьцзяне крайне осложнилось: их работники и специалисты-геологи нередко подвергались нападениям, иногда подстрекаемые властями толпы нападали на советские представительства в крупнейших городах провинции: Урумчи, Шара-Сумэ, Кульдже, Хотане и Кашгаре. За многими выходцами из России, бывшими белогвардейцами и их родственниками-студентами и гимназистами, была установлена слежка тайной полиции.

Кроме того, китайские власти прекратили финансирование авиационного завода под Урумчи. Летом 1943 года советское правительство решило вернуть авиазавод на советскую территорию. Согласно донесениям главного управления внутренних войск НКВД вывоз оборудования предприятия и рабочих был завершен к началу сентября 1943 года. Личный состав 171-го батальона перебрасывался из-под Урумчи в приграничный город Джаркент на автомашинах двумя эшелонами, его служба за границей СССР завершилась к концу сентября. В конце октября 1943 года ГУВВ распорядилось перебросить 171-й батальон в город Каменск-Шахтинский Воронежской (ныне — Ростовской) области, где его подразделения приняли под охрану от убывших на запад частей 25-й бригады внутренних войск местные промышленные предприятия.

В 1944 году Шен Шицай, почувствовал, что его власть в провинции поставлена под угрозу из-за активизации центрального правительства Китая. Успехи СССР на советско-германском фронте и стран антигитлеровской коалиции на других театрах военных действий отрезвили дубаня. Он вновь обратился к Сталину с просьбой принять Синьцзян в состав СССР, назначить его председателем совнаркома провинции, но и в этот раз не встретил одобрения. Советский руководитель не забыл двурушничества дубаня и его перехода на антисоветские позиции в трудные для СССР времена.

Тогда Шен Шицай решил снова прибегнуть к творческому переосмыслению советского опыта борьбы с тайными врагами и вероятными оппонентами. На этот раз он раскрыл заговор против себя среди прибывших из центра гоминьдановцев. По указанию дубаня были арестованы несколько сотен человек, что вызвало недовольство Чан Кайши. По рекомендации Чунцина Шен Шицай обратился к центральному правительству с заявлением об освобождении с занимаемого поста «по состоянию здоровья». 29 августа было объявлено, что по уважительным причинам член и председатель правительства Синьцзяна и дубань Шен Шицай просил освободить его от должностей. В связи с этим он был уволен с занимавшихся им государственных постов в провинции и назначен министром земледелия. Тем же указом председателем провинциального правительства назначили У Чжунсина.

31 августа 1944 года Шен Шицай был смещен с поста губернатора, его назначили на малопочетный пост министра (по другим данным — замминистра) земледелия и лесного хозяйства. Тем не менее ему со свитой позволили переехать в Центральный Китай. По одним, представляющимися преувеличенными, данным Шен Шицай

и его свита увезли с собой в Чунцин 60 грузовиков личного имущества, 1275 кг различных драгоценностей, тонны золота, серебра и другие ценности. По другим не менее фантастическим сведениям для вывоза имущества бывшему дубаню потребовалось три транспортных самолета и 128 автомашин.

Сменивший Шен Шицая У Чжусинь (Чжунсин) провозгласил пять своих принципов вместо шести Шен Шицая. По его мнению, туркестанские народы были частью единой китайской нации, обособившиеся от нее только из-за продолжительного отдельного существования. Новый губернатор полагал, что все население Синьцзяна должно изучить китайский язык, а сами китайцы — создавать смешанные семьи с местными девушками. Он также рекомендовал продолжить переселение китайцев в Синьцзян из других провинций. Назначение Шен Шицая министром вызвало недовольство членов Гоминьдана, пострадавших от репрессий и методов «расследования». Они требовали его увольнения и предания суду. После начала восстания в Синьцзяне Шен Шицая отстранили от должности и привлекли к ответственности. Серьезного наказания не последовало, но бывшего дубаня значительно понизили в звании и должности, назначив командиром пограничного поста в Ухане. В 1949 году, после поражения Гоминьдана в борьбе против Компартии Китая, бывший правитель Синьцзяна уехал на Тайвань, где занимал должность советника по государственной политике при резиденции президента Тайваня. В это время в столице провинции Ганьсу городе Ланьчжоу бывшие офицеры северо-восточной армии убили всю семью тестя Шен Шицая Цю Цзунцзюня, который во время правления Шена в Синьцзяне занимал пост начальника колонизации целинных земель военными переселенцами в Или. Шурин Шен Шицая работал в управлении общественной безопасности. Причинами расправы были

названы уничтожение Шеном и членами его семьи коммунистов в Синьцзяне, а также солдат и командиров северо-восточной армии, притеснение и угнетение ими простого народа провинции. В эмиграции Шен Шицай занимался торговлей и писал мемуары. 3 июля 1970 года в возрасте 78 лет бывший правитель Синьцзяна скончался в Тайбэе.

Отъезд Шен Шицая и появление в Синьцзяне губернаторов, назначенных Чан Кайши, означало резкое изменение ситуации в провинции. Государство, чье подчинение центральному правительству Китая было скорее номинальным и находившееся длительное время под советским влиянием и зависимое от военной и экономической помощи Москвы, было ликвидировано. На границах СССР появилась провинция пусть и слабого, но независимого государства, руководители которого настороженно относились к Советскому Союзу и ориентировались на западных союзников.

Китайские власти, особенно эмиссары центрального правительства, слабо разбиравшиеся в политической и экономической ситуации и не желавшие считаться с тяжелым положением местного населения, своими плохо продуманными действиями стимулировали рост недовольства среди уйгуров, казахов, киргизов и местных русских. Назначенная провинциальным правительством мобилизация лошадей с двойным штрафом за несвоевременную сдачу вызвала всплеск возмущения среди кочевников и в оседлом населении. Неприятие местных жителей встретило и предложение нового губернатора продолжить переселение в Синьцзян китайцев из других провинций, что означало сокращение площади пригодной для земледелия земли для одной семьи. Объявленные У Чжунсинем амнистия политических заключенных и декларация о стремлении нормализовать отношения с Советским Союзом запоздали.

Кремль поддерживает мусульман

Тем временем бежавшие из Синьцзяна от репрессий Шен Шицая казахские и киргизские командиры при поддержке советских властей формировали специальные диверсионные отряды. В частности, бывший бригадный генерал, киргиз Исхабек Монунов сформировал группы «Буйга» и «Батыр», переброшенные летом 1944 года в Синьцзян из приграничной деревни Иссык-Ата и участвовавшие в штурме Кульджи и в последовавших затем боевых действиях.

В сентябре 1944 года вспыхнуло новое восстание местных казахов, калмыков и татар в Нилхинском уезде Илийского округа, 7 октября повстанцы заняли уездный центр и к 14 октября полностью очистили район от китайских администрации и войск. Командующий Илийским военным округом Фу Чи направил против повстанцев значительные силы, оставив слабое прикрытие в столице округа Кульдже. Этим воспользовался местный военный революционный комитет под руководством Ахмеджана Касымова, уйгура, получившего образование в СССР. ВРК состоял из представителей разных национальностей, в том числе русских эмигрантов. Комитет распорядился начать восстание в ночь на 8 ноября, к этому моменту к городу были стянуты партизанские отряды, на помощь повстанцам НКВД направил бежавшего из Синьцзяна от преследований китайских спецслужб бывшего эмигранта, офицера армии Дутова, Петра Александрова. Александров сопровождал небольшой караван с оружием и боеприпасами: 120 карабинов, 20 пистолетов-пулеметов, 2 противотанковых ружья, 2 ротных миномета, 50 кг тола, 125 000 патронов, 224 мины и 430 ручных гранат.

В ходе уличных боев, в которых активно участвовала и русская эмигрантская молодежь, повстанцам удалось,

несмотря на превосходство противника в вооружении, разгромить китайский гарнизон, насчитывавший три полка и отдельные подразделения общей численностью около 7000 человек и к 15 ноября очистить центр Илийского края. Уцелевшие китайские войска, около 4000 человек, с трудом удерживали крепость и аэродром на окраине Кульджи, где скрылись бежавшие от повстанцев местные чиновники и их семьи. Попытки восставших захватить крепость и аэродром были отбиты. Одновременно повстанцы направили на Кансайский перевал на дороге Урумчи — Кульджа заслон численностью 500 человек (в том числе 200 русских жителей Синьцзяна), чтобы не допустить прорыва китайских войск для деблокады крепости и подавления восстания.

15 ноября 1944 года повстанцы организовали правительство Восточно-Туркестанской республики. Его главой стал Алихан-тюре Шакирходжаев, авторитетный узбекский религиозный лидер, бежавший в Синьцзян в 1931 году из СССР после осуждения за религиозную пропаганду. Алихан-тюре заявил о желании включиться в борьбу с колонизаторами и готовности поднять против китайцев «все мусульманское население Кульджи», советские представители согласились с его лидерством, понимая, что участия Алихан-тюре привлечет местных жителей к восстанию. Заместителем премьера был назначен помещик и известный в Илийском округе общественный деятель Хакимбек Ходжа, Касымов возглавил военный отдел. В состав правительства вошли также Рахимджан Сабиров, Абдукерим Аббасов, казах Далельхан Сугурбаев, Гани-батур и их единомышленники. Создание правительства ВТР стало катализатором для восстаний в ряде уездов Алтайского и Тарбагатайского округов, где местные жители свергли китайскую администрацию, уничтожали и блокировали армейские гарнизоны.

Алихан-тюре тайно встретился с резидентом НКГБ в Кульдже и передал ему послание к руководству СССР, подписанное и другими членами Правительства ВТР. Сформировавшееся национальное правительство народов Илийского округа против угнетателей китайцев обращается к Правительству СССР с просьбой о самой срочной помощи и защите народов от насилия, произвола и кровавой расправы с мирным населением и семьями. Восстав против нечеловеческого обращения китайских властей, мы взяли власть в свои руки, но не располагаем достаточными средствами для её удержания. Обращаемся к справедливости, выражаем надежду и уверенность получить самую экстренную помощь как живой силой, так и вооружением. Одновременно просим признать правительство, созданное на кровной земле».

Наркомы госбезопасности и внутренних дел Всеволод Меркулов и Лаврентий Берия предложили советскому правительству в ноябре:

«1. Направить на место в качестве военных советников группу ответственных работников НКВД СССР во главе с генерал-майором Егнаровым, с необходимыми средствами связи и специалистами по подрывному делу…

2. Перебросить в Синьцзян подготовленные ранее пять конных отрядов общей численностью 590 чел., состоящих как из бывших жителей Синьцзяна, перешедших на нашу сторону, так и из числа народностей Средней Азии.

3. Двум из отрядов на месте обрасти за счет участников мусульманского национального движения и обеспечить разгром китайских гарнизонов, засевших в Айрембакской крепости и других крепостях Илийского округа Синьцзяна. Снабдить повстанцев вооружением (винтовками, пулеметами, минометами), соответствующим количеством боеприпасов к ним, гранатами и минами».

Советский Союз в дальнейшем официально соблюдал нейтралитет и заявлял о невмешательстве в дела Синьцзяна, однако на деле оказывал активную помощь повстанцам (что, впрочем, было известно Чан Кайши и американским дипломатам и спецслужбам, действовавшим в Синьцзяне). Американцы отмечали, что советские солдаты и офицеры одеты в армии ВТР в полушубки или тулупы коричневого цвета без знаков различия. Советское руководство оказывало повстанцам материальную, военно-техническую и инструкторскую помощь, оно активно влияло на деятельность правительства ВТР. С первых дней существования ВТР для налаживания сотрудничества с ее правительством была создана оперативная группа НКВД во главе с начальником отдела спецзаданий генерал-майором Владимиром Егнаровым, его заместителями были Александр Лангфанг и разведчик-нелегал Николай Прокопюк. Управление группы находилось в Алма-Ате, но значительную часть времени ее руководители и рядовые сотрудники проводили за границей, где налаживали контакты с руководителями повстанцев. Как полагает известный историк Валерий Бармин, поддержав восстание, Москва надеялась на смену власти в провинции и возвращение своего влияния в Синьцзяне, утраченного в последние годы правления Шен Шицая.

Еще 9 ноября начальник кульджинского гарнизона генерал Дзао связался с Урумчи, требуя подкреплений. 15 ноября гарнизону города Дзиньхо было приказано отправить на помощь китайцам части 7-й пехотной дивизии и новую 45-ю дивизию под командованием генерала Ли Теджуна.

Однако активность повстанцев не позволила генералу Ли деблокировать Кульджу, его части вынуждены были отойти к Дзиньхо. Командующий Урумчийским гарнизоном генерал Чжу Шаолян приказал генералу Ду отпра-

виться в Кульджу, принять командование войсками на себя и доложить ему об обстановке. Генерал Ду сумел прибыть в Кульджу на самолете 22 ноября и радировал штабу в тот же день. Ситуация в Кульдже становилась отчаянной. Ду просил подкреплений, которые ему выслали, но и эти войска не смогли добраться до Кульджи из-за сильного сопротивления повстанцев. Несмотря на тяжелые потери, китайцы продолжали удерживать позиции, самолеты сбрасывали им припасы.

В начале декабря 1944 года генерал Егнаров и его подчиненные прибыли в Алма-Ату, к 15 декабря оперативная группа передислоцировалась в приграничный город Хоргос. В Хоргосе Егнаров встретился с двумя командирами отрядов, агентами НКВД, которые доложили генералу о ходе боевых действий и ситуации на освобожденной от гоминьдановских войск территории. По словам партизанских руководителей, китайские войска не вели интенсивных боевых действий из-за недостатка зимнего обмундирования и опасений понести большие потери обмороженными. В свою очередь, повстанцы вели свои действия разрозненно, по инициативе командования отдельных отрядов, без координации и взаимопомощи. Попытки взять штурмом аэродром и крепость Айрембак на окраине Кульджи не имели успеха из-за отсутствия артиллерии у повстанцев.

«Нужной сплоченности отрядов нет, наблюдаются случаи грабежа населения, главным образом со стороны мусульманских отрядов. Влияние правительства на вооруженные отряды отсутствует. Со стороны правительства отсутствует руководство организацией власти на местах. Все управление ограничивается пределами Кульджи. В связи с таким положением намерен в ближайшие 2–3 дня в Кульджу направить «Максима» (начальник отряда) и «Коржа» (наш агент) с задачей обеспечить порядок.

Прошу ускорить прибытие отряда «Максима», который крайне необходим.

17 декабря выезжаю с «Максимом» в Чимпандзе (китайский пограничный пункт против Хоргос)», — рапортовал Егнаров.

Расширение боевых действий на севере Синьцзяна вызвало массовый переход границы китайцами и монголами, конфликтовавшими с повстанцами-мусульманами, местным советским властям пришлось заняться обустройством беженцев при острой нехватке продовольствия и других ресурсов, вызванной продолжавшейся Великой Отечественной войной.

Опергруппа НКВД одновременно занималась планированием боевых действий против китайских войск, формированием новых частей для штурма крепостей и развития наступления, а также консультациями с местными властями. 19 декабря отряды повстанцев штурмовали крепость Айрембак при поддержке импровизированного танка, переделанного из трактора, но их атака была отбита массированным огнем осажденных, которым накануне были сброшены боеприпасы с самолетов. Одновременно шли переговоры о сдаче защитниками укрепления Суйдун неподалеку от Кульджи. В приграничном городке Чимпандзе были организованы краткосрочные курсы пулеметчиков и минометчиков с советскими инструкторами. 25 декабря повстанцы заняли крепость Суйдун, полностью очистив дорогу Хоргос — Кульджа от китайских гарнизонов, что существенно облегчило доставку вооружения, боеприпасов и других военных грузов из СССР.

Китайский гарнизон продолжал удерживать крепость Айрембак. Генерал Егнаров сообщал 20 января в Москву: «В ночь на 7 января повстанцы начали повторное наступление на Кульджинскую крепость Айрембак (так в до-

кументе. — *Авт.*). К исходу дня достигли стен крепости и местами заняли окопы противника у крепости.

В ночь на 8-9 января при подготовке штурма часть повстанцев с поля боя бежала, а оставшихся пришлось отвести на прежние позиции. В неудачной атаке повстанцы потеряли 39 человек убитыми и 65 ранеными. В числе погибших оказался старший лейтенант госбезопасности Абдулин (Абдуллин) Азбан, прибывший в составе отряда «Максима». Абдулина (Абдуллина) хороним в Джаркенте. В течение 7 и 8 января на аэродроме Кульджа минометным огнем уничтожено 2 самолета, подготовленных к вылету. Один самолет, пилотируемый подполковником Ли Чи, сумел вылететь. По уточненным данным, на аэродроме находятся 45 самолетов. Принимаю меры изоляции гарнизона аэродрома от других опорных пунктов. Подготавливаю новое наступление на Айрембак, которое будет произведено с доставкой пушки в Кульджу».

Если верить воспоминаниям, три пушки прибыли из СССР на автомобиле бригады, занимавшейся подвозом грузов в Ланьчжоу. В конце января повстанцам при поддержке артиллерии и авиации удалось захватить крепость и атаковать аэродром. После оставления крепости Айрембак штаб округа в Урумчи распорядился, чтобы гарнизон, оборонявший аэродром, прорвался из Кульджи на Дзиньхо 29 января. Гоминьдановцы стали готовить отступление, но в боях с повстанцами понесли тяжелые потери. Из 4000 человек, оборонявших аэродром, к Дзиньхо вышли по разным данным от 800 до 1500, остальные погибли или попали в плен при отступлении.

5 февраля 1945 г. генерал Ли Теджун телеграфировал правительству отчет о положении дел. По его словам, созданное мятежниками правительство контролировало более 10 уездов с населением около 500 000 человек, половина из которых казахи. По его мнению, восстание было

инспирировано СССР, руководилось из Алма-Аты, а советские регулярные армейские части участвовали в боях на стороне повстанцев. Последние использовали полученное из СССР трофейное немецкое и японское оружие. Несмотря на подтверждение этих данных другими источниками, китайское правительство не отправило СССР официальной ноты протеста. Несмотря на сильные морозы война продолжалась. 17 февраля партизаны взяли Синертай. Еще через три дня два полка общей численностью 3000 человек, отправленных из Дзиньхо для деблокады, были разгромлены туркестанцами. К концу февраля повстанцы осадили Дзиньхо.

Чтобы упорядочить формирование Вооруженных сил, создать из разрозненных отрядов регулярные войска, способные решать серьезные боевые задачи в борьбе с крупными силами противника, правительство ВТР после консультаций с опергруппой в феврале 1945 года приняло постановление «О создании национальной армии Восточно-Туркестанской республики» и утвердило закон о воинской повинности. К 8 апреля партизанские отряды и другие подразделения влились в части национально-освободительной Армии. 8 апреля было объявлено днем создания армии ВТР.

Гоминьдановское правительство весной 1945 года начало перебрасывать для борьбы с повстанцами в Синьцзяне дополнительные соединения, однако военным регулярно приходилось реагировать на новые вспышки недовольства. В частности, в марте 1945 года началось восстание казахов в окрестностях города Манас, которое обеспокоило провинциальные власти: город находится примерно в 100 км от регионального центра Урумчи. К восставшим присоединились не только мусульманское население, но и часть русских, которые бежали к повстан-

цам из Урумчи и его окрестностей. Те, кто отправлялся к восставшим, рисковали арестом и длительным заключением за нарушение режима военного положения или даже расстрелом на месте в случае обнаружения оружия.

Русские юноши, жившие в Синьцзяне, надеялись, что после победы над гоминьдановцами им удастся получить официальное разрешение вернуться в изменившуюся, но такую близкую сердцу Россию. «Мы рвались на Родину. Нас не прельщали ни США, ни Канада, ни Шанхай, ни Австралия. Мы тайно надеялись, что участие в освободительной войне нам зачтется. Так думать заставлял опыт наших предшественников — хороших парней, которые за излишнюю любовь к Отечеству и нелегальный переход границы с СССР были превращены в лагерную пыль», — писал Василий Петров. Он и его товарищи присоединились к повстанческому отряду Калибека, который вынужден был избегать крупных столкновений из-за недостатка вооружения и боеприпасов.

Чтобы успешно отражать постоянные рейды китайских войск на территорию повстанческого района, разорявшие местных жителей, Калибек отправил группу русских парней через заснеженные перевалы Алтая в Кульджу, слухи об освобождении которой от китайцев достигли окрестностей Манаса и Баркуля. На третий день пути к Кульдже Петров и его спутники встретили сформированный из русских и калмыков взвод, направлявшийся на помощь Калибеку, каждый из бойцов вез по два карабина или ручной пулемет и карабин, значительный запас патронов. В одном из вьюков находился ротный миномет. После подхода подкреплений и раздачи оружия мужчинам отряд вырос с 50 до 130 вооруженных партизан, группы Калибека начали беспокоить дорогу, захватывать грузовики с продовольствием и боеприпасами. Китайцы устроили батальонный укрепленный район в одном из сел, но вы-

нуждены были оставить позиции, поскольку караваны с продовольствием перехватывали партизаны. К концу марта — началу апреля Илийский округ был полностью очищен от гоминьдановских гарнизонов и администрации. Тем не менее концентрация китайских войск в Синьцзяне и их возможный переход в наступление беспокоили Егнарова и его кураторов в НКВД.

В апреле 1945 года Алихан-тюре отправил Иосифу Сталину письмо, в котором лесть была перемешана с просьбами о помощи и заверениях в верности СССР: «Великому вождю Советского Союза шлю пламенный привет. Я и недавно освобожденные от гнета народы восточного Туркестана надеются на Вас, главный маршал, в том, что народы Восточного Туркестана будут освобождены только при помощи Великого Советского Союза, который в этом деле окажет нам всестороннюю помощь. Миллионы людей Восточного Туркестана смотрят на Вас как на своего вождя, защищающего интересы угнетенных народов. Мы глубоко уверены, что всегда получим от Вас справедливую и нужную помощь. Тем самым мы сумеем изгнать со своей Родины всех наших угнетателей. Я надеюсь, что при наличии необходимой нам поддержки со стороны Великого Союза колонизаторы будут изгнаны. Приветствую Красную армию и ее героев, которые окончательно разгромили врагов свободолюбивых народов мира — фашистов... Также с нетерпением жду возвращения к нам уважаемого Владимира Степановича (Егнарова. — *Авт.*), который окажет нам нужную помощь».

29 апреля 1945 года, в разгар штурма Берлина, Берия докладывал Сталину: «Илийский округ Синьцзяна с окружным центром гор. Кульджа полностью очищены повстанцами от китайских войск и администрации. Илийский округ с населением около 400 тыс. человек располо-

жен в северо-западной части Синьцзяна и непосредственно граничит с Казахской ССР. Округ является одним из наиболее богатых районов Синьцзяна и основным поставщиком зерна и скота для синьцзянского правительства…

Общая численность вооруженных сил повстанцев составляет 9300 чел., из которых сформированы 1 кавбригада, 4 стрелковых полка и 5 отдельных кавдивизионов. Постоянный состав войск повстанцев Илийского округа в ближайшее время может быть доведен до 12 000 чел. Дальнейшее увеличение вооруженных сил повстанцев затрудняется нежеланием крестьян оторваться от своих хозяйств.

Кроме того, в Алтайском округе Синьцзяна существует повстанческий вооруженный отряд из алтайских казахов, численностью около 4000 чел., во главе с местным авторитетом Оспаном Батыром. Отрядом Оспана Батыра заняты Коктогайский и Чингильский уезды Алтайского округа, прилегающих к центру округа — Шара-Сумэ, однако активных действий по захвату города и очищению округа от китайцев пока не предпринимали.

Вооруженные силы повстанцев в Синьцзянском округе еще малочисленны и не являются боеспособными вследствие необученности, слабого вооружения, отсутствия должной организации из-за недостатка квалифицированных военных кадров…

Внутренняя жизнь на занятой новой территории не устроена вследствие отсутствия работников, имеющих опыт организации хозяйственной и политической деятельности. Повстанцы не имеют денежных средств для содержания государственного аппарата и вооруженных сил. Тем не менее повстанческое движение в Илийском округе пользуется авторитетом среди мусульманского населения как самого округа, так и соседних с ним округов Синьцзяна. Под влиянием повстанческого движения в Илийском округе, среди мусульманского населения Тарба-

гатайского и Алтайского округов — на севере, Аксуйского и Кашгарского — на юге отмечаются попытки антикитайских выступлений.

По данным НКВД СССР центральное китайское правительство, обеспокоенное событиями в Илийском и Алтайском округах, намерено перейти к активным действиям по подавлению национально-освободительного движения мусульман.

Командование китайской армии увеличивает численность своих войск в Синьцзяне, где в данное время сосредоточено около 80 000 человек. Учитывая явное превосходство вооруженных сил китайцев в Синьцзяне, надо полагать, что в случае наступательных действий со стороны китайских войск повстанцы могут быть разгромлены и национально-освободительное движение мусульман Синьцзяне подавлено, если это движение не получит соответствующую поддержку от нас.

Мы со своей стороны считаем целесообразным поддержать национально-освободительное движение мусульман в Илийском и Алтайском округах и оказать повстанцам помощь в распространении движения на другие округа Синьцзяна. В случае положительного решения вопроса, по нашему мнению, в ближайшее время необходимо провести следующие мероприятия:

1. Вооруженные силы повстанцев реорганизовать для прочной обороны Илийского округа от наступательных действий китайских войск. Одновременно с организацией обороны Илийского округа оказать Временному правительству Восточного Туркестана помощь в распространении национально-освободительного движения мусульман в Тарбагатайском, Алтайском, Аксуйском и Кашгарском округах Синьцзяна.

2. Для создания китайским войскам в Синьцзяне невыносимых условий помочь повстанцам Илийского округа

в организации диверсионных групп из повстанцев и засылать их в города Урумчи, Кашгар, Шара-Сумэ, Чугучак, Аксу и др. для проведения диверсий, главным образом уничтожения живой силы, техники и нарушения коммуникаций китайских войск.

3. Обязать НКО (тов. Булганин):

а) Демобилизовать из Красной армии 800 чел. офицерского и 2000 чел. сержантского и рядового состава средне-азиатских (так в документе. — *Авт.*) национальностей для использования их в повстанческих формированиях под видом жителей Синьцзяна;

б) Выделить для нужд повстанческих отрядов мусульман Синьцзяна трофейное стрелковое и минометное вооружение и боеприпасов к ним на 15 000 чел.

4. Учитывая возможность и необходимость использования повстанцами авиации в боевых действиях против китайских войск, признать целесообразным заменить из числа 36 самолетов, захваченных повстанцами у китайцев, на годные для использования 9 самолетов, из них 3 «СБ» и 6 истребителей «И-16».

5. Рекомендовать Временному правительству Восточного Туркестана через представителя НКВД СССР генерал-майора Егнарова:

а) Организовать необходимую подготовку мероприятий и приступить к наделению мусульманской бедноты землей за счет земель, ранее принадлежащих китайским помещикам и купцов;

б) В целях демократизации правительства вовлечь в состав правительства представителей трудящихся мусульманских районов, освобождаемых от китайских войск и администрации;

в) Для облегчения финансовой помощи правительству выпустить внутренний заем, ввести налоговую систему и организовать государственную торговлю.

6. Для оказания Временному правительству Восточного Туркестана помощи в упорядочении административно-хозяйственной деятельности обязать ЦК ВКП(б) Казахстана и Узбекистана по согласованию с НКВД СССР выделить и направить в Кульджу по одному опытному политработнику и по одному специалисту по финансам, торговле и здравоохранению из местных национальностей.

7. Предложить Наркомвнешторгу СССР в торговле с Временным правительством Восточного Туркестана расширить ассортимент товаров широкого потребления, отмечая возможность получения сырья, с учетом запросов населения районов, освобожденных от китайской администрации. Просим Вашего распоряжения».

Политбюро разрешило поставки вооружения и направление в Синьцзян советских инструкторов в июне, что позволило оперативной группе НКВД ускорить формирование частей народно-освободительной армии ВТР и подготовить новые наступательные операции.

В начале июля генерал Егнаров докладывал в Москву, что отряды повстанцев объединены в 1 кавалерийскую бригаду, 1 отдельный кавполк, 5 отдельных стрелковых полков, 6 отдельных кавдивизионов, 1 артиллерийско-минометный дивизион, 1 отдельный пулеметный дивизион. Их общая численность достигла 11 800 человек. Вооружение оставалось скудным: 7 минометов, 17 противотанковых ружей, 225 пулеметов, около 5500 винтовок и 350 автоматов. По мнению начальника отдела спецзаданий, сформированные части продемонстрировали неплохую боевую подготовку и готовность к активным действиям.

Обезопасить Илийский округ от вероятного наступления гоминьдановских войск Владимир Егнаров и его окружение намеревались не только прочной обороной,

но и действиями диверсионных отрядов, которые должны были перерезать линии снабжения китайских войск и создавать новые очаги восстания в их тылу. Их подготовкой и переброской в тыл противника занимался Николай Прокопюк. Всего были сформированы 5 отрядов численностью около 150 человек. Их планировалось направить в район Ташкурган-Яркенд и в Тарбагатайский округ.

В еще одной докладной записке из района боевых действий в Москву отмечалось: «Сложившаяся обстановка в Кульдже, восстание казахов в районе Манас, активная подготовка китайцев к ликвидации национально-освободительного движения мусульман, необходимость ускорить обеспечение руководство действиями казахов «Героя» (речь, судя по всему, идет об отрядах казахского повстанца Оспана Батыра) в Алтайском округе заставляет просить Вашего разрешения принять меры для немедленных действий более крупными силами с целью освобождения Тарбагатайского округа. Выход в Тарбагатайский округ только одного полка повстанцев позволит, во взаимодействии с восставшими казахами в Манасском уезде, перерезать сообщение Урумчи с Дзиньхо и Чугучаком, ликвидировать гарнизон в Чугучаке и Дурбульджине и соединиться с казахами «Героя». Такая операция, несомненно, сорвет предполагаемое наступление китайцев на Кульджу и укрепит положение и авторитет Восточно-Туркестанской республики».

Низкая боеспособность китайских войск и появление советских инструкторов с богатым боевым опытом позволило повстанцам активизировать боевые операции. Их диверсионные отряды соединились с отрядами казахских повстанцев в районе города Манас, нанеся поражения действовавшим там китайским частям. 29 июля 1945 года повстанцы заняли город Дурбульджин, направили губернатору Тарбагатайского округа ультиматум о сдаче Чугучака (напомним, он находится примерно 50 км

от Дурбульджина). Спустя сутки, в ночь на 31 июля, на советско-китайскую (или советско-синьцзянскую) границу прибыл вице-консул СССР в Чугучаке Зайнуллин, передавший начальнику 30-го Бахтинского пограничного отряда полковнику Евгению Ковалевскому просьбу губернатора Тарбагатайского округа предоставить убежище на территории СССР 300 китайским чиновникам и такому же количеству китайских солдат и офицеров.

Утром 31 июля начался переход китайцев на советскую территорию. Всего перешли и были интернированы около 1100 человек, в том числе: губернатор Тарбагатайского округа Шин Юин, его секретарь, начальник окружного управления полиции со своим помощником, около 100 чиновников управления губернатора, полиции, суда и таможни, около 500 солдат и офицеров 3-го и 7-го китайских кавполков и около 500 мирных жителей, преимущественно китайской национальности. Интернированных разместили во временных лагерях в горах Аркалы (15 км юго-западнее гор. Бахты). Губернатор со своей свитой размещены отдельно в гор. Бахты. Все интернированные охранялись советскими пограничниками. При желании китайские военные могли достаточно долго защищать Чугучак от натиска повстанцев: они передали советским пограничниками 13 пулеметов, 480 винтовок и карабинов, три автомата, а также 45 револьверов и пистолетов и 80 шашек. Однако, в отличие от событий 1933–1934 гг., китайский гарнизон был деморализован и поэтому предпочел уклониться от борьбы.

В конце июля 1945 года в Манасском уезде Синьцзяна вспыхнуло новое восстание казахов. Восставшие казахи ушли в горы южнее Манас и организовали новый отряд численностью до 800 человек. В помощь манасским повстанцам из Илийского округа была выброшена небольшая группа под командованием прапорщика Заболокина,

который возглавил руководство Манасскими повстанцами. Командование народно-освободительной армии ВТР, оценив выгодное положение повстанцев Манасского уезда, позволявшее наносить удары по дороге Урумчи — Шихо, по которой шло снабжение китайских гарнизонов, решило поддержать восстание. 21 июля 1945 года в Манасский уезд был направлен отдельный кавдивизион под командованием Фирсова численностью 350 человек. Возглавивший повстанцев Фирсов получил задачу перерезать дорогу Урумчи — Шихо и наступать в направлении Шихо. Наиболее упорные бои развернулись в долине Пуртангу, где китайские войска, укрепившись в населенных пунктах, оказывали ожесточенное сопротивление.

В июле-августе повстанцы Алтайского и Тарбагатайского округов при поддержке армии ВТР очистили большую часть территории округов от гоминьдановских войск. Однако обстановка в части Алтайского округа, где повстанцами руководил казахский лидер Оспан-батыр, обстановка оставалась сложной. Оспан получил должность губернатора округа, но эта роль не удовлетворила вождя. Оспан-батыр был одним из лидеров «смутного времени» Синьцзяна. Для них ключевой задачей было завоевание абсолютной власти, сочетавшей сосредоточение военных, политических и экономических полномочий (и, следовательно, определенный уровень благосостояния в разоренной длительными мятежами стране) в своих руках, которую они стремились охранять от внешних посягательств. Главным ресурсом власти были поддержка соплеменников и военная сила, способная подавлять возможные вспышки возмущения недовольных и возможность пополнять извне запасы вооружения и боеприпасов. Политическая ориентация и даже национальная и религиозная окраска движения были в той ситуации вторичными и могли меняться в зависимости от обстоятельств.

В сентябре 1945 года Оспан-батыр не подчинился принятым по настоянию Москвы распоряжениям руководства ВТР о прекращении активных боевых действий против китайских войск и, напротив, активизировал операции своих отрядов. Оспан-батыр, заручившись поддержкой руководства Монголии, претендовал на автономию и далеко не всегда подчинялся распоряжениям из Кульджи. Он вынашивал планы создания «Алтайского Ханства» и заявлял, что председатель правительства социалистической Монголии Хорлогийн Чойбалсан обещал ему поддержку в его создании. В октябре 1945 года Оспан-батыр полностью нарушил данные ранее обязательства о координации действий с руководством туркестанских повстанцев и советскими представителями. Лаврентий Берия обратился со специальным письмом к Молотову о согласовании действий в отношении «казахского Робин Гуда» с Чойбалсаном и поручить ему дать указание о прекращении активных действий против гоминьдановских войск и содействии кульджинским повстанцам в мирном урегулировании конфликта с китайцами.

Попытки командующего национально-освободительной армией ВТР Исхакбека Монунова, советских представителей при ВТР и в Шара-Сумэ, при ставке Оспана-батыра, убедить его выполнить директивы о прекращении активных операций не имели успеха. Не подчинился он и указаниям Чойбалсана. В июне 1946 года казахский лидер, сославшись на болезнь, покинул пост губернатора и начал «войну против всех». Его отряды атаковали подразделения и обозы китайских войск и населенные пункты, которые контролировались правительством ВТР, а также нападали на советские геологические партии и начатые ими разработки месторождений редких металлов. В конце 1946 года Оспан-батыр внезапно перешел на сторону Гоминьдана и получил должность

«особоуполномоченного синьцзянского правительства в Алтайском Округе».

Однако летом повстанцы продолжали боевые операции в Алтайском и Тарбагатайском округах. Их успехи активизировали антикитайские настроения в южных округах Синьцзяна, Кашгарском и Яркендском. 2-я кавбригада народно-освободительной армии ВТР под командованием русского эмигранта Фотия (Федота) Лескина при поддержке местных повстанцев очистила от китайцев большую часть Алтайского округа. Избежавшие разгрома гарнизоны гоминьдановских войск уже не пытались остановить наступление противника, они отходили к границе с МНР, на территории которой надеялись избежать уничтожения и плена. Организованный отход на монгольскую территорию не удался китайскому командованию. По сообщению опергруппы НКВД, отходивший на границу с МНР гарнизон Шара-Сумэ был окружен и сдался в районе города Алтай 12 сентября 1945 года. Среди взятых в плен оказались губернатор Алтайского округа Гаубай Юй, командующий военным округом, командир 3-й пехотного полка полковник Фан, а также 111 офицеров и 1285 солдат. Повстанцы захватили 7 минометов, 30 пулеметов, более 1000 винтовок, значительное количество боеприпасов.

В августе 1945 года повстанцы в Кашгарском и Яркендском округах при поддержке диверсионных отрядов армии ВТР заняли города Бай и Ташкурган, перерезав основные дороги, соединявшие Урумчи с югом провинции. 11 сентября повстанческие части заняли нефтепромыслы Тушанцзы, не позволив гоминьдановским войскам привести в негодность скважины и мощности нефтеперерабатывающего завода. Добыча и переработка нефти позволяли в будущем использовать трофейную японскую и немецкую боевую технику, на получение которой надеялось руководство повстанцев. В середине сентября

главные силы армии ВТР разгромили последний крупный гарнизон китайской армии в Илийском округе — серьезно укрепленный город Дзиньхо (Циньхо) и нанесли серьезные потери частям, оборонявшим город Шихо — ключевой пункт на дороге из Илийского округа на Урумчи. По данным опергруппы НКВД, китайцы потеряли 4000 солдат и офицеров убитыми и более 2500 пленными. Повстанцы захватили две танкетки, три орудия, 27 минометов, 1700 винтовок, более 100 пулеметов, значительное количество боеприпасов к минометам и стрелковому оружию, склады с горючим и обмундированием, свыше 10 000 баранов. Повстанцы, по сведениям чекистов, потеряли 277 человек убитыми и 678 ранеными. Соотношение потерь противоборствующих сторон, а также несоответствие цифр потерь гоминьдановских войск и количества захваченного вооружения заставляет задуматься о достоверности сведений о потерях противника. Тем не менее успехи повстанцев и поражение китайской армии в Синьцзяне были очевидными. Контроль центрального правительства Китая над Синьцзяном становился призрачным, руководители восстания считали вполне возможным создание при поддержке независимого государства мусульманских народов, населявших восточный Туркестан.

Зам госсекретаря США Джеймс Ачесон сообщал: «Повстанцы, происходящие из казахских, уйгурских и киргизских племен, протестуют против проводимого в Синьцзяне курса на политическое, социальное и экономическое угнетение, предлагая программу политических свобод, равенства и культурной автономии... Неудача, постигшая китайцев в понимании природы восстания, их убежденность, что оно на все 100 процентов вдохновляется и направляется Советами, привела к самому острому росту подозрительности и враждебности со времен заключения советско-китайского договора.

Поверенный в делах США в СССР Джордж Кеннан писал, что для обретения гегемонии над Синьцзяном в условиях традиционно скверного управления провинцией китайским меньшинством и повстанческой борьбы мусульманского туркестанского большинства СССР не нуждается в продвижении «плохо подбитым сапогом» по польскому или балканскому образцу. Достижение и сохранение решающего влияния требует несколько большего, чем осторожное управление политическими и военными силами, действующими в прилегающих к границам Синьцзяна районах СССР и Монголии. Политическая работа и деятельность спецслужб, как полагал один из будущих основателей американской советологии, могла органично вписываться в стихийные восстания племен и тесные переплетения родовых противоречий, преобладающие на просторах Центральной Азии. Поэтому ее трудно будет идентифицировать как направляемую из Москвы».

От войны до худого мира

Однако китайское правительство не смирилось с возможной потерей обширной территории и намеревалось продолжать борьбу за ее возвращение. Капитуляция Японии перед державами антигитлеровской коалиции 2 сентября 1945 года освобождала главные силы китайской армии от боевых действий против оккупантов и позволяла Чан Кайши направить против повстанцев крупные силы, имевшие существенный боевой опыт. Силы противоборствующих сторон в такой ситуации оказывались несопоставимыми. В центральном и южном Китае насчитывалось по разным оценкам от 350 до 400 млн жителей. В Синьцзяне по официальным данным жили около 4 млн человек, но некоторые исследователи, опираясь на доклады путешественников и деятелей Коминтерна, утверждают, что

численность населения Синьцзяна в начале 1930-х гг. достигала 12–15 млн человек. Однако даже если допустить справедливость последней оценки, мобилизационные ресурсы и способность сторон в производстве вооружения, боевой техники и военной амуниции были несопоставимы. Повстанцы могли надеяться только на трудности сосредоточения и передвижения значительных сил противника из-за неразвитой дорожной сети и ограниченности водных и продовольственных ресурсов. Главной стратегией становилась успешная защита ключевых укрепленных позиций и важнейших дорог, партизанские действия в тылу противника. В такой ситуации решающим фактором, определявшим способность повстанцев успешно сопротивляться натиску многократно превосходящего противника, становилось получение помощи извне. Иначе говоря, руководство ВТР, повстанцы и боровшиеся за национальное освобождение народы Синьцзяна вновь оказались заложниками политики СССР и его двусторонних отношений с Китаем.

В начале сентября 1945 года Берия и его заместитель Аркадий Аполлонов сообщали в Политбюро: «Китайцы принимаю меры к усилению правительственных войск в Синьцзяне. В начале августа из Сучжоу (провинция Ганьсу) в Синьцзян выступила 4-я кавалерийская армия Ма Буфана в составе 1-й и 5-й кавдивизий общей численностью 12 000 человек.

В Урумчи на автомашинах перебрасывается вновь сформированная 3-я стрелковая дивизия. С 5 по 11 августа прибыло 100 автомашин с личным составом этой дивизии. По имеющимся агентурным данным, Чан Кайши намерен дополнительно ввести в Синьцзян несколько хорошо подготовленных частей из армий, действовавших до сих пор против японцев, а также перебросить до 200 самолетов.

Опорные пункты на подступах к Урумчи: Дзиньхо, Шихо, Карашар усиленно укрепляются китайцами. Готовясь к боевым действиям зимой, китайцы принимают меры для обеспечение войск теплой одеждой и продовольствием, в пунктах дислокации частей развернуты самозаготовки. Боеспособность китайских войск в Синьцзяне низкая, наступающие части повстанцев не встречают серьезного сопротивления. Среди личного состава вновь перебрасываемой 6-й кавдивизии и 3-й стрелковой дивизии дисциплина низкая, отмечается дезертирство солдат.

НКВД СССР считает, что правительство Восточного Туркестана пока еще имеет благоприятные условия для развертывания повстанческого движения мусульман Синьцзяна. Однако центральное правительство Китая имеет все возможности для того, чтобы в дальнейшем изменить обстановку в свою пользу... НКВД СССР просит Ваших указаний о целесообразности дальнейшей поддержки повстанческого движения мусульман в Синьцзяне...

Следует учесть, что китайское правительство, по-видимому, предпримет в ближайшее время против повстанцев решительные действия. В этих условиях часть вооружения повстанцев, а также активные деятели повстанческого движения в случае неудачи вынуждены будут перейти на нашу территорию».

14 августа 1945 года СССР и Китай подписал договор о дружбе и союзе сроком на 30 лет. Он предусматривал взаимную помощь в войне против Японии и отказ сторон от сепаратных переговоров о мире с Японией без взаимного согласования.

Важнейшим пунктом договора было взаимное обязательство СССР и Китая не вмешиваться во внутренние дела и признавать территориальную целостность. В со-

ответствии с особым соглашением СССР признал суверенитет Китая над восточными провинциями, входившими в состав марионеточного государства Маньчжоу-го. Взамен Китай соглашался передать в аренду на 30 лет СССР военно-морскую базу в Порт-Артуре.

Китайское правительство обязалось признать Монгольскую Народную Республику в ее границах 1945 года независимым государством после победы над Японией в случае, если плебисцит подтвердит волю монгольского народа к независимости.

Кроме того, было подписано соглашение об участии СССР в эксплуатации железных дорог в Маньчжурии. В сферу совместного советско-китайского контроля была включена не только Китайско-Восточная, но и Южно-Маньчжурская дорога, правами на которую СССР прежде не обладал. Их объединили в одну Китайско-Чаньчуньскую железную дорогу.

25 августа Чан Кайши заявил, что правительство Китая готово дать живущим в Синьцзяне народам самоуправление. Власти ВТР могли бы не обратить внимания на это заявление Чунцина. Однако уже в ближайшей перспективе обозначились намерения центрального правительства Китая восстановить контроль над большей частью территории. Кремль в тот момент не был заинтересован в обострении противоречий с государством с самой протяженной сухопутной границей. СССР, вероятно, считал повстанцев, придерживавшихся исламистских воззрений, инструментом давления на Чан Кайши и не предполагал защищать их после нормализации отношений с Китаем и выполнения им требований Советского Союза. Москва не намеревалась защищать восставших и поддерживать их стремление к отделению от Китая до конфликта с его центральным правительством и, следовательно, с поддерживавшими его США и Великобританией.

7 сентября 1945 года китайцы запросили Москву о помощи в урегулировании конфликта. Советские дипломаты и консультанты из числа сотрудников спецслужб рекомендовали руководству ВТР снизить интенсивность боевых действий и начать переговоры с Китаем. Председатель правительства Алихан-тюре Шакирходжаев и его сторонники, имевшие большинство, были против переговоров и настаивали на продолжении боевых действий. Однако член правительства Ахметжан Касыми (военный министр), лидер Народной революционной партии Абдукерим Аббасов и генерал Далельхан Сугурбаев поддерживали идею переговоров.

14 сентября 1945 года Политбюро вновь обратило внимание на Синьцзянский вопрос. В Кремле признали целесообразным взять на себя посредничество между повстанцами в Синьцзяне и центральным правительством Китая. Советскому послу в Китае поручили сообщить вице-министру иностранных дел об обращении лидеров повстанцев к консулу в Кульдже с просьбой к советскому правительству взять на себя посредничество между ними и китайскими властями в целях урегулирования возникшего конфликта. Руководители восставших заявили, что население намеревалось не отделиться от Китая, а добиться автономии в той части Синьцзяна, где мусульмане составляют явное большинство населения, в частности, в Илийском, Тарбагатайском, Алтайском и Кашгарском округах.

Они указали, что причиной восстания стали бесправие мусульманского населения в Синьцзяне, притеснения, беззаконие и массовые репрессии китайской администрации.

«Советское Правительство, заинтересованное в установлении порядка на своей границе с Синьцзяном, готово поручить своему консулу в Кульдже оказать Китайскому Правительству возможное на основе представления

мусульманам в Синьцзяна содействие, если оно этого пожелает, в урегулировании создавшегося в Синьцзяне положения на основе представления мусульманам в Синьцзяне автономии. Рекомендовать повстанцам до получения ответа Китайского Правительства на заявление Советского Посла и на время переговоров, если таковые состоятся, активные действия вооруженных сил приостановить», — резюмировало постановление. 11 сентября Берия дал указание прекратить использование авиации в боевых действиях. Возможно, это было вызвано инцидентом в районе города Урси, где бомбардировщики НОА, действовавшие с советскими опознавательными знаками под управлением советских пилотов, бомбардировали его и сбросили на позиции китайской армии 8 бомб. 5 сентября 1945 года китайский министр иностранных дел Ван Шицзе попросил Молотова провести расследование инцидента, на что последний ответил, что на фоне подписания советско-китайского договора эти инциденты не имеют большого значения.

Китайцы отправили ответную ноту, в которой указали, что отправили правительственного уполномоченного Чжан Чжучжуна для оказания помощи населению Синьцзяна, улучшения жизненных условий и расследования событий. 14 сентября спецпредставитель Чан Кайши Чжан Чжучжун встретился с советским консулом в Урумчи Евсеевым, где первый признал возникновение восстания следствием внутренних факторов и попросил советского посредничества для ведения переговоров.

Часть руководства ВТР саботировала и нарушала советские рекомендации по переговорам, считая, что только разгром китайских войск и освобождение всего Синьцзяна повстанцами смогут обеспечить интересы мусульманских народов. В результате противоречий по вопросу перего-

воров в правительстве республики произошел раскол, который не был обозначен формально, но был очевиден, что грозило выходом обстановки из-под контроля. Против переговоров выступило большинство членов правительства ВТР: Алихан-тюре, Рахимжан Сабирходжаев, Халфат из Мутаса, Джаны Юлдашов, Абдул Рагим Максум, Карим Хаджи, Зунун Таипов. За проголосовали Ахмеджан Касымов, Абдукерим Аббасов, Далельхан Сугурбаев. Последние надеялись, что после победы КПК новое правительство Китая создаст федерацию советского образца и будет считаться с интересами национальных республик. Настроения лидеров были связаны с мнением значительной части армии, особенно рядовых, а также младшего и среднего комсостава. Воодушевленная предыдущими успехами, она не хотела останавливать победоносное наступление и поддерживала Алихана-тюре.

17 сентября 1945 года армия ВТР официально прекратила наступательные боевые действия, то же самое сделали и китайские войска. Тем не менее лидеры повстанцев игнорировали советские указания. Оспан-батыр уклонялся от прекращения огня. Алихан-тюре внешне согласился с завершением наступательных операций, но в секретных письмах к командирам войсковых частей призывал их не выполнять советские предложения о перемирии.

В ответ в октябре советские кураторы настояли на отзыве советских инструкторов с передовой, возврате переданного Народно-освободительной армии тяжелого вооружения и боеприпасов. «18 октября нами (Егнаровым и Лангфангом. — *Авт.*) перехвачены письма Садыка (псевдоним Алихана-тюре в донесениях) Сурбаеву (командующему войсками южного направления), представителям правительства при отряде Сурбаева. В письме Садык предлагает продолжить активные боевые действия, не обращая внимания на приказы штаба перейти к обороне. По поводу понесенных потерь Са-

дык обвиняет нас, имея в виду указания о переходе к обороне и выводе наших людей и вооружения с этого (аксуйского. — *Авт.*) направления. По тону письма Садыка усматривается его намерение любыми средствами удержаться на юге в районе Аксу... По состоянию на 20 октября из повстанческих формирований нами выведены все демобилизованные и сосредоточены в погранполосе, откуда выводятся в район Джаркента. Одновременно с вооружения повстанцев снято все оружие, состоящее на вооружении китайцев, за исключением батальонных минометов. Снабжение повстанцев боеприпасами прекращено», — рапортовали представители НКВД. Правительство ВТР после вывода советских инструкторов и вооружения попыталось укрепить контроль над армией, был создан Высший Военный Совет, председателем которого стал Алихан-тюре, членами — Исакбек Монунов (Монуев), Касымов и Карим Хаджи.

Переговоры между делегациями Китая и ВТР начались 12 октября. Сообщение о переходе делегации ВТР линии фронта было отправлено Сталину, Молотову, Берии, а также Маленкову и Микояну. Переговоры в Урумчи протекали крайне сложно и нервозно. Китайский представитель сначала отказался обсуждать вопрос автономии, говоря, что не имеет соответствующих полномочий. Кроме того, Пекин выдвинул тезис: сначала мир и единство, потом — свобода и демократия, что могло вызвать срыв переговоров. Делегация ВТР, в свою очередь, согласилась отложить вопрос автономии, но категорически отказывалась уступать по второстепенным пунктам. Алихан-тюре ориентировался на срыв переговоров.

24 октября Егнаров сообщил Берии, что Алихан-тюре созвал заседание правительства 22 октября, где был поставлен вопрос об отзыве делегации из Урумчи. Действия

Алихана-тюре и продолжение наступления армии ВТР вынудили советских представителей начать сокращение советского военного присутствия в освобожденных районах. Алихан-тюре намеревался использовать неудачу переговоров для развертывания боев. действий, советское руководство задумалось о замене его на более контролируемого человека.

Нарушения приказов о приостановке активных действий были частым явлением в разных секторах фронта. Такие сепаратные действия, не поддержанные соседями, не приносили успеха, приводили к неоправданным потерям и деморализации армии.

31 октября 1945 года обескураженный Алихан-тюре обратился к Сталину с посланием: «Мы, народы Восточного Туркестана, уже 200 лет находимся в рабстве у китайского правительства... Китайцы эксплуатировали нас диким образом, считая низшей расой. Лишив нас знаний и культуры, они привели нас в жалкое состояние... Весь наш народ, объединившись под лозунгами единства и дружбы, поднялся на борьбу с притеснением. Мы пошли в кровавый бой. И сила народная разбила врага везде, где с ним встречалась... Сейчас мы, народы Восточного Туркестана, не признаем китайскую власть и полны намерений защитить свои права и свою родину... Мы разделились так, как вода не может соединиться с пламенем, как овца не может ужиться с волком. Мы, народы Восточного Туркестана, поклялись перед богом не складываться оружия, пока не победим в борьбе за нашу родину и не добьемся полноты всех прав». Вместе с Алиханом-тюре письмо подписали 10 членов правительства ВТР.

Эмоциональное послание не достигло цели и не изменило стремление Москвы к соглашению с Чан Кайши. Под давлением советских представителей делегация

ВТР 13 ноября вернулась на переговоры. 19 ноября ее члены потребовали высокой степени внутренней автономии освобожденных районов, в частности сохранения самостоятельности округов в обороне и международных отношениях. Они предложили не разоружать национально-освободительной армию и включить ее части в состав национальных вооруженных сил Китая, сохранив особенности их устройства и существовавшее обмундирование. Представители центрального правительства не соглашались на ослабление контроля и были готовы подтвердить только выборность низовых органов власти и местных судов.

26 ноября делегация повстанцев вновь отбыла в Кульджу. 28 ноября Алихан-тюре написал новое письмо Сталину о ситуации в провинции и незавершенных переговорах, обвиняя в их затягивание китайскую сторону. Генерал Егнаров, в свою очередь, в сопроводительном письме очертил китайские инициативы. Чтобы ослабить Восточно-Туркестанскую Республику, СССР продолжил отзыв из ее вооруженных сил военных советников, изъятие вооружения и прекратил отправку гражданских специалистов.

4 декабря Егнаров и Лангфанг писали Берии: «По состоянию на 1 декабря в формированиях повстанцев изъято 3700 выданных нами германских винтовок, полностью изъяты германские пулеметы и батальонные минометы. Изъятие винтовок продолжаем. Тахтамышская и Алтайская опергруппы расформированы, личный состав с вооружением выведен в Союз. Весь состав «демобилизованных» численностью 2707 человек выведен в Союз, передан представителю штаба ТуркВО и направлен по месту несения дальнейшей службы. Во исполнение Ваших указаний мероприятия по выводу из строя самолетов проведены».

Одновременно Москва стремилась укрепить влияние своих сторонников в правительстве ВТР. В конце ноября 1945 года ряд его членов выступили против непримиримой линии большинства. Однако в декабре Алихан-тюре собрал совещание республиканского актива и добился принятия постановления о продолжении жесткой линии на переговорах. В заключительной части постановления говорилось: «Если китайское правительство не даст нам свободу, то мы сами завоюем ее и распространим национальную Революцию на всю территорию Восточного Туркестана».

Представители Москвы — сотрудники специальных служб, военные советники и дипломаты в Синьцзяне — все-таки сумели настоять на продолжении переговоров. 25 декабря прибывшие на новый тур консультаций представители Кульджинского правительства были настроены более миролюбиво, чем прежде. Они понимали трудное положение армии, ослабленной отзывом большей части советских инструкторов и изъятием значительного количества вооружения, и осознавали, что активные боевые действия в таких условиях затруднены, а их успех сомнителен.

Затягивание войны не было выгодно и Чунцину. Китайские представители на декабрьских переговорах согласились на вывод войск, введенных для подавления восстания, и роспуск тайной полиции. Советские представители наблюдали за ходом переговоров и требовали продолжать их, несмотря на попытки срыва со стороны «ястребов».

2 января стороны подписали предварительное соглашение «О прекращении военных действий и мирном урегулировании спорных политических и экономических вопросов». Через 4 дня после Урумчинского соглашения Китай признал независимость МНР. Кроме того, в марте 1946 года китайское правительство разрешило СССР

продолжать разработки олова в Синьцзяне. Советский Союз не был заинтересован в немедленном падении ВТР и продолжал ограниченно поддерживать ее вооруженные силы и правительство, периодически возобновляя поставки вооружения и боеприпасов и частично возвращая советников на угрожающие направления. СССР был крайне заинтересован в восстановлении контроля над месторождениями нефти и редких металлов, а также урана, обнаруженных советскими геологами на северо-западе Китая. Вооруженные столкновения на фронте в провинции тем не менее продолжались, время от времени в боях погибали советские инструкторы. Китайцам с большим трудом удалось вернуть себе позиции в Яркендском и Каргалыкском районах.

Как сообщали в конце марта советские советники, на южном направлении, в районах Карашар, Яркенд, Янги-Гиссар, Аксу, Дабанчен, китайцы сосредоточило четыре кавалерийские дивизии общей численностью до 10 000 солдат и офицеров, имевших кроме стрелкового оружия минометы и горную артиллерию. Среди населения усиленно распространялись слухи, что военные власти в Кашгаре имеют приказ провести ликвидацию повстанческого движения на юге Синьцзяна в ближайшие два-три месяца.

Части Народно-освободительной армии ВТР в этом районе насчитывали около 2500 человек, оснащенных 2100 винтовками и 30 пулеметами. Повстанцы заняли оборону на линии 30 км западнее и 25 км юго-западнее Янги-Гиссара и 90 км юго-западнее Каргалык. Кроме того, повстанцы организовали учебный пункт, где сосредоточили 2000 человек, обучавшихся военному делу.

Моральное состояние и боеспособность повстанцев сотрудники НКВД оценивали низко, по их мнению, формирования повстанцев организационно не окрепли. В част-

ности, командир взвода Зайдушан Суль сдал свой отряд китайцам численностью 80 человек при 3 ручных пулеметах и 75 винтовках.

Чтобы укрепить войска ВТР на южном направлении, 13 марта в распоряжение южной оперативной группы выслали 30 кадровых советских военнослужащих, в том числе 22 офицера, в Тахтамыш для использования в качестве инструкторского состава повстанческих формирований. Прибывшие в Ош транспорты с вооружением перебрасывались в Тахтамыш выделенными первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Усманом Юсуповым 70 грузовыми машинами. Он же выделил для повстанцев 5000 комплектов обмундирования. Советники стремились организовать прочную оборону занятых рубежей и подготовиться к возобновлению наступательных действий.

На северном направлении обстановка была более спокойной. В конце марта китайцы не вели активных действий. Они продолжали укреплять оборону на восточном берегу р. Манас. По данным перебежчиков и разведданным, к Манасу со стороны Урумчи перебрасывались китайские пехота и кавалерия. В Карашаре гоминьдановское командование занималось мобилизацией транспорта для военных перевозок. Местные жители опасались наступления противника на долину Юлдуз. Повстанцы готовились к его отражению и продолжали совершенствовать оборонительные позиции: они приступили к строительству укреплений на рубеже Сандухоза, создавая таким образом три рубежа обороны на глубину 80 км.

«Проверкой системы обороны последняя найдена вполне удовлетворительной. При устойчивости войск повстанцев на этих рубежах возможно сдерживать наступление значительно превосходящих сил китайцев, если не будет использована авиация и броневые средства. Настроение войск повстанцев удовлетворительное. Получе-

ние дополнительного вооружения значительно подняло их настроение. Остро ощущается отсутствие кадрового комсостава», — резюмировали Егнаров и Лангфанг. Тем не менее повстанцы начали формирование трех стрелковых бригад на базе имеющихся частей, надеясь довести численность войск до 20 000 человек.

Содействуя реорганизации армии ВТР и налаживанию управления освобожденными округами, советские представители не забывали и о ключевой цели: давлении на руководство повстанцев с целью продолжить переговоры и смягчить позицию кульджинцев. 22-23 марта 1946 года Егнаров и Лангфанг встретились с руководством повстанцев по указанию министра иностранных дел Вячеслава Молотова. По мнению генералов, Алихан-тюре в беседах вел себя сдержанно, состав делегации и установки на переговоры воспринял положительно. 25 марта делегация вылетела в Урумчи. Алихан-тюре терял свои позиции вследствие активной деятельности советских разведчиков. Они стремились изолировать и дискредитировать лидера повстанцев и укрепить авторитет Касыми и Монунова.

Одновременно Москва активно пыталась создать правящую Народно-революционную партию. По замыслу Политбюро она должна была стать альтернативой религиозному и национальным течениям в среде повстанцев и в правительстве ВТР. В конце 1945 года проект программы партии был подготовлен близким к ССР Абдукеримом Аббасовым и 1-м секретарем ЦК КП Узбекистана Усманом Юсуповым. Устав и дополнительный проект программы подготовили наркоматы внутренних дел и госбезопасности. Эти варианты передали заведующему Отделом внешних связей политбюро ЦК ВКП(б) Михаилу Суслову. За основу был принят проект Юсупова, в отдельные статьи программы и устава внесли изменения. НРП переименова-

ли в Народную партию, в программе которой сохранялись требования введения широкой автономии в Синьцзяне и его северных округах.

Кризис, наметившийся в новом раунде переговоров, удалось преодолеть стараниями советского посла Аполлона Петрова и генерала Чжана. 11–12 мая стороны пришли к соглашению, что части армии ВТР в составе шести полков (по три пехотных и кавалерийских) будут дислоцированы в Кульдже, Чугучаке, Кобуке, Шиханьцзы, Шихо и Алтае. Представители ВТР также настаивали на сохранении гарнизонов в Кашгаре и Аксу, но китайцы после консультаций с Центром отказались допустить распространение армии ВТР на новые территории, но одновременно уступили, согласившись не располагать в южных и западных районах новых частей и соединений. Одновременно стороны договорились, что охрану государственной границы будут обеспечивать только китайские войска.

Столкновения между гоминьдановскими войсками и частями армии ВТР с гибелью советских инструкторов продолжались и в мае. В частности, 12 мая янги-гиссарский гарнизон китайцев напал на пост Яркендской бригады повстанцев на перевале Сугет в ответ на недавний налет последних на Ташмалык. Одновременно, как доносили в Москву Егнаров и Лангфанг, участились вооруженные демонстрации китайских войск, означавшие, по мнению советников, попытки давления на повстанцев. Обследования частей установило массовое истощение повстанцев. Большинство солдат, по сведениям одного из советников, раздеты и разуты, белье пришло в негодность. До 30% личного состава были больны тифом и дизентерией, а местные жители не могли помочь войскам из-за бедности. Один из военных советников предложил занять город Каргалык, чтобы захватить продуктовые склады и облегчить про-

довольственное снабжение повстанцев. «Другого выхода на месте нет. Прошу Ваших указаний», — резюмировал Егнаров 20 мая. Согласие на новое наступление дано не было: новый виток активных боевых действий и неизбежный рост напряженности между повстанцами и китайским правительством не входили в планы Кремля.

25 мая состоялось заседание правительства Восточного Туркестана, которое заслушало доклад делегации о ходе переговоров с китайцами. Накануне его Алихан-тюре и делегация были тщательно проинструктированы советской миссией о порядке ведения предстоящего заседания. Глава правительства ВТР принял советские рекомендации и провел заседание в соответствии с ними. На нем члены правительства приняли решение одобрить результаты переговоров и поручить делегации подписать соглашение с китайцами. Алихан-тюре и представители Тарбагатайского и Алтайского округов публично выразили полное удовлетворение достигнутыми в переговорах результатами. Однако 25 мая утром Шакирходжаев прислал пространное личное письмо Егнарову, в котором сетовал на несбывшиеся надежды повстанцев и настаивал на продолжении борьбы. «Ничто не сможет задержать меня в достижении цели. Нет и сомнения, что, хотя и несколько позже, мы полностью это завоюем. Вот это основная последняя просьба, последнее мое слово: успехи, достигнутые в трех округах силой оружия, пролитой кровью и Вашим душевным человеколюбием, военным руководством, никогда не упустим из своих рук. Вот это единственная опора нашей будущей борьбы и безусловно закрепление достигнутого и крепкая охрана его невозможны без вооруженной силы народа, поэтому пусть наш военный штаб, наша армия будут в моих руках, пусть будет в моем распоряжении. В этом случае я согласен, на это имею право. Алихан-тюре».

В свою очередь 28 мая китайская делегация вернулась в Нанкин и представила соглашение на утверждение законодательного Юаня. Китайский парламент одобрил договор с повстанцами. Окончательный текст соглашения между провинциальным правительством и руководством восставших округов после доработки обеими сторонами был подписан 6 июня 1946 года.

Оно включало 11 пунктов:

1. Центральное правительство обеспечивает выборность местных органов власти.

2. Центральное правительство будет пресекать действия, направленные против религии, и обеспечит полную свободу вероисповедания.

3. Все производство во всех учреждениях ведется на китайском языке и на языках местных национальностей. Различного рода прошения, заявления и т.д. на имя правительственных учреждений все граждане имеют право писать на родном языке.

4. Во всех средних и начальных школах преподавание будет вестись на языках местных национальностей, но во всех средних школах вводится обязательное преподавание китайского языка.

5. Обеспечивается полная свобода национальной культуры и национального языка.

6. Предоставляется свобода печати, слова, собраний.

7. Налоги взимаются пропорционально выработанной продукции.

8. Обеспечивается свобода внешней и внутренней торговли Синьцзяна.

9. Состав коалиционного правительства Синьцзяна с согласия Центрального правительства доводится до 25 человек. Из 25 человек 15 человек выдвигаются населением Синьцзяна и утверждаются Центральным правительством, остальные 10 человек Центральным пра-

вительством назначаются так же, как и председатель коалиционного правительства. Два заместителя последнего избираются из представителей местных национальностей.

10. Создаются национальные войсковые части. Команды в национальных войсковых частях подаются на казахском и уйгурском языках. Войсковые части Центрального правительства не располагаются в тех местах, где размещены национальные войсковые части. Центр. правительство должно сократить свои войсковые части. Национальные войсковые части снабжаются провиантом, обмундированием и необходимым вооружением наравне с частями Центрального правительства. Те и другие войска должны поддерживать между собой дружественные отношения.

11. Не будет гонений на прогрессивные и демократические элементы. Все арестованные за участие в национально-освободительном движении будут освобождены».

Дополнительный протокол к соглашению предусматривал, что 6 полков, сформированных из частей и подразделений армии ВТР, будут насчитывать до 12 000 человек. Три из них предполагалось включить в состав войск национального правительства, оставшиеся три — в состав сил по сохранению мира в провинции. Командовать всеми шестью полками должен был мусульманин, предложенный из Инина (Кульджи. — *Авт.*), должен командовать всеми полками, отвечая за их состояние и боеготовность перед командованием провинциальными войсками и командующим силами по поддержанию мира.

На части, сформированные из повстанцев, возлагали ответственность за поддержание мира в северных округах. Пограничные войска центрального правительства должны взять под охрану границу, не меняя численности и дислокации подразделений до восстания. Соединения

сил по сохранению мира должны быть реорганизованы с набором в их состав рекрутов из местного населения при учете мнения командира-мусульманина. Снабжение, снаряжение и лечение личного состава шести полков должно быть на уровне, одинаковом с национальной армией и силами по сохранению мира.

Урумчинская передышка

Главой правительства Синьцзяна был назначен Чжан Чжучжун, заместителями — Ахметжан Касымов (Касими) и Бурханедин Шахиди, работавший в провинциальном правительстве в начале 1930-х гг. Подписание соглашения и весь переговорный процесс шли под строгим контролем Егнарова.

Подписание договора и согласие повстанцев выполнять его означало их готовность существенно ослабить ВТР и снизить требования к гоминьдановскому правительству. Часть статей, провозглашавших уважение к культуре, языку и религии коренных народов Синьцзяна, были скорее декларацией о намерениях, чем основой политики будущего провинциального правительства. Договор не был взаимовыгодным, национальные и религиозные группы не получили равного представительства в новых органах власти. 15 членов правительства представляли 95% населения, тогда как 10 китайцев — всего 5%. Впрочем, такая численность китайцев в правительстве была определенной гарантией от возможного стремления мусульманских народов расквитаться с китайцами за многолетнее угнетение и унижения. Серьезной уступкой было согласие китайских властей на создание национальных воинских частей. Авторы, сетовавшие на снижение их численности до 11 000–12 000 солдат и офицеров, не учли, что весной 1945 года, в период наивысшего размаха боевых операций

в северных округах, армия ВТР не превышала этой цифры, а численность китайской правительственной армии в провинции после реформ Шен Шицая в конце 1930-х гг. не превышала 20 000 солдат и офицеров.

Чтобы обеспечить выполнение договора и исключить вероятные эксцессы со стороны Алихана-тюре и его сторонников, опергруппа НКВД организовала вывоз Шакирходжаева на советскую территорию. Генерал Егнаров впоследствии сообщал, что указания министра внутренних дел Сергея Круглова о вывозе председателя правительства ВТР в Советский Союз были получены одновременно с прибытием в Джаркент члена правительства Исхабека Монунова в сопровождении представителя Усмана Юсупова Тахтабаева. Было решено использовать их приезд для вывоза Шакирходжаева из провинции. Алихан-тюре был приглашен в Хоргос на встречу с Монуновым и Тахтабаевым для обсуждения программы и устава Народной партии Восточного Туркестана, которую планировалось сделать правящей. 14 июня Шакирходжаев сообщил Егнарову (если верить генералу), что хотел бы немедленно тайно выехать в Хоргос.

Перед выездом в Хоргос Алихан-тюре лично вышел во двор и предложил своему шоферу и охране вернуться в здание правительства, сославшись на то, что он долго будет находиться в моем доме. Однако по версии доживших до преклонных лет помощников лидера Алаиддина Амира и Сонура Мунира ВТР, их просто не пустили за ворота и вечером заявили, что их руководитель сегодня не вернется, и велели уходить.

В ночь на 16 июня Алихана-тюре доставили в Хоргос, где ему организовали встречу с Тахтабаевым. Заранее проинструктированный чекистами партработник пред-

ложил обсудить состояние дел в северных округах Синьцзяна в Ташкенте. Алихан-тюре, по версии генерала МВД, изъявил желание выехать в Ташкент и в 19.00 16 июня машиной в сопровождении сотрудника МГБ Киргизской ССР Музипова и Тахтабаева отправлен в Алма-Ату. По версии чекистов, лидер повстанцев был в приподнятом настроении и перед выездом написал своему сыну Асылхану письмо о необходимости выезда из Кульджи на 4–5 дней по политическим делам. В послании Алихан-тюре предупредил сына держать в тайне его отсутствие в городе и о нем не беспокоиться. В 23 часа 16 июня письмо вручили адресату.

В отсутствие Алихана-тюре губернатором Илийского округа был назначен Хакимбек Ходжи, отсутствовавший в Кульдже в момент назначения. При этом советские представители (Егнаров и вице-консул Борисов) проинструктировали члена правительства ВТР и фактического руководителя делегации на переговорах с китайским правительством о необходимости соблюдать секретность поездки Алихана-тюре в СССР.

Как отмечал Егнаров, утром 14 июня его навестил встревоженный Шакирходжаев. В беседе с советским генералом Алихан-тюре сообщил, что обнаружил анонимное письмо, в котором «доброжелатель» рекомендует ему оставить пост губернатора и отойти от политической жизни, считая, что лидер повстанцев потерял авторитет среди населения округа.

Алихан-тюре уверял, что автор письма принадлежит к группировке Хакимбека Хаджи и его люди установят его. Председатель правительства ВТР утверждал, что знает психологию мусульман, по его словам, они требуют жестокого управления, всякое послабление обычно используется для борьбы за власть, не считаясь с интересами народа. Алихан-тюре, по словам Егнарова, намеревался

расправиться со своими политическими противниками. Чекист посоветовал ему не обращать внимания на анонимку и предупредил, что открытая борьба с противниками может быть чревата последствиями для него, в смысле подрывает авторитет среди населения и может повлиять на сохранение единства мусульманских национальностей.

Прибывший к этому времени Ахметжан Касымов (Касими) заявил лидеру мусульман, что приложит все силы к восстановлению нормальных отношений Шакирходжаева с местными авторитетами. После отъезда Алихана Тюре его заместитель заметил, что тот потерял авторитет и как губернатор не будет популярен, в отличие от Хакимбека Ходжи. 16 июня утром в Кульдже распространились слухи о намерении Алихана-тюре отойти от политической жизни. «Очевидно, от его приближенных стало известно получение последним анонимного письма и в результате толкования его содержания появились отмеченные слухи», — писал Егнаров.

Неизвестно, какой довод советских представителей стал решающим для Алихана-тюре, чтобы выехать на переговоры в СССР, и какие доводы использовались ими в Ташкенте, чтобы убедить лидера повстанцев в нецелесообразности возвращения в Синьцзян. После тайного вывоза, похожего на хорошо спланированное похищение с целью устранения популярного и непредсказуемого лидера повстанцев с политической арены, Алихан-тюре не вернулся в Кульджу. Долгие годы он прожил под домашним арестом в Ташкенте и умер в феврале 1976 года.

17 июня Егнаров сообщил Круглову: «К исходу 16 июня закончил вывод наших людей и изъятие выданного нами вооружения повстанцам на севере Синьцзяна. Лично все отправлены по местам жительства, оружие и боеприпасы сосредоточены в Хоргосе. 17 июня лично выехал из Кульджи с группой штатных работников, нахожусь в Хоргосе.

На юге Синьцзяна к 15 июня вывезена только часть оружия, остальное оружие находится в пути к границе. 14-15 июня на Яркендском направлении китайцы отрядом до 200 солдат открывали по позициям повстанцев сильный ружейно-пулеметный огонь. Повстанцы ответную стрельбу не производили.

В целях избежания кровопролития прошу указаний тов. Евсееву (вице-консулу СССР в гор. Урумчи) рекомендовать китайцам выслать на юг делегацию мусульман — членов провинциального правительства, в том числе обязательно Монунова Исхабека».

Возвращение советской миссии из Кульджи не обошлось без драматического эпизода: 15 июля в Хоргосе начальник отдела МГБ генерал-лейтенант Александр Лангфанг пытался покончить жизнь самоубийством, выстрелив себе в сердце из-за семейных неурядиц. Попытка не увенчалась успехом: генерала спасли в лазарете Джаркентского погранотряда.

Судьбы руководителей миссии НКВД в Синьцзяне сложились по разному: Владимир Егнаров после возвращения из-за границы был министром внутренних дел Туркменской ССР, занимал ответственные должности в комитете информации при Совмине СССР, возглавлял отдел по борьбе с бандитизмом МВД СССР, но последние годы службы (1951–1956) провел на различных постах (начальник управления охраны и зам. нчальника главка) в ГУЛАГе, куда обычно «ссылали» чекистов. Его уволили в запас в мае 1956 года по болезни. После отставки Егнаров работал научным сотрудником, вышел на пенсию в 62 года и умер в 1976 году.

Дальнейшая жизнь Александра Лангфанга сложилась драматично. Выздоровев после попытки самоубийства, он сначала служил консультантом отдела пропаганды ЦК, затем после победы коммунистов в Китае отправился в

Пекин, где служил советником при министерствах внутренних дел и общественной безопасности. В 1954 году его отозвали из Китая. Некоторое время Лангфанг находился в распоряжении управления кадров КГБ, после чего 9 месяцев служил заместителем начальника УКГБ по Красноярскому краю. Чекистская карьера генерала Лангфанга завершилась в августе 1955 года: его уволили «по фактам дискредитации». В ходе пересмотра дел ряда репрессированных сотрудников Коминтерна, в том числе Осипа Пятницкого, выяснились обычные детали следствия времен «большого террора»: фальсификация дел, пытки подследственных на допросах. Лангфанга уволили из органов. Спустя год, в августе 1956 года, секретным постановлением Совета министров его лишили звания генерал-лейтенанта «за нарушение соц. законности при ведении следствия и фальсификацию следственных дел». В апреле 1957 года Лангфанга исключили из партии и вскоре арестовали. В августе 1958 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Лангфанга к 15 годам лишения свободы по статьям 58 ч. 7 УК РСФСР (Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях, путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности). Кроме того, ему вменили статью 182 ч. 1 и 4 (незаконное хранение, покупка, сбыт и изготовление огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ). Бывший генерал полностью отсидел свой срок и вышел на свободу лишь в апреле 1972 года. После выхода из заключения Александр Лангфанг прожил еще 18 лет и умер в феврале 1990 года — в разгар разоблачений репрессий и пыток, практиковавшихся следователями НКВД.

Изоляция Алихана-тюре и его вывоз в СССР помогли сторонникам СССР в правительстве ВТР добиться на заседании 28 июня прекращения его полномочий.

1 июля было создано коалиционное правительство провинции Синьцзян. Министерские посты получили 12 представителей местных национальностей, в том числе Монунов, Сугурбаев, Эмин Бугра, Иса Юсуф Алптекин и другие. Революционеры, нередко просоветски настроенные бывшие руководители восстания в северных округах, были уравновешены национальными и религиозными активистами, участвовавшими в легальной политике и вооруженной борьбе в 1930-е гг.

Резкий политический зигзаг Москвы, ее отказ от масштабной и регулярной поддержки Восточно-Туркестанской республики летом 1945 года резко снизили экономический и военный потенциал повстанческого движения в северных округах Синьцзяна и изменили ход событий. Смена курса СССР и его соглашение с Китаем стимулировали политические противоречия и рост межэтнических противоречий в лагере восставших.

Прагматизм советского руководства, не желавшего обострять отношения с Китаем и США, превратил народы Синьцзяна в расходный материал в масштабной политической комбинации, которую стремилась провести Москва. Завершение активного этапа вооруженной борьбы и самороспуск правительства Восточно-Туркестанской Республики не означал окончательного прекращения сопротивления трех северных округов провинциальным властям и гоминьдановскому руководству Китая.

В августе-октябре 1946 года прошли выборы в местные органы власти. На севере они прошли под советским контролем, на юге далеко не везде китайское военное

командование признало их результаты. В Аксу, Кучаре, Бае и Каракаше китайские военные назначили на выборные должности своих ставленников. В Яркенде, Хотане, Марал-Баши и Каргалыке выборные представители подвергались преследованиям. Тех, кто, несмотря на угрозы и препятствия работе, продолжали деятельность, арестовали и подвергли тюремному заключению. Несмотря на это, в конце ноября делегация правительства во главе с Ахметжаном Касыми отправилась в Нанкин для участия в заседаниях законодательного Юаня.

Создание коалиционного правительства не решило проблем в отношениях между китайскими властями и коренным населением. В северных округах его власть была формальной. Председатель правительства Чжан Чжучжун после посещения Кульджи сетовал, что получал из северных округов письма вызывающего содержания на бланках ВТР, а в воинских частях, сформированных из бывшей повстанческой армии, продолжали использовать флаги и другие символы республики.

Тем не менее, подтвердив полномочия, 4 ноября 1946 года провинциальное правительство предложило СССР восстановить экономические отношения. Урумчи намеревался развернуть торговлю на всем протяжении границы, поставив ее с китайской стороны под контроль министерства торговли и специальной торговой организации, состоящей из местных купцов.

Месторождения оловянно-вольфрамовых руд и нефти планировалось передать совместной советско-китайской компании, в котором китайцы должны были выполнять административные функции, а советские служащие заниматься оперативными и техническими вопросами. Кроме того, предполагалось, что Советский Союз окажет Синьцзяну техническую помощь, поставив промышленное оборудование. Кремль прохладно отнесся к предложению

провинциального правительства, поскольку незадолго до этого отказался от активного сотрудничества с Чан Кайши и гоминьданом и сделал в Китае ставку на местных коммунистов.

Тем временем далеко не все пункты заключенного в июне 1946 года соглашения выполнялись. Отряды местной самообороны в Аксу и Кашгаре, несмотря на соответствующие параграфы, не были созданы. Игнорирование военными властями и частью гоминьдановских чиновников результатов выборов и преследования местных общественных деятелей вызвали весной и летом 1947 года новый виток антикитайских выступлений на юге. В ответ китайцы арестовали местные власти в Кашгаре по обвинению в подготовке восстания, а 22 июля объявили в Кашгарском округе военное положение. Начавшееся весной восстание было жестоко разгромлено без малейшей попытки ведения переговоров с повстанцами, что означало грубое нарушение соглашений июня 1946 года. В ходе его подавления были убиты около 2000 человек.

Одновременно Чжан Чжучжун пытался использовать Оспан-батыра для раскола бывших повстанцев в Алтайском округе.

Попытки провинциального правительства восстановить свою власть в северных округах и подавить национально-освободительное движение вызвали противодействие Москвы. Негласная поддержка властей северных округов стала формой советской помощи компартии Китая в разгоравшейся гражданской войне между КПК и гоминьданом. Кроме того, советское руководство было обеспокоено угрозой разрушения отрядами Оспан-батыра вольфрамовых и оловянных рудников, работавших на нужды советской промышленности. 24 февраля 1947 года Политбюро в очередном постановлении рекомендовало МГБ одобрить меры, принятые Монуновым и Сугурбаевым

против Оспан-батыра и потребовало преследовать его отряды до полного разгрома и ликвидации. Касыми получил настоятельную просьбу Москвы ходатайствовать об исключении казахского лидера из состава провинциального правительства и назначении губернатором Сугурбаева. МВД обязали выделить МГБ 1 млн русских патронов и 100 000 немецких для передачи по тайным каналам воинским частям и полицейским подразделениям Алтайского округа, действовавшим против Оспан-батыра.

В тот же период первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Жумабай Шаяхметов предложил создать в Казахстане Уйгурскую Автономную Область, но его инициатива не встретила поддержки Центра из-за возможных протестов Китая против официальной поддержки сепаратизма. Москва предпочитала действовать негласно.

Чтобы избежать обострения ситуации, китайское правительство пыталось создать впечатление «коренизации» управления провинцией. 19 мая 1947 года Чжан Чжучжун подал в отставку. Вместо него председателем правительства назначили уроженца Кульджи уйгура Масуда Сабри. Сабри был пантюркистом, был знаком с Алптекином, Мухаммадом Эмином и другими деятелями уйгурского движения, издавал журналы и газеты на национальном языке в Индии и Японии. Должность генерального секретаря правительства занял Иса Юсуф Алптекин, что не устроило СССР. По поручению Москвы Касымов и другие левые представители северных округов распространяли слухи, что новые руководители намерены улучшить отношения с СССР, что может привести к новой дестабилизации. Чжан Чжучжун не утратил влияния на ситуацию в провинции. Он стал начальником северо-западной Ставки, которая кроме Синьцзяна объединяла управление провинциями Шэньси, Ганьсу, Цинхай и Нинся, и продолжал играть важную роль в синьцзянских делах.

Сабри начал работу и постепенно стал удалять с административных должностей людей с просоветскими взглядами. Главным редактором провинциальной газеты Xinjiang назначили Полата Турфани, придерживавшегося пантюркистских взглядов. Всех представителей тюркоязычных народов провинции стали называть не по национальности, а тюрками. Правительство вернулось к официальному употреблению топонима Восточный Туркестан.

В июне 1947 года произошли столкновения на монгольско-китайской границе с Оспан-батыром, который по версии Улан-Батора пытался вторгнуться на монгольскую территорию. Китайцы обвинили советскую авиацию в атаке на позиции китайских войск, но СССР отвергал эти утверждения.

После создания кабинета Сабри советские дипломаты и спецслужбы, используя ранее созданные сети сторонников и агентов, пытались активизировать антиправительственную деятельность.

Шаяхметов предлагал секретарю ЦК Андрею Жданову активизировать формирование Народной (фактически — коммунистической) партии Синьцзяна чтобы начать «соответствующую работу» через ее центральный комитет. Шаяхметов предлагал создать его из 15 известных авторитетов из числа местных жителей, проявивших себя в ходе восстания, организовать новые печатные издания на местных языках и даже восстановить паломничество жителей провинции в восстановленную мечеть в Джаркенте. Реализация этих предложений нарушала соглашение между кульджинским и китайским правительствами, и поэтому была отвергнута Москвой.

Одновременно ЦК ВКП(б) решил 14 июля 1947 года организовать направленное на Синьцзян радиовещание из Ташкента на уйгурском языке. В одной из передач сообщалось, что лидеры провинциального правительства

продались империалистам и ведут пантюркистскую пропаганду. Тональность программ и сообщений отражали недовольство СССР курсом нового состава урумчинского правительства.

В июле к советскому консулу в Урумчи Александру Савельеву с разницей в 5 дней обратились генерал Чжан Чжучжун и представители северян. Чжан утверждал, что попытки дестабилизировать ситуацию исходят из северных округов, и предлагал СССР не вмешиваться в ситуацию. Кульджинцы, в свою очередь, настаивали, что соглашение не выполняется и только прикрывает усилившееся угнетение местных жителей китайскими властями. В конце августа 1947 года представители восставших округов (Касыми, Сабирходжаев и др.) покинули Урумчи и заявили о выходе из правительства.

В те же дни созданный накануне комитет информации при Совмине СССР поставил вопрос о ситуации в Синьцзяне первым пунктом повестки дня и немедленно рассмотрел его. 10 сентября Комитет информации предложил, чтобы бывшие члены провинциального правительства Касымов, Бурхан Шагидуллин, Сабирходжаев, Сайфутдин Азизов и Абдукерим Аббасов обратились к Чжан Чжучжуну с письмом, где указали, что вынуждены покинуть Урумчи из-за разгула реакции, прямого нарушения китайскими властями соглашения от 6 июня 1946 года и невыносимой обстановки, сложившейся для представителей северян в правительстве.

Предлагалось потребовать в письме освободить арестованных мусульманских деятелей и прогрессивных китайских чиновников, наказать причастных к их преследованиям, отправить в отставку Масуда Сабри и выполнять все пункты июньского соглашения. Авторам рекомендовали указать, что в случае выполнения требований все

подписавшиеся готовы вернуться в Урумчи и работать по руководством Чжана.

Наконец, комитет экономических исследований при Совмине СССР 10 сентября 1947 года предложил активизировать начавшееся партизанское антикитайское движение в Турфанском округе и развернуть партизанское движение в Аксуйском, Кучарском и Кашгарском округах. Рекомендовалось объявить главной причиной начала антикитайской борьбы масс аресты местных мусульман в Кашгаре и произвол властей против мирных жителей. «Для руководства партизанским движением на юге Синьцзяна нелегально направить туда временно проживающих на территории Узбекской и Таджикской ССР Таджимуллаевых Караваншо-бека и Акюль-бека, Мирза Ахмедова Таир-бека, Абудкеримова Мухтара и др. Оказать партизанам помощь оружием и боеприпасами из Советского Союза», — советовали «экономисты».

Еще один пункт предлагал срочно вооружить и оснастить части, созданные на базе НОА ВТР, а также создать организацию, способную взять на себя руководство национально-освободительным движением в провинции, затем ассоциацию планировалось переформировать в политическую партию.

10 сентября Политбюро приняло постановление «О Синьцзяне», которое обязывало министра внутренних дел Сергея Круглова выделить в распоряжение комитета экономических исследований 9000 старых русских и немецких винтовок, 70 станковых и 300 легких пулеметов, 40 ротных минометов, столько же противотанковых ружей, 18 000 гранат, 8 000 000 патронов винтовочных и по 15 000 мин к минометам и патронов к ПТР. Оружие и боеприпасы требовалось доставить в пункты, указанные Комитетом, и дать пограничным органам указание беспрепятственно

пропускать в Синьцзян и обратно людей и грузы по заявкам комитета. Кроме того, для доставки грузов предполагалось использовать самолеты погранвойск.

ЦК Компартий Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана обязали оказывать помощь мероприятиям комитета, при этом оружие отправлять планировали не сразу, а по согласованию с Москвой. Реализацию этих решений возложили снова на Егнарова, который был тогда министром внутренних дел Туркменской ССР.

Зампред комитета информации, один из руководителей контрразведки Петр Федотов предлагал назначить в заместители Егнарову Петра Шибаева, также участвовавшего в событиях 1945–1946 гг., а также направить в Кульджу 15–20 оперативных работников под видом местных жителей для наблюдения за переброской оружия и его использованием в интересах местного населения.

Американский консул в Урумчи Пэкстон писал, что, пока китайские погранвойска не патрулируют границу, местные представители СССР не предполагают распространять свою власть на Синьцзян, но ситуация может резко измениться. В Кульдже и Коктогае в тот период действовали маневренные группы погранвойск, прикрывавшие разработки оловянно-вольфрамовых руд. Им дали приказ усиленно оборонять базу экспедиции, но в столкновения между Оспан-батыром и национальными частями не вмешиваться. В сентябре 1947 года Оспан-батыр и Калибек, отряды которых насчитывали около 2400 сабель, активизировались и атаковали Алтайский округ. 3 сентября они захватили Коктогай, 12 сентября — Шара-Сумэ, окружной начальник Далельхан Сугурбаев бежал из города. Китайский генерал Сун Силен 23 сентября в беседе с американским консулом говорил, что правительство помогло ОБ оружием и техникой, но живой силой не поддерживало.

В конце сентября Сугурбаев прибыл в Чугучак и потребовал новых сил, в результате мобилизации были сформированы дополнительно 2 эскадрона конницы и несколько батальонов пехоты. По сведениям американцев, в Тарбагатайский округ прибыли 100 грузовиков с хорошо вооруженной пехотой и 6 танков. Вместе с подразделениями Красной армии или войск МВД национальные части во второй половине октября оттеснили Оспана-батыра и Калибека в горы.

30 сентября 1947 г. Молотов во время беседы с Чойбалсаном предложил последнему уничтожить Оспан-батыра, внедрив в его отряд монгольских оперработников, но тот сумел их разоблачить и избежал гибели.

Китайцы пытались через Калибека вывести часть населения подвластного ему уезда на территорию, находившуюся под контролем ГМД, но, несмотря на передачу Калибеку 9 млн синьцзянских долларов, план провалился.

14 февраля 1948 года Егнаров предложил Круглову вывести погранчасти и оперработников из района рудников, Москва утвердила это предложение и занялась усилением войск трех северных округов.

Из-за расширения войны между Гоминьданом и компартией Китая провинциальное Правительство активизировало антисоветскую политику, ограничило работу советских организаций, а в Кашгаре создавались молодежные организации для борьбы с «советскими агентами».

Члены этих организаций не раз устраивали провокации против консульства СССР и работавших в городе представителей советских торговых и транспортных организаций, в частности, в июле они пытались ворваться в здание консульства, что вызвало протест Москвы. Китайцы ответили на него только после длительных напоминаний, 3 августа, представив нападение как «ссору», но

МИД указал, что 30 августа произошло новое нападение с участием 50 вооруженных людей, связанных с военными властями.

24 апреля 1948 года Политбюро приняло новое постановление «О мероприятиях по укреплению политико-экономического положения в Илийском, Алатайском и Тарбагатайском округах Синьцзяна». В нем предполагалось создать совещание губернаторов трех округов и их заместителей и постоянно действующую комиссию, занимавшуюся оперативным управлением. Фактически создавалось новое правительство, сменившее распущенный Совмин ВТР.

В случае протестов китайцев рекомендовалось ответить, что комиссия и ее заседания вызваны невыполнением китайской стороной соглашения от 6 июня 1946 года и невыплатой средств для содержания армии и гражданской администрации.

Политбюро приняло также четырехстраничное «обращение к народам Синьцзяна», где требовало соблюдать пункты соглашения от 6 июня 1946 года, защиты достижений революции. Секретарям ЦК компартий среднеазиатских республик поручалось выявить выходцев из Синьцзяна, осевших на советской территории, особенно получивших образование узбеков, уйгуров, казахов и киргизов, в целях возвращения их в провинцию для укрепления административного и управленческого аппарата.

Кроме того, объявлялось о создании «Ассоциации защиты мира и демократии в Синьцзяне» с задачей защитить права народа, выполнять соглашение и поддерживать все подлинно демократические мероприятия китайского правительства.

В июле 1948 года ассоциация была создана, в ее бюро вошли Касымов, Аббасов, Сугурбаев, Монунов, она высту-

пила с подготовленным в Политбюро обращением к народу Синьцзяна. В нем говорилось о свободе слова, печати и собраний, а также религиозных убеждений. Авторы манифеста требовали формировать местные органы власти выборным путем, равноправия народов, восстановить народный контроль над деятельностью исполнительной власти, обеспечить книгопечатание и издание периодики на национальных языках, создать начальные, средние и профессионально-технические школы с преподаванием на родных языках, ликвидировать дискриминацию по половому признаку, расширить сеть медучреждений, оказывающих бесплатные услуги, сохранить неприкосновенность частной собственности, развивать мелиорацию, расширять пастбищные угодья и решить аграрные проблемы. Через год ассоциация насчитывала 50 000 членов в 3 окружных, 27 уездных и 755 первичных организациях.

Публично Касымов говорил о стремлении сохранить Синьцзян в составе Китая на условиях широкой автономии. Пэкстон полагал, что СССР готов вернуть северные округа Китаю в обмен на обеспечение более выгодных для СССР условий новых договоров по воздушному сообщению и торговле, а большой советско-китайский компромисс возможен за счет интересов мусульман. В декабре 1948 года министр внешней торговли Анастас Микоян писал Сталину, что переговоры с Китаем необходимы для легализации добычи оловянно-вольфрамовых руд и месторождений редких металлов.

Синьцзян достается Мао Цзэдуну

Тем временем помощь СССР китайским коммунистам усилилась, в ходе сражений осени 1948 года Китайская Красная армия разгромила вооруженные силы Гоминь-

дана. 31 декабря 1948 года Чан Кайши обратился к КПК с призывом прекратить гражданскую войну и предложил СССР, США, Великобритании и Франции стать посредниками на переговорах.

17 января 1949 года Москва после консультаций с Мао Цзэдуном отказалась от посредничества, будучи уверена в его победе. В официальном ответе Чан Кайши указывалось, что СССР не вмешивается во внутренние дела Китая. 24 января Чан Кайши покинул пост президента Китая. СССР направил генералу Чжан Чжучжуну, который пытался примирить КПК с Гоминьданом и пользовался хорошей репутацией у Мао, Бурхануддина Шахиди, члена ассоциации. он предложил Чжану порвать с Нанкином и взамен не вводить в Синьцзян движущиеся на северо-запад Китая соединения коммунистической Народно-освободительной армии. Чжану предложили вывести из правительства Масуда Сабри и отозвать генерала Сун Силена. Перед отъездом в Нанкин Чжан Чжучжун сказал, что готов заменить Сабри на Шахиди.

По утверждениям Алптекина, Чжан добился от Чан Кайши разрешения заменить неприемлемых для повстанцев и СССР людей, поскольку тот надеялся таким образом предотвратить поглощение провинции Советским Союзом. В декабре 1948 года Сун Силен был отозван, его заменил генерал Тао Чжияо, отменивший приказ о включении отрядов Оспан-батыра в состав китайской национальной армии. 10 января Масуда Сабри уволили с премьерского поста, и его сменил Шахиди, который в отличие от Сабри настаивал на автономии Синьцзяна, а не на независимости, как пантюркисты.

Во время тайной встречи Микояна (тот поехал на Дальний Восток якобы для ознакомления с состоянием рыбной промышленности на Курилах и на Камчатке) с

Чжоу Эньлаем и Мао Цзэдуном в январе 1949 года Микоян утверждал, что СССР не стоит за повстанческим движением в северных округах. Мао не доверял этим сообщениям и отмечал, что предоставит Синьцзяну автономию по образцу внутренней Монголии.

Одновременно Мао предложил проложить через Синьцзян железную дорогу для снабжения китайской армии в случае повторения большой войны, но Сталин считал, что удобнее это сделать через Монголию.

При этом Мао Цзэдун планировал дойти до Синьцзяна только в 1951 году. Сталин его поторапливал. В июне 1949 года он направил Мао телеграмму: «Советуем Вам обратить серьезное внимание на Синьцзян, где в недрах имеется нефть и где Вы можете получить хлопок. Вам без своей нефти будет очень трудно. Если в скором времени начать работу в Синьцзяне, то можно будет через 2–3 года иметь свою нефть. Можно было бы провести нефтепровод от района добычи и переработки нефти до ст. Циньчжоу, а от Циньчжоу Вы могли бы развозить нефть по Китаю как по воде, так и по железным дорогам. Поэтому Вам не следовало бы откладывать надолго занятие Синьцзяна». Настаивая на ускоренном продвижении НОАК в Синьцзян, Сталин опасался распространения панисламизма из-за создания Пакистана в 1947 году.

Он советовал китайской делегации не затягивать с занятием провинции, потому что это могло повлечь за собой вмешательство англичан в дела Синьцзяна. Сталин опасался, что они могут активизировать мусульман, в т.ч. индийских, для продолжения гражданской войны против коммунистов.

Кроме того, в советах КПК Сталин рекомендовал изменить этнический состав населения, для чего организовать широкое переселение китайцев и довести процент китай-

ского населения с 5% до 30%. Он рекомендовал делегации КПК не переоценивать силы армии генерала Ма Буфана: «У него кавалерия, которую при наличии артиллерии (так в документе, вероятно — авиации. — *Авт.*) легко разбить. Если хотите, мы вам дадим 40 истребителей, которые помогут разгромить и рассеять эту кавалерию очень быстро».

7 февраля 1949 года, менее чем через месяц после назначения Шахиди, начались советско-синьцзянские переговоры о торгово-экономических отношениях. Правительство провинции хотело закупать часть добытых ископаемых и переработанной нефти для их дальнейшей переправы в центральный Китай. Переговоры шли долго, они закончились уже после октября 1949 года, при новой коммунистической власти Китая. 27 марта 1950 года было подписано соглашение о создании в Синьцзяне акционерных обществ «Совкитнефть» и «Совкитметалл», а также совместного общества, работавшего в гражданской авиации.

29 июля 1949 года Политбюро приняло секретное решение об установке в Кульдже радиостанции для работы в интересах КПК, выделило спецсамолет для перевозки синьцзянской делегации на 1-й съезд Всекитайского собрания народных представителей в Читу и затем — в Пекин. 15 августа была установлена радиостанция, организована связь с Пекином и 1-й полевой группировкой НОАК, установившей связь с руководителями Илийского национально-освободительного движения. Самолет вылетел 22 августа, но 25-го потерпел катастрофу в районе Иркутска, все 17 пассажиров погибли. По мнению Алптекина, это сделали специально, чтобы замести «советский след», связанный с ВТР. Новая делегация во главе с Сайфутдином Азизовым участвовала в пленарной сессии собрания в Пекине.

По мере освобождения Китая от гоминьдановских войск Советский Союз поддержал восставших и КПК. В 1949 году Политбюро направило в Синьцзян одного из лидеров компартии Дэн Лицюня, который вел активные переговоры с бывшими лидерами повстанцев. В сентябре ряд руководителей ГМД после работы членов КПК и советских консульств в Синьцзяне подняли восстание и присоединились к коммунистам. Коммунисты обратились к СССР с просьбой помочь с переброской сил НОАК в провинцию самолетами, эта просьба была выполнена, 20 октября 1949 года в Урумчи вошел бронетанковый полк НОАК. Межнациональная и межрелигиозная война, продолжавшаяся с перерывами много десятилетий, завершилась.

Список использованных источников и литературы

Архивные фонды:

Российский Государственный военный архив (РГВА)

Фонды:

7 (Штаб РККА) Оп. 2. Д. 34, 125, 382.

29 (Управление ВВС РККА) Оп. 46. Д. 26, 27; Оп. 54. Д. 98.

37977 (Оперативное управление Генерального Штаба РККА) Оп. 2. Д. 196, 271; Оп. 4 Д. 214, 381, 434

109 (Штаб Кавказского фронта) Оп. 1. Д. 46.; Оп. 10. Д. 5.

110 (Штаб Туркестанского фронта) Оп. 1. Д. 74. Оп. 7. Д. 52.

195 (Штаб 11-й армии) Оп. 3. Д. 258, 271, 544, 773, 774, 813, 1065; Оп. 4 Д. 235, 297, 326; Оп. 6. Д. 148; Оп. 11. Д. 23.

226 (Штаб Персидской Красной армии) Оп. 1. Д. 7, 8, 30, 32, 33, 36.

25895 (Штаб Среднеазиатского военного округа) Оп. 1. Д. 67, 349, 539, 555, 564, 672, 685, 696, 709, 723, 738, 740, 757, 759, 760, 761, 762, 775, 779, 863, 879, 892, 913, 917, 923, 931.

33988 (Секретариат первого заместителя председателя РВС) Оп. 2. Д. 119, 403.

34912 (Коллекция исторических формуляров частей и соединений Красной армии) Оп. 2. Д. 295, 300, 330, 330а, 423.

1328 (Штаб 28-й стрелковой дивизии) Оп. 1. Д. 542, 543, 556, 613, 614, 617.

32492 (Штаб 21-й горнокавалерийской дивизии) Оп. 1. Д. 106; Оп. 2. Д. 162.

38 447 (171-й отдельный батальон войск НКВД) Оп. 1. Д. 5.

37434 (19-й кавполк НКВД) Оп. 1. Д. 49,50.

39026 (Коллекция исторических формуляров частей и соединений войск НКВД) Оп. 1. Д. 278,1889

Сборники документов:

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, 1872–1885. СПб., 1886.

Документы внешней политики СССР.

Т. 3. 1 июля 1920 г. — 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959.

Т. 4. 19 марта — 31 декабря 1921 г. М.: Госполитиздат, 1960.

Т. 22. Кн. 1. 1 января — 31 августа 1939 г. М.: Международные отношения, 1992.

Т. 22. Кн. 2. 1 сентября — 31 декабря 1939 г. М.: Международные отношения, 1992.

Т. 23. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940 г. М.: Международные отношения, 1995.

Т. 23. Кн. 2 (Часть 1) 1 ноября 1940 г. — 1 марта 1941 г. М.: Международные отношения, 1998.

Т. 23. Кн. 2 (Часть 2) 2 марта — 22 июня 1941 г. М.: Международные отношения, 1998.

Т. 24. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М.: Международные отношения, 2000.

Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). М.: Воскресенье, 2005.

Персидский фронт Мировой революции. Сборник документов и материалов. М.: Росспэн, 2009.

Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Сборник документов. М., 1968.

Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция. 1928–1957 гг.: Сборник документов. Усть-Каменогорск, 1998.

Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. Т.3. М.: Росспэн, 2001.

Литература:

1. Монографии и книги

Аблажей Н.Н. Институт истории СО РАН. Казахский миграционный маятник «Казахстан — Синьцзян»: Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015.

Агабеков Г.А. Секретный террор. М.: Терра, 1998.

Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма: история вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 годы). Алматы, 2008.

Ринад Арибжанов, Евгений Артюхов, Самуил Штутман. Дивизия имени Дзержинского. М., 2007.

Бабаева А.К. Туркмены Афганистана: история расселения, племенной состав, очерк политической истории 20–30-х годов XX в. М., 1985.

Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг. Барнаул: Издательство БГПУ, 1998.

Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул: Издательство БГПУ, 1999.

Бармин В.А. Политика Советского Союза в отношении Синьцзяна в 1918–1949 гг. : диссертация на соискание степени доктора исторических наук. Барнаул, 2000.

Бой на Кушке и его 18-летний юбилей 18/III 1885–18/III 1910 г. СПб., 1910.

Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. М., 2010.

Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. : диссертация на соискание степени доктора исторических наук. М.: Институт востоковедения РАН, 2012.

Будённый С. М.: Пройдённый путь. Книга первая. М.: Воениздат, 1958.

Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1. М.: ИДВ РАН, 1992.

Джамиль Гасанлы. Синьцзян в орбите советской политики. Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане.1931–1949. М.: Наука, 2015.

Генис В.Л. Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. (История Иранской советской республики). Документальная хроника. М., 2000.

Гриф секретности снят. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. Под редакцией Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-пресс, 2001.

Громбчевский Б. Отчет о поездке в Кашгар и южную Кашгарию в 1885 году. Новый Маргелан, 1885.

Дипломатический словарь. 4-е изд Т. 1–3 М., 1985–1986.

Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М., 1998.

Ефремов В.Н., Ивлев М.Н., Андреев Р. О. Крах белой мечты в Синьцзяне: воспоминания сотника В.Н. Ефремова. СПб.: Алетейя, 2015.

Зеланд Н.Л. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Омск, 1888.

Иваненко В.И. Тропою памяти. М., 1968.

Иран и вторая мировая война: сборник статей. Институт востоковедения РАН (отв. ред.Н.М. Мамедова). М., 2011.

Казаков М.: И. Над картой былых сражений. М. Воениздат, 1971.

Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М.: РОССПЭН, 2017.

Кокайсл П., Усманов А. История Кыргызстана глазами очевидцев (начало XX века). Прага, 2012.

Красильников В.С. Синьцзянское притяжение. Забытые страницы истории российского присутствия в северо-западном Китае. М., 2007.

Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. По материалам архива русской военной миссии. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Милютин Д. А. Дневник. 1873–1882. ТТ. I–IV. М., 1947–1950.

Назаршоев Н. М.: На южном рубеже: российские пограничники в Таджикистане, XIX–XXI вв. М., 2017.

Обухов В.Г. Схватка за Синьцзян. Беловодье в огне. М.: Крафт+, 2014.

Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007.

Оришев А.Б. В августе 1941. М., 2011.

Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М.: Муравейгайд, 1999.

Петров В.И. Мятежное сердце Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003.

Петров Н. Кто руководил органами безопасности, 1941–1954: Справочник. М.: Звенья, 2010.

Поликарпов И.А. Политика Советского Союза в отношении национально-освободительного движения народов Синьцзяна в 30–40-х гг. XX века. Диссертация на соискание степени к.и.н. Барнаул, 2012.

Примаков В.М. Афганистан в огне. М.-Л., 1929.

Пясецкий П.Я. Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. Т. 1–2. СПб., 1880–1881.

Рерих Н.К. Алтай-Гималаи. М.: Рипол-классик, 2003.

Снесарев А.Е. Афганистан. М.: Высший военный редакционный Совет; ГИЗ, 1921.

Соколов-Страхов К. Гражданская война в Афганистане. 1928–1929 гг. М.: Воениздат, 1931

Соколов-Страхов К. В Афганистане. М., 1932.

Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010.

2. Статьи

Алланиязов Т.К. Крестьянские выступления 1929–1932 гг. в Казахстане: опыт и проблемы изучения // Проблемы истории, филологии, культуры: межвузовский сборник. Вып.16. Ч.2. Москва: Магнитогорск, 2006

Аптекарь П. Белое солнце Синьцзяна. Родина. 1998. № 1.

Аптекарь П. Спецоперации Красной армии в Афганистане в 1920-х гг. Родина. 1999. №2.

Бармин В.А. Некоторые вопросы взаимоотношения Советского Союза и китайской провинции Синьцзян в 1921–31 гг. // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур). Материалы региональной конференции. 14 октября 1997 г. Барнаул. 1997.

Аптекарь П. Восстание мусульманских народов китайской провинции Синьцзян в 1931–1935 гг.: Точка зрения Политбюро ВКП(б). Постановление Политбюро 3113 от 3 августа 1933 г. «Директивы по работе в Синьцзяне» // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур) Материалы II-й региональной конференции. 26 октября 1999 г. Барнаул. 1999.

Аптекарь П. Некоторые вопросы торгово-экономических связей Южной Сибири с Синьцзяном в 1917–1920 гг. // История и культура коренных народов Южной Сибири

с древнейших времен до 1917 г. Материалы Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 2002.

Аптекарь П. Из истории миграционных процессов в приграничных районах среднеазиатских советских республик и Синьцзяна в 30–40-х гг. XX в. // Россия — Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. Материалы семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центр. Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений». Барнаул, 2002.

Аптекарь П. О политике Советского Союза в отношении сепаратистского движения на юге Синьцзяна в конце 20-х — начале 30-х гг. XX века// Пятые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы V научно-практической конференции. Барнаул, 2004.

Аптекарь П. Из истории деятельности разведки белогвардейской армии Колчака в Синьцзяне в 1919 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур. Материалы пятой международной научно-практической конференции. Барнаул, 2005.

Аптекарь П. О некоторых проблемах торгово-экономических политики Советского Союза в Синьцзяна в 1934–38 гг. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур. Материалы пятой международной научно-практической конференции. Барнаул, 2005.

Аптекарь П. Еще раз о сепаратизме и его роли в национально-освободительном движении коренных народов Синьцзяна в 1944–49 гг. // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2013. №14-15.

Аптекарь П. Еще раз о мотивах советского руководства при оказании военной помощи властям Синьцзяна в подавлении национально-освободительного движения коренных народов провинции в 1931–1934 гг. // Вестник Сургутского педагогического университета. 2014. №4(31).

Аптекарь П. Политический цинизм или реальная политика: о мотивах отказа советского руководства от поддержки Восточно-Туркестанской республики в 1945–1946 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. №5(38).

Бармин В.А., Бармин К.В. Некоторые вопросы усиления влияния США в китайской провинции Синьцзян в 1943–1945 гг. // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур) Материалы II-й региональной конференции. 26 октября 1999 г. Барнаул, 1999.

Бармин К.В. Политика Германии в отношении Синьцзяна в 1920-х — первой половине 1930-х гг. XX века // Пятые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы V научно-практической конференции. Барнаул, 2005.

Бармин К.В. Политика США и Великобритании в Синьцзяне в 1930-х-40-х гг. источниковедческие аспекты исследования // Россия, Сибирь и Центральная Азия. Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Барнаул, 2003.

Бойко В.С. Северный Афганистан в гражданской войне конца 1920-х — начала 1930-х гг. //Актуальные вопросы историографии и международных отношений. Барнаул, 1996.

Бойко В.С. Советская Россия, Коминтерн и Афганистан в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Восток. 1998. № 4.

Бойко В.С. Совместная советско-афганская операция В. Примакова — Гулям Наби-хана (апрель-май 1929 г.): военный план // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур). Материалы II-й региональной конференции. 26 октября 1999 г. Барнаул, 1999.

Бойко В.С. Борьба элит в Афганистане в начале 1930-х гг.: режим Надир-шаха против аманулистов // Россия, Сибирь и Центральная Азия. Материалы 4-й международной науч-практической конференции. Барнаул, 2003.

Галиев В. В. Особенности охраны российских консульств в Синьцзяне в начале XX века // Молодой ученый. 2010. №5. Т. 2.

Гиленсен В.М. Разгром басмаческих баз в Афганистане // Военно-исторический журнал. 2000. №1.

Градов Ю. Караван на перевале // Проблемы Дальнего Востока. 1990. №№2-4.

Гриценко Я. Что это было? // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 5.

Гуань Ю.П. Штрихи к политическому портрету Шен Шицая // Востоковедческие исследования на Алтае. Вып. 4. Барнаул, 2004.

Калинина А.Ю. Причины и характер разрыва торгово-экономических отношений Советского Союза и Синьцзяне в 1942–44 гг. // Пятые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы V научно-практической конференции. Барнаул, 2004.

Комиссарова Е.Н. Эмиграция из СССР в Синьцзян и проблемы безопасности советско-китайского приграничья в конце 1920-х — начале 1930-х гг. XX в.// Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур. Материалы пятой международной научно-практической конференции. Барнаул, 2005.

Комиссарова Е.Н. Военные операции советских и белоэмигрантских подразделений в Синьцзяне в первой половине 30-х годов XX века // Чтения по военной истории. Сборник статей. СПб., 2007.

Кочубеев А.Г. Экономический вектор политики Великобритании в Кашгарии в 1918–1920-х гг.// Пятые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы V научно-практической Конференции. Барнаул, 2005.

Кызылкулова А. Расстрел Оспан-батыра // Центральная Азия. 2007. №24.

Моисеев В.А. Воспоминания А.А. Полухина о походе в Синьцзян и разгроме войск генерала А.С. Бакича в 1921 г. // Пятые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы V научно-практической Конференции. Барнаул, 2004.

Моисеев С.В. Пограничный вопрос в отношениях России и Йэтти шара. Россия, Сибирь и Центральная Азия. Материалы IV международной научно-практической конференции. Барнаул, 2003.

Наземцева Е.Н. Конфликт на КВЖД и положение белой эмиграции в Синьцзяне (из рассекреченных документов АВП) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур). Материалы региональной конференции. 14 октября 1997 г. Барнаул, 1997.

Наземцева Е.Н. Дутовцы в Синьцзяне в 20-е годы XX в. // Пятые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы V научно-практической Конференции. Барнаул. 2004.

Наземцева Е.Н. Формирование русской эмиграции в провинции Синьцзян: военно-политический аспект // 1920 год в судьбах России и мира. Архангельск, 2011.

Оришев А.Б. Высылка подданных Германии и Италии из Афганистана в 1941 г. //Политика империалистических держав и национально-освободительное движение в странах Востока накануне и в годы Второй мировой войны: Сборник научных трудов. Липецк, 1997.

Панин С.Б. Советская интервенционистская операция в Афганистане 1929 г. //Вестник международного центра азиатских исследований. Иркутск, 1999.

Полынин Ф.П. Выполняя интернациональный долг // В небе Китая. 1937–1940. М.: Наука, 1986.

Пунцаг Э. К вопросу об оценке восстания 30-х годов в Синьцзяне // Материалы международной конференции по новейшей истории Китая. Апрель 1977 г. Ч. 1. М., 1978.

Рахимов Т.Р. Роль Ахматжана Касыми в истории освободительного движения в Синьцзяне // Материалы международной конференции по новейшей истории Китая. Апрель 1977 г. Ч.1. М., 1978.

Соколов В.В. Секретная Миссия В.Г. Деканозова в Урумчи (Синьцзян) в 1942 г. // Новая и Новейшая история. 2011. №3.

Тихонов Ю.Н. Борьба Гулама Сиддик-хана Чархи против династиии Яхья Кель в Афганистане (1930–1941 гг.) // Россия, Сибирь и Центральная Азия. Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Барнаул, 2003.

Тихонов Ю.Н. Г.В. Чичерин и советский экспорт вооружения в Афганистане в 1921–1927 гг. //Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): Чичеринские чтения: материалы международной научной конференции, 11–12 ноября 2008 г. Сборник. Тамбов, 2009.

Хакимбаев А.А. Некоторые особенности национально-освободительного движения народов Синьцзяна в 30-х и 40-х годах XX века // Материалы международной конференции по новейшей истории Китая. Апрель 1977 г. Ч. 1. М., 1978.

Чубаров В.В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927–1933) // Советская внешняя политика 1917–1945. Поиски новых подходов. М., 1992.

Шеманский А.Д. Бой на р. Кушке у Таш-Кепри 18 марта 1885 г. Военное сообщение в память 19-й 25-й годовщины боя. СПб., 1904–1910.

Шеметова Т.А. Установление торгово-экономических связей Советской России и китайской провинции Синьцзян (1920–1922 гг.): трудности и противоречия начального этапа // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур). Материалы

региональной конференции. 14 октября 1997 г. Барнаул, 1997.

Шеметова Т.А. Установление торгово-экономических и политических отношений Советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1917–1920 гг. // Россия, Сибирь и Центральная Азия. Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Барнаул, 2003.

Электронные ресурсы:

forum.mozohin.ru
grwar.mil.ru
lists.memo.ru
pamyat-naroda.ru
podvignaroda.ru
ria1914.info
sovdoc.rusarchives.ru
warspot.ru

Географический указатель

Абадан, город в Иране 180
Абралинский район, Казахстан 444
Айвадж, селение в Таджикистане 284, 305
Айрембак, крепость в Синьцзяне 550, 552–554
Акмолинский район, Казахстан 444
Аксу, город и провинция в Синьцзяне 337, 402–403, 406, 437, 465, 468, 478, 484–486, 499–500, 510, 513, 559–560, 575, 579, 582, 593–594, 598
Ак-тепе, кишлак в Афганистане 208, 217, 220, 306
Алайская долина, Киргизия 224
Александровский, форт на Каспийском море 61
Алиабад, город в Иране 189
Алма-Ата (Верный), город в Российской империи и Казахстане 376, 379, 383, 421, 434, 440, 512, 514, 519, 522, 529–530, 538, 541, 551–552, 555, 588
Алтай, горная система в России, Китае, Казахстане и Монголии 417, 447, 475, 528–529, 532, 542, 556, 582, 595, 599
Алтайская губерния, административно-территориальная единица Российской империи и РСФСР 425, 540
Алтайский округ, Синьцзян 444, 450, 543, 549, 558–559, 562, 564–566, 572, 583, 593
Альтимур, перевал в Афганистане 254–255, 258
Аму-Дарья, река 208, 222–223, 284, 291, 311
Анатолия, провинция Турции 44
Андижан, город в Узбекистане 338, 432
Андижан-Кичи, населенный пункт в Синьцзяне 513
Ант-кор, площадь в Кашгаре 515
Арабхан, кишлак в Афганистане 312
Аракс, река на границе Российской империи и СССР с Ираном 7, 20, 24, 49
Аркалы, местность в Казахстане 563
Астара, город в Иране 72, 181

Астрахань, город 63, 76, 158, 160, 199–200
Атбасарский район, Казахстан 444
Афганистан 3–4, 21, 44, 56–57, 68, 123, 172–173, 177, 179, 198–207, 216, 222, 224–267, 271–288, 292–319, 321–363, 366, 368–374, 482, 502
Ахал-теке, местность в Туркмении 205
Ашхабад (Полторацк) 77, 100, 186, 205, 225, 299

Бабатаг, горный хребет в Таджикистане 308
Баболь, город в Иране 189
Багдад 36–37, 39, 41, 44–52
Баги-Баля, перевал в Афганистане 279
Баглан, провинция в Афганистане 325, 337–338
Бадахшан, область в Афганистане и Таджикистане 223, 244
Баджаур, область в Британской Индии 342, 344, 365, 372
Бай, город в Синьцзяне 566
Байсун, селение в Таджикистане 308
Баку 8, 24, 30, 59–64, 68, 70, 72, 74, 76–77, 80, 82, 85–89, 93–94, 97, 100, 105, 108, 110–111, 119, 121–130, 132–133, 136–141, 143, 146, 148–157, 160–165, 181, 186, 263–265, 364, 368
Балх, город в Афганистане 293, 295, 299
Баркуль, город в Синьцзяне 445–446, 556
Батбаккаринский район, Казахстан 443
Батуми, город в Грузии 174
Бахты, город в Российской империи и Казахстане 416, 419, 425, 440, 459, 473, 563
Баязет, город в Турции 20
Бедер, советский пограничный пост на афганской границе 272
Беджин-тау, горы на территории Синьцзяна и Казахстана 409
Бекубэ, город в Иране 49–50
Белуджистан, провинция Британской Индии 245, 262, 281, 359, 372
Бенгалия, провинция Британской Индии 231
Бендер-Дилам, город в Иране 189
Берлин 22, 34, 44, 51, 168–169, 171–172, 176–177, 181, 183–185, 309, 320–321, 323, 327, 330, 332, 338, 340, 343, 349, 354, 357, 360–361, 365, 369, 438–439, 506, 557
Боланский проход, перевал в Афганистане 201
Больцано, город в Италии 322
Большой Гази, город в Иране 79

Бороталы, местность в Синьцзяне 528
Босфор 199
Бреслау (совр. Вроцлав) город в Германии (после 1945 г. — в Польше) 354
Бурчум, город в Синьцзяне 428
Бухара 56, 68, 114, 200, 223, 230–234, 239–240, 250, 260, 267–268, 285, 314, 336–337, 353–354, 358, 384–385
Бухтарминский район, Алтайская губерния РСФСР, территория современного Казахстана 423

Вазиристан, провинция в Британской Индии 249, 318, 328, 331–332, 340, 344, 351, 361, 363–365, 367
Ван, озеро 24–25
Варшава 92, 105, 235
Вахан, историческая область в Таджикистане 223
Великобритания (Англия) 6, 23, 26, 56–57, 69, 74, 88, 91–92, 104–105, 120, 123, 140, 168, 171, 173–174, 179–180, 183–184, 187, 190, 195, 198, 201, 203–206, 213, 223, 225–228, 230, 237, 244–245, 248, 253, 257, 262, 287, 297, 307, 311, 317, 319, 321, 329–332, 336, 339, 342, 345–351, 355, 358, 366, 370–374, 378, 385=386, 456, 479, 492, 502, 571, 603
Верхняя Силезия 172
Владивосток 407
Волга 60, 62
Воронежская область 544

Газни, город в Афганистане 256–257, 279, 287–288, 300, 326
Ганьсу, провинция Китая 387, 392, 394, 398, 430, 447, 479, 483, 498, 535, 542, 546, 569, 595
Гардез, город в Афганистане 254–255, 257, 275, 287
Гарм, город в Таджикистане 285
Гахсерам, город в Иране 189
Геок-Тепе, город и крепость в Туркмении 205
Герат, город в Афганистане 206–209, 226, 240, 259, 266, 275, 282–284, 289, 294, 297–298, 327, 371
Германия 20–21, 168–182, 194–195, 225, 236, 307, 310, 312–313, 317–318, 321–329, 331, 333–337, 340–341, 346–370, 374, 437–439, 523, 531–532, 543
Гильгит 223
Гилян, провинция Ирана (Персии) 6, 15, 35, 37, 54–55, 64, 71, 75, 77–78, 82, 86–88, 90–92, 95, 97–98, 101, 103–109, 112, 114, 119–123, 125–127, 129–134, 137, 139–146, 150, 155–157, 161–164, 166, 187

Гиндукуш, горы в Афганистане 202
Гиссарек, город в Афганистане 255–257
Гоби, пустыня в Монголии и Китае 394
Горно-Бадахшанская автономная область, Таджикистан 261
Гумуди, крепость в Синьцзяне 395
Гучен, город в Китае 410, 421, 435, 446, 450, 485–486
Гюрджи-Булах, город в Иране 20

Дабаньчэн, крепость в Синьцзяне 396, 398–400
Дали, кишлак в Афганистане 291
Дарданеллы, пролив 199
Датта-хель, форт в Британской Индии 365
Дев-Кала, ущелье в Афганистане 291
Дейдади, крепость в Афганистане 293–297
Дербенд, селение в Таджикистане 308
Деште-Кевир, пустыня в Иране и Афганистане 225
Джагдалак, селение в Афганистане 280
Джаркент, город в Казахстане 424, 474, 544, 554, 575, 587, 590, 596
Джелалабад, город в Афганистане 230, 257, 275–276, 281, 311
Джеттишар (Йэттишар), Семиградье — государство мусульман в Синьцзяне в 1860–1870-е гг.
Джилак-Чир, перевал в Иране 187
Джиликуль, селение в Узбекистане 268
Джульфа, город на границе Ирана и Азербайджана 7, 118
Джунгарские ворота, перевал на территории современного Казахстана 420
Дзиньхо, город в Синьцзяне 551, 554–555, 562, 567, 570
Диала, река в Иране и Турции 47
Диарбекир, город в Турции 44
Дильман (Дильменд), город в Иране 17, 25, 185
Дир, область в Британской Индии 344, 372
Дон, река 199–200
Доулетабад, кишлак в Афганистане 292
Дунай, река 199
Дурбульджин, город и крепость в Синьцзяне 451, 485, 562–563
Египет 44, 180
Елисаветполь (Гянджа), город в Азербайджане 24

Жана-Аркинский район, Казахстан 444

Забайкальская область, Россия 408
Зайсан, озеро в Российской империи и Казахстане 380, 473
Захедан, город в Иране 359
Зенджан, город в Иране 187–189
Зираб, местность в Афганистане 189
Зорбатия, город в Ираке 48
Зульфагарский проход, Туркмения 187–189

Или, область в провинции Синьцзян 378, 406, 546
Или, река в Казахстане и Синьцзяне 381, 405, 409–410
Илийский округ, Синьцзян 379–382, 392, 404–410, 421, 433, 441, 548–550, 557–559, 561, 563, 567, 572, 588, 601
Имам-Заде, пригород города Решта (Иран) 129, 154, 159
Инд, река в Британской Индии (Пакистане) 199–200, 327
Индия 21–22, 56–58, 123, 174, 198–203, 223,225–239, 243, 245–249, 252, 255, 258, 262–265, 279–281, 300, 316–318, 321–328, 331–333, 340–347, 350–353, 359–364, 367, 369–373, 378, 384, 386, 479, 496, 517, 595
Ирак 45–46, 51–52, 180
Иран 3, 4, 40, 56, 62–63, 69, 75, 132, 168–190, 193–200, 225, 250, 263, 265, 329, 331, 340, 359–360, 362, 367, 369
Иркештам, населенный пункт в Киргизии, на границе с Китаем 462–463, 513
Иркутск 419, 605
Иссык-Ата, населенный пункт в Киргизии 548
Исфахан (Исфаган), город в Иране 21–23, 27, 32, 35, 37, 40, 152
Италия 307, 317, 325, 333, 346–351, 355–356, 359–360, 368–369
Ишкашим, город в Афганистане 261

Кабук (Кобук), река и город в Синьцзяне 582
Кабул, город, столица Афганистана 201–204, 206, 211, 223, 227–241, 245, 248–250, 252–256, 258–261, 263–264, 266–267, 272–282, 284, 287–288, 297, 299, 301, 303–304, 307, 309–316, 318, 321, 323–341, 343–353, 355–364, 366–368, 370–374
Кавказ, горный массив на территории России, Грузии, Армении и Азербайджана 18, 20–21, 43–44, 96, 107, 152, 182–183, 204, 211, 317, 319, 351, 362, 365–369, 383
Казахстан, Казахстанская АССР, ССР 383, 393, 409, 440, 442–443, 450, 453, 476, 539–541, 558, 561, 595, 599

Казвин, город в Иране 8–9, 16, 24, 26–27, 29–32, 34, 90, 93–95, 99, 101, 113, 118, 156, 187–189, 191, 193–194
Кала-и-Бар-Пяндж, укрепленный пункт в Афганистане 261
Кала-и-Ноу, город в Афганистане 294
Калаи-Хумб, селение в Таджикистане 285
Калькутта, город в Индии 202
Каменск-Шахтинский, город в России 544
Кандагар, город в Афганистане 203, 207, 230, 275, 278–279, 282–284, 287–290, 303, 326, 355, 371
Кансайский перевал, Синьцзян 549
Кант, железнодорожная станция в Киргизии 518
Карадаван, населенный пункт в Синьцзяне 513
Карамалан-хан, город в Иране 41
Каратегин, местность в Таджикистане 285
Кара-Тюбе, афганский пограничный пост 269
Каракаш, город в Синьцзяне 491, 593
Каракол (Пржевальск), город в Киргизии 510–511
Карачи, город и порт в Британской Индии (ныне — Пакистан) 359–360
Карашардарья, река в Синьцзяне 403
Карашарский округ, Синьцзян 446
Каргалык, город в Синьцзяне 490, 493, 516, 579, 582, 593
Каркаралинский район, Казахстан 444
Карпаты, горы в Румынии, Словакии, Польше и Украине 503
Карсакпайский район, Казахстан 443
Каспийское море 60, 62, 98, 107, 112, 119, 135, 169, 186, 199, 368
Кафирниган, река в Таджикистане 308
Кашгар, город в Синьцзяне 376, 381, 386, 402–404, 431–433, 454, 456, 462–463, 465–466, 472, 480, 484, 487, 494, 496–500, 511–515, 544, 560, 582, 594, 598, 600
Кашмир, провинция Британской Индии 372
Кветта, город в Британской Индии 328
Келиф, город в Афганистане 291
Кередж, город в Иране 32, 169
Керия, город в Синьцзяне 491–492
Керки, город в Туркмении 232, 272, 290
Керманшах, город в Иране 26, 34, 36–41, 48–51
Киев 503
Кизыл-Белес, перевал в Синьцзяне 513–514
Кизыл-Ой, населенный пункт в Синьцзяне 513

Киргизия, Киргизская ССР 383, 462, 539–541, 588, 599
Киркук, город в Ираке 52
Кобдо, город в Монголии 410, 419, 428
Коканд, город в современном Узбекистане 384–385, 390, 392
Коктогай, город в Синьцзяне 528, 599
Коктогайский уезд 558
Коломыя, город в Украине 172
Коча-Гузар, афганский пограничный пост 269–270
Красноводск, город в Туркмении 77, 161
Кронштадт 60, 68
Ктесифон, город в Иране 45
Кувский район, Казахстан 443–444
Кугистан, местность в Афганистане 276
Кудахель, селение в Британской Индии 344
Куинский перевал, Иран 94
Кульджа, город в Синьцзяне 376, 379–382, 392, 405, 410, 413, 418–419, 421, 441, 460, 472–473, 485, 512, 528, 542, 544, 548–557, 561–562, 565, 572, 578, 582, 585, 588–590, 593, 595, 597, 599, 605
Кум, город в Иране 27, 32, 34, 41
Кум-Дарваза, ворота в Кашгаре 515
Кундуз, провинция в Афганистане 338, 354
Кундуз-Дарья, река в Афганистане 306
Курдистан, историческая область в Иране, Ираке, Турции и Сирии 19, 22–23, 33, 39–40, 50, 52
Курле, город и крепость в Синьцзяне 400, 403, 485, 512
Кутт-эль-Амара, город в Ираке 45–47
Кухдаман, местность в Афганистане 276, 303
Кучар, город в Синьцзяне 485, 500, 593
Кушка, город в Туркмении 207–208, 210, 212–220, 222, 232, 234, 241, 250, 257, 259, 266, 273, 282, 371
Кяхта, город на границе Российской империи и Китая 377

Ладожское озеро 62
Ланьчжоу, город в Китае 387, 389, 429, 519, 524, 546, 554
Лао Чен, город в Китае 389
Лахиджан, город в Иране 124, 138, 147, 151, 154
Лахор, город в Британской Индии (современный Пакистан) 285
Ленкорань, город в Азербайджане 72, 89
Ливадия, курорт в Крыму 405
Лобнор, озеро и населенный пункт в Синьцзяне 391, 491

Логарская долина, местность в Афганистане 255, 287–288, 334, 339–340
Лубны, город в Украине 56
Луристан, провинция в Иране 33
Львов 92, 172, 235
Лялекан-Кум, город в Иране 32
Лянгар, населенный пункт в Синьцзяне 513

Мазари-Шариф, город в Афганистане 203, 226, 266, 275, 278, 283, 289–290, 292–294, 297, 300, 302, 310, 318
Мазендеран, провинция Ирана 6, 37, 54, 78–79, 121, 130, 139, 144, 146–147, 151, 161
Маку, город в Иране 20, 181–182
Мамед Гедыги, перевал в Иране 187
Манас, город и крепость в Синьцзяне 386, 396–397, 456, 485, 555–556, 562–564, 580
Маньчжурия, провинция Китая 408, 461, 486, 571,
Марал-Баши, город в Синьцзяне 484–485, 499, 510–511, 513, 516, 593
Матун, город и крепость в Афганистане 253–254, 258
Меймене, город в Афганистане 251, 294, 297–298
Мекка, город в современной Саудовской Аравии, священный город и место паломничества (хаджа) мусульман 310
Менджиль, город в Иране 87, 91–92, 94–95, 103, 129, 154, 157
Мерв (Мары), город в Туркмении 205–210, 218
Месопотамия, историческая область на территории современного Ирака 22, 28, 38–40, 43–45, 48, 51–52
Мечетная (ныне г. Пугачев) слобода, ныне город в Саратовской обл. 200
Мешедесер, город в Иране 79
Мешхед, город в Иране 6–8, 169, 186, 327, 359
Миандоб, город в Иране 189
Могилев, город в Белорусии 28, 53
Монголия 384, 419, 422, 427–429, 446, 541–543, 565, 568, 604
Москва 3–4, 59, 66, 68–69, 74, 81, 88, 90–91, 94, 97, 104, 106, 114–115, 118–119, 122–125, 127–128, 130–131, 133, 140, 146, 148, 152, 155, 157, 160–161, 163–168, 172, 174, 176–180, 183, 189, 195, 224, 227–228, 230–231, 233–234, 236–237, 239–240, 246–247, 251, 259, 262, 265–267, 272, 277, 282–283, 285, 289, 294–295, 298, 302, 309, 311, 315–325, 329–331, 336, 339–341, 345, 351, 353, 355, 366, 370, 372, 431, 442, 463–464, 468, 470, 472, 474–475, 487–488, 498–500,

502, 511, 516, 525–528, 533, 535–538, 543, 547, 551, 553, 561–562, 565, 568, 571–572, 576, 578, 581–582, 592, 594–596, 599–600, 603
Мосул, город в Ираке 44–46, 51–52
Музартский перевал, Синьцзян 405, 409
Мургаб, река в Туркмении 207–208, 211, 213–216, 222, 224

Наглобер, селение и перевал в Иране 110, 116–117
Нанкин, город в Китае 433–434, 439, 440, 448, 470, 584, 593, 603
Нилхинский уезд, Синьцзян 548
Нинся, провинция Китая 595
Нова Вес, город в Словакии 503
Новониколаевск (Новосибирск), город в Российской империи, РСФСР и СССР 425, 429, 431, 536

Омск, город в Российской империи, РСФСР и СССР 417, 419
Омская губерния 425
Оренбург 200
Ош, город в Киргизии 243

Павлодарский район, Казахстан 444
Пагман, провинция и город в Афганистане 254
Пакистан 227, 239, 243, 265, 518, 604
Памир, горы на территории современных Киргизии, Таджикистана и Афганистана 222–224, 243–244, 246
Париж, столица Франции 199, 201, 231, 253
Пасихан, селение в Иране 152, 157–158
Патта-Гиссар (Новый Термез), город в Таджикистане 225
Пекин, столица Китая 376, 381, 403, 405–410, 412, 435, 575, 591, 605
Пенджаб, провинция Британской Индии 231, 235, 265
Пенджвин, город в Иране 52
Первандар, селение в Афганистане 202
Персидский залив 169, 177
Персия 6–7, 11–13, 17–32, 35, 38, 41, 43–47, 49, 51–54, 56, 58–59, 64–70, 72, 74–77, 80, 82–85, 90–92, 94–95, 97–99, 101, 103–106, 108–109, 112–116, 118–122, 125–130, 132–134, 138, 141, 143, 147–148, 152, 155, 159, 161, 163–166, 169, 171, 226, 231, 304
Петербург (Петроград) 6, 8, 10, 12, 17, 19, 25–26, 61–62, 199, 201–202, 208, 211–212, 222, 377–378, 380–381, 384–385, 389–390, 405–407, 409

Пешавар, город в Британской Индии (Пакистане) 265, 323
Пехлеви, город и порт в Иране 111, 119, 168, 173, 182, 188
Пирбазар, город в Иране 65
Пичан, город в Синьцзяне 400, 446, 485
Польша 92, 104, 261, 524
Попрад, город в Словакии 503
Приморская область (современный край), Россия 407
Пули-Алам, мост в Афганистане 333
Пяндж, река на границе Таджикистана и Афганистана 224, 261, 267, 269, 284–285, 308

Рабат-Керим, селение в Иране 35
Равалпинди, город в Британской Индии 227, 265
Рам-Хормоз, селение в Иране 189
Ревель 68
Решт, город в Иране 6, 8–9, 15–16, 18, 36–37, 54–55, 63–66, 69–70, 72, 74–76, 79, 84, 90, 93–103, 106, 108–110, 112, 115, 119–120, 122, 125, 128–129, 134, 136–139, 145–146, 149, 152, 154–155, 157–160, 162, 181–182, 187–188, 191
Ровандуз, город в Иране 45–46
Ростовская область 544
Рудессер, город в Иране 114–115, 138–139, 147, 156, 187
Румыния 172
Рушан, историческая область Таджикистана 223–224
Рыбачье, железнодорожная станция в Киргизии 455

Сандухоза, местность в Синьцзяне 580
Санжи, город и крепость в Синьцзяне 460
Сват, область Британской Индии 344, 372
Семипалатинск, город в Российской империи и современном Казахстане 415, 479
Семиреченская область, историческая область России и современного Казахстана 377, 380, 383, 386, 410, 416, 421, 433
Семнан, город в Иране 189
Сенендедж, город в Иране 189
Сенне, город в Иране 23, 37, 40
Серахс, река в Туркмении 205, 211
Сефидруд, река в Иране 116–117
Сиань, город в Китае 486
Сибу, город в Синьцзяне 499, 514–515

Симхан, город в Синьцзяне на границе с Киргизией 516
Синертай, населенный пункт в Синьцзяне 555
Си Ниньфу, город в Синьцзяне 375
Син Чен, город в Китае 389
Синьцзян, провинция северо-западного Китая 3, 4, 169, 375, 377, 379–382, 387, 390–396, 398, 400, 402–414, 417–420, 422–425, 427–434, 436–437, 439–440, 444–448, 451, 453–465, 467–476, 478–479, 483, 485–488, 492, 495, 497, 499–500, 506–507, 512, 516–519, 522, 524–526, 528–529, 531–551, 553, 556, 558–561, 563–564, 566–573, 578–579, 582, 584, 586, 589–590, 592–593, 595–599, 601–606
Софьян, город в Иране 118
Спишска, город в Словакии 503
Стамбул, до 1920 г. столица Османской империи 44, 50–51, 310, 390, 397
Сугет, перевал в Синьцзяне 582
Суйдун (Суйдин), город и крепость в Синьцзяне 381, 424, 553
Сулеймание, город в Турции 52
Султанабад, город в Иране 37
Султанбулаг, перевал в Иране 27
Сулук, населенный пункт в Синьцзяне 513
Сучжоу, город в Китае 410, 596

Табынский район, Казахстан 444
Тавильдара, местность в Таджикистане 285
Тавриз (Тебриз), город в Иране 7–8, 11, 13, 15, 18, 24, 101, 118, 181
Таджикистан, Таджикская АССР, ССР 261, 267, 270, 284, 305, 308, 352, 599
Тайбэй, город на о. Тайвань 547
Тайвань, остров у побережья Китая 546
Талукан, город в Афганистане 307
Тарбагатайский округ, Синьцзян 412–413, 416, 425, 450, 452, 533, 549, 559, 562–564, 566, 572, 583, 601
Тахтамыш, город в Синьцзяне 580
Ташкент, город, столица Узбекистана 114, 229, 23, 236–238, 259, 267, 286, 294–295, 299, 308, 315, 424, 431, 436, 456, 512, 523, 541, 588–589, 596
Ташкурган, город в Афганистане 299–300
Ташкурган, город на юге Синьцзяна 562, 566
Ташмалык, селение в Синьцзяне 582

Теббес, город в Иране 21–22
Тегеран, город, столица Ирана (Персии) 6, 8–12, 21–23, 26–29, 31–32, 34–36, 54–55, 59, 66, 68–68, 74–74, 79, 90, 92, 94, 99, 101, 104, 109, 111, 118–122, 126–127, 129, 137, 140, 141, 144, 146, 149–152, 154, 156–157, 159, 162–163, 165, 168–172, 174–183, 189, 194–197
Тедженский оазис, Туркмения 205
Текес, река в Казахстане и Синьцзяне 405–406, 409
Термез, город в Узебекистане 232, 268, 311, 325
Тибет, горы и провинция в Китае 317, 319–320, 322
Тихий океан 366, 408
Токио 169, 314–316, 448
Токмак, город в Российской империи и Киргизии 384
Токсун, город в Синьцзяне 400
Токузак, населенный пункт в Синьцзяне 513–514
Толу (Мапан), аэродром в Синьцзяне 485
Тонекабун, город в Иране 153
Тотунхо, река и селение в Синьцзяне 460–461
Трабзон, город в Турции 44
Тургайский район, Казахстан 443
Туркестан 6, 22, 31, 53. 56–60, 76–77, 100, 202, 204, 206, 208, 217, 219, 223, 229, 231–234, 239, 265, 267, 269–270, 301, 308, 313, 315, 318, 323, 335, 354, 362, 377, 381, 383, 389–392, 400–401, 403–410, 413, 416, 430, 456, 499, 502, 541, 549, 555, 557, 559–562, 567, 570, 576–577, 583, 587, 592, 596
Туругарт, перевал в Киргизии на границе с Китаем 455
Турфанский оазис, Синьцзян 396, 400, 403
Турция 17, 19–21, 23, 27, 29, 33, 35, 40, 45, 77, 98, 177, 188, 227, 263, 304, 307, 314, 329, 337, 362, 391, 408
Тушанцзы, населенный пункт в Синьцзяне 528, 536, 566
Тюменская губерния, административно-территориальная единица РСФСР 425
Тянь-Шань, горная система на территории Казахстана, Киргизии, Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район), Таджикистана и Узбекистана 396, 398, 405

Узбекистан, Узбекская ССР 272, 292, 305, 352, 541, 561, 580–581, 599
Узун-Тау, горы на границе Китая и Синьцзяна 409
Уланком (Улангом), город в Монголии 429
Улугчаг, населенный пункт в Синьцзяне 513

Улясутай, город в Монголии 410
Урал 56
Урга (совр. Улан-Батор), столица Монголии 410, 446, 596
Урмия, озеро и город в Иране 15, 17, 24–25, 39, 41–43, 45, 118
Урси, город в Синьцзяне 573
Урумчи, столица Синьцзяна 377, 380, 386, 394–397, 399, 410, 417, 419–421, 428, 433–434, 438, 440, 447, 449–450, 456, 458–461, 464, 468, 472–474, 476, 479, 481–483, 486, 493–459, 511–512, 519, 524, 526–529, 533–537, 542–544, 549, 551, 554–556, 560, 562, 564, 566–567, 569–570, 573, 575, 580–581, 590, 593, 597–599, 606
Урта-Тугай, остров на реке Пяндж 267–268, 270–271
Урянхайский край (современная республика Тыва) 428
Ухань, город в Китае 546
Уч-Турфан (Турфан), город в Китае 399–401, 450, 465, 496, 499, 510, 512–513
Ушнуэ, город в Иране 42, 189

Фараг-абад, город в Иране 32
Фархор, селение в Узбекистане 268–269
Фергана, город в Узбекистане 223, 233, 338, 415
Франкфурт-на-Одере 364
Франция 56, 199, 317, 479, 603
Фрунзе, столица Киргизской ССР 455, 541

Хазараджат, провинция Афганистана 309
Хайдарабад, город в Иране 189
Хайду-Гол, река в Синьцзяне 392
Хамадан, город в Иране 6, 26–28, 32–34, 36–38, 41, 44, 50–51, 99, 118, 187, 193
Хами, город в Синьцзяне 389, 395, 397, 400, 406, 410, 435, 445–447, 473, 485, 519–520, 529, 542
Ханабад, город в Афганистане 300, 307, 314
Ханекин (Ханекен) 46–47, 49–50, 180, 189
Харбин, город в Китае 475
Харьковская губерния, Российская империя 383
Хафт-Кель, местность в Иране 189
Хе-джеу, город в Синьцзяне 375
Хива, город в Узбекистане 57, 68, 200, 232–233, 240, 336, 375
Ходжа Мильк, кишлак в Таджикистане 284
Хой, город в Иране 188

Хорасан, провинция Ирана 6, 8, 12, 18, 23–24, 76, 100, 141
Хоргос, город и река на границе Синьцзяна и Казахстана 409, 473, 519, 524, 552–553, 587, 589–590
Хорог, город в Таджикистане 224, 243
Хост, город и провинция в Афганистане 252–253, 255, 303, 363, 370
Хотан, город в Синьцзяне 377, 402–404, 434, 454, 456, 464, 474, 479, 483, 487–488, 490–491, 493, 495–496, 517, 544, 593
Хуй (Хуай) Чен, город в Китае 389
Хуремабад, город в Иране 138, 189

Царицын 199
Цзин Цзину, город в Синьцзяне 375
Цинхай, провинция Китая 595
Циньчжоу, город и железнодорожная станция в Китае 604
Цзянси, провинция Китая 469

Чаман, город в Афганистане 326, 371
Чамарканд, селение в Британской Индии 249
Чарикар, город в Афганистане 274, 276
Чарджуй (Чарджоу), город в Туркмении 206
Челкарский район, Казахстан 444
Черное море 199
Черный Иртыш, река в Синьцзяне и Казахстане 427
Четский район, Казахстан 444
Чжили, провинция Китая 406
Чимпандзе, населенный пункт в Синьцзяне на границе с СССР 553
Чингильский уезд, Синьцзян 558
Чинчагодзы, крепость в Синьцзяне 381
Читрал, город в Британской Индии 223
Чугучак (Тэчен, Тарбагатай), город в Синьцзяне 379, 412, 416–419, 423, 425–426, 431, 440, 451, 456, 473, 475–476, 485–486, 560, 562–563, 582, 600
Чунцин, город в Китае 529, 538, 543, 545–546, 571, 578

Шаджан, селение на реке Мургаб (Таджикистан) 224
Шара-Сумэ, город в Синьцзяне 427–428, 473, 485–486, 534, 544, 558, 560, 565–566, 599
Шахруд, город в Иране 189

Шахсевар, город в Иране 114–115, 139, 145, 147–148, 151
Шейхин-Гяруси, перевал в Иране 45
Шираз, город в Иране 6, 169
Ширпур, гора в Афганистане 204, 278
Шиханьцзы, город в Синьцзяне 582
Шихо, город в Синьцзяне 473, 485, 529, 564, 567, 570, 582,
Шугнан, историческая область в Таджикистане 223, 260
Шэньси, провинция Китая 387, 394, 398, 470, 535, 595

Эльбурс, горный массив в Иране 36
Эмиль, река в Синьцзяне 423, 426
Энзели, город и порт в Иране 6, 8, 16, 18, 25, 28–31, 35, 45, 53, 58–60, 64–68, 70, 72, 75–76, 80, 82, 86–88, 95–98, 100, 104–109, 112, 114–115, 118, 122, 127–128, 134–135, 137–138, 144–146, 151–152, 155–156, 158–162, 164
Эрзерум, город в Турции 44

Юлдуз, долина в Синьцзяне 580

Янги-Гиссар, город в Синьцзяне 516
Янги-Дарваза, ворота в Кашгаре 515
Янги-Шар, город в Синьцзяне 500
Ярбаг-Дарваза, ворота в Кашгаре 514–515

Указатель имен

Аалями Мозаффар 171
Абалмек-хан 264
Аббасов А. 549, 572, 574, 581, 597, 601
Абдугафур 495
Абудкеримов М. 598
Абдул Азиз 249, 310
Абдулин (Абдуллин) А. 554
Абдул Карим 252, 255, 258
Абдулла 252, 255, 258
Абдул Меджид 327–328, 361
Абдул Халек 310
Абду Нияз 497–498
Абдуррахим-хан 294, 299
Абдуррахман-хан 204, 207, 223, 252
Абдур Рашид 252, 258
Абилов И. 120–121, 127, 129–130
Абиль-оглы 379
Абих Р.П. 151
Абуков Б.Г. 69, 73, 75, 83–85, 90, 96–97, 100, 103
Агабеков Г.А. 258, 267
Агаев Б. 141
Азизов С. 597, 605
Азимкула 394
Азис-хан 310
Акбар шах (Селим хан) 237
Александр I 201
Александр II 385, 409
Александр III 206, 208
Александров П. 548
Али Ахмад-хан 276, 280–281
Алиханов (Алиханов-Аварский) Максуд 206, 209–210, 212, 214, 217–219
Аллахвердов М.А. 338, 341, 344, 356

Алптекин Иса Юсуф 592, 595, 603
Аман-Клыч 220
Аманулла-хан 227–229, 231–234, 236, 238–241, 245, 248, 252–260, 266, 271–274, 276–284, 286–292, 294, 297–298, 300, 303, 307, 309–313, 316–323, 329, 347, 349, 367–369, 374
Амери 178
Амир Алаиддин 587
Анисимов Н. 422–423
Анненков Б.В. 418, 420–422, 429
Анцилотти Э. 328–329, 331
Аполлонов А.Н. 569
Апресов Г.А. 468–471, 474, 487, 500, 526
Асикачи 313–314
Аслам Мухамммад 328
Афшар, Теймур хан 87
Ахундов 71
Ачесон Дж. 567

Бабенко 511
Баги Джафари 120
Бадольо П. 359, 368
Бай Дзели 483, 487
Баймулдин А. 520
Бакич А.С. 419–420, 422–423, 425–428
Бакулин И.Н. 533
Баракатулла Мохаммед 225, 228–229, 234–235
Баранник 272
Баратов Н.Н. 23, 29, 30, 32, 34–35, 37, 40–41, 43–45, 47–50, 53
Бармин В.А. 551
Бахметев Н.Н. 200
Бач 362
Бачаи Сакао 274, 276, 279–282, 284, 286–288, 293–294, 299–300, 302–304
Бек Кули-бек 402–405
Бектеев Н.И. 464, 466–467
Беломестнов П.К. 35
Бельский Л.Н. 267
Берзин Я.К. 298, 454
Берия Л.П. 550, 565, 569, 573, 575, 577
Бикжанов (Бекжанов) И.П. 507, 521–522
Бисмарк О. фон 387
Бичерахов Л.Ф. 54
Биянху (Бо Яньху) Мохаммад 394–395, 401

Блюмкин Я.Г. 74, 91
Богуславский Д.Н. 382
Борисов 588
Борисов М.Д. 520
Бородин М.М. 235–236
Борх Ю.А. 205–206
Бос Субхас Чандра 325, 340, 342, 364
Бравин Н.З. 230–231, 248
Брандт Ф. 332–334
Брандусовский 269–270
Брикманн К. 339
Бугра Эмин 592
Буденный С.М. 46, 49
Бузурук-хан 376
Буллард Р. 171, 176, 184
Буханов 520
Бхагат Рам 341–344, 349, 360, 364–365
Бюцов Е.К. 405

Вавилов М. 329
Вали-хан Мухаммад 229, 254, 310
Ван Шицзе 573
Варыпаев В. 507
Василенко М.И. 77
Васильев В.Е. 489, 502–503, 511, 517
Венюков М.И. 390–391
Весник Я.И. 78
Вильгельм II 22
Витте С.Ю. 224
Витцель Д. 349, 351–352, 357, 367
Влангали А.А. 376–377
Волков 531
Волынченко А.С. 440
Воронцов-Дашков И.И. 18, 20
Ворошилов К.Е. 297, 454, 464, 469–471, 508, 525
Врангель П.Н. 96, 105, 423
Вышинский А.Я. 183
Вэнь Вэньхао 536

Габаев (Габашвили) В.Д. 12, 16
Гамалий В.Д. 48–49
Ганди Махатма 363

Гани-батур 549
Ганин А.В. 424
Гасфорт Г.Х. 383
Гаубай Юй 566
Гаус-хан М. 294, 297–299
Гаффар-хан 105
Гедин С. 438
Гейдар-хан 36, 129, 132, 142, 144, 153–154, 156–157
Гейден Ф.Л. 390
Геккер А.И. 139
Гендин С.Г. 527
Генис В.Л. 128, 138, 142, 144
Германович М.М. 289
Гикало Н.Ф. 120, 123–125, 129–131, 133, 136–139, 141, 143, 145–146, 151–152, 155, 167
Гиммлер Г. 320
Гирс Н.Н. 389, 405
Гитлер А. 171, 184, 187, 321, 335
Гиттис В.М. 106
Глаголенков И.Е. 459–461
Головко Л. 153–154
Гольц, Р. фон дер 38
Гопнер Д.Ю. 430
Городовиков О.И. 504
Горчаков А.М. 380, 382
Го Сунтао 403
Го Сунлин 448
Гос-Эддин-хан 214
Грант Гамильтон 238
Граудин-Граудс А.А. 109
Грей Эдуард 26
Григорович М.Ф. 187
Гриценко Я. 460–461, 465
Гришин-Алмазов А.Н. 60
Гробба Ф. 317
Громбчевский Б.Л. 224, 410–411
Грязнов И.К. 511, 521
Гудоренко 381
Гулам Сиддик-хан 282–283, 289, 297–298, 309–311, 317–318, 320, 323, 349
Гулыга И.Е. 20
Гуль-хан Мухаммад 253, 325

Гулям Наби-хан 283, 286, 289–300, 302, 307, 309–310
Гулям Амар-хан 360
Гусейнов Мирза Джафар Аббас 148, 160

Давитьянц Е. 10
Данилов 269
Дауд-хан Мохаммад 332–333, 336, 350, 366, 368–370, 374
Дафтари Ахмад Матин 176
Деканозов В.Г. 174, 535–536
Деникин А.И. 57
Денисов А.К. 200
Денисов Н.М. 429
Денстервиль Л. 54
Джаныбек-казы 436, 457
Джахансуз Мохсен 176
Джейлани-хан 310
Джемаль-паша 245–248
Дзао 551
Димитров Г.М. 341
Добровольский 270
Доброковский М. 127
Довбор-Мусницкий К.Р. 8
Долбежев (Долбышев) В.В. 417–418
Домулла (Домулло) Сабит 456, 468, 494
Домулло Абдулла 494
Домулло (Домулла) Гафур 481
Домулло-Донохан 306
Домулло Мусулбай 494
Доннован, Э. о' 206
Дорофеев И.В. 268, 271
Дост Мохаммед 201–202, 204
Доуле (эд-Доуле) Восуг 55
Доуле (эд-Доуле) Саад 152
Дох В. 357, 370
Ду 551–552
Дудкин М.А. 515
Дурды Мурат 308
Дутов А.И. 422, 424, 548
Дыбенко П.Е. 296–297
Дьяков Т.М. 243–244
Дэн Лицюнь 606

Евсеев 590
Егнаров В.С. 550–553, 557, 560–561, 574–575, 577, 581–583, 586–590, 599–600

Елисеев 151
Енукидзе А.С. 273
Еськов В. 529
Ефимов А.И. 426
Жданов А.А. 596
Жугаевич А. 133
Жун Цзюань 382

Заболокин 563
Зайдушан Суль 580
Зайнулин 563
Закир (Захир) шах 310, 317–318, 321, 324, 336, 345, 358, 373
Закржевский Н.И. 214
Замрак-хан 351
Заргам-хан 162
Зеланд Н.Л. 410–411
Зелепухин П. 520
Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 100, 263
Знаменский А.А. 436

Ибрагим-бек 260, 285, 296, 306–308
Ивков Н.А. 112
Иден Э. 179, 347
Икбал Мохаммед 237
Инаятулла-хан 279
Ионов М.Е. 223–224
Ирис-хан 529
Исаков И.С. 61
Исарлов И.Л. 47
Ишан-Палван 306
Ишханов 264

Каваньяри Пьер Луи Наполеон 204
Казаков М.И. 188, 195
Казнаков Н.Г. 390
Кайс-хан 281
Калибек 556, 599–600
Калинин М.И. 228, 273
Калмыков Ф. 94
Каменев С.С. 106, 134, 136, 273
Каменский И. 395
Камчи-бек 355

Каниц, Г. фон 21, 32, 34, 38–39
Канарис В. 321
Кара-хан 124
Караев 142
Карахан Л.М. 74, 103–104, 234, 237, 296, 298, 415, 421, 434, 436
Каргалетели В.Д. 81, 91, 93, 100, 111, 153
Карев М.Ф. 520
Кари Зариф 468
Карим-хан 287
Карпенко Ф. 528
Карпов Я.В. 334
Карташев И.А. 170–171, 174
Касымов (Касыми) А. 548–549, 572, 574–575, 581, 586, 589, 593, 595, 597, 601–602, 617, 640
Катков Д.И. 520
Каульбарс А.В. 379, 384, 386
Кауфман К.П. 202–203, 379–381, 385–386, 390, 401–402, 405, 407, 409
Кацуби 336
Кварони П. 328, 348, 359, 362, 367–369
Кеннан Дж. 568
Керенский А.Ф. 82
Керзон Дж.Н. 104
Керим-хан, Мирза 120
Кесмаи, Хаджи Ахмед 55
Кивекэс К.-Э. К. 224
Киров С.М. 159, 163–165
Киселев 531
Китада 313, 315–316, 337
Клабб Э. 542
Клейст П. 320–322
Кобулов А.З. 323
Кобулов Б.З. 317
Ковалевский В.В. 62
Ковалевский Е.И. 563
Кожанов И.К. 60, 64–67, 69–70, 72–75, 81–82, 84, 91, 103, 167
Козлов 269
Козлов В. 330, 350
Козлов Д.Т. 185
Колчак А.В. 57, 60, 417–418, 613
Колпаковский Г.А. 376, 381–383, 386
Комаров А.В. 208–209, 211–216, 218, 221–222

Коннор-Грин В. 363
Корнилов Л.Г. 82
Королев 142
Красин Л.Б. 123
Криппс Р.С. 175, 179–180, 183, 331, 339
Круглов С.Н. 587, 589, 598, 600
Кручинкин Н.К. 519–521
Кудоров 268
Кумар Махендра Пратап 225, 230–231
Куропаткин А.Н. 376, 393, 398
Курширмат 285, 315, 338, 352, 354, 356
Кучук-хан (Кучук-хан), Мирза 60, 65–70, 73–74, 78, 80–82, 86–87, 89–90, 93, 99–102, 121, 128–129, 132–133, 135, 140–146, 148, 150, 153–162, 164–165, 167
Кызыл Аяк 315, 336, 352, 355

Лангфанг А.А. 551, 574, 577, 581–582, 590–591
Лан Дабай 415
Ланкастер А. 329
Ласточкин В.Г. 53
Лебедев П.П. 106
Лебединский Е.В. 53
Левандовский М.К. 78, 267
Легран Б.В. 152
Лежава-Мюрат В.И. 267, 273
Лейк, Перси Генри Ноэль 48
Лемсдэн П. 207–209
Ленин (Ульянов) В.И. 4, 57, 59, 79, 82–83, 98, 115–116, 164, 227–229, 236–237, 246, 336, 428, 468–469, 474, 532
Лескин Ф.И. 566
Лесовский С.С. 408
Ли Ду 461
Ли Ин-ци 534
Линь Бяо 527
Ли Пу-лин 534
Литвинов М.М. 250, 262, 273, 311
Ли Теджун 551, 554
Ли Хунчжан 408
Ли Чжан 495
Ли Чи 554
Ллойд Джордж Д. 104
Ложечкин М. 528
Лопатинский К.С. 208, 210

Лопотухин 264
Луначарский А.В. 273
Лучинский А.А. 187
Люба В.Ф. 418
Лю Цзиньтан 400, 403, 406

Ма Буфан 569, 605
Мадамин-бек 232
Ма Джаньсян 482
Ма Жэньдэ 401
Май Бэй Юань 389
Май Гуй Юань 389
Ма Дишань 490
Мамут-ахун 475
Ма Сюин 492
Ма Хаин 450–452
Ма Хушань 483, 487, 489, 491, 498–500, 516–517
Ма Чжунин 446–447, 449–450, 454, 458, 460–461, 463–464, 466, 469, 483, 487–488, 490–491, 498, 500, 515–516, 534
Ма Шаоу 436, 456, 481
Ма Шенгуй 482, 487–488, 491–492, 495, 516–517
Майский И.М. 179, 347
Максум Абдул Рагим 574
Максум Нусратулла 268
Максум, басмаческий курбаши 285
Маликов А.К. 466, 474
Мамед-Кули-хан 17
Мамед-хан 146
Мамедов А.Д. 128
Мамонов П.П. 23
Мамут Сиджан 481–482, 491, 493–497, 512
Мамут-хан 160
Мансур Али 178–179
Мануильский Д.З. 262
Мао Банчу 536
Мао Цзэдун 533, 602–604
Мао Цзэмин 533
Маркс К. 107, 468–469
Масленников И.И. 284
Масловский Е.В. 17, 39
Массена А. 199
Матусовский З.Л. 387

Махмуд-бек 315, 337, 352–354
Мацотта О. 325, 342–344, 362
Мдивани Б.Г. 80, 82, 90, 93, 100, 167
Медведицын И.Д. 88, 109
Меликов Джабраил 160
Мелькумов Я.А. 305, 502
Мельников А.А. 390
эль Мемалек М. 27, 34
Меркулов В.Н. 550
Мехмет V 226
Мещеринов Г.В. 390
Микоян А.И. 175, 273, 575, 602–604
Милютин Д.А. 204, 379, 389, 406, 409
Мин Сюй 376
Мирбах, В. фон 74
Мирза-Ахмедов Тарири-бек 598
Мирза Касым 293, 302
Михайлов Б. 85–86
Михайлов К.А. 315–316, 324–325, 330, 334–335, 345, 347, 355–357, 363, 366, 371–372
Мод Фредерик Стэнли 52
Молотов В.М. 172, 177–178, 180, 316, 319–320, 322–324, 334, 339, 372, 469–470, 525–527, 533, 535–536, 565, 573, 575, 581, 600
Монунов И. 548, 565, 575, 587, 590, 592, 594, 601
Морлок О. 326
Мохаммад Али 9
Мохаммеди Ага Мирза 132, 146, 153
Музипов 588
Муклевич Р.А. 273
Муллабаев 509
Мунир Сонур 587
Муссолини Б. 368
Мухаммад Азиз 310
Мухаммад Гуль-хан 253
Мухтадир 162

Набиев 509
Наджибулла 371–372
Надир-хан (Надир-шах) 238, 253, 297, 303–304, 307, 309–310
Назаров М.С. 475
Наиб-Салар 215–216, 218, 221
Нальгиев И. 107–108

Наполеон Бонапарт 198, 201
Нариманов Н.К. 59, 122, 129, 145, 148, 152, 159
Неру Джавахарлал 363
Нестеров 272
Нехавенди Мирза Али Акбар 100
Нидермайер О. фон 225–226
Николай II 17, 44–45, 224
Николай Николаевич-мл., великий князь 28–29, 44
Никшич В.Е. 217
Нияз-бек 402–403
Новиков В.В. 185
Норейко Н.К. 519, 523
Нур Али 498
Нурмамад (Нур-Мохаммад) 354

Обердорффер М. 332–333
Обухов В.Т. 477
Овдиенко И. 527
Овез-Бек 221
Омельченко М. 520
Орахелашвили М.Д. 126–127
Орджоникидзе Г.К. 66–68, 76, 80, 83, 90, 92–93, 96–97, 106–109, 111, 120–122, 125–134, 136–137, 141, 143–144, 148–155, 161, 163, 166
Осетров В.П. 164, 167
Оспан-батыр (Осман-Ислам) 529, 541–542, 558, 562, 564–565, 574, 594–596, 599–600, 603

Павел I 198, 200–201
Панфилов И.В. 285
Панюшкин А.С. 538
Паппенгут П.П. 447, 449–450, 464
Пахомов 541
Перкин Д.Е. 473
Петров А.А. 582
Петров В.И. 444, 451–452, 475, 556
Петров И.Е. (Зелим-хан) 296
Петровский Е.И. 243
Пильгер Г. 325, 339, 348, 351, 354, 359–360, 365, 367, 369
Пир-Ишан 306
Платов М.И. 200
Погодин И. 427
Полухин А. 425
Полынин Ф.П. 458

Прасалов (Прасолов) В.П. 213–214
Пржевальский Н.М. 391–392
Примаков В.М. 243, 259, 289–290, 292–294, 296–297, 299, 302
Прокопюк Н.А. 551, 562
Проценко А.П. 390
Пумпур Э. 243–244
Пхакадзе С. 95–96
Пшенецкий И.В. 512
Пэкстон 599, 602
Пясецкий П.Я. 387–389
Пятницкий О.М. 591

Раб Абдур 231
Радек К.Б. 100
Раевский Н.Н. 383
Разак Абдул 245–246, 248–249
Раздобреев А. 425
Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 60, 63–64, 67–68, 81–83, 90, 99, 166, 240, 244, 248–250, 253, 264, 273
Расмус К. 337–338, 340, 342–344, 349–350, 352, 357, 359–363, 365
Ратов П.Ф. 533
Рахим-хан Абдул 240
Редько А.Е. 12
Реза-хан 111, 119, 159–160, 162, 165, 168, 170–171, 176, 184, 195
Ремезов А.К. 88, 112, 125, 133, 137, 140, 142
Рерберг П.Ф. 205
Рерих Н.К. 432, 434–435
Риббентроп И., фон 172, 316–317, 319–320, 322, 327, 340
Рикс Э.М. 253, 301, 303
Ринк И.А. 283
Робертс Фредерик Слэй 204
Розенберг А. 321
Рой Манабендра 234–235, 248
Ротштейн Ф.А. 121–122, 126, 135–136, 141, 146, 149, 151–152, 156–159, 163, 165, 167
Рудаков 512
Рудзутак Я.Э. 273, 430–431
Рыбалко П.С. 466, 480–484

Сабирходжаев Р. 574, 597
Сабри Масуд 595–597, 603

Сазонов С.Д. 23, 26, 28
Саид Кемаль 310
Саид Мамед 494
Саид Якуб-хан 397
Салтане, Моазед ос 129
Салтане, Кавам эс- 141
Самохвалов Г.И. 308
Самуджан Курбан 494–495
Самыловский И.В. 359
Сардар Мухи 120, 128, 132, 145–146, 164
Сархош 153, 157
Сахиб-хан 333
Сванидзе А.С. 427
Свечников М.С. 152, 154, 157
Сеид Алим-хан 233
Сеид Гуссейн 276, 288, 299–300, 304
Сеид-Джелал 162
Сейфуррахман-хан 229
Сейях 178
Селиванов И.В. 507, 515, 522–523
Семашко Н.А. 273
Серебренников А.Г. 413–414
Сидельников А. 419
Синенко М.Д. 194
Сквирский Б.Е. 314
Скерский А.Л. 224
Склянский Э.М. 68
Скобелев Д.А. 207
Смирнов, советский консул в Кашгаре 497, 500
Смирнов А.А. 151, 178–180, 182–183
Снарский И.А. 7–8
Снесарев А.Е. 201–202, 241, 243
Собенников П.П. 428
Собинов Ф. 476
Соколов-Страхов К.И. 273, 301
Сокольников Г.Я. 454
Соловьев В. 282
Сосновский Ю.А. 387–389
Сталин И.В. 4, 76, 112, 166, 179–180, 193–194, 241, 247, 273, 289, 311, 320, 331, 468–471, 478, 508, 525–527, 531–533, 545, 557, 575–576, 602, 604
Старк Л.Н. 253, 259, 267, 277, 282–283, 301, 309
Старосельский В.Д. 55, 97, 106

Стеклов Ю.М. 147
Стил 371
Столетов Н.Г. 203
Стомоняков Б.С. 464, 487
Стопчанский В.А. 37
Стремоухов П.Д. 377
Су Бинвэй 461
Субхи М. 58
Сугурбаев Д. 549, 572, 574. 592, 599–601
Султан Ахмад-шах 9, 22, 27, 32
Султан-Галиев М.Х. 58
Султан-задэ А.С. 58, 77, 82
Султан Шериф Тими Ильхан 498
Сун Силен 599, 603
Сунь Ятсен 478
Сурбаев 574
Суриц Я.З. 230–231, 238, 240
Суслов М.А. 581
Сушко 509

Таджимуллаев Акюль-бек 598
Таджимуллаев Караваншо-бек 598
Таипов Зунун 574
Танакин 509
Тао Чжияо 603
Тардов В.Г. 102, 167
Тарзи Махмуд-бек 238
Таунсенд Ч. 45
Тахтабаев 587–588
Ташматов Даван 512
Тенчи Гусейн 498
Терентьев М.А. 379, 385
Тимонин 530
Тимур-Шах 214
Тирази Сеид Мубашир-хан 354, 356
Тихонов Ю.Н. 314
Типпельскирх В. фон 174
Токарев С. 425
Токме Сердар 206
Толбухин Ф.И. 185
Томашевский К.Б. 95, 132–133, 144–145, 155
Томпсон 456

Торнтон Э. 210–211
Трифонов В.А. 77
Тронин В.А. 95
Трофименко С.Г. 186, 192–193
Троцкий Л.Д. 56–59, 68–69, 75–76, 91, 96, 160, 247, 509
Турфани Полат 596
Тын Винфун 421
Тюре Хаким-хан 401–403, 589

Уайли Ф. 345, 347–348, 355, 373
Умаров Абдулла 493, 495–496
Умар-хан 354
Унгерн фон Штернберг Р.Ф. 427
Уншлихт И.С. 273
Уоллес Г. 543
Успенский Н.М. 41
Утан-бек 284, 306, 308, 312
Уттам Чанд 344, 360
У Чжунсинь (Чжусинь) 545–547
Уэйвелл А. 372

Факир из Ипи 328, 331, 343, 349, 351, 359–362, 364–365, 367
Фан 566
Фан Линь 527
Фединов (Федянин) 499
Федотов П.В. 599
Федько И.Ф. 267
Фесенко 416
Фидаров А.П. 8, 12–13, 19
Филимонов М.Е. 174–175
Фирсов 564
Фисенко М.Г. 32–34
Фитин П.М. 341–342, 349
Фишер 357
Флейшер Н.Н. 211
Флетчер 330, 346
Фомов А. 142–143, 157, 167
Фрэзер-Тайтлер В. 330, 334, 339, 345
Фрейман А.Б. 144
Фриде А.Я. 410
Фрунзе М.В. 58, 259

Фу Чи 548
Фэн Юйсян 429, 448

Хабибулла 226, 279, 284–285, 287–288
Хавин Н.Д. 151, 159–161, 163
Хадеев А.А. 185
Хаджи Ахмед 55
Хаджи Карим 574, 575
Хади-хан 237
Хак Абдул 237–238
Хак-Кули-бек 400, 402
Хакимбек Х. 549, 588–589
Хакимов 509
Халил-бей 24, 42
Халу Курбан 55, 132, 146, 153–155, 157–161, 165
Халфат из Мутаса 574
Хамфрис Ф. 280
Харбих 340
Хашим-хан, Мохаммад 313, 315–316, 326, 331–332, 334–339, 345–348, 350–351, 355–357, 361, 368–369, 371, 374
Хентиг В. 225–226, 317–318, 330, 334, 339–340
Хишмет, эмир 35
Хлебников В.В. 127, 145, 152
Ходжа Нияз 446, 450, 456–457, 462–463
Ходоу хан 76, 100
Хорьков И. 520
Худояр хан 390
Хэ Буюнь 404
Хэйли 350

Цзинь Шужень 433, 436–439, 445, 447–448
Цзинь Шунь 396, 406,
Цзо Цзунтан 387–388, 392–396, 398–399, 401, 404, 406–408
Цзэн Гофань 409
Цзэн Цзицзе 408–409
Цы Си 408
Цю Цзунцзюнь 448, 546

Чальстрем 26
Чан Кайши 433, 448, 469, 473, 483, 486–487, 523, 526, 531, 535–536, 545, 547, 551, 569, 571, 573, 576, 594, 603
Чанышев К. 424
Чарыков Н.В. 223

Чаян-Сардар 272
Чебыкин 114–115
Черепанов А.И. (Али-Авзаль-хан) 299
Черкасов А.А. 26
Чернев 467, 484
Чернозубов Ф.Г. 24, 42, 45
Черчилль У. 193, 329
Чжан 425
Чжан Пайюань 456
Чжан Сюэлян 486–487, 526, 535
Чжан Цзолин 429, 448
Чжан Чжидун 406
Чжан Чжучжун 573, 582, 586, 592–595, 597–598, 603
Чжан Яо 406
Чжоу Эньлай 604
Чжу Шаолян 536, 551
Чичерин Г.В. 66, 69, 75, 90, 92, 105–106, 112, 114, 122, 125–128, 134, 140, 147–149, 151–153, 159–161, 163–164, 241, 246–247, 250, 257, 262, 273, 428, 431
Чойбалсан Х. 542, 565, 600
Чун Хоу 405–406, 408–409
Чэмпейн Дж. 64

Шагидуллин Б. 597
Шакирходжаев Алихан-тюре (Алихан-тюре) 549–550, 557, 572, 574–578, 581, 583, 587–589, 592
Шакирходжаев Асылхан 549, 572, 583, 587–589
Шами Пир 330, 347
Шапкин Т.Т. 187, 285
Шапошников Б.М. 273, 511
Шарпантье К.-Р.-Г.Р. 25
Шахиди Бурхан 438–439, 448, 450, 586, 603, 605
Шах-Махмуд-хан 307, 350
Шахмурадхан 162
Шаяхметов Ж.Ш. 595–596
Шевцов Г. 524
Шелленберг В. 184
Шентай 410
Шен Шиди 536
Шен Шицай 439, 448–450, 456, 463, 466–468, 471, 475, 477–478, 481–488, 496–497, 499–500, 515–516, 525–527, 529, 531–533, 535–538, 541, 543, 545–548, 551, 587

Шен Шици 500, 525, 533–534
Шер Афзал-хан 328, 332
Шеффер Э. 319–320
Шибаев П.А. 528, 599
Шир Али-хан 202–203
Шир-хан 221
Шкварцев А.А. 323
Шмидт 357
Шуленбург Ф.В., фон дер 319–320, 322
Шульце-Хольтус Б. 177
Шутов М. 105
Шухардин А.А. 194

Элиава Ш.З. 90–91, 94, 98, 108, 454–455
Эмин Мухаммад 592, 595
Энвер-паша 30, 50
Энгельс Ф. 469
Энгерт, К. ван 371
Эндерс Г. 373
Эссендаль 314
Эттер Н.С., фон 32
Эхсанулла-хан (Эйсанулла, Охсанулла) 9, 36–37, 54–55, 72, 81, 90, 98–99, 103, 115, 121–122, 125–130, 132–133, 135, 139, 141, 143–155, 158–159, 161–166

Юденич Н.Н. 18, 28, 44, 57, 224
Юлбарс 446, 450
Юлдашов Д. 574
Юсуп-Джан 457
Юсупов У.Ю. 580–581

Ягнятинский С.О. 173
Ягода Г.Г. 273
Якубов Р.А. 510, 521
Якуб-бек 376–378, 382, 384–386, 390–394, 396–404, 434
Якуб-хан 203, 255
Ян Цзе 528

Оглавление

Предисловие 3

Глава 1. ЗАМАСКИРОВАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ 6
Экспедиция против революции 8
Персидский фронт Великой войны 20
Цель — Багдад 39
Революция на мачтах эсминцев 55
Чудеса в Реште 66
Красная междоусобица 80
Прикаспийские качели 94
Маскировка интервенции и мир с Персией 112
Москва объявляет эвакуацию 124
Последний поход Эхсануллы 141
Война между революционерами и разгром 157
Арийцы Среднего Востока 168
За иранский коридор 178

Глава 2. ЗА АФГАНСКУЮ КОРОНУ 198
Большая игра в Туркестане 202
Дальше Кушки не пошлют 210
Граница в горах 222
Монарх — союзник большевиков 227
Король или Коминтерн? 240
Помощь с воздуха 252
Дружба и авантюры 261
Свержение революционера на троне 272

Червоный казак в афганских горах 289
Изгнание Бачаи Сакао 303
Провал операции «Аманулла» 316
«Выбросить немцев из Афганистана» 331
Индийский резидент Москвы 340
Несостоявшийся десант 363

Глава 3. КРАСНОЕ СОЛНЦЕ СИНЬЦЗЯНА 375
Илийская проблема России 379
В гостях у рыгающего Бисмарка 387
Китай возвращает Синьцзян 393
Новый рубеж 405
Между белыми и красными 417
Прагматизм против революционаризма 430
Бегущие от коллективизации 440
Новое восстание 445
Белые и красные против мятежников 458
Дубань хочет дружить 467
Угроза номер 36 482
Кашгария против Шен Шицая 496
«Длительные учения в условиях горного лагеря» 502
Дорога для Чан Кайши 523
Друг оказался вдруг 532
Москва против дубаня 538
Кремль поддерживает мусульман 548
От войны до худого мира 568
Урумчинская передышка 586
Синьцзян достается Мао Цзэдуну 602

Список использованных источников и литературы 607

Географический указатель 619

Указатель имен 634

Научно-популярная литература

Аптекарь Павел Александрович

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ
СЕКРЕТНЫЕ ВОСТОЧНЫЕ ПОХОДЫ РККА

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Г. Пернавский*
Художественный редактор *М. Левыкин*
Технический редактор *Н. Атауллина*
Верстка *А. Григорьев*
Корректор *Д. Мельник*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».
Адрес: 115419 г. Москва, Рощинский 2-й проезд, дом 8,
строение 5, этаж 1, пом III, ком 3
Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

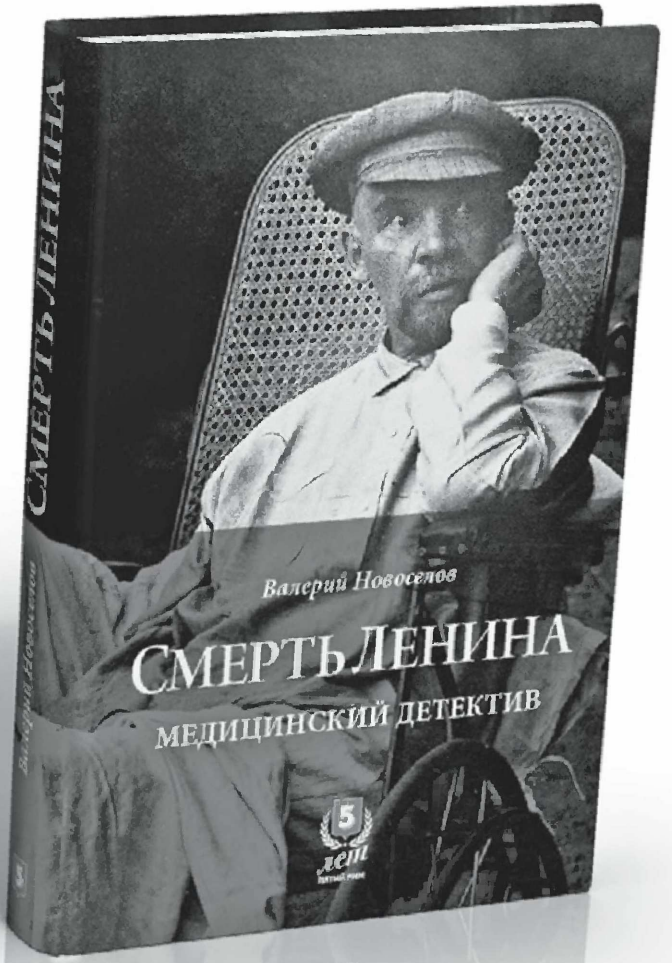
ISBN 978-5-6043328-6-3

9 785604 332863

Подписано в печать 09.08.2021.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура «Cambria». Печать офсетная.
Бум. писч. Усл. печ. л. 41,0.
Зак. №

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

16+ | Издание не рекомендуется детям младше 16 лет



ФОРМАТ: 60x90/16, ОБЪЕМ: 512 стр.

Перед вами захватывающий документальный детектив-расследование, основанный на научных трудах блистательных врачей начала XX века. Многие из них лечили Ленина и видели всю картину болезни, превратившую гения политической импровизации в полную развалину и убила его.

Долгое время картина страданий и смерти вождя пролетарской революции подменялись сиропной пропагандистской картинкой. Автор этой книги первым из медиков-исследователей получил полный доступ к дневнику лечащих врачей Ленина. Из него специалистам стала понятна клиническая картина болезни «пациента Ульянова».

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЯТЫЙ РИМ

ПРОВЕРИТЬ ЗАКАЗ ВХОД

ВОЕННАЯ КНИГА ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ИСТОРИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

5rim.ru

НОВИНКА!

Мы к вам приедем
600 ₽

НОВИНКА!

Бакунин.
Первый панк Европы
550 ₽

Из письма наркома иностранных дел РСФСР Георгия Чичерина Главнокомандующему Красной армии Сергею Каменеву. 7 сентября 1920 года: «Получилось нечто безобразное. Мы утверждаем, что нет наших войск в Персии и мы туда войск не посылаем. Между тем пленные показывают, что они входят в состав российских частей и что в Персии таковые имеются. Получается действительно нечто скандальное».

Из телеграммы полпреда РСФСР в Персии Федора Ротштейна наркому иностранных дел Георгию Чичерину. Июль 1921 г. «...ко мне со всех сторон несутся жалобы на наше вероломство, которое одной рукой толкает нас давать персам договор и очищать Гилян, а другой поощрять и материально помогать разбойным авантюрам. Больнее всего то обстоятельство, что по докладам вернувшихся из Гиляна и Баку товарищей это поощрение и помощь оказываются систематически и умышленно тов. Орджоникидзе...».

Из радиограммы Виталия Примакова в штаб Среднеазиатского военного округа. 30 апреля 1929 г. «...Мне отказано в эскадроне, авиации, газовых гранатах. Отказ нарушает основное условие: возьмите Мазар, потом легально поможем. Если можно ожидать, что ситуация изменится и мы получим помощь, я буду оборонять город. Если на помощь нельзя рассчитывать, то я буду играть ва-банк и пойду брать Дейдади. Возьму – значит мы хозяева положения, нет, значит обратимся в банду и ищем путей домой».

TacticMedia

ottmedia

ISBN 978-5-6043328-6-3

9 785604 332863